

III
K367822

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

А.А. ПОТЕБНЯ

Из записок
по русской
ГРАММАТИКЕ

IV

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК
СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

И Н С Т И Т У Т Я З Ы К А И М Ы Ш Л Е Н И Я и м е н и Н . Я . М А Р Р А

А . А . П О Т Е В Н Я

**ИЗ ЗАПИСОК
ПО РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ**

IV

ГЛАГОЛ. МЕСТОИМЕНИЕ. ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ. ПРЕДЛОГ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1941 ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор: академик И. И. Мещанинов

Редакторы издания: А. В. Ветухов, М. Д. Мальцев и Ф. П. Филин

ОТ РЕДАКЦИИ

В 1935 г. исполнилось сто лет со дня рождения крупнейшего русского лингвиста — А. А. Потебни. В ознаменование этой даты Институт языка и мышления им. Н. Я. Марра Академии Наук СССР решил подготовить к печати неопубликованный еще труд вышеназванного ученого „Из записок по русской грамматике“, т. IV, написанный в восьмидесятих годах прошлого столетия. Настоящая работа и тематически, и по своим теоретическим установкам хотя и представляет собою продолжение первых трех томов „Из записок по русской грамматике“, но может рассматриваться и как самостоятельное исследование. Четвертый том не был подготовлен автором к печати в окончательном виде, что видно из самой рукописи, в которой не проставлены страницы, не обозначены многие параграфы, не дан общий план расположения отдельных глав, не закончены некоторые этюды и т. п. Но и в том виде, в каком оставил ее автор, работа представляет собою большой научный интерес; наиболее ценное в исследованиях А. А. Потебни — исторический подход к фактам языка, постановка генетических проблем (конечно, в рамках индоевропейистики, последовательным представителем которой он был), — достаточно ярко выявилось в публикуемом нами труде (проблема происхождения видов в славянских языках, история развития временных форм и т. п.). Многие положения А. А. Потебни при их критическом использовании могут оказать плодотворное воздействие на грамматические исследования, ведущиеся уже в плане нового учения о языке. Особенно это относится, конечно, к исследованиям по русскому языку.

Четвертый том будет не бесполезен также и для преподавателей-словесников, желающих углубить свои познания в области русской грамматики.

Разбивка отдельных глав на параграфы, установление последовательности в расположении материалов, как и вся остальная редакционная работа, были проведены А. В. Вегуховым, М. Д. Мальцевым и Ф. П. Филиным. Список использованной литературы и сокращений, указатель имен и предметный указатель составлены М. Д. Мальцевым. Работу по сверке цитат и текстов выполнили: Б. А. Ларин (балтийские языки и санскрит), В. Г. Чернобаев (западославянские языки), Б. В. Лавров (южнославянские языки), С. Д. Кацнельсон и А. В. Десницкая (германские языки), И. К. Зборовский и И. О. Кузьмин (украинский и белорусский языки).

В тексте издаваемой книги редакцией произведены следующие замены: вместо „малорусское наречие“ — „украинский язык“, вместо „белорусское наречие“ — „белорусский язык“ и вместо „великорусское наречие“ — „русский язык“. Другие незначительные изменения оговариваются каждый раз в тексте.

ПРЕДИСЛОВИЕ

А. А. Потебня является наиболее выдающимся теоретиком среди русских лингвистов — представителей старого учения о языке. Основные свои философские и лингвистические положения он сформулировал в работе „Мысль и язык“. Позже эти общие положения нашли свое блестящее применение в целом ряде исследований, опирающихся на богатый фактический материал, среди которых особое положение занимает капитальный труд „Из записок по русской грамматике“.

Автору не удалось самому закончить печатание „Из записок“: при его жизни вышли первые два тома, третий том был подготовлен к печати и издан вдовой покойного, четвертый том выходит в свет лишь пятьдесят лет спустя после смерти автора (А. А. Потебня умер в 1891 г.).

Как известно, А. А. Потебня был последователем Гумбольдта и идущих по следам Гумбольдта ученых Штейнталя и Лацаруса. Многие он заимствовал у психологов Гербарта и Лотце.¹ Но как историк языка А. А. Потебня идет гораздо дальше своих учителей. Зачастую, вопреки своей идеалистической философии, он нащупывает реальные ступени развития русского языка (да и не только русского), которые обычно не учитывались традиционной лингвистикой. В особенности это относится к истории предложения славянских языков, где исследования А. А. Потебни и до сих пор являются непревзойденным образцом в лингвистической литературе.

Теоретической основой изысканий А. А. Потебни нужно считать его понимание „внутренней формы“ слова, которая им определялась как „способ представления внеязычного содержания“. Слово не может изобразить все свойства и качества обозначаемого им предмета; оно может назвать только один из его признаков. Например, слово „подснежник“ обозначает определенный цветок, имеющий множество качеств и свойств (цвет, размер, устройство лепестков, химический состав и т. п.), но самое слово „подснежник“ называет только лишь один признак данного цветка, именно 'цветок, находящийся под снегом, выходящий из-под снега'. Многие слова, например „дуб“, „рыба“ и т. п., давно уже потеряли свою „внутреннюю форму“, и теперь крайне трудно установить, почему рыба названа „рыбой“; другие же слова удерживают эту форму. Но отсюда еще не следует, что слово, потерявшее первоначальную „внутреннюю форму“, уже „мертво“ для истории языка, прекратило свое дальнейшее развитие: это слово в определенном речевом контексте может приобрести себе новую форму. Так, в выражении, в котором апатичный человек называется „рыбой“, слово „рыба“ выражает как бы вторичный признак.

Изменения „внутренней формы“ слов и составляют развитие языка. „Внутреннюю форму“ имеют не только слова знаменательные; ее имеют

¹ Об этом см. мою статью „Методология лингвистических исследований А. А. Потебни“, Язык и мышление, т. III—IV, 1935.

и служебные частицы, и самые грамматические формы, например, флексии. На этом строится понимание А. А. Потебни грамматической формы, которая с момента „своего появления и во все последующие периоды языка есть значение, а не звук“ („Из записок“, I, стр. 52). В любом языке имеются грамматические формы. Так, китайский язык формален, но не аморфен, хотя его формальность выражается не флексией, а другими способами. В связи с этим А. А. Потебня резко выступает против широко распространенного в его время предрассудка, что индоевропейские языки деградируют, поскольку в их истории ярко выявлена тенденция к исчезновению, стиранию флексий. „Каким образом доходят до мысли о падении грамматических форм? Берут, например, схемы склонений в трех периодах языка и сосчитывают в каждом отдельно различные по звукам окончания. Оказывается, положим, что в древнем верхненемецком языке таких окончаний было 40, в среднем 20, в новом 5—6. Отсюда вывод, повидимому, несомненный: падение форм. Но здесь за форму принят ее внешний знак, тогда как форма есть значение: сосчитано число внешних знаков известного рода, но не показано, что эти знаки достаточно различались по своему значению и что присутствие их в языке было признаком богатства и порядка, а не лишним бременем для мысли; что если они и различались достаточно, то не заменились ли какими-либо другими указаниями на форму“ („Из записок“, I, стр. 55). Стирание флексий не указывает на формальное обеднение индоевропейских языков. Наоборот, индоевропейские языки, как и другие языки мира, развиваются вперед; история проходит не под знаком деградации, а под знаком прогресса. На ряду с отмиранием старых грамматических форм возникают новые. Так, определенный звуковой комплекс, обозначающий творительный падеж в русском языке, выражает десятки оттенков значений, целый ряд творительных падежей, причем некоторые из них возникли сравнительно поздно и отсутствовали в древнерусском языке.

В вопросе о прогрессивном развитии языка А. А. Потебня стоял на более передовых позициях, чем его западноевропейские учителя. По его мнению, „в новых языках по отношению к древним можно видеть перерождение, а не вырождение и искажение, так что неполно можно согласиться с Гумбольдтом, когда он говорит лишь о сохранении существенных черт формальности древних языков в новых, а не об укреплении и развитии этого начала“ („Из записок“, I, стр. 58, 59).

Поскольку сущность грамматической формы А. А. Потебня видит в семантике, изменения, происходящие в строе языка, он связывает с изменениями в мышлении. Характерно в этом отношении его заявление о связи языка и мышления, сделанное им в автобиографии, помещенной в „Истории русской этнографии“ А. Н. Пыпина, III, 1891, стр. 420—424: „на очереди у меня грамматическая работа, . . . носящая два заглавия — для публики: «об изменении значения и заменах существительного», для меня: «об устранении в мышлении субстанций, ставших мнимыми», или «о борьбе мифического мышления с относительно-научным в области грамматических категорий» по данным преимущественно русского языка“ (стр. 423).¹

А. А. Потебня пытается установить этапы развития строя славянских языков, соответственно и мышления. В связи с этим он подчеркивает, насколько опасно переносить современные нормы наших представлений на древние, модернизировать многие факты древних языков. Так, определяя минимум предложения в современных индоевропейских языках, как обязательное наличие в предложении *verbum finitum* (за исключе-

¹ А. А. Потебня имеет в виду том III „Из записок по русской грамматике“.

нием случаев опущения), он пишет: „Высказывая вышеприведенное мнение о невозможности в наших языках предложения без глагола, я не утверждал, что *vb. fin.* есть явление первобытное, и не отвергал возможности найти под последним наслоением этих языков следы другого порядка вещей, как видно из второго положения к сочинению: «Из зап. по русс. грам.»... «в русском языке по направлению к нашему времени увеличивается противоположность имени и глагола» и пр. Но я думал и думаю, что отыскать эти следы трудно, и что те, которые видят их на поверхности нынешнего, или хотя и древнего, но высоко формального языка, каков древн. греческий, слишком облегчают себе работу“ („Из записок“, I, стр. 78). Некоторые из языковедов прошлого столетия пытались отнести предложение, состоящее из одного имени, типа „пожар“, „хорошо“ и т. п., к древнейшему типу в истории предложения вообще. А. А. Потебня замечает по этому поводу: „В том-то и вопрос, состоят ли искони эти предложения из одного имени, насколько они первообразны. Они непервообразны, ибо находятся в зависимости от строя нынешнего языка, объясняются этим строем, как его части, вместе с ним предполагают продолжительное развитие языка. В «хорошо» даже нет налицо имени, а есть наречие, предполагающее, между прочим, столь продолжительные процессы, как образование противоположности имени и глагола, как образование среднего рода, разделение имени на существительное и прилагательное, переход согласуемого прилагательного, тяготевшего к подлежащему, в наречие, тяготеющее ко глаголу“ („Из записок“, I, стр. 79).

Осторожность А. А. Потебни в соотнесении того или иного языкового явления к определенной эпохе развития языка тем более повышает ценность его историко-лингвистических разысканий. А. А. Потебня сделал открытие большой научной значимости: он установил на основе огромного фактического материала две ступени в истории грамматической структуры славянских языков, причем древняя ступень, как оказалось, имеет свои особые закономерности, или резко измененные, или вовсе исчезнувшие в современных славянских языках. Прежде чем изложить сущность этого открытия, коротко остановимся на взгляде А. А. Потебни о возникновении и развитии грамматических категорий.

Современные грамматические категории: глагол, прилагательное, наречие и др. — явления сравнительно поздних исторических эпох. В начальные эпохи развития языка мышление было конкретно-образным: свойства, признаки, действия предметов не мыслились отвлеченно, не абстрагировались от предмета, которому они принадлежали. „Существительное, т. е. (первоначальное) название признака вместе с субстанцией, которой приписываются и другие признаки, ближе к чувственному образу (который может быть указан и отчасти изображен) и потому первообразнее, чем прилагательное, имя признака без определенной субстанции, неуказуемого и никак неизобразимого. Точно также неуказуемо и неизобразимо действие само по себе, так что вышеизложенное мнение однородно с утверждением, что корни в смысле слов доформальных не могли иметь таких значений, как рыть, плести, толочь и т. п., приписываемых им на основании уже отвлеченного значения первообразных глаголов; не могли быть ни глаголом, ни *nom. actionis*, . . . т. е. названием действия с фиктивной субстанцией“ („Из записок“, т. III, стр. 73).

Первобытное имя по А. А. Потебне было именем действующего лица, *popen agentis* (в томе I своего исследования автор указывал на причастие как на грамматическую категорию, более близкую к первобытному имени). Из имени действующего лица в связи с развитием мышления человека (появлением отвлеченных понятий качества, действия и т. п.) возникли

современные грамматические категории. Свою теорию А. А. Потебня подтверждает фактами языка. Членные формы прилагательных — явление позднее. Что же касается нечленных форм прилагательных, то они по своему склонению ничем не отличаются от имен существительных. Прилагательное добръ склоняется так же, как существительное вѣтръ, дубъ. Факт согласования прилагательных с существительными доказывает то же положение. Первичный тип согласования — согласование существительного с существительным, которое, как показывает А. А. Потебня, в древнем языке было более распространено, чем в современной русской литературной речи. Правда, во многих памятниках древнерусской письменности атрибутивность существительного встречается сравнительно редко, но это не противоречит основному выводу. „Атрибутивность существительного должна увеличиваться по направлению к древности. Если примеры этого явления обычны в недавно записанных памятниках народной словесности и редки в древних памятниках, то это объясняется отвлеченностью и заимствованностью содержания этих памятников и бледностью их подражательного языка“ („Из записок“, III, стр. 131). Здесь А. А. Потебня порывает с традиционной точкой зрения, устанавливающей последовательность в истории языка лишь по хронологическим датам, а не по структуре самого языка, не по реальным ступеням его развития.

Существительное, став атрибутом, в конце концов теряет свою самостоятельность, субстантивность и превращается в новую грамматическую категорию — прилагательное. То же можно сказать и о глаголе. А. А. Потебня устанавливает, что чем далее в глубь времен, тем более стирается граница между глаголом и именем. Особое, отличное от современного, состояние грамматических категорий в древних славянских языках не могло не найти своего отражения на структуре предложения.

В древнерусском и древнецерковнославянском языках наблюдается значительно большая по сравнению с современным русским языком однородность членов предложения — „недостаточное синтаксическое различие и даже безразличие глаголов служебных и знаменательных, и такое господство в предложении начал согласования, при котором члены предложения, сравнительно с позднейшим языком, слишком однородны“ („Из записок“, II, стр. 125). Например, современное составное сказуемое представляет собою как бы одно понятие, в котором вспомогательный глагол придает лишь соответственный оттенок мысли. В древнем языке части составного сказуемого не выражали одного, слитного понятия; они до известной степени сохраняли свою первоначальную самостоятельность. Не было четкой грани между вспомогательным и знаменательным глаголами.

Это состояние пережиточно имеется и в древнерусском языке, в котором многие глаголы одновременно выступали и как конкретно-знаменательные, и как вспомогательные. Да и самый глагол быть имел раньше чисто конкретное значение. А. А. Потебня возводит его к корню *бнѣ* — „рости“. Что же касается второй части сложного сказуемого, то оно в древнерусском обычно представляется причастием, прилагательным и существительным. И здесь „чем далее в старину, тем сходнее функции этих частей речи в составном сказуемом“ („Из записок“, II, стр. 128).

Особенный интерес с точки зрения истории языка представляют собою причастия. В древнерусском языке причастие зачастую является почти самостоятельным центром предложения. Типичным является оборот „заутра вставъ и рече“. Почему здесь причастие отделено от глагола союзом? Срезневский и Буслаев считали, что причастие в дан-

ном предложении играет роль, равносильную глаголу, и союз соединяет самостоятельные части предложения (= „заутра встал и сказал“). „Но такое заключение от нового языка к древнему предполагает равенство этих языков, которого в действительности нет. Наша речь вообще компактнее древней. В настоящем случае («он вставши сказал») она характеризуется тем, что в ней деепричастие весьма тесно связано со сказуемым и тяготеет только к нему“ („Из записок“, II, стр. 187). И далее на той же странице: „Союз в «вставши и сказал» нам претит потому, что, противореча вышеупомянутому тяготению причастия, вносит в речь распушенность; но безобразное в нынешнем языке могло не быть таковым в древнем, если было знамением его строя. В древнем языке на месте нашего деепричастия стояло причастие, не имевшее непосредственного отношения к глагольному сказуемому. Поэтому можно думать, что в древнем «вставъ и рече» присутствие союза делает лишь более явственным свойство оборота, существовавшее и без союза, именно то, что в предложении — два почти равносильные центра; что к первому из них, подлежащему, тянет приложение; что предложение, чуть сдерживая свое единство, еще как бы распадается на-двое, что, однако, не тождественно с полным его раздвоением, которое могло бы быть достигнуто превращением аппозиции в составное сказуемое“.

Таким образом в древнерусском языке имеются ясные следы того состояния языка, когда не было еще сложных предложений современного типа. Позже стали образовываться паратактически построенные предложения с однородными членами. С развитием мышления однородность этих членов постепенно исчезает, предложение приобретает крепость и связность „живого организма“. Строй древнерусского предложения представляет собою как бы переходную ступень между древним и современным предложениями. В предложении еще имеются почти самостоятельные центры, но они уже неравны между собою. Союзы между этими центрами „как бы назначают еще недостаточно сросшиеся швы между частями предложения“ („Из записок“, II, стр. 194). „Относительная самостоятельность аппозитивного причастия в древнем языке и сходство его функции с функцией главного (глагольного) сказуемого проявляются не только в отделении его от сказуемого союзом, но и иначе, в возможности подлежащего с аппозитивным причастием при глагольном сказуемом, имеющем свое подлежащее“ (там же). В древнерусском языке встречаются такие предложения, как „Андрѣй же то слышавъ, и бысть образъ лица его попустиль“, „Олежь же устремися на Суждаль и шедъ Суждалю“ и т. п. С точки зрения современного мышления такие обороты кажутся странными. Некоторые ученые сочли их за описки. Но это явление — не индивидуальное отклонение писца, а типичное явление для древнерусского языка. Объясняется оно тем, что „причастие в древнем языке более сходно с глаголом, чем в новом; что оно, присоединившись к подлежащему, хотя и неполне заканчивает предложение, но дает мысли некоторый роздых, намечает собою деление предложения на две части, деление, подобное тому, какое мы видели во «въставъ и рече», но с тою разницею, что в предложении с именительными самостоятельными подлежащими главного и второстепенного сказуемого различны. В новом нашем языке обороты, как «я сделавши, он сказал», необычны потому, что в этом языке, так сказать, больше покатошь, по которой мысль стремится от начала к концу предложения: при большей быстроте течения меньше заводей и затонов“ („Из записок“, II, стр. 196).

Употребление причастия значительно суживается по направлению к нашему времени. Из него возникают, с одной стороны, деепричастия, теряющие свою самостоятельность и сливающиеся с главным сказуемым,

с другой стороны — придаточные предложения. В связи с процессом значительной утраты древним причастием, в определенном контексте, предикативности, причастия переводятся также в разряд прилагательных и наречий. Таким образом в корне меняется строй предложения. Древние причастия, бывшие „зачаточными предложениями в предложении“, или развиваются в придаточные предложения, тем самым создавая новый тип предложения — сложно-подчиненное, или утрачивают свою самостоятельность. А. А. Потебня решительным образом протестует против распространенного в его время взгляда, что причастие есть не что иное, как сокращенное придаточное предложение („Из записок“, I, стр. 118 и др.).

А. А. Потебня четко намечает два пути развития предложения; сложное предложение возникает: а) путем соединения двух самостоятельных предложений, б) путем выделения из простого предложения главной и придаточной частей. Второму пути развития предложения, идущему в процессе „внутреннего роста“ простого предложения, он уделяет особое внимание. Общий вывод из своих разысканий в области истории предложения и грамматических категорий славянских языков А. А. Потебня дает в конце тома II: „в русском языке, как и в других сродных, по направлению к нашему времени увеличивается противоположность имени и глагола. В древнем языке употребление причастия, формы промежуточной между именем в тесном смысле и глаголом, было гораздо обширнее, чем в новом, и причастие могло иметь такую степень относительной самостоятельности и предикативности, какая в новом возможна лишь в личном глаголе и отчасти в неопределенном наклонении. В предложении древнего языка согласуемость (атрибутивность) играет большую роль, чем в новом, в коем согласуемость ограничивается разложением составного сказуемого на два предложения, связанные союзом, образованием деепричастия, увеличением употребления наречия на счет согласуемого прилагательного, случаями замены причастия неопределенным, заменю вторых, согласуемых, падежей несогласуемыми. На месте двух одинаковых косвенных падежей, ставших друг к другу в отношении, отличное от простой атрибутивности, с течением времени становится винительный с творительным, родительный с творительным, дательный с творительным. На месте предикативного атрибута, согласуемого с подлежащим, лишь во многих, но не во всех случаях ставится творительный, причем два прежние именительные (подлежащего и предикативного атрибута), где они остались, получают новый смысл. Перед нами здесь — различие бывших прежде однородными функций членов предложения“ (стр. 534, 535).

Конечно, с отдельными положениями А. А. Потебни можно не соглашаться, но общая картина развития предложения в славянских языках изображена им верно. Однако многое остается необъясненным и нерешенным. А. А. Потебня был последовательным индоевропеистом. Гипотеза „праязыка“, замкнутых „семейств“ языков была для него непреложной истиной, обязательной предпосылкой, из которой он исходил в своих конкретных лингвистических исследованиях. В связи с этим А. А. Потебня ограничил себя материалом индоевропейских языков, не привлекая данных языков, стоящих на другой ступени развития. Картина развития предложения, изображенная им, в основном, верна только для сравнительно короткого отрезка времени. Более древние эпохи, предшествовавшие образованию индоевропейских языков, в работах Потебни не находят никакого освещения. Вследствие этого важнейшие генетические проблемы им или только поставлены, но не разрешены, или вовсе не ставились.

Эти проблемы могут быть разрешены лишь новым учением о языке, создавшим изумительную теорию о единстве мирового глоттогонического процесса, о стадийности в развитии языка и мышления. За последние годы методы нового учения о языке применяются наиболее плодотворно именно в области исторического синтаксиса, над изучением которого так много потрудился А. А. Потебня (творческое развитие идей Н. Я. Марра о стадийности в истории предложения нашло свое место в работах акад. И. И. Мещанинова, С. Д. Кацнельсона, С. Л. Быховской и др.).

Неправильно трактуется А. А. Потебнею общественная сторона развития языка. Он исходит в объяснении процессов изменения речи из идеалистических установок, с некоторым креном в худшую сторону идеализма — субъективизм. Это, конечно, не могло не отразиться на его лингвистических изысканиях, хотя, как отмечалось выше, он часто, вопреки своим философским позициям, правильно нащупывает реальную историю человеческой речи. Перед советскими лингвистами стоит большая задача — критическое использование наследства А. А. Потебни. А. А. Потебня плохо изучен, хотя писали о нем немало; еще меньше использованы его лингвистические достижения.

Не можем мы согласиться и с объяснением „внутренней формы“ слова, которое дается А. А. Потебней. Для него „внутренняя форма“ — психологическая категория, обусловленная процессами, происходящими в самом сознании. Для нас способ называния предметов обусловлен общественной практикой людей. На различных ступенях человеческого мышления структура самой „внутренней формы“ неодинакова. Для „технологической“ (по терминологии Н. Я. Марра) стадии мышления характерно называние предметов по материальным свойствам самих предметов, как они выявляются в общественной практике. Для более древних эпох называние предметов шло по совершенно другому принципу — по признаку принадлежности их к тому или иному коллективу, А. А. Потебня специфические особенности „внутренней формы“ нашего времени распространяет на все эпохи человеческого мышления — ошибка, обычная для индоевропейцев. Так, в таких словах, как „дуб“, „дочь“ и т. п., утерявших свою первоначальную „внутреннюю форму“, он предполагает эту форму, как аналогичную более позднему слову „белок“. „Существительное первоначально есть признак, заключенный (данный, уже готовый) в чем-то, определенном для мысли и без помощи другого слова: белок есть белая часть яйца, белая покрытая снегом гора“ („Из записок“, I, стр. 90). Такое существительное, как „белок“, может лишь относиться к „технологической“ стадии мышления, да и то способ его образования („белок“ от „бел“) вовсе не является универсальным для „технологической“ стадии, имеются и другие. Конечно, не все слова, потерявшие первоначальную „внутреннюю форму“, восходят к „до-технологической“ стадии мышления; многие из них образуются „технологическим“ путем и успели уже утратить „внутреннюю форму“. Но в древних корнях нельзя искать того, чего в них никогда и не было. Необходимо отметить, что в некоторых случаях А. А. Потебня отходит от своей принципиальной установки и становится на более правильные позиции. Так, он пишет: „Свидетельства, сохранившиеся в славянской устной словесности и сказаниях многих других народов, говорят о взгляде на орудия, особенно на те, которые почему-либо выделены из ряда, как оружие, как на существа вполне человекообразные, между прочим (как мечи у скандинавов...), способные носить собственные личные имена. Таким образом упомянутое представление сначала было точным выражением мысли и стало метафорой лишь позднее, когда *n. instr.* обычно стало представляться менее человекообразным“ („Из запи-

сок“, III, стр. 104). В этом сказываются видоизмененные остатки пережиточно-древнейших способов словообразования, когда была „сопричастность“, принадлежность к коллективу не „мертвых“, а „человекобразных“ вещей. Такое осознание природы и объясняет, почему предметы назывались не по их естественным свойствам, а по признаку принадлежности их к коллективу. Первобытное имя, если угодно — *potens agentis*, но не индивидуальное, свойственное обозначаемой им вещи, а коллективное.

Четвертый том „Из записок по русской грамматике“ по своим методологическим установкам весьма близок к первым трем. В нем тот же потебневский историзм, то же стремление к генетическим проблемам. В связи с этим нам представилось необходимым в предисловии кратко изложить основные положения первых трех томов исследования А. А. Потебни и дать им соответствующую оценку, облегчив таким образом читателю понимание настоящей работы. Четвертый том тематически хотя и представляет собою продолжение первых трех томов, но может рассматриваться и как исследование, имеющее самостоятельное значение. Основная часть его посвящена глаголу. Меньшая часть — местоимению, числительному и предлогу. Особенный интерес представляют главы: о происхождении и развитии видов в славянских языках, о наклонениях, временах и залогах. Будем надеяться, что настоящий труд А. А. Потебни явится ценным вкладом в разработку грамматики русского языка и завоюет должное внимание читателей.

Ф. Филин

ГЛАГОЛ

І. ДЕЛЕНИЕ ГЛАГОЛОВ НА ВИДЫ

§ 1. Критический обзор литературы о видах (Востоков, Юрий Крижанич, Ломоносов, Шафранов, Болдырев, Давыдов, Павский)

Грамматические категории, обозначаемые словом вид, давно замечены и перечислены. В этом отношении дополнять нечего. Путаница в понятиях о виде, на которую издавна и до сих пор жалуются, происходит не столько от неполноты наблюдений современного языка, а от недостатка обыкновенной или, что то же, исторической точки зрения, с которой можно бы было усмотреть постепенность и порядок в наслоении значений, называемых видами. Большинство писавших о видах, даже знавшие вообще, что единственное верное направление языкознания есть историческое и, в частности, что было время, когда в глаголе не было видов, смотрели на виды, как на явления одновременные по происхождению, и делили их, не спрашивая, что было прежде, что после, не заботясь даже о единстве основания деления.

Я приведу только более известные деления:

По Востокову (Грамматика) вид глагола есть выражение: 1) продолжения, 2) свершения и 3) повторения действий, согласно с чем главных видов три: 1) неокончательный, не означающий ни начала, ни конца действия, 2) совершенный, показывающий начало или конец действия, и 3) многократный, показывающий действие, повторенное несколько раз.

1. Неокончательный вид подразделяется на: а) определенный, показывающий действие в самом совершении оного, например, читаю, пишу, т. е. занимаюсь теперь чтением или писанием; б) неопределенный, который показывает действие, как бы отвлеченное, рассматриваемое не во время совершения, также привычку и способность к действию, например, читаю, пишу, т. е. имею обыкновение читать или писать, умею читать или писать.

Различие между видом определенным и неопределенным не выражается формально в одних глаголах, но выражается в других, означающих движение с места и некоторые действия, к зрению и слуху относящиеся, например, определенный: вести, весить, видеть, свистеть; неопределенный: водить, вешать, видать, свистать.

2. Глаголы вида совершенного подразделяются на: а) начинательные, которые показывают начало действия, например, стану хвалить, стал читать, пойду, запою, и образуются двояко: приложением вспомогательного глагола стать, стал, стану к неопределенному наклонению неокончательного вида и приставкою предлогов *воз, за, по* к простому (беспредложному) неокончательному виду; б) окончательные, например, похвалю, кину, дойду, пропою.

Последние в свою очередь делятся на: аа) окончательные длительные, показывающие действие конченное в несколько приемов или в некоторое продолжение времени, например, похвалю, дойду; бб) окончательные однократные, показывающие действие конченное одним движением, например, кину.

3. В глаголе многократного вида нет подразделений.

Первые два члена главного деления (вид неокончателный и совершенный) имеют одно основание деления (несовершенство или совершенность); третий (многократный) — другое (количество крат). Очевидно, что глаголы многократные беспредложные (а только такие и называют Востоков многократными) подходят под понятие неокончателности (т. е. несовершенности), стало быть 1-й член деления заключает в себе и 3-й. Менее очевидно, хотя верно, что глагол совершенный, сложенный из предлогов и глаголов многократных, например, за по х а ж и в а л, несмотря на влияние предлогов, сохраняет свою многократность (см. ниже).

Таким образом оказывается, что каждый из первых двух членов не исключает собою 3-го, т. е. главное деление было бы двойственно: глаголы несовершенные и совершенные.

Подразделение вида неокончателного на определенный и неопределенный не может быть согласено с подразделением вида совершенного, так как они не означают ни начала, ни конца действия, т. е. как несовершенные, повидимому, не могут быть совершенными. Если же разделим глаголы неокончателные на определенные (веду) и неопределенные (вожу), то окажется, что те и другие исключают не весь вид совершенный, а только одно из его подразделений: глаголы однократные. Глаголы определенные и неопределенные, оставаясь сами собою, в то же время могут быть совершенными начинательными: стать вести, стал вести, стану вести — тоже неокончателные определенные. Совершенный начинательный: доведу — неокончателный определенный. Совершенный длительный: завожу (начну водить) и стану водить — глаголы неокончателные неопределенные, совершенные начинательные; довожу — неокончателный неопределенный, совершенный длительный. Определение каждого из этих глаголов заключает в себе противоречие, которое не может быть устранено заявлением, что глаголы неокончателные превращаются посредством присоединения вспомогательного стать и известных предлогов в совершенные начинательные и длительные: в том-то и дело, что, превращаясь, эти глаголы не перестают быть определенными и неопределенными. Выход из этих противоречий тот, что определенность и неопределенность не суть подразделения неокончателности, т. е. несовершенности, что неопределенность и определенность, с одной стороны, и несовершенство и совершенство, с другой, — это два различные деления, насильственно соединенные в одно.

В начинательный вид Востокова вовсе не входят глаголы, обозначающие оттенок начинательности (перехода в известное состояние) своим характером $\frac{-не-}{-ну-}$, $\frac{-бе-}{-бу-}$ — средством вполне грамматическим или формальным. Начинательные глаголы вида совершенного у Востокова должны распаться на два отдела: глаголы сложные со стать, стал, стану и глаголы сложные с предлогами *воз-*, *за-*, *по-*.

Что до первых, то в таких выражениях, как стану, стал, стать, бить, замечаем следующее. Выражения эти в известном отношении вряд ли могут быть отделены от выражений, очевидно не составляющих особой грамматической категории начинательности и означающих начинательность не грамматически, а логически, каковы русские

начал (ст.-рус. учал) бить, завел (= начал), принялся, собрался бить; украинские узяв, почав, заходився бити.

Такая начинательность может быть в глаголах независимо от их совершенности. Ср. русское „заводит (начинает, принимается, собирается) петь“; украинское „береться (починає, захожується, лагодиться) бити“; „И пошел говорить“; „У цркви блага не имаше, него едан сандук од камена; одоше га дружба разбијати, сви га бише разбит' не могоше“ (Чубро Чојковић, 65); „Обје мени стадоше зборити“ (ibid., 65) (finger an); „Плећи даде а бјежати оде“ (ibid., 77); „[Ребята] взяли Гордена пощипывати“ (Др. росс. стих., 152).

Если „захожусь бить“ не есть начинательный глагол (т. е. не есть одна простая или описательная форма), а выражение, то „стану бить“ не следует считать грамматической категорией; в противном случае мы должны бы до бесконечности размножить количество грамматических категорий, смешавши их с относительно-реальным значением слов. Правда, между „стану бить“ и „начну, захожусь бить“ есть та разница, что в „стану“ некогда чувствовалась начинательность, зависящая от формальной стихии этого слова, именно от характера -н-; но из этого не следует, чтобы и не „стану“ могло рассматриваться как слово чисто формальное, по значению сливающееся со своим дополнением в одну форму „стану бить“, которая рассматривается обыкновенно как одно будущее время глагола; но в таком случае и „заведу бить“ и „захожусь бить“ — будущие времена. На самом деле это не описательные времена, а сложные выражения, обязанные значением будущности тем, что в них входят глаголы совершенные. Напротив, „буду бить“ и „битиму“, как и сербское бићу, могут считаться за грамматические формы в силу чисто формального значения глаголов, входящих в их состав. Между этими будущими, с одной стороны, и группою выражений как „стану — стал — ставши — стать бить“, с другой, — нет полного соответствия.

Между тем, вопреки Востокову, „буду бить“ сходно с „стану бить“ в том, что как в первом, так и во втором „бить“ представляется несовершенным, явственно отличается от совершенных глаголов, как побью, забью, убью и пр. Вообще совершенность глагола дополняемого не делает совершенным дополнения в неопределенном наклонении.

Итак, „стану бить“ по отношению ко второй составной части не может быть названо ни начинательным, ни совершенным.

Что до второго отдела глаголов, всегда совершенно-начинательных, то это — глаголы предложные: пойду, взою, запою. По Востокову начинательные совершенные — на деле действительно суть совершенные, но не начинательные в грамматическом смысле. Подобным образом предложные совершенные, называемые Востоковым окончательными и длительными (похвалю, дойду), не составляют грамматической окончательности (которой не следует смешивать с совершенностью).

Было бы достаточно оснований различать, согласно с Востоковым, грамматические категории начинательности и окончательности внутри категории совершенности глаголов предложных, если бы каждый предлог, сообщающий глаголу значение совершенности, в то же время относил глагол к разряду начинательных или окончательных. Но, во-первых, значения начинательности и окончательности выходят за пределы совершенности: заговорою (начну говорить) есть глагол совершенный, заговариваю (с кем, начинаю говорить) — глагол несовершенный, но начинательность в них одинакова; заговорою зубы (заговором утолю зубную боль) есть глагол совершенный, заговариваю — глагол несо-

вершенный, оба с равным значением окончательности. Согласно с этим мы должны были различать начинательность и окончательность как в глаголах совершенных, так и несовершенных. Во-вторых, различия начинательности и окончательности слишком частны для грамматических категорий. Большинству предлогов начинательность значения не свойственна. Принадлежность глаголов предложных к начинательным или окончательным, подобно всем лексическим оттенкам значения слов, формально ничем не выражается, так что посредством грамматического разбора мы не в состоянии различить глаголов начинательных — *завозить ногами под столом* (начать возиться) от глаголов окончательных: *завозить платье* (в том смысле, как говорят „заносить рубашку“), *завозиться донельзя* (замараться). Дополнение в том или другом падеже для начинательности и окончательности значения глагола вовсе не характерично.

Как выше сказано, глаголы неокончательные несовершенные заключают в себе и многократные; но и одно из принятых Востоковым подразделений глаголов несовершенных, именно глаголы неопределенные, как выражающие привычку к действию, тоже заключают в себе глаголы многократные: *говаривал, solebat dicere*. А между тем другой отдел глаголов неокончательных — глаголы многократные.

Юрий Крижанич (Грама́тично изкâзанје, 73) замечает:

„1. Начинательные глаголы, к коим относятся не только беспредложные, как: *биліѣм, чернійѣм*, но и предложные, как: *обилѣл, очернѣл*. Независимо от этого . . . почти всякий начинательный глагол, — говорит он вслед за этим, — разделяется на однократный, многократный и неопределенный“¹.

Таким образом возникший впоследствии времени спор о том, суть ли формы со значением однократным (и совершенным) и многократным самостоятельные глаголы, или же эти формы вместе с неопределенными составляют одно спряжение о десяти или восьми временах,² с точки зрения Крижанича решается таким образом: однокоренные глаголы, неопределенные и однократные, суть глаголы самостоятельные, но лишь взятые вместе они образуют круг категорий, выражаемых славянским глаголом. Графически этот взгляд выражается у Крижанича тем, что спряжение каждого из этих глаголов занимает особый столбец, но все три столбца стоят рядом.

Здесь замечу, что и я при дальнейшей изложении буду безразлично называть глаголом и один глагол, принадлежащий к одному известному разряду, и группу взаимно дополняющих себя относительно

¹ Словом глагол неопределенный перевожу крижаничево „обстојна ричина“, имея в виду позднейшую терминологию; собственно „обстојна ричина“ значит глагол самостоятельный. Так, у Крижанича *substantivum* названо „обстојно ѿме . . . које само об себи, без ѿного ѿмена, в бесіде стојат мѡжет“ (*ibid.*, 46).

Выражение „. . . всякий начинательный глагол разделяется на однократный . . .“ следует понимать так, что хотя каждый из трех глаголов, каковы, например, обстояный *сидѣм* (*сизу*), многократный *сѣдам* (украинское *сѣдаю*), однократный *сѣдам* (*сяду*), принадлежит к особому спряжению (коих у Крижанича три, по 1-му лицу ед. ч. *-ам, -им, -им*), но все три „обличья“ (вида) дополняют друг друга и в этом смысле могут рассматриваться как один глагол.

² Ломоносов принимает в русском десять времен: настоящее *колю*, прошедшее неопределенное *колол*, прошедшее однократное *кольнал*, прошедшее совершенное *поколол*, давнопрошедшее 1-е *кальвал*, будущее неопределенное *буду колоть*, будущее однократное *кольна*, будущее совершенное *покою*. „Академическая грамматика“ 1802 г. отбрасывает давнопрошедшие 2-е и 3-е. Защиита несамостоятельности форм на *-ну, -ыва-(-ива-, -а-)* и форм предложных совершенных, их принадлежности к одному спряжению — в сочинении Шафранова „О видах русского глагола в синтаксическом отношении“, Москва, 1852.

вида. Я буду, избегая околичнословий, говорить, например, о глаголе с четырьмя степенями, т. е. о четырех глаголах, по отношению к виду составляющих одно целое. За мерило особенности глагола будем при этом принимать только глагольный характер; различные предложные глаголы с одним и тем же характером (*до-, при-, за-*ходить) составляют особые единицы только с лексической точки зрения, а в грамматике принимаются за одну единицу, если они тождественны в формальном отношении.

Глагол *однократный* означает действие однократное и совершенное. Сюда, по Крижаничу, относятся все глаголы, которые мы называем совершенными, т. е. не только такие, как „*крѣкнем, стáнем*“, но и такие, как „*бúдем, сѣдем (=сяду), лѣжем (лягу), засѣдем, полѣжем*“, а равно образованные от *неопределенных (обстойных)* — „*посидѣм, положѣм, престойѣм, избѣрѣм, наживѣм, проговорѣм*“, и *многократных* (в смысле принятом Крижаничем), как „*обхóдим*“ (в значении будущего, а не настоящего).

Разумеется, сюда же должны быть отнесены и вышеупомянутые *начинательные предложные обилѣл etc.*

Многократный глагол означает действие, повторяемое много крат или обычное, как: *сѣдам* (украинское *сѣдаю*), *лѣгам* (украинское *лягаю*), *стájem* (*стаю, становлюсь*), *засѣдам, полѣгам, возстájem, обладájem* (от *владам*), *указájem* (от *кáжем*), *зáзѣвам* (от *зовѣм*), *позна́вам* (от *знáм*), *скончáвам* (от *кончáм*), *вáльям* (*валим*), *забáвльям* (*забáвим*) с изменением основного *о* в *а*: *говáръям* (*говорим*), *вáджам* (*вóдим*) и пр. Крижанич знает русские формы: *говаривал, хаживал, спрашивал, но считает их мужицкими и испорченными* („*кмѣтскѣй и скáзен ѡзрѣок*“). Правильно: „*говáръял, хáжал, спрáшал*“. Не забудем, что он старается создать грамматику общеславянского языка; устраняя русские формы, он точно так же считает „*мужицкими*“ и „*мерзкими*“ такие *задунайские*, как *воздвизам, приницам* (старославянские *въздвизаѣ, приницаѣж*) *вм. воздвѣгам, приницам* (стр. 108, 109).

Неопределенный просто означает действие, без отношения к однократности или многократности, как: „*сидѣм, лежѣм, стоѣм*“. Название этих глаголов самостоятельными („*обстојна ричина*“) оправдывается тем, что по общему правилу они первообразны, и от них производятся глаголы однократные и многократные. Крижанич знает исключения из этого правила; так, напр., некоторые однократные на *-нем* (*рѣнем, дѣнем, кѣнем, свáнем, гѣрнем*) он считает *коренными*.

Обращаем внимание на следующие наблюдения Крижанича:

1. Глагол *неопределенный*, *слагаясь с предлогом*, изменяет вид и становится *однократным* (т. е. совершенным), за исключением глаголов: *завѣдим, ненавѣдим, надѣжемсе* и некоторых других. Но глагол *многократный* и *слагаясь с предлогом* остается *многократным*, за исключением глаголов *вóдим, вóзим, гóним, нóсим, хóдим, лáзим*, которые в соединении с предлогами имеют *двойное значение*: *многократное* и *однократное* (совершенное, как *заводим, и пр.*) (стр. 75).

2. Некоторые глаголы *многократные*, не сложные с предлогом, употребляются в *двойном значении*: *неопределенном (обстојном)* и *многократном*, например *прáшам, кúшам, жѣдам, дѣхам, стрѣльям, рúбам* и пр. (стр. 74).

3. В *однократных* (т. е. совершенных) *будущее время* одинаково с *настоящим*.

Через полтора года лет без малого проф. Болдырев, по всей вероятности совершенно самостоятельно, пришел к такому же делению по видам, как и Крижанич (см. Болдырев).

Болдырев делит глаголы по видам на 5 разрядов:

- а) *начинательные*, например *белеть*;
- б) *неопределенные*, выражающие некоторое продолжение состояния или действия, например *делать, любить, терпеть, бегать*;
- в) *учащательные*, показывающие действие, повторенное несколько раз, притом в разные времена, например *дельвать* и прочие на *-ыва-, -ива-*;
- г) *однократные* на *-нуть*: *дернуть*;
- д) *совершенные*, выражающие действие, которое должно быть произведено вдруг, например *срубить, приделать, разбить, вырвать, запереть*.

Заметим следующие отличия от крижаничева деления.

Начинательные у Болдырева поставлены в ряд с остальными. У Крижанича они выделены из тройственного деления почти всякого глагола на *обстойные*, *однократные* и *многократные*, так как *начинательные*, независимо от своей *начинательности*, могут быть *обстойными* и *совершенными*.

В числе *неопределенных* у Болдырева помещен глагол *бегать*. Очевидно, глагол *бегать* может быть отнесен только к этому отделу, из чего видно, что *неопределенные* Болдырева заключают в себе часть *многократных* Крижанича. Для нас поучительно то, что двух отделов (*обстойные* и *многократные* — Крижанича, *неопределенные* и *учащательные* — Болдырева) мало для помещения глаголов, остающихся за вычетом *однократных*.

Болдырев отделяет глаголы *однократные* от других *совершенных*, между тем как Крижанич их смешивает. Здесь прав Болдырев; но он не умеет определить *совершенности*, потому что какое же действие, *совершенное* вдруг, в выражении „*доводить кого до усталости*“. Мы не говорим уже о том, что он не понимает отношения *совершенности* к другим видам (см. ниже).

Давыдов членам болдыревского деления дает другой порядок и прибавляет кое-что, заимствованное у Востокова и Павского.

„В грамматиках наших, — говорит Давыдов, — до сих пор употребляются названия видов: *неопределенного*, *совершенного*, *однократного*, *многократного* вопреки логическому делению по двум различным основаниям — *кратности* и *совершенности*. Поэтому необходимо из сих двух оснований избрать одно, по которому виды и должны быть разделены. Очевидно, свойству русского глагола соответствует *кратность*“ (Изв. II отд. АН, т. I, стр. 226).

„Первоначальные формы, в которых дух созерцает внешний мир, суть пространство и время, в пространстве является бытие (имя); во времени — деятельность (глагол). Из полярной противоположности бытия и деятельности развиваются отношения качества и количества. Качество, как принадлежность бытия, соответствует форме пространства; количество, как проявление деятельности, соответствует форме времени. Здесь основание видов глагола“ (Давыдов, § 378). (Итак вид означает количество действия.)

„Деятельность, совершающаяся во времени, измеряется продолжительностью или *кратностью*; продолжительность может быть или *однократная* (скакнуть), или *многократная* (скакивал) или *неопределеннократная* (скакать)“ (ibid.).

„Все, продолжающееся во времени, имеет начало, продолжение и совершение: от того продолжительность *неопределеннократная* представляет три момента: *начинания*, *длительности* и *окончания* или *совершения*“ (ibid.).

По видам русские глаголы разделяются на: однократные, многократные и неопределеннократные.

1. „Неопределеннократный вид употребляется, когда показываем действие в его совершенности, без определения начала или конца (NBI), например, «птицы *летают*, рыбы *плавают*, звери *ходят*, *ползают*, *прыгают*», т. е. имеют способность летать, плавать, ползать, прыгать“.

В этих (неопределеннократных) глаголах различаются три момента или степени: а) длительность, б) начинательность и в) окончательность или совершенность.

а) Длительный или собственно неопределеннократный вид изображает действие, одинаково повторяющееся: думать, читать, писать.

б) Начинательный вид показывает начало какой-либо деятельности, например, краснеть, белеть, лететь.

в) Окончательный или совершенный означает полное совершение действия, также одного только начала или конца: покраснеть, написать, передуть.

2. „Многократный вид употребляется, когда выражает действие, много раз происходившее:

«Не пропархивал тут млад белый кречет,
Не пролетывал тут ни сизой орел».

3. Однократный вид означает действие один раз и быстро оконченное. Он употребляется в глаголах, выражающих действие, доступное чувствам: каркнуть, захлопнуть, двинуть, тронуть, решить (sic!). (См. Давыдов, §§ 378, 379, 380, 381, 382; некоторые примеры взяты из § 100.)

Оставляю в стороне философские основания этого деления, ложные, как и вся система Беккера, по которой построена эта грамматика. Грамматике нет дела до того, что все продолжающееся во времени имеет начало, продолжение и совершение. Эти моменты могут вовсе не выражаться в языке. Поэтому бесполезно говорить сначала: „так-то должно быть“, чтобы сказать потом „так и есть на самом деле“, потому что необходимой связи между тем и другим нет.

Важнее для нас следующее. Странное Давыдова устранить двойственность деления, принявши за основание одну кратность, остается безуспешным. Он достигает только мнимого единства на словах, потому что, хотя совершенности отведено на словах узкое место в одном из подразделений глаголов неопределеннократных, но на деле совершенность может распространяться на все виды, о чем ниже. Таким образом двойственность основания деления в сущности остается, и в этом отношении рассматриваемое деление не выше предыдущего.

„Дейтельность, совершающаяся во времени, измеряется продолжительностью или кратностью“. Но, спрашивается, все ли равно, что продолжительность, что кратность? — Нет, так как язык может выражать длительность, вовсе не обозначая кратности. Чтобы говорить о неопределеннократных у Давыдова, нам, в сущности, вовсе не нужно понятие кратности. А между тем кратность действительно обозначается глаголами однократными и многократными.

Прибавляя к этим двум разрядам третий, в коем вовсе нет кратности, а есть только длительность, мы и здесь получаем деление о двух основаниях. На это можно возразить, что если здесь мы находим двойственность основания, то должно ее видеть и в делении глаголов на несовершенные и совершенные, а между тем верность последнего деления несомненна. Но, возражаю, это — неверно. Как только образовались глаголы совершенные, все остальные тем самым стали несовершенными:

„делать“ по отношению к „сделать, доделать, приделать“ и пр. не может быть ничем другим, как несовершенным. Между тем, по образовании глагола однократного „кольнуть“ и многократного калывать, глагол колоть не стал неопределеннократным, т. е. выражающим неизвестно сколько крат действий: он никаких крат не выражает. Однако глаголы, как колоть, исключают такие, как кольнуть и калывать. Следовательно, ошибка заключается не в их распределении по группам, а в точке зрения на это распределение. Отождествление продолжительности и кратности оказывается ошибочным: остается разделить эти понятия. Если за меру примем степень длительности, выражаемой глаголом колоть, то окажется, что калывать есть более длительный сравнительно с колоть и что из этой большей длительности вытекает его многократность, что кольнуть есть менее длительный сравнительно с колоть, и отсюда его однократность.

В сказанном о виде неопределеннократном и его подразделениях заключены поразительные противоречия.

Во-первых, если вид неопределеннократный не определяет ни начала, ни конца действия, то каким же образом он может заключать в себе глаголы начинательные и окончательные? Если он их в себе заключает, то определение его ложно, и наоборот, если определение его верно, то из него необходимо выделить глаголы начинательные и окончательные.

Давыдов уравнивает глаголы неопределеннократные длительные с востокскими неокончательными неопределенными, а неокончательные начинательные с востокскими неокончательными определенными (§ 100). Образцы начинательных у Давыдова: краснеть и лететь, из коих первый согласен с тем понятием о начинательности, какое имеют Крижанич и Болдырев, а второй поставлен в угоду делению Востокова. Если лететь есть начинательный глагол, то и все остальные, по Востокову, неокончательные определенные, как итти, ехать, везти, вести, плыть, лезть, тоже должны быть начинательными, на что не согласятся ни Крижанич, ни Болдырев, с одной, ни Востоков — с другой стороны, хотя их понятия о начинательности различны.

Если глагол краснеть вместе с Давыдовым назовем, в угоду Востокову, определенным, то и с этим Востоков не согласится, потому что согласно с делением Востокова краснеть, смотря по значению, может быть не только определенным (теперь краснею), но и неопределенным (могу, имею способность краснеть). Таким образом Давыдов, стараясь примирить два деления, портит и то и другое.

Мы видим, что Крижанич и Болдырев под начинательными понимают только такие глаголы, как краснеть, причем Крижанич справедливо ставил их вне деления на обстойные, однократные и многократные, так как действительно глаголы как краснеть, не лишаясь значения, сообщаемого им характером $\frac{-be-}{-b-}$, значения, названного начинательным, от присоединения предлога становятся совершенными (по Крижаничу — однократными), от присоединения нового характера — многократными [так если не в русских, то в других наречиях, например: в польских при медлети (пример из Крижанича) — польские *mdleć, omdlewać*].

Востоков под начинательными понимает не глаголы на $-b-$, из коих он не делает особого вида, а одно из подразделений вида совершенного, именно глаголы, сложные с вспомогательным стать и с предлогами *по-, за-, воз-*. Давыдов и здесь хочет занять середину: „начинание в глаголах, происходящих от имен прилагательных, собственно выражается окончанием *ѣть* (*красн-ѣть, толст-ѣть*); для различия же упомянутых

трех моментов (т. е. моментов неопределенной продолжительности: начинания, длительности и окончания или совершения. А. П.), без перемены значения глагола, употребляются предлоги: начало действия означает предлог *за* (завонить); продолжение — предлоги *по, про* (позвонить); окончание или совершение — предлоги *раз, со, до, на, от* (отзвонить“ (§ 378). Прилагая это к вышеприведенным подразделениям вида неопределеннократного, мы увидим, что Давыдов совмещает:

а) в неопределеннократном длительном — глаголы пиш у (настоящее) и позвоню, прозвоню (будущее);

б) в неопределенноначинательном — краснею (настоящее) и зазвоню (будущее);

в) в окончательном или совершенном — не только с *раз-, со-, до-, от-*, но и с другими предлогами, между прочим с *по-* (повершить), *про-*, которые выше были присвоены неопределеннодлительным.

Таким образом Давыдов, независимо от того, что ошибочно сделал глагол совершенным и одним из подразделений глаголов неопределеннократных, сам же вносит совершенность в два другие подразделения глаголов неопределеннократных.

Что до помещения глаголов с одними и теми же предлогами в виде неопределеннодлительном и окончательном, то оно есть повторение того, что мы находим у Востокова, только с прибавлением новой ошибки. У Востокова глаголы совершенные бывают: совершенные начинательные (пойду) и совершенные окончательные (похвалю); у Давыдова глаголы предложные с настоящим в значении будущего, при одном и том же предлоге (как у Востокова), считаются то неопределеннократными (незначающими конца и начала действия) длительными, то неопределеннократными окончательными. Почему же и не начинательными? Ведь Востоков считает предлог *по-* сообщающим и значение начинательности.

Действительно, при одних и тех же глаголах одни и те же предлоги, сообщающие настоящему времени этого глагола значение будущего, могут иметь по два и по три таких оттенка значения, которые могут дать повод (не скажу: достаточное основание) к различению *начинательности*, *длительности* и *окончательности* внутри категории, которую Востоков называет видом совершенным, например, в „проговорил таковы слова“ можем видеть с некоторою натяжкой и начинательность (начал говорить, как в сложном „воспроговорил“) и окончательность (как в „проговорил урок“; ср. „проговорил ужин“, т. е. потерял говоривши, как в украинском „свою долю в неділю проснідав, а в п'ятницю проспівав“), а в „проговорил с ним весь вечер“ — длительность.

О многократных у Давыдова заметим: из приведенного им примера этих глаголов (пропархивал, пролетывал, § 381) видно, что к ним относятся и предложные на *-ыва-, -ива-*. Нам кажется это верным (см. ниже). Но по Востокову глагол *выкатывал* есть уже не многократный, как простое *катывал*, а сложный неокончательный; по Павскому, глаголы 3-й степени, соединяясь с предлогами, переходят в другую. Поэтому и Давыдов говорит (§ 100), что многократный вид переходит в неопределеннократный посредством предлога: *читывать* — *почитывать*. Таким образом, чтобы помирить Давыдова с самим собою, нужно или уничтожить приведенные примеры многократности (пролетывал), на что все трактовавшие о видах согласны (кроме разве Крижанича, у которого, впрочем, понятие о многократности слишком широко), или отвергнуть переход многократных в неопределеннократные.

В числе *однократных* глаголов, выражающих действие, доступное чувствам, рядом с глаголами на *-нуть*, Давыдов помещает „*решить*“ (§ 100), конечно, не в несовершенном значении старинного *вазати*

и рѣшити (solvere), а в современном значении умственного решения.

Оставив в стороне предполагаемую чувственность значения этого глагола, считаем, однако, уместным вопрос, суть ли глаголы совершенные, как решить, купить, кончить, женить и некоторые другие, вместе с тем однократные. Понятно, что они таковы по Крижаничу, который совершенно не отличает совершенности от однократности; Павский, к делению коего мы приходим, считает глагол кончить (кончу — будущее) окончательным или решительным, но не мгновенным, хотя решительные и мгновенные соединяет в одну степень — однократную; но у Давыдова однократные и совершенные составляют два вида.

Сочинение Павского о глаголе (Павский, Рассуждение 3-ье) появилось за десять лет до грамматики Давыдова, но для нас более поучительно, чем эта последняя. По Павскому:

„I. В отношении к времени действия и явления глаголы бывают:

- а) мгновенные, — например мелькнуть,
- б) продолжительные неопределенные, — например мелькать,
- в) продолжительные дальние: читать, видывать,
- г) продолжительные прерывистые: почитать, поглядывать,
- д) начинательные: сохнуть, мокнуть,
- е) окончательные или решительные: кончить, уйти, прочитать.

II. В отношении к пространству глаголы бывают:

- а) однообразные, когда действие происходит по одному направлению, или совершается в один прием, — например лететь, скоотить,
- б) разнообразные неопределенные, когда действие принимает разные направления и совершается в разные приемы, — например летать, скакать,
- в) разнообразные дальние, когда разнообразное действие происходит вдали (где-то) на неопределенном пространстве, — например хаживать, скакивать.

Тесная связь между временем и пространством послужила причиною тому, что нередко одними и теми же признаками отмечается неопределенное время и неопределенное пространство, также дальнее время и дальнее пространство. И во многих случаях только посредством наречий, происшедших от местоимения, можно различать в глаголе время от пространства. Если к глаголу приложить можно частицы: и тогда и тогда, когда-то, некогда, то идет речь о времени, а если приложить можно к глаголу частицы: и там и сям, туда и сюда, и тут и там, где-то, негде, то тут идет речь о пространстве или месте“ (§ 3).

Таким образом сам автор находит двойственное деление по времени и пространству почти излишним. Нам остается только выразиться решительнее: особых глагольных признаков, отличающих время от пространства, вовсе нет: ко всякому из подразделений по времени можно приложить наречие места, и ко всякому из подразделений по пространству — наречие времени.

Хаживал и читывал в грамматическом отношении, т. е. независимо от различия корней, значат совершенно одно и то же. То, что в значении глагольных характеров может быть принято за пространственное отношение, вносится или значением корня, или наречиями. Сам по себе глагольный характер, в отношении к видам или степеням, может

обозначать только большую или меньшую обширность времени, занимаемого действием.

Возвращаемся к первому делению по времени.

К сказанному о начинательных следует прибавить: „Глаголы породы -б- (несократ.) ($\begin{smallmatrix} \text{-бе-} \\ \text{-б-} \end{smallmatrix}$ А. П.) означают не только принятие нового качества и переход в известное состояние, но и пребывание в нем, и постепенное умножение качеств. Поэтому не всегда справедливо называют их начинательными. Например глаголы: глазѣть, умѣть, пламенѣть, потѣть, коснѣть, радѣть, жалѣть, говѣть вовсе не похожи на начинательные“ (§ 26). Но тем не менее, если не все, то многие из глаголов этой породы связаны по значению с глаголами породы -б- отмечаемого, которые тоже означают не только переход в известное состояние, но и пребывание в нем. Оба характера могут быть иногда поставлены один вместо другого (например желкнуть и желтѣть) или соединяются в одном и том же глаголе, например тускнѣть (§ 27). Одним словом, по Павскому, к примерам начинательных, как „сохнуть“, мы должны прибавить и „желтѣть“ и т. п. Сравнительно с Крижаничем, Болдыревым, Давыдовым у Павского отдел начинательных полнее, так как кроме глаголов -б- заключает в себе и глаголы -бе- , и в этом Павский выше. Но о сопоставлении этих глаголов начинательных с другими подразделениями по времени следует повторить сказанное о том же по поводу начинательных глаголов у Давыдова.

Сам Павский потому ли, что не умеет справиться с отношением начинательных глаголов к другим подразделениям, или по недосмотру в своих трех степенях (о коих ниже) не дает вовсе места начинательным.

В сопоставлении глаголов окончательных с мгновенными, продолжительными и начинательными у Павского та же ошибка, что у Востокова и Болдырева, именно: глаголы окончательные не исключают других членов деления по времени (и пространству).

Глаголы продолжительные прерывистые (почитывать) по грамматическому, т. е. формальному значению ничем не отличаются от продолжительных дальних и не должны составлять отдельного разряда.

Затем, за исключением начинательных, окончательных и продолжительных прерывистых, глаголы относительно времени сводятся на мгновенные (мелькнуть), продолжительные неопределенные (мелькать) и продолжительные дальние (читывать). Следовательно, степеней (см. ниже) может быть не больше трех; если же их окажется в действительности больше, то значит, что, кроме глаголов мгновенных, есть еще подразделение по времени, о коем или вовсе не было речи, или которое скрыто было под чужим именем.

„Последея намекам гения нашего языка, который не положил твердых границ между различными кратами времени и пространства,¹ сольем всё (т. е. оба деления по времени и пространству. А. П.) вместе. Тогда окажется в глаголах наших не более трех степеней.

Первая степень: глаголы однократные, к которым относятся мгновенные, решительные и частью однообразные.

Вторая степень: глаголы многократные неопределенные к которым причисляются продолжительные неопределенные, прерывистые и разнообразные.

Третью и последнюю степень занимают глаголы многократные дальние. Сюда причисляются: продолжительные дальние и разнообразные дальние.

¹ По сказанному выше было бы: не знаем вовсе деления глаголов по пространству.

Примеч. Эту постепенность русских глаголов несколько нарушают одни только глаголы однообразные, которые стоят на середине между 1-ю и 2-ю степенью и сближаются то с тою, то с другою“ (Павский, III, § 3). Это значит, что глаголы, по пространству однообразные, по отношению ко времени могут быть или окончательные [благословить (sic!), бросить; см. § 22, стр. 60], или продолжительные неопределенные (лететь), и в первом случае относятся к 1-й степени, во втором — ко 2-й.

Чтоб оценить это деление, нужно решить два вопроса: а) имеет ли здесь степень значение историческое и б) полно ли деление на три степени.

а) Если нам говорят о степенях глаголов, или об их постепенности, то мы вправе ожидать, что степень, названная первую, будет первую, а не вторую, третью по времени происхождения, вторая — второй и т. д.

Постепенность не историческая, а такая, при которой первая степень названа первую по индивидуально-психологическим побуждениям, а в языке оказывается не первую, такая „идеальная“ постепенность не имеет для языкознания никакой цены. В степенях Павского мы не находим исторической последовательности.

1-я степень. Глаголы мгновенные, принадлежат к 1-й степени (колынуть), производятся из первообразных (колоть), которые по значению суть многократные неопределенные и принадлежат ко 2-й степени (см. Павский, §§ 28 и 19). Точно так глаголы окончательные или решительные, как прочитать, принадлежат к 1-й степени, а простые, как читать — ко 2-й. Глаголы прерывистые (почитывать) принадлежат ко 2-й степени, а простые (продолжительные дальние — читать) — к 3-й. Но ведь значение мгновенных зависит от их характера, а следовательно, значение первообразных древнее мгновенных, признанных за производные; точно так и значение предложных зависит от их внешней сложности с предлогами, и простые не только по форме, но и по значению предшествуют сложным.

б) Деление на три степени не полно. К 1-й степени относятся глаголы мелькнуть (мгновенный), кончить (окончательный), а „частью — глаголы однообразные“, именно те же совершенные, означающие движение, как дать, пасть, скокить (§ 22, стр. 60).

Летѣть — лечу не может быть глаголом однократным, подобно мгновенному мелькнуть, и не может принадлежать к 1-й степени Павского. Но глагол этот не может принадлежать и ни к какой другой степени, потому что он, очевидно, не может быть назван многократным.

Заметим, что таких глаголов Павский в виде примера приводит 20, что в действительности их гораздо больше, что стало быть мы имеем основание говорить не о некотором нарушении постепенности, а прямо о недостаточности тройственного деления.

В § 22 Павский решительно относит их ко 2-й степени, т. е. к многократным неопределенным, и замечает только, что характерная гласная -а-, посредством коей от этих (однообразных глаголов) производятся разнообразные (летать от летѣть), „не так решительно переводит глаголы с одной степени на другую“, как тот же характер переводит однообразные 1-й степени (бросить) на 2-ю (бросать) или, например, характер -ива-, -ыва- — переводит со второй степени на 3-ью (носить — 2-я, нашивать — 3-я). „Не так решительно переводит“, т. е. в сущности вовсе не переводит, „присоединившись к глаголам многократным однообразным для того, чтобы изобразить разнообразность движения и явления и разные приемы и направления действия, она (— характерная

гласная -а. А. П.) оставляет сии глаголы на той же второй степени и не переводит их в третьестепенные или дальние“ (ibid., § 22). (Разрядка Пометни. Ред.)

Таким образом 2-я степень, если оставить в стороне глаголы прерывистые (почитывать), совмещает в себе две не идеальные, а явственно обозначенные языком степени: с одной стороны — плыть, летѣть, садить, с другой — произведенные от них плавать, летать, сажать.

Разделение по отношению к пространству, по коему эти глаголы названы Павским однообразными и разнообразными, выше признано ошибочным; но по времени глаголы летѣть и летать не могут быть отнесены ни к какому другому, кроме продолжительных неопределенных. Следовательно, необходимо подразделить эти последние. Готовый образец такого подразделения находим у Востокова в делении неокончательных на определенные и неопределенные, в делении, имеющем, как выше сказано, свои недостатки.

§ 2. О влиянии предлогов на виды

До сих пор замечания Павского заслуживают наибольшего внимания. Они будут и для нас исходною точкой. Напомним, что степеней длительности глаголов, по Павскому, три: к 1-й однократной принадлежат глаголы мгновенные и все совершенные; ко 2-й — многократные неопределенные; к 3-й — многократные дальние.

Павский находит, что предлоги из числа 21 [вы-, до-, за-, на-, с-, по-, пре-, при-, про-, у-, в-, вз-, из-, над-, низ-, об-, оты-, поды-, перед- (пред-), раз-, с-], соединяясь с глаголом 3-й степени, переводят его на 2-ю; соединяясь с глаголом 2-й, переводят его на 1-ю и, наконец, соединяясь с глаголом 1-й степени, степени этих глаголов не изменяют.

Он знает следствия, вытекающие из такого-то правила, но не видит никакой надобности изменять самое правило сообразно с ними. Из принимаемого им влияния предлогов следует, что во многих глаголах есть по две 1-е и по две, по три 2-е степени, совершенно различные по образованию и значению, между тем как в других вовсе нет 3-й степени, хотя есть форма, которая могла бы иметь значение ее.

а) В глаголах, имеющих беспредложную форму 1-й степени, есть сверх того предложная 1-я степень, происшедшая от присоединения предлога к беспредложной форме 2-й степени. Например двинуть и сдвинуть (1-я степень) и сдвигать (1-я степень от 2-й двигать). Нам нисколько не легче от того. В начинательных и во всех неимеющих мгновенных форм, например стареть, знать, первая степень только одна (устареть, узнать).

б) В глаголах, имеющих по одной беспредложной форме 2-й степени, другая форма той же степени образуется посредством присоединения предлога к форме 3-й степени. Таким образом, при 2-й степени знать, звать, тереть, чистить, красить, играть появляется 2-я степень, производимая от 3-й: узнавать, называть, растирать, очищать, расспрашивать, выигрывать.

в) В глаголах, имеющих, по мнению Павского, по две беспредложные формы 2-й степени (одну однообразную и одну разнообразную) по присоединении форм, произведенных от 2-й степени, всех форм для 2-й степени оказывается три: ломить, ломать, выламывать, бежать, бегать, выбегать и пр., садить, сажать, высаживать и т. п.

г) Так как „все вообще предложные глаголы лишены третьей или последней степени протяжения“, потому что, например, брасывать (3-й степени) от присоединения предлога переходит на 2-ю степень (сбрасывать) и уравнивается с бросать (2-я степень) (§ 34), и так как многие глаголы 3-й степени без предлога вовсе не употребляются и никогда не употреблялись (§ 40), то значит, что в этих глаголах 3-я степень существует только идеально. При глаголах 2-й степени (по Павскому) мочь, выкнуть, каяться, молить имеют неупотребительные без предлога глаголы: могать, выкать, каяться, молять, единственно на тот конец, чтоб из них образовать предложные 2-й же степени: помогать, привыкать, раскayаться, умолять.

В глаголах отыменных (судя по примерам у Павского — с характером $\frac{-и-}{-и-}$) Павский принимает даже по две (следовало бы в иных и по три) идеальных степени, единственное значение коих исчезнуть, соединившись с предлогом, и перейти на степени предшествующие. Таковы, например, неупотребительные без предлога глаголы силить (2-й степени), силивать (2-й степени), умить (2-й степени), умливать (3-й степени) (и умлять?), от коих пересилить, надоумить (1-й степени), пересиливать, надоумлять и надоумливать (2-й степени) (см. § 41).

Выходит на-двое: или язык наш предупредителен, что заранее создает формы не для себя, а для починки прорех будущих грамматических систем; или же, что допустить гораздо легче, самые системы, коим на затычки нужны идеально существующие величины, ошибочны.

Затруднения, происходящие от двойственности и тройственности 1-й и 2-й степеней, весьма велики. Сам Павский признает, что глаголы: закинуть и закидать (украинское закидати, а не закидати), стоящие, по его взгляду, на одной и той же 1-й степени, значат не одно и то же: закинуть есть глагол однообразный, а закидать (совершенный) — разнообразный (III, § 42). Переведем признанное ошибочным деление глаголов по пространству на деление по времени и по степени длительности, и мы получим, что глагол закидать именно в этом отношении не сравнялся с кинуть и закинуть, несмотря на влияние предлога. Спрашивается, с какой же стати глаголы, как закинуть и закидать и множество других подобных, различных по форме и по степени длительности, соединяются в одну степень? С такой, что Павский, раз признавши влияние предлогов (из числа 21) на степень „протяжности“ действия в глаголах, хочет остаться последовательным. Однако он сам должен допустить, хотя и в виде исключения, что в известных случаях предлог не имеет искомого влияния: как однообразные, так и разнообразные глаголы, те и другие принадлежащие ко 2-й степени, от присоединения предлога должны бы перейти на 1-ю степень; „однако ж решительно переходят одни только однообразные, а разнообразные колеблются“ (§ 42), так что одни и те же глаголы с одними и теми же предлогами (в различном значении) то переходят, то нет: сходить, выходить (2-я степень), сходить, выходить (1-я степень).

Явление это Павский объясняет тем, что 1-я степень слишком тесна для многосторонности глаголов разнообразных (III, § 42); но ведь как бы ни было значение предлога, глагол ходить неизменно остается равнообразным. Почему же 1-я степень для него то тесна, то в пору?

Предлоги не имеют никакого влияния на степень длительности и вовсе не переводят глаголов из одной степени в другую. Сдвигать,

сбросать, которые по Павскому принадлежат к той же 1-й степени, что и сдвинуть, сбросить, совершенно отличны от них по виду. Сдвигать, сбросать значит соединить или сомкнуть с места движением, бросанием, действиями длительными 2-й степени (по Павскому), между тем как сдвинуть, и по присоединении предлога, сохраняет значение однократности.

Прихаживать, принашивать — украинские прихажати, приношати — должны быть, по Павскому, одной степени с придти, приносить, между тем как на деле и по присоединении предлога первые два глагола продолжают означать нашиванье, хаживанье, а вторые — ношенье, хоженье.

То, что принято за влияние предлогов на вид, есть зависимость совершенности и несовершенности, между прочим, от присутствия или отсутствия предлога. Следует более точное определение этой зависимости.

Первоначально совершенность и несовершенность вовсе не обозначались, как теперь, например в немецком, в котором „das werde ich tun“ значит и „буду делать“ и „сделаю“. Следы такого порядка в самом славянском.

На те глаголы, которые получили совершенное значение независимо от предлога, каковы однократные на -и- и немногие другие (перечисленные выше), предлог обнаруживает лишь то влияние, какое он может иметь, например в немецком, т. е. значение известного пространственного отношения и отношений, от него производных или им представленных, в том числе отношения цели.

Все длительные 1-й степени (конкретные) от присоединения предлогов (из 20) превращаются, кроме случаев архаических, в совершенные, причем форма настоящего получает значение будущего. Однако „я роскоши не знаю“ = запомню (настоящее).

Напротив, глаголы наиболее длительные (многократные 3-й степени) от присоединения одного предлога не становятся совершенными, несмотря на окончательное значение предлога. Это следует понимать так, что окончательный предлог обозначает предел каждого из моментов, входящих в значение многократного глагола, но никак не предел целого ряда крат.

Глаголы 2-й степени, соединяясь с предлогом, смотря по значению этого последнего, то становятся совершенными, то нет.

Таким образом влияние предлогов дает средство различать глаголы многократные от второстепенных и первостепенных.

Если глагол предложный, не изменяя формы (кроме ударения), может быть и совершенным и несовершенным, смотря по значению предлогов, то он 2-й степени.

Это свойство Павский замечает только в так называемых им глаголах разнообразных неопределенных (2-й степени), изображающих „разнообразие движения и явления, и разные приемы и направления действия“ (III, 59) (например бегать, летать по отношению к бегать, лететь). „Одни и те же разнообразные глаголы с одними предлогами переходят на первую степень, с другими остаются на своей средней, например сходить, выходить (2-я степень), сходить, выходить (1-я степень)... В этом случае предлоги, означающие полноту и окончательность, оказывают над глаголами решительное влияние и ставят их в число однократных первой степени. Предлогу *вы*, когда он означает полноту и окончательность, даем ударение; а когда он означает просто местную перестановку, тогда оставляем его без ударения. Глаголы: *в*носить, *в*ходить, *в*двигать отличны от *вы*носить, *вы*ходить, *вы*двигать“ (III, § 42).

Замечено уже было, что глагольный характер ни в коем случае не имеет пространственного значения. В глаголах, означающих движение в пространстве, как и во всяких других, отношение их характера к характерам других сродных служит указанием только обширности периода действия, и уже отсюда, вследствие значения корня, рождается оттенок разнообразия движения. Поэтому и в рассматриваемом отношении нет нужды выделять разнообразные глаголы из ряда прочих.

Об отсутствии перехода из степени в степень, по влиянию предлогов, тоже было говорено. Остается точно определить, какое значение предлогов делает глаголы 2-й (нашей) степени совершенными, какое нет. Для этого нет покамест надобности в этимологических исследованиях предлогов, и достаточно лишь на большем количестве примеров показать их влияние. Начнем с тех глаголов на *-и-*, в коих этот характер означает большую длительность сравнительно с глаголом предыдущих разрядов того же корня.

В значении предлогов замечаем два наслоения, которые назовем первым и вторым.

Вы-: 1. Выводить, вывозить, выносить, выходить, выразить, где *вы-* обозначает местное отношение, направление *из*, или имеет такие переносные значения, которые непосредственно примыкают к этому. Первые четыре глагола с этим значением имеют в украинском ударение на втором слоге: *вы вóжу* — *вы вóдити*, *ви нóшу* — *ви нóсити*, пятый имеет то же ударение. Выгонять, вылетать, украинские — *ви їздити*, *ви падати*.

2. Выводить по всему дому, выводить коней после езды; вывозить до конца, все; выносить (дети на руках, в утробе; ловчую птицу) до конца; вылазить — лаязя побывать во всех местах. В украинском ударение то же: *ви ходити* — *исходить* все, добыть ходьбою.

До-: 1. Доводить, довозить, доносить, доходить, долезать, догонять, долетать, допадать до известного места; *до* — отношение места. Глаголы несовершенные. В украинском ударение *довóжу*, *довóдити*, *довóдиться* кому за кого.

2. Доводить, добродить до вечера, вообще до известного предела времени, окончить ходьбу и т. п., *доходишься до...*, т. е. до известных последствий. Украинское ударение — *дохóдитесь*, *дохожу́сь* и т. п.

За-: 1. -вод-, -воз-, -нос-, -ход-, -лаз-, -гоня-, -лета-, -іздити — за что и куда (местное отношение). *Заво́жу* обычай (без явственного начинательного значения); „А в лес волк не заходит, а в дол волк не забродит“ (Сахаров, I, 2, 28). „К нам добрые люди не забродят. Они весточек к нам не приносят“ (Барсов, 142).

2. *За-* (отношение времени) со значением начинательным (завозить ногами под столом) и окончательным (до известного времени, события, до известного результата): *заво́жу* до устали, заносу рубашку так, что не отмоется, *заезжу* коня, *забродить* подол, *засидеть* что.

Из-: 1. Пространственное отношение *изводить* (выводить, губить).

2. Исходить, изъездить все места, износить платье, достигнуть потери чего („излазилась мочь моя“, сказал старый матрос).

На-: 1. На -воз-, -вод-, -нос-, -ход-, -лаз-, на что, с местным значением, причем в дополнении предлог может и не повторяться: *находить* что.

2. Навозить, наносить много чего, *находиться*, *налазиться* в волю. Значение окончательности достигается здесь тем, что

величина результата, на которую указывает предлог, становится представлением временного предела действия.

Об-: 1. Обвожу, обношу и пр. вокруг чего, обходить, обносить, проносить мимо (кого, чем).

2. Обносить платье (для обтяжки по телу), обходить всех знакомых, облазить весь пол — завершить круг действия.

От-: 1. Отвожу и пр. — в сторону.

2. „Уже отходил свое“ — окончил ходить, причем удаление в сторону служит признаком времени прекращения действия.

По-: 1. Походить — итти за, после; отсюда вообще итти или итти по поверхности, Новгородская, Архангельская, Олонецкая губ. — собираться, готовиться итти („Походит Илья во светлу гридню“), Архангельская, Новгородская губ. — повозить, например товар; повезти, поводить глазами по, поводить лаком — покрывать; поносить (ругать) — нести по.

2. Поносить и пр. известное время, причем пространство времени представляется движением *по*. Уменьшительное значение. „З зими на весну походит, Иванё городец городит“ (Гарнополь; Головацкий, II, 626).

Глагол с *по-*. „Некоторые несовершенные глаголы — уменьшительные (deminutiva) или относительно времени, или относительно энергии при исполнении действия: сербское *pospavati*; польское *postawać, potęgać; jak że mi się miewasz, cóż ty porabiasz?* (= русскому „как поживаешь, что подельваешь?“ А. П.). Сюда принадлежат глаголы как русское *поглядывать, глядеть* в разные времена, не в один прием (*zu verschiedenen Zeiten, nicht in einem fort schauen*): ожидая гостей, поглядывает в окно, которые Павский (III, 3) называет продолжительными прерывистыми; также *пописывать, попевать, похаживать*, которые по Ломоносову (159) означают *уменьшительное учащение*“ (Miklosich, IV, 277). Наблюдение неточно в нескольких точках:

1. Особенность значения предлога, сообщающая глаголу значение уменьшительности, относится к разряду 2-му, а не 1-му, так что из глаголов 2-й степени длительных с *по-* уменьшительны именно совершенные, а не несовершенные.

2. *Postawać* есть только глагол начинательный без оттенка уменьшительности. Относительно *potęgać* — ср. „Слово о п. И.“, „потручяти“ — только последовательность *за...* *Поглядывать*. Относительно того, что „ходить — похожае“ (глагол несовершенный) не может быть уменьшительным, так как 2-е есть усиление 1-го (*по-* — последовательность приемов, множественность коих может быть указана и характером глагола).

Пере-: 1. Переношу через..., перелажу через...

2. Переношу все платье по ряду. Окончание ряда есть вместе с тем окончание протяжения времени, занятого действием: перелетать кого.

При-: 1. Прихожу и пр. к..., по направлению к предмету, в соедстве с ним.

2. Приходиться — Пензенская, Тверская губ. успокоиться после гнева, досады; приносить платье — сносить (как в „Слове о п. И.“) „копје приломити“ — сломить, и как „приломить“ (в „Др. рос. стих.“); кажется, здесь *при-* предварительно обозначало только приближение к цели (приломить почти то, что надломить), а потом ее достижение и конец действия.

Про-: 1. Прохожу и пр. — сквозь, мимо.

2. Проношу, например весь год; *про-* означает период времени, представляемый средою, сквозь которую проходит действие.

Раз-: 1. Разношу в разные стороны.

2. Расходился, разносился — интенсивность действия, представляемая его разносторонностью.

С-: 1. Свожу с... (известного места), свожу кого с кем.

2. Свожу, сношу, схожу туда-то; скошу и пр...

У-: 1. Увожу в сторону, с глаз долой.

2. Ухожу кого до смерти. Удаление действия со сцены представляется его окончанием.

В-: 1. Входить и пр. *во* что.

Вз-, воз-: 1. Вносить и пр. вверх, в гору.

Над-. 1. Надходить надо что, „солнце надшло над дерево“.. В украинском, польском — надходить, *nadchodzi* = приходит.

Низ-: 1. Нисходить... вниз.

Под-: 1. Подхожу (собственно под..., затем к кому), подношу кому.

Вообще глаголы этих предлогов первых значений обозначают только движение по направлению, обозначенному предлогом, как бы ни понималось это значение, в собственном или переносном смысле.

С предлогами вторых значений они получают значение: пройти до конца обозначенное временным, а не местным предлогом, или известным результатом; двигаться во времени, которое представляется средою и пределом движения. Сюда, повидимому, не подходит только *раз-*, с интенсивностью значения, которую он сообщает глаголу.

В трех последних предлогах замечается только одно первое значение, почему они и не делают глаголов совершенными.

Верно или нет определен характер значений, которые названы нами вторыми, во всяком случае они производны по отношению к первым. По мере того, как возникали эти производные значения предлогов, появились и глаголы окончательные. Следы их относительно позднего появления можно, если не ошибаюсь, заметить и в их форме. Именно: возможно, что ударение первого лица настоящего украинских несовершенных глаголов — *вóжу* (*вод-*, *воз-*), *-нóшу*, *-хóжу*, древнее ударения того же лица глаголов совершенных — *вожу́*, *ношу́*, *хожу́*, или *выношу*, *вывожу*, *выхожу*, так как ударение на корне согласно с сербским.

Вряд ли то же можно сказать об ударении повелительного наклонения прошедшего на *-л-* и неопределенного наклонения несовершенных глаголов украинских, так как в этих формах русское народное согласное с сербским; ср. украинское, *вивóдь*, *вивóдив*, *вивóдити*; *вóзь*, *вóзив*, *вóзити* и пр. с ударением этих глаголов в сербском: *довóдити*, *дóводим*; *довóзити*, *дóвозим*; *дóгонити*, *дóгоним*; *донóсити*, *дóносим*; *дохóдити*, *дóходим*, — в коих такое же ударение и с предлогами: *ва-*, *из-*, *на-*, *од-*, *об-*, *по-*, *пре-*, *при-*, *роз-*, *с-*, *у-*, *уз-*.

В украинском к вышерассмотренным пяти глаголам принадлежит еще *гонити* несовершенного (*до-*, *за-*, *на-*, *об-*, и пр. — *гбнити* — *гбню* = *-гоняю*; так и в сербском, например *прогонити* (*imperfectum*) = *протјеривати*, почему и может стоять рядом с формами на *-ивати*: *земља те прогонила*, а море те *избацивало*; *разгонити* = *разгонять*).

В русском тема настоящего жену потеряна или устарела, и глагол *гнать* принадлежит к разноспрягаемым: *гнать*, *гнал*, и пр., *гоню*, *гони* (Павский, III, 197); поэтому и *гонить* равносильно по значению с *гнать*, и как глагол 1-й степени получает значение совершенного (*прогоню*, *пригоню* и пр. — будущее), а для выражения украинского *гбнити* употребляется *-гоняю*. Бродить в русском в большей

части случаев принимается за глагол 1-й степени. Русское ездить, повидимому, употребительно только с предлогом второго значения, а для образования глаголов предложных первого значения -езжать; между тем как в украинском наїздить, приездить (с ударением на характере) = приезжает; разница между: виїздить коня и виїздить з двору.

Формы на *-ива-* (украинское *-ова-* из *-ева-*) от тех же корней не становятся совершенными от присоединения одного предлога, каково бы ни было его значение (и от *вїводити* и от *выводити* одинаково будет *вываживати*). Так как вышеприведенные глаголы с предлогами в значении первом несовершенны и длительны, то тем менее нуждаются в более длительной форме, чем глаголы с предлогами в значении втором. Отсюда *винашивати*, *занашивати* от значения второго.

Точно так же становятся совершенными и глаголы на *-а = -и + а-*; впрочем двойственность значения предлога находим только в *езжати* (*выезжати* из дому и *выезжати* лошадь); в украинском же *доношати*, *приношати*, *дохожати*, *прихожати* предлоги первого значения.

Сюда же (характер *-и-* для означения большей длительности) и годить приждать. Мы о нем не говорили, потому что форма на *-ива-* неупотребительна.

Глаголы (вернее — корни) о трех живых темах, для всех трех степеней длительности со средней темой (2-я степень) на *-а-*, имеющей в сложении со всеми предлогами, кроме *вы-*, только одно ударение: *вїлетати* — *вылетати*; *долетати*, *налетати* и *долетатися*, *налетатися*; *вїкатати* белые и (в народной песне) „солнышко *выкатується*“; *вїлепляти* (всю глину), *вылепляти* что из глины; *вїпускати*, *допускати* до беды, *выпускати*, *допускати*; *вїрожати* (все), *дорожатися* до последнего и *вырождатися*, *дорождатися* — обильно рождаться (о хлебе и плодах); *вїроняти* (все) и *выроняти* (*-ива-*); *вїдавати* — *выдавати*; *вїпускати* — *выпускати*; *вїступати* — *выступати* и многие другие, *досажати* (кончить садку) и *досаждати* кому; украинское *вїрубати* и *вирубати*; *вїступати* чтобы, *доступатися* до... и *выступати* из... (*доступати* города, денег — стараться добыть); украинское *дотягатися* до... (в последнем значении в литературном языке только *дотягатися*) (в переносном смысле о тяжбе) и *дотягати* („до зеленого лугу“).

Заметим, что в двух из приведенных случаев, глагол совершенный имеет русскую форму (нарожать детей, насажать деревья), а несовершенный старославянскую (нарождати, насаждати). В старославянском при этих словах предлоги могли вовсе не иметь окончательного значения, а потому окончательное их значение потребовало русской, до сих пор живой формы.

а) В некоторых из приведенных глаголов средняя форма со значением совершенным вполне современна, между тем как со значением несовершенным, очевидно, становится уже архаизмом и заменяется последней формой на *-ива-*, *-ива-* (украинское *-ова-*). Так, вместо несовершенного *закататися* (о солнце), в литературном языке *закатыватися*; вместо украинского несовершенного *дорубати* — украинское *дорубовати*; вместо несовершенного *вылепляти* — литературное *вылепливати*. Здесь литературный язык бывает новее народного.

б) Есть глаголы, в коих средняя форма соединяется исключительно с предлогами второго значения и имеет только значение совершенное, между тем как к последней форме присоединяются предлоги в обоих значениях. Вместо всех предлогов, имеющих двойное значение в соче-

гании с глаголами, как ходить, возьмем один до-, заменяя их другими там, где он не употребляется: дова́ливать камень до места, но доваля́ть войлок (до конца), „доваля́лся гвоздик до того, что и пригодился“; добросáть, добрáсывать до конца, но только добрóсить и добрáсывать до места; повидáться, увидáть (форма на -ивать с предлогами не употребляется; в другом значении и другом образовании украинское привíжуватись); докусáть („докусáлась собака до намордника“), закусáть (начать и кончить кусанье) и закусывáть, но только закусítь и закусывáть (т. е. собственно кусать после чего, закусывать что); доломáть до конца, до результáта доломывáть, но только доломítь и доломывáть до места; дотаскáть (дотаскáю) до конца, но дотáскивать до места; дохватáть (расхватать остатки), но только дохватítь и дохвáтывать (доставать до чего). Относительно скакать (доскакать до города) следует сказать, что оно само, если имеет настоящее скачешь, может быть 1-й степени? Но нет, сравни скóчишь.

Даже предлоги, которые при глаголах ходить и пр. имеют только первое значение, делают вышеприведенные глаголы совершенными: вбросáть, вломáть, взломáть, надломáть.

Процесс, результаты коего мы видели под пунктами а и б, можно изобразить таким образом. Без сомнения, было время, когда глаголы несовершенные с предлогами первого значения, имеющие ныне одну только форму на -ива-, -ива- (дова́ливать камень до места), или уже предпочитающие ее форме предшествующей на -а-, -я-, имели только эту форму, подобно тому, как, например, в польском, эта последняя стоит там, где русский язык требует форм на -ива-, -ива- (укр. -ова-). Ср. dogładzać, doczerpnąć, dokarmiać, dokonczyć (докачивать, а не докончить) (łowów dokończyć), dokręcać, dokrzesać, dołamać, domęzczać, domłosać и пр., при коих в литературном языке только догла́живать, украинском догла́жувати, а не догла́жать и пр. Первоначально при этой форме вовсе не было формы на -ива- и пр. и предлоги имели только первое значение, не делающее глагола совершенным. По мере появления этого второго значения предлогов устанавливался порядок, образцом коего могут служить глаголы, как доходить несовершенный и доходить совершенный, именно двойственность значения глаголов при единстве их формы. Сознание этой двойственности, которое должно было повлечь за собою формальное разграничение таких глаголов совершенных, как дострелять, от таких несовершенных, как достреливать. Было бы слишком смело сказать, что именно появление второго значения глаголов вызвало образование глаголов последнего разряда, потому что эти глаголы употребляются сами по себе, без предлогов. Язык только воспользовался готовыми формами со значением наибольшей длительности, связавши с ними одними предлоги в значении направления, стремления, между тем как предлоги начала, конца, времени, достижения цели одинаково соединяются как с формами меньшей длительности, так и с формами большей. Соответственно этому предлог тоже второго значения не может сделать совершенным глагола 3-й степени. Очевидно, язык находит связь между меньшею длительностью и совершенностью, большею длительностью и несовершенностью, из чего не следует, чтобы вообще эти две категории (вид совершенный или несовершенный) могли быть соединены в одну.

Возможно, однако, что в известных случаях именно предлог вызвал образование новой формы, именно там, где эта последняя без предлога не употребляется. Так, в глаголах, имеющих в русском две формы на -а-, одну, употребительную и без предлога и с предлогом — во вто-

рой (окончательное значение) имеющую ударение на корне (па́даты), другую употребительную только с предлогом второго значения, с ударением на характере (-пада́ты) „кра́пать, кра́плю, кра́паю, накрапа́ю“ (укр.). При беспредложных пасть и падать—глагол совершенный допа́даты, при коем 3-я степень допада́ты („осенняя листва допада́ет, скоро допада́ет вся“), и глагол несовершенный допада́ты („вода допада́ет до межени“). Так—выпада́ты и выпада́ты; запа́даты (начать падать) и запада́ты за что; на́пада́ет снегу и на́пада́ет он на...; обпа́дает и опада́ет; по́пада́ют (все, или некоторые) и попада́ют во что; перепа́дает весь снег и перепада́ет с промежутками; припа́дает (украинское пилом припа́сти—покрыться) и припада́ет к ногам; про́пада́ет некоторое время и пропада́ет (собственно проваливается сквозь...); упа́дается и упада́ет; отпа́дает (кончит падать) и отпада́ет; распа́дается (заведет часто падать) и распада́ется в разные стороны. Но исключительно пространственные (в этом случае) предлоги только с формою на -а́- (*в-, вс-, нис-, под-пада́ты*).¹

По этому образцу: ползти́, полза́ты (при котором вы́ползаты, до́ползаты—совершенный) и полза́ты (только с предлогами: вы́полза́ты, до́полза́ты и пр.); дви́гаты—выдвига́ты (ср. выше глаголы, передвигающие ударение только в сложении с *вы-*); бежа́ты (украинское *бігти*)—бе́гаты (добега́ты); вороти́ты—вороча́ты („двороча́ты сено“), вороча́ты (вывороча́ты) малоупотребительное и украинское; клони́ты—кланя́тыся и покланя́тыся; ме́рты—ме́рять и измерять; ве́рты, ве́рты (наверять в долг—совершенный) и -ве́рты (несовершенный; с предлогами); форма на -ыва-, -ива- (украинское—*ова-*) совмещает в себе оба значения формы на -а- (выпа́лзывать—добывать что ползаньем, и выполза́ты, причем эта последняя форма по виду может быть вовсе не равна форме на -ыва-). Сюда же: дыша́ты—дышишь (украинское *діхати*, дышеш—более древнее), ды́хаюсь (вы́дыхаюсь, выды́хаюсь); мы́каты—мы́чу („Лошади мы́чут, мчат, бьют“—Даль, Словарь); мы́каты (мы́каю, помы́каты) и мы́каты (помы́каты) (смы́каты?). Та́каты—потака́ты; ну́каты—понука́ты; ты́каты—ты́чу („тычет пальцем“), заты́каты (совершенный) щели и заты́каты щели.

В сербском форма на -а- постоянна, будет ли она по значению с предлогом совершенная или несовершенная, имеет только одно ударение, именно то, которое соответствует русскому—форме, употребительной без предлога и с предлогом, имеющей совершенное значение.

Так, на́падаты, на́падам, совершенный: на́падало (= русскому на́падало) доста крушака и несовершенный на ... (падаты); вра́наты=по ударению и по значению русскому вороча́ты, откуда несовершенный за́вра́наты (завороча́ты, которому бы соответствовало завороча́ты, а не завороча́ты); от кланя́ты се—по́кланяты се по значению=поклоня́тыся, а по форме=покланя́тыся.

Нередко Даль не различает по значению форм на -а́- ударяемое и форм на -ыва- и отмечает: выпадыва́ты или выпада́ты, выпалзыва́ты

¹ Что действительно глаголы, различаемые ударением (па́даты и пада́ты), принадлежат к разным степеням,—это доказывается заменою формы с -а-, украинского *ова-*, русского *ыва-* (виміряти—вимірювати, см. ниже) и в некотором смысле признается и Павским, который говорит, что -а- неударяемое (бе́гаты) выражает разнообразность, а -а- ударяемое—многократность действия (III, § 22, примеч. 1).

или выползать, вымёривать или вымерять.¹ Конечно, при неопределённости границы между 2-й и 3-й степенями формы эти могут употребляться в одинаковом смысле — там, где при них предлог в двояком значении; но что разница между ними есть, видно из того, что форма, например, выпáлзыватъ совмещает в себе значения как формы вь́ползать (совершенный), так и формы выползать (несовершенный), и что если эта форма на *-ывать* есть явственно 3-я степень по отношению к вь́ползать, то она есть 3-я степень и по отношению к выползать; предполагается при этом, что вь́ползать и выползать стоят на одной степени, как вь́ходить и выходить.

Под пунктами а) и б) замечено, что некоторые предложные глаголы переходят в форму *-ыва-*, если они по значению предлога несовершенны, [раньше], чем если они совершенны. Явление это объяснено сходством несовершенности и большей длительности. Этому объяснению, повидимому, противоречит то, что в других случаях раньше принимают форму на *-ыва-* глаголы совершенные, чем несовершенные. Так, у Даля находим: вь́бэгивать только в значении „приобретать бегая“ от совершенного „вь́бегать“, но не при „вь́бегать“; выклáнивать при вь́клáнять — совершенный, но нет формы на *-ыва-* или она малоупотребительна (очевидно — по новости, а не по древности) при наклонять, поклоняться.

Можно бы думать, что форма вь́бегать совмещает в себе значение 2-й и 3-й степеней, и потому менее нуждается в особой форме для 3-й степени, чем вь́бегать, в которой значение только 2-й степени. Мы можем сказать: „часто вь́бегал за ворота“, но нельзя: „часто вь́бежал что“.

§ 3. До какой степени так называемый вид составляет особенность славянских языков

Согласно с вышеописанным мы будем различать в виде, с одной стороны, совершенность и несовершенность, с другой — степень длительности.

Привожу мнение Гильфердинга (Гильфердинг, Об отношении, 108 сл.): „После своего обособления языки литовский и славянский имели эпоху грамматического творчества, в которую глагол их, взамен утраченных форм, создал новые, самостоятельные образования, употребляя, впрочем, на то почти всегда прежние характеристические звуки (всего более *-н* и *-ај*), имевшие первоначально совершенно другое значение. Но хотя это самобытное преобразование глагола имело у славян и литвы общую исходную точку в потере форм, выражавших оттенки времен и отношений действий, и хотя оно было исполнено у обоих народов одинаково, употреблением в новом смысле одних и тех же характеристических звуков, однако оно привело у них к последствиям совершенно различным.“² Литовский язык не пошел далее той точки, на которой стоит санскритский, и в эпоху доисторическую стояло, без сомне-

¹ Даль, Словарь: выпáривать — выпарять (испарять); выплáвливать или выплавлять; выпорáжнивать или выпорожнять; выпрýдывать — выпрядать, выпрядать (прыгать); вырáщивать — вырощать; вырýзывать — вырезать; вырýживать — выражать; высáживать и вь́сажать; высвятлáивать и высветлáять; высинивать — высинять; выскáльзывать и выскользать; выслащивать — выслащать; выслэживать — выслежать; выхвáливать — выхвалять; вычёрнивать — вычернять; вычёрпывать — вычерпать = вь́черпать; выч́инивать — вычинять.

² „Darum dass unter verschiedenen (Sprachen) jede, weil sie Eine bestimmte Bahn verfolgt, alle andren ausschliesst, können dennoch mehrere in einem allgemeinen Ziele zusammentreffen. Der Charakterunterschied der Sprachen braucht daher nicht notwendig in absoluten Vorzügen der einen vor der andren zu bestehen“ (Humboldt, 215).

ния, все племя индоевропейское. Его стремление не внесло в речь никакой новой стихии, и поэтому было, в общей сложности, бесплодно, хотя создало для литовцев такие формы, которые утрачены прочими языками в Европе. Славяне же развили в глаголе сторону совершенно новую и нетронутую никаким другим народом; таким образом, одни между всеми отраслями индоевропейской семьи, усовершенствовали внутренний состав языка, вынесенного из общей ее колыбели" (Гильфердинг, Об отношении, 108, 109). Как будто образование категорий совершенности и несовершенности и степеней длительности (предположивши, что эти категории исключительно свойственны славянским языкам) есть единственное средство грамматического усовершенствования языков! Вопрос об относительном достоинстве языков как оттенков мысли до такой степени сложен и требует стольких предварительных работ, что браться за его решение еще рано. Хвастливыми утверждениями ничего не сделаешь, но можно и должно собирать материалы для решения высших вопросов языкознания частными сравнениями.

В приведенных словах у Гильфердинга заметим два утверждения:

1. В славянском и литовском глагол в замен утраченных форм, выражавших оттенки времен и отношения действий, создал новые образования. В славянском это были виды.

Под заменю можем понимать только два случая: или древнейшая форма (resp. звук), перерождаясь в другую, заменяется этой последней (например бы заменяет быхъ, быхомъ и пр.), или известная форма, исчезая, оставляет пустое место, заполняемое другою формою, хотя иного происхождения, но сходно по значению, например в древних славянских наречиях существуют рядом прошедшие простые и прошедшие сложные из причастия на -л- и вспомогательного глагола; первые со временем исчезают, функция вторых расширяется и вместе изменяется. Непременное условие замены — сходство (но не тождество) значений заменяющего и заменяемого и их непосредственное преемство во времени. После этого мы спрашиваем, что же именно переродилось в виды? Что же именно вытеснено ими?

Появлению совершенности и несовершенности непосредственно предшествовало такое состояние языка, когда предлог не сообщал ему значения совершенности и когда беспредложный глагол был совершенно безразличен по отношению к совершенности и несовершенности. Степеням действия предшествовало такое состояние, когда известный характер глагола выражал нечто другое, а не степень длительности. Этим сказано несколько больше того, что бытию видов предшествовало их небытие. Значения, называемые видом, заместили значения же предлогов и глагольных характеров. По-моему, нельзя говорить о замене, например, прошедшего совершенного (удвоенного) или наклонений, имеющих свой характер, независимый от глагольного (в принятом смысле), или особых форм глаголов желательных и интенсивных — видимо потому, что между всем этим и видами нет той связи, которая бы позволяла говорить о замене, т. е. нет ни перерождения, ни исторического преемства и однородных значений. В другом месте подробнее сказано, что потеря простого будущего не имеет непосредственной связи с появлением совершенности; что прошедшие простые существовали в славянском языке совместно с видами; что хотя прошедшее простое длительное глаголов 1-й степени и выражает то, что у нас — прошедшее сложное глагола более длительного, но нельзя говорить о замене прошедшего простого видом, потому что то, что называем видом, не есть одно какое-либо время, как прошедшее простое, а совокупность форм, составляющих спряжение глагола.

Вообще потеря каких бы ни было форм не может считаться причиною появления видов.

2. Гильфердинг находит между литовскими и славянскими глаголами очень большую разницу. Что выражают одни, того вовсе не выражают другие: литовские (сходно с санскритскими) глаголы выражают категории количества, славянские — категории качества, т. е. виды.

Я нисколько не отвергаю различия внутреннего строя языков даже более близких друг к другу, чем славянские и литовский, даже наречий одного языка; но знаю, что чем сходнее языки, тем труднее определить их принципиальные различия. Одну из таких трудных задач Гильфердинг считал возможным разрешить смаху, но, как мне кажется, не разрешил. Между глаголами в литовском и санскритском [славянском? *Ред.*] я вижу только частные несходства.

Под категорию количества в глаголе Гильфердинг понимает способность глагола выражать формально оттенки много, часто, немного. В языке Вед и санскрите есть так называемые интенсивные глаголы, образуемые посредством особого удвоения корня [удвоения, отличного от того, посредством коего образуется в этом языке прошедшее удвоенное (*perf.*)] и удвоением этим символически обозначающие не только силу (*геср.* быстроту действия), но и многократность, например, *intens.* — от корня *kar-* (делать) — *karikrati* (3-е л. ед. ч.) *wiederholt machen*; *intens.* — от *car-* (двигаться) *carcariti* (3-е л. ед. ч. действ. зал.), *sañcūryatē* (*atm.*) — *schnell sich bewegen, sich herum treiben* (*Böhtlingk*).

Заметим, что такие глаголы есть в остатках и в славянских языках. Для образования подобных глаголов литовский язык, по словам Гильфердинга, употребляет не удвоение, а „разные окончания, из коих всего замечательнее... *-ê-ti, -ô-ti*“ (много или часто).

Предположим, что именно таких глаголов в славянском нет. Тогда все-таки, вспомнив, что в числе славянских видов есть по общему мнению многократные, мы принуждены будем найти сходство между „количеством“ в литовско-санскритском глаголе и „качеством“ в славянском. Но на самом деле в числе литовских интенсивных, уменьшительных и учащательных глаголов есть очень много таких, кои обязаны своим значением не глагольному характеру, а, несомненно, именно оному суффиксу, стоящему перед характером. В этом отношении литовский и латышский языки сходны со славянскими наречиями, в которых (было ли это известно Гильфердингу?) есть очень много глаголов увеличительных и уменьшительных, подобного строения и разных оттенков. Выходит, будто и славянские языки выражают „количество“, будто здесь нет коренного различия между славянскими и литовским. Считаю бесполезным трактовать о том, точно ли формальное значение, называемое видом глагола, есть „качество“ по преимуществу и нельзя ли большей или меньшей силы действия считать настолько же качеством, насколько большая или меньшая продолжительность, совершенность и несовершенность суть качества. Существенным кажется только вопрос: точно ли нет в литовском и латышском ничего соответствующего славянским видам?

Совершенности и несовершенности, несмотря на мнения Шлейхера и Биленштейна о том, что в литовском и латышском предлог может делать совершенным, действительно в этих языках не нахожу. См. там, где речь о будущем и настоящем, и аористе.

Мнение, что литовско-латышские глаголы вовсе не выражают глагольными характеристиками оттенков длительности, есть личное мнение и Биленштейна. Литовские и латышские *verba durativa* (по Шлейхеру и Биленштейну), которые с точки зрения славянского точнее было бы назвать

более длительными, так как и их первообразные выражают тоже длительность, а не мгновенность и однократность, по значению и образованию весьма близко подходят к славянским более длительным, как можно видеть из следующих примеров.

Литовские глаголы в настоящем на *-au*, прошедшем *-j-au*, неопределенном *-y-ti* (Schleicher, *Grammat.*, *Lesebuch*, § 67, кл. VI, 2; Bielenstein, § 276, кл. XI) — *genù* (*ginù*) — *giñti* (по происхождению = жену, гнать) — стеречь, беречь, боронить (отказывать), защищать; более длительное, *ga-p-aũ*, *-iaũ*, *ýti* то же и в особенности пасти (гонять) скот. Латышское *ganit* — пасти (скот) при *dzit* — гнать.¹

В выражении „*kà gini, tãi ganýk*“, которое Нессельман переводит „что бережешь (стерегешь), стереги хорошо“, *ganýk* (повелительная форма *ganýti*) можно бы рассматривать, как *intensivum* от *ginti*, но и преемственность в этом случае рождается из значения большей длительности.

Gražāũ, *-ýti* — крутить, ворочать (Шлейхер, *frequentativa* к *grēžu*, *grēti* — крутить, вить, например веревку), *rankas gražyti* — ломать руки.

Jódaũ, *-džau*, *-dyti* — *durativa*, *frequentativa* к *jóti* — *dauernd reiten*, *hin und her reiten*.

Kraipāũ, *-ýti* — крутить, ворочать (*durativa* к *kreipiũ*, *-pti* то же), (*nendrì*) „*mažũ pabũgusi vėju, bė paliovõs ir szėn ir tėn svyrinėdama: kraipės*“ (Donaleitis, *Pas.* VI, 9) = трость, испугавшись небольшого ветру, беспрестанно колеблясь сюда и туда, ворочалась (крутилась).

Laižāũ, *-ýti* — облизываться (Schleicher, *durativ* к *lėžiũ*, *lėžti* — лизать): „*laižos vis iz gũrszczodams į kãrczamaž žiũri*“ (Donaleitis, III, 686) = облизывался и, глотая слюну, смотрел в (на) корчму (вспоминая о водке).

Mirkāũ, *-ýti*, — намачивать, более длительное к *mėrkiũ*, *mėrkti* — мочить (например коноплю).

Szãudaũ, *-yti* — застреливать (более длительное и многократное к *szãuju*, *szãuti* — совать в печь), стрелять: „*kàs jũms rūp... kãd... àsz... vãrnu bėn porėlė sãv pėtũms nusiszãuju*“ (*ibid.*, IV, 342) = что вам за дело, что я застрелю (в литературном настоящем) себе на обед хоть парочку ворон; „...*kãd àsz... vãrnu bėn keliàs iszsiķėpt kàs mėts nusiszãudau*“ (*ibid.*, IV, 355) = что я каждый год застреливал себе изжарить (нажарить) несколько ворон.

Tãsaũ, *-ýti* — тягать, таскать (более длительное по Шлейхеру *durativa* к *tėsiũ*, *tėsti* — тянуть): „*girti, kits kitã prė galvõs nusitvėrė — nei razbãiminkai ànt àslos vėmdami tãsos*“ (*ibid.*, III, 804) = пьяные взявшись за чубы (за головы), как разбойники, бляя, таскают друг друга по полу.

Metũ, *mecziaũ*, *mėsti* — werfen, *mėtau*, *-cziau*, *-tyti* — oft werfen, *hin und her werfen*, *mėczoju*, *-czoti* и *mėtinėju*, *-ėti*, по Нессельману, значит то же. В латышском при исходном *mest*, *mėtat* — *hin und her werfen*.

Литовские глаголы отглагольные на *-o-ju*, *-o-jau*, *-o-ti* (Schleicher, *Grammat.* *Lesebuch*, § 68, кл. VII). Латышские *-aj-u*, *-ã-t* (Bielenstein, § 265).

Литовское *bėgiõju*, *-õti* — бежать [более длительный к *bėgu* (*bėgmi*), *bėgau*, *bėgti* — бежать]: „*prãdėje ànt manėš baisingai kėkt ir rėkauit vis szėn ir tėn begiõdama, o kaip ji į butã iszbėga, tai àsz*“ (Schleicher, *Grammat.* *Lesebuch*, 247) = и начала меня страшно проклинать (ругать) и кричать, все бегая сюда и туда, а как только она выбежала (в литовском стоит настоящее от предложного конкретно-длительного,

¹ В латышском при *dzit* и *ganit* еще так называемые *frequentativa*: *gaĩnat* (*n = ñ*) — *abwehren*, *durch Fenster in der Luft von sich abtreiben*; *dzenãt* — *hin und her treiben*.

чего мы конкретно длительными глаголами передать не можем) на двор, то я...“.

Литовское *blizgõju*, -õti относится к *blizgũ*, -ẽiau, -ẽti как блистать (украинское блищати) к блестять, хотя разница между этими глаголами у Нессельмана, как и во многих других случаях, не отмечена.

Жмудское *buwõti*—бывать от *buwũ*, *bũti*—быть. При неопределенном *bredũ*, *bridaũ*, *bristi*, брести—стоит несколько форм более длительных: *bredžõju*, -*džõti*, *brýdau*, -*oti*, *bráidžõju*, -*džõti*, *braidaũ*, -*dýti*, *bradaũ*, *bradyti*,—не различаемые Нессельманом по значению и, быть может, на самом деле тождественные в этом отношении, т. е. все со значением более длительным, но свойственным разным говорам.

Бродить в латышском *brahdat*—*hin und her werfen*—при *brist*.

Guiniõju, -*iõti* (Нессельман—*guinoju*, -*oti*)=гонять [длительное при *guinũ* (*guju*), *gũiti*—гнать]; „*Kāspars... kaip gaidýs viztās guinõdams, gāndina žmõnēs*“ (*Donaleitis*, II, 195)=как, петух, гоняющий кур, пугает людей.

Lekiõti, -*joju* (*Nesselman*), *lakiõti*, -*joju*—летать (при *lekiũ*, *lekti*—лететь); „*tēp lakiõje kulkūžēs*“ (*Schleicher*, *Grammat. Lesebuch*, 40)=и там (на войне) летают пули; „*vēns kaip koks baisūs erēlis svēte lakiõja, o kitsai, kaip žvirblis koks, po stõgu gyvēna*“ (*Donaleitis*, VI, 42)=один, как некий страшный орел, летает по свету, а другой, как какой-нибудь воробей, живет под крышей. В латышском более длительное *lẽkāt*—прыгать, при *lekt*.

Nesziõti—носить, например платье, обувь (*Donaleitis*, II, 39; III, 777; IV, 191; *Schleicher*, *Grammat. Lesebuch*, 38, 39); откуда—*nesziõjim as* платье, как носимое (*ibid.*, 39); „*dẽkui tēvelimi ūž baltā dũna. Ir senai moszutei ūž nesziõjima*: более длительное при *neszũ*, *nẽszti*, латышское *nessat* (*hin und her tragen*) при *nest*.

Ráipiõti—опутывать, оплетать [„*dingojom vis, kād tikt Szweisteris, irgi Prancūzas žmõnēs sũ svetimais sávo mõkslais moka supáiniot*“ (*Donaleitis*, III, 878)=нам все казалось, что только швейцарец и француз могут опутывать людей чужими (иноземными) своими учениями]—при *ripũ*, *ripti*—вить, плести.

Ráiczõtis—кататься, валяться: „*tũjaus visi, kaip kũdlas kõks susivēļēs, ráiczõjos ant áslos*“ (*ibid.*, 741)=тотчас все, как свалывшийся клок шерсти, стали кататься по полу (о свалке); более длительное *kritũ*, *risti*—катить.

Vadžõti—водить: „*aklas akļā wadžõj*“=слепой водит слепого; „*wadžõju jo seserĩ*“=вожу его сестру (т. е. женат на его сестре: жена—водимая); более длительное при *vedũ*, *vẽsti*—вести.

Valkiõtis—волочиться в значении „таскаться, шляться“; „*valkiõtis põ svieta*“=по свету волочиться; „*asz palégau ir valkiõjaus arẽ pusantrā metā aplinkui*“ (*Schleicher*, *Grammat. Lesebuch*)=я убежал и шлялся около полутора года вокруг (повсюду); и более длительно при *velkũ*, *viĩkti*—волочь, тянуть, на(-о)-девать (бѣз значения большой длительности). Латышское *welkat*—носить платье, при *wilkti*.

Vajõti—гоняться, более длительное при *vejũ*, *výti*—гонять (ср. сербское *вијати*—*ћерати*). Латышское *vajat*—преследовать.

Tekiõtis—*sich belaufen* (об овцах и козах), польское *siekać się* (о течке собак и волков)—более длительное при *tekũ*, *tekẽti*—бежать, течь; „*ũž vũgo*“—собственно „бежать за мужа“ (за мужем), выходить—выйти замуж; латышское *tekāt*—*hin und her laufen*, при *tehket*.

Латышское *va z a t*—*schleppen*, возить при *ve z t*. Литовское *va ži óti*—ехать на возу, изменило значение сравнительно с *v è žti*—везти и потому не имеет явственно более длительного значения.

Sakióti—итти по следам, сочить; *sekióti*—следовать кому, подражать; оба длительные к *sekù, sèkti*—следовать за, латинское *sequi*, и многие другие, как латышское *davat*—давать при *dùt*—дать (без значения совершенности). Латышское *râ p â t*—ползть при *r â p t*—ползти (*reperere*); *atraugotis*—отрыгаться из *atraugtis*.

Глаголы литовские *auju, avau, auti* (отглагольные—*Schleicher, Grammat. Lesebuch, § 70, I, кл. IX*).

Dúsausti—вдыхать, более длительное к *dusù, dùsti dusù, dusèti*—тяжело дышать: „*kàs dèp iszirèdès, àlè dùsaudams ir vis sirgdams nútweria száuksztà*“ (*Donaleitis, II, 18*)=каждый день нарядившись (нарядный), но, вдыхая и все болея (печальной и большой), берется за ложку. Отношение *dúsausti* к *dusèti* то же.

Rèkausti—кричать, более длительное к *rèkiù, r èkti* (*ibid.*) „*czè v èns, rèkaudams durnai, sù ròdagra riáujas, o kits tén, kitaip dùsaudams, dàktaro száukia*“ (*ibid., II, 34*)=один, вскрикивая (крича), как сумасшедший, режется (грызется) с подагрой, а другой в ином месте иначе (по-другому) вдыхая, зовет доктора.

Szúkausti—кричать, многократное (более длительное) к *szaũkti*—кричать, звать.

Klýkausti—кричать—более длительное при *klykiù, klýkti*—кричать (о детях)—*jauchzen*.

В латышском ср. глаголы на *-ùj-u, -ù-t* (*Bielenstein, 267 сл.*), например *swilpùt*—свистать при *swelpt, walùd*—валять, катать при *welt*.

Из этих и им подобных примеров я заключаю, что литовский и санскритский языки, подобно славянским, пользуются характером отглагольных глаголов для выражения большей длительности действия, которая не всегда, как и в славянском, может быть строго отделена от многократности. Происхождение мнения Гильфердинга, что литовские глаголы, подобные приведенным, выражают количество, нечто совершенно отличное от предполагаемой качественности славянского глагола, может быть отчасти объяснено неточною передачею формального значения литовского глагола в словарях, например у Нессельмана, и неточным пониманием самого немецкого перевода. Гильфердинг считает, например, литовское *tráukauc, -uti* за количественность глагола при *tráukiù, tráukti*, потому что 1-й у Нессельмана переведен: *oft, viel ziehen*, а 2-й—просто *ziehen*. Но *viel ziehen* пояснено через *umherziehen oder zausen*—та с к а т ь, например за волосы.

Применяя к литовскому терминологию Павского, мы в *tráukti* видим глагол *однообразный*, а в *tráukyti*—*разнообразный, неопределенный*, а поправляя эту терминологию, основанную на ошибочном мнении, что глагольные характеры в славянском могут выражать пространственные отношения, как таковые, мы иначе не назовем упомянутых глаголов, как конкретно-длительными и более длительными.

В других случаях и немецкий перевод не дает основания видеть в подобных литовских глаголах интенсивность, в *raiszaũ, -yti, ráiszioju, -oti, -binden, fesseln*—при *riszti*—*binden*.

Отрицать сходство между конкретностью и большею длительностью глагола в славянском и литовском на том основании, что литовско-латышские языки имеют большее количество глаголов причинных (*facultativa, causativa*), чем славянские, и что в литовских есть глаголы учаща-

тельные, уменьшительные, — столь же имело бы смысл тогда, если бы было доказано, что категории причинности, учащательности, уменьшительности и увеличительности не совместимы с категориями двух степеней длительности.

В русском невозможно смешивать оттенка, сообщаемого глаголу глотыхать, громыхать характером $\frac{-ae-}{-a-}$, с оттенком грубости, силы (с точки объективной) и презрительности в глотых (с точки личной), зависящими от суффикса *-ых*: этот последний оттенок остается неизменяемым при изменении характера и видового значения глагола: громыхать, громыхнуть, погромыхивать. Столь же необходимо в литовском и латышском разделить значение, зависящее от глагольного характера, с одной стороны, и от суффиксов *-st-*, *-u-*, *-ter-*, *-ur-*, *-ul-* и пр., стоящих перед характером — с другой стороны.

Так, например, *kil-n-óti*, по Шлейхеру, значит — oft und wenig heben, hin und her heben: „Dabar jūdu ėmė ávilius kilnót, jeib sunkiausi trópytu“ (Schleicher, Grammat. Lesebuch, 159) = теперь они (два вора, по ночи крадущие ульи) стали поднимать (понемногу приподымать от земли) ульи, чтобы найти самый тяжелый. Здесь мы отделяем большую длительность сравнительно с *kélti*, heben [за неимением соответствующего беспредложного глагола, по-русски переводят не точно — поднимать (более длительное), поднять — конкретный совершенный] и уменьшительность, которую можем приписать только суффиксу *-n-*, хотя и не понимаем происхождения в нем уменьшительности. Таким образом *kil-p-óti* соответствует по характеру и степени длительности, а также по значению суффикса санскритскому на *-p-ā-ti*. Ср. *truk-n-óti* — слегка потягивать, вздрагивать, при *trūkti* — тащить; *lyn-óti* — моросить, при *lyti* — ити (о дожде).

Так, латышские глаголы уменьшительные на *-el-*, *-et-*, *-ulet-*, *-eret-*, *-uret-*; литовские уменьшительные на *-in-*, *-eti-*, переходящие на значение многократности, значением своим обязаны, с одной стороны, именно суффиксу, с другой — глагольному характеру. Литовский на *-inētī* мы бы сравнивали со славянским многократным только тогда, если бы, например, было доказано, что *-in-* не есть самостоятельный суффикс, а произошел от глагольного характера *-i-* с евфонической гласною, как *-ав-ати*, *-ѣв-ати* в славянских.

Между славянскими и латышско-литовскими языками, без сомнения, есть большая разница по отношению к видам. Было бы удивительно, если бы ее не было здесь, тогда как она заметна и между отдельными славянскими наречиями. Прежде всего в литовском и латышском, как выше упомянуто, нет глаголов совершенных, из чего одного уже видно, что в них не может быть глаголов однократных, соответствующих славянским. Правда, славянскими однократными приходится иногда переводить литовские, как *-ter-iau*, *-ter-ė-jau*, *-ter-ė-ti* и *-ter-iau*, *-ter-iaiu*, *-ter-ti*; *szükteriu*, *-terėjau*, *-terėti* и *-teriu*, *-teriau*, *-terti*: „eik pamó, ik Krizas táv áteiti paszúkters“ (Donaleitis, Pricz. Pas., 83) = ступай домой, пока Кризас не кликнет (сербское зов не) тебе прийти.

Drýkteriu, *-ėjau*, *-ėti*, *lāngs* — gleichsam sich rückend springen: „voverė nū vėno medžio ant kito drýkterėjo“ = белка прыгнула с одного дерева на другое — при *drėku*, *-kūs*, *-kaus*, *-ktis* — sich recken, sich lang ziehen etc.

Kiszteriu, *-terėjau*, *-eti* и *-terti* при *kiszū*, *kiszti* — совать; „Kād kunigai vaikūs į sziulę rāgina siųsti, ir kād szūlmistrams reik kókj pinigų kysztert, ak kokiū visūr glupū nurnėjimu rāndas“ (Donaleitis, III, 817) = когда священники понуждают отдавать детей в школу и когда прихо-

дится сунуть учителям какой-нибудь грош, ах, сколько повсюду слышно глупого ворчанья.

При том литовские глаголы с суффиксом *-ter-* ближе всех других по значению к глагольным частицам, выражающим мгновенность действия (*czùpt!* и т. п.), подобно тому как однократные — к таким же частицам в славянских. Но соответствие русским однократным только мимо. Такие глаголы с суффиксом *-ter-* могут быть переводимы однократными во всех формах, кроме настоящего времени, в котором так не могут переводиться, а в настоящем, если желательно сохранить время литовского глагола в русском, непременно переводятся глаголами длительными: „Tókius às dyvùs kaip sėns žmogùs pamatýdams irgi dúsaudams isz szirdės tũ szúkteriu graudžej“ (Donaleitis, II, 68) = Я, как старый человек, видя такие дива и вздыхая из глубины души, восклицаю печально; „Sztai girgžteria dýrys ir (N. N.) pasiródė“ (Donaleitis, II, 136) = „вот стучит дверь, и (N. N.) явился“; „į bažnyčią vos, iszgirst ką, kýszteria gálvas, o paskui tũ žaíst ir szókt į kàrczamą bėga“ (Donaleitis, III, 797) = в церковь едва всовывают (вернее было бы всунут, но в подлиннике настоящее) головы, чтобы услышать что-нибудь, и затем сейчас бегут играть и плясать в корчму.

Несходство и сходство с однократным зависит от того, что литовские на *-ter-* выражают не единичность момента, а дробность моментов или момента, часто, но не всегда уменьшительность действия. Так, например, вряд ли можно найти уменьшительность значения в следующем: „jis ėmęs tą peilį, įėjį krušinę kroszterėjo teip, kád tũjaús srovė kraujų isztekéjo“ (Schleicher, Grammat. Lesebuch, 192) = так хватил в грудь (кольнул ей в грудь). По характерам *-terėju*, *-ėjau*, *-ėti* и *-teriu*, *-iau*, *-ti* рассматриваемые глаголы принадлежат к конкретно-длительным.

Czióprju, -prju, -pti — nach etwas tasten, greifen.

Czióprju — то же. Czióróju и cziuróju, -óti — benutzen, antasten.

Cziupinėju — berühren, betasten — Auch für unkeusche Körper betastungen gebraucht.

Что могут обозначать формы *-yti*, *-oti* как не длительность? Для интенсивного *czùptieriu* (etwas angreifen, zutasten) это — щупать. Вряд ли заимствование одного существительного *arýszciura*, в творительном и местном, например — *arýszciura*, *arýszciuroj*, например — *arýszciuroj dirbti* — ощупью (в потемках) работать.

Случаи, когда литовский язык не различает конкретности и большей длительности: *vaikas ėit į pamokslą* — может означать, как и в немецком, — *der Knabe geht zum Unterricht* — мальчик идет (теперь) в ученье, и мальчик ходит (постоянно, обыкновенно, в течение значительного времени) в ученье (*Kurschat*, § 1352).

Конкретный и более длительный — *vedù* — *vadžióju* = вожаю, с тою разницею, что и последнее явственно от воды, а при первом причинное *vėsdinu*, *vėjù*, *vėjaũ*, *výti* — гнать — *vajóju*, *-ójau*, *-óti* — *jagen*, *herumjagen*, *nachjagen*; сербское *вијати*, *вијам*.

Velkù, *vilkaũ*, *vĩłkti* — волочь; *vilkiù*, *vilkėjau*, *-kėti* — одеваться, быть одетым; *válkioju*, *-óti* — волочить (сходственное значение см. в словаре). *Vežù* — *važiũju*.

Vitóju, *vitavóju*; *tekù*, *tekėti*; — *tekiũtis*.

Teszkiù, *tėkszti*, *taszkáu*, *-yti*.

Tráukiu, *-kti* (тянуть); — *tráukau*, *-kyti*; *tvėriù*, *tvėrti* (fassen).

Tvárstau, *-yti*.

Kibù, -ėjau, -ėti; kibinti; kīburiu, kīburiūju; klýdau, klydėjau, -ėti = irren, irrsam sein; klájdžioju; guliù, gùlti — ложиться спать; gulėti — лежать.

Grįsztu, grįszti = возвращаться.

Pucziù — pūsti; pustaũ, pustýti.

Plėsziau, plėszti; plėszau, -szyti.

Beldù, -ėti; baldau, -yti; baldóju, -óti.

Lieju, lieti (лить); upė miestą aplieja — река обливает, обтекает город; laistaũ, -styti — oft begiessen; láisterėti — ein wenig (лѣзь); lándžioju и lindoju.

Предлог не имеет влияния на совершенность или несовершенность, следовательно liprù — priliprù.

Asz pabėgau ir vėlkiojau (волочився вокруг — по всем усядам) „arė pusàntrą metą aplinkui“ (Schleicher, Grammat. Lesebuch, 158).

Gułti — лечь (Nesselman, Lieder, 49); gulėti — лежать.

Keliù, kėliau, kėlti — поднять (совершенный) и поднимать. Anksti rýta kėliau — я встал, поднялся. См., однако, pakėlti и pakylėti.

Vera duris, pravėriau — я отворил — duris; vārstyti, -stau — отворять и затворять часто (рыпаться).

Eimi (= einù) ėjau, eĩti — итти.

ėjaũ vandenėlis (песня) — я пошла (совершенный) по воду.

Stóti, pastóti, stovėti, neilgai stovėjau — стояла.

Причинные: vemiù, -jau, vėmti (vomere), pravimdaũ, -dinu, -dyti — довести кого до рвоты.

Vėrdu, viriaũ, virti — trans. kochen.

Vėrdinu — sieden lassen — варить что.

Vercziù, vėrsti — вернуть, воротить.

Vartaũ, -yti — ворочать, virtáuju, veriù, vérti, vārstau, -yti.

Témsta — смеркает, témdyti, támsinti.

Társzku, tarszkiù, tarszkėti, társzkinti — (треск).

Tekėti (течь), tēkinti (точить, острить), įtekėdinti; tilpti; talpinti.

Tylòm — молча; tilstu, tildau.

Tardau без явственного причинного значения.

Tirpstù, tirpaũ, -pti; tirpinù, -inti (таять).

Trūkstu, trūkti (рваться).

Trunkù, trūkti (медлить), trūnkina.

Tvjystu, twyti — anschwellen (vom Wasser). Tvindau, -yti — anschwellen machen; jemanden mit Bier besaufen.

Daryti, darýdinti, dirbdinti.

Digstù, digti, dáiginti.

Kawadinti (kawoti — ховать).

Kibu sich regen, kibinu — kibinti — дразнить.

Gerti — girdinti.

Gesaũ, gesyti — гасить; — gestù, gėsti — гаснуть.

Gyjù, gyti — заживать; gýdau, gýdžiau, gýdyti — заживлять.

Gułti, gukdyti.

Lydau, -dyti — топить, делать жидким.

В. Глаголы на tu — средние: vertù — transitivum; vercziiùs возвратный; virstù (конкретно-длительный) — umfallen, sich ändern.

Spiáuju, spiáuti, spiáudyti (часто плевать) (Schleicher, Grammat. Lesebuch, 160; Donaleitis, III, 493, I, 124); barstyti (Donaleitis, III, 356, 686); tasýtis (ibid., III, 805); krapstyti (ibid., IV, 291); skirstyti (ibid., IV, 566).

Глаголы конкретные и при них frequentativa с характером -а- в латышском.

Wezt (wed-)—führen, fahren: waddat—frequentativa—hin und her führen (wezt?—wazat—hin und her schleppen).

Zelt—heben, zillat—oft heben.

Brizt (brid-t) waten, braddät—hin und her waten.

Lizt (lid-t, perf. lidu)—kriechen; lôdat (вм. land-ati)—hin und her kriechen. Spragt—platzen, brechen; spreg-at—platzen, prasseln.

Литовский kvèpiù, -pti (редко kverèti)—дышать, пахнуть (без оттенка начинательности, для которого—kvimpù, kvipti) kwèpùju—hauchen, aufhauen, keuchen, schwer athmen.

Jis jei dävè i kátilā vandēns nēstz (Schleicher, Grammat. Lesebuch, 122) (наносить, носить).

Санскритское от kar—делать 3 л. мн. ч. karikarati—wiederholt machen или—сар—двигаться, carcariti—schnell sich bewegen, wiederholt sich bewegen.

Латышское frequentativa с характером -i-: werst—werfen; wertit—frequentativa, wärtit—hin und her werfen.

Более длительные—на -avju, -avau, -auti.

У Нессельмана глаголы с различным характером весьма часто не различаются по значению по немецким переводам (что, конечно, объясняется трудностью передачи чуждых немецкому языку оттенков), но примерами, что было возможно.

Dusù, dùsti—schwer atmen, keuchen; dusù (dusèju), -èti и dusáuju, -óti—id.; dusáuti—seufzen in Leiden und Trübsal.

Кажется, dusù и duséti—конкретно-длительные, dusóti, dusauti—более длительные. Ср., с одной стороны, дышать и украинское дихати, с другой—вдыхать:

„Kàs dēn iszirēdēs, alē dūsaudams ir vis sirgdams nūtveria száukszta“ Donaleitis, II, 18, 19) (=вдыхая и болея=печальный и хворый). Rēkiù, rēkiaũ, rēkti—кричать (конкретно-длительный), száukiù, -kiaũ, -kti (ibid, II, 456)—кричать, звать: „Laima száukē, Laima verkē“ (rēve)=rief, schrie—песня (Schleicher, Grammat. Lesebuch, 8).

„Czè vėns, rēkaudams durnai—крича (более длительное) как сумасшедший—sù ródagra piáujas“—грызется с подагрой—„o kits tén (=в другом месте) kitaip dūsaudams (=иначе, на другой способ вдыхая) dáktaro száukia“ (=зовет) (Donaleitis, II, 34, 35). Klýkti, klykiù—ängstlich schreien, kreischen (von Kindern), stark schreien, jauchzen.—Klykáuju, klykáuți—unbändig schreien, jauchzen.

Более длительное -au, -yti: rēžau, rēžyti (durativ.), rēžti.

Отсутствие совершенности и несовершенности: „àns vȳrs tą freilēnē atriszo o namò važiávò“ (Schleicher, Grammat. Lesebuch, 119—повез); „jis prászē tēvā kād jām dūtu árt“ (ibid., 121) (стал просить, попросил); „katràs eís (пойдет) žarnù izplát (pláut)?“ (ibid., 121), „trópyjosi jém i vėnā kàrczema jeit, stiklą pȳvo gért“—выпить (ibid., 129).

Dūk mą nēstz (ibid., 130—понести); védē (ibid., 133)—взял за себя, женился, „повел“; ispražino, kád tai jo vaikai=узнал, что это его дети; ir važiávo (поехал) sávo paczòs jėszkòt (ibid., 134). Во многих случаях èjo—пошел, пошла, пошли.

Bėgo—побежал (ibid., 181); skėndo—утонул (ibid., 34); bėgo (побежала) (Donaleitis, II, 105); szóko (прыгнул) (ibid., 109).

[а] Явления света, звука, запаха, как шуметь, кричать, смердеть. Сюда же—глаголы, означающие не издавать звука: молчать (ср. сербское шутити, шутим); украинские шкварчати, ячати, скаучати.

б) Деятельность восприятия этих явлений: видеть, глядеть, зреть, смотреть.

в) Другие психологические состояния: хотеть, бдеть, бо- леть, свербеть, велеть, щеметь, терпеть, скорбеть, бояться.

г) Механические явления движения и пребывания на месте: лететь, бежать, мчать, дрожать, держать, вертеть, висеть, си- деть, стоять, лежать, торчать; украинское строміти (см. Пав- ский, III, § 25); свербеть.

С производным -т-: пыхтеть, украинское тремтити, скаучать, чешское chraptěti.]¹

Verba resultativa в литовском. Термин этот не встречается у Шлейхера и впервые введен Куршатом, который говорит приблизи- тельно следующее (Grammat. d. lit. Spr., 131, § 463).

В литовском различаются действия, изображаемые независимо от достигаемой ими цели и должны представляться достигающими цели, например, gŷdė, = heilte, kurierte в смысле „beschäftigte sich mit Kran- kenheilungen“ — занимался лечением больных, причём действительное излечение могло и не достигаться, и iszgydė = „heilte die Kranken“, т. е. „machte sie wirklich gesund“ — действительно исцелял их. В немец- ком, кроме сравнительно редких случаев (например „ich habe ihn ge- sucht“ — я его искал, „ich habe ihn aufgesucht“ — я его отыскал), эти оттенки не различаются, — что, видно, с точки чистоты литовского языка, по- влияло, между прочим, на литовский перевод Библии. В литовском в пер- вом случае ставятся „большею частью“ глаголы простые, во втором — „по правилу“ сложные (предложные), которые всегда имеют результа- тивное значение („zur Bezeichnung einer Handlung als solcher werden meistens einfache Verba; zu resultierenden, d. h. zu solchen, dir Erwirken, Fertigmachen zum Ziele haben, in der Regel — *Composita*, die eben deshalb auch immer resultative Bedeutung haben, gebraucht“) (курсив подлин- ника. А. П.). Таким образом lygõnį gŷdyti — значит лечить больного, заниматься его лечением; lygonį iszgydyti — излечить его так, чтобы он выздоровел (русское — вылечить, вылечивать, излечить, излечивать). „Vai- kaĩ rãszo — дети пишут, т. е. занимаются писанием, но „schreibe mir einen Brief“ в смысле результативном будет по-литовски не rãszŷk, а parãszŷk man grõmata. Lipo aĩt kãlno — значит только характер: всхо- дили на гору, без результативного значения, которое может быть вло- жено в немецкое stieg auf einen Berg; в результативном же смысле по-литовски užlipo aĩt kãlno — взшел на гору

Куршат замечает, что литовские результативные сходны со славян- скими совершенными (verba perfectiva), но нетождественны с ними (Kurschat, Wörterbuch, I, XVI, XVII; он же, Grammat. d. lit. Spr., § 463). Miklo- sich (IV, 288) видит здесь на стороне Куршата недоразумение, ибо говорит, что совершенные глаголы славянского языка означают не одно лишь

¹ Дальше в рукописи кроме материалов, приведенных в [] скобках, имеются еще следующие:

Русское (реветь по второй теме), стучать, трещать; литовское blizgũ, -ėti, блестять, blyszkaĩ, blykszi — блестять; сюда же глаголы, обозначающие неиздавание звука: молчать (ср. сербское шутјети, шутим).

чешское vorěti, chutěti, štrěti, čpiti, brneti, pasiti, polěti, brenčeti — бурчать (hurčeti), дрчети.

kluziti, hudleti, kračeti, tuloceti se, kolaceti se, cotejčeti se. Чарац піс.

— ? Oh-bracoliti, nelholiti, mrtoliti, horičeti. Ред.

прекращение действия, но достижение цели действия, почему и могли бы тоже быть названы результативными; как литовские *gydyti* и славянские *vračiti* — *ozdrovljati*, так покрывают друг друга и литовское *išgydyti* и славянское *izvračiti*, *ozdroviti*. Тем не менее Куршат совершенно прав. Подобным образом предшествующие исследователи приписывают литовскому совершенность глаголов. Так, Нессельман под словом „*da*“ говорит: предпоставленная глаголу эта часть выражает „*das Vollendete, das Fertigsein oder machen des Wurzelbegriffs*“ (Nesselman, *Wörterbuch*, 123). Шлейхер: *ra-* в сложении с глаголом „*meist nur in der Function, das Verbum zu einem die Handlung als einmalige bezeichnenden, zu einem Verbum perfectivum zu machen*“ (Donaleitis, 246). Miklosich: „Даже литовский язык заметно удаляется от славянского, так как он, хотя и делает различие между *išprašyti* и *prašyti*, точно так, как славянский — между *испросити* и *просити*, но, повидимому, не знает столь существенного для славянского языка различия между *сочити* и *скакати*, т. е. не имеет глаголов итеративных. Еще далее от славянского — германские, даже готский: легко заметить, что в большем числе случаев предлоги, не только одно *ga-*, делают глаголы совершенными (*perfectivieren*); но нельзя не признать, что этот закон не проведен последовательно и что гот забросил (*aufgab*) лежащую в его сознании категорию действия совершенного и продолжающегося, глаголов совершенных (*perfectiva*) и несовершенных (*imperfectiva*)... В языке, лежащем в основании как немецкого, так славянского — а такой язык мы принимаем с Гриммом и Шлейхером — надобно допустить существование совершенности предложных глаголов (*Perfectivität praefixierter Verba*). Для арийского праязыка такое допущение не может быть обосновано, а обосновано обозначение длительного действия темю с усиленным коренным гласным, а мгновенного действия — темю с неусиленным коренным гласным“ (Miklosich, IV, 293).

Прибавлю от себя, что разница между теми и другими достигает осязательности в значении формы настоящего времени. В современном славянском языке глаголы длительные совершенные стоят на одной ступени с глаголами однократными (которые все совершенны) в том отношении; что в обоих мысль об оконченности действия несовместима с представлением настоящего времени, почему форма этого последнего получает значение будущего совершенного. В литовском глаголы результативные тоже стоят на одной ступени с так называемыми Куршатам *verba punctiva* (*-eriu, -erėti*, например *szukteriu* при *szaukiù* — зову, кличу) „*die ein einziges kurzes punktuellcs Geschehen bezeichnen*“ (Kurschat, *Wörterbuch*, XVII; он же, *Grammat. d. lit. Spr.*, §§ 248, 441), о значении коих будет сказано особо, которые мы могли бы назвать однократными или мгновенными, если бы с этими терминами у нас не была так тесно связана мысль о совершенности. Оба эти разряда в литовском сохраняют за форму настоящего значения настоящего, из чего следует, что, например, будущее этих глаголов, смотря по контексту, может быть передаваемо и русским будущим совершенным (настоящее совершенного глагола) и будущим несовершенным.

Мнение Миклошича, что „настоящее предложных (литовских) глаголов имеет, как кажется, значение будущего“ — ошибочно и подкреплено примером „*Мум нураус сесутès*“ (Юшкевич, *Песни*, 26) — нам сорвут сестрицы, — в коем стоит, может быть, будущее, а не настоящее. Например *ateiti* есть глагол только результативный (Куршат), соответствующий немецкому *kommen*, значит и прийти и приходиться; *atbègti* — прибежать и прибегать; *atjòti* — приехать и приезжать верхом, *geritten kommen*; *atvaziùti* — приехать, приезжать, езжать (на возу), *zu*

Wagen kommen; atlěkti—прилететь, прилетать,¹ при них настоящие: jis atěit, atbėga, atjōja—er kommt zu Fuss, gelaufen, geritten—приходит и пр. (Kurschat, Wörterbuch, II—kommen)—таким образом в настоящую минуту и, я думаю, не только в конкретно-длительном (в настоящую минуту), но и в более длительном (в течение более продолжительного времени). То же относительно resultativa verba, в общем соответствующих немецкому bringen: atnėszti, užnėszti, принести (сербское донести), приносить, įneszti—внести, вносить; atvėžti—привозить, привезти; atvėsti—привести; atpaludenti—провести, проводить, провожать (домой); atgabėnti—доставить (например кладь). Отсюда настоящее в смысле конкретно-длительном: („kokiōs naujėpōs tu ātneszi“—какую новость ты приносишь?—„Asz gera žinią ātneszu“—я несу (и достигаю цели, приношу) добрую весть (Kurschat); „Antai ateina bernužis per lauką, atsinesza rānko āksa rentinėlius“ [= Вот приходит (к девице, о которой упоминается выше) молодец по полю и он приносит в руке (конкретное длительное) золотые шпоры] (Schleicher, Grammat. Lesebuch, 38); „Парбега жиргялис гарсей жвенгдамас, Ишейна сесяле гайлей веркдама“ (Фортунатов, 168).

В повелительном без отношения к цели: eiksz pas mane—иди (ступай сюда) ко мне=украинскому иди (ходи) до мене, т. е. сейчас; „ateik pas mane“ (erst später hin, nicht unmittelbar, nach der Aufforderung—Kurschat)=в русском приди (приходи) ко мне, украинские прийди, прихोдь (с тем же оттенком, как и в лигвском); „paiksztis lizda kraujas“—птица делает себе гнездо (но сделает ли?), но „susikrauja“—состраивает, свивает (в настоящую минуту и вообще).

Не следует думать, чтобы результативность глагола была обязательна в том случае, если цель действия указана дополнением: Ср., например, „Важюок, мано тевяли Ин Вильнуже местяли, Пирк ман тимо бальняли“ (Фортунатов, 190); „Пардусю жиргус... вадусю мергужеля“. „Напардук жиргу... Навадук маня яуноі. [В них и других подобных им в этом, но с более сложным характером, особенно ясно видно сродство славянского будущего с настоящим. Славянское будущее время есть оконченное настоящее, или иначе, оно есть представляемое, но несуществующее в действительности окончание настоящего.] Атвадус маня теvas мочюте“ (ibid., 200); „Сеск ин јуда лайвьяли... Тай муду плауксим пер јурес марес ир даплауксим краштяли“ (ibid., 20).

§ 4. Виды и категория длительности в глаголах

Из несомненного и общепринятого положения, что славянское будущее простое имеет форму настоящего, следует, что некогда эта форма имела значение настоящего, а не будущего. Есть явственные следы такого значения форм беспредложных=предложным, употребляемых только в значении будущего.²

[Рассматривая глагольные классы со стороны формы, мы видим, как из форм относительно простых образуются формы все более и более сложные, предполагающие не большее число предыдущих форм. Например, глагол нашивать, нашиваю предполагает нашивать, украинское ношуваты, ношую, этот, вероятно, нашавати и нашати, этот последний—нести, этот—нести, который в свою очередь по 1-й теме несущему заклю-

¹ Относительно значения *at-* ср. значение сербского *до-* в доли, долетати, долетјети и пр.

² Этот абзац написан на полях рукописи вместо зачеркнутого текста, который приводится дальше в [] скобках. *Ред.*

чает в себе характерную гласную *-а-* и потому не первообразен. Известны формы более простые, чем несу, именно такие, как *въмь* и т. п.

То, чего достигает язык этим непрерывным усложнением характеров, может быть определено не иначе, как наблюдением над изменениями значения глаголов, соответственными изменению формы. Наблюдения эти легче делать в тех случаях, когда глагол с более сложным характером не вытесняет более простого, но существует рядом с ним в одном и том же наречии, или когда более простой глагол, вытесненный сложным в одном наречии, сохраняется в другом.

Глаголы без характера во 2-й теме и без характера или же с характером *-а-*, *-ја-* в 1-й теме в самом славянском языке уже по отделению его от других сродных вовсе не выражали того оттенка большей или меньшей длительности и краткости, который мы называем видом. Вида вовсе не было в языке славянском, как, например, нет его в настоящее время в немецком, в котором видовые оттенки действия или вовсе не существуют для мысли или выражаются описаниями, так, что например одно *tragen* заменяет нам нести, носить, украинское *ношати*, украинское *ношувати* = русскому *нашивать*.

В настоящее время в вышеобозначенных глаголах и других, о которых речь ниже, видовое отношение определяется следующими признаками.

а) Все эти глаголы, за исключением нескольких (менее десятка), без предлога обозначают деятельность несовершенную, конкретную. Действие, обозначенное глаголом нести, несу, есть то, которое выделяется мыслью непосредственно из чувственного воззрения, между тем как формы носить, нашивать, если устраним различие в их значении, имеют то общее, что обозначает действие, как продукт большого отвлечения. Чтобы употребить выражение „ношу“ в обыкновенном его смысле, нужно обнять несколько моментальных действий, порознь добытых из чувственного воззрения, и представлять эти действия одним протяжением. Из этого уже видно, что язык, прибавляя к формам, как „нести“, такие, как носить, нашивать, между прочим, стремится к своеобразной отвлеченности мысли.]

б) Как скоро к конкретно-несовершенным глаголам присоединяется предлог, то вторая их тема получает значение действия конкретного совершенного, а первая, именно настоящее время и повелительное наклонение, — оттенок будущего времени.¹ [Последнее объясняется тем, что мысль о действии, действительно совершающемся в настоящее мгновение, а между тем оконченном, немыслима, потому что заключает в себе противоречие. Что я вижу, слышу и т. д. в это мгновение, то не может быть оконченным. Действие оконченное я могу представить себе только в прошедшем или в будущем.] В немецком *ich trage hin*, *trage (da)hin* — „hin“ обозначает только направление действия, и потому эти выражения могут быть в славянском переданы не предложным глаголом, а глаголом с наречием места или с дополнением: несу, носи туда-то. Между тем в *несу*, кроме обозначения направления, есть еще значение совершенного действия и будущности, представляемой настоящим. Поэтому это выражение наиболее, хотя не совсем, подходит к немецкому: *ich werde hintragen*: не совсем — вследствие особенностей, зависящих в немецком выражении от его составных частей: настоящего глагола *werden* и неопределенного наклонения.

в)¹ [От пп. а) и б) отклоняются те немногие глаголы, упомянутые под п. а), которые получают значение совершенного действия и будущего времени в 1-й теме не в силу предлога, а единственно от влияния других дли-

¹ Дальше в рукописи идет зачеркнутая часть; она поставлена нами в [] скобки. Ред.

тельных форм.] Таковы дам, буду, реку, паду, сяду, лягу.¹ [В них и других подобных им в этом, но с более сложным характером особенно ясно видно сродство славянского будущего с настоящим. Славянское будущее время есть оконченное настоящее, или иначе, оно есть представляемое, но несуществующее в действительности окончание настоящего.]

Можно доказать, что будущее глаголов пп. а) и б) было некогда действительно настоящее, именно тогда, когда при глаголах п. в) не стояли еще длительные формы и когда предлог в глаголе п. б) обозначал только направление или вообще местные отношения действия, а не его окончание.

У Павского (III, 95) — голословно: „Чем далее восходим к первым началам словенского языка, тем реже замечаем влияние предлогов на время и пространство“ (т. е. на вид глагола).

Тогда не существовало разграничения действия конкретного, с одной, и длительного или многократного — с другой стороны, и все эти виды действия безразлично могли обозначаться глаголами п. а).

Приступлю к самым доказательствам.

Дати, дамь; даяти (давать), даю.

В современном русском языке, со включением народных говоров, дать (дати), дам есть глагол совершенный; дам есть будущее; повелительное дажь и причастие, деепричастие настоящего времени от удвоенного корня (от темы да д-), которые имели бы оттенок совершенности, потеряны и заменены формами глагола даяти (давати): даю, дай, даючи, притом так, что повелительное дай по видовому значению вполне уравнилось с дати, дам и для выражения большей длительности имеет при себе давай (от темы дава-) и деепричастие (resp. причастие), по крайней мере, в литературном и украинском имеет значение несовершенное, совместно конкретно-длительное и более длительное; в украинском форма не даваючи, сколько известно, не употребительна, хотя возможна, а в литературном разница между не давая и не даючи не чувствуется, быть может потому, что последняя форма становится архаичною.

Старинный язык представляет следующие явления:

а) Дамь имеет значение конкретно-длительное несовершенное, есть настоящее время, соответствующее современному даю:² в русских юридических памятниках XIV—XVI вв.: „се дасть (= дает) Ивань Михайловичъ“ (Буслаев, изд. 2-е, II, 128; Акты юридич., II, 25); „Язь у нихъ ту деревню выкупаю, и они миѣ тое деревни не отдадутъ“ (= не отдадут) (Акты, 29, 1511 г.); „За разбоиника людѣк не платятъ, нѣ выдать (= выдают, а не выдадут) и всего съ женою и съ дѣтьми на потокъ, а на разграбленик“ (Русская правда — Достопам., I, 29—30); „про што ми обрекль еси Кіевъ, а пріятьльи ми не даси (= не даешь) пріимати“ (Ипат. лет., 20, 19); „Обыскати... кто у нихъ в Губѣ... лихихъ людей, татей и разбойниковъ — къ кому разбойники и тати приѣжжаютъ и разбойную рухлядь привозятъ и кому разбойную рухлядь продадутъ“ (Грамм. Ив. Вас., 1571 г. — Достопам., I, 153); „Тот Шарапъ... из села вонъ нейдетъ и монастырю села и деревни не отдасть... Шарапъ и его дети... нам... села и деревни не отдадутъ“ (настоящее) (Акты юридич., I, 173, 1534 г.); „И ксть (в исправленном — будеть) [муж] акы древо саженок [в исправленном — насажденое, т. е. посаженое] (wsadzone) в преисходищихъ водь.

¹ Дальше в рукописи идет зачеркнутая часть; она поставлена нами в [] скобки. *Ред.*

² У Караджича в Словаре: дати, дам и дадем названы глаголом совершенным, что и бывает; откуда в примечании: „не даду ми се коњи, челе, дѣца (кад умиру); „даду се“ = даются, ведутся.

И кже плодъ свои дасть [(в исправленном — дасть) (wydawa)] в время свок“. „И листъ кго не ѡпадетъ [(в исправленном — не опадетъ) (nie opada)]. И вса кlico створи поспѣкътъ са кмоу“ [(в исправленном — „успѣтъ“ без „ему“) (poszczęści się)] (псалом 1, Псалтирь 1296 г. — Буслаев, Хрестом., 86).

б) Повелительное — дажь, дадите по видовому значению соответствует древнему значению настоящего дамъ, и в современном языке заменяется посредством дай, давай: „не дадите (dāwte, nie dawajcie) стааго пьсомъ, ни помѣтайте (balh̄te, ani miēcicie) бисъръ вашихъ прѣдъ свиниами“ (Остр. ев., Матфея, VII, 6; 60); „не дадите бщенная пьсомъ ни полагаите бисъры ваша“ (Саввина кн., 11).

По отсутствию более длительных форм при отрицательных частицах эти обороты древнее, чем „не дайте“ в значении „не давайте“: „Чѣка не минѣте не привѣчавше, добро слово кмоу дадите“ (= дайте) (Лаврент. лет.; см. Буслаев, Граммат., II, 128).

в) Дати = давать: „а тѣхъ ми земель не освоивати, ни продати (= продавать), ни мѣнити (= менять), ни въ закупъ не дати“ (= давати) (Акты, 25, 1505—1511 гг.); „нѣции ѡт братья наша дързноуша продати (= продавати) священныи санъ и причитати я къ церквямъ, и взимати ѡтъ нихъ нѣкыя оуроки глаголемыя“ (Правило Кирилла — Достопам., I, 108; *ibid.* продакътъ = современному); „Буде бателько принаймить(-ти) (когда дочь не будет ему жать, вышедши замуж), по золотому на день дати. Таки не будешъ вѣрно жати“ (Сб. Сев.-зап. кр., I, 88 — Кобринский у. Гродненск. губ.); „разболѣса конь и падъ издше ѥ нача тѣатиса дружина. ѥ не дати (= не давати) ми одрати ноги...“ (коня) (Пролог 1350 г. — Срезневский, Памяти., 260).

г) Причастие настоящего времени да да — дающий: „стоящимъ же имъ около города, и не дадушимъ ни воды почерпсти за 3 недѣли...“ (Лаврент. лет., 140, 37); „Ростиславу... не дадушю ся мирити... Андрееви же вложи... въ сердце...“ (*ibid.*, 141, 2); „и пути заяша, и сълы изьмаша Новгородская, вьсьдъ вѣсти не дадуце Киеву къ Мьстиславу“ (Новгор. лет., 14, 14).

Польское „Nyedadzanczi czanzej, alybo gwalthem odbiyayanczi, alybo wipusczańczi wzanthą“ (не дающий, выпускающий) XIV—XV вв. (Księgi ust., 28); „За тобой жила надежной как головушкой, почитали спорядовы вси соседушки, поклон вѣздали жены мне-ка мужнии“ (Барсов, 186). Miklosich, IV, 818: „Причастие настоящего действительного, как выражающее одновременность (Gleichzeitigkeit) действия с другим, следовательно, его длительность, образуется только от глаголов несовершенных; однако не мало исключений из этого правила“. Между прочим, приводится: „аште кто видитъ матере... подадѣштѣ съсъ“ — *si quis videt matrem mammam praebentem* (Supr., 285, 11).

Подобные случаи суть отклонения от действующего правила в том смысле, что они — следы времени, когда правило еще не существует и „подати“ не было глаголом совершенным. „Свьѣтници же суть и друзи житейския мысли, не дадуще намъ ни о смерти помыслити“ (Калайдович, 119).

Дати: „Слѣчноѥ ѡшествоиѥ. подъ землею ѥ надъ землею. кдинако ѡббоѥ (осень и весну) творить. не дады ни годомъ друогъ друога боле ѥмати“ (Шестодн., 112).

Повелительное дай в значении современном давай: „соудиже по правдѣ, мѣзды не емлите, в лихву не дайте“ (= давайте) (Достопам., I, 10); „жену свою любите, но не дайте (= давайте) имъ надъ собою власти“ (Буслаев, Граммат., II, 128).

Если в Остромировом евангелии уже употребляется дай (вместо даждь), как в современном языке, то это значит, что уже в очень древнее время по мере как древнейшие формы спряжения, к коим принадлежит удвоенное дамь, даждь, стали вытесняться более новыми, как дам, дай, конкретное значение 1-й стало переходить ко 2-й, а более длительное значение вторых к еще более новым формам, как даяти, даю.

„Что имъ посоулишь, то да и (= современному дай и более древнему дажь), а болъ не дай“ (= не давай) (Дог. Мст. Дав. с Ригою 1229 г. — Собр. гос. грам., II, 4); „и рече имъ (радимичам) Олегъ: «не дайте (= не давайте дани) Козаромъ, но мнѣ дайте», и вдаша Ольгови пощягу, якоже Козаромъ даху“ (Лаврент. лет., 10, 21) в древнем списке „даяху“; „Д молитвы стварий ему на день, а мяса не дай ни молока“ (Калайдович, Памятники, 175); „Призови дѣлателя и дай (ἀπόδος) имъ мьздѣ“ (Остр. ев., Матфея, 20, 8).

Дамь — в смысле настоящего в русских юридических памятниках XIV—XVI вв.: „се дать (вм. дает) Иван Михайлович“ ... „проѣзду намъ не дадутъ“ (вм. — не дают), 1483 г.; „почему вы... проѣзда имъ не дадите“ (вм. не даете) (Буслаев, Граммат., изд. 2-е, II, 128). Такое безразличие видовое предполагается тем состоянием языка, при котором, как уже в древнейшем старославянском памятнике (Остр. ев.) дати — дамь, даждь обозначает действие только конкретное [„Чѣка не минѣте не привѣчавше, добро слово ему дадите“ (= дайте) (Лаврент. лет.; Буслаев, *ibid.*)], между тем как дати, даяти (= совр. давать), дажь — действие длительное и отвлеченное.

Предлог обозначает только направление, но не придает значения будущего совершенного. „Азь у нихъ ту деревню выкупаю, и они мнѣ, господине, тое деревни не отдадутъ“ (вм. не отдают) (Акты юридич., 1511 г.; Буслаев, *ibid.*).

При подавать, подаю мы теперь деепричастие имеем только в форме подавая, произведенное от темы дава-, от которой настоящее время было бы даваю; но „нестаткъ (ἐλλειρις) же ксть слово, иже нейспълнь избѣсудѣтъ са (настоящее). подати (=подавая) же разорумѣвати. ѡ всѣхъ днѣхъ“ (Изборн. 1073 г.; Буслаев, Хрестом., 270).

Вѣмь, вѣдити с предлогом — несовершенный. „Не повѣдуче никому же шедше убийте брата моего Бориса“ (Лаврент. лет., 57, 26); „злыкъ мурныхъ добро свѣсть. ѡста же нечѣстивыхъ повѣдати зло“ (Притчи, 15, 2 — Буслаев, Хрестом., 153) (в исправленном тексте „свѣсть“); „Мнози бо дружбу имѣюче велику и заклинаниемъ и ласкою тайну повѣдати всѣмъ чѣвкъмъ“ (XIV в., Буслаев, Хрестом., 481); „не оумѣю, ни свѣмъ (οὐκ οἶδα οὐδὲ ἐπίσταμαι) чыто ты глѣши“ (Остр. ев., Марка, 16, 68); „свѣсте“ — scitis (Miklosich, IV, 777); „Бывши бо единою скудости въ Ростовѣстѣи области, встаста два волхвъа отъ Ярославля, глаголюща: «яко вѣ свѣвѣ, кто обиле держитъ“ (Лаврент. лет., 75); сравни с повѣдуче следующее: „вохвъ... пришедь... Кыву глаголаше сице, повѣдая людемъ, яко на пято лѣто Днѣпру потещи вспяты“ (*ibid.*, 75); „вѣ вѣвѣ (Ипат. лет. — вѣ два вѣдавѣ), како есть человекъ створенъ“ (Лавр. лет., 76); „Бѣси бо не вѣдятъ мысли человекъское“ (*ibid.*, 76); „и тако погыбнуста наущениемъ бѣсовьскимъ, инѣмъ вѣдуща (Ипат. лет. — вѣдуща и гадающа), а свои пагубы не вѣдуче“ (вм. -ща) (*ibid.*, 76); „Вохвъ глаголашеть... яко проповѣдь (в Радзивиловском тексте правильнее „провѣде“, т. е. провѣдѣ, знаю наперед) вся“ (*ibid.*, 77); аште оубо свѣвѣсиса ничесоже отъ сихъ творакъ“ (Изборн. 1073 г., 31); „чѣци аще ѡ на толицѣ высости. над ними сѣуть (звезды). то ѡбаче

могоуть ꙗкоумомъ хытрѣ свѣдѣти. въ чиненіѣ... и... лоунною помръчаниѣ. ꙗвѣдетъ прѣже многы лѣты. ꙗ проповѣдетъ ꙗ скажоуть“ (Шестодн., 121 об.).

Дѣю, дѣти. Если бы в современном литературном языке сохранился глагол надѣю, надѣтъ, одѣю, одѣтъ, то он, в силу предлога, имел бы значение совершенного, ибо нет глаголов, предшествующих по форме и несовершенных по значению, но в старинном языке глагол конкретно-длительный несовершенный дѣти, дежи, ст.-слав. дежди (вернее с е, чем с ѣ, при коем дѣти, дѣжъ, как дати—даю при дамъ) являлся как более дательный. В украинском как архаизм сподітись, сподіюсь, сподійся—вместо современного сподіватись: „уже ти нас, наша мати, у гості не сподійся“ (Метлинский, 358; *spodzieję się*—совершенный). Другой архаизм надівати, надіє (вместо современного *надіває*) образован как давати, дає. „Один козак іде, шати дорогії несе, на його козацькі плечи надіє. Боти сап'янові несе, на його козацькі ноги надіє“ (Кулиш, I, 208). Современное литературное—надеяться, надеюсь (собственно полагаются на) древнее по образованию, чем соответствующее по значению украинское сподіватись, новее чем сподітись, как несовершенное; оно служит наглядным доказательством, что и надѣю, одѣю (*improvo, vestio*) в значении несовершенных суть русские формы.

Дѣти, дежду: „васъ одеждѣтъ (=одѣвають) ризы, мене же правда“ (Supr., 14, 18).

„Не пѣѣтеса глѣже, что ѣмъ ли, что пиѣмъ, и въ что одеждемъса“ (Саввина книга, 13); „одеждемъса“ (Остр. ев., Матфея, VI, 31); „На вьсакомъ мѣстѣ вьздѣюще прѣподобнѣи руцѣ...“ (Изборн. Святосл. 1076 г.—Буслаев, Хрестом., 298): „аще на пѣтъ йдеши не надѣи чюжемъ брашнѣ“ (XV в., Буслаев, Хрестом., 650); „рѣгаахъ же са кмоу и воини... оцѣтъ придѣжше кмоу“ (Остр. ев., Луки, 23, 36); „въздѣніе (въдѣніе) руку мою жертва вечерня“ (Феодосий, 195). Ср. *odziepie* и одѣяние. Церковнославянские вьздѣнъ, одѣнъ, одѣвень (Supr.; Miklosich, Grammatik, III², 108). (При дожинках) „коли виншуюць, дык надзѣюць вянок на голову панам“ (Шейн, 177); „Ѡ корене проклѣѣтъ. что йздна йздеѣет се“ (Шестоднев, 94 об.). „Аще сѣно бѣ тако одѣкътъ“ (Матфея, 6, 30) — Miklosich, IV, 776 — относит к случаям, когда „именно в пословицах настоящее совершенных глаголов означает неограниченное никаким временем или, точнее, действие может случиться во всякое время“. Например: „ушла лодия кормы не мочихъ, а зла жена жизнь всю мужа своего погубить“. Я думаю, что одѣетъ есть не будущее, а настоящее несовершенного или, точнее, глагола, предшествующего категории совершенности и несовершенности. „... Лоуна, често. акѣ съвлачающи се. ꙗ пакѣ одѣющи се въ свѣтъ самъ собою“ (Шестоднев, 136); „таче створи ж слѣце присно съвѣтша. а лоуноу ѡвѣгда ѡблачешоу се. ѡвѣгда съвлачешоу доброту. ѡвѣгда ѡдѣющѣ се въ ню“ (*ibid.*, 154); „соугоубою чьстью ѡдѣкътъ“ (*ibid.*, 180 об.).

Польское *nadziać, przyodziać* глагол совершенный, *nadzieć*—будущее совершенное, русское надею от надеть совсем утратилось, заменившись формою надѣну; сохраненное настоящее надеюсь имеет неопределенное надеяться (собственно полагаются).

Дѣлъ=дѣаль. „Аже кто поклажаи кладеть у кого-любо, то ту пѣ-слуха нетоуть; нѣ уже начнетъ болшимъ кльпати, тому ити ротѣ, оу кого то лѣжалъ товаръ: а толко кси оу мене положили“... „зане же кму болого дѣлъ и хоронилъ товаръ кго“ (Русская правда—Достопам., I, 39).

Сѣсти. „Помяну Олегъ конь свой, иже бѣ поставилъ кормити, не всѣда нань“ (= не въ(ь)сѣдая) (Лаврент. лет., 16, 17).

Украинское совершенное покликати, покличу как и в русском будущее. „Кличе-покличе накречну панну“ (Головацкий, II, 93) соответствует обыкновенному украинскому „кличе-покликає“, что было бы в русском „кличет-покликивает“, так что покличе есть настоящее длительное

Велѣть в современном языке глагол совершенный и длительный; велю употребляется в смысле настоящего конкретного и будущего, но отвлеченное длительное в книжном языке выражается посредством повелѣвать, повелѣваю, что по времени происходит позднее, чем (Остр. ев.) „къто оубо съ ксть, тко и вѣтромъ велить и водѣ и послушають кго“ (Луки, VIII, 25).

Воротить, ворочу глагол совершенный при ворочаю, т. е. возвращаю, например ворочу (будущее — деньги); но воротить, ворочу есть длительное конкретное при ворочаю, например с души воротит (настоящее). Первоначально в обоих значениях было воротить.

Кончить, кончу совершенное, но кончит, как мастер (в смысле длительном конкретном) кончает: „в Террачине кончится Европа“ (= оканчивается — длительное отвлеченное); в польском kończyć [только длительное: „jeszcze toaletę swoją kończy (оканчивает); życie kończy się przez śmierć“], при skończyć, ukończyć совершенном и skończywać = оканчивать; чешское: „háj se ročiná, kde louka se končí“ (= кончается); „háj (слово) па j se končí“ (= оканчивается).

Литературное пленить, народное полонить, полоню, совершенное, взять в полон; но сербские пліјенити, пліјенимо — брать добычу, длительное, конкретное.

Родить, рожу и в современном языке не только в значении совершенном, но и длительном, например в украинском в выражении „хліб не родить“, „дарма верба, що груш нема, нехай й не родить (не рожает), розсердився мій миленький, нехай й не ходить“. В польском rodzić — только длительное при совершенном предложном (zrodzić, urodzić) и длительное отвлеченное rodziwać: „zwyczajnie dziewiątego miesiąca rodzi (рожает) matka“. Так и rodzić się — рожаться. Так и в чешском „otec plodí, matka rodí“; „ne orám, ne sejí, samo se mi rodí“ — многократный rodívám.

„Великость вашего духа, важные замыслы... накопятся (накопляются) [в моих устах], заслоняют дорогу дыханию“ (Афанасьев, Журналы, 36). „Съвязаныя душа рѣшаче оть тьмницъ пущаху“ (Калайдович, Памятники, 38).

Ступить — совершенное, как в сербском, польском; но в Ипат. лет.: „Онъ же Вятичь не съступяшетъ [не уступал — от съступити], но даяшетъ имъ 4 городы“ (Ипат. лет., 18).

Явить — совершенный, так и в сербском јавити — в том же значении, но в значении вести отару, итти перед отарою („јавити овце“) — длительное. „В минуту славное сражение явится“ (= является) (Чулков; Афанасьев, Журналы, 162).

Рушить — в значении тронуть — в украинском и польском есть глагол совершенный ruszyć — кого, jutro ruszę dalej; nie rusz — не тронь; в русском областное — рушить в значении резать, есть (кушать) — длительный; сербское рушити — разрушать; так и в чешском: „obrazu rušiti“.

Женить и совершенный и длительный, так что женю — и настоящее и будущее; но в украинском, сербском, польском, чешском — только длительный.

Крестить — глагол совершенный и длительный, но крещусь — только длительный; в сербском крстим, польском chrzycić, чешском

křtim—только настоящее. И в старославянском совмещение всех видовых оттенков в крѣститѣ древнее, чем различие крѣстити и крѣщати.

Обачить—радеть, стараться. „Ты не обачиш сор к избы приметать, а роскутил и то, что припасено“ (Новгородская губ., Обл. слов.).

Стрѣлить в украинском, польском, чешском—совершенный, хотя польское настоящее sztrzeli do góru; но „отходила Настасья за вѣрсту за мерную; заводила она стрѣлить (стрелять) в злачен перстѣнь“ (Пам. и обр. нар. яз., 316).

Таким же образом и в остальных глаголах на -и-, имеющих без предлога значения совершенные (бросить, лишить, простить, скопить, хватить), следует предположить более древнее значение неопределенной длительности.

При нескольких предложных совершенных того же разряда находим те же глаголы со значением длительным.

Изгнать в литературном языке совершенный, но в Остр. ев. „изгоните“ (=изгоняйте) (Матфея, X, 8). Украинское „Ой одсунь вікно та кватирочку та вигонь (вигоняй) голубів з хати“ (Метлинский, 102); „Стоять воли в плузі... та нікому воли погонити“ (погонять) (песня); „Запрягайте коні вороні, наздогоньте (наздоганять) літа молодії“ (ibid., 253); „Попробонь овечки, що родина даровала“ (ibid., 265); „Наша пані... і сама не робить, і нас не пригонить“ (ibid., 323); „Добре той радить, хто людей не звадить“ (Номис, 119).

Дострѣлять—совершенное; но длительное в следующем случае: „Як надибали чорного тура... і сніпок стрілок не достріляє (не дострілює,—в нем недостает стрел), і сив коничок із ніг спадає, гордий молодець з страху вмліває“ (Головацкий, II, 62).

Найдутся, без сомнения, многие другие подобные случаи при подробном сравнительном изучении словарей и памятников старинной народной литературы всех славянских наречий, но, мне кажется, и приведенных примеров достаточно для доказательства следующего положения. Одновременно с появлением при конкретно-длительных глаголах одного из классов, до класса -ати, -аю включительно, другого глагола того же корня (за исключением глагола буду) в одном из последующих классов, сравнительно с классом первого глагола,—например одновременно с появлением при пасть глагола падать,—начинается видовое разграничение этих глаголов. Глагол предшествующего, более простого и древнего строения стремится стать совершенным, между тем как последующий становится более или менее длительным и отвлеченным. Первоначально это разграничение не резко, и остатком такого состояния языка служат архаические формы со значением длительных при таких же современных, обозначающих совершенное действие (Буслаев, Граммат., I, 101).

Отличие такого взгляда от взгляда Буслаева можно видеть из следующего. На стр. 126 сл. (Буслаев, Граммат., изд. 2-е, § 183) Буслаев говорит: „Так как глагол получает значение настоящего или будущего времени по различию вида, продолженного или совершенного и однократного, то употребление одного времени вм. другого объясняется употреблением одного вида вм. другого“. Затем следуют случаи такого употребления.

„I. Уже в древнейших памятниках церковнославянской письменности, виды продолженный, совершенный и однократный смешиваются между собою, что явствует из употребления настоящего времени вм. будущего, и будущего вм. настоящего. Такое смешение видов и времен частью удержалось и в исправленных текстах, частью же изменено по более строгому различию времен и видов, в соответствии временам греческого

подлинника“ (ibid.). О двух явлениях, имеемых в виду автором, именно о замене будущего настоящим и настоящего будущим, следует говорить отдельно. Что до второго, то замены настоящего будущим вовсе нет. В применении к этим случаям выражение, что они имеют место уже в древнейших памятниках, сбивчиво; оно заставляет думать, что в последующие времена случаи эти встречаются чаще. Тогда как на самом деле в древние времена еще не было в такой мере развито различие видов, как в позднейшие. „Отъпустиши“ (ibid.) есть действительное настоящее не только по форме, но и по значению. Оно кажется будущим лишь с точки зрения позднейшего состояния языка. „Так как, — говорит Буслаев, — по этимологическому составу будущее дамъ ничем не отличается от настоящих вѣмь, имь и др., то ясно, почему часто употреблялось оно в смысле настоящего“ (ibid.). Здесь опять тот же анахронизм. В выражениях — как „они мнѣ... тое деревни не отдадутъ (вм. не отдают), а денегъ не возмутъ“ (не берут) — было бы употребление будущего вместо настоящего только в том случае, если бы для писавшего формы отдадутъ, возмутъ имели то значение, какое они теперь имеют; но на самом деле эти формы были действительные настоящие времена, потому что предлоги обозначали в них не окончание действия, а только его направление. Так что по виду формы эти означали действие несовершенное, как и формы беспредложные дадутъ, имутъ. Этимологический состав форм даст, дадут и в настоящее время не изменился, а между тем теперь никто знающий по-русски не употребит этих форм вместо длительных дает, дают. Если „некоторые глаголы [как купить, решить, кончить] теперь причисляются к совершенному виду, но в старинном языке и даже иногда в новом, у писателей, употребляются в продолженном виде, и следовательно в настоящем времени, вм. ныне употребительного будущего“, если другие глаголы (как велеть, женить, казнить) „употребляются и в продолженном и в совершенном виде“, так что велю, женю, казню могут быть и настоящим и будущим временем (ibid., 129), между тем как прежде были только настоящим, то это значит, что здесь современный язык пошел далее старинного в разграничении видов.

Обратного явления, т. е. возвращения к старинному безразличию видов, в народном языке быть не может. Буслаев говорит, что „некоторые глаголы, утратив продолженный вид, употребляются только в форме вида совершенного, но в значении продолженного, а потому форме будущего времени дают смысл настоящего; например в церковнославянском: совершенный вид кръстити, откуда будущее кръщѣ, и продолженный вид кръщати, откуда настоящее кръщаж; но теперь *крещать*, *крещая* вовсе вышло из употребления в общепринятом и в книжном языке, совершенному же виду *крестить* дается значение продолженного, почему и *крещу* имеет смысл настоящего времени“ (ibid., 128). Этим Буслаев допускает в языке возвращение от нового к старому, но совершенно ошибочно. Чешское *křtít*, польское *chrzcić*, сербское *крстим* есть только настоящее время глагола несовершенного. То же удерживается и в русском языке, для которого вовсе не обязательно то, что старославянский, прибавивши новую форму *кръщати*, придает форме *кръстити* значение совершенное. Правда, есть случаи, когда литературный язык пренебрегает длительными и многократными формами, употребительными в народных русских наречиях, и употребляет безразличную форму, им предшествующую по времени, во всех значениях; но и здесь видим не возвращение к забытой старине, а удержание ее.

Относительно употребления настоящего вместо будущего заметим:

когда в старинном языке или в современных наречиях употребляется форма, которой мы придаем значение будущего, в смысле настоящего, когда, например, в Остромировом евангелии говорится „изгонишь“ или в украинском „вигонить“ в смысле выгоняет, то это, как выше сказано, значит, что старинный или украинский язык вовсе не выражает в этом случае различия между видом совершенным и несовершенным. Такие явления исключительно свойственны славянскому (пожалуй и литовскому, в котором тоже есть виды) и постоянно зависят от степени развития видовых различий действия. Но употребление будущего вместо настоящего может иметь место совершенно независимо от существования видов. Оно, например, обыкновенно в немецком, начиная с древнейших времен (с Ульфилы) и доныне: „ich komme bald, ich komme morgen (veniam)“ (Grimm, Grammat., IV, 176—177). Несомненно, что случаи, соответствующие приведенным немецким, есть и в славянском. Ср.: „посѣдита вы сдѣ, а язъ лѣзу, наряжу“ [= а я иду (=пойду), распоряжусь] (Лаврент. лет., 110); „азъ иду (=пойду) понь; а ты, брате, посѣди“ (ibid., 110); „поидевѣ на Гюрга, а любо съ нимъ миръ створимъ, али съ нимъ бьемся“ (ibid., 137); „не ѣдемъ на конихъ, ни на возѣхъ, ни пѣши идемъ, понесѣте ны в лоды“ (ibid., 24).

И при теперешнем развитии видов глагола, и при полном их отсутствии были бы возможны эти случаи. Ср. еще настоящее при частице да: „да аще инъ кто помыслить на страну вашу, да и азъ буду противень ему и борюся съ нимъ“ (ibid., 31). Иногда частицу да можно подразумевать: „проклята земля в дѣлѣхъ твоихъ, и въ печали я си вся дни живота своего“ (ibid., 38).

Здесь будущее сложное с буду было бы, кажется, невозможно; точно так и с частицею ать в летописи постоянно настоящее, но в современном языке при пусть, нехай — настоящее или будущее: „скажи, пусть я знаю, пусть я буду знать“; „скажи, сердце, правду, нехай же я буду знати“ или „нехай я знаю“.

Старинный язык имел более поводов ставить настоящее вместо будущего, именно: когда предлог не придавал глаголу значения вида совершенного, и когда, например, опояшетъ отличалось от пояшетъ не тем, что второе настоящее, а первое будущее, а тем, что первому предлог придавал значение опояшетъ вокруг, а во втором это вокруг не было обозначено; тогда нужно было или отказаться от выражения будущего времени как будущего, или прибегнуть к описательным формам. Последнее могло быть не всегда возможно, так как описательные формы могли иметь свой оттенок смысла, не согласный с намерением говорящего.

Отсюда, вероятно, происходит то, что старинный язык ставит беспредложное настоящее и в таких случаях, в которых мы бы употребили будущее: „вдаимыся Печенѣгомъ, да кого живять (оставят в живых; предлог при живять был бы, кажется, неуместен), кого ли умертвять“ (ibid., 55); „возму землю Лядскую, и мѣщю (=отомщу за) Русьскую землю“ (ibid., 113); „любо соромъ сложи и земли своей мѣщю, любо честь свою налѣзу, паки ли, а голову свою сложи“ (Ипат. лет., 42); „того на мнѣ не проси . . . а ныне я того тебѣ не творю“ (=не створю). Сюда же относятся примеры из Остромирова евангелия в „Грамматике“ Буслаева, II, 127. Соответственно этому встречается беспредложный глагол и в других формах там, где мы для обозначения совершенного действия поставили бы глагол предложный: „Уже мнѣ мужа своего не кресити“ (Лаврент. лет., 24); „а Игорева храбраго плѣку не крѣсити“ (Слово о п. И.); „любо ѥ казни, любо слѣпи, али дай намъ“ (Лаврент. лет., 163).

Есть, однако, случаи, когда и в древнейшее историческое время можно было обойтись без предлога и поставить будущее, а между тем

ставилось настоящее; „ажь ми ся уже молить и кається о своей винѣ всей, то язъ его прииму и ко кресту воюю (можно употребить настоящее же, но конкретное ве ду), и надѣлюкъ ему даю (можно бы сказать дамъ в смысле ли настоящего или будущего); да же въ томъ устоять, и отъемъ мя имѣти почнетъ. . . то язъ и сыномъ и мѣю собѣ“ (Ипат. лет., 146).

Стремление разграничивать глаголы конкретные от длительных и менее длительные от более длительных и многократных не одинаково сильно в разных славянских и даже в разных русских наречиях. Оно особенно сильно в чешском, в котором отсутствие глаголов с характером *-ыва-* (*-ива-* из *-ева-*) с лихвою вознаграждается богатством класса *-о-а-* и *-а-* производного (*i + a*, *i-va*, *ivava*, *ava*, *avava* и пр.). Из сравнения чешского с литературным русским видно, что почти во всех тех случаях, где русский язык придает одной и той же форме значение и конкретное и отвлеченное, чешский для конкретного значения оставляет прежнюю форму, равную русской литературной, а для отвлеченного образует новую, с более сложным характером. Таким образом русский литературный язык стоит в этом отношении на гораздо более древней ступени развития, чем чешский. Другое важное отличие русского (как совокупности наречий) и чешского, что первый любит сложные глагольные характеры, преимущественно в глаголах предложных, так, например, в русском в большинстве глаголов на *-ыва-*, между тем как в чешском этой наклонности вовсе нет.

Не всегда, но часто формы, имеющие в литературном русском и в русских наречиях значение только многократное, в чешском означают отвлеченную длительность без оттенка многократности. Так как этот последний появляется позднее отвлеченной длительности, то здесь русский язык, в свою очередь, новее чешского. Вот ряд примеров из „Moravské Národní Písne“.

„Kole mne se otira, jinu do tañca bira“ (ibid., 211 = каждый раз, как я приду, обыкновенно берет; польское в том же смысле — *bierze*); „Vystavím klášter mezi horama, Tam budu bývat bez milovápa“ (ibid., 229 = не бывать, а в длительном отвлеченном — жить, пребывать); „Jiné panenky půdou do kostela, A já přesmtná musím bejvat doma“ (ibid., 438 = оставаться); „Bývaj, mužú, bývaj dobrý, Nechodívej do hospody“ (ibid., 668 = будь, как отвлеченное). В *ývávati* сравнительно с *ývati* обозначает, повидимому, большую степень длительности, а в прошедшем большую степень давности. „Rozpletejte mě, krásné družičky, které ste bejvaly moje tovaryšky, Bejvávaly jste, a už ne budete“ (438) (в первом месте были подругами, состояние длительное, но без прерывов; во втором — были когда-то; невесте это время кажется уже очень далеким); „Sem já býval mladenec hodný“ (501). „Што је она (маћуја) Бу (пасторку) горе (хуже) држала, то је она све здравја и лепша бивала“ (Караџић, Припов. 1853, 178) (= становилась à la longue); „S páněm bohem tu bud' kamarádko věrná, Co sme bévávaly jako ruka jedna. S páněm bohem bud'te svobodní mládenci, Co ste bývávali Moje tanečníci“ (Mor. Nár. Písne, 456); „děkuju vám na stokrát že ste semno dobře bévávali“ (= обходились) (ibid., 452); „dobře mi bývalo u tatíčka mého, už mne tak nebude“ (ibid., 470). В той же песне: „už mi tak nebude, jak mi bývávalo“ (как бывало прежде когда-то). „Ach můj tatiček něstava, požehnaní mi nedáva“ (ibid., 493) (не встает, не дает); так и в польском „nie wstaje, nie daje“.¹ Что здесь нет полного согласия с русским, видно из того, что та же форма употребляется и там,

¹ Юнгман замечает: „daju — slav. est praesens. Bohemi frequentativum dáváám pro praesenti ponunt (т. е. вместо даю): hloupý here, a moudrý dává“.

где в русском многократная: „kole tych vrat, kaj sme spolem stavali“ (ibid., 605 = ставали);

„Nerozfukuj větre sena... Dyž mně bude muž bijávat (бить), Abych měla na čem spávat“ (ibid., 608 = спать). „Náš hospodář ješče doma spí (конкретное); budeli tak spávat (длительный отвлеченный с оттенком многократности, но в русском литературном не сыпать, а спать или высыпаться), až budem žínávat (= жить, в отвлеченном), Bude hospodářství zlý“ (ibid., 613). Ср. сербское не спавам ноћу [не сплю (отвлеченное) по ночам]; „Даћу носи зелена барјака, ноћу спава (обыкновенно спит по ночам), с бегом у душеку“; „Опа нејида каše“ (ibid., 429) (польское nie jada; русское не ест, т. е. не любит); „А ја вам в Ораве кошулку прат' буду.— Kde bys ich právala (украинское де б ти їх прала), dyž tam vody není“ (ibid., 88). „Měla's pesedávat dvě leta na prahu“ (ibid., 263 = было тебе не сидеть, но и не сиживать было); „Včil bych ho (sokola) šla hledat певім kde se dává“ (ibid., 466); украинское „де сидає“ не совсем подходит, так как может иметь начинательное значение; русское литературное „где сидит“ (т. е. обыкновенно); „Dobře je ti tudy... při matičce sedat“ (ibid., 485) (хорошо тебе сидеть — в отвлеченном смысле); „... jak ja ráno stavam (встаю), svum kravičkám davam (даю) kudželku prádu“ (как и в русском, польском пряду, przęde — значение обыкновения) (ibid., 541); но в следующем особая форма для отвлеченного значения: „Со ја dělávám (обыкновенно делаю) zdovíš sa; Já ráno stávám... kúcélenku prádávám“ (ibid., 540). „Pod'ty dívča suúžit k nám: Nebudeš nic děuávat (делать), Епом pásat (пасти) pávů“ (ibid., 547); „Šak vtáček nikdá ne sívá (никогда не сеет), а přесе vesele spívá“ (ibid., 608); spívá, как и польское śpiewa, украинское співає, русское литературное поет — безразлично может обозначать и конкретную деятельность и отвлеченную, как выше. В следующем этой форме противопоставляется более сложная для обозначения большей давности действия: „Со то за ptáčka? Tak vesele zpívá, Jak zpívávala má dcera milá, dyž doma bývala“ (ibid., 484); „Budú za mnú plakat maměnciny krásy, že ne budú mívat (отвлеченное иметь — nie będą miały) za rosenky trávy“ (ibid., 481); „Kdo chce moje pole orat', Mosí pěkný kope mívat' (без всякого оттенка многократности) (ibid., 516). Для давно прошедшего: „Rád sem tě mívával Dys byla paněnkú, včil jsi mně milejší Dyž si mojí ženkú“ (ibid., 451); „Už mi tak pe bude, jak mi bývalo. Dyž mi modré kvítí v zahradě kvítalo“ (цвело, kwitło) (ibid., 251); „Dycky jsem ti říkávala: nepí te gořalenku“ (ibid., 655). „Sedum let dochází, Můj milé nejede“ (ibid., 87) (приходит, приходит к концу; в украинском было бы неловко употребить соответствующую форму: дохожає); „Slunečko zachází“ (ibid., 560) (заходят); „Dróžička už přichází (друга приходит), věpec na blavu sází“ (сажает, кладет) (ibid., 431); „Kdo se to prochází po Liboské hrázi?“ (ibid., 251) (польское przeschodzi się или przechadza się — прохаживается); „Ty drahé semena... nikdá ne scházíjů“ (ibid., 492) (не всходят); „Do hospody chodívá“ (ibid., 430) (обыкновенно ходит); „[Muž] pedá k muzice chodívá“ (ibid., 495) (ходить); „Já k vám suúžit nepůjdu... Nemohua bych chodívá mezi pachouata“ (ibid., 547). В той же песне и в том же значении: „Ne mohu (-h) by k nám chodit Těn švárný šohajek“; „Pokud jsem bul mládeněckem, Chodíval jsem pod perečkem“ (ibid., 504); в том же значении и глаголы с более сложным характером: „Neráda stáváš, kravám pedáváš, Na travu ne chodíváš.— Ráno stávám, kravičkám dávám, na trávu chodívám“ (ibid., 540). Может быть, впрочем, в последнем стихе chodívám вместо chodívám употреблено для большей силы речи, так что и здесь значение этих форм не одно и то же. Несомненно, что хотя формы с характером -*iva*-, -*ívava*- и не выражают многократности, но они отличаются

от форм с характером *-i:-a-* (*cházetí*) тем, что служат обозначением большей степени длительности и вместе и большей степени отвлеченности, чем эта последняя форма. По поводу песенного выражения: „*nové líto přichodíe*“, вместо современного *přichází*, Эрбен замечает, что песня — догуситских времен (Erben, *Písňe*, 58). „*Hospodaři vrtaváju ve svatek hnúj vozívájú* (возят обыкновенно); *Hospodyně vrtavájú ve mezi svato rekávájú*“ (пекут) (где?); „*Ženichova niva nikdá nerodívá*“ (не родит никогда; наречие служит указанием на общность значений глагола), „*když na ňu šohajek hnoja nevozívá*“ (Mor. *Nár. Písňe*, 487); „*Když... železnic v Čechách ne bylo, víže byvalo viděti... povozů kterež vyrobky z kraje, do...residenci dovážely, a odtud jmé zboží na-zpět přivážely*“ (Němcová); „*Dyž sem u mamenky byla... Těžko mně dělat nedali* (= не давали). *Po svadbách mně vodíváli*“ (= водили) (Mor. *Nár. Písňe*, 501); „*Milovali sme sa jako dvě holuběnky, vodíváli sme sa spolu za ručenky*“ (ibid., 238); „*Dyby si ty byua ubóhá sirota, Nenosi-uas by věnečka ze zuata. Ale bys nosiua ze zelenej rúty. Jako nosívájú ubohé siroty*“ (ibid., 505). Что сама по себе эта форма не многократная, видно, например, из следующего: „*V'asy nosíval* (не с перерывами, а обыкновенно, всегда носил) *přistřižene, jak se říká «podle rendlíku»* (Němcová); „*Mě'ls galánku... jezdivál's k ní pořád*“ (Mor. *Nár. Písňe*, 531) (постоянно); „*Kůň... co sem na nim jezdivával* (бывало ездил), *sveho ščest'a pohledával*“ (ibid., 271); „*Chodí se sam modlívávat moje panenka*“ (ibid., 696), „*Nebudu já robit, jako sem robíval*“ (ibid., 287) (как бывало работал); „*Chodíval's k nám ve dne, v noci, Šidíval's (szydzižeš, wyszydzažeš) mý černý voči*“ (ibid., 245); „*Dyby mně tak bylo, jak mně bývávalo, Dyž mně to sluněčko jasně svítívalo*“ (ibid., 255); „*Dyby mně tak svítíl, jak mně svítíval, Dyž pěkný měsíček naproti bývávall svítíl mně mesiček... Ale se zatemnil*“ (ibid.); „*Už mi tak ne bude, jak mi bývávalo, Dyž mi dvoje, troje slunce svítívalo*“ (ibid., 470); „*Ubozi sirotci plakávali u mí (u vody)... Kde sirotek plače (конкретное) všáde se zem trase*“ (ibid., 493); „*Těšíval mě synek, už mě netěši, Bude mě těšívat syneček inši*“ (ibid., 634); „*Ach ovej, ovej, co mě hlava bolí, Hlavěnka pobolívá* (как в русском — болит, побаливает), *Aj zavaž mně ju červeném šátečkem, At' mě už víc nebolívá*“ (ibid., 604) (пусть не болит); „*Co mě hlavěnka tuze bolí, Ej bolí, bolí, pobolívá že mně děvčínka vypovídá*“ (ibid., 229); „*Kup peřiny ne budeš sa bávat (bać się — бояться) zimy*“ (ibid., 447); „*Z tebe bude žena. A ze mně bude visívávat palášek dolů s koňa*“ (ibid., 601); „*Dýs mně ho (milého) odvedla, jenom si ho mívej*“ (ibid., 249) (постоянно, без перерыву); „*Povoz jeho záležel z jednoho vozu... přívěmž vždy míval šest silnych hřebců připřazeno*“ (Němcová); „*Ach už tech ruk není... Co mě kolébávaly, k srdci přitiskávaly. Dyž sem byl maličký*“ (Mor. *Nár. Písňe*, 506); „*V tej studeneče jalenek pijaval* (бывало пил), *Ná tego jalenka myslivec čihaval* (польское *czychał*). «*Něčihej (конкретное), něčihej, myslivečku, na mne*“ (ibid., 523); „*Ve svých bílých rukách srpa neměla. V létě srpa můj synečku, v zimě přaslice, Jenom sem se dívávala na bílý ruce*“ (ibid., 539); „*Už ty mně chceš v rukách skonati. — Já neskonávám, jenom se lóčím*“ (120); „*Laštověnka... rano vstava, švihotava*“ („*świegocze*“) (ibid., 197); „*Dyž jsem já k vám chodívávau, vrata sem vám otvírávau, psiček na mňa ščekávávau*“ („*szczekał*“) (ibid., 208); „*Plačte oči... Čeho jste navykly, toho odvykajte. A vy ste navykly se šohajem hrávat, A včil je vám těžko toho odvykávat*“ (ibid., 242); „*Dybych ja byl malym ptačkem, letaval bych krajem lesem, letěl bych k svéj milej*“ (ibid., 253).

Обычность выражается посредством большей длительности в болгарском: „Куме, я двашъ ли пѣчено прасѣ да ти опечемъ“ (Пам. и обр. нар. яз., 135); „Бръзы-ать конь ся стѣгнува, а бръза-та речъ не може“ (ibid., 129); „Воль ся врѣзва за рогá-та, а челякъ за язык-ать“ (ibid., 130); „Кой-то ся надѣва на чуждѣ трапѣзѣ, той остава гладенъ“ (ibid., 135); „Кой-то сѣки день промѣнява дрехти-тъ си, той...“ (ibid., 135); „Нужда законъ измѣнява“ (ibid., 138); „Отъ кѣно ухо влáзя, отъ друго излáзя“ (ibid., 138).

По образовании видов было время, когда глаголы как читать означали по отношению к своим первообразным только большую степень длительности; но по мере исчезания этих первообразных, к отмеченному значению производных прибавляют и конкретное значение первообразных.

Последим этого рода замены по классам, не выходя за пределы славянского языка и восходя от последующих разрядов и образцов к предыдущим.

Глаголы VI, б на *-ыва-*, как выше сказано, свойственны русскому, а не украинскому; по всей вероятности, не существовали в русском языке до его разделения, а в польском и сербском образовались самостоятельно.

Следы замененного ими класса VI, а (*-ова-*) до сих пор сохраняются в самом русском: „Мы по середам, по пятницам платье зóловали. Платье зóловали мы, льны прядовали“ (Буслаев, Граммат., II, 134); „Первую заступь в шахматы. А. П.) заступовали“ (Киреевский, IV, 65).

„Хлебные крошки собиравали...
Тем его душу пропитовали,
Больные раны зализовали“.

(Калеки, I, 63.)

В литературном языке под влиянием церковного донныне возможны архаические выражения: „ничто не связует так народа“, вместо связывает, но неопределенное наклонение, связóватъ уже неупотребительно и необходимо заменяется формами на *-ывать*.

В украинском значение глагола на *-ывать* выражается или отглагольными на *-овати*, *-ую* (о чем см. выше), или глаголами V, 4 (*-ати*). Последнее встречается в самом русском [(„не тузя темнитсе, не солнышко выкатáйтсе“ — вместо выкатывается) (Пам. и обр. нар. яз., 361). „Доставай мощну, вытряхай казну!“ (Даль, 583)], особенно часто в литературном сравнительно с народным (ср. Буслаев, Граммат., II, 134, 135), а в украинском частью необходимо, частью становится уже архаизмом, так что глагол на *-ати* может быть заменен глаголом на *-овати*. Украинские глаголы поглядáти, оглядáтись, сповідáтись, підкрадáтись, вклáдатись („ще спати не вкладався“), похожáти, промовля́ти, вихваля́ти („дошки накрапáли“ — Кулиш, I, 23), (*од-, за-, при-*) вертáти и др. подобные (русское *-ывать*) не легко заменяются глаголами на *-овати*. Русским выражениям, как „ходит он, похаживает“, постоянно соответствуют такие украинские, в коих второму глаголу соответствует глагол на *-ати*: „Гуляє козак Голóта погуляе“ (Кулиш, I, 15). Где украинский глагол на *-ати* (=русскому *-ывать*) стоит один, там он в просторечии мог бы замениться более новым на *-овати*: „Буде твоя мати мені вигорятти“ (Метлинский, 49); „козак дівку вговоряе“ (ibid., 79); „по садочку прохожаю“ (ibid., 56) („прохожуюсь“); „вона прохожала проміж козаками“ (ibid., 13); „став козак кóнівкою по мосту дóбре погримáти“ (Кулиш, I, 204); „к славі не прислухáюсь (не прислухуюсь), той гадки не маю“ (Метлинский, 87); „сів щоб прислухатись“ (Кв.-Осн., I, 127); „хлб святий приймаемо, а вас послухáемо“ (вислухуюем) (ibid., I, 53); „Ой устала мила, як не лежала, усю

челядоньку порозбужала“ (Метлинский, 242); „жовтеньку кість розношаю“ (ibid., 284); „кубки стоять понаповняні“ (понаповнювані) (ibid., 338); „заглядає (и заглядує) на токи“ (Кв.-Осн., II, 6); „викидати (и викидувати) ногами“ (ibid., I, 13); „влькомь рыскаше (рыскал) из Києва дорыскаше (дорыскивал) до курь Тмутороканя, великому Хрьсови влькомь путь прорыскаше“ (перерыскивал) (Слово о п. И.); „Вы т я гала Настасья калену стрелу“ (Др. росс. стих., 99); „А и на дворе день вечеряется, красное солнышко закатается“ (ibid., 162).

Глагол VI, а (-ова-). Из предыдущего видно, что в украинском употреблении этих глаголов усиливается: из этого можно заключать, что было время, когда вовсе не было глаголов отглагольных на -ова- (русское -ыва-) и когда значение их выражалось исключительно глаголом на -ати, ср. „літа минають“ (Hattala, Srovnávací, 304). Заметим в украинском относительно новые формы: „не лінуючись“ (не ленясь) (Кв.-Осн., I, 75); „голодує“ (голодает) (ibid., 78); „піст держу, постую“ (пощу) (Куліш, II, 68); „хай батенько не скорбує“ (не скорбит) (Метлинский, 57); „Одь бо любить сѣа и всєе показаєт (показоужт, показываєт) кмоу, гже самь творить“ (Остр. ев., Иоанна, 5, 19).

Значительное число чешских отглагольных на -ова- стоит на месте равнозначущих польских, русских, старославянских на -а-. Так, уже в отрывке евангелия от Иоанна X в.: „ostavuju svet“ (оставляю мир, польское zostawiam, реже zostawuję); в мистерии XIII—XIV в.: „Mastičkar: ježto (и-же) nas často utěšoval, a mnoho nemocných uzdravoval“ (утешал, польское pocieszal, uzdravial); в современном языке: „Ten svět rozvažoval (польское rozvažal, rozvažací); když milý pap Ježíš do nebe vstupoval“ (вступал, по-польски wstępował) (Mor. Nár. Písne); vylozovati (польское wyłudzac) и мн. др. (См. глаголы на -ова-: Hattala, Srovnávací, 303—304.)

Глаголы V, 4, а, б (со сложным характером -а-) заменяют по значению свои первообразные. В Остр. ев.: „кже въ оухо слышасте проповѣдите на кровѣхъ“ (проповедайте, проповедуйте) (Матфея, 10, 27); „и бысть недомыслащемъ са имь о семь. и се мѣжа двѣа стасте въ нихъ“ (недомыслившемъ са) (Луки, 24, 4); „се ли вы блазнитѣ“ (соблазняетъ?) (Иоанна, б, 61); в Ипат. лет.: „И выѣдзаче изъ города бѣяху ся крѣпко“ (20); „противу величю мышца твоя кто равнитѣся“ (103). Украинское „кто до тебе приїздив“ (приезжал), „як поз'їздяться було, то й говорѣть“ (поз'їжджаються) (Куліш, I, 165); „я чужій чужині клонюся (кланяюся), а своєї матусі не дождуся“ (Метлинский, 136); „най ся тобі не бажить печеного рака“ (нехай не бажаєтся) (Номис, 103); „І за свою пазуху не ручись“ (ibid., 132); „за сон не рачись“ (ibid., 291); „солнце, его же наричють Дажь-богъ“ (Ипат. лет., 5); „не куплїсь, Добрыня, во Пучай-реки“ (Киреевский, II, 23); „шелом на буйной голове замычется“ (замыкаєтся) (ibid., IV, 91); „куплїтс я нагим телом“ (Рыбников, III, 290); „плавле утеня, плавле сіреє“ (Метлинский, 149); „деж човен дівавсь, де плавле мій милий“ (Гребінка, 19); „слізюньками хлипле“ (хлыпает, похлыпывает); „чарочками брязчет“ (брязкает); „викоплемо“ (Головацкий, I, 92) (викопаемо); „в праву руку шаблю хапле (хапає), а с той шаблі кровця капле“ (украинское капає, русское каплет) (ibid., I, 97); русское „на одну ногу храмлет“ (Даль, 524); „всяк храмлет на свою ногу“ (ibid., 690). Ср. старославянское исьхати, исьшѣ и исьхаѣ; владати, влаждѣ, и владаѣ; литературное русское алчу и алкаю, рыскаю и рыщу, стражду и страдаю. Похожати — ходити: сербское „Хода царе по гори зеленој; за бијелу неђељицу дана . . . И цару је же ђа додијала ходајући воде не пијући“ (Петрановић, Пјесме, 147);

„Ев' имаде три године дана од кад правим ову задужбину, све нам Милош замедију плаћа“ (платит) (ibid., 174).

Виды *siądz, siadł, siedział, siadał*. „Nad nami dnie i nocе przesiadywał, grywał tenże na klawikordzie“ (обыкновенно); „Przyjmował grzecznie (принимал), odwiedzał (украинское *-ова-*) rzadko“ (Kraszewski); „Czy że niemógł sypiać, czy że mu cisza pospa do pracy była najmilsza, długo przeciągał czuwanie“ (Kraszewski). „Swiece przegotowywano mu na kominku“.

В литовском уже есть различие видов конкретно-длительного и более длительного, даже многократного (*verčiu, veįsti, vartaū, -yti, virtauju, -auti = laviren*), но нет однократного и нет того влияния предлогов на совершенность и несовершенность, какое в славянском. Очевидно, как однократный вид, так и это влияние — явления более поздние.

Замена предыдущего класса последующим (Pott, 2, I, 955).

Соответствует ли *-i-* в *žinoti* санскритскому *-a-* в *jāpāti* (ibid., 979)?

Глзбокъ Миклошич (Lexicon) сближает с санскритским *jrbh* — зиять, ссылаясь на *Zeitschrift*, VII, 173, где сюда же относится греческий корень *γλαφ-* (*γλάφω, γλύφω*) с значением быть выжелобленным, углубленным. В словаре Бетлинга за корень принят *jrbh* (*jrbhatē*) со значением разевать рот, зевать, раскрываться (о зеве), распространяться (по связи широты пространства и свободы, довольства), чувствовать довольство.

У Вестергарда другая форма *jrbh* — *jarbhatē*. Принявши за основное санскритское значение [ср. *jabhatē* и *jambhatē* — зевать; жаба (Miklosich, Lexicon), жабры, гжаба и зжабъ], нужно предположить, что если будет сюда *γλύφω*, значение выжелобливать, значит собственно заставлять зевать.

Держась этих сближений, увидим, что носовой звук *-y* в корне есть ставший коренным звуком глагольный характер: ср. старославянские глзбокъ и длзбокъ, болгарское длзбокъ, сербское дубок [которые вряд ли можно отнести к корню длзб-(сти), хотя, впрочем, и этот корень сближает с вышеупомянутым], жлзбъ (основа + *garbha*), голбокъ.

О значении характера специальных времен и в особенности *-л-* (Pott, II, 1, 655—666, и дальше 667—669, 704 сл., 709).

Състь (первоначально конкретное с настоящим без будущего значения). Съдѣти — сидѣть — более длительное (одна линия). Съдати (украинское, польское) — начинательное действие, которое может означать повторение этого мгновенного начала (*сїдаю* теперь, но еще не сел, не сел и имею обыкновение сидеть, „разів зі п'ять сїдав“), *сїживаю, sedávám* — многократность без начинательного оттенка, чему равно *сидить*.

Отношение начинательных на *-ну-* к начинательным на *-ѣ-* нельзя ли сравнить (по крайней мере в 1-й теме) до некоторой степени с отношениями *сѣдати* к *sedávati*? Не имеет ли начинательность *-ѣ-* большего сродства с многократностью, чем начинательность *-н-*? Большая ль? Начинательность не приурочена только к характерам *-и-*, *-ѣ-*. Она может быть условлена самим значением и появляться в известных глаголах вместе с внешними признаками длительности: *сїдати, лягати, ставати* = садиться, ложиться, становиться. Здесь высшая сравнительно, но не крайняя, степень длительности представляется повторением начала. Ср. непрерывную длительность в *сїдїти, лежати, стояти*. Много ли таких глаголов? Ср. *sich setzen* (Moment), *sitzen* (längere Zeit hindurch) (Pott, II, 1, 669).

Различие видов не может само по себе считаться признаком особенной силы мысли. Ср. Pott, II, 1, 669 и следующие виды у индийских „дикарей“.

В форме как санскритское *laghu* при литовском *leĩgvas* — *-и-* и *с-* *чезло* — *ibid.*, 682 сл.

Латинское 2-е спряжение, с одной стороны, = славянскому *-ѣ-*, с другой — причинным *-и-* — *ibid.*, 706 примеч.

Усиление в X классе — из имен — *ibid.*, 927.

Корни на *-āu-* не из корня на *-ā-*, а наоборот — *ibid.*, 939 (ср. Бопп, относительно *rāu* и т. п.).

§ 5. Совершенство и несовершенство глаголов

Говоря о делении глаголов по видам, мы предполагаем, что это деление имеет одно основание, именно вид. Но под видом до сих пор разумеют две совершенно различные категории: совершенство и несовершенство — с одной [стороны], и степени длительности — с другой. Таким образом, деля по виду, под покровом этого слова вносят двойственность деления. Во избежание сбивчивости, было бы желательно оставить название вида за чем-нибудь одним: за совершенностью и несовершенностью или за степенью длительности, благо самое слово вид может быть приложено, по этимологическому значению и по прежнему употреблению, и к тому, и к другому, и ко множеству других понятий.

Впрочем, если примем, что слово вид равносильно со словом степень, то под видом мы уже необходимо должны будем разумеать не совершенство и несовершенство, а длительность, потому что только в последней есть степени.

Что, действительно, совершенство и несовершенство не исключают степеней длительности, это для нас очевидно из следующего. Глагол каждой из трех первых степеней, принимаемых нами (1, 2 и 3), может быть несовершенным (итти, ходить, хаживать).

Против этого не может быть никаких возражений.

Глагол каждой из тех же степеней может быть и совершенным: пойти, заходить (= начать ходить), запохаживать (= начать похаживать). На это теория Павского о влиянии предлогов на виды возражает, что все эти глаголы принадлежат к 1-й степени (по делению Павского) и что ни глаголы 2-й степени (неопределенные многократные), ни 3-й (дальние многократные) совершенными быть не могут.

Теория эта ложна до корня, о чем ниже.

Мы утверждаем, что совершенство и несовершенство, с одной стороны, и степени длительности — с другой не составляют одного ряда (*continuum*), но относятся друг к другу, как два различные порядка наслоений в языке. С точки зрения Павского несовершенство до такой степени неотделима в языке от совершенности, что каждая из них не может существовать без другой, несовершенство, говорю, совсем выпускается из виду, а совершенство отождествляется с однократностью или мгновенностью и в таком виде ставится в ряд с двумя степенями многократности (по определению этого слова у Павского). Но слово однократности прикрывает здесь явления, не имеющие с нею ничего общего. Необходимо определить понятие совершенности, выделивши из него все постороннее. Действительно, всякий однократный (мгновенный) с характером *-и-* глагол есть вместе с тем совершенный, но и *a priori* не следует из этого, чтобы всякий совершенный был однократным, и на деле этого нет. Действие длительное и многократное может представляться оконченным, не переставая вместе с тем представляться длительным и многократным.

К вопросу о совершенности и несовершенности. Как две степени длительности могут иметь одну звуковую форму, так что,

например, пишу может значить по отношению к длительности и то, что веду, и то, что вожу; так и категория несовершенности и совершенности, различаясь между собою как формы грамматические (со стороны своего значения), могут быть омонимны и в предложных и беспредложных глаголах. Это относится ко всем славянским наречиям. Как в русском жею, крещу то совершенны, то несовершенны, так в сербском: чути—perf. и imperf.; казати—vb. perf., но в настоящем времени и совершенны и несовершенны (Караџић, Рјечник), а в других временах нет? „Чобан кад чује то (совершенный), отиде своме господару те му каже“ [здесь совершенный; так выходит из общего характера рассказа: скажет (объективно сказал), а не говорит] (Караџић, Припов. 1853, 15). „Он сиромах кад то чује (совершенный) не зна (несовершенный), шта ће од себе да ради: све чупа (несовершенный) косу с главе од муке и жалости (ibid., 22).

Видјети—perf. и imperf. (см. Караџић, Рјечник) повествовательное о прошедшем: „Како то види (будущее совершенное) препадне се (будущее совершенное) па скочи (совершенное) да тражи кобилу“ (Караџић, Припов. 1853, 29).

Вечерати—perf. и imperf. (ibid., 173).

У Цанковых—„Zapíše, popíše“—ich fange an zu schreiben; ich schreibe ein wenig (настоящее); „zapíše si pismo—to i ti zatropaš na vratá-ta“—ich fange an meinen Brief zu schreiben und du fängst an die Thüre zu klopfen (Grammatik, 76).

Совершенство и несовершенство. В связи со статьей Шлейхера находится статья Мартенса „Die verba perfecta in der Nibelungendichtung“ (Zeitschrift Sprachforsch. XII, 31 сл., 321 сл.), где на стр. 329 сказано: „различие между verba perfecta и imperfecta состоит в том, что последние выражают длительность, а первые нет. Поэтому форма настоящего глагола совершенного имеет значение не настоящего, а будущего, а форма прошедшего значение не имперфекта, а перфекта (прошедшее совершенное) и plusquamperfectum (давно прошедшее)“. По крайней мере, в применении к славянскому это ошибочно. Глаголы совершенные способны выражать разные степени длительности, поэтому причина, по которой их настоящее имеет значение будущего, не может заключаться в их неспособности выражать длительность.

Гильфердинг (Гильфёрдинг, Об отношении, 115 сл.), ссылаясь на К. Аксакова, говорит, что вид есть выражение качества действия. „Мы не хотим, разумеется, сказать, чтобы виды выражали те случайные качества действия, для коих есть в языке особая часть речи, наречие: они выражают в глаголе внутренние существенные свойства, из которых то или другое необходимо присутствует в нашем представлении о всяком действии. Славянин, например, скажет иной раз «рыба плавает», иной раз «рыба плывет», когда все другие народы говорят безразлично: «piscis natat», «der Fisch schwimmt» и т. д.: в этих выражениях не отличается в действии плаванья ни время, ни отношение к действующему или другому лицу, или к другому действию, ни количество, в котором действие это совершается, но именно в внутреннее свойство, с которым оно (действие) представляется говорящему: как действии, принимаемое отвлеченно (плавает), или как действии, представляемое определенно совершающимся (плывет). Так и в прыгать и прыгнуть опять-таки различается категория качества, ибо в первом случае действие прыганья представляется как отвлеченное (и поэтому как продолжающееся), а во втором—как понятый конкретно момент (и поэтому как однократное, ибо конкретно действие может представляться только как один момент). Также сколько

раз в глаголах, сложенных с предлогами, является в различных оттенках выражения качество действия, просто, без видимого отношения к тому особенному смыслу, который предлог имеет в речи сам по себе: например когда говорим — «я побежал», или «сбегал», «я гляжу», «я поглядываю», то представляем себе действие, в первом случае как начатое (побежал) или оконченное (сбегал), во втором как продолжающееся непрерывно (гляжу) или с промежутками (поглядываю), тогда как сами по себе предлоги *с, по* не имеют такого значения. Во всех этих случаях и везде в славянском глаголе первенствует в выражении категория качества; все другие категории, даже виднейшая из них в глаголе, время, являются с второстепенным значением“.

Мнение это привожу здесь потому, что Гильфердинг выводит из него заключение о полном несходстве славянского глагола с литовским, который, по мнению Гильфердинга, выражает наши количества. Об этом ниже, а здесь заметим, что аксаковское мнение о категории качества в славянском глаголе есть игра словом, значение коего заранее не определено. Пожалуй, можно всякое изменение содержания мысли, выражаемое словом, назвать качественным, но это только затемнит дело. Поставим вместо неопределенного слова „качество“ более определенные, и получим, по моему мнению и отчасти согласно с мнением Гильфердинга, следующее.

Славянский глагол выражает: а) определенное совершение действия (плывет), которое мы называем конкретно длительностью действия, между тем как Гильфердинг конкретными считает только глаголы однократные, которых, очевидно, нельзя смешивать с такими, как плыть; б) отвлеченную длительность, продолжающуюся без перерывов (плавает); в) продолжение действия с промежутками, которое, чтоб не противоречить предыдущему, тоже должны назвать отвлеченным; г) действие моментальное (= однократному), называемое Гильфердингом конкретным.

Сверх того, в славянских глаголах замечаем категорию совершенности, предполагающую несовершенство, и обыкновенно смешиваемую с категорией длительности.

По отношению к количеству различных форм длительности глаголы распадаются на две неравные группы: одну — глаголов вещественного движения, сопряженного с переменою места (нести и пр.), и другую, заключающую в себе все остальные глаголы. Эти группы различны тем, что первая, меньшая, имеет две степени длительности, кроме однократности, в ней отсутствующей, и многократности, а вторая нет. Ср. нести и носить, с одной стороны, и ставить, ловить — с другой.

„Вот наступит весна красная, Потекут да речки быстрые, Зацветут в рощах дубы, Запогуркивают голуби, Запосвистывают соловьишко“... (Барсов, 69). „Кто из нас братцы заворует, кто из нас братцы заплутует, кто из нас братцы за блудом пойдет, нам судить такового своим судом“ (Тр. Этнограф. отд., V, 2, 41).

Определение совершенности и несовершенности глаголов в славянском см. у Миклошича (Miklosich, IV, 274—276, 1). Названное выражение — *eine Handlung wird entweder als dauernd dargestellt oder als vollendet ausgesagt* — следует по-русски передать: „действие может быть представлено или продолжающимся, или совершенным (оконченным)“, а не длительным, ибо длительность совместна с совершенностью.

Совершенство неопределенного не совместима в одном сказуемом с глаголом начинательным совершенным: буду, стану, начну делать, а не сделать, робитиму, а не зробитиму (Miklosich, IV, 275; Потехня, Из записок, II, 317—320). Совершенство причастия *-л-* в польском, чешском

и западном украинском несовместима с буду (bęде) (Потебня, Из записок, II, 329).

Современный язык, подобно древнему, дает возможность рассказчику представлять прошедшие действия еще совершающимися в минуту рассказа, т. е. изображать действия прошедшие настоящим временем. Это не составляет особенности славянского языка. Но с точки зрения современного литературного языка кажется странным следующий прием, постоянно встречаемый в былинах. Мы, изображая ряд действий, следующих одно за другим: а) или рассматриваем эти действия с одной и той же точки действия по отношению ко времени их совершения и обозначаем все одним временем („пришел, увидел и сказал“, или „приходит, видит... и говорит“), б) или, меняя точку зрения, заставляем в речи чередоваться настоящее с прошедшим совершенного глагола [„приходит он, увидел (увидáл)... и говорит“; „пришел он, увидел... и говорит (и сказал)“]. В последнем случае мы бы не употребили прошедшего длительного глагола вместо прошедшего совершенного (например, „смотрел он и говорит“), руководясь основаниями, которые нам кажутся объективными, именно: он сказал после того, как увидел, следовательно, это последнее действие или состояние должно быть представлено совершенным по отношению к первому. Совсем иной обычай в былинах.

„Илья стал им поднашивать [чашу],
Они Илье отворачивают [возвращают];
Выпивал Илья без отдыха
Большу чашу в полтора ведра;
Они у Ильи стали спрашивать...“

(Киреевский, I, 2.)

„А на втапоры Збут Королевич млад
И отвязывал стремя [с стремени] вожья выжлока,
Со руки спускает ясна сокола, —
А сам ли то выжлоку наказывает“.

(Ibid., 12.)

„И наехал я в поле старого,
И стрелял его во белы груди, —
И схватил [схватывал?] меня старой в чистом поле,
Меня чуть он не забросил за облако“.

(Ibid., 13.)

„Подъезжал же ко Оке реке
Через Оку реку конь перескакивал,
Резвых ног ни обмакивал.
Тут стояли воры и разбойнички...
Натягает он свой тугой лук,
Пускал стрелу во сырой дубок,
Ращипал дубок во ножевые череныщи.
И тут воры разбойники испугались“.

(Ibid., 21.)

„Натягивал скоренько свой тугий лук,
Стрелял во Соловья Рахманова,
Стрелял он ему во правый глаз,
Свалился он Соловей с сорока дубов“.

(Рыбников, III, 14.)

„Как Добрынюшка матушке говорил“.

(Ibid., 76.)

„Походит Добрыня на конюший двор,
Имаёт Добрыня добра коня,
Уздаёт в уздечку тесьмянную,
Седлал в седельшко Черкасское“.

(Киреевский, I, 48.)

„Я приехал к тебе, Марина, свататься;
Ты походишь ли за меня замуж?“

(Ibid., II, 45.)

„Учёл нахвальщина зычен голос,
Поворачивал нахвальщина добра коня,
Попушал на Добрыню Никитича“.

(Ibid., I, 48—49.)

„И не смел ехать Дунай во чисто полё;
Поворачивал коня к белу шатру полотняну,
Из шатра выходил стар казак Илья Муромець,
Говорил старой да таковы слова...“

(Ibid., 53.)

„Да и принял молодца рукою правой,
Отрехнул ногою левою,
Сшибал молодца со белых грудей,
Давненько сшибал, да выше лесу темного“.

(Ibid., 54.)

„Приезжал ко белу шатру полотняну,—
Старой спит и не пробудитсе“.

(Ibid., 55.)

„Посылать стал Володимир князь
Старова казака Илью Муромца...
Выходил он на широкий двор,
Входил он во стойлы белокаменны,
Выбирал коня богатырскаго,
Седлал седелечком Черкацким,
Зашпинал двенадцатью подпругами шелковыми,
...Выезжал он на широкой двор,
Бил коня палицей по крутым бедрам,
Скакал конь через стену белокаменну
И ударился бежать во чисто поле“.

(Ibid., 59.)

Ср. 61, и так постоянно в этой былине. Как стр. 68 (совершенный), так стр. 73, 95 сл. В следующих былинах согласно с современным языком.

„Взяли тут удалова молодца...
Повели на горы на высокия,
Бросили в погреба глубокие,
Задержали решетками железными,
Завалили чашей, хрящом-камнем“.

(Ibid., 68.)

„Садился Калин на ременчат стул,
Писал ярлыки скорописчаты...
Что выбрал Татарина выше всех“.

(Ibid., 71.)

„Приезжал он ко городу да ко Кеиву,
Становил коня да среди двора,
Становил он да не привязывал,

Никому держать не приказывал;
Он пошел в светлыи светлицы
...Он берет двери за скобу...
Отпирает... крест кладет...
...кланяется...“

(Ibid., 82.)

„Обувал сапожки... оболочкал кошулю...
...повели ёво слуги под руки“.

(Ibid., 83.)

(Ср. I, 85, стих 306; III, 12, стих 96 сл.)

Илья пригласил Самсона на помощь против татар.
Самсон отвечает:

„Кладена (=положена) у меня заповедь крепкая:
Не бывать бы мне во городе во Киеве...
И не стоять бы больше мне за Киев град“.

(Рыбников, III, 210.)

„Ты сказывай (сербское казу) про ходы да про ключи подземельные!“

Отводила она ему ходы подземельные
И пошел тут старой по тем ключам,
Ключи-ты он руками раздёргивал,
А двери-ты ногами ростоптывал,
Выпушшал царёв... говорил царям...“

(Киреевский, I, 88, 89.)

„Скидывал Добрыня платье княжеско,
Надевал Добрыня платье калисьнёе,
Ише взял с собой звончатой гудок,
И пошел смотреть на свадьбу Олёшину.
Становился он о верию тоцёную“.

(Ibid., II, 13.)

„Приказал наливать чару зеленá вина...
Подавали Добрыне Никитичу.
Принимает он Добрыня единой рукой,
Выпивает молодец единым духом...
И пошел он... к своей... матушке,
Просит благословение великое:
— Благослови меня...“

(Ibid., 19.)

„Походил Добрыня во светлу гридню“.

(Ibid., 21.)

„Идет на конюшенку стоялую,
Берет он своего добра коня;
Седлал бурка во сидельшко Черкасское,
Потнички клал на потнички.¹
А на потнички кладет войлочки,
А на войлочки кладет Черкасское сидельшко.
Всех подтягивал двенадцать тугих подпругов“.

(Ibid., 23.)

¹ „Кладывал“, „втыкивал“ — Рыбников, III, 77, 78.

„Слезает он скоро с добра коня,
Снимал с себя платье цвѣтное,
Забрел за струечку за первую,
И забрел за струечку за среднюю
И сам говорил таково слово...“

(Ibid., 24.)

„Он вставал по утрушку ранешенько,
Умывался по утрышку белешенько,
Снаряжался хорошоохонько;
Обсидлал он дедушкова добра коня;
Садился скоро на добра коня;
Провожала его родна матушка,
На прощанице плетку подала“.

(Ibid., 27.)

„Дает свое платье калика Алеше Поповичу,
Не отказываючи; а на себя надевал
То платье богатырское“.

(Ibid., III, 72.)

„Заскакивал Алеша на добра коня,
Садил девицу на тучны бедра,
Говорил тут девице...“

(Ibid., II, 82.)

„Становился Данило Лѳвчанин
На свои нѳженьки резвые
И выходит на широкой двор“.

(Ibid., III, 30.)

„Дак и все видь на пиру-то напивалися,
Да и все видь на чесном да наедалися,
Говорил в тогда Владимир князь в первой након:
... «А и кто бы бы то видь съездил да в чисто полѣ,
Да пересчитывать силы неврѣрных»“.

(Ibid., 44.)

„Становил кинжал тупым концом,
Становил в сырѣ землю
И падал на кинжал ретивѣм сердцѣм.
От той ли крови от горячия
Протекала матушка Дунай река“.

(Ibid., III, 58.)

„А Дунай-ѣ-т сдергивал скамейку дубовую,
Да и завел вить он скамьею-то помахать“.

(Ibid., 65.)

„Отходила Настасья за вѣрсту за мерную;
Заводила она стрѣлить в злачен перстѣнь,
... Дак рошшибла она перстѣнь на двое“.

(Ibid., 68.)

„И для страху добыв огня,
Зажигал свечи воску ярого“.

(Ibid., IV, 57.)

„Вывел богатый брата своего,
На чистое поле выпроваживал,
Науськал богатый тридцать кобелей“.

(Калеки, I, 50.)

„По селам пошла туча деревенским,
Знать деревнями-то туча розгремелася,
Мать сыра земля со грому надрожалася;

С тучи добрыи дома да пошатились;
Со чиста поля крестьяна убирались,
Во своих домах они да сохранились;
С этой страсти крестьяна с переплоху,
Зато пляли свечи да воску ярова“.

(Барсов, 247.)

В примерах этих, подобные коим можно встретить на каждой странице любого издания былин, замечаем две особенности:

Во-первых, непоследовательность в употреблении форм. Певец, повидимому, без всякого художественного расчета меняет свои приемы, представляя действия совершенно однородные то настоящим, то прошедшим:

„Выходит Иван из бела шатра,
Умывается водой свежей, ключевою,
Он терся полотенцем тонким камчаточным,
Он крест кладет по писаному,
Поклон ведет по ученому“.

(Киреевский, III, 15.)

Мы не в состоянии найти этому явлению другой причины, кроме той слабости комбинации, вследствие которой появляется, например, несогласование в числе, падеже и пр. при некоторой сложности периода.

Во-вторых, постоянное стремление, говоря о прошедшем и обозначая его временем прошедшим, употреблять глаголы более длительные вместо менее длительных и конкретных, несовершенные вместо совершенных, употребительных в современном языке. Причина этого может заключаться только в особенностях мысли певца. Употребляя выражение „зажигал свечи воску ярого“ вместо зажег, он, без сомнения, не смешивает значения той и другой формы. Мы бы довольствовались результатом действия; его мысль дольше останавливается на том, что предшествует результату, вследствие чего он изображает действие еще совершающимся. Мне кажется, мы имеем здесь дело с тою самою степенью развития мысли, из которой вытекает, например, обычай обозначать число его производителями (сорок сороков, три девять)¹ и эпическая любовь к подробностям, например генетическое изображение стрел (34 стиха), стрельбы из лука (Буслаев, Очерки, I, 63—65). Буслаев, сказавши, что эпический певец „с одинаковым вниманием останавливается и на кровавой битве, решающей судьбу мира, и на мелочах какой-нибудь домашней утвари или вооружения“, продолжает: „Этим свойством эпическая поэзия особенно близка к природе, которая с равным участием оказывает силы во всех своих действиях, поднимает ли бурю на море, или убирает полевой цветок затейливыми красками“. Это как бы похвала рассматриваемому явлению, но дело в том, желательна ли это явление в современной поэзии? — И не желательна, и не возможно. То, что мы называем мелочами, действительно ничтожно сравнительно с тем, что из них слагается, и современному поэту было бы непростительно тратить время на описание мелочей, зная нечто более важное. Он и не делает этого, оставаясь тем не менее совершенно верным природе. Народный певец останавливается на мелочах и (что, как кажется, сводится на то же) изображает те действия длительными, которые мы представляем совершенными, единственно вследствие слабости синтеза, низкой степени отвлеченности

¹ „Блаудив же він сімь год и чотири“ (Метлинский, 359). Народ считает: „двадцять и п'ять“.

своей мысли, медленности ее течения. Мысль по мере своего усложнения движется все быстрее и быстрее, и соответственно этому и язык позднейших периодов, по причине меньшей своей живописности, дает более быстрый ход мысли, чем язык древний.

По отношению к употреблению несовершенных и более длительных вместо современных совершенных и менее длительных глаголов язык былин, вероятно, никогда не отличался от языка разговорного. По крайней мере, и теперь русский разговорный и письменный язык удерживает такие выражения, как: „садись, ложись, становись, вставай, поезжай, трогай, прощай, ступай, пушай“ вместо сядь, ляжь и пр.; вологодское „ядай, ядай, малый!“ — ешь, не тревожься ни о чем (Даль, Словарь). Эти последние формы оправдываются тем, что говорящий требует не самого процесса усаживания и пр., не того, чтоб кто садился, а результата, т. е. того, чтобы сел.

„Ста га вила богом братимити...
... Дај ме пуштај у планину живу,
Да наберем по Мирочу биља“.

(Караџић, Пјесме, II, 218.)

Ср. в былинах:

„Полетай-ко охота [сокол] к моей матушке,
Спроси-ко у ней, как с Ильей переведаться?“

(Киреевский, I, 10.)

„Уж ты гой еси десятый тур!
Прибегай ко мне со черных грязей,
Прибегай ко мне из болотных вод!“

(Ibid., II, 47.)

„Побегай-ка, Алеша, через эту степь...
Что ко той речке ко Саратовке“.

(Ibid., 81.)

„Вы собирайтесь, туры, все сюда“.

(Ibid., 47.)

В украинских думах и песнях: „Він тоді добре дбав, чоботи татарські истягав, на свої козацькі ноги обував; Одежу истягав, на свої козацькі плечи надівав; Бархатний шлик издіймає, На свою козацьку голову надає, Коня татарського за поводи взяв, У город Січі припав“ (Куліш, I, 18) (В. Антонович и Драгоманов, I, 144). „... У домівку приїжджали, Ой у домівці не велику зазнобку (огорчение) счинили — матку стареньку з двора вигонили“ (Кулиш перевел „прогнали“) (Куліш, I, 20). „То мати се зачуває (Кулиш — „слышит“). Іде з двора спотикається, За сльозами світа божого не видає“ (не видит) (ibid., 20—21).

„Прибуди ти до мене, одвідай ти мене...
— Не могу я до тебе прибувати“.

(Ibid., 25.)

„Прибуди же ти до мене... Нехай я буду выходжати, Ой по голосу познавати, Родиною сердешною називати, І на хліб на сіль закликати; І на здоров'є тебе, брате, буду питати“ (ibid., 26). Ср. в лирической песне: „Возьми ти, сестро, піску у білу ручку, Посій ти, сестро, на каміню; Коли той буде пісок на білому камені зихожати (взойдет), Синім цвітом процвітати (зацветет), Хрещатим барвінком біленький камінь устелати (устелет)... Тоді, сестро, буду до тебе в гості прибувати“ (ibid., 26); „На празник... чужі братіки зихожаютьця. Брат із братом, Одно з одним

схожається... А мене плече з плечем, пола з полою торкає, І в вічі не видає“ (ibid., 27); „А то ми, брате, недобре вчиняли (поступали). У військо виступали... Матку... стременем у груди од коней одпихали... з главы шлика не здіймали“ (ibid., 30); „Колиб дав бог на суходіл виступати“ (вийти на сушу) (ibid., 31); „Будуть... Тебе... пішого минати (минут), А нас будуть кіньми доганяти (догонять) І назад у Турещину завертати“ (ibid., 33); „Назад коней завертайте, з піхов шаблі виймайте, Міні... з пліч голову здіймайте“ (ibid.).

Между украинскими думами, как произведениями более личными, чем русские былины, более разницы в употреблении глаголов более длительных и совершенных. Есть думы, например, „О Белоцерковском мире“, „О победе под Корсунем“ (Куліш, I), где изложение сравнительно прозаично и где употребление длительных вместо совершенных встречается далеко не везде, где его можно было бы ожидать.

„Тоді-то... Хмельницький до сходу сонця уставав, Під город Полянє ближєй прибував, Пушку сироту упереду постановляв, У город Полянє гостинця подавав. Тоді-то рандари горким голосом заволали: «Ей Полоняне, Полонянська громада! Колиб ви добре дбали, Од Польши ворота одбивали, До нас за Вислу річку хоч у одних сорочках пускали»“ (ibid., 62); „Гаврило... був обашний, Із кармана людську денежку виймав, Насті кабашній до рук добре оддавав... Словами промовляв... Колиб ти... сю денежку до рук приймала, До погреба одходила хоч бородавочного пива уточила“ (ibid., 203); „... Як став сії слова зачувати, Так він став чересок виньмати... Як стали (дуки) в його червінці зоглядати, Тоді стали його витати, Медом шклянкою І горілки чаркою“ (ibid., 206); „Як буде наш пан Турецький до мечети від'їжджати, то буде міні... На руки ключі віддавати, то буду я до темниці приходити, Темницю відмикати, Вас всіх... на волю випускати“ (ibid., 212); „Оттогді-то Хмельницький (у Барабаша), Із правої руки, із мезинного пальця щирозлотний перстень изняв, Із лівої кишені ключі виймав, З під пояса шовковий платок висмикав, На слугу своего повірного добре кликав-покликав: «Эй, слуго...»“ (Метлинский, 387); „Оттогді-то Хмельницький, як сії слова зачував, так він сам на доброго коня сїдав, коло города Сороки поїжжав... Іще стиха словами промовляв...“ (ibid., 393); „Василь Молдавський... Пару коней у колясу закладав, До города Хотині од'їжджав, у Хвилецького копитана станцією стояв, Тоді ж-то од своїх рук листи писав, До Івана Потоцького, Кроля Полского пославав“ (ibid., 393, 394); „Як будеш немного Ташликом рікою гуляти... Дак будеш отця живого заставляти“ (ibid., 398); „Тоді ж-то Еврась... до дому приїжджав І отця живого не заставляв“ (ibid., 399); „А колиб ти, мати, добре дбала, Девятеро скоту из кошари на вибор займала, До города Корсуна одбавляла, Із рандаром торг торговала, Міні... коня на славу спаровляла (sic!), Що моя душа козацька... улюбовала“ (ibid., 415, 416); „Удова... До божї церкви і к утрєні одходила, Всю козацькую зброю у кімнату замикала, Тільки шаблю булатну та пицаль семип'ядну на колку покидала“ (ibid., 416); „Тоді-то козак, як він коня до рук приймав, на Гайман-долині козаків нагоняв, Чотири сотні обминовав, у п'ятій сотні Івася Вдовиченка познавав, Коня до рук ему уручав“ (ibid., 418); „Один козак сказав їй правду (про смерть сына). Оттогді-то удова не догадлива бувала, Ще у другого козака правди питала“ (ibid., 423).

В песнях сравнительно гораздо реже, „Ой крикнули козаченьки: «Втікаймо, Нечайо!» — Козак Нечай молод був ав (был), на те не вповає (не обращает внимания), Із панею Хмельницькою мед-вино кружає“

(*ibid.*, 403, 407); „Повій, вітре... Прибудь, мій миленький... Як же мені повівати по ярах глибоких? Як же мені прибувати з Україн далеких“ (*ibid.*, 39); „Скажи, серце, вірне словце, нехай буду знати, У який час-годиньку к тобі прибувати“ (*ibid.*, 45); „Ой як не будеш, серденько моє, до мене приїжджати, То буде мене отець-матуся за иншого оддавати“ (*ibid.*, 60); „Ой не вспів козак Перебийніс на могилу з'їздити, Як узяв джуро, та узяв малий із пістолів палити“ (*ibid.*, 401); вище в той же песне: „не вспів... до могилы доїхати“); „Серденько моє, покидаєш мене; Ой як мені забувати тебе“ (*ibid.*, 239); „Ой рада б я, молодий козаچه, та до тебе виходити, Сидить мати край віконечка, буде Галю бити...“ (*ibid.*, 102); „Ой, дівчино, відчини... Ой не буду, козаченьку, відчинять, бо ти ідеш ніченьку ночувать“ (*ibid.*, 121); „Ой як буду, моя матусенько, да я в війську помирати, Приймай мою вірну дружину да за рідну дитину“ (*ibid.*, 241); „Не велику Морозенку та кароньку завдали, Тільки з його, з його та живого та серденько виймали“ (*ibid.*, 410); „Виляй, не виляй, молодая дівочка, А вжеж тобі од того да не ввиляти“ (*ibid.*, 124); „Ой крикнули наші козаченьки: утікай, Нечай! А Нечай же та Нечасно того й не чуває, с кумасею с Хмелницькою мед-вино кружляє“ (*ibid.*, 406).

Употребительны в разговорном языке длительные вместо совершенных в повелительном наклонении: сїдай, лягай спати, вставай, рушай, ходи сюди (годи), прощавайте.

Говоря об употреблении более длительных и несовершенных форм вместо конкретных и совершенных, мы тем самым предполагаем, что различие между теми и другими уже установилось, что певец мог при известном направлении своей мысли сказать взяли, бросили и т. п. вместо брали, бросали, что и доказывается действительными случаями употребления форм совершенных. Но в том-то и дело, что упомянутое употребление, согласное с привычками современного языка, встречается в более древних по складу былинах и думах довольно редко. Мысль русского эпического певца, останавливаясь на самом процессе действия, изображает действие генетически в тех случаях, когда мысль современного человека лишь вскользь обозначает действие его результатом. Настроение, из коего вытекает это преобладание длительных и несовершенных форм, есть один из случаев того общего свойства, какое и в настоящее время можем наблюдать в речи простолюдина и которое можем назвать медленностью течения мысли. Образованный человек, если не имеет особенных причин останавливаться на происхождении события или явления, обозначает их конечною точкою или результатом; рассказ его быстро движется вперед, соответственно большей быстроте мысли; рассказ этот вообще, при большей многосложности, несравненно сжатее рассказа простолюдина. Ближайшая причина этому заключается в том, что стихий мысли в голове образованного человека, с одной стороны, находятся в большей взаимной связи, более объединены, почему слово образованного несравненно богаче по содержанию слова необразованного, с другой стороны, более и разнообразнее расчленены, более распределены по рядам комплексов, почему бы ни было однородным. Вследствие последнего обстоятельства говорящий и равный ему по образованию слушатель удовлетворяется одним намеком на известный им ряд мыслей, — намеком, выраженным в слове или ряду слов, не исчерпывающих собою соответственного ряда мыслей, но только указывающих на него. Решившись употребить заимствованные с немецкого технические названия, можно бы сказать, что разница между образованным и необразованным состоит в степени густоты или сгущения и в степени развития представительства (*Vertretung*) мысли.

Один из зубоскалов, которые по скудоумию считают себя людьми очень умными и научно развитыми, хотя и не обремененными научным грузом, и потому называют глупостью все, что им сразу непонятно, печатно насмеялся над заимствованным у Штейнталя и Ляцаруса термином „сгущение мысли“ и надо мною, употребившим этот термин; но без этого или равносильного ему слова (пожалуй, если звучнее и важнее кажется, — конденсация), если, как следует ожидать, у нас будут оценены усилия названных мною ученых и если вообще примется у нас научная разработка психологии в направлении, данном Гербартом, — обойтись нельзя.

Для объяснения упомянутых терминов перевожу страницу из статьи Ляцаруса („Über die Ideen in der Geschichte“ — Zeitschrift, III, 404 сл.): „Когда историк, на основании многих разбросанных заметок о способностях, приключениях и действиях известного лица, в разных очертаниях изображает характер этого лица; когда из бесчисленных свидетельств об отдельных событиях он слагает сжатый, но верный образ известной войны, революции, изменения системы; когда по многочисленным депешам и отчетам, проектам и изменениям в них в немногих чертах наглядно изображает ход переговоров с их мотивами и следствиями; когда он в кратких словах дает достаточное понятие о содержании известного литературного произведения: во всех этих случаях большие массы представлений таким образом сжаты (сгущены) в немногочисленные ряды, что хотя форма их совершенно изменена и облагорожена, но содержание осталось то же. В немногих представлениях здесь действительно заключено, и (большею частью) представлено в высшей форме духовной деятельности то, что в прежней (низшей) форме могло быть обнято лишь несравненно большею массою представлений. Настоящее же действительное замещение рядов представлений отдельными представлениями и масс представлений отдельными их рядами имеет место тогда, когда первые (ряды и массы) в действительности не заключены в последних, но наверное предполагаются ими в душе, так что появление замещающих представлений в сознании ручается за то, что и замещенные массы, в случае надобности, тоже могли бы появиться в сознании. Этим дается возможность так орудовать (zu operiren) замещающими представлениями, как если бы были в сознании налицо замещаемые массы. Первые (т. е. замещающие) входят в дальнейшее течение мысли как элементы, равноценные последним если не по логическому содержанию (как при сгущении), то по психологическому процессу и его следствиям. Когда, например, замечаем содержание известной книги, или судим о ней, мы имеем в сознании не всю массу представлений, составляющих эту книгу; но тем не менее суждение наше о книге, основанное на всей этой массе, основательно лишь в той мере, в какой, не изменяя суждения, мы могли ввести в сознание всю эту массу. В обиходном течении житейской и научной мысли сгущение и замещение не только появляется рядом, но и заменяется одно другим; но сколько-нибудь внимательное наблюдение столь же легко покажет нам их различие, сколько легко верный такт соблюдает это различие на деле. Делаемый председателем итог прения, предполагающий, что оно выслушано всеми и что полное повторение его было бы лишним, состоит преимущественно из замещений; а исторический отчет о прениях, долженствующий заменить слушанье, — из сгущений“. „Руководства для учителей, имеющие целью распределение материала, должны состоять из замещений, коих крайняя форма — указатель содержания; энциклопедии должны давать сгущения, понимание коих предполагает определенное знание больших масс представлений“ (ibid., 406, примеч.).

Относительно медленности течения мысли при существовании прошедшего несовершенного и аориста. Степень развития была не выше, но употреблялось ли первое вместо второго? См. об отношении imperfect (длительного) и aorist (однократное) (Pott, II, 1, 666).

„Муй миленький до домоньку иде, Дротяную платочку несе, Тоя платочка растрепалася, А я молоденькая догадалася, У нову комору сховалася, Новым замочком за микалася. Покудь чужа мила нагулялася“ (Сборн. Сев.-зап. кр., I, 17); „Тадар Марко кроз механу прође, Те Андријну главу дофатио, Метнуо је у бисаге Шарцу, Отходи о зеленом планином, Од невоље попијева Марко“ (Чубро Чојковић, 9).

§ 6. Различение степеней длительности

Термин степень может обозначать только различия длительности; поэтому для случаев, где приходится говорить совместно о длительности и совершенности или несовершенности, мы оставляем название вид.

Мысль, останавливаясь на действии, разлагает его на ряд моментов, скользя по действию мимоходом, сжимает его в один момент.

В первом случае мысль имеет время воспроизводить или создавать более-менее сложные и конкретные образы вещей, во втором она ограничивается одними намеками на такие образы.

Поэзии, по ее сходству с изобразительным искусством, более свойственна медленность течения мысли, прозе, как форме науки—ее быстрота. При этом в поэзии разных времен и степеней развития — различие.

„Как и будет он во граде Киеве,
Среди двора княжеецкого,
Скочил Казарянин со добра коня,
Привязал коня к дубову столбу,
К дубову столбу, к кольцу булатному,
Походил во гридню во светлую,
Ко великому князю ко Владимиру,
Молился Спасу со Пречистою,
Поклонился князю со княгинею
И на все четыре стороны“.

(Киреевский, IV, 92—93.)

Мы видели, что с внешней стороны история глагольного характера состоит в его постепенном усложнении. Русская форма нашивать предполагает нашевать (украинское ношувати из ношовати), это, вероятно, предполагает форму на *-ава-ти* и несомненно — *ношати*, которая в свою очередь основана на *носити*; эта — на *нести*. Глагол *нести* имеет в первой теме характер *-а-*, и потому должен считаться сложным сравнительно с такими, как *вѣмь* и т. п. Со стороны значения история глагольного характера в славянских языках состоит в образовании так называемых видов, составляющих особенность славянских языков сравнительно с другими индоевропейскими, в коих частью вовсе нет видов; частью, именно в литовском, они есть только в зародыше.

Виду, как явлению исключительно славянскому, предшествуют, по времени происхождения, те значения глагольных характеров, какие находим уже в санскрите; именно: 1) переходное и причинное значение... *-и-* и отчасти *-и-* *-б-* (бояти); 2) непереходное и начинательное значение характера *-бѣ-* *-б-*...

Точно так же за явление дославянское следует считать непереходное и начинательное значение части глаголов с характером *-н-*, находящееся

соответствие в литовском (свѣнѣти — szvintu, szvistu). Все эти значения покрываются, но не уничтожаются позднейшим слоем видовых значений, так что характеры *-и-*, *-и-ѣ-*, *-ѣе-ѣ-*, *-не-нѣ-*, сверх своей переходности или непереходности и начинательности, имеют и видовое значение. Поэтому, говоря о видах, можно оставить в стороне не только переходность или непереходность глаголов, но и начинательность.

Совершенство или несовершенство глаголов тесно связана с видами, но тем не менее ее следует отличать от вида. Предлог, посредством коего в большей части случаев глаголу сообщается значение действия или состояния, не скрывает видового значения глагола, но, ложась на это значение новым слоем, видоизменяет его только отчасти.

„По сѣреду кирпичному он запохаживал,
Да он белыма рукама заразваживал,
Да он желтыми кудрями запотряхивал“.

(Киреевский, III, 42.)

„Тут молодцы заотправлялися“.

(Ibid., 63.)

„И нацял ворон младшой облѣтывать,
Нацял ворон покыркивать...
Ухватил тут воронá Хотѣнышко за ногу:
Тут и старой ворон заоблѣтывал,
Старой ворон запокыркивал“.

(Ibid., IV, 76.)

Например глагол записывать, становясь совершенным от присоединения предлога *по-* (позаписать), не лишается того значения, которое сообщает ему характер *-ыва-*. Таким образом совершенство глагола, там, где она зависит от предлога, уже предполагает вид; она неотделима от вида лишь в тех сравнительно немногих случаях, когда появится независимо от предлога.

Совершенство или несовершенство есть оконченность или неоконченность действия или состояния, обозначаемого глаголом, между тем как вид есть степень продолжительности времени, заполняемого действием или состоянием.

По Буслаеву: „Видами глагола означается продолжение или совершение, многократность или однократность и мгновенность действия“ (Буслаев, Граммат., II, 123). В этом определении неточно противопоставление продолжения действия и его совершения, если под продолжением разуметь длительность, а не неоконченность. Совершение как оконченность противоположно неоконченности. Та и другая не подходят под понятие вида. Приводя здесь примеры хватать и хватить, Буслаев, повидимому, обращает внимание только на то, что в первом действие представляется продолжающимся или неоконченным, а во втором совершившимся, тогда как, подставивши вместо них, например, крещать и крестить (например, крещу со значением настоящего), мы увидим, что независимо от оконченности и неоконченности в первом глаголе выражается большая степень длительности, чем во втором.

Так как совершенство значения некоторых беспредложных глаголов, кроме глаголов с характером *-н-*, есть явление относительно позднее, то мы, говоря ниже о видах, устраним для большей простоты и этот случай. Такое же смешение категорий совершенности и несовершенности — с одной и длительности, с другой стороны, встречаем у Шлейхера (Schleicher, Das Futurum): „В славянском глаголы распадаются на два класса, называемые различно: *perfectiva* и *imperfectiva*, мгновен-

ные и длительные, оконченные и неоконченные (*vollendete und unvollendete*) и т. д. Мы называем их *verba perfecta* и *imperfecta*. *Imperfecta* означают действие длительное, несовершенное (*unvollendete Handlung*), *perfecta* — действие мгновенное, совершенное,¹ или означают только наступление действия (*das blosse Eintreten der Handlung*) и, стало быть, вместе с тем аористичны; так как они не выражают длительности,² то в позднейшем языке не имеют настоящего времени и их настоящая форма выражает отношение будущего, их прошедшее (*perfectiva*) есть прошедшее совершенное (*perfectum*), даже давнопрошедшее (*plusquamperfectum*).³ *Verba perfecta* — большею частью глаголы непроизводные,⁴ сложные с предлогами и становятся совершенными (*perfectum*) именно только в силу этого сложения; простых, несложных с предлогами (первообразных глаголов со значением совершенным, за исключением глаголов, образующих настоящее посредством *-н-*) — немного, и это зависит от их значения; большинство первообразных глаголов — *imperfecta*“.

До сих пор еще разделения глаголов по видам страдают важным недостатком, завещанным прежним состоянием грамматики: именно отсутствием исторического взгляда. Язык находится в постоянном развитии и ничто в нем не должно быть рассматриваемо как нечто неподвижное. Система видов должна быть не описанием, а историею их происхождения. Различные виды появляются не одновременно, поэтому непрестительно принимать за исходную точку деления такой вид, который по времени происхождения позже других. Такую ошибку делают, например, те, которые, изображая систему видов или, как говорят иначе, степеней глагола, за первую степень принимают „продолженную“ степень катать. Присутствие в глаголах этой степени усиления, исключительно свойственных славянскому языку (см. глаголы на *-а-*) и употребляемых им только для изображения известного оттенка длительности, ясно показывает, что и значение этих глаголов есть позднейшее и производное.

Напротив, мнение Павского (Павский, III, 226), что глаголы 1-й степени следует ставить в основание прочим степеням, будет совершенно справедливо, если под 1-ю степенью (примеры найдем у Павского в этом месте: дать, стать, сесть, кусить, лишить, ступить) — разуметь именно этим подобные глаголы, т. е. конкретно-длительные, а не однократные. Сам Павский думает иначе. Упуская из виду производность глаголов однократных на *-н-* от глаголов на *-а-*, он говорит: „Однократное должно предшествовать многократному, как единственное число множественному. Скажут, слог *-ну-* есть признак производства, но и в глаголах плескать, сверкать гласная *-а-* есть такой же признак производства“ (*ibid.*, 227). В том-то и сила, что не такой же, а следующий по времени во многих глаголах за характером *-а-*.

Действительно исходною точкою языка при образовании видов могло служить то значение, которое не отличает славянского языка от других индоевропейских. Это значение должно быть связано с формою, не составляющею особенности славянского языка. Следовательно,

¹ Закричу, накричу и т. п. — глаголы совершенные, но тем не менее длительные, а не однократные или мгновенные, отличные от мгновенных: крикну, вскрикну и т. п.

² В том-то и дело, что выражают: позаписываю, окончу продолжительное записывание.

³ Гичуть. Закричал, позаписывал и т. п. сами по себе вовсе не давнопрошедшие.

⁴ Шлейхер имеет особый взгляд на разделение глаголов на производные и непроизводные.

этим значением не может быть ни совершенность глагола дам или куплю, ни однократность глаголов на *-ну-*, ни длительность или многократность глаголов на *-а-*, простое или сложное *-ыва-* — *-ива-*, потому что даже средствами одного славянского языка можно доказать производность этих значений.

Если принять за такую исходную точку относительно простые глаголы вести, везти, итти, нести, лезть, ехать, то нетрудно заметить постепенность происхождения, по крайней мере, трех видов. „Кого везете?“ „что несете?“ „куда едете?“ (т. е. в ту минуту, когда я спрашиваю); „Что вы несли, везли?“ „куда вы шли, ехали, когда я вас встретил?“ „куда теперь понесете?“ „каким путем поедете, будете ехать?“ т. е. в определенный, непродолжительный период времени, который я разумею. Во всех этих случаях мы имеем перед собою действие, во-первых, не мгновенное, не однократное, каково, например „лизнул, да и нет ничего“; „дернул и пустил“. Предположим, у нас был бы глагол несут; мы бы его никак не употребили в таком выражении, как: „куда бог несет?“ „что несешь?“ Во-вторых, здесь действие, если не непосредственно выделяемое из чувственного восприятия (такая непосредственность в слове, прожившем многие тысячелетия, немислима), то, по крайней мере, относительно ближайшее к нему.

Вместо рассмотренной формы не могли бы быть употреблены в выражениях, подобных вышеприведенным, две следующие по времени образования формы: носить и пр. и нашивать.

Часовой говорит „кто идет?“, а не „кто ходит?“; будочник: „куда лезешь?“, а не „куда лазишь?“ Наоборот, мы скажем: „куда вы ходите мимо моего окна?“ „что вы носите под мышкой?“ т. е. не раз. Однако несправедливо было бы думать, что значение глагола ходить, ездить и пр. — многократное или разностороннее. „Я (тогда-то) шел пешком, а он ехал“, но „я ходил пешком в Киев (не много раз, а всего один и не в разных направлениях, а в одном), а он ездил“. „Я схожу в Киев пешком, а он съездит“. „Куда вы шли сегодня угром?“ — т. е. в ту минуту, когда я вас заметил; но „куда вы ходили, ездили?“ — не в это мгновение, когда я вас спрашиваю, а в течение всего, может быть, долгого времени, которое было занято вашею ходьбою, поездкою. Чтоб употребить форму как „носите“ в обыкновенном смысле, нужно обнять мыслью несколько однородных действий, порознь добытых из чувственных восприятий, представить их одним протяженным действием; к этой форме приурочен более сложный продукт мысли, чем к таким глаголам, как нести. Если эти последние назовем просто длительными (по отношению) к однократным, то первое более длительным; если последние — конкретными, то первые — отвлеченными.

Впрочем, о конкретности и отвлеченности, терминах не мною первым примененных к видам, следует говорить с оговорками. Отвлечение предполагает опущение известных составных частей мысли, принимаемой за первичную. Если носить есть отвлеченное по отношению к несут, то в первом должно быть менее объективного содержания, чем во втором. Оно так и есть, но содержание слова здесь, как и везде, следует отличать от его „внутренней формы“, от наименьшего значения, без коего слово не может быть само собою, от того содержания, которое одно только и относится до языкознания. Содержание внутренних форм глаголов несуте и носите различается не тем, что количественных признаков в первом больше, чем во втором, а тем, что действие в первом представляется единичным (хотя и не однократным или мгновенным), а во втором — собирательным. В последнем единичные действия не сливаются в одно (как, например, все виденные мною дубы в содер-

жание слова дуб), а строятся в непрерывный ряд (как отдельные образы хвойных деревьев в содержании собирательного — б о р).

Глаголы степени, следующей за тою, к которой принадлежат х о д и т ь, л а з и т ь, в большинстве случаев не могут быть употреблены вместо этих последних. „Я ходил на богомолье“ (т. е. этот раз), но „не раз я хаживал на богомолье“. „Где ты был?“ „На чердак, на колокольню лазил“,¹ а не „лаживал“; наоборот: „лаживал я в воду“ — ныривал. В основании значения как одних, так и других глаголов лежит сложность материала, из коего добыты эти значения, или, иначе, множественность отдельных восприятий; но в одних эта сложность не сознается, потому что составные ее части мелки, а в других сознается. Можно, кажется, сказать, что хаживал заключает в себе несколько ходил, а ходил — несколько шел; хаживал есть ходил с перерывами.

Если глаголы первых двух степеней назовем единичнодлительными и собирательными, то глаголы 3-й степени могли бы мы назвать множественными по сходству их значения со значением множественного числа существительных единичных, сравниваемых со значением существительных единственного числа собирательных.

Замечено, что славянские глаголы могут означать действие или во время самого его совершения — конкретно (я пишу теперь, я писал, когда он вошел), или как возможность его, способность, привычку к нему [я не дурно пишу; пишу (польское *pisuję*) по вечерам] — отвлеченно. В одних случаях, как, например, в приведенном, значения эти формально не различаются, подобно тому, как, например, они не различаются в немецком; возможность и способность может выражаться и глаголом 1-й степени: „верблюд несет (и носит) 17 пудов“, т. е. поднимает, может нести; но в других случаях значения эти различаются и формально. Отвлеченность, как возможность, обычность действительной способности к нему, предполагает значение большей длительности, сравнительно с принятой за меру. „Я пишу по вечерам“ в смысле обычая предполагает, что писанье занимает большее протяжение времени, чем в „пишу теперь“. Поэтому отвлеченность, как обычность, более примыкает к отвлеченности, как большей длительности, чем к конкретности и, по крайней мере, в народном языке чаще выражается глаголами 2-й и 3-й степеней, чем 1-й. „На упрямых воду возят“; „Хотя не кони везут, овес везет“; „Часы не испортилены, ходят, а теперь не идут, не заведены“; „Голубятники лазят по кровлям“; „По утрам хаживать на службу“.

Обычность независима от степени длительности и совершенности и может выражаться всеми степенями [в русском и польском разница: нельзя с ы п а ю (*syriam*), п и с ы в а ю (*pisuję*); ср. *jadam, widuję*].

В Остромировом евангелии: „Приде же и Никодимъ, пришѣдъ и [ὁ ἐλθὼν] к̄ ѿсови ношиѣ прѣжде“ (Иоанна, XIX, 39); в польском переводе „który był przed tym przyszedł“; но в современном русском языке нельзя сказать: пришедший это „тот, что пришел прежде ночью“, ни „тот, что было пришел“, а нужно: „тот, что приходил“. Для употребления совершенного глагола в прошедшем не достаточно, чтобы действие было окончено; нужно, чтобы оно представлялось окончанным, ограни-

¹ На вопрос: „Где ты был?“ — „Х о д и л на почту, носил письмо, ездил представляться начальнику, плавал (на корабле) в Америку, летал на воздушном шаре, возил деньги в казначейство“; но на вопрос, понятий в этом смысле (бывал), нельзя ответить „я скакал [в этом значении скакал есть 1-я степень, в силу особенности своего значения (видимая перемена места движения), не имеющая при себе однократного глагола, скакал = прыгал есть 2-я степень при скокнать и имеет в однократном скокнать] в Петербург“ (потому что это значит „в то самое время, как случилось нечто другое“), б р о д и л по городу, к а т а л с я на коньках.

ченным другим действием. Поэтому мы говорим: „пришел вчера и тотчас ушел“; „пришел было, отворяет двери и говорит“.— Но в выражении „пришел и Н., тот, что прежде приходил“— оба действия разделены известным промежутком времени, и приходил не ограничивается действием пришел. Когда говорим „был сегодня тот, что вчера приходил и приносил книги“, „а до мене Яків приходив, коробочку раків приносив“,— то мы не назначаем действиям никаких границ, кроме тех, какие определены прошедшим временем. Выражения: „пришедши, сделал то-то“— „пришел и сделал“ значат: после того, как пришел, сделал; а выражение „приходивши и сделал“— приходил и сделал, значит в то время (прошедшее), как приходил, сделал, причем сделал вовсе не ограничивает протяжения времени, выраженного словами приходил, а заключается в нем. Можно сказать: „підійшов я під віконце, квартиру одчиняю“ (подошел и отворяю, отворяю подошедши, после того, как подошел); но нельзя: „підходив... одчиняю“ (= подходил и отворяю), потому что отворяю (настоящее) есть предел для підходив, а между тем последнее отрицает предел.

Пожалуй, можно услышать выражения: „приходил вчера и говорит“, но оно неверно. Чтобы исправить его, нужно уничтожить между первым и вторым глаголом грамматическую связь: „он вчера приходил, говорит: «мне некогда»“.

Сказанное об отсутствии многократности в глаголе 2-й степени относится только к прошедшему: куда ты ходил, бегал, ездил, летал, плавал, лазил? Отворить—отворять (украинское одчинить, одчинять). Сказанное имеет целью наглядно изменить, по крайней мере, относительно русского, положение Миклошича, который к рассмотренным вопросам присоединяет отношения совершенности и несовершенности и, выделив первую, говорит: „Глаголы несовершенные (imperfectiva) обозначают неоконченное действие (die unvollendete Handlung) или как только продолжающееся (bloss dauernd) или как совершающееся в несколько крат (zu wiederholten Malen). Первое совершается через глаголы длительные (durativa), второе через многократные (iterativa)“. Словинское *grem*—длительно: *glej, fant gre* (идет) *v šolo, je šel* (шел), *bo šel* (будет идти); напротив *hodim*—iterativum: *fant v šolo hodi*—посещает школу (ходит); то же *je hodil v šolo, bo hodil*; как *iti* относится к *hoditi*, так *nesti* к *nositi*, *letěti* к *lětati* и т. д. „Особенный вид длительности—начинательно-длительные (inchoativa-durativa), означающие постепенное возникновение состояния: русское мокнуть, сохнуть“ и пр. (Miklosich, IV, 276). Если тут косвенно заключена мысль, что засыхать и т. п. есть frequentativa—многократные, то, я думаю, напротив, что не многократность, а лишь больший период длительности в „только что написал, глядь—чернила уже засыхают“ (станут, будут, стали засыхать); „вот уже листья увядают“.

Сродство обычности с большею длительностью. Обычность действия и способность к нему в глаголе самом по себе не выражается, т. е. эти значения выражаются лишь контекстом. Иду, везу, несу и прочие глаголы движения в пространстве будут понимаемы как выражения конкретных действий до тех пор, пока к ним не будут прибавлены указания на то, что эта конкретность служит лишь образчиком повторяемости, возможности. Например: „Что вы делаете и чем занимаетесь по вечерам?“— „Иду в театр (т. е. каждый раз как вздумается)—хожу в театр, бывало иду“... Таким образом меньшая и большая степень длительности и многократность могут быть образами обычности, но сродство последней с 2-й и 3-й степенями длительности больше, чем с 1-ю.

Глагол многократный обнимает бóльший период времени, чем глагол отвлеченно-длительный, подобно тому как вообще в воспоминании время, заполненное большим количеством впечатлений, кажется нам продолжительнее времени, менее обильного впечатлениями, хотя бы объективно первое и второе время были равны. Очевидно, длительность глаголов измеряется не объективно в строгом смысле слова, а, так сказать, народно-субъективно, т. е. мерою, данною самим языком, степенью глаголов, принятою за единицу. Живущая в данное время предыдущая степень глагола есть мерка последующей, так как, например, литературный русский язык измеряет длительность (многократность) глагола нашивать только двумя предыдущими степенями: нести и носить, минуя живущие в украинском формы *ношати* и *ношувати* (из *ношевати*), хотя эти последние и предполагаются формою *нашивати*. Никакой безотносительности в степенях глаголов нет.

Мы видим выше, что довольно значительное число глаголов однократных с *-н-* в характере, вероятно или несомненно, предполагают глаголы разрядов II, III, V (1 и 2). Это служит указанием, что и значение однократных — производное. Как бы ни назвать эти „однократные“, краткими ли, мгновенными, одновременными (*verba momentanica, brevis movis, actionis singularis*), во всяком из этих названий будет правда. Глаголы эти обнимают период времени более краткий, чем глаголы конкретно-длительные, а тем более — отвлеченно-длительные. Они „чим си зачму, одмах се и сврше“ (Babukić, 237) — „действие в них оканчивается, как только начнется“.

Итак, мы насчитываем четыре степени длительности (или четыре вида): степень конкретно-длительную, от нее — по направлению к большей длительности — степень отвлеченно-длительную и многократную, а в другую сторону — однократную. Есть в современном языке глаголы, проходящие через все четыре степени, но их очень немного (скачить, скакать, скакивать, скокнуть, валить и т. д., катить, рубить, стучать, толочь, толкать). Обыкновенно формально различаются 3-я и 2-я степени (3-й — *-ати, -ыва-, -ну-*; *рѣза-, лиза-*); однако, взявши во внимание, что такие глаголы, как нести, носить,шивать, требуют трех степеней и что ни под одну из этих степеней не подойдет глагол однократный, как мигнуть, лизнуть, увидим, что уменьшить числа степеней нельзя, несмотря на то, что 2-я степень может формально совпадать в одних случаях с 1-ю (читать, играть — конкретные и отвлеченно-длительные и при них только одна следующая по времени форма — читывать), в других с 3-ю (быть — 1-й, бывать — 2-й и 3-й), несмотря на то, что есть глаголы, вовсе не различающие степеней (горевать). Есть ли возможность увеличить, — об этом ниже. Здесь только замечу, что если в конкретном глаголе (например, ехать 1-й, ездить 2-й), сверх 2-й степени есть еще две (ежать, еживать), то есть случаи, когда можно доказать, что обе эти формы действительно 3-й степени, но в различных значениях.

Деление это и кроме претензии на историчность несколько отличается от принятого Буслаевым (Буслаев, Граммат., II, 123, 124), который, подобно Пааскому, различает три вида: в продолженном у него соединены конкретные — веду и более длительные или отвлеченные (вожу); между тем, кроме явственного различия в значении, глаголы 1-й и 2-й степеней различаются еще и тем, что присоединение предлога действует на них различно. Настоящее время первых получает от предлога значения будущего, а вторых — нет. Ко второму виду отнесены глаголы, означающие совершение, однократность и мгновенность. Между тем по вышесказанному совершенность и несовер-

шенность действия есть совсем особая статья. По словам Буслаева к одному и тому же виду должны быть отнесены не только дерну — дернуть (однократный или мгновенный), буду, бы (в коем [нет] оттенка однократности или мгновенности), но и поза дергиваю. Этим отрицается всякая смежность формы и значения глаголов одного вида, так что непонятно, почему же они составляют именно один вид. Глаголы третьего вида, по Буслаеву, „означают многократность, а также и отдаленность действия“. Это последнее выражение несколько сбивчиво. Можно подумать, что отдаленность не есть многократность. У Павского (Павский, III, 4—5) 3-ю степень „занимают глаголы многократные дальние“, т. е. „продолжительные дальние“, (читать, выдавать) и „разнообразные дальние“, „когда разнообразное [не имеющее одного направления] действие происходит вдали (где-то), на неопределенном пространстве, например хаживать, скакивать“. Это деление многократных основано на ошибочном мнении, что их характер может означать пространственное отношение, именно движение, происходящее вдали и в разных направлениях. На деле „хаживал к нам“ независимо от корня значит то же, что „говаривал нам“. Сами по себе глаголы эти направления вовсе не обозначают, а то, что в них принимается за дальность действия, есть обширность занимаемого им периода времени.

Взгляд Буслаева на наглядность и отвлеченность значения глаголов тоже заключает в себе некоторую неточность. „Сверх того, видами означает действие или 1) вообще, т. е. отвлеченно, например птица летает... (т. е. во всякое время имеет способность летать); или 2) наглядно, т. е. с означением известного времени — настоящего, прошедшего или будущего, и какого-либо направления действия, совершения, однократности или многократности; напр. птица летит... полетит, улетит, полетает“ (Буслаев, Граммат., II, 124). Мнение, что глаголы отвлеченного значения не означают времени, основано на недоразумении. Заметивши предварительно, что в грамматическом отношении нет надобности различать способность к действию от обычности действия, приведу такой пример: чешское „она ne jeda kaše“, польское „nie jada kaszy“ (не ест, т. е. не имеет обыкновения, не любит есть); „она ne jidała, nie jadała (не ела, т. е. не имела обыкновения, не любила есть); украинская песня обещает завербованному в уланы: „будеш їсти, будеш пити, довбешками воші бити“, что по-польски было бы: *będziesz jadał, będziesz pijał, będziesz bijał*“ с явственным смыслом: будешь (зауряд, обыкновенно, а не несколько или много раз) есть, пить. Отсюда видно, что способность и обычность не составляет исключения из правила, что всякое действие может быть представлено современным прошедшим, будущим по отношению к мгновению, когда говорили. — „Глаголы совершенного и однократного, а также и многократного вида означают действие только наглядно“; но разве говаривал не есть вид многократный?

Так как язык развивается не трудами филологов, а средним уровнем народа, то естественно, что при распределении глаголов по видам принимается в расчет не найденная учеными первообразность и производность глаголов, а такая, которая видна человеку, практически знающему свой язык. Это применяется ко всему нижеследующему. Глаголы распределяются по видам таким образом:

К 1-й степени принадлежат:

а) Глаголы I разряда, в том числе и совершенный: дам.

б) Глаголы II разряда, в том числе совершенный: буду, лягу, сяду, паду, реку, о которых ниже.

в) Глаголы III разряда в русском языке все за исключением тех немногих III, 2, г, при которых употребительны более простые длительные [например сеять (2-й ст.), при котором сеять; толочь, толкать, толкнуть, -ывать]. В старославянском, чешском и особенно в сербском к этой степени не принадлежат весьма многие глаголы III, 2, б (дозивать, дозвѣем по форме = писати, пишу), имеющие при себе более простые — 1-й степени длительности.

г) Из глаголов IV разряда все более древние, начинательные и неоднократные.

д) Из разряда V сюда целиком относятся 1 (гореть) и 2 (болеть); из V, 3 (любить) — почти все, именно все отыменные и отглагольные причинные, принимаемые за первообразные; исключается около десятка, имеющих при себе более простые глаголы 1-й степени, и около двух десятков беспредложных совершенных: рычать, копать, метать (бросать), менять.

Наоборот, из глаголов V, 4 принадлежат сюда сравнительно лишь немногие, именно отыменные и те отглагольные, при которых забыта или малоупотребительна более простая форма 1-й степени, например читать, звать.

е) Из разряда VI (-ова-, -ув-) — отыменные.

Остальные глаголы V, 4, а и VI (украинские отглагольные -ова- и русские -ыва-) распределяются между 2-ю и 3-ю степенями, так что к 3-й принадлежат те глаголы обоих разрядов, при которых есть более простые две степени.

Об однократных, по определенности их формы и значения, здесь нечего говорить.

Следуют некоторые частности.

1. В нескольких случаях язык пользуется более древним усилением, свойственным классу и для образования глаголов 2-й степени. Таковы глаголы 2-й степени возить, водить, носить, бродить, гонять, ходить (шѣд), волочить (влѣк), сторожить (стеречь), лазить. В ездить (2-й степени) при ед (1-й степени) гласная осталась неизменной.

2. В литературном языке и в украинском лишены класса -ыва- (украинское -ова-) глаголы 2-й степени на -а-, образованные при помощи усиления -ы-, -и- (-гибать, -дымать, -чинать, -мирать). В литературном языке исключения составляют те глаголы на -а-, с усилением коих первообразные забыты, как читать, низать, мигать — откуда читать и пр. В народном русском имеют формы на -ывать и многие другие с усилением: не посылавал, не утирывал, а также от глаголов с корнями или темами на гласную (знавать, заболевать). Сюда подойдут все начинательные с характером -ѣ- и часть начинательных с -и-: но и те начинательные на -и-, при которых стоят глаголы 2-й степени на -а-, без усиления коренной степени, тоже не имеют формы для 3-й степени (лин, топ, мерк, мок, тих, тух, стыд, мерз, бух, вык, молк, пух, стиг, сяк, вяд, кис, гряз, чез и др.).

3. Не имеют форм на -ыва- те, которые от форм на -а- неударяемое вторично образуют формы с -а- ударяемым. При этом, если первая из этих форм имеет значение 2-й степени, то вторая — 3-й (бежать, бегать — бѣгать; ползти, ползать — ползѣть; мерить; мѣрять — мѣрѣть), а если первая по значению относится к 1-й степени (что бывает или тогда, когда более простая форма забыта, или когда она имеет значение однократное и совершенное. NB), то 2-я с -а- ударяемым — ко 2-й (двигать — двига́ть, сыпать — сыпа́ть, падать, мерять, томить, кликать).

§ 7. Значение глаголов 3-й степени

О связи многократности (*iterativa verba*) с *imperf.* — Pott, II, 1, 632 сл.; NB. Miklosich, IV, 302.

„Глаголы, — говорит Буслаев, — ныне употребляемые в книжной и образованной речи, суть отрывочные остатки обширной системы видов, развитой в большей целостности в историческом течении языка, и частью сохранившейся в областных говорах“ (Буслаев, Граммат., II, 125—126).

Из этих слов можно заключить, что ныне существующая система видов находится в таком отношении к древней, как, например, деепричастия современного языка к причастиям старинного, в коем они несравненно живее и многочисленнее. Это было бы странно, так как мы знаем, что виды суть явление относительно позднее, исключительно славянское, что те глагольные классы, которые особенно важны для различения глаголов по видам, например, класс с *-а-* сложным и *-ыва-* — *-ива-* в характере, вместе с тем наиболее позднего времени образования. Если бы кто, основываясь на употребительности в литературном языке причастий действительных настоящего и прошедшего, неупотребительных в областных наречиях, замечал, что причастия явление новое, то он бы сделал ошибку, противоположную той, в какую впадает Буслаев, говоря об остатках системы видов в письменном языке. Назначение этого языка — объединять разрозненные историческую областные наречия. Поэтому он не может вполне подчиняться требованиям одного из наречий. Он занимает середину между всеми наречиями или в некоторых случаях удаляется от всех, усваивая известные архаизмы. Он архаичен как в употреблении причастий, так и потому, что иногда не делает тех тонких различий между видами, какие встречаем в некоторых наречиях. Литературный язык открыт.

Буслаев. „В отношении к видам глаголов русский язык отличается от церковно-славянского тем, что более развил как многократные, так и однократные формы.

Многократные формы претерпели следующие изменения в истории нашего языка. а) Древнерусский язык производил эти формы свободнее нашего. В старинных памятниках постоянно встречаем формы, подобные, например, следующим: *дъывал, бывывал, вѣливал, имывал* (т. е. бирал), *кѹпливал, отбѣывал* и проч. б) По формам многократного вида нынешнее областное просторечие ближе к древнерусскому, нежели к нашему книжному языку, например в Духовн. стих.: *«кладывали душеньку на золоту мису»* — *«крошечки собиравали»* — и даже в наст. вр. *«крошечки подбиравают»* (Кал. I, 74, 76, 79)“ (Буслаев, Граммат., I, § 53, 5).

Старорусский: „Язь... продалъ... росолу три двѣнадцатыхъ сугреба, четверть варници, что есми тотъ росолъ купливалъ у Терентья“ (Акты, 130, 1578 г.). „Се язь... продалъ есми... пол ночи росолу и съварничнымъ мѣстомъ... а ту полночи росолу отецъ мой купливалъ у старца Юны“ (ibid., 131, 1583 г.). „Что было за мною... деревня Ярыгинская Меншая, что купливалъ отецъ мой Григорей... и язь... отдалъ и отказалъ въ волость... старостамъ и цѣловальникомъ“ (ibid., 158, 1583 г.). Болгарский: „*ne gu li čjuv a h t e da ide*“ (= hören Sie ihn nicht kommen?) (Саркоф, 108); „*ne čjuv a h t e li kak vi kázuv a š e t o j k o g i - t o š l ě z u v a h m i i s s ŭ l b ū - t ŭ ?*“ (= не слышал ли, что он вам говорил, когда мы сходили с лестницы) (ibid., 109); „*ne gu li čju h t e da rej ?*“ (= не слыхали ль вы, что он поет); (ibid.); „*to čjuv a t e š k o*“ (= он слышит с трудом) (ibid., 115); „*pro š t a v a j t e*“ (ibid., 119) (как и по-украински „прощайте“); „*as j ŭ čj ū v a m d a r e j , a m a p e j ŭ v i d e*“ (= я слышу, что она поет,

но не вижу); „čjůvaš li slatká-tà pésen na čjučjuligú-tú?“ (=слышишь ли приятную песнь жаворонка?) (ibid., 147); „Čjuvaj, pobrátíme“ (=слушай, брат). Русское давай! ступай! поезжай! езжай! полезай! „По летай, мой соловеушко! На родимую мою сторонушку“ (Тр. Эгнограф. отд., V, 2, 5). Украинское „Ходи лишень сюди, давай“.

Украинское б у в а є — часом, іноді, большей частью: „він би й посилок-вавсь, так боїтця, що як якого дуже пхне, то щоб, б у в а є, кістки не порозсипались“ (Кв.-Осн., I, 247). (Кулиш ставит в запятых, но напрасно.)

Различие глаголов 2-й степени от глаголов 3-й появилось позже различия 1-й степени от 2-й и, кажется, в известных случаях не доведено до конца. Иногда формы отвлеченно длительные, не изменяясь, незаметно переходят к значению многократности, так что трудно бывает определить, выражает ли глагол только большую степень непрерывной длительности, или многократность. Так, например, глагол быть во 2-й теме и жить принадлежат к 1-й степени, ближайшая, следующая за ними форма бывать, живать должна бы иметь значение 2-й степени. В таком значении они действительно встречаются в наречиях и, например, в украинском „бувай здоров; здорові бували“ (не бывайте, бывай несколько раз, а будьте постоянно); „панове, знаєте, трояне, і всі хрещені миряне, що мій отець — б у в а в (= был) Анхиз“ (Котляревский, 32); „нехай, каже, твоя здорова б у в а, Нептуне, голова“ (ibid., 56); „А ти, мовляла (не говаривала, а говорила), і к Енею, Прощайся з юрбою своєю“ (ibid., 74); Не дьти б у в а й т е умовь (будьте) (Miklosich, Lexicon — бывати); „Пазной (камыкъ) рьдръ же ксть... б у в а к т ь ж е в ь Пазѣ градѣ“ (Изборн. 1073 г.; Буслаев, Хрестом., 263); „Анфраксь зьло чрвьень ксть, б у в а к т ь ж е в ь Кархидонѣ“ (ibid.); „Що у вас чувати?“ Как поживаете? Русское „Егда мы живали на вольном свету“ (Калеки, I, 59), т. е. когда мы жили, т. е. в течение всей жизни. В обоих случаях эти глаголы выражают, сравнительно с конкретными, больший период времени, в который совершается действие. Литературный же язык в этом слове, как и во многих других, формально не различает глаголов 1-й и 2-й степеней и употребляет приведенные формы только в многократном значении: „я часто бывал, подолгу живал в этом городе“. Такое значение более обыкновенно и в народных говорах. Впрочем, и в обыкновенной речи „где бывал“ обозначает состояние длительное, не многократное, и в украинском „ой ти мило, мое сердце, ой деж ты бувала, чи у полі лен ти брала, чи пшеницю жала“.

3-я степень отличается от 2-й не столько значением многократности, которого может и не быть, сколько оттенком постоянства и всегдашности. Притом, что если нет возможности формально отличить 3-ю степень от второй, потому ли, что вообще употребительны две формы глаголов (как в вышеприведенном быть и бывать, при которых 3-я форма б ы в ы в а т ь встречается довольно редко, и то только в русском), или по личным привычкам говорящего, то значение всеобщности и постоянства приписывается к глаголу, который со стороны формы должен быть отнесен ко 2-й степени. Так, например:

„Только было в богача два лютых псы,
 Всегда по подстолью они ходили,
 Хлебные крошки собиравали,
 Лазарю вбогому в поле носили,
 Тем его душу пропитовали,
 Больные раны зализовали,
 Лазарю пользу давали...“

С чем сравни:

„Были у богатого а два лютые псы,
Да псы по подстоблю да и хаживали,
А уронены мелки крошечки собиравали,
Ко убогому Лазарю принашивали,
Да тем его душеньку и пропитавали,
Все скорби и болезни зализавали“.

(Ibid., 52.)

В первом месте всегда ходили, (всегда) носили имеют, повидимому, то же значение, что во втором хаживали, принашивали.

Прохати. Щигровский у., с. Россоховец: „Сизая галушка у сокола прощалась: Аtpyсти мінє, ямен сокол на волю“ (свадебная); „У хатиіх вікон підслухали“ (= -вали) (Котляревский, 112).

В литературном языке можно бы ожидать только ходили, носили, в украинском стихе могло бы стоять: похажали, приношали, как, например, в следующем: „Казав його до келії взяти, казав слугам їсти доношати. Слуги сами все те пожирали, А йому теє, що псам, доношали“ (Метлинский, 360); между тем как „Велю старцю у келенці жити, Велю старцю їстоньки носити“ (ibid., 359).

Под понятие постоянства и всеобщности подходит отрицание, относящееся не к данному моменту совершения действия, а к продолжительному периоду времени, занимаемому действием или бытием (NB. Małeckі, Grammat. większa, § 750; Miklosich, IV, 847, 5; 279, 302, 791—794).

Об этом Буслаев выражается так: „Прошедшее многократное [а иногда и продолженное] употребляется... с отрицательною частицею не, для означения сильнейшего отрицания, преимущественно в языке древнем и народном; впрочем, попадаетея и у позднейших писателей“ (Буслаев, Граммат., II, 134, 135).

Означения сильнейшего отрицания (Буслаев, Граммат., II, 135; ср. Некрасов, О глаголе, 152, 153): „А сказывает семь лѣтъ пустоши косили, то, господине, жеть Кирило, а не кашивали, господине, тѣхъ пустошей до съхъ мѣсть“ (Акты, 5, 1485—1505 гг.). Подобно этому, вообще при чуткости к видам в отрицании действия или состояния обозначается глаголом степени следующей за тою, в какой стоит глагол в положении или положительном вопросе: Дал он тебе?— Не давал; Давал?— Не даывал; Был?— Не бывал; Пришел? Принес?— Не приходил. Не приносил; Решил?— Не решал; Встал?— Не вставал. Лег? Сел? Разница между „не делал еще“ и „не сделал“. Вычистил?— Еще не чистил. Взшло солнце?— Не всходило.

„Ще сонце не зiходило, як до мене щось приходило“. Слышал?— Не слухал; Слышал?— Не слыхивал; Видел?— Не видал; Видал?— Не видывал. Подобно этому и в украинском и в чешском: дав він тобі?— не давав; чув?— не чував; „Dej mně, bože, dej mně. Со mně miníš dati, jenom mně pedávej, K čemu nemám chuti“ (Mor. Nár. Písň, 420); „Matičko, já se vdám. — Nevdávě se ma dceruško“ (ibid., 422).

Даже без явственного отрицания, при отрицании прежнего действия, выраженном только предлогом: „Vudat' sa je vudat', Ale odvudávat', Něni to, můj bože, Chleba vypročjávat“ (не так легко) (ibid., 426);

„Не нахаживал я такой красавицы,
Не видывал я эдакой пригожицы“.

(Киреевский, III, 23.)

„Молодохонек, зеленехонек:

Ты на больших боях не бывывал,
Страстей-ужастей ты не видывал“.

(Ibid., III, 40).

„Ничего мы в поле не наезживали“.

(Ibid., IV, 78.)

„Ездили мы... Ничего не поймавали“.

(Ibid., 79.)

„Плавал Соколь корабль ровно тридцать лет
И на якоря Соколь корабль не ставвал“.

(Ibid., I, 22.)

„Оставляю вам гору золотую...
Не оставливай горы золотыя,
Не оставливай садов-виноградов,
Не оставливай яблонь кудрявых“.

(Калеки, I, 2, 3.)

„Брат брата братцем не назывывали,
Голодного не накармливали,
Жаждущего не напавали,
Голого не надевывали,
Босого не обувывали,
Красную девицу из стыда не вывели,
Колодников-тюремщиков не навещивали,
Убогого в путь-дорожку не проваживали“.

(Ibid., 51.)

„Сегодня я, братец мой, не пил не едал,
И хлеба я соли в рот не бирал“.

(Ibid., 72.)

„Сколько мы по белу свету ни хаживали,
Мы такого дурака не нахаживали!“

(Киреевский, I, 15.)

„Ездил во поле тридцать лет,
Экого чуда не наезживал“.

(Ibid., 52.)

„Аль не езживал ты по тёмным лесам?
Аль не слыхивал пташьего посвисту?“

(Ibid., 36, 37.)

„Камзолец на мне во пять сот рублей...
А коня-то на базар я не вываживал“.

(Ibid., 20.)

„Прошло тому времени да три году,
Не бывал Добрыня из чиста поля“.

(Ibid., II, 32.)

„Не бывать вам, мóлодцам, на святой Руси,
Не видать вам, мóлодцам, князя Володимира
И не гúливать по кóнным по плóшшадям!“

(Ibid., II, 91.)

„Мимо его никакой человек не прохаживал, ни богатырь не проезживал, ни зверь не прорыскивал, ни птица не пролетывала“ (Пам. стар. р. литер., 331).

Следует дополнить, что в этом случае употребительно не только прошедшее, но и повелительное, и безличная форма из вспомогательного глагола в 3-м лице (опускаемого в настоящем времени) и неопределен-

ного, из вспомогательного глагола и причастия страдательного (не слышано, не видано) и даже простое неопределенное.

Здесь опять видим, как близко сходятся по значению глаголы 2-й и 3-й степеней и как в литературном языке, предпочитающем формы предыдущие последующим, нередко эти две степени формально не различаются.

Сравни „Не ѳдемъ на конихъ, . . . ни пѣши идемъ, понесѣте ны въ лодыи“ (Лаврент. лет., 24), т. е. не пойдем, не поедем, — где отрицается действие конкретное, — с такими выражениями, как „не ходите, не ездѣте“ (вовсе не ходите, не ездѣте, т. е. в течение долгого времени, или не ходите пешком, не ездѣте верхом). Сравни: „Чи ти чула, дѣвчинонько, як я тебе кливав“ — с выражением, как „з роду, ніколи не чувала“; „не теперъ я на ногах стала, Од старих людей приповѣсти такої не чувала, Щоб о Петрі бистрій ріки-озера замерзали, Щоб об Різдві калина в лузі процвітала, Щоб жовтий пісок на білому камені зіхожав“ (Куліш, I, 27); „Батько їх, кажуть, що хожував з Добашем, з рештою, чи ходив, чи не ходив, а сини славні раз мав: один кращій від другого“ (Федькович); „[Книг] в руки не бирали, а вторых [проповедников] не слыхивали“ (Афанасьев, Журналы, 12); „Бывало ты в молодых летах забавлялся: вешивал собак на сучьях, которые худо гоняли за зайцами и секал охотников за то, когда собаки их перегоняли твоих“ (из „Живописца“ Новикова — *ibid.*, 125); „Не проходило почти того дня, чтобы они между собою не дрались, или бы людей на конюшне плетью не секли“ (*ibid.*); „Бысть скорбь и туга люта, якоже николиже не бывала“ (Ипат. лет., 132, 14); ср. „Бысть морь въ конихъ . . . акъже не былъ“ (Ипат. лет. — „якоже не былъ“) николиже“ (Лаврент. лет., 146, 30); „И на ту осень бысть зима зла велми, тако иже въ нашу память не бывала николиже“ (Ипат. лет., 134, 27); „Не погнѣтши пчель меду не ѳдять“ (*ibid.*, 171, 6); „Вида идеши на смерть, не ходи“ (Лаврент. лет., 75, 27); „Даль ли еси тѣ свои земли . . . а ту еси грамоту даную даль ли? . . . даль есми . . . а . . . отецъ мой . . . тое земли не даываль, а язъ . . . у тое грамоты отца своего не бываль“ (Акты, 2, 1479—1481 гг.); „Скажете въ бою правду, чьи то пустоши бывали, изъ старины куды тѣ пустоши тягивали“ (*ibid.*, 5, 1485—1505 гг.); „а сказываетъ, семь лѣтъ пустоши косили, то, господине, жеть Кирило, а не кашивали тѣхъ пустошей до сѣхъ мѣсть“ (*ibid.*); „и судьи спросили Данила: да вы в а л ь ли ты (когда-либо) въ мрѣ . . . пустоши . . . И Данила такъ рекъ: даль есми“ (*ibid.*); „билъ ли ты съ ними тотъ езъ и рыбу ловишь ли съ ними вмѣстѣ? — Язъ, господине, съ ними того езу не биваль, а рыбы есми съ ними не лавиваль“ (*ibid.*, 27, 1510 г.); „мы . . . животины съ поля къ себѣ въ деревню не заганивали и ихъ самих не бивали, и собаками не травляли и товарища ихъ до смерти не убивывали“ (*ibid.*, 32, 1525 г.); „Мы . . . силно лѣсу не сѣкали и деревни не отнимывали и Якуша не грабивали . . . и Гаврилко Якуша не наѣзживаль и у него того Якуша не выбивывали“ (*ibid.*, 34); „Язъ брату своему не веливаль своей половины продавати“ (*ibid.*, 41); „Отвѣчай: покрадчи еси отъ княини бѣгиваль ли, и тое татбу имывал ли? — Язъ . . . покрадчи отъ княини отъ Анны бѣжалъ и тое татбу ималь“ (*ibid.*, 49, 1547 г.)

Болгарское „Калѣсай си (зови), Вълко, сичкъ-тж роднѣну, Ала не калѣсвай сѣстрини си дѣцѣ“ (Бессонов, I, 39). И дальше: „Калѣсаль къ Вълко сички-тѣ роднѣни, А не къ калѣсаль (действие конкретное) сѣстрини-си дѣцѣ“ (*ibid.*, 40); „Вуйче ни са жѣни нази не калѣса“ (а не „калесва“) (*ibid.*, 40); рекохъ, да га обѣсѣать . . . „Не дѣйте ма обѣсва . . . срѣдъ село-то . . . Амѣ ма карайте на баштини ми ливади . . . та ма тамъ обѣсѣте“ (*ibid.*, I, 93).

В Грамоте рижан к витебскому князю, 1300 г. (Акты р.-лив., № 49, 27): „ныне новую правду ставишь както есме не чювали оть отчовъ, ни оть дѣдовъ, ни оть прадѣдовъ нашихъ“.

По аналогии с прочим следует думать, что чем дальше в древность, тем реже это свойство; но однако оно весьма древнее. Так, хотя и в современных наречиях еще можно встретить забудь, прибудь, в безразличном значении (забудь и забывай), но уже в послесловии Упиря Лихого (1047 г., Буслаев, Хрестом., 174) читаем: „здоровъ же княже, бѹди, въ вѣкъ жи(ви). но ѡбѹче писавшаго не забывай“.

В Прологе Иоанна-экзарха: „да никакоже, братья, не зазирайте, аще кѣде ѡбрыщете неистыи глѣхъ“ (Калайдович, 131); „Онъ бѣется, дерется целой день не пиваючи, не едаючи, ни на малой час отдыхаючи“ (Др. росс. стих., 258); „Повій вітре — прибудь милій. Як же мені повівати... прибувати“.

§ 8. К различению степеней

Глаголы мгновенные или однократные. Следует остерегаться смешения этой степени со степенью такого же названия у Павского. Мы не относим ко мгновенным глаголам глаголы совершенные, коих совершенность зависит от предлога и которые независимо от совершенности могут принадлежать к трем различным степеням длительности.

Спрашивается, следует ли отделить от однократных и глаголы совершенные беспредложные? Есть ли какая-либо разница между теми и другими? Павский разницы не находит, и в его пользу можно привести то обстоятельство, что при совершенных беспредложных никогда не бывает однократных на *-нуть* (Павский, III, § 28), что, напротив, есть случаи, когда форма с характером *-н-* вытесняет беспредложный совершенный глагол другого характера. Так, вместо русского совершенного реку, паду стоят в польском — *rzekę, radę*.

Однако сами по себе доказательства эти бессильны. Прежде всего не вполне верно, что при совершенных беспредложных (или, как Павский называет, однократных) не бывает мгновенных на *-нуть*: их нет при решить, кончить и др., но при ступить есть ступнуть, при скокить есть скокнуть (правописание скакнуть есть фонетическое, а не этимологическое: по-сербски *скокнути*), при стрелить — украинское *стрельнути*. Но положим, что замечание Павского верно. Мы различаем же однократные на *-н-* от начинательных с тем же характером, а между тем при начинательных на *-нуть* не бывает таких же однократных. *Макнуть* однократный не при *мокнуть*, а при *макать*.

Глаголы однократные с внешней стороны обозначаются характером *-н-*, с лексической — тем, что это глаголы движения внутри определенного пространства, света, звука. Они не образуются а) от глаголов движения, сопряженного с видимою переменою места: *полз-*, *бег-*, *шалить*, *валить*, *блудить*, *волок-*, *стерег-*, *ид-*, *ед-*, *вез-*, *нес-*, *лез-*, *пльв-*, *бред-*, *шед-*, *гън-* (а-); б) от начинательных (стану, сяду, лягу, сохну), в) от глаголов, в коих действие представляется вне связи с пространством (*петь*, *говорить*, *думать*, *вязать*, *плести*, *писать*). *Писнуть* (комическое) переносит глагол *писать* в разряд таких, как *дергать*. Почему бы нельзя различать *дать* от мгновенных, несмотря на то, что при *дать* нет особой формы для мгновенности. Если только потому, что и *дать* и все мгновенные совершенны, то ведь совершенность глаголов не есть вообще доказательство их принадлежности к одному виду. Даже если в польском

гзеке, радне вытеснили и заменили формы гзеке, раде, то ведь и władpe вытеснило и заменило форму władę (владж, власти), но не стало от этого мгновенным. Мне кажется, следует обратить внимание на некоторые, впрочем, очень тонкие, различия между глаголами мгновенными и совершенными беспредложными.

Во-первых о глаголах с характером -н-. В славянско-литовский период характер -н- имел значение только начинательное. Мгновенность глаголов -н-, как замечено уже Павским, составляет особенность славянского языка. Она могла произойти только от начинательности; но переход от начинательных в мгновенные прекратился в весьма давнее время. Между тем как в древности, судя по архаическим явлениям в славянских наречиях, формально эти два разряда не различались (и одинаково могли не иметь характера во второй теме). Современный русский язык различает их таким образом, что начинательные могут иметь и форму $\frac{-не-}{-нж-}$

и форму $\frac{-не-}{-}$; мгновенные имеют форму $\frac{-не-}{-нж-}$ в таком большинстве случаев, что мы можем считать отношения мнимыми. Именные глаголы стану—стать, дену—деть могут считаться, несмотря на свою совершенность, не мгновенными, а начинательными—конкретно-длительными, как стигну, постиг. К этим двум, несмотря на постоянное -н- в характере, отнесем и минуть—мануть.

Во-вторых, от глаголов решительно мгновенных никогда не образуются глаголы 2-й и 3-й степени длительности; от глаголов совершенных беспредложных со включением стать, деть, минуть образуются, притом как будто эти глаголы были конкретно-длительные, несовершенные.

В-третьих, при глаголах мгновенных, хотя они и произошли некогда от начинательных, несовершенных, но никогда не встречается ни в современном, ни в прежнем, насколько он доступен наблюдению, глаголов той же формы со значением несовершенным; дрогну́ть (мгновенное от дрожать) отлично от первообразного дробну́ть. Напротив, почти все беспредложные совершенные, частью только в древнем, частью и в современном языке, имеют не только значение совершенное, но и несовершенное, и в последнем случае, очевидно, отличаются по значению от мгновенных.

В-четвертых, обращаемся к непосредственному чутью разницы в значениях: представляем ли в дам ту же мгновенность действия, что з крикну, свистну? Или в благословить, женить ту же, что в плюнуть? Или в ступнуть, скокнуть, стрельнуть—ту же, что в ступить, скочить, стрелить? Мне кажется, нет. Я полагаю, следует отнести беспредложные совершенные к той степени, к которой они принадлежали будучи несовершенными, именно к 1-й конкретно-длительной. Степень эта ближе всех подходит к мгновенным глаголам, потому что означает наименьшее после мгновенности продолжение действия. Совершенство, совпавши с однократностью, распространилась без помощи предлога и на некоторые глаголы ближайшей степени и именно эта близость повела к отождествлению глаголов мгновенных

Глаголы не различающие степеней. Есть глаголы, вовсе не различающие степеней, по крайней мере в общелитературном языке, например гудеть, шипеть (но ср. шуметь—пошумливать), рябить, сквозить, пустословить (но ср. благословлять), стараться (но ср. в чешском).

Невеста, вышедши из бани:

„После моего быванья, веку долгого
Раскатись-ко, бела парка баенка“.

(Рыбников, IV, 115.)

„После моего бываньца,
После моего живаньца,
Как поедете... приверните... к моим родителям“.

(Ibid., 118.)

„И думывал — подумывал калека переходя:
Не дать Илье платице, силой возьмет...“

(Ibid., III, 29.)

Формы более длительные, обыкновенно употребляемые только с предлогами (вы-бирать и т. п.) не вызваны к жизни присоединением предлога к относительно первообразной форме, так как существовали, а отчасти существуют и без предлога.

К различию 1-й степени от 2-й. Как глаголы нести, вести, везти, брести, лезть относятся к глаголам носить, водить, возить, бродить, лазить, так неправильно ити, иду, шел относиться к глаголу другого корня ходить, а ехать, еду — к ездить. В украинском точно так же относится гнати, жену к гонити, гоню, которое, даже соединяясь с предлогом, в известных случаях удерживает несовершенство и явственно обнаруживает большую степень длительности; ср. с жену; но в русском различие в значении этих глаголов исчезает, так что в устах многих гнать заимствует первую тему от гонить и становится разноспрягаемым (гнать, гоню).

Без сомнения, некогда такое же отношение было между ждать и годить, но теперь украинское годить в значении ждать в украинском, сколько мне известно, не встречается,¹ а в русском не чувствуется разницы по степени длительности между подожди и погоди.

Во всех этих девяти парах глаголов 2-я степень обозначена характером $\frac{-и-}{-и-}$; в следующих 2-я степень имеет характер $\frac{-aje-}{-а-}$. 1-я степень $\frac{-е-}{-е-}$ ползти, пóлзати (в украинском пóлзати не встречалась, а есть заповзати = русскому заползати), плыть, плавать, разноспрягаемое ср. бігти, біжу, -иш, біжить, русское бежать (тема -б-) (бегу, бегут) (тема -е-), бежишь (тема -и-), 2-я степень бегать, бігати.

1-я степень с характером $\frac{-б-}{-а-}$: блестять — блистать, видѣть — видать, летѣть — летать, свистѣть — свистать. Первая тема $\frac{-и-}{-а-}$ — блудить и заимствованное блуждать, валить — валять, весить — вешать, катить — катать, ломить — ломать, мерить — мерять, ронить — ронять, садить — сажать, ташить — таскать.

Приложить и прилагать старание; но в литературном заложить лошадь, стену и закладывать лошадей и пр. Однако в севернорусском „не залагат ли (залагает) он ступистой лошадушки“. В украинском положить и „копиці полагані“ (покладені). Несовершенный класть, совершенный положить. Однако: „Приносила хоть [меня ты, матушка] в хоромное строеньице, не в большой угол меня да полагала, На кирпичную знать печеньку ложила, И сосною лучину подстилала, Тут великим бесчастьем награждала!“ (Барсов, 266).

¹ Есть годить (в значении угождать), но этот глагол — отыменный, а не отглагольный, и не предполагает ждать.

Различение глаголов 2-й и 3-й степеней. Выше было уже говорено о неудовлетворительности деления по степеням у Павского. Возвращаюсь еще раз к тому же предмету.

Павский верно замечает, что как имя с уменьшительным суффиксом не считается уменьшительным, если оно не употребительно без этого суффикса,¹ так и глаголы, например, бодать, читать, вязать, имеют по отношению к виду то же значение, что и их первообразные бости, честь, вязти, потому что эти последние неупотребительны, или малоупотребительны (Павский, § 21, примеч.). То же самое и в других славянских наречиях, а равно и в литовско-латышском. Так, например, в польском skrobać, grzebać не имеют при себе первообразных, а потому равняются по значению не русским скребать, гребать, при коих есть русские первообразные, а именно этим последним (скрести, грести). Так, сербское спáвати, спáвам, для тех, кому спáти — спйм — архаично или уже не известно, значит отнюдь не то, что сыпáть, польское suriać, а то что спать.² Было, однако, время, когда глаголы вязать и т. п., существуя рядом с вясти и т. п., по отношению к этим последним означали большую степень длительности. По нашей терминологии вязать с 2-й степени переведено в 1-ю; по ошибочному взгляду Павского — с 3-й степени (многократные дальние) на 2-ю (многократные неопределенные).

Спрашивается: как смотрит язык на глаголы производные, при коих первообразные сохранились, но получили значение совершенных? Другими словами: считает ли язык совершенность за степень по отношению к степеням длительности?

Павский, как мы видели, считает однократность [т. е. собственную однократность (= „мгновенность“)] и совершенность (= „окончателъность“) за степень длительности, притом за 1-ю. Согласно с этим, говоря об образовании глаголов посредством характера -а-, он устанавливает правило: глагол, образованный посредством -а- от глагола 1-й степени (т. е. однократного и совершенного), принадлежит ко 2-й степени, а образованный от глагола 2-й степени — к 3-й (Павский, III, § 21).

Я полагаю, что считать однократность, как понимает ее Павский, т. е. со включением совершенности, за степень длительности, ошибочно, и основываю свое мнение на следующем:

1) Собственная однократность (глагол с характером -н-) действительно есть степень длительности, но только не 1-я, а производная. Производить, как это делает Павский (§ 21, стр. 56), глаголы кидать, кивать, зевать, лизать (по Павскому — глаголы 2-й степени, т. е. неопределенные многократные) от глаголов однократных (по Павскому 1-й степени) кинуть, кивнуть, зевнуть, лизнуть есть *hysteron proteron*, о чем см. выше. В том, очень редком, случае, когда глагол на -а- действительно предполагает глагол на -н-, как в украинском минати от ми-н-у-ти, в коем характерная согласная принята за коренную [Павский ошибочно думает, что корень глагола минуть есть мин- (III, § 19)], глагол производный имеет по отношению к степени длительности совершенно такое значение, как и те производные, при коих стоят первообразные длительные: летать, скакать и т. п.

Однократность составляет степень длительности, но не потому, что глаголы однократные суть совершенные, а независимо от этого. Для

¹ Явление — свойственное многим языкам. Без этой забывчивости языка было бы необъяснимо накопление в одном и том же слого синонимичных или даже тождественных суффиксов без заметного изменения значения слова.

² Так, в латышском глагол *dīrāt* — *schinden* есть глагол простой или первообразный по значению, потому что более первообразный по форме (*Bielenstein, Sprache, I, 381*).

меня очевидно, что однократность и совершенность понятия не тождественные, так как последнее гораздо обширнее первого, и есть множество глаголов совершенных, но не однократных; категории эти для пользы разумения языка следует разделять, а не смешивать, так как и по времени происхождения они различны.

2) Что глаголы, коих совершенность зависит от предлога, не суть однократные (п о х о д и т ь — совершенный), это не требует доказательств.

3) За выделением мгновенных или собственно многократных и совершенных предложных, в 1-й степени Павского остаются глаголы беспредложные совершенные, от коих не только по мнению Павского, но и в самом деле производятся глаголы с характером *-а-*, как падать от пасть. Вопрос в том, точно ли значение этих производных на *-а-* предполагает совершенность их первообразов? Если так, то значение таких производных должно быть отлично от значения тех, при коих стоят первообразные несовершенные. Такого различия, принимаемого Павским, я не замечаю.

Бывать, по Павскому, есть глагол неопределенно-многократный, степени 2-й (т. е. одной и той же степени с знать, звать, рвать и т. п., что, очевидно, ложно), аживать — по Павскому — есть глагол 3-й степени (дальний многократный). Но на самом деле различия в формальном значении нет междуживать и бывать; это глаголы одной степени, с чем согласился бы и Павский, если б обратил внимание, что быть, был, бывший, а равно и формы, образованные от другой темы, будь, будучи, вовсе не совершенны, что совершенна в этом глаголе только форма настоящего буду. Таким образом, как жить — быть, такживать — бывать.

Ставать, по Павскому, глагол 2-й степени, потому что производится от глагола 1-й степени (совершенного) стать, азнавать — 3-й степени, потому что произведено от глагола 2-й степени (несовершенного, по Павскому якобы неопределенно-многократного) знать; но по отношению к степени длительности эти глаголы равны. Равенство их между собою нисколько не нарушается тем, что ставать (без предлога) не обычно в русском, где оно заменяется синонимом становиться (украинское становитись), азнавать — наоборот. И по сложении с предлогами глаголы эти равны друг другу: украинское (*на-, при-, за-, до-*) - ставати, русское (*на-, при-, за-, до-, у-*) - ставать принадлежат к одной степени с украинским (*ни-, за-, при-*) - знавати, русским (*у-, по-, при-*) - знавать, между тем как, по мнению Павского, от присоединения предлога глагол ставать переходит со 2-й степени на 1-ю, азнавать — с 3-й степени на 2-ю.

Разница между украинским ставати и знавати действительно есть, но не в длительности, а в том, что в первом из них есть оттенок начаточности, перешедший от первообразного стану, стать, а во втором нет. Чтобы устранить и эту разницу, мы сравним ставати с начальными *-сыха-, -мока-*. Первый этот глагол, как сказано, по Павскому, 2-й степени, а второй — 3-й; предложные от ставать по Павскому должны быть 1-й степени, а предложные от сыхать — 2-й, между тем как мы не видим разницы относительно степени между уставать и засыхать и т. п. Корни лег и сед, говорит Павский, „вопреки общему закону, с первой степени [сесть, лечь — глагол совершенный А. П.] при помощи *a* переступают сряду [сразу. А. П.] на последнюю. Им подражает и корень рек. *Легать, седать, рекать* принадлежат к 3-й степени. Для первых двух глаголов есть особая средняя степень: *лежать, сидеть*“ (§ 21, 2). Причины перехода рек прямо в 3-ю степень Павский не указывает; но и объяснение такого же явления в двух глаголах неудовлетво-

рительно. Выше было замечено, что начинательность первообразных удерживается и в производных. Седать, легать, без предлога не употребительные в русском, но обычные в украинском (сідати, лягати; последнее вместо основной формы лѣгати, с я=л, взятым из 1-й темы лаже),—такие же начинательные, как и первообразные сесть, лечь; между тем сидеть, лежать (украинский сідати=сидіти, лежати) вовсе не начинательны и потому не могут быть поставлены в ряд с лечи—легати, сести—седати и служат для этих форм среднюю степенью. Точно так стояти принадлежит к особому порядку форм сравнительно с начинательным стати—ставати. Признавая объяснение перехода глаголов сесть, лечь прямо на 3-ю степень ошибочным, я отрицаю и самый факт этого перехода, так как седати, легати принадлежат к той же степени, как и ставать, которое Павский относит ко 2-й.

Глагол рекать (основная форма рѣкати с усилением е в ѣ, чешской řikati) неупотребителен без предлога ни в одном из русских наречий, но по степени длительности как без предлога (в чешском), так и с предлогом (в русском, сербском, польском, чешском) относится к той же степени, к которой ставать (у Павского 2-й степени) и знавать (у Павского 3-й) и метать (по Павскому должны быть 3-й степени, так как мести—2-й).

Нет надобности повторять одно и то же порознь о каждом из производных глаголов на -а-, относимых Павским ко 2-й степени на том основании, что их первообразные совершенны. Довольно сказать, что, на мой взгляд, они ничем не отличаются от тех производных, коих первообразные несовершенны. Сравни падать (у Павского 2-й степени) с бегать (у Павского тоже 2-й степени, глагол многократный разнобразный, но должно бы быть 3-й, если бы Павский ошибочно не соединял эти глаголы в одну степень с многократным однообразным как бежать. См. об этом при разборе деления по степеням); давать (2-й степени, сравни с знавать (3-й степени); девать (например, „некуда девать“—2-й степени)—с бывать („негде бывать“) (по Павскому тоже 2-й степени, но должен быть 3-й, о чем см. выше под бывать); глаголы (по Павскому 2-й степени), образованные от имеющих теперь значение совершенности с характером -а- [благословля-, броса-, верша-, вороча-, конча-, куса-, мина-, пленя-, проща-, пуща- (пуска-), рожать-, реша-, скака-, ступа-, хвата-, явля-], сравни с такими, как ронять, ломать, коих первообразные несовершенны и кои, по Павскому, относятся к 3-й степени.

Из всего этого заключаю, что значение производных на -а- (большей степени длительности), имеющих при себе первообразные совершенные, вовсе не предполагает совершенности, а вытекает из значения, не имеющего ничего общего с совершенностью и предшествующего ей. Давать образовано от дать в то время, когда последнее еще не было совершенным, так что совершенность глагола дать (и всякого первообразного) не есть степень длительности по отношению к давать.

II. ВРЕМЕНА

§ 9. Есть ли времена в русском языке?

Некрасов в своем сочинении о глаголе и в статье „Объяснения по некоторым вопросам русской грамматики“ (ЖМНП, 1869, IX) отвечает отрицательно.

Некрасов (О глаголе, 133) говорит: „что, во 1-х, русскому глаголу не свойственны формы временные, что русский язык осмыслил время

как нечто постороннее для действия, как внешнее (в отношении к действию) условие, под влиянием которого скорее находится лицо говорящее и лицо слушающее, чем само действие; что, во 2-х, формах русского глагола в этом случае выражается не время, а нечто другое... , что, в 3-х, приставка предлога ровно ничего не значит для времени”.

„Все глаголы в языке точно так же не различают по форме настоящего времени от будущего, как и глаголы велю, женю, казню“ (ibid., 134).

Своими словами „замена настоящего времени будущим и наоборот будущего настоящим объясняется тем, что язык в этом случае отличается не времена, а виды“ (Граммат., § 184), Буслаев дал повод Некрасову создать учение об отсутствии категории времени в русском глаголе. Но самый факт, указанный Буслаевым в этих словах, не существует. Будущее совершенное (ибо о нем здесь речь) никогда не заменяет настоящего, и наоборот. О самых фактах древнерусского языка, подавших повод к подобному утверждению, было говорено выше; о явлениях современного языка, заставляющих Некрасова думать, что форма, называемая будущим, вовсе не выражает времени, будет сказано ниже. Теперь же я спрошу, возможна ли вообще замена одной формы другою, будущего настоящим и т. п.? Мы видим, что язык роняет известные категории и создает другие, и говорим, что последние заменили первые, подобно тому, как можем сказать, когда на ржище вырастает трава, что трава заменяет рожь. Это обычно не замена, а смена. Но каким образом при существовании двух грамматических категорий (форм, рассматриваемых со стороны значения, а не в совокупности своих составных частей: звука, представления и значения) одна может заменять другую? Это невозможно, если признаем, что речь находится в зависимости от своих психологических условий. Каждая форма на своем месте. Каждая соответствует определенным требованиям мысли говорящего, разумеется, если предположить в нем знание своего языка, так как об ошибочном употреблении форм здесь говорить нечего. Слушая его речь, мы можем судить о ней так и сяк: мог-де употребить будущее вместо настоящего. Такое рассуждение ошибочно: мог, да не употребил, потому что не мог. Задачи же грамматики — найти психологические условия употребления формы, или проще: точно определить ее значение. Весьма часто разграничить формы может оказаться невозможным: тогда как не скажем, что найти различия между такими-то формами мы не можем. Но сказать этого о русском будущем глаголе совершенном — настоящем, кажется, нельзя.

„Язык... [заменяя настоящее будущим и обратно] отличает не времена, а виды“. Возможно ли? Если так, то действительно времен в русском языке нет. Но нет: вид, как совершенный и несовершенный, — понятие общее, под которое подходят все формы, составляющие спряжение; а если к виду отнести и степень длительности, то он распространится и на формы, обыкновенно к спряжению не относимые, например на отглагольные — *тель*: писатель, записыватель. Разве различие общих категорий освобождает язык от различных частных? Глагол совершенный не имеет настоящего времени: значит ли это, что мы в стану и стою, становлюсь не различим ничего больше, кроме совершенности и несовершенности степеней длительности? Если бы так, то мы бы не различали и стану от стал, потому что обе эти формы одного вида.

В индоевропейских языках, говорит Некрасов в своей статье (ЖМНП, 1869, IX, 45, 46), „существуют формы двоякого рода: *этимологические* и *синтаксические*... Значение того отношения... , которое выра-

жается формой описательной или *синтаксической*, узнается единственно по смыслу, содержащемуся в соединении слов между собою в речи, а также и зависящему от употребления. Точно то же следует сказать о тех случаях, в которых для выражения отношения, например, действия по времени, язык не выработал ни этимологической, ни синтаксической формы, т. е., что это отношение узнается единственно *по смыслу в речи*“. Отсюда явствует:

1) Что, по мнению Некрасова, значение этимологической формы узнается не по смыслу ее в речи, а непосредственно по самой этой форме, вырванной из связной речи, независимо от употребления.

2) Что между описательной или (по терминологии) синтаксической формой и отсутствием формы в языке — нет разницы, ибо отношение в разных случаях узнается единственно по смыслу в связной речи и зависит единственно от употребления.

На первое утверждение следует ответить утверждением противоположным. Ни реальное, ни формальное значение слова не могут существовать сами по себе. Язык во всем без исключения символичен. Никогда значение слова с тех пор, как слово стало словом, не было равно его внутренней форме, т. е. тому признаку, которым обозначено значение. Всегда отношение символа к обозначаемому определяется не чем иным, как употреблением в связной речи. Путь, которым мысль дошла до сообщения слову такого-то определенного значения, может быть забыт, но это не имеет никакого влияния на определение приемов, которыми слово доходит до значения. Нам только кажется, что слово волк само по себе непосредственно означает известное хищное животное, но на самом деле это значение появилось только потому, что слово это заключает в себе представление резания или разрыванья, отнесенное к таким-то грамматическим категориям (именно мужской род в именительном единственном). Само по себе это представление есть значение, условленное несколькими другими представлениями, и так далее — вверх до неисследимого для нас в частностях начала слова. Что заставило представление разрыванья отнести именно к животному *lupus*, тогда как есть множество других предметов, которые могли бы быть названы по тому же признаку? Сила, которую мы, отвлекаясь от возможности разложить ее на составные части, называем употреблением и которая сказывается только в действительной жизни языка, т. е. в связной речи. Почему *scripturus sum* имеет значение будущего с оттенком намерения, желания: намерен писать, *nam piscat, ich bin im Begriff zu schreiben*? Почему сербское *писаћу*, *писаћу* хотя и не всегда, но весьма часто совершенно теряет оттенок „хочу, имею намерение писать“ и обозначает просто будущее объективное?

Почему санскритское *dāta smi* есть будущее время? Есть ли в этой форме что-нибудь такое, что указывает на будущее время? Что же ее сделало будущим, как не та сила, называемая употреблением, которая всегда создает из данных материалов нечто большее того, что в них заключено. Значение этой формы определяется только употреблением и узнается только из него. В этом отношении между нею и соответствующею энклитической формой *daturus sum* нет никакой разницы. Различие между синтетическими (по Некрасову — этимологическими) и энклитическими (по Некрасову — синтаксическими) формами устанавливается Некрасовым совершенно произвольно. Единственная общая разница между ними состоит в том, что первые составляют звуковое единство. В частности, между формами, какие бы они ни были, энклитические или синтетические, существует всегда разница значения, и создание новой формы есть всегда создание новой грамматической кате-

гории, что и следует иметь в виду, говоря о замене одних форм другими.

Значение форм, определяемое употреблением и узнаваемое из него же, существует в самом языке, а не вне его. Это составляет отличие существования форм в языке от того случая, когда формальные оттенки мысли вносятся со стороны. Так, например, для немецкого языка совершенно безразлично то обстоятельство, что при переводе с немецкого на русский мы не колеблясь ставим на месте одной и той же немецкой формы *führt* одну из нескольких соответственных русских: ведет, водит, провожает, проваживает. Тот смысл фразы, которым мы руководствуемся при этом, внесен в нее русскими переводчиками, требуется русским языком, в немецком же вовсе не существует.

Случай этот не имеет ничего общего с многозначительностью формы в одном и том же языке. Это последнее явление вполне аналогично с тем, когда слово, понимаемое в смысле звуковой единицы (т. е. отвлекаясь от значения), имеет много реальных значений. Звук баба значит у нас, как известно, *apus, obsetrix, fistuca, pelicanus*, род сдобного хлеба и многое другое. Спрашивается, существуют ли все эти значения в языке, или это только нам кажется? Созаем ли мы различие между женщиною, сваею, птицею, хлебом при помощи нашего языка, или это различие нашему языку чуждо, а вносится в наше понимание извне? Мало того, что мы созаем различие этих значений, но, строго говоря, для каждого из этих значений мы имеем особое слово.

В словарях принято, для сбережения времени и места, под одним звуковым комплексом перечислять все его значения. Обычай такой необходим, но он не должен порождать мнения, что слово может иметь несколько значений. Омоним есть фикция, основанная на том, что за имя (в смысле слова) принято не действительное слово, а только звук. Действительное слово живет не в словаре или грамматике, где оно хранится только в виде препарата, а в речи, как оно каждый раз произносится, причем оно каждый раз состоит из звуков единственного и одного значения (*Steinthal* в *Zeitschrift*, I, 425—428). Связью между звуком и значением служит первоначально представление; но с течением времени оно может забыться. Отношение между словами однозвучными, если однозвучность их не есть только случайная или мнимая, всегда бывает таково: а) представление, первоначально связанное со звуком, может в разное время стать средством сознания различных значений; б) каждое из этих значений может, в свою очередь, стать представлением других значений. Положим, в слове зелье представляется растение чем-то зеленым; значит растение служит затем представлением лекарства, лекарством представляется снадобье вообще, снадобьем представляется порох. Все эти значения растения — лекарство, снадобье, порох — составляют не одно слово, а четыре. При появлении каждого из этих значений создается новое слово, хотя звук первого слова может и при всех последующих оставаться неизменным. Нелепо думать, что люди, называющие порох зельем, представляют его себе зеленым или не сознают различия между растением и пороком. Рассуждая таким же образом, мы приходим к заключению, что омонимия форм есть тоже грамматическая фикция. Каждая форма первоначально имеет одно значение. Когда это значение может стать представлением другого, то вместе с тем создается новая форма. Если при этом первое значение не потеряно, то мы имеем в языке две формы с различными значениями. Этот случай, постоянно повторяющийся во всех формальных языках, следует отличать от того, когда в языке

вовсе нет известных форм. Два дела разные: в языке имеются две однозвучные формы — одна для настоящего, другая для будущего; и в языке нет форм ни для того ни для другого. В первом случае сам язык доходит до сознания различия времен таким же образом, как вышеприведенный пример — различие значения звуков „зелье“; во втором случае различие времени настоящего и будущего (если оно не обозначено иначе) может быть внесено в значение речи не из нее самой, а с посторонней точки (например, точки зрения чужого языка), на которой язык не стоит.

Некрасов этих случаев не различает. Для него отсутствие специальных звуковых указаний на значение формы и совмещение в одном звуковом комплексе нескольких формальных значений служит доказательством отсутствия в языке форм как для настоящего, так и для будущего.

Буду теперь употребляется в русском языке с значением будущего времени; на каком основании? В форме буду язык не отметил ни одним звуком отношения действия к какому-либо времени, тем менее к будущему. Форме буду вполне соответствует форма другого глагола и д у. Почему же первая имеет значение будущего времени, а последняя — настоящего? Что форма сама по себе, как форма этимологическая, не выражает определенного отношения ко времени, видно из того, что в древнерусском языке она употреблялась также и с значением настоящего времени. Здесь мысли по Срезневскому (Мысли, 80) и Лавровскому (Лавровский, 90). В последнем сочинении такое значение буду подтверждается нынешним значением деепричастия будучи и соответственно этому употреблением в старинном языке причастий, например „чернцемъ будя“ (Новгор. IV лет., 39); „князю... не будущю въ Новѣгородѣ“ (Новгор. I лет., 67; в Академ. списке — сущю). Некрасов в дополнение к этому сам нашел в Ипат. лет. под 1185 г. „будущю же ему въ Половцехъ, тамо ся налъзъ (=е) мужь“ и пр., где, по мнению Некрасова, *будущю* имеет значение *прошедшего* времени (когда находился...) „ибо выше сказано: «Игорь же.. *бъшетъ* въ Половцехъ»“.¹

„Итак, если форма буду могла иметь значение и будущего и настоящего времени, то очевидно, что сама по себе она не выражает никакого определенного отношения ко времени, другими словами, она не есть форма времени“, (Некрасов, 46, 47).

В ответ на это объяснение замечу: русская форма настоящего времени есть вместе с тем общеиндоевропейская. В ней нет материального указания на настоящее время и потому покамест позволительно, если это кому-либо нужно, считать ее формальное значение произвольным, но непозволительно считать это отношение сомнительным и не ясным, ибо форма эта, образуясь от первой темы глагола и тем самым отличаясь от времени второй темы, строением своим отличается и от остальных форм первой темы и искони имела значение настоящего изъявительного наклонения, значение которого, кроме нее, не имела ни одна личная форма.

К этому общему наследию славянский язык прибавил новые кате-

¹ Некрасов вообще думает, что если говорится о прошедшем событии, то должно быть употреблено и прошедшее время; но язык понимает время иначе и, изображая ряд прошедших событий, может вместить в это изображение все свои времена. Во втором примере будущю есть такое же причастие настоящего, как и в первом, и перевод „когда был“ не передает его смысла; ближе было бы, если бы это было согласно с обычаям литературного языка, перевести „будучи князь в половцах (деепричастие настоящего времени) — нашелся“.

гории несовершенности и совершенности, существенно видоизменившие его строй. Во время полного водворения этих категорий между ними распределялись все глаголы. При этом настоящее несовершенных, говоря приблизительно, осталось, каким было; настоящее же совершенных послужило средством или представлением нового значения к апперцепции новой грамматической категории будущего совершенного. Таким образом, славянский язык не потерял прежнюю категорию настоящего, а создал новую. Для этой новой нет никакого особого, ей исключительно присвоенного, знака, как нет его и для более общей категории совершенности; но она столь же ясно сознается языком, как в вышеприведенном примере новое слово (т. е. новое значение) „зелье“ — порох, при прежних словах с тем же звуком. В современном языке глагол совершенный большею частью и внешним видом отличен от несовершенного: стану есть только совершенный глагол, только будущее время и нет возможности смешать его со стою, станю, влюсь; напишу (совершенный) отличается от пишу (несовершенный); случаи же омонимии глаголов совершенных и несовершенных должны быть понимаемы так, как и всякая омонимия. Рожу, каждый раз как употребляется, есть или глагол несовершенный с настоящим или совершенный с будущим. В современном языке он ни тем, ни другим — безразличием того и другого — быть не может. Что такое значит требовать, чтобы мы определяли грамматический смысл этого слова самого по себе? Я полагаю, это может значить только одно: чтобы мы отвлекали его от его значения; но слово или форма без значения не есть ни слово, ни форма. Фонетика знает такие отвлечения, но этимология так не поступает. Она не игнорирует значения слова, а отыскивает представление этого значения. Представление без представляемого не мыслимо. Поэтому напрасно думать, что рассматривая рожу „само по себе“, мы рассматриваем его этимологически; напротив, мы в таком случае ничего не видим, кроме звука, который слова не составляет.

Слово и форма есть непременно совокупность звука и значения, поэтому не точны выражения, как „форма настоящего времени имеет значение настоящего или будущего времени, смотря по виду, в котором глагол употребляется“ (Буслаев, Граммат., § 89). Форма настоящего не может иметь никакого значения, кроме настоящего; получая значение будущего, она становится формою будущего, но подобных неточностей избежать совершенно невозможно. Они безвредны, если знаем, как их понимать. Поэтому и я буду называть формой настоящего времени ту, которую так принято называть.

И продолженные (по нашей терминологии — несовершенные) и совершенные или однократные глаголы собственно имеют только настоящее время — первые продолженное, вторые — совершенное или однократное.

Вышеприведенный способ рассуждения применяется Некрасовым и к описательным формам будущего времени. „В современном русском языке мы употребляем вспомогательный глагол *буду* с существительною формою глагола (т. е. с неопределенною. А. П.). Спрашивается: какую же этимологическою формою обозначается здесь будущее время? Личные формы: *буду*..., *хочу*..., *начну*..., *имею*, *иму*... не имеют ни одного звука, обозначающего будущее время. Все они как в древнем, так и в новом русском языке употребляются с значением настоящего времени, особенно глаголы *хочу* и *имею*.¹ Существительная же форма

¹ Если все, то зачем же „особенно“ такие-то. На самом деле *буду*, *ачьну*, *иму* предполагают значение настоящего времени, но как вспомогательные уже в древнем русском языке суть будущие (А. П.).

спрягаемого глагола не имеет времени. Почему же описательные формы: *хочу итти* и т. п. получили в языке значение будущего времени? Далее говорится, что в сербском и украинском вспомогательные *хоћу* и *иму* обращаются в суффиксы для образования будущего времени. „Здесь мы видим процесс образования этимологической формы будущего времени из формы синтаксической, описательной, которая в своем полном виде первоначально получила значение будущего времени единственно *по смыслу* своего употребления в речи.¹ Но в формах русского глагола, какими они являются в настоящее время, мы не видим ничего подобного. Напротив того, замечаем, что русский язык не только не заботится об образовании какой-либо этимологической формы для обозначения времени, но даже отказывается и от тех, которые ему принадлежали несомненно, и притом отказывается более, чем другие родственные славянские языки. Так, например, и польский и чешский языки, более других славянских языков утратившие древние формы прошедших простых времен, удержали, хотя в значении условном, формы: *bych*, *bys*, *bychom*, *byste*;² русский же язык отказался и от этих форм, оставшись при одной форме *бы*, получившей значение союза“ (Некрасов, 49—50).

Вопрос, почему описательные формы будущего получили этот свой смысл, совершенно законен; но какой бы ни выпал на него ответ, во всяком случае, если не доводить самого вопроса до абсурда, он подтвердит, что этот смысл есть. Нынешний литературный русский язык имеет описательную форму будущего несовершенного, т. е. имеет категории этого времени. То обстоятельство, что он не сливает вспомогательного глагола в одну звуковую единицу с неопределенным, имеет лишь второстепенную важность.

В сочинении „О значении форм русского глагола“ Некрасов говорит (стр. 125, 126): „...русский глагол не имеет ни одной формы для обозначения времени“. Под формою здесь разумеется звуковая форма. Но и со стороны своего значения эта внешняя форма не имеет отношения ко времени. Грамматика учит, что „форма настоящего времени получает значение будущего, если глагол употреблен в виде однократном и совершенном“. Но грамматика (т. е. предшественники Некрасова) питается „крохами одной лишь так называемой образованной речи наших писателей“ (ibid., 127), (что за благородно демократическое презрение!), а Некрасов учится „распознавать гений родного языка из него самого во всем его объеме“ (ibid.) и, пользуясь этим источником, учит нас, что „по смыслу речи“ (ibid.) [это. *Ред.*] вовсе не суть формы времени, потому что имеют значение и прошедшего и настоящего.

Такое мнение объясняется тем, как понимает смысл речи Некрасов, а ни в каком случае не содержанием слова, языка.

Посредством языка человек доводит до своего сознания или, другими словами, представляет себе содержание своей мысли. Язык имеет свое содержание, но оно есть только форма другого содержания, которое можно назвать лично-объективным на том основании, что хотя в действительности оно составляет принадлежность только лица и в каждом лице различно, но самым лицом принимается за нечто, существующее вне его. Это лично-объективное содержание стоит

¹ Справедливо, что *хоћу* с неопределенным прежде стало одною формою, т. е. потеряло реальное значение, чем сократилось в *ћу*. Разница между *хоћу* в формальном значении и *ћу* так тонка, что уловить ее трудно: „Ратари се зачуде и реку му, како ће он појести, толико јело... Он опет рече, да хоће“ (Караџић, Припов. 1853, 2) (А. П.).

² Это — формы чешские; в польском литературном точно таких нет.

вне языка. Так, например, мы можем думать, что время бывает тройкое по отношению к тому мгновению, когда думаем или говорим: настоящее, прошедшее и будущее, и что сообразно с этим события настоящие, прошедшие и будущие — такими и должны изображаться. Но языку, как живописцу, вольно и „Пятницу на коне написать“.

Событие еще не совершившееся по мнению самого говорящего лица, язык может представить не только будущим, но и прошедшим, прошедшее — настоящим и будущим. Так, между прочим, сербский язык, которому даже с точки зрения Некрасова нельзя отказать в формах для выражения времени, потому что в нем есть, между прочим, аорист и преходящее, любит в известных случаях будущее событие выражать аористом: „останите овђе... а ја пођох“. Что в таких случаях есть содержание языка, а что — относительно объективная мысль? Содержание языка здесь имеет категорию известного оттенка прошедшего (аориста) — объективная мысль есть будущее; первая есть форма, второе — содержание, но не языка, а мысли. Но Некрасов, если бы захотел быть последовательным, должен бы был сказать, что в сербском пођох есть не прошедшее, а так как в других случаях эти звуки обозначают и прошедшее, то, значит, он вовсе ко времени не относится.

Буслаев, Граммат., § 184 (изд. 3-е): „И продолженные и совершенные или однократные глаголы собственно имеют только настоящее время — первые продолженное, вторые — совершенное или однократное“. Однако настоящее время глаголов совершенных в русском и вообще в славянском понятие немислимое, такое настоящее не есть настоящее, а будущее совершенное, представленное посредством настоящего. Самое представление, как и в бесчисленном множестве других случаев, вышло из сознания. Приводимые соображения заставляют проф. Буслаева прибавить: „собственно (т. е. в тесном смысле. А. П.) настоящим время бывает только продолженное“; однако дальше говорится: „совершенное же и однократное употребляются для означения или настоящего или будущего“. Или — или? Значит, совершенный глагол все-таки может иметь настоящее? Значит, „продаст“ и в нынешнем литературном языке иной раз есть не будущее совершенное, а настоящее? Это, смею думать, ошибка, повод к которой подает сам славянский язык (именно однозвучностью форм настоящего и будущего совершенного глагола) и которую проф. Буслаев разделяет со мнением других исследователей. Например, у Вебера (Weber, 93) читаем: „настоящее глаголов совершенных иногда стоит вместо будущего“.

Внутренняя форма будущего совершенного есть в русском языке исключительно, а в сербском между прочим — настоящее глаголов совершенных. Другими словами в этих языках будущее представляют настоящим: это будущее первоначально было содержанием личной мысли, потом в свою очередь стало формой нового содержания, — стало содержанием языка, т. е. представлением.

Задача грамматики — показать, что (т. е. какое относительно-объективное, личное содержание) представляется посредством этого представления?

Представляется этою формою в русском языке следующее:

1. Действительно будущее: завтра пойду; если пойду, то... Здесь русский язык нисколько не отличается от польского и чешского, но несколько отличен, как увидим, от сербского.

2. Середину между будущим совершенным в значении объективного будущего и будущего современной обычности занимает будущее совершенное с отрицанием (не, украинское не — ані) с оттенком: не смогу сделать, не в состоянии сделать то-то: „я с тобою не справлюсь“,

значит не только „не буду в состоянии“, но и „теперь не в состоянии с тобою справиться“. Так, украинское „я із ним не зйду“: „хотілось би на його подивитись, дак віі замигтять, замигтять, і не згляну“ (Основа, 1861, VI, 20);

„Івася вдовиченка у трупу тіло знаходили.
Вже-ж він і очима не гляне,
І руками не здиме,
І ногами не пійде,
Тільки стиха словами промовляє“.

(Метлинский, 422.)

„Ой як повернется та пан Перебійніс на правую руку
Й аж не вискочить його кінь вороненький із ляшського
трупу“.

(Ibid., 402.)

„А бьет он Костю по буйной голове,
Стоит тут Костя не шевельнится,
Й на буйной голове кудри не тряхнут ся“.

(Др. росс. стих., 75.)

„Ударил он старца во колокол
А и той-то осью тележною, —
Качается старец, не шевельнется“.

(Ibid., 81.)

„(Сокол)... з лісом говорить:
Ой лісу, лісу, чом ти не шумиш, чога тих стоїш?
Через тебе лену — крильцем не тену,
Крильцем не тену — пирцем не рухну“.

(Сборн. Сев.-зап. кр., I, 87.)

„Під тобою, селезень, вода не схитнеться;
Із тобою, козаченьку, нічка не змигнеться“.

О примере: „Бил Васька детину в буйну голову:
Стоит детина не вордохнется“,

Некрасов (О глаголе, 126) говорит, что форма не ворохнется и т. п. „по грамматике должна иметь значение будущего“, но „очевидно... не имеет... будущего значения“. Этим путем Некрасов думает довести так называемую им „грамматику“ до абсурда. Но и здесь вопрос в том, что такое в рассматриваемых случаях содержание мысли, а что ее образ, символ или представление, т. е. содержание языка. Последнее есть будущее совершенное.

„А болѣзнь была такова: прежде яко рогатина ударить за лапатыку, или про[ти]ву сердца, подъ груди и промежду криль, и разболится, кто почнетъ кровію хракати, и огонь разжеть, по семь потъ, потомъ дрожъ иметь и по всѣмъ суставамъ походить въ челоуѣци недугъ той естественый...“ (Новгор. II лет., 135); „та да ѿ йноу притчоу приложоу к' семоу: ꙗко же ѿ дымъ ѿ дрѣва ѿ ѿ огня възидеть горь рѣдкъ ѿ слабъ. таче ꙗко възидеть на высоту. ꙗкы ѿ облакъ се сътънеть¹ ѿ оубелить“ (Шестоднев, 34). Теперь обычность — глаголами совершенными; но чем древнее памятник, тем возможно, что это настоя-

¹ Украинское „зуби стяга“.

щее время глаголов еще несовершенных: „нъ ѿ тоу самѣ морскоуѡ водоу видѣти кѣсть. [как испарение превращается в сладкую] кѣгда ю възвареть плавающе ѿ по мороу. ѿ надъ възпарениѣмъ тѣмъ гоубоу дрѣжеще, събероуть водоу, ѿжимающе по бѣдѣ. ѿ пиють ю сладчавышоу въскоурениѣмъ“ (ibid., 91). „Днѣ творимъ прѣснѣнимъ слнечнайго свѣта. таче, кѣгда прѣтечь, яко же кѣмоу ѡлоучена кѣсть мѣра. ти дойдеть. выше земнайго полоуконца. ѿ... работу скончыають. то тѣгда пакы. акы рабѣ приѣзныиѣ. ѿ повелнѣя непрѣстоупаѣ. ѿ своѣвольствомъ съвлачит се. съ своѣѣ воле ѿ славы. ѿ мнѣшю тѣ клеврѣтоу старѣйшинство даѣтъ прѣпоущаѣ, самъ въ невидымыѣхъ мѣстѣхъ. ѿ беславныхъ съкрывъ се донѣдеже оуставныѣ годъ кѣмоу. оустоупленѣя кѣго скончаѣтъ лоуна. ѿ пакы притечь. ѿко же би кто реклѣ къ владычѣимъ оулицамъ. оу нихъ же се би пакы ѡблѣклъ въ кнежскѣ мѣ сракъ състныѣ, ѿ видеть въ полаты. ѿ ѡбладеть всѣмъ миромъ. ѿ свою власть прѣиметь“ (ibid., 108).

3. Действие обычное, которое рассматривается независимо от своего выражения, или неопределенно по времени, потому что много раз совершалось прежде и много раз будет совершаться, или принадлежит прошедшему. Для обозначения этого последнего случая русский язык употребляет бывало („бывало встану“ и т. д.). „Бджола заздалегидь постереже негоду“, „ѿ не остерѣгся“ — „ѿ не заметил кого“...

В обоих случаях говорящий не смотрит в будущее с точки зрения настоящего (которое иногда и обозначается наречием: „отце (отто) (бувало) прийдуть...“, но в последнем случае сама эта точка находится в объективном прошедшем. В будущем он представляет действия обычные совершенным, а несовершенным только те, которые определяют время первых своим собственным протяжением во времени: „отце як стане вечерѣти (в этот период времени), повиходять...“ Само собою, что длительность этих будущих совершенных может быть различна.

Будущее для обычности. Как указание, что будущее изображает не конкретное событие — сослагательное: „от се б-то пройде“ и т. д. (см. у Гребенки).

„Ја тавновах за седам година,
Нит' ја знадох, кад ми љето дође,
Нит' ја знадох, кад ми зима дође
Осим једно, моја стара мајко:
Зими би се грудале ђевојке,
Пробаце ми по груду снијега,
По том знадем, да је дошла зима;
Љети баце стручак босиока,
По том знадем, да је љето, мајко“.

(Караџић, II, 377.)

„Да того цѣща [рыба] паче оунеть въ понтѣско море. ѿко же строиѣныѣ ѿнѣхъ морѣ ражати в' немъ ѿ възкрѣмлѣти ѡроды въ немъ. таче ѿко се добрѣ ѿплодетъ тоу, тако пакы вси възвратеть се на своѣя жѣлица... [так как северное море мелко, бурно и зимою холодно] сего цѣща вѣмалъ повеселивъше се в' немъ. ѿ покрѣмивше въ жетвныѣ годъ. пакы зимѣ пристоупаѣщи, на глоубин'ноуѡ топлотоу. ѿ слнечнай при соѣнѣ възвращаѡтъ се. ѡбѣгъше ѡ стѣудени полунощныѣ. ѿже морѣ вѣтрѣ хоудѣ потресаѣтъ. то въ та вѣходеть“ (Шестоднев, 169, 170). „Ник'то же да се не плачетъ оубожьства. ни да себе ѡчаѣтъ жизни. ѿже не ѿмать дома ѿмѣниѣ. въззираѣ на ластовиче оудобъ хѣтро строиѣныѣ. ѡна бо гнѣзо начинаѡщи. оустыѣ вѣѣцоу въземьши. принесеть.

а кала немогоуши ногама възети. краѣ крилома въ воду ѓмочивши. таче въ прѣсъ земнѣмъ повалѣвши. тако събираѣтъ калъ на гражениѣ, таче ветвиѣ по малоу сълагаѣщи. ако кльѣмъ, брѣниѣмъ тѣмъ съвежетъ ѣ въ томъ гнѣздѣ птице своѣ въскрѣмитъ“ (ibid., 179).

Будущее со значением не может или может сделать то, что обозначает корень. „Івася Вдовиченка у трупу тіло находили. Вже ж він і очима не гляне, І руками не здиме, І ногами не нїде, Тїльки стиха словами промовляе“ (Метлинский, 422); „За слезками — глазками не взглянетъ, За жалостію речъ не взмовитъ“ (Калеки, I, 128); „Коло вікна стою, дрібні слези роюю, слова не промовляю“. „Съверньоѣ море... слажешю бо всѣхъ морь водоу ѣмать. ѣм же мало походивъ снѣнце. по той стѣнѣ ѡходитъ. ѣ не ѣзметъ кѣи всеѣ влагы сладькѣѣ лоучею“ (Шестоднев, 169 об.).

И прошедшее может употребляться в значении обычности. „Вона там и встала и лягла: все там була“. В современном для выражения нерушимости материнского благословения:

„Как твое то благословеньице
На огне оно не горело,
На воде да не тонуло,
Во чужих людях оборонило
Оборонишка великая!“

(Барсов, 77.)

Так как способ этот выражать обычность зависит от существования в языке категорий совершенности и несовершенности и так как чем далее в древность, тем менее заметны эти категории, то в древних памятниках могут встретиться случаи, в коих мы ошибочно принимаем за рассматриваемый способ обозначать обычность другой, который состоит в представлении обычных действий настоящими, или наоборот. „Не преймай же ученя от Латынъ, ихъ же ученье развъращено; влѣзше бо въ цѣрковь, не поклонятя иконамъ, но стоя поклонитя, и поклонився напишетъ крестъ на земли и цѣлуеть, вставъ простъ станеть на немъ ногами; да легъ цѣлуеть, а вставъ поираеть“ (Лаврент. лет., 49).

Так, в следующем месте, по списку XII в. (Богословие, 419—421): „и отъ ластовицѣ не вѣруеша ли іже оу тебѣ. щѣбьчетъ все лѣто зѣло краснѣ. и зимѣ пришьдѣши ѡидеть ѡ тебѣ. и за короу залѣзѣши приплатитъ ти сѣа доубоу [плашмя прицепится к дереву]. и перье съврѣжетъ. годоу же весньоуоуму пришьдѣшоу пакы сѣа обѣржетъ перьемъ. іако и навѣ из гроба исходѣщи весна бо еи вѣстание принесеть. и много пакы пришьдѣши гѣтъ. и щѣбьчетъ. тѣкмо не рекоуши чѣвчине. ѡ мене вѣруи ѡ въскрѣсении. и другаго съмотри чрѣви іже и себе свилоу точить. и обѣзаса тѣми нитьми домъ си сѣтворитъ и гробъ. съпроста же рещи всеи емоу плѣти тоу съсѣхъшиста. годоу же пришьдѣшоу всеньоуоумоу. пакы онъ же ѡбразъ дровельни иж него [гроба] приметъ. и пакы тѣжде животъ боудеть. и жупельци [жуки] хотѣще измрети. гноивъ обильвѣше положѣтъста въ немъ. землѣю. посыпавѣше гробъ свои. ти отъ тоѣ влагы на весноу оживутъ ѡ сѣмени своего“.

„Того ж лѣта [1352 г.] бысть морь силенъ въ Новѣгородѣ... сицево же бысть знаменіе тоа смерти: хракнетъ кровію человекъ, и до три дни бывъ да умереть“ (Новгор. I лет., 85). „В то же лѣто и зиму [1417 г.] бѣ морь страшень, въ Новѣгородѣ, на людѣхъ... Преже яко рогатиною ударитъ и явится железа, или начнегъ кровію хракати, и потомъ дрожъ иметь и огонь разжетъ, по всѣмъ съставомъ человекъскимъ, естественными недугъ походить; и въ тои болѣзни мнози лежавъ изѣмроша“ (ibid., 107).

§ 10. Настоящее глаголов совершенных в значении прошедшего времени

„В лето 6600. Наиде рана на Полочаны, яко нѣкакѡ бяше ходити по уличамъ, яко мнѣти вои множество, а конемъ копыта видѣти. да еще кто изъ истыбы вылѣзеть (в Академич. списке «вылазаше») напрасно убьенъ бываше невидимо“ (Новгор. I лет., 3).

„И поидоста [вѣхва] по Волзѣ, кдѣ придуть въ погостѣ ту же нарицаху лучшиѣ жены, глаголюща, яко си жито держать, а си медъ, а си рыбы, а си скору“ (Лаврент. лет., 75).

„Они же сѣкуше я и бодуше, вогнаша а [=я] во озеро [причем повторялись такие сцены. А. П.]: и меться 10 мужь одного коня, мняще, яко «конь вынесеть ны», и тако погрязаху“ (Ипат. лет., 195, 19).

Здесь подчеркнутые формы суть уже будущие совершенные; но в том же памятнике и в том же отрывке есть формы, которые в позднейшем языке были бы только совершенными, здесь же несовершенными, и самое буду, быть может, местами должно быть переводимо нашим становлюсь, например „златна земля копаема и съ водою съмѣсима (= смешиваемая) въ соудѣ бръниѣ боудеть (будет? становится?). а еще въ огнь вѣложиши. то злато боудеть (станет? становится?). и еще кѡ въ водоу вѣвржеши не бережеть его. имже преже бръниѣ бываше [не подчиняется действию того (воды), что преже превращало его в грязь]. не бо нѣ угнь кѣ зѣло оутвѣрдишь кѣтъ“ (Богословие, 421, 422). Подобные случаи могут дать основание считать и формы, употребляемые в значении совершенного, за несовершенные.

Если не может быть сомнения, что принесуть, иметься суть будущее совершенное, то тем менее такое сомнение возможно относительно позднейшего памятника; Котошихину часто представляется случай употреблять такие обороты: („Какъ устраиваютъ свадебный чинъ?“): „Первое полату наряждать, объють бархаты, и постеляють ковры... и... поставять царское мѣсто,... да столы жъ... и на тѣхъ столѣхъ положить скотерти да хлѣбъ съ солью“ (6); „а прямого истинного наказу, и указу,... посломъ своимъ вѣдати не дадутъ, до тѣхъ мѣсть, как они съѣдутся зъ другими послами“ (ibid., 42); „а розойдется про царя и царицу и царевичей и царевенъ, и бояромъ в подачи, на всякой день, вствъ болши 3000“ (ibid., 64).

Сюда же относится, например:

„Так иногда лукавый кот,
Жеманный баловень служанки,
За мышью крадется с лежанки:
Украдкой, медленно идет,
Полужамурясь подступает,
Свернется в ком, хвостом играет,
Разинет когти хитрых лап
И вдруг бедняжку цап-царап“.

(Пушкин. Граф Нулин.)

Некрасов (О глаголе, 129) замечает: „Здесь очевидно форма *свернется, разинет*, вм. *свертывается, разевает*. Только дело в том, что замена будет неудачна, не выразительна. Эти однократные формы употреблены так метко, что будущее значение времени их совершенно исчезает“. Если вышеупомянутая замена неудачна, то, значит, вовсе не очевидно, что *свернется* вместо *свертывается*. Это даже совершенно не верно ни в том смысле, что первая форма предполагает

вторую, ни в том (как думает и сам Некрасов), что первая точно передается второй. Но меткость или точнее верность обычаям языка в рассматриваемых выражениях состоит вовсе не в том, что значение будущего в них теряется, а напротив в том, что обычность действия обозначена будущим совершенным. Она могла бы быть обозначена и настоящим, как в предыдущих трех стихах; но в таком случае мы имели бы перед собой генетическое изображение постепенного развития действия, а не быструю их смену в мысли.

„Аж онде, одна тільки хтось снує уподовш в улиці. То затюпа, то вп'ять зашкандибá... то піjde, то станé, то назад вёрнеться“ (Кв.-Осн., II, 362).

„Często los sobie tak drwi człowieka: dopuści go prawie do źródła spragmionego, a dopiero za kołmierz uchwyci i wara“ (Kraszewski).

„Коли що дума, то хоч спорь, хоч лайся, а вже він від свого не відступиться, і вже не буде багато говорити та намагатись, а мовчки зробе як хотів“ (Кв.-Осн.).

„Ще тільки що вийде Галочка з свого двора, озирнула очима усіх, що зібралися тут, вже вона й зна, як мимо їх пробігти...“

§ 11. Формы совершенные для означения конкретного действия из ряда многих обычных

„Nieraz z a stałem matkę moję we łzach... i wówczas mawiała mi“ (Pol). „Nic nie równa się szczęściu tamtych lat, każda chwila roku była pełna, wszystko potraçało do uczuć i myśli, czasem tylko we śnie zjawił mi się mój ojciec w rozpaczy... w dali słyszałem niby płacz matki, ...to znowu głos przyjaciela kapłana, w mundurze mignął (= бывало мелькнет) się generał“ (Pol); „Mnie boli taka muzyka, mawiała... A kiedy nie przestawał grać, przerwała mi z prostotą grę, uderzyła w klawisze i zagrała (бывало) obozową lub szalonego mazurka“ (ibid.); „Szczał i polował gonzemi, chętniej odwiedzał dalekich niż bliskich sąsiadów nie opuścił nigdy kijowskich kontraktów... Chart faworyt spał na jego łczu, a... wjechał czasem nawet do salonu matki przez drzwi ogrodowe... Pan Adam był by w stanie, kiedy się rozochocił, wsadzić na konie całe towarzystwo filologów“ (ibid.); „Glucho tętniała ziemia pod kopyty, koń tylko parsknął raźnie“ (ibid.).

„Znane wam Jana Kazimierza lata;
Burza z Polskiego nie schodziła świata:
Grom bił po gromie, a ciągnęła nawała
Łała dżdżem krwawym, lub nim zagrażała.
Czasem jednak z tej to z owej strony
Wysłnęły niebios wdzięczniejszych zwierciadła
Jasność to tu, to tam padła.
I wolniej wezтчnął naród pokrzepiony“.

(Goszczyński.)

И согласно с русским:

„Był duszą towarzystwa: gdzie się tylko zjawiał
Wszystkich opowiadaniem i żartami bawił“.

(Mickiewicz.)

„Potem długo nie przyszedł (не приходил),
i mówiono w domu
Że nie wiedzieć gdzie zniknął,
umknął pokryjómu“.

(Ibid.)

„A co niegdyś wytrząsał kuchle i kielichy,
Co szampańskiem, węgierskiem pyszne stoły krasił,
Wiadrem potem u studni pragniene ugasił“.

(Krasicki.)

„Ten koń lubo nie w słowach wdzięcznych i wzorowych,
Jakich zwykliśmy użyć, gdy omamić chcemy,
Rzekł by sprosta“...

(ibid.)

„Tu począł się nowy świat dla mnie, matka była (становилась) z każdym rokiem spokojniejszą, i nawet weselszą“ (Pol)

§ 12. Причастие на -л- в значении совершенном (при остальных формах несовершенных)

„Ujrzawsky rycerzy (ptakgóra) zerwał się jak chmara ze skały, na której mieszkał, i ciągnął przez powietrze jak huragan“ (Mickiewicz).

„A na mokre góry wstąpił geniusz śmierci i szedł do okrętu jak żołnierz szturmujący w połamane mury“ (ibid.); „Z krzesła powstała panna i biegła ku dzwiom“ (Pol); „Jak sokół upadł wpurniec w pośrodek motłochu i rozprószył go jak gołębie stado, i gnał bez ładu jak stado gołębi“ (Goszczyński); „Porwał się z miejsca. Za nim z skwapliwością wszyscy, słuchacze spieszne ku drzwiom biegli“ (Krasicki); „Wszyscy stanęli, jak tylko postrzegli“ (ibid.);

„Tydzień nic nie jadłem; potem jeść próbowałem, potem z sił opadłem; potem jak po trucznie czułem bole, kłócia; potem kilka tygodni leżałem bez czucia... Wreszcie sam wstał, jadł, żwawo i do sił przychodził“ (Mickiewicz); „Jeden nie wrócił lecz niektórzy skoczyli i biegli“ (ibid.); „Z rozumowaniem przyjęła matka moja ten dowód przyjaźni jego, a radość była (stała) jeszcze większą, gdy nam zapowiedział że...“ (Pol).

В случаях „бывало, глянет, как рублем подарит“, изображая действия, обычные в прошедшем, посредством будущего, человек становится на точку ожидания будущего подобного случая. В польском в подобных случаях возможно стоять на точке воспоминания совершившегося события:

„Dwór miał już tę tradycją wesołej gospody, że się w nim nikt nie zląkł ani przed obiadem (? for etwas fürchten не по-славянски; у Linde „lękać się czego, oso“) przybывającego kuligu. Panny umiały zawsze tak rządzić wszystko, że się nigdy nie postrzegło najmniejszego zakłopotania. A gdy już się miano czas na przyjęcie przygotować, to wystąpiło co się zowie“ (Kraszewski); „Bawiło ją to niezmiernie (обыкновенно) gdy przywiódła męszczyznę do szału i zapamiętania“ (ibid.); „Wszędzie gdziekolwiek zjawiła się, ciągnął za nią szereg wielbieli“ (ibid.); „Fantazyja rządziła jej sercem i życiem; gdy czego zapragnęła, gotowa była na największe ofiary dla osiągnięcia celu“ (ibid.); „Nie było w tem wszystkim nic szczególnego, nic coby zwracało uwagę osobliwością jakąś, przecież przejeżdżając każdy sobie powiedział (речь не об отдельном случае, а об обычае): jak to tu dobrze i zaciszno być musi“ (ibid.); „Jedną zmianą w tym porządku (życia) bywało, że się (иной раз) puścił z książką w lasy“ (ibid.). Ср. с этим (обычно) „w niedzielę rano szedł na mszę, siedział milczący, często zapominał się i dłużej od innych pozostał, ale niewidziano go, żeby mu się usta poruszyły modlitwą“.

„Стала примічати, вже за нею не так доглядають... вже їй можна, коли захотіла и по базарю самій походити, хоч до півдня“ (Кв.-Осн., Сердежна Оксана).

§ 13. Будущее совершенное в повествовании о прошедшем, по отношению к временам прошедшим и настоящим

„Кад дођу на ону воду, а то ударила плаха киша и мост однела, и они не могавши прећи преко воде, врате се натраг“ (Караџић, Припов. 1853, 176); „Ја се машим руком, а то нема главе, заборавио је на води“ (ibid., 205); „Кад маћија види (будущее совершенное) да јој (падчерице) овако досадити не може, отера је од куће кад јој је отац некуд на пут био отишао“ (ibid., 178); „Она ишла (пошла) не знајући ни сама куда, најпосле за иђе у шуми, па тумарала тамо амо тражећи куд ће да изађе, док смотри (в сербском будущем совершенное) на далеко ватру где се светли“ (ibid., 178). „Један пут ја мртав гладан дођем пред једну Влашку кућу, а Вла пред кућом теше држалицу за будак. Како ја сја шем с коња, а ја повичем на Влаа: држи море коња, па вичи Влаићу, нека мијеси погачу и кува цицвару и пече кокош; па онда отидем у кућу. У кући сједи, сједи; чекај, нема ништа! ни Влаа ни Влаиће; нит' се шта пече ни вари. Онда ја скочим, па изиђем на поље, а то мој коњ стоји, ће сам га и сјао, а Вла једнако теше и ђеља држалицу. Онда ја, незнајући да је крак пијан, сврнем лулу, па њега камишем преко леђа, а он се исправи, па ни пет ни девет, него распали држалицом мене иза врата, а ја баџим чибук, па пођем руком за нож, а он још једном, а ја те на руке“ (Караџић, Припов. 1821, 27—28).

В украинском. Как водится на свадьбе? „Внесуть вільце, поставлять на столі у хліб у житній. Дружки посадають за стіл“ и т. д. (Метлинский, 137, 160, 166 и пр.). Что бывает весною? „Далі, трохи просохне, стануть палить степи: виїде чоловік у поле, викреше огню, положить його у солом'яний віхоть, розмаха гарненько да й кине на долівку; затрещить кругом сухий комиш и пішло пожарище гулять степом: геть покотить й дим й полом'я“ (Гребінка); „Вона и встала и лягла, все буде там“ (находится, бывает там, например „у шинку“).

Обычно: „Молодий дружину збірає да й їдуть по молоду. І світлика буде коло молодого в стрічках убрана... приїдуть під двір молодой, а коло воріт стоять старики, які два, чи чотирі з палицями і буде між ними ниначе война: кіями махають да не пускають тих“ (Метлинский, 186).

Формы совершенные могут чередоваться с несовершенными (настоящими): „Наймичка доглядала Павлуся, як рідна мати: и годує його и голову йому з мие, и розчеше, и одягає, и роздягає, и стеле“ (Стороженко). Можно бы сказать: „и одягне, и роздягне, и постеле“. Впрочем, такое чередование не произвольно. Художественный текст должен подсказать говорящему, что ему следует представить совершающимся перед его глазами, что отодвинуть в будущее.

В этом отношении между русскими говорами едва ли есть какая-либо разница. Приведенные примеры годятся и для русского литературного языка. Этот способ представления обычности свойствен и сербскому, как видно из следующих примеров: „У Србији људи, који немају читавог плуга волова, спрегну по два и по три... заједно па тако ору... Гдјекоји буду у спрези (бывають «супрягачами») по неколико година“ (Караџић, Рјечник „Спрега“); украинское супрягач = сербскому спрежник; но слова супряга = сербскому спрега — я не слышал; „був у хазяїна свій плуг, а то вже в супруги йде“ (Кв.-Осн., II, 6). „Кад хоћу да ловим, дођем овамо“ (Караџић, Припов. 1853, 170) [=когда захочу поохотиться, приїду (обыкновенно прихожу) сюда].

Сербский язык, равно как и русский, заставляет строго отличать такие времена (будущее совершенное) от настоящих в значении обычности. В грамматике этому различию не всегда придадут надлежащую важность. Ср. Weber, § 46.

§ 14. Действие прошедшее

Обозначение в известных случаях объективно-прошедшего события будущим совершенным, говоря вообще, свойственно нескольким славянским наречиям, но в разной мере и с разными оттенками. Той любви к такому обороту речи, какая бросается в глаза в языке русских былин, вовсе незаметно в русском литературном языке. Сюда, и конечно, не случайно, относится мнение проф. Буслаева (Граммат., § 185, 3-е изд.): „употребление настоящего времени однократного или совершенного составляет особенность живой, народной речи“. Подробнее такого употребления Буслаев не рассматривает. Во 2-м примечании того же § 184 у него собраны примеры такие, в коих есть будущее совершенное (по его терминологии настоящее однократное и совершенное) о прошедшем (см. ниже), и в коих этого времени вовсе нет, например: „Князь *наливал* чару . . . *подносил* Михайле; *принимает* он Михайло . . . и *выпил*“. Об обоих случаях Буслаев замечает: „На свойстве видов основывается в нашем языке сопоставление не только настоящего с будущим (т. е. продолженного настоящего с совершенным и однократным), но и настоящего и будущего с прошедшим; причем обращается внимание не на различие во временах, а на соответствие видов“ (§ 184).

Мысль эта кажется мне неясною, ибо, если каждый русский глагол, непременно принадлежащий к известному виду, но притом имеет и времена, соответствующие виду, то не обращать внимания на эти времена невозможно. Как уже выше было сказано, все формы, составляющие спряжение (глагол), за немногими исключениями, относятся к одному виду; известный вид есть общее свойство всех этих форм, и мы никак не можем сказать, что это общее свойство решает, какая именно форма должна быть употреблена в данном случае.

Вот русские примеры употребления будущего совершенного о действиях объективно-прошедших.

„И какъ будетъ дѣтище Соломанъ осми лѣтъ, и призываль . . . Давидъ своего слугу“ (XVII в., Пам. стар. р. литер., III, 63).

... „У славного князя Владимира
Было пированье, почестной пир . . .
Будет день в половину дня,
Будет пир во полу пире;
Владимир князь распотешился,
По светлой гридне похаживает,
Таковы слова поговаривает . . .“

(Др. росс. стих., 54; ср. *ibid.*,
85, 155, 195 и пр.)

„Будет день в половина дня,
„Будет пир во полу пире, —
Князи и бояра пьют едят, потешаются“.

(*Ibid.*, 123.)

„И будут у двора его,
Встречает их старой Плен“.

(*Ibid.*, 160.)

„Как из славного города из Киева
Поезжали два могучие богатыри...
А и будут они во чистом поле...
Говорит Илья Муромец...“

(Ibid., 360.)

„Будет Васинька семи годов,
Отдавала матушка родимая...
Учить его во грамоте“.

(Ibid., 73; ср. ibid., 345.)

„Будем в городе Киеве,
В соборе ударять к вечерне в колокол,
И ты в та поры будь готовая“.

(Ibid., 218.)

„Как и будет [Михайло Казарянин] у моря синего,
На его щаски великия,
Привалила птица к берегу“.

(Ibid., 207.)

„А как будут оне в каменной Москве,
Не пошли оне в хоромы в Царьские,
А пошли оне к Пречистой Соборной“.

(Из Зап. Рич. Джемса — Пам.
и обр. нар. яз., 7.)

„Государь мой Чудинъ посылалъ меня того своего человекъ Якуша
искати; и какъ буду... противъ митрополичи деревни,.. и въ той...
деревнѣ подь овиномъ человекъ провопил, и язъ... посмотрилъ...
ажно Якушко въ желъзѣхъ“ (Акты, 34, 1525 г.).

„Как будет Алексей в возрасте, в законе,
Поизволил его батюшко женити“.

(Калеки, I, 99.)

„У ласкова Князя Владимира
Было пиrowанье, почестной пир...
Что взговорит тут Владимир князь:
«А и ты, гой еси, Поток Михайло Иванович!»“

(Др. росс. стих., 216.)

„Провещитя ему доброй конь бурочко:
...Гой еси, хозяин ласковой мой!
Ни о чем ты, Иван, не печалуйся“.

(Ibid., 57.)

„А сплachtetца на Москве царевна
Борисова дочь Годунова...“

(Из Зап. Рич. Джемса — Пам.
и обр. нар. яз., 8.)

В этих двух и им подобных примерах самая речь, о которой объявлено
жестым глаголом, принимается за последующее действие:

„С вечера она расхворается,
Ко полуночи разболелася,
Ко утру и преставилася“.

(Др. росс. стих., 222.)

Предшествующее здесь выражает только первый глагол, несмотря на то, что объективное его значение тождественно со значением второго.

„С кричат калики зычным голосом,
Дрогнет матушка сыра земля,
С дерев вершины по па да ли“.

(Ibid., 228; ср. *ibid.*, 229.)

Здесь оба первые глагола выражают действие предшествующее.

„Пнет ногой во двери железные,
Изломал все пробой булатные“.

(Ibid., 52, ср. *ibid.*, 130.)

„Воткнет копье во сыру землю,
Привязал он коня за остро копье“.

(Ibid., 95.)

„Лежучи у Ильи второе силы прибыло:
Махнёт нахвальщину в белы груди,
Вышибал выше дерева жарового“.

(Киреевский, I, 51; ср. Др. росс. стих., 251.)

„Обернется Еким Ивановичь,
Он выдергивал палицу боевую в тридцать пуд,
Бросил назад себе...
И угодил в груди белые Алёши Поповича“.

(Др. росс. стих., 185, 186.)

„Он обернется серым волком,
Бегал, скакал по темным по лесам и по раменью,
А бьет он звери сохатые,
... Он обернется ясным соколом,
Полетел он далече на сине море,
А бьет он гусей белых лебедей“.

(Ibid., 48.)

„Зайдет в улицу Игнатъевску,
... Взглянет ко Марине на широкой двор
На ее высокие терема,
А у молодой Марины Игнатъевны,
... Сидят тут два сизые голубя“.

(Ibid., 61, 62.)

„Нырнет на бережек на тамошний,
Нырнет на бережек на здешний,
Нет у Добрынюшки добра коня,
И нет его платьев цветных,
... Только что лежит на земли пухов колпак“.

(Киреевский, II, 25.)

Отвлекаясь от некоторых формальных различий между этими примерами, мы можем сказать, что все они принадлежат к одному типу. Обозначенные в них действия разделяются на предшествующие по времени и последующие. Первые необходимо обозначаются посредством будущего совершенного, вторые — посредством настоящего повелительного, причем последние две формы могут принадлежать глаголу совершенному или несовершенному. Отношение первых ко вторым есть отношение, зависящее от обстоятельств в главном и может вовсе не обозначаться союзом,

и тем не менее оставаться совершенно явственным. Оно было бы не явственно только в таком случае, если б и последующее действие было обозначено будущим совершенным. Если б мы сказали: „пнет ногою“... „изломит“, тогда оба выраженные здесь действия не противопоставались бы друг другу, а взятые вместе ожидали бы противоположения третьему, здесь не выраженному, действию. Я не знаю, какое соответствие видов находит в вышеприведенных случаях проф. Буслаев. Вид глаголов, выражающих предыдущее и последующее действие, может быть один и тот же, например:

„Вышел убогий во чисто поле,
Взглянет он, взозрит да на небеса, —
Воскричал убогий громким голосом“.

(Калеки, I, 56.)

Воззрит и воскричал по степени длительности и по совершенности совершенно равносильны, и если их сопоставлением выражается известное отношение, то это возможно единственно благодаря различию их времен, стало быть невозможно, чтобы на это различие в таких случаях не обращалось внимания.

Уже следующие и без союзов отношения действия явственнее и точнее обозначаются союзом. К числу их я не отношу начальных *а*, *и*, значение коих до такой степени неопределенно, что во многих случаях, кажется, звуки эти следует писать слитно и считать за междометие, равносильное украинскому начальному *ей*, *ой*, *гей*. Как союз, перед будущим совершенным ставится в русских былинах как, как и, в украинском, как увидим ниже, — *як*, в том значении, в каком старинный русский язык употреблял *ако*, *яко* и *како* = когда. Этому как может соответствовать в русском *и*, как заключительный союз, как и в древнем языке: „*яко* възъ городъ, и пожъже и“; но большею частью после как, *як* (украинское) заключительного союза не бывает. Как древнее *яко* получает значение *оже*, *аже* = современному *что*, *що* („слышно се, *яко* = слышно, *оже*...“), так, наоборот, *что* принимается в значении как = когда: „что возговорит *Н. Н.*“ = как возговорит... Значение этих союзов в рассматриваемых оборотах выступает еще явственнее наружу, как скоро сопоставим их с подобным следующим: „Пришедшу ми в Ладогу, повѣдаша ми Ладожане, *яко* сдѣсть есть (бывает так, что), егда будетъ туча велика, и (=то) находятъ дѣти наши глазкы стеклянныи, и малыи и великыи“ (Ипат. лет., 4, 33).

Союзы как — и, что — с другим временем бессильны выразить то, что выражает сопоставление будущего совершенного с формами, обозначающими действия последующие. Отношение предыдущего и последующего в области объективно прошедшего может быть выражено и так, что первое обозначается прошедшим глагола совершенного с союзом или без него, а второе настоящим:

„Скоро Поток скочил со добра коня,
Поставил по крылечку красному,
Походит (глагол несовершенный, настоящего времени, действие последующее) во гридню светлую,

Он молится спасову образу,
Поклонился князю со княгинею,
И на все четыре стороны:
«Здравствуй ты, ласковой Владимир князь»“.

(Др. росс. стих., 219.)

Но между такими оборотами (поклонился — говорит) и между обозначением предшествующего будущим (поклонится: „Здравствуй“...) есть кажется, та разница, что в первом внимание более останавливается на действии предшествующем, и оно представляется более самостоятельным по отношению к последующему, чем во втором. Согласно с этим в этом последнем (при обозначении предшествующего действия будущим совершенным), последующее действие, которое вместе с тем есть всегда в рассматриваемых оборотах главное и которое всегда, так сказать, ярче освещено, чем предшествующее, может быть обозначено прошедшим глаголом совершенным, между тем, как будущее совершенное означает с отрицательной частицею невозможность бывшего действия, а не простое повествование о нем.¹ Что последующее бывает здесь всегда главным, в этом легко убедиться; когда подлежащее обоих предложений обозначает один и тот же предмет, то предыдущее предложение может быть обращено в обстоятельство последующего: „поставя (поставивши) коня, идет (пошел)“.

Большая самостоятельность предшествующих предложений с прошедшим совершенным соответствует большей медленности движения мысли, большому спокойствию изложения: живее сказать: „пнет ногой — изломал“, чем „пнул ногой — изломал“. Поэтому-то последние обороты более обыкновенны в книжном языке, чем первые.

Уже в древнем русском языке, как и в нынешнем (Буслаев, Граммат., § 546), повидимому, не замечается различия в значении причастий и деепричастий настоящего времени от глаголов совершенных и причастий, деепричастий прошедших тех же глаголов: старинное возмязавится там, где бы мы поставили взем, завезя, где ожидаем завезши. Безразличие в употреблении тех и других клонится к совершенной потере первых. Если нынешний язык не может сообщить им значение деепричастий будущего времени, что следовало бы из того значения, которое имеет в совершенных глаголах формы настоящего (= будущего совершенного), то они оказываются совершенно лишними. Однако, по возникновении категории совершенности, причастия настоящие в совершенных глаголах все же оставались в языке. Можно думать, что категория совершенности проникла и в них, что они получили значение будущего и сохраняли некоторое время это значение, употребляясь для обозначения действий объективно-прошедших. Так, в следующем: „И женись царь Соломан, и приведи царицу“ (XVII в., Пам. стар. р. литер., III, 66); „Тільки що помолячись стали уставати, тут як раз сонечко зійшло“ (Кв.-Осн., Сердешна Оксана).

„Хватя он царевича за белы ручки,
Повел царевича за Москву за реку“.

(Др. росс. стих., 329.)

Хватя могло первоначально выражать отношение к повел, соответствующее отношению хватит он царевича — повел, а никак не отношение: хватил и повел.

¹ В таких случаях, как: „И только Илья слово выговорил, Оторвется глава его татарская, угодила та глава по силе вдоль, И бьет их, ломит, в конце губит“ (Др. росс. стих., 250), противопоставление не выговорил и оторвется, а выговорил и угодила, бьет. Внутри этого противопоставления существует другое, между предыдущим оторвется и последующим и главным угодила, бьет. Более действительно — исключение.

В украинском не все оттенки оборотов рассматриваемого типа одинаково обычны. Так, не скажу не возможны, но не встречались мне выражения, построенные по образцу:

„А и будет Добрыня семи годов,
Присадила его матушка грамоте учиться“.
(Др. росс. стих., 346.)

Но эти выражения чрезвычайно часты в русских былинах. Зато в украинском очень обыкновенны выражения по формуле: „Как возговорит“ (последующее составляет сама речь):

„Зажуриться соколонько:
Бідна ж моя головонька,
Що я рано з вирья вийшов!“

„Чи тут моя галочка, чи немає,
Чи с іншими соколами та літає?».
Озоветься та галочка у садочку
Прихиливши головоньку і к листочку:
«Ой помалу, соколоньку, та не щечечи,
Коло мене та галочок та не обжени»“.

(Метлинский, 177.)

„Загудеть — забуркучить (= тить?) сизий голубонько,
Сидя на тичині;
Ой за плаче молодий козаче
По своїй дівчині:
Що любив і кохав собі дівчину мав
Як зіроньку ясну.
Та за дівчиними та за ворогами
Покидаю нещасну“.

(Ibid., 24.)

„Загудеть“ и „заплаче“ взятые вместе составляют предшествующее.

„Ой обозвётся пан Хмельницький
Отаман батько Чигиринський:
«Гей друзі — молодці
Браття козаки Запорозці.
Добре дбайте, барзо гадайте,
Із ляхами пиво варити зачинайте»“.

(Куліш, I, 223.)

„Озоветься одна пані Ляшка:
«Нема мого пана Яна!»“

(Ibid., 227.)

„Оттогді ж то пані Барабашева гетьманова
Удариться об поли руками,
Обільляється дрібними сльозами,
Промовить стиха словами:
«Ей не з гора-біді мойму пану Барабашу
Схотілося на славній Україні з кумом своїм
(= Хмельницьким)

Великі бенкеты всчинати (счинати)»“.

(Метлинский, 388; ср. ibid., 416, 417.)

„Ой як крикне Нечаєнко та джуру малого: «Сідлай, джура, сідлай, малий, коня вороного...»“ (ibid., 406.)

Несколько отличны следующие обороты, в коих между предшествующим (крикне, подумає) и содержанием клича и думы нет столь явственного противоположения, потому что между тем и другим вставлено предложение с настоящим временем:

„Ей як на славній, панове, Україні,
У славнім городі у Корсуні
Там крикне — покликне Хвилоне, Корсунський Полков-
ниче,
Козаків на Черкень-долину у вохотне військо викликає:
«Ей казаки, діти, друзи!»“ и пр.

(Ibid., 413.)

„Оттогді то вдова, старенька жена,
Два дні свого сина клене-проклинає,
На третій день подумає - погадає —
Руки до бога здиймає“.

(Ibid., 417.)

Такие обороты не чужды и польскому языку: „Idą a w tem kulawy krzyknie: umknij w lewo!“. Впрочем, Малецкий (Grammat. większa, § 728) такие будущие совершенные относит к одной категории с настоящим о действиях прошедших: „idę... aż tu słyszę...“. То и другое он совершенно ошибочно сравнивает с латинским и немецким *praesens historicum*, тогда как этим именем может быть названо в славянских языках только последнее, тогда как первые не есть *praesens*, и, если под историей разуметь спокойное повествование, не есть *historicum*.

Обыкновенны также обороты по образцу: „взглянет (а) — сидят, посмотри — нету“, причем, как и в русском *взглянет, посмотри* и т. п. могут вовсе не выражаться, а на их месте — стоят действия, им непосредственно предшествующие: „ныряет — нету“. В позднейшем простонародном языке такого рода отношение обозначается поставляемым перед последующими предложениями союзами: украинское *аж* (= *а оже*), *ажось* (= *аже-осе*), южнорусское *аж-но* (*аж-оно*, причем вторая половина сложена из *а-оно*), *ан* (= *а оно*). Союзам этим нет ничего, вполне соответствующего, ни в древнерусском языке (где *оли*, *ноли*, *олна* этой функции не имеют), ни в современном литературном языке, где как — вот не равно украинскому *аж* в рассматриваемом значении:

„Підійду я під віконце — мати горох варить. —
Подивлюсь (гульк-) аж нема...“

Подивиться в квартирочку — аж ляшеньки в місті“.

(Метлинский, 407.)

Й ой як повернеться та пан Перебійніс на правую руку,
Й аж не вискочить його кінь вороненький із ляшського трупу,
Й ой повернеться та пан Перебійніс на праве плече,
Й аж назад його коня вороного кровавая річка тече.
Й ой як оглянеться та пан Перебійніс на джуру малого,
Й аж кладе джура, кладе малий, ще лучче від його“.

(Ibid., 402—403.)

В первом двустипии последующее обозначено будущим, что противоречит вышевысказанному утверждению, что будущее совершенное —

последующее, и главным никогда не бывает; но противоречие мнимое, так как там не говорилось о будущем в значении „смогу сделать то-то“.

„Озирнеться — а ж нема сторожи на місці“ (ibid., 403). В украинском, как и в русском, на месте будущего в предшествующем предложении может быть поставлено прошедшее совершенное, чем достигается то же впечатление, что и в русском:

„Обернувся козак Нечай од брами до брами...“

„Оглянувся козак Нечай на правую руку, —“

„Не выскочить кінь козацький из ляцького трупы“.

(Ibid., 407.)

„Як крикне: сідлай“ — сказано сильнее, чем: „крикнув: сідлай“.

В песне:

„Ой спав — не спав, прокинувся —
Нема коня, ні прикорня“.

Это при более оживленном изложении можно бы сказать так: „засне трохи, прокинеться — а ж нема коня ні прикорня“ (к которому был конь привязан).

Подивиться — нема. „[Мрави] соушить ꙗ [пищоу] пакы. ꙗгда чюѣтъ вьлагоу ꙗмоуще вѣ себѣ. ти не по вѣсе годы ꙗзносить ꙗ. нѣ ꙗгда прочюѣтъ въздоухѣ оутишити се хотещѣ“ (Шестоднев, 228 об.); „Не оубоудоу зобѣ ꙗценети. нѣ ѡбаче оусты ѡбранѣтъ себе. ꙗже ꙗмоу при тоужаѣтъ; не оу рога тельцоу. тоже вѣстꙗ кѣде ꙗмоу ѡроужѣ въздрастаѣтъ“ (ibid., 230).

„Ой спав — не спав, прокинувся,
(Ож) нема коня ні прикорня...“

„Кад допаде брату у бусију,
Ал' на брату русе главе неїма“.

(Карацїй, Пјесме, II, 47.)

С оборотами „посмотрит — (ан) нет“, украинское „озирнеться — а ж нема“ однородны следующие: украинское „куди гляну — все чужая сторона“; „не видит добрых он, куда ни обернется“ (Крылов); „у кого ни спросит он, всем вопрос его мудрен“ (Пушкин). Главные предложения здесь содержат в себе настоящее время. Употреблено ли это настоящее в неграмматическом (внеязыковом) смысле настоящего, или только как наглядное изображение настоящего объективного прошедшего, это нам все равно. Важно то, что, по замечанию Некрасова (О глаголе, 128), в двух последних примерах: „чтоб видеть, нужно... прежде обернуться... *прежде нужно спросить, чтоб вопрос казался мудреным*“; но так как, по мнению Некрасова, „смыслу настоящего не может предшествовать будущее“, то, заключает он, обернется, спросит не суть будущие. По этому поводу к сказанному выше о значении будущего совершенного в зависимых предложениях прибавлю только следующее. Откуда это известно, что в языке будущее не может обозначать действительного, но объективного времени, предшествующего тому, которое изображено настоящим? Язык есть искусство, и речь, как всякое произведение искусства, не равна изображаемому. Отрицая а priori возможность употребления будущего времени об объективно прошедшем, мы поступаем так, как если бы утверждать, что у того, кто изображает дерево (которое, по нашему мнению, должно на бумаге всегда изображать зеленым, как в натуре) черным карандашом, выйдет не дерево, а чорт знает что, или

утверждать, что рисовальщик черным карандашом вовсе и не может иметь намерения изображать зеленое дерево. Во всяком искусстве есть своя условная неправда, которая, кроме личных ошибок, составляет природу этого искусства и, стало быть, с другой точки, есть высшая правда.

Еще из Некрасова: „Всякий раз, как я об них *подумаю* [о „Цыганах“ — поэме] или *прочту* слово в журнале — у меня кровь портится“ (Пушкин)... *Подумаю... прочту* вовсе не значит, что Пушкин об них будет думать... читать, а что он уже думал... читал несколько раз. Спрашивается: какого же времени эти обе формы? Вид их — совершенный...“ (Некрасов, О глаголе, 132). Подразумеваемый ответ автора в том, что „грамматика“, которую он постоянно противопоставляет своим собственным мнениям, нелепо считает эти формы за будущее.

Как во множестве других случаев, так и в рассматриваемых оборотах отношение предыдущего и последующего может служить образем причины и следствия, или, другими словами, причинность может представляться последовательностью во времени. Причинность в рассматриваемых оборотах может вовсе не означаться словами: „Скричат калики — с дерев вершины попадали“, — в смысле не „после того как вскричали — вершины попадали“, а — „потому попадали, что вскричали; так сильно вскричали, что вершины попадали“. Но причинное отношение, при сохранении тех же времен в предложениях предыдущих и последующих в языке может и обозначаться союзами: в русском „как вскричат (вскричали), — так (русское народное «ан до, инно, ино, так ажно» и др.) попадали“; украинское „як — так аж“... Отсюда язык извлекает новый эффект: он умалчивает о последствии и заставляет лишь догадываться о его силе и важности по силе и важности причины; эта последняя усиливается именно от умолчания первого: „Как закричит — как заплачет“ и т. п. „Зняв з себе пояс, завязав петлю, та й став де її (кобили) підкрататись... а далі, як підийшов близенько, як закине її на шию пояс, як крикне «тпру», як потягне до себе, а кобила як упаде, а ми так и зареготались“ (Кв.-Осн., I, 124); „Як гримне на нас, як затупотить ногами... «давай», кричить не своїм голосом, «давай мені сейчас!»“ (Кв.-Осн., I, 185).

„Ей зажуриться, заклопочеться Хмельницького старая
голова,

Що при йому то не було ні сотників, ні полковників нема,
Тільки пробував при йому Іван Луговський
Писарь військовий,
Козак лейстровий“.

(Метлинский, 395.)

„Та здрадується, звеселиться Марусина матінка,
Що посадила Марусеньку на посаді“.

(Ibid., 146.)

§ 15. Употребление будущего совершенного простого в сербском языке

Относительно употребления будущего совершенного простого (глаголы совершенные настоящего времени) древний сербский язык XIII — XIV вв. не отличается заметным образом от русского и других славянских наречий: время это имеет в нем, как и в нынешнем кайкавском (например около Вараждина), значение и объективного будущего не только в предложениях обстоятельственных и дополнительных и с союзом ако, а ке,

да, но и в главных и определительных (см. Weber, § 46, 1, примеч.). См. примеры употребления настоящего глаголов совершенных в значении будущего в главных предложениях из хорватского, польского и евангелия 1286 г. (Miklosich, IV, § 506), например „чловѣкъ ки приде у землю мою“ (1236 г., Споменици, 6); „међу (ћ) моими лудми, кои су или кои буду“ (1254 г., *ibid.*, 28). Согласно с другими славянскими языками и употребление будущих описательных: „А ѿ... и мои луде, кое имаь и кое учьну имати, да спасемо и срѣжемо по мору и по суху все луди дубровъчъке“ (1254 г., *ibid.*, 27); „жито и вино, кое се начне продавати у градъ, да се не подражи твоихъ ради люди“ (1254 г., *ibid.*, 35); „доколѣ правду имуть имѣти“ (1254 г., *ibid.*, 33); „ако име хтѣти краљ послати воиску на Дубровникъ или Гусу“ (XIII в., *ibid.*, 36).

От такого состояния языка в нынешнем сербском (штокавском) осталось употребление будущего совершенного: а) в главных предложениях, с оттенком обычности, о чем см. выше; б) в главных же предложениях в значении, которое сербские грамматики называют не совсем основательно *praesens historicum*, о чем ниже будет сказано подробнее; в) во второстепенных предложениях со значением условности, в случаях, в коих в русском тоже будущее совершенное, и в других, где в русском — сослагательное. Для уяснения последнего приведу пример: „Да наъезе (если будет, если бы он проходил мимо = проходи он мимо) друмом овудије, Би попио (выпил бы) и он купу вина, Би попио, не би зафалио“ (Чубро Чојковић, 129). Об этом случае следует сказать, говоря о значении русской формы *бы* с причастием на -л. Первый случай, упомянутый здесь (под п. в), уяснится из следующего.

В выражениях, как: „если не сделаешь того-то, убью“, „пока не сделано, не дам, когда сделает, дам“, русский язык не делает и не имеет средств делать какое-либо формальное различие между глаголом совершенным в зависимом предложении и таким же глаголом в главном. Между тем будущее в первом, зависимом, предложении может быть рассматриваемо как предшествующее по времени будущему второго предложения; первое может представляться гипотетичным (что обозначается здесь союзом, а не формой глагола) и субъективным, второе — утвердительным и объективным. Сербский (штокавский) язык получил возможность делать различие между неопределенным наклонением и субъективным и относительным будущим глаголом совершенным и безотносительным и объективным будущим тем же глаголом, потому что в нем для этого последнего есть форма из хоћу, ћу, образуемая не только от глаголов несовершенных, как русское будущее с буду, стану и украинское с иму, но и от совершенных.

„За три дана ако ми сачуваш кобилу, да ћу ти коња, когагод хоћеш“ (Караџић, Припов. 1853, 28); „ако ово све просо не покупиш... док ми из цркве до ђемо, убићу те“ (*ibid.*, 160); „Скочи на њу и на слуге говорѣи, ако му не кажу (в сербском — совершенном — если не скажут), ђе му је шћер, да ће их све сабљом искомадати“ (что... изрубит) (*ibid.*, 166); „Ако не буду гости бијесни, не ће бити кућа тијесна (Караџић, Пословице, 6); „Ако чанак (миска) не изда, кашика не ће“ (пока есть в миске, можно и малой ложкой наестся) (*ibid.*, 9).

Да с будущим совершенным как настоящий *permissivus* (= нека = нехай буде = буди) и в значении условия: „Да те оставимо тако (не привязавши) утећи ћеш“ (*ibid.*, 55, 56).

„Док куја репом не вине, не ће пас за њом потрчати“ (*ibid.*, 64); „Кад видим (будущее совершенное субъективное) онда ћу и вјеровати“ (*ibid.*, 115); „Ка д пси буду људи, онда ћеш и ти бити чоек“ (*ibid.*, 119);

„Кад пси поспе (отићи ће, т. ј. побјећи ће ноћу)“ (ibid.); „Кад се вилан (так в Дубровнике вм. сељак) наије, мисли, да не ће никад огладњети“ (ibid., 120); „Кад те опанке подереш, ја ћу ти купити друге“ (ibid., 122) (говорится в шутку босому); „Кад чоек нада се плуне, на образ ће пасти“ (ibid.).

„Ко више заложи но може прождријети, удавиће се“ (ibid., 136). „Ко један пут украде, увијек се за хрсуза држи“ (ibid., 141). „Ко се о жеже, а не каже друштву, да је чорба врућа, није поштен чоек“ (ibid., 154).

Различие между этими будущими глаголов совершенных не проведено до конца, как и вообще подобная последовательность встречается в языках весьма редко. Можно найти немало примеров употребления будущего совершенного простого и в объективном значении (в главном предложении), и в подобных примерах, не представляющих никакого различия с русским и польским, следует видеть остаток старины: „Ко за три ноћи сачува кобилу и ждребе, баба му да коша да бира којега хоће“ — (Караџић, Припов. 1853, 28); „Ако були Турчин не стане, други јој настане (јер се може одмах удати)“ (Караџић, Пословице, 2); „ако зима устима не уједе, она репом ошине“ (ibid.) „Ако кућа изгори, дуг на оцак излети“ (ibid., 5); „Док памет дође, благо прође“ (ibid., 66); „Ко се не намучи, та се не научи“ (ibid., 154); „Ко се не освети, он се не посвети“ (ibid.); „Ако дође прав, не изиђе здрав; ако дође крив, не изиђе жив“ (ibid., 2); или „ко улезе прав, не излезе здрав“ и пр. (ibid., 158); „ко што посије, то поже“ (ibid., 160).

Гораздо реже употребление будущего совершенного в зависимости предложении, например, „ако не ћеш то учинити (следовало ожидать „ако не учиниш“), ја не ћу с тобом живљети“.

Тем не менее решительно преобладающее значение будущего совершенного простого в сербском штокавском есть значение субъективное. Субъективно будущее значение с оттенком начинательности имеет в сербском и станем, почнем, узмем, пођем с неопределенным наклоением: „крава стане куђељу у уста узимати и жватати а ђевојка на ухо ђезино жицу извлачити и мотати и одмах буду готове“ (Караџић, Припов. 1853, 158).

Отсюда вытекает для этого языка возможность свободно употреблять это будущее в оживленном повествовании о событиях объективно-прошедших. Если по-русски скажем: „тогда махнет булавою и убьет кузнеца“ или „как услышит об этом, станет ему жаль“, то выражения эти необходимо будут отнесены к будущему объективному, если только особым словом (было, бывало) не будет обозначена их обычность в прошедшем. Есть только одно средство придать будущим — махнет, услышит смысл прошедшего объективного: поставить в последующих предложениях другое время: махнет и убил, услышит, и стало ему жаль. Но если в сербском сказать: „онда... размахне кијачом те ковача убије“ (ibid., 3); „Кад чује (в сербском чути — глагол, и совершенный, следовательно, здесь будущее совершенное), шта је са женином кћерју било, жао му буде“ (ibid., 172), то это будет значить: убил, стало жаль, потому что убьет, станет жаль; о будущем объективном было бы выражено посредством „ће убити, битиће или ће бити“.

Сербский язык не пренебрегает теми противоположениями будущего совершенного простого в предложениях, предшествующих другим временам в предложениях последующих, которые столь обычны в русском: „Кад једно јутро пребројим челе, а то нема најбољега челца“ (ibid., 202). Ср. болгарский перевод: „Кога сл при зорѣ пробуди, ала той обикрачиль кдинѣ пѣнь на мѣсто кобылѣ-тѣ, а дрѣжи углавь-тѣ въ рѣкѣ“

(Erben, Čitanka, 220) = украинскому „перелічу, аж нема“; „Кад се про буди (можно бы сказать «кад се прене»), а он опкорачио некаку кладу“ (Караціћ, Припов. 1853, 29) = украинскому „прокинеться, аж (дивиться) сидить він верхи на якійсь колоді“; „кад сјутрадан сване, а то имаш шта виђети: ми сви у једној људској глави“ (ibid., 8); „Ражали се слугама те јој само руке осјекоше“ (ibid., 165). „Тек што он заспи, али ето ти девет пауница“ (ibid., 21).

Но не это характеристично для сербского языка, а то, что в нем весьма обычно изображение действия в главном предложении как целый ряд прошедших событий (обозначаемых в латинском посредством perfectum в значении аориста и в самом сербском — посредством аориста) посредством будущих простых совершенных и будущих с станем, почнем, узмем, притом и разделения предложений на предыдущие и последующие во времени могут обозначаться только частицами, так что только будущее объективное по отношению к этим субъективным будущим обозначается посредством -ћу- с неопределенным, а событие, представляемое прошедшим по отношению к этим аористичным будущим, — давнопрошедшим и деепричастием прошедшим. Иногда в начале повествования ставится прошедшее (совершенного или несовершенного глагола), указывающее на объективное время следующих событий. „Био један цар... једном стане се цар разговарати са својим синовима“ (ibid., 18); „Имаше некакав цар жену... Они од свога срца немадијаху ништа друго до једну јединицу шћер, која већ бјеше приспјела за удају. Ова царица разболи се и кад види да не ће остати (будущее по отношению к «види»), него да ће умријети, за зове мужа“ etc. (ibid., 143). Но рассказ может прямо начинаться с будущего: „ухвати (будущее совершенное) курјак козу, која је била легла на крају осим осталијех коза, па пође да је изједе, а она му се стане молити, говорећи, да је сад мршава, него да је остави до јесени, док утије, па онда нека дође и нека је изједе. Приставши (действие объективно-прошедшее) курјак на то, запита (будущее) козу, како ће је наћи (будущее по отношению к «запита»), а она му одговори“.¹

„Био један цар па имао три сина и пред двором златну јабуку, која за једну ноћ и уцвета и узре (узрети, узрём, — vb. perf.) и неко је обере (будущее совершенное обычности, как и в русском: «за одну ночь и расцветет, и созреет и кто-то ее обберет»),² а никако се није могао дознати ко. Једном стане се цар разговарати (будущее субъективное или аористичное) са својим синовима: «Куд се то дева род с наше јабуке!» На то ће рећи (будущее субъективное, а потому следовало бы ожидать рече, в значении будущего, а не аориста или речне; ће рећи можем считать здесь доказательством того, что, употребляя в подобных случаях форму простую, имевшую некогда значение настоящего, он представляет объективно прошедшее событие посредством именно будущего, а не настоящего) најстарији син: «Ја ћу ноћас чувати јабуку, да видим, ко је то бере». И кад се смркне, он отиде под јабуку

¹ В рукописи дальше идет следующее: Добровский (I, 440): „Иногда Словене употребляют настоящее однократного глагола [однократного в таком широком смысле, что самый смысл термина исчезает; подлинника «Грамматики» Добровского я не имел под руками. А. П.] вместо будущего и одним и тем же словом выражают и настоящее и будущее действие (Матф., 8, 19, и дѣ по тебѣ, а може аще и деши), а особенно в тех случаях, когда перед глаголом стоит частица аще (éav): аще просите, иже аще речеть. Равно также: бію, пію, ведѣ“ и др.

Ред.

² Болгарский переводчик ставит здесь переходящее: „мблъкж, кои-то за ношь цвѣише и сзърѣше, ала нѣкой ѣ обираше“ (Erben, Čitanka, 213).

па легне¹ под њом да је чува, али кад јабуке већ почну зрети, он заспи (отиде, легне, заспи—будућеe совершеноe), па кад се у зору пробуди, а то јабука обрана. Онда он отиде и оцу и каже (будућеe совершеноe) му све по истини... Кад у јутру дан осване, устане царев син па однесе оцу оне обадве јабуке. Оцу буде то врло мило и похвали најмлађега сина...“ (Караџић, Припов. 1853, 18, 19). „Тек што он заспи, али ето ти девет пауница, како дођу, осам падну на језеро, а девета њему на коња, па га стане грлити и будити... etc. Паунице пошто се окупају, одлете“ (ibid., 21). „Како он то чује, истргне сабљу те осече служи главу. После тога почне сам путовати по свету“ (ibid., 23).

Следует заметить, что вследствие потери в сербском окончания *-тъ* в 3-м лице единственного настоящего, а в разряде $\frac{-aje-}{-a-}$ и вследствие стяжения *-aje-* в *-а-*, во многих сербских глаголах 3-е лицо настоящего и будущего совершенного или вовсе не отличается по звукам от 3-го лица единственного числа аориста (например, носи) или отличается только ударением и долготой, например, 3-е лицо настоящего плетѣ, грѣбѣ, пѣчѣ, вѣзѣ, чѣвѣ, 3-е лицо аориста плетѣ, грѣбе, пѣче, вѣзе, чѣва. Поэтому выше я старался приводить такие примеры, в коих и без обозначения на письме ударений и долгот не может быть сомнений в значении формы.

§ 16. Настоящее в немецком языке

„Sechshundert Neger tauschte ich ein...“
 „Ich hab' zum Tausche Branntewein,
 Glasperlen und Stahlzeug gegeben;
 Gewinne (получу) daran achthundert Prozent,
 Bleibt mir die Hälfte am Leben.
 Bleiben mir Neger dreihundert nur
 Im Hafen von Rio-Janeiro,
 Zahlt dort mir hundert Ducaten per Stück
 Das Haus Gonzales Perreiro...“
 „... bleiben mir nicht dreihundert Stücke,
 So ist mein Geschäft verdorben“.

(Heine.)

„Wenn dich ein Weib verraten tat,
 So liebe flink eine Andere;
 Noch besser wär' es, du liessest die Stadt—
 Schnüre den Ranzen und wandre!

Du findest bald einen blauen See
 Umringt von Trauerweiden;
 Hier weinst du aus dein kleines Weh
 Und deine engen Leiden“.

„Wenn du den steilen Berg ersteigst,
 Wirst du beträchlich ächzen:
 Doch wenn du den felsigen Gipfel erreichst,
 Hörst du die Adler krächzen.“

¹ Болгарский перевод: „Като мръкнѣ, тръгнѣ старый-тъ сынъ... отъиде и легнѣ.“
 (Erben, Čitanka, 213).

Dort wirst du selbst ein Adler fast,
Du bist wie neugeboren.
Du fühlst dich frei, du fühlst: du hast
Dort unten nicht viel verloren“.

(Heine.)

„Liebst (не полюбишь...) du mich nicht, so welk'
ich und sterbe...“

(Ibid.)

„Gehst du nicht mit, so sterb' ich hier.

„Und du bist einsam und allein:

Und bleibst du auch im Vaterhaus,

Wirst doch wie in der Fremde sein“.

(Ibid.)

По-литовски нельзя употреблять настоящее время в смысле немецкого „morgen besuche ich dich“, т. е. „werde ich dich besuchen“. Невозможно „ász rytój pas tav apsilankaũ“, необходимо „apsilankýsiu“ (Kurschat, § 1352).

§ 17. Значение формы настоящего времени в старинном языке

В современном русском и других славянских форма настоящего времени имеет двойное значение: а) значение настоящего в глаголах несовершенных, б) значение будущего совершенного в глаголах совершенных. Если смотреть с точки зрения современного языка, то кажется, что в старинном языке форма настоящего времени глаголов несовершенных, теперь имеющая только значение настоящего, может означать и будущее. Очевидно, что такой взгляд субъективен, но не в том смысле, что он свойствен одному какому-либо исследователю; что он состоит в перенесении в древность таких привычек мысли, которые образованы категориями современного языка. Были ли совершенными или несовершенными в старинном языке те глаголы, которые совершенны и несовершенны в нынешнем, это при более объективном обозначении упомянутого факта пусть остается вопросом. Осторожнее будет выразиться так: настоящая форма глаголов, несовершенных в современном языке, в старинном могла иметь не только значение настоящего, но и будущего. При этом спрашивается: какого именно будущего, совершенного или несовершенного? Просмотрим следующие примеры: „А отъ древа вѣдѣти добро и зло. не гдита ѿ него. въ нь же дѣѣ вѣста ѿ него съмъртью оумърета“ (Богословие, 173).

„Оуготоваи чѣто вѣчерѣѣ (δελπνῆσα) и прѣпоисавъ сѣ слоужи ми. донѣдеже ѣмъ и пиѣѣ (значение настоящего времени). и потомъ ѣси и пиѣши“ (значение будущего *φάγεσαι, πίεσαι* = будешь есть и пить, а не поешь, выпьешь) (Остр. ев., Луки, XVII, 8); „Проклята земля въ дѣлѣхъ твоихъ, и въ печали яси вся дни живота своего“ (Лаврент. лет., 38, 9) = будешь есть, в переводе Эрбена: „v zármutku budeš jísti po vše dni žiwota svého“.

Блюду. „Половци землю нашу несутъ розно, и ради суть, оже межю нами рати; да нонѣ отселѣ имемъ ся въ едино сердце и блюдемъ Рускыѣ земли, кождо да держить отчину свою“¹ (ibid., 109, 20).

¹ Первое да = а: а теперь станем блюсти. Эрбен принимает да за -lva: „bud'me srdce jednoho, a opatrujme zemi Ruskou“.

Настоящее глаголов совершенных в нынешнем языке с тем же значением совершенности = будущности в древнем церковнославянском. Например в Саввиной книге: „сътворить“ = ποιῆσει (Иоанна, 14, 12); „сътвори“ = ποιῆσω (Иоанна, 14, 13); „сътвори“ = ἐρωτήσω (Иоанна, 14, 16); „дасть“ = δώσει (Иоанна, 14, 16); „не остави“ = οὐκ ἀφήσω (Иоанна, 14, 18); „взлюбл“ = ἀγαπήσω; „сътвори“ = ἐμφρανίσω (Иоанна, 14, 21) (Срезневский, 91 сл.). „Не мози мнѣти прѣже ю [душу животных] сътворенъ тѣлеснаго ихъ състава. ни прѣбодушоу присно. ꙗко се разорить плоть тѣлесе того“ (Шестоднев, 174 об.); „Приди и вѣкъ иже по възкръсении бес коньца боудеть“ (Богословие, 101; *ibid.* — сли = сѣи); „присносаи“ (*ibid.*, 109).

Бъ ю. „И рече Редедя ко Мьстиславу: «не оружемъ ся бѣе вѣ [форма настоящего = будем биться, а не повелительного, в коем было бы или как в старославянском бити вѣ, или на основе украинского біймо, бийте и летописного пролеймы (Ипат. лет., 61, 25 из „пролиймы“ — бий вѣ)], но борьбою»“. (Лаврент. лет., 63, 25); „Се Половци росулися (из роз-сулися) по земли; дай, княже, оружие и кони, и еще бьемся (= будем биться; Erben — «budem se ješte s nimi bití») съ ними“ (Лаврент. лет., 73, 26); „выдай мужи сѣя, не бьемся (не будем, не станем биться; Erben — «biti se ne budem») за сихъ, а за тя битися можемъ“ (Лаврент. лет., 114, 1); „аще ли ударить мечемъ или бьетъ (станет бить? ударять? Erben — «jestli udeři... peb v i je») кацѣмъ любо съсудомъ (= орудием), за то ударение или убьение (Р. Т. — «бьенье») да едасть литръ 5 сребра“ (Лаврент. лет., 14, 23); „аже и проженевъ, то поидевъ на Дюрдѣя Суждаль, любо съ нимъ миръ створимъ, любо ся съ нимъ бьемъ“ (будем биться) (Ипат. лет., 30, 31; ср. „бьемся“ Лаврент. лет., 137, 11); „Оже се Олгович, ради ся, за тя бьемъ (станем, будем биться) и съ дѣтьми, а на Володимире племя... не можемъ руки подѣяти“ (Ипат. лет., 35, 16); „аже ны Володимеръ гдѣ постигнетъ, а ту съ нимъ ся биемы (так исправлено издателем по другим спискам; в Ипат. лет. — бѣимы ся = бимыся, повелительное)... аче ны Гюрги усрячетъ, а съ тѣмъ ся биемъ“ (будем биться) (Ипат. лет., 55, 3, 4); „а въ сильній (sic!) полкъ въ Кіевьскій аже вѣдемъ въ нѣ, то азъ вѣдѣ, ти ся за мя біють“ (станут биться) (Ипат. лет., 55, 24); „аще на ны придуть, бьемся съ нимъ“ (Лаврент. лет., 144, 30).

Настоящее = будущему: „Земля ꙗси и въ землю идиши“ (Изборн. 1073, 175); „Аште не идоу то оутѣшителъ не придетъ“ (*ibid.*, 179); „Его же аще просите (αἰτήσητε) въ има мое. то сотвори“ (Саввина книга, Иоанна, 14, 13); „Придетъ година. егда оуже въ притѣчахъ не глѣж (Остр. ев., 175 — не глѣж) вамъ“ (Саввина книга, 5, Иоанна, 16, 25).

Повѣдѣ в значении будущего: „Уна же... мыслаше: повѣдѣ ли Исифови. или съкрыю паче тайноу сию. аще ли сългалъ пришьдѣи. почю гзыкъ старьчъ на са наоущаю“ (стану наущать) (Златоуст XII в., Срезневский, Памятн., 193); „невѣдѣ чьто имамъ сътворити“ (*ibid.*, 194, а).

Настоящее в значении будущего (независимо от совершенности и несовершенности): „Аще тако твориши, то съсидеши домъ душевнаго спасенія, и не въ пустошь съсидеши; и тако съхраниши градъ, еже естъ душа твоя, и не всоуде бѣдѣши бдѣль“ (Достопам., I, 74); „и вси държашеися понь живутъ и оставыше его умруть“ (Калайдѣвич, Памятники, 60); „Аже паробька господа вяжутъ, бьютъ, украдѣшаго что любо, достойгъ ставити“ (*ibid.*, 190).

Лѣзу. „Посѣдита вы сдѣ, а язъ лѣзу (вариант иду = пойду, Erben — рѣјду) наряжу“ (= распоряжусь) (Лаврент. лет., 110, 19).

„А дайте, господине, нам съ Еѳимомъ божью правду, цѣловавъ, господине, крестъ животворящей да лѣземъ, господине, съ нимъ на поле биться. И судьи спросили Еѳима: «а ты лѣзешь ли съ ними на поле биться?» И Еѳимъ такъ рекъ: «лѣзу, господине, съ ними на поле биться»“ (Акты, 28, XVI в.; ср. *ibid.*, 32, 43); „уличаю.. Онисимка... божьею правдою, цоловавъ крестъ да лѣзу съ Онисимкомъ на поле битися и нанмита противъ его шлю“ (*ibid.*, 51) и др.

Везде — значение настоящего.

Тепѣ. „Се азъ сълѣжъ къ вамъ прѣвы... и отъ нихъ тепете (*μαστιγώσετε*, *ubicisiesie*) на съборицихъ“ (Остр. ев., Матфея, XXIII, 34).

Бду. „Аже не будетъ слѣда или къ селюу, или къ товару [обозу]; а не цтсочать ѡт себе слѣда (находящиеся в подозрении, что подрезали бортъ), ни кдоуть на слѣдъ, или ѡтобиются, ть тѣмъ платити татбоу и продажо“ (Русская правда по Синод. списку XIII в. — Достопам., I, 51; вернее по Харатейн. списку в Достопам., II, 58: „аже будетъ слѣдъ къ селу ли к [то]вару, а не ѡсоцятъ ѡ себе слѣду. ни йдутъ на слѣдъ; или ѡбыѡтъ: то тѣмъ платити татбу и продажо“).

Ищю. „Аже кто убичѣтъ князя моужа въ разбои, а головника (вариант боевника) не ищюуть (в некоторых позднейших списках „изыщуть“), то вирьвоюу (вервьноюу) платити, въ чыиже вьрви голова лежить“ (Русская правда — Достопам., I, 29).

Бмъ, пиѣж. „Не пѣвтесл дѣшежъ вашежъ. чьто ѣсте (*φάγητε*) или чьто пикѣте (*πίητε*) ни тѣлмъ вашимъ, въ чьто облѣчете сл“ (Остр. ев., 62, Матфея, VI, 25). В польскомъ сослагательное: „nie troszcie się... co byście jedli, albo co byście pili... czem byście się odziewali“; в греческомъ настоящее сослагательное.¹

Иду. „Аз иду по нь (пойду? иду? *Ergen*, *idu*); а ты, брате, посѣди“ (Лаврент. лет., 110, 22); „Глѣбъ рече: «луче сдѣ умру, не иду»“ (не иду? не пойду?) (Ипат. лет., 119, 41); „Аще не имете волхву сею, не иду от васъ и за лѣто“ (Лаврент. лет., 75); „Въставъ, и дж (= пойду, польское рѡјдѣ, *πορεύσομαι*) к оѡцу моѣмоу“ (Остр. ев., 118, Луки, XV, 18); „къ комоу и дѣмъ?“ (= пойдем = рѡјdziemu, *ἀπελευσόμεθα*) (*ibid.*, 25, Иоанна, VI, 68); „къ нѣмоу и дѣвѣ“ (пойдем, *rowyjdziemu*, *ἐλευσόμεθα*) (*ibid.*, 273 об., Иоанна, XIV, 23).

Бду. „Не ѣдемъ на конихъ... ни пѣши идемъ, понесѣте ны въ лоды“ (*ibid.*, 24, 12) (*Erbel* — „не роједен... ani рѣску рѡјден“, хотя, впрочем, как и выше под иду, здесь может быть и в современном языке настоящее). „О собѣ еси, княже, замыслилъ; а не ѣдемъ (= не едемъ? не поедем?) по тобѣ, мы того не вѣдали“ (Ипат. лет., 97, 11); „яко (= так как) никого съ тобою нѣсть, азъ же ѣду (= ѣду? поѣду?) съ тобою“ (*ibid.*, 192, 35).

Мрькнж. В Остромировомъ евангелии „абикъ же. по скрѣби дънии тѣхъ слънце мрькнетъ (= померкнет, *się zaćmi*, *σκοτισθήσεται*) и луна

¹ Вообще старославянское настоящее с частицами, поставленное вместо греческой формы сослагательного наклонения, нередко следует принимать за будущее, будет ли глагол в современном языке совершенный или несовершенный. Есть много ясныхъ примеровъ употребленія настоящего глагола предложного (= будущего совершенного) вместо греческого сослагательного: „да увѣсте“ (*ina eidēte*, *abyście wiedzieli*, чтобы вы знали) (Остр. ев., 66, Матфея, IX, 6); „дондеже отъпоуститъ“ (*εως ἀπολύσῃ*, *ażby rozpuścił*) народы“ (*ibid.*, 70 об., Матфея, XIV, 22); „да не творижъ“ (*οὐχ ἵνα ποιῶ*, *iz bym czynił*, не для того, чтобы творить) (*ibid.*, 20, Иоанна, VI, 38); „да идеже кмьмъ азъ и вы блдете“ (*ἴτε, że byście i wy byli*) (*ibid.*, 165, Иоанна, XIV, 3).

„Онъ оправилъ бѣсела фермана... Да му до ѣ Марко у индата“ (Чубро Чојковић, 126). „Оде Марио у Поилина града, Да одмори Щарца од Мејдана. А и стару до пригледа мајку“ (*ibid.*, 127). О союзе да с изъяснительнымъ в сербскомъ = русскому чтобы, если бы с причастиемъ на -ль — Weber, § 56. Болгарское „не смьмъ слънце да огрѣмъ сѣвого“ (Пам. и обр. нар. яз., 137).

не дасть свѣта своѣго и звезды съпадѣтъ съ нбсе“ (Остр. ев., 145 об., Матфея, XXIV, 29).

Лобъжж. „кто же аще лобъжж (облобызаю? *ὁν ἂν φιλήσω*, стану лобзать? польское *rosalić*), ть ксть, имѣте кгго“ (ibid. 161, Матфея, XXVI, 48).

Пошж. „и инь та пошеть и ведеть та“ [Саввина книга, 6 — пошеть и ведеть] (= *opasze i poprowadzi* = опояшет и поведет, или будет водить, Буслаев = *ζώσει καὶ οἴσει*) (Остр. ев., 53 об., Иоанна, XXI, 18).

Ищю. „При вашемъ животѣ не ищемъ его (= не станем искать Киева), ажь по васъ, кому богъ дасть“ (Ипат. лет., II, 146, 30).

Ѣзжу. „Ать ѣздить (= пусть ездит) Мьстиславъ подлѣ твой стремень по одной сторонѣ тебе, а язъ по другой сторонѣ подлѣ твой стремень ѣзди“ (буду ездить) (ibid., 73, 8).

Глаголж. „Не пыѣте са како. или чьто имате глѣти дасть бо са вамъ въ ть часъ чьто глѣте“ (что вам говорить, что будете говорить = *τί λαλήσετε*) (Остр. ев., 271, Матфея, X, 19).

Борюся. „Да аще инь кто помыслить на страну вашу, да и азъ буду противень ему и борюся съ нимъ“ (*Erbep — tehdy i ja budu jemu nepřitelem a rotukatí se budu s nim*) (Лаврент. лет., 14, 31).

Противляюся. „Аще ли руку не дадять и противяться“ (станут сопротивляться, *Erbep — zprotivi se*) (Лаврент. лет., 21, 1).

Сждити. „Имъ же бо сждьмъ сждите (настоящее *κρίνετε*). сждитъ са вамъ“ (будущее *κρινήσεσθε* = *jakim sądem sądzicie, takim sążeni będziecie*) (Остр. ев., 59 об., Матфея, VII, 1).

Любите. „Аще бо любите (*ἐὰν γὰρ ἀγαπήσητε*; в польском настоящее — *jeźli miłujecie*) любаша вы, кжж мьздж имаате?“ (ibid., 58 об., Матфея, V, 46).

Живлю. „Вдаимы ся Печенѣгомъ, да кого живять (оставят в живых), кого ли умертвять“ (Лаврент. лет., 55, 4).

Гублю. „Рече Редедя къ Мьстиславу: «что ради губивѣ (в Хлебн. „губити хочемъ“; *Erbep — proč máme hubiti*, зачем станем губить, зачем нам губить) дружину межн собою“ (Лаврент. лет., 63, 22).

Варю. „Иаяславъ сватится (= сговаривается, дружится) со Всеславомъ, мысля на наю; да аще его не варивѣ (если не предупредим, *Erbep — jestli ho ne pžedejdem*, не предварим) имать нас прогнати“ (Лаврент. лет., 78, 26). Впрочем, современный язык не представляет данных для сравнения; может быть уже в старинном варити есть глагол совершенный.

Настоящее глаголов, ныне несовершенных, в значении будущего. „Идж по тебѣ. тамо же коиджо идеши“ (*ἀκολουθήσω σοι ὅπου ἐάν ἀπέρχη*; *rójđę za toba, gdziekolwiek pójdiesz*) (Остр. ев., 63 об., Матфея, VII, 1).

Мьнж. „Приде година, да всакъ [sic] иже оубиеть вы, мьнитса (*δόξη*, *będzie mniemał*) службж приносить“ (ibid., 49 об., Иоанна, XVI, 2). Та же форма в значении настоящего (ibid., 55 об., Матфея, XVIII, 12, и др.).

Твориж. „Си творать (*ποιήσουσιν* — *uczynią*) вамъ. тко не познаша оца ни мене“ (ibid., 94 об., Иоанна, XVI, 3); но на листе 171 то же место переводится: сътворать.

Глаголж. „Оуже не мьного глѣж (*λαλήσω*, *mówić będę*)“ (ibid., 167 об., Иоанна, XIV, 30); „приде година, кгда къ томоу въ притѣчаахъ не глѣж (*λαλήσω*, *mówić nie będę*) вамъ“ (ibid., 173, Иоанна, XVI, 25).

Цѣлуж. „Аще цѣлоукте (*ἀσπάσησθε*, *jeźli byście pozdrawiali*) другы ваша тькъмо чьто лише творите“ (ibid., 58, Матфея, V, 47).

Цѣлюю. „Да еще ны не помянеши всего того, иже створихомъ своимъ безуміемъ и хрестъ къ намъ цѣлуеши, то мы людіе твоѣ, а ты еси нашъ князь“ (Ипат. лет., 83, 7).

Разоумѣж. „По чесомоу разоумѣю [sic] се“ (*γνώσομαι*, rozsem to rozпам) (Остр. ев., 278 об., Луки, I, 18); „ѣже азъ творж [вм. -ѣж] ты не вѣси нынѣ разоумѣши (*γνώση*) же по сихъ“ (*potem się dowiesz*) (ibid., 154, Иоанна, XIII, 7); „еще кто хоцетъ волю ѣго творити; разоумѣть (*γνώσεται*, będzie umiał, rozznać) оученик“ (ibid., 26, Иоанна, VII, 17), „еда законъ нашъ сждитъ чѣкоу. еще не слышитъ (*ἐὰν μὴ ἀκούσῃ*, jeźliby nie slyszal, если не услышит) отъ ѣго прѣжде и разоумѣть (*γνώ*, nie rozpał by, и не узнает) чьто творить“ (ibid., 55б, Иоанна, VII, 51); „ничьто же покръвено ксть. ѣже не отькрыкьтса. и тайно ѣже не разоумѣтьсѣ“ (*γνωσθήσεται*, czego by się dowiedzieć nie miano) (ibid., Луки, XII, 2).

Свѣдѣтельствоуж. „Доухъ истиньныи. иже отъ оца исходить. ть свѣдѣтельствоужъ (*μαρτυρήσει*, świadczyć będzie) о мьнѣ“ (ibid., 22в, Иоанна, XV, 26).

Трьплж. „У роде невѣрныъ и развращенъ доколѣ съ вами бждж. доколѣ трьплж васъ“ (*ἀνέξομαι*, będę cierpiał) (ibid., 73б, Матфея, XVII, 17); „доколѣ въ васъ бждж доколѣ трьплж вы“ (*ἀνέξομαι*, cierpieć będę) (ibid., 102б, Луки, IX, 41; ibid., 133б, Марка, IX, 19).

Виждж. „Оуслышати же имате брани. и слышанита брани видите“ („видите“ нетъ в греческомъ тексте) (ibid., 82а, Матфея, XXIV, 6); „Аще не виждж (*ἐὰν μὴ ἴδω*, jeźli nie widzę) на ржкоу ѣго. гзывы гвоздииныѣ... не имж (будущее время) вѣры“ (*μὴ πιστεύσω*) (ibid., 11а, Иоанна, XX, 25).

Идж. „Оучителю идж (*ἀκολουθήσω*, pójdę) по тебѣ“ (ibid., 63 об. в, Матфея, VIII, 19; ibid., 103 об. г, Луки, IX, 57); „не можеши нынѣ по мьнѣ ити, послѣдъ же по мьнѣ идеши“ (*ἀκολουθήσαι*, pójdiesz) (ibid., 164 об. г, Иоанна, XIII, 36); „иджть (*ἀπελεύσονται*, pójdą) си въ мжкж вѣчнѣж“ (ibid., 122б, Матфея, XXV, 46).

Разоумѣваж. „О семь разоумѣважть (*γνώσονται* rozпая) вси. ѣко мои оученици ксте. еще любве имате“ (*ἐχρητε*; но в славянскомъ будущемъ, какъ и в польскомъ, mieć będziecie) междж собож (ibid., 164в, Иоанна, XIII, 35).

Врѣжж. „Ничьто же васъ не врѣдитъ“ (*μὴ ἀδικήσει*, nie uszkodzi) (Луки, X, 19); „еще и смъртьно чьто испижть ничьто же ихъ не врѣдитъ“ (*μὴ βλάψει*, nie zaszkozi) (ibid., 205 в, Марка, XVI, 18).

Видѣти, чюти. „Аще кто отъ врагъ моихъ въскошетъ окрасти мой виноградъ, то хронецъ убо видить, слѣпецъ же чюеть“ (XVI в., Калайдович, Памятники, 135); „николи же всяду на конь, ни вижю его болѣ того (Лаврент. лет., 16); „Видимъ (= посмотрим) кто преодолѣтъ азъ ли йли ты“ (XIII в., Буслаев, Хрестом., 413).

Радѣти, радити см. пользовати.

Хранити см. пользовати.

Дѣлати. „Зашедшю солнцю, недостоить мертвеца хоронити, не рци тако: борзо дѣлаемъ нѣли како успѣемъ до захода; но тако погрести, яко и еще высоко“ (Калайдович, Памятники, 184).

Ищю. „Аще кто убить князя мужа въ разбои, а головника не ищютъ (= изищутъ), то вирьвноую (вѣрвьную, т. е. виру) платити“ (Русская правда — Достопам., I, 29).

Бью. В Договоре Мстислава Давыдовича с Ригою, 1229 г. (по изданію в прибавленіи к Актам р.-лив., § 1, список D): „оже бьютъ волного члѣка (по списку А: «аже будѣтъ свободный члѣкъ оубить»);

по списку F: «уже оубьють волного члѣка»), платити за голову ĩ-гривень»; § 3 по списку A: „Кто бикътъ друга дѣревѣмъ“ (по списку D: „аще кто... оударить“; по списку B: „Кто боудеть билъ“); § 10 по списку A: „аже Латинский гость бикътъса мжью събою“... (по списку D: „или нѣмѣчскый гость иметьса бити межю собою“).

Насилую. В Договоре Мстислава Давыдовича с Ригю, 1229 г. (по изданию в прибавлении к Актам р.-лив., список A, § 12): „Аже насилукътъ робѣ, а боудоуть на него послуси, дати кмоу гривна серебра“.

Пользую. „Аще, сыну, моего моленія и поученія не внемлещи, и по сему писаню не учнеши жити... и отца духовнаго заповеди не учнешь хранити, и отъ богодухновенныхъ мужей не пользуешися поученіем... и християнскаго праведнаго закона не храниши и о домо-чадцѣхъ своихъ не радиши, — и азъ твоему грѣху не причастенъ“ (Домострой, 113).

Дръжѣса. „Либо кдиного възненавидить, а дрѣгагѣ възлюбить ли кдиного дрѣжитъса (trzymać się będzie — будет держаться — ἀνδέξεται). а о друзѣмъ нерадити начынетъ“ (Остр. ев., 62 а, Матфея, VI, 24; *ibid.*, 111 г, Луки, XVI, 13).

Покою. „Придѣте къ мнѣ вси тружатииса и обрѣменени. и азъ вы покою“ (= упокою, ἀναπαύσω) (Остр. ев., 244 б, Матфея, VI, 28).

Видѣ. „Ту и видите (ὄψεσθε). ꙗко же рече вамъ“ (*ibid.*, 18 б, Марка, XVI, 7) (NB = tam go oglądacie — в значении будущего).

Блажѣ. „Се бо отъсель блажатъ ма вси роди“ (Остр. ев., 217 б, Луки, I, 48). [NB. В греческом настоящее — μακαριούσι, но по смыслу — błogosławioną zwać będą (в исправленном „ублажать“).]

Свободѣ. „Аще вы прѣбждете въ словеси моимъ, въ истинѣ оученици мои кстѣ, и разумѣте (исправленное «уразумѣете» — γνώσωσθε) истинѣ, и истина свободитъ (ἐλευθέρωσε — wyswobodzi) вы“ (Остр. ев., 222 а, б, Иоанна, VIII, 31, 32); „Аще бо сынъ вы свободитъ (ἐάν ἐλευθέρωση — сослагательное аориста — wyswobodzi). въ истинѣ свободѣ бждете“ (*ibid.*, 29 б, Иоанна, VIII, 36).

Прошѣ. „кто же аще просиши (αἰτήσης = попросишь) дамъ ти“ (*ibid.*, 287 г, Марка, VI, 23); „чесо прошѣ“ (czego tam prosić — попрошу; τί αἰτήσομαι) (*ibid.*, Марка, VI, 24); „или аще просить (= попросит — ἐάν αἰτήσῃ) аица. кда подастъ кмоу скорпиѣ“ (*ibid.*, 275 г, Луки, XI, 12). Где в греческом сослагательное аориста, там славянский перевод отклоняется: ср. просиши (*ibid.*, Марка, VI, 23) = польскому „o sokoł-wiek byś mnie prosiła, dam ci“ (глагол несовершенный); можно бы: „чего бы ты у меня ни просила (= ни попросила, ни стала просить) дамъ“; „Аще просить“ (*ibid.*, Луки, XI, 12) [ἐάν αἰτήσῃ; польское prosił li by (несовершенный); можно бы: если бы стал просить, если б попросил, если б просил]; „аще чесо просите (ἐάν αἰτήσητε — jeżeli będziecie prosić) въ има моѣ, то сътворѣ“ (Остр. ев., 166 б, Иоанна, XIV, 14).

Поношѣ. „Поносать“ (Буслаев, Хрестом., 44). „Блажени кстѣ, кгда поносать (Реймское ев. — ukorjat', 54, ονειδίσωσιν) вамъ, и ижденѣтъ (= διώξουσιν; можно было бы: будут поносить и изгонять, как в польском: gdy złorzeczyć będą i prześladować) и рекѣтъ“ (= gdy będą mówić) (Остр. ев., 212 в, Матфея, V, 11); „възми кошницю и всади (= всяди) на мя, и азъ тя ношу“ (XVI в., Калайдович, Памятники, 140).

Оусрамлѣжѣса. „Оусрамлѣжѣтъса (= ἐντραπήσονται) сѣа моѣго“ (Остр. ев., 79 а, Матфея, XXI, 37); в исправленном тексте „оусрамлѣжѣтъ“ (= będą się wstydzić syna mego — будут стыдиться). Впрочем, и в укра-

инском нередко соромить, но у Гребенки в значении конкретно-длительном — „соромлятися“: „соромляються вийти з хати“; „зазнаю я ту ніч прокляту, як осоромляли (= осоромили) ви хату“.

Отъ вѣщаѣ. „Придеши въ оутриѣ днѣ. ѡ тога ѡ вѣщаеши въпросѹ моему“ (рукопись XV в. — Буслаев, Хрестом., 653); „Тогда отъ вѣщаѣтъ (= ἀποκριθήσονται — odpowiedzą) кмоу правдѣнии“ (Остр. ев., 121 б, 122 а, Матфея, XXV, 37, 44), „тогда отъ вѣщаееть имъ“ (ἀποκριθήσεται, odrówie) (ibid., 122 а, Матфея, XXV, 45).

Съ вѣщаѣ. „Аще двѣ отъ васъ съ вѣщаѣте (если два согласятся, συμφωνήσωσιν) на земли о вьсакой вещи. кѣ же колиждо просита (αἰτήσονται, станут просить, попросят). бѣдетъ има отъ отьца монго“ (ibid., 56, Матфея, XVIII, 19).

Вижю. „И створи себѣ кущѣ ѡ сѣдѣше по нею въ сѣни, дондеже видить что бѣде граду“ (Ионы, IV, 5) (ażby ujrzał co by się działo). Так в копии со списка Устрялова, 1047 (Буслаев, Хрестом., 145). В исправленном тексте „дондеже увидить что будетъ граду“; „Азь шедъ, увѣщаю ѡ, не бо рачить видѣти кого ти въ утрѣи днѣ, пришедъши, видиши ѡ“ (= повидеаешься) (XII в., Бодянский, 6); „Въшьдъши въ кдинъ манастырь женъ, и тоу остризисѣ, и тако приходѣши сѣмо. видиши мѣ“ (будешь видеть) (ibid., 6 об.).

Ямъ. „аще ѡдѣи ѡстѣ ѡ масъ въ днѣ третий, не бѣдеѣ требно... дша же аще ѡстѣ ѡ нихъ приметъ грѣхъ“ (Левит, 7, 18) (в исправленном тексте: „аще ядѣи снѣстѣ“; „душа ѡже аще снѣстѣ“; „и дша ѡ аще присажетъ ко все“ дши нечистѣ... и ѡстѣ маса ѡ требы сѣа ѡ ѡ гѣа, погѣбитсѣ...“ (ibid., 21), в исправленном „душа, ѡже аще прикасаетсѣ всякой вещи нечистѣи... и снѣстѣ — погѣбнетъ“ (Буслаев, Хрестом., 148).

Разумѣю. „Прѣмудрость худогъ разумѣеть пути ихъ“ (Притчи Солом., 14, 8) (XV в., Буслаев, Хрестом., 151); в исправленном тексте: „премудрость коварныхъ уразумѣеть пути ихъ“.

Срамлю сѣ. „Разумѣю ѡко не срамлю себе“ (Исаии, 50, 7, Библия 1449 г. — Буслаев, Хрестом., 175). В исправленном тексте „ѡко не постыждусѣ“= wiem że rohańbionу nie będę.

Врѣждѣ. „Се гѣ помагаетъ мнѣ, кто вредить ма“ (Исаии, 50, 9, Библия 1429 г. — Буслаев, Хрестом., 175). В исправленном тексте: „Се гдѣ поможетъ ми; кто озлобитъ ма“ (= Oto pan pomagać mi będzie, któz jest, собу миѣ potępić).

Мню. В переводе „Слова о правилахъ веры Дамаскина“ Иоанна экзарха „Да кто ее правосудьства, или премудраго промысла дѣло, добрѣ смысла, мьнить?“ (ἐπιλόγει) (у Епифания Славинецкого и Амвросия — „возмнить“) (Калайдович, 46) [= кто при здоровом уме подумает (кто by pomyslić), что это есть дело правосудия и мудрого промысла?].

Вѣнчаю. „Аще бо душа едина благовольными трудами страстова (в переводе Амвросия: «в подвигахъ добродѣтельныхъ претерпѣ»), едина вѣнчаеетьсѣ“ (στεφανωθήσεται; у Епифания и Амвросия „увѣнчаеетьсѣ“) (ibid., 46).

Слышу. „Слышѣтъ (ἀκούσονται, услышат) бо... иже в жюпилицѣихъ (во гробѣхъ)... и изидуть“... (ibid., 50); „Аще что слышиши ѡ црѣ. ѡли видѣши в дому его. да съгниѣтъ въ срѣи твоѣмъ... аще что слышиши. не повѣдай никомѣ. аще что оузрыши не ѡбавлай“ (XV в., Буслаев, Хрестом., 645).

Притаю. „Аще добрѣ приѣте князю вашему ѡ ѡбѣтѣть земля ваша и плодъ добрѣ ѡбвѣмлетѣ“ (Златая цепь, XIV в. — Буслаев, Хрестом., 477).

Учу. „Сѣѡ, ѣгда вода потечеть. или птица ѡпаты полети. или синечь (= арапъ) или срачининъ. ѡблѣветъ. ли желць. акі прѣсныи мѣ оусладѣветъ. тогда безумный оумъ ѡчитса“ (XV в., Буслаев, Хрестом., 650).

„И положѣ грады ваша поусты и опустѣ стаѣ ваша и не обояѣ воѣа трѣбѣ вашихъ“ (Изборн. 1073 г., 103).

Творю. „Аще ли сего не твориши (не пострижешься), то истину ты глѡ. к томуо лица мого не имаша видѣти“ (XII в., Бодянский, 6 об.).

Държжса. „Или бо единого възненавидить. а другааго възлюбить или единого дръжитьса а о друзѣмъ небрѣщи вѣчнеть“ (Остр. ев., 111 г, Луки, 16, 13).

Пиѣж. „Всѣгѣкъ пиѣи отъ воды сеѣа. вѣжаждеть са паки. а иже пиеть отъ воды ѣже азъ дамъ ѣму. не имать вѣжадати са въ вѣкъ“ (ibid., 30 в, Иоанна, 4, 14).

Виждѣ. „Аще знамений и чоудесь не видите, не имате вѣры ѣати“ (ibid., 18 г, Иоанна, 4, 48) (= jeźli nie ujrzycie, nie uwierzycie).

Зобѣж. „Въ истинѣ аще сице зобеть. ѣѣ трѣбѣ да продаѣ что (= если так будет есть, то нам с тобою нечего продавать). понеже бо и виждѣ оуже изобалѣ ѣ вѣдро сочива“ (список XIV в. — Срезневский, 121. „Ѥко жилѣ ѣси на свои земли, такожде... и оу мене живеша, и створѣ та единого отъ болѣрѣ своихъ“ (Supr., 44, 18). „Что мыслиши, Варахисиѣ; ѣѣреша ли и поклониха са слънцоу и огню и водѣ, ѣкоже послѣшавѣ поклониха са и братѣ твои Ѥвна, или приимеша ранѣ на тѣлеси своимъ; отѣвѣштаѣ же... Варахисиѣнѣ рече им. ѣко же и Ѥвна поклониха са, ѣмоуже поклониха са, то и азъ паче поклонѣ са, славословѣѣ и вѣзношѣ и“ (ibid., 191, 18). „Аште ли облвнимъ са, и праздни ходимъ сѣде, то никтоже насѣ не помилуѣтъ тамо, аште и много плачемъ са за грѣхы“ (ibid., 280, 10).

Правлю. „Поидѣта къ Городцю, да поправимъ сего зла, еже ся створи се въ Руськѣи земли и въ насѣ въ братѣи, оже вверже въ ны ножѣ; да аще сего не правимъ (не поправим, Erben, — не parvavime), то большее зло встанеть въ насѣ“ (Лаврент. лет., 111, 25); „Оже родится тяжа... то... жаловати: оже не правятъ, то... взяти свое у гости“ (Акты р.-лив., № 1, 1184—1199 гг.).

Мѣщю. „А любо соромъ сложи и земли своей мѣщю (отомщу за), любо честь свою налѣзу, паки ли а голову свою сложи“ (Ипат. лет., 42, 11); „оже буду живѣ, то любо свою голову сложи, любо себе мѣщю“ (ibid., 72, 5); „ѣко (= когда) Давыда иму, а Рюрика выжену изѣ землѣ, и прииму единѣ власть Рускую и сѣ братьею, и тогда мѣщю сѣ Всеволоду обиды своѣ“ (ibid., 122, 30); „возьму землю Лядскую, и мѣщю (Erben — romstim) Руськую землю“ (Лаврент. лет., 113, 12).

Сбираю. — „Николиже помышляю на страну вашу, ни собираю вои (= не буду собирать. Erben — ani sbirati budu), ни языка [ни] иного приведу на страну вашу“ (Лаврент. лет., 31, 11).

Гнѣваю сѣ. „Усрѣтоша... мя слы отъ братьѣ моя на Волзѣ, рѣша: „потснисѣ къ намѣ да выженемъ Ростиславича“... и рѣхъ: „аще вы сѣ и гнѣваете (= будете гневаться), не могу вы ѣйти, ни креста переступити“ (ibid., 100, 17).

Вѣруѣж. „Аште земьна рѣхъ вамъ и не вѣроуѣте. како аште рекѣ вамъ нѣсѣнаа вѣроуѣте“ (= поверите — πιστεύετε) (Остр. ев., 85 б, в, Иоанна, III, 12; в исправленном тексте увѣруете); „Покажи оубо намъ нонѣ ѣдно знаменѣ, и вѣроуѣмъ ѣмоу и тебѣ“ (Supr., 22, 14).

„Отѣженѣмъ и отъ прѣдѣлѣ сихъ, аште ли (= в противном случае), всѣа люди привлѣчетъ къ себѣ, и вѣруѣтъ къ рождышоуоумоу са отъ Мариа“ (ibid., 158, 15).

Вожю, имѣю, даю. „Ажь ми ся уже молить и каеться о своей винѣ всей, то язъ его прїиму (будущее) и ко кресту вожаю, и надѣлокъ ему даю; даже въ томъ устоять, и отцемъ мя имѣти почнете во правду и добра моего хотѣти, то язъ и сыномъ имѣю собѣ, княже и первое имѣлъ есмь его и добра ему хотѣлъ“ (Ипат. лет., 146, 16 сл.). Здесь вожаю, даю, имѣю употреблены о событияхъ будущихъ, но имеютъ ли эти формы настоящего времени и значение настоящего, т. е. представляет ли самъ говорящий будущее настоящимъ, или же онъ употребляетъ только формы настоящего, придавая уже имъ значение будущего? Въ последнемъ случае, почему онъ не употребилъ формъ ве ду (въ значении приведу, какъ часто иду вместо пойду) дамъ? Относительно вожаю заметимъ, что водити есть чуть ли не единственная форма, употребительная о крестоприводствѣ. Ср. Ипат. лет., „води и кресту“ [ibid., 146, 20 (привел), 39 и др.]; „посадиша Ярослава и водиша (=привели) и къ кресту“ (Новгор. I лет., 62, 22) и др. Вести въ этомъ смысле не встречается, или, по крайней мерѣ, очень редко. Стало бытъ вожаю могло бытъ употреблено въ значении будущего. Имѣю можетъ имѣть значение будущего, судя по тому, что имѣетъ же такое значение не только вспомогательное иму, но и вспомогательное имаамъ, польское ма а, украинское ма ю. Но трудно допустить, чтобы даю употреблено было въ значении будущего. Такъ, и въ следующемъ формы выдаемъ, выдаваемъ считая за настоящіе и по значению, хотя употреблены они о событияхъ будущихъ: „тобѣ ся, княже, кланяемъ и брати Новгородцемъ, на путь не идемъ (въ походъ не идемъ, не пойдемъ), а брати свои не выдаемъ“ (ibid., 43, 20); „и присла князь Михайло къ Новгородцемъ въ Торжекъ: «выдайте ми князя Аѳанасья и Ѳедора Ржевскаго, а язъ съ вами миръ докончаю». И рекоша Новгородцы: «не выдаемъ Аѳанасья, но измремъ вси честно за святую Софью»“ (ibid., 71, 17); „княже, кланяемъ ти ся, а брати свои не выдаваемъ“ (ibid., 41, 34); „выдай, кого ти хотять; аще ли, то предаемъ ся“ (Лаврент. лет., 114, 5) (=передаемъ, хотя Erben переводитъ se vzdame — предадимся, сдадимся).

Вообще не подлежитъ сомнению, что какъ старинный языкъ, такъ и современный можетъ употреблять настоящую форму о будущемъ, не только придавая ей значение будущего, но и оставляя за нею значение настоящего: „завтра едемъ“; „побѣда ны есть на Угры заутра“ (ibid., 115, 10) (Erben — zvitězime — победимъ). См. выше подъ лѣзу, иду, ѣду.

Настоящее въ смысле будущего „Ты на стретушку пойдешъ къ нимъ поскорешенько, Ты закинешъ речъ, горюша, умильнешеньку, Ты челомъ да бьешъ, горюша, низко кланяешься: Да вы здравствуйте удалы добры молодцы“ (Барсов, 208); „Тутъ боялася побѣднушка, полѣхалась, Какъ прииде становой да все начальничек, Онъ куды кладетъ побѣдную головушку; Меня сошлютъ со родимой, може, родинки“ (ibid., 261); „Дѣ бо рече мру вину мѣдріе будѣ а безумнаго

аще и кнѣтъ бьеши, розвѣза на санѣ, не ѡимѣши безумнаго егѣ кажа безумнаго прїимѣши себѣ досаженіе, посреди сонмишь срамъ лѣтъ тѣ“ (Моление, 113); „Оумнѣ мѣжю рѣши слово. и поболитъ срдцемъ. а безумнаго аще кнѣтомъ бьеши и не вложиши вонь оума“ (XV в., Буслаяв, Хрестом., 647); „Изъ-за дверей да разговорунки держу; Сговорю да светомъ братцамъ богоданнымъ: Скоро-ль идете за столъ да хлеба кушать!“ (Барсов, 41); „Лучше день лежимъ, родитель, не едаютца... не пиваютца, Не пойдемъ мы рожоны твои детушки, Да мы по миру не йдемъ по крещеному“ (ibid., 157); „Я куда съ горя деваюся, Деваюся до сопе-чалушки потеряюся... А я пойду съ горя, да во темны леса“ (Тр.

Этнограф. отд., V, 2, 115); „Станьмо тутечка подождімо, поки сонце обітріє, Чи не прибуде ик нам наш піщій-піхотинець. Тоді на його велике усердие маю. Усю добич скидаю, Його пішого, міждо коні хватаю“ (Кулиш, I, 40).

„Месяцю, брате, почекай мене!
— Я не чекаю, часу не маю;
Бо іду в посли вѳт господа бога“.

(Головацкий, II, 165, 6.)

Исключив эти случаи, а также случаи как борюся, ѳжду и т. п., в коих при форме настоящего могут подразумеваться поставленные за несколько слов выше частицы да, ать, в силу коих настоящее время получает значение optativi, permissivi, мы замечаем следующее.

Настоящие формы глаголов несовершенных в современном языке, в Остромировом евангелии и в русских летописях в одних случаях передаются современным будущим совершенным, в других — несовершенным, в третьих могут быть переведены и тем и другим. То же заключение может быть выведено и из слов проф. Буслаева, который переводит так: „поашеть и ведѣть (вм. опояшет и поведет, или будет водить)“, „вечерлю (вм. повечеряю, или будет вечерять)“ (Буслаев, Граммат., II, § 183, примеч. 1).

Спрашивается: были ли и в древнем русском языке несовершенными те глаголы, которые несовершенны в современном? Основываясь пока на одном значении настоящего времени (о других формах — ниже), отвечаю отрицательно. Чтоб быть несовершенным в современном значении, они должны были иметь при себе глаголы совершенные, но они их не имели. Если, как надеюсь, заключение верно, то из него следует, что строй современного языка в том отличен от строя, с коим согласны приведенные явления старинного языка, что в теперешнем славянском наречии будущее несовершенное может быть выражено только описательно формою, между тем как форма простая (предложная или беспредложная), кроме настоящего, может обозначать только будущее совершенное. Таким образом, одному древнему прошж будет соответствовать в современном языке: а) настоящее прошу, б) будущее совершенного глагола попрошу, в) будущее несовершенного буду просить. Оставляем в стороне первое значение, свойственное всем арийским языкам. Второе значение имеет несогласное с нынешним языком, совершенно согласно с многочисленными в старославянском и древнерусском случаями, употребление беспредложных повелительных аористов и причастных форм там, где теперь стоят предложные совершенные формы. Явления эти объясняются таким состоянием языка, при котором различие глаголов совершенных и несовершенных если еще не появлялось или хотя уже и началось, но не коснулось еще всей массы глаголов: прошу, проси (аорист), просил, просити, хотя переводятся в известных случаях современными попрошу, попросил, попросить, но не выражают этих последних.

Таким же образом объясняется и значение в) прошж, буду просить. Это прошу не выражает ни нашего попрошу (будущее совершенное), ни нашего буду просить; оно есть только не выражающее категории совершенности или несовершенности будущее, обозначенное настоящим.

Шлейхер в статье „Das futurum im deutschen und slavischen“ (Schleicher, 187 сл.) справедливо замечает, что в старославянском (мы прибавим: и древнерусском) различие глаголов совершенных и несовершенных еще только возникает (ist noch im werden) и

далеко не так развито, как в позднейших наречиях. Заметим, что и в современных наречиях оно резко и характеристично сравнительно с другими языками, но вовсе не проведено до конца, что явствует из многих случаев, когда это различие ничем не выразилось формально и когда один и тот же глагол, смотря по смыслу, является то совершенным, то несовершенным. Современные наречия только в том пошли дальше древнего языка, образцы коего в Остромировом евангелии и старорусских памятниках, что в современном глаголе в одном данном случае непременно должен быть совершенным или несовершенным, а ни тем, ни другим быть не может, хотя бы в нем категории совершенности и несовершенности формально не были выражены.

Но нельзя принять без поправок того, что он приводит в доказательство неразвитости этих категорий в старом языке, именно, что в нем: а) „формы настоящего времени глаголов совершенных еще нередко означали настоящее время и, наоборот, б) формы настоящего времени глаголов несовершенных означали будущее“ (ibid., 191). Что до п. а), то немыслимо, чтобы глагол, ставший совершенным, мог выражать формою настоящего времени настоящее, а не будущее; если ж изъгонѣть есть и по значению настоящее, то это значит, что глагол изгонити, ставший впоследствии совершенным, еще не был им. Относительно п. б) следует, как мы видели, обратить внимание на употребление форм настоящего времени в значении современного будущего несовершенного и современного будущего совершенного, свидетельствующее о безразличии в данном случае категорий совершенности и несовершенности. Если дръжитъся (Остр. ев., Марка, XI, 24) переведем через „будет держаться“, а вѣруете (ibid., Иоанна, III, 12) через у вѣруете, то это значит не то, что в старославянском дръжати́ся был глаголом несовершенным, а вѣровати — совершенным, а то, что ни совершенность, ни несовершенность этими глаголами не выражалась. Впрочем, Шлейхер и не думает, что веровати был глагол совершенный; напротив, он утверждает, что этот глагол уже по своей форме есть „несовершенный“, а между тем означает „будущее“ (Schleicher, 192), что опять-таки ошибочно, потому что форма тут не при чем. Какое же формальное различие между вѣрую (глагол в современном русском несовершенный) и дарую; а между тем дарую в современном наречии русском, польском, чешском есть не только глагол несовершенный (= дарить), но и совершенный (подарить, простить: польское *niech ci daruję* = чешское *pech ti darujě* = пусть простит; даровал мне разум = дал, подарил, а не давал, дарил). Подобным образом о послушати́ в значении будущего (Остр. ев., Матфея, XVIII, 15, 16, 17) Шлейхер говорит, что оно по правилу должно бы быть глаголом несовершенным, стало быть иметь значение настоящего, как в Остромировом евангелии, от Иоанна, VIII, 17. Это правило, в противоположность правилу о вѣровати (см. выше), выведено не из современных наречий [из коих в русском слушать (украинском *послухати*, польском *posłuchać*) есть глагол решительно совершенный, между тем как в чешском *poslouchati* еще может быть несовершенным (*plně a bedlivě poslouchati* — слушать) и совмещает в одной форме значение украинского „послухати“ (совершенный) и „послухати“ (несовершенный = слушать)], а из половины данных, замеченных в Остромировом евангелии. Весьма поучительны эти противоречия, находимые Шлейхером, между тем, как должно быть по правилу, и тем, как есть [Некрасов, если б знал это, сказал бы — для русского (resp. славянского) языка нет правила].

Еще один пример. Шлейхер про глаголы, ныне совершенные, имеющие в Остромировом евангелии в форме настоящего времени значе-

ние настоящего („погыбнемъ“ — Луки, VIII, 24, „отрѣшить“ — Луки, XIII, 15, и т. п.), говорит, что они имеют в повелительной форме значение настоящего, несмотря на то, что по форме они должны бы быть решительно совершенными (Schleicher, 193). То-то и дело, что они не были тогда совершенными. Эти противоречия неизбежны, как скоро упустишь из виду ошибочность современной точки зрения в применении к прошедшему.

По отношению к замене будущего времени Шлейхер находит почти полное соответствие между славянским, с одной стороны, и готским, древне- и средне-верхненемецким — с другой: „И славянский и немецкий язык потеряли форму будущего времени; и тот и другой заменяют ее [кроме сходных описаний, тождественных с имѣти, начати, хотѣти, и неопределенным в славянском и с haban, duginnap, skulap (sollen) и неопределенным в готском] преимущественно настоящим глаголов совершенных. В готском [и в древне- и средне-верхненемецком], как и в старославянском, уже различаются глаголы несовершенные и совершенные, но в готском это различие не так явственно выступает наружу, как в старославянском, который в свою очередь еще не достигает той строгости в разграничении этих разрядов, какая видна в других славянских наречиях“ (Schleicher, 197).

В готском, древне- и средне-верхненемецком глагол, как замечают, становится совершенным (т. е. настоящее его становится будущим, прошедшее — прошедшим совершенным) или в силу своего значения (как готское gibith — даст, *δῶσει*) или в силу влияния предлога, преимущественно предлога да, средне-верхненемецкое ge, некогда означавшего съ (вместе), но уже в готском до такой степени потерявшего свое основное значение, что весьма часто он только придает глаголу значение совершенности, не сообщая никакого пространственного оттенка.

„Различие глаголов совершенных и несовершенных стало явственнее в силу потери формы будущего времени (которая, по вероятному предположению Шлейхера, была и в германских незадолго до составления первых готских и древне-верхненемецких письменных памятников). Затем: в ново-верхненемецком стали преобладать описательные формы (будущего) и вместе с тем почти совершенно исчезло различие глаголов совершенных и несовершенных, между тем как славянские наречия пошли по иному пути: они описывают только будущее глаголов несовершенных посредством буду (etc.) и таким образом достигают все более и более резкого разграничения обоих разрядов“ (Schleicher, 197).

Совершенство и несовершенство глаголов в готском и древне- и средне-верхненемецком (см. Martens, 31 сл., 321 сл.) и исчезновение этих категорий в позднейшем немецком языке — вопрос, как мне кажется, далеко не доведенный до надлежащей ясности. Не признавая себя здесь компетентным, позволю себе, однако, заметить следующее. Шлейхер, повидимому, находит причинную связь между появлением совершенных глаголов и выражением будущего времени посредством формы настоящего. Но, во-первых, в немецком нет глаголов совершенных, а между тем будущее выражается настоящим.

Вот несколько примеров из литовских песен в переводе Нессельмана: „O ką mes ten veiksim?“ (а что мы там будем делать?). — „Miestą mums pakursim“ (построим себе город — bauen uns eine Stadt). „O ką mes ten gersim?“ (Und was trinken wir da?) (Nesselman, № 10).

„Бонякъ... повѣда Давыдова, яко «обѣда ны есть на Угры заутра» (Лаврент. лг., 115); „прокляша, иже ся не поклонять иконамъ“ (здесь может быть будущее, но вероятнее настоящее — „kteĩ se ne klani“).

„Не премай же ученья отъ Латынь, ихъ же ученье развъращено: влѣзше бо въ церковь не поклонятся иконамъ (ne kláni se), но стоя поклониться (poklopí se)“ (ibid., 49).

Буду. В „Слове о правой вере“ Дамаскина по переводу Иоанна экзарха: „[Река Океан] пивъноу [«добру пути»] и сладъкоу водѣ имоуши. та подаеть моремъ водоу. ꙗже в морихъ мудраши [по новому переводу «косня»] и стоящи непостоупна [недвижна]. горька боудеть [γίνεται, становится]; но по переводу Епифанія Славинецкога и Амвросія — бываеть] слѣцю присно тьньчѣ [тончайшее] снимающею. и съмърьчемы [читай съмърьчемъ]. имижѣ [читай, как и в другом месте, «имъже»]; в переводе Епифанія и Амвросія согласно с подлинником: отуду, откуду] и облаци сѣ съставляють. и дъждеве бывають (γίνονται; здесь и мы можем оставить «бывают») цѣжденьемъ слядѣщиисѣ водѣ“ (Богословие, 154); там же γίνεται переводится и бывает: „противу же творитву (πρός τήν ποιότητα «по качеству»; переводчик смешал с ποιέω) земьному источникъ (родительный множественного) вода бываеть“ (Калайдович, 43).

„Написашесе сѣ книги. . . рукою граматика Θεοδωρα; а повельниѣмъ. . . Даментиѣна Кромона, боудуща тьгда Духовника всего братства Хиландарскыѣ Лавры“ [Послесловие переписчика „Шестоднева“, 1263 г. (сербское) — Калайдович, 164]; далее (ibid.) „не имъниѣ рѣ сего свѣта нѣ мѣоти рѣ бжѣиѣ и ѡного свѣта некончаѣмаго, и боудѣщих рѣ блѣтъ“ (ibid., 146).

Буду. Иногда не ясно: настоящее или будущее. Действия обычные. „Ѳгда бо на вѣсточнѣмъ прѣдѣлѣ боудеть слѣце ти подземный полъ миновуѣ. ꙗбо дѣѣ створить. тьгда бо всѣ землю ѡсвѣтитъ, подѣ нѣосмъ свѣими лочами прѣсийѣзъ. Ѳгда ли пакѣ доидеть западнаго прѣдѣла. ти подѣдетъ подѣ земный полъ нѣсе и скрѣтъсе. то ноцѣ творить. свой свѣтъ скрѣвъ. тьма бо боудеть. где свѣтъ нѣ боудеть бо всѣ тьгда надѣ землею вѣзоухъ тьмьнѣ и бесвѣта, ѡ земле бо боудеть стѣнѣ“ (Шестоднев, 20); „И Ѳгда съврати ѡлнечный прилоучаѣсе. то ѡвогда ноцѣ. ѡвогда дѣѣ вещей боудеть. нѣ ѡбаче ѡбою тою мьгость бы вѣтъ въ кѣ. часъ“ (ibid., 27, 3); „[Морская вода] коудима же задниймъ вѣтромъ. сквозѣ лоукиѣ ты жили. и вонѣ идриваѣма. и истричеть. расадиши или землю или камень. ти боудеть сладка и вѣчениѣмъ тьмь. горести гонѣши. . . [всда] тѣѡже виноу женома и възгорѣвши се, топла боудеть. многажѣ и врещи. ꙗко же ѣ видѣти въ ѡстроуѣхъ. . . и подлѣгъ морѣ бываѡтъ. бываѡтъ же и свѣне морѣ и земле истрѣзающе топлице“ (ibid., 90); „Влага же та възнесена на високаа мѣста. таче ѡстѣжена. . . дождь боудеть. и грѣдетъ на землю“ (ibid., 91); „Ѳгда се лоуна ѡградить и слѣцю же Ѳгда глѣмий тоцѣ описанѣ боудеть (= оуть). или воды въздоушныѣ. множество. или вѣтрѣ боурьныхъ вѣаниѣ знаменуѡтъ, или юже именуѡтъ антилиѡ. ꙗже се рекоуть намѣстий слънчънѣѣ. Ѳгда текоуть съ слънчънымъ шьстиѣмъ. то метежа нѣкакого въздоушнаго знамниѣ боудоуть (конкретный). ꙗко же ѡбо и ра[доу]доужныѣмъ лицемъ бѣваѡтъ (многократный) и простѣ се простроуть ѡ ѡблѣкъ. и влѣюще ли дъжде или боуре“ (ibid., 138); „Зима бо бѣдетъ (на северном полушарии) по южьскыѣмъ странамъ слѣцю ходещю. и многонощный стѣнѣ по нашимъ мѣстомъ бѣваѣтъ“ (ibid., 143).

Буду. „Ѳгда бо ѣ (лоуна) оубѣваѣтъ. то рѣдка боудоуть и тьща [телеса на земля]. Ѳгда ли растеть. . . то и та пакѣ испльнѣтъ се“ (Шестоднев, 147); „мѣлѣдко ѣсть съверьскоѣ море. и оудобѣ вѣтромъ моутити ѣ. за изъ дна ѣ. могоуть оудобѣ възмоутити боурниѣ вѣтри.

ѣко же ѣ подънни [sic!] пѣскъ съ вълнами расмѣсити. нѣ ѣ стодено боудеть (становится) въ зимныѣ годѣи. многѣми ѣ великѣми рѣками. ѣспльнѣю се“ (ibid., 169 об.); „Ѣхидна змиѣ... съходитъ се съ морьскою мѣреною... ѣ зоветъ мѣрену ѣс' глоубинѣи... ѣна же послоушаѣтъ. ѣ боудеть съ ѣдовѣтѣмъ тѣмъ гадомъ“ (ibid., 171).

„Буди ѣноша. желаѣ женитвѣи. прѣвоѣ боудеть ѣбѣщаннѣкъ. таче зеть“ (ibid., 182 об.); „Чоувство есть ѣсплзание, еже есть ѣбѣще живота всего. иже боудуть отъ мождень. жиламъ съходящамъ по всемоу тѣлоу“ (Богословие, 193); „Промысломъ иной раз] пакѣи попоущень боудеть кто страстовати. на рѣвнованиѣ иномоу. да славъ стражоущаго възвеличывшиса бѣзъ лѣности. страсть инѣмъ боудеть надежда грядоуща славы. възхотѣниемъ придоущаго добра. яко же и примоу чѣхъ“ (ibid., 211—212).

Чати. „Обыште бо цѣсарьствикъ, а не ввнѣ тоажде чѣсти сынови слово причаштаемо кѣтъ, не бо ни начѣномо ни прибываѣште или оухоудѣѣште“ (Supr., 241, 12) [начѣномъ = ἀρχαίμενος (Miklosich, Lexicon, s. v.)].

Стърѣ. „Око убо вида или дѣбъ цѣвтѣчанъ или источникъ силно текѣтъ, тѣмъ видѣниимъ тамо са вѣлчеть, и срьдѣчнѣи оумъ прѣврѣштааѣ тамо. такожде и оухо, слыша словеса дѣванѣи и повѣсти къ тѣмъ мыслѣ си прострѣтъ“ (Supr., 253, 8).

Рѣяти. „И ныниа по что сьнидохомы са всѣи, слышатъ нѣчто о кръстѣ, и наплънѣемъ црѣкве, и дроугъ дроуга порѣкъ поташте са, троуждаѣште са“ (ibid., 393, 11). „Врѣя (причастие настоящего) человекъ въ сѣтъ, самъ увязнетъ, врѣя человекъ въ судъ, неоскудѣтъ судъ его во вѣки, и окоруя и презря лице человекъ, окоруеть и презритъ лице господине“ (Кормчая, 1620); „Демони възвышаѣтъ бо са ѣко горы, ни зѣ рѣжътъ же ѣко полѣ просмраждени, ѣко же кѣтъ пѣано глѣтъ же ѣ вѣлѣи морьскыѣ“. [Это — толкование к „въсходатъ горы и низъходатъ полѣа“ (Буслаев, Хрестом., 31).] Это — глаголъ среднѣи и к нему неприменимо объяснение — deicere, humiliare (Miklosich, Lexicon, s. v. низришти).

Могу. „Блаженъ иже судитъ судъ праведный и сиротѣ и вдовици и всемоу обидимому поможетъ“ (Кормчая, 1620).

Съберѣ. „Аще кто въ мнѣ не прѣбѣдетъ. изврѣжетъ са вѣнъ. ѣко же розга ѣсъшетъ. ѣ съберѣтъ (Остр. ев., 168 в; събѣражътъ = συνάγουσαν) ѣ ѣ въ ѣгнь вѣлагажътъ (Остр. ев. — вѣмѣтажътъ) ѣ съгораѣтъ“ (Саввина книга, 4, Иоанна, 156; Срезневский).

Веречи (старославянское врѣшти), вѣргу. „Не ѣверзи сѣда моѣго“ (Иова, 40, 3) (в исправленном „не отвергаѣ“) — (Библия 1499 г. — Буслаев, Хрестом., 171). „Сварилася пшениченька з конопелькомъ на полѣнае. тебе за плотъ вергуть, а з мене коравая плещуть“ (Тернополь, Головацкѣи, II, 638) „[Рыба пожираетъ рыбу, человек — человека.] нѣ блюди се ѣда тебе такоѣ конѣчина дойдеть. ѣкоже ѣ рыбы. нѣ оудица прѣлѣстию за лалокоу ѣмоуши. нѣ ѣмѣтъ ѣбрѣгоуши. нѣ мрѣжа“ (Шестоднев, 167).

Власти, владѣ. „Да ѣмиже ты съвладѣши (того, чем ты владеешь, чем ты в состоянии управлять, т. е. нравственныхъ движений, подчинимыхъ воле), то тѣхъ начела не ѣщи ѣиноудѣ ни ѣкоудоуже (кроме своей воли), нѣ знаѣ истовоѣ зло ѣ ѣпадениѣа начело вземъ“ (Шестоднев — Калайдович, 160).

Чѣсти (чисти), чѣтѣ. „Сего ради неявленное вѣчтѣтся съ изложенимъ“ [= поэтому неопределенное причисляется (причитается) к наклонениям] (XVI в., Калайдович, 170). „Иные чтутъ одну фортуна“ (Державин, I, 19) („чтять“ было у Державина, „чтутъ“ поставилъ Дмитриев).

Бости. „Biada temu domowi, gdzie krowa dogrozie wołowi“ (XVII в.) (= dopada wołowi).

Грѣти, грѣю (с предлогом несовершенного вида). „Тартаръ не съгрѣемъй“ (= несогреваемый) (Калайдович, Памятники, 130).

Спѣти, спѣю. Успею — теперь глагол совершенный (при несовершенном „успеваю“); в старинном языке — несовершенный. „Видѣвъ же Пилать. тако ничьсо же оуспѣють (ὄφελσι). нъ паче мѣтежь бывають... оумы рѣцѣ“ (Остр. ев., 186 г, Матфея, XXVII, 24). Чешская Библия 1529 г.: „A wida Pilát žeby nicz ne prospěl, ale žeby wijce rozbroy byl, umyl jest ruce“.

Могж с въз есть несовершенный. „Межи вами и нами пропасть велика оутвердиса, тако да хотѣши минути, ѿсоудоу къ вамъ. не възмагать“ (Ев. 1307 г. — Буслаев, Хрестом., 107): „...не възмогъть“ (Остр. ев., 97 б, Луки, XVI, 26). Чешская Библия 1529 г.: „mezu nami a wami cýt veliký utwrzen gest, že ti kteryž chtej odsud k wám gjiti ne mohú“.

Подобным образом в литовском, латышском, по Шлейхеру и Биленштейну, предлог нередко сообщает глаголу значение совершенности. При этом Шлейхер для славянского читателя замечает, что и такие совершенные глаголы имеют настоящее (со значением настоящего) (Grammat. Lesebush, 139). Я полагаю, что славянский читатель с точки зрения своего языка должен считать совершенным только такой глагол, коего настоящая форма постоянно имеет значение будущего, и может себе представить оконченность действия лишь в прошедшем и будущем. Следовательно, то, что названо совершенностью в латышском и литовском, не есть славянская совершенность. Мы не должны обманываться тем, что, например, литовские *pri-si-gérti*, *pri-si-ryti*, *pri-si-suřbti* мы во многих случаях переводим славянскими совершенными: напиться, нахлебаться, нахлестаться, насосаться; латышское *āiz-migt* (литовское *užmigt*) = славянским заснуть; латышские *pū-drzer-tis* — напиться, ибо если настоящее этих глаголов, например, *prisi-gēriū*, значит напиваюсь, то и все остальные формы чужды совершенности и несовершенности в славянском смысле. Так и немецкие *einschlafen*, *aussessen* одинаково означают заснуть и засыпать, съесть и съедать, т. е. собственно не означают ни совершенности, ни несовершенности.

В этом явственно безразличие совершенности и несовершенности. Такое явление невозможно признать новым, потому что оно есть в древнейших памятниках славянской письменности. Следовательно, необходимо значительно ограничить связь между совершенностью — с одной и употреблением настоящего в значении будущего — с другой стороны, как в славянском, так и в готском, древне-верхненемецком и средне-верхненемецком.

При сравнении глаголов, считаемых за совершенные в готском и древненемецком, с соответственными явлениями в славянском, быть может, окажется, что многие из немецких глаголов, несмотря на свою сложность с *ga* и на свое значение будущего в настоящем, вовсе не совершенны. Так, в одном из приводимых Шлейхером примеров: готское *matja jah drigka* (μάτω και πῖω) — „ѡмь и пиѡ“, настоящее *ga matjis jah gadrigkais* (μάτωσαι και πῖωσαι) „ѡси и пиѡши“ (Остр. ев., 115 б, Луки, XVII, 8) есть будущее, но вовсе не совершенное с точки зрения современного языка, на который мы, не отклоняясь от славянского текста, переведем: будешь есть и пить.

Возвращаюсь к славянскому.

Народ, пока жив, беспрестанно переделывает язык, применяя его к изменчивым потребностям своей мысли. Быстрота течения жизни никогда не дает возможности остановиться на известном строе мысли и согласно с ним довести преобразование языка до конца. Если отдельное лицо никогда не достигает полного примирения несогласий между всеми своими мыслями, то тем менее возможна в языке, создаваемом множеством особей, такая стройность, чтобы всякое отдельное явление было согласно со всеми остальными. Так и в рассматриваемом случае. По отношению к замене будущего настоящим в старославянском и древне-верхненемецком мы замечаем два разнохарактерных наклония: а) более древнее, замену будущего настоящим без различия категорий совершенности и несовершенности, б) позднейшее, но долгое время существующее рядом с первым, состоящее в разграничении будущего несовершенного и совершенного и выражение последнего настоящим глаголов совершенных.

При подробном сравнительном пересмотре словарей современных наречий и памятников старинной и народной литературы найдется, без сомнения, много других подобных случаев; но из приведенных примеров можно вывести некоторые заключения о строе языка того времени, когда формы, употребительные теперь только в значении будущего, имели значение настоящего.

Во-первых, о беспредложных: очевидно, что форма паду имела значение только настоящего в то время, когда при ней не стояла форма падаю, т. е. до разграничения глагола первой степени от глагола второй, когда производных глаголов (III, 2, б) (рицати, ричю), (III, 2, г) (дава), V, 4 (отглагольный), VI (отглагольный), служащих ныне для различия степеней длительности; еще вовсе не было, хотя и были их формальные первообразы. Не было также IV — однократных. Вместе с появлением глаголов на -аю (падаю, паду), паду, бывшее до того безразличным по отношению к виду, получило значение конкретного действия (паду теперь, в эту минуту) сравнительно с действием, обнимающим большее протяжение времени (падаю). Однако одним присутствием формы значения падаю, при конкретном паду, нельзя объяснить, почему это паду стало будущим; нужно предположить еще одно изменение в этом конкретном паду, именно сокращение периода, им обозначаемого, по направлению к однократности; нужно допустить в паду три слоя значений: 1) значение древнейшее, безразличное по отношению к виду, 2) конкретно-длительное и 3) менее длительное. Не вижу возможности иначе объяснить совершенного значения глагола паду, как допустивши сближение его по смыслу с однократными. Внесши в глаголы значение оконченности и неоконченности, большей или меньшей длительности и однократности, язык нашел несовместимым значение настоящего времени со значением совершенности и однократности. Можно бы подумать, что сознание этой близости выразилось в переходе некоторых из глаголов беспредложных совершенных в разряд -н- в сербском пасти, паднем, лёи, лёгнем (и лёжем), реи, рекънем (речем), сјести, сједнем (сједем); в польском, однако, этот переход может вовсе не иметь такого смысла, так как класс -н- включает в себе и много конкретно-длительных. Итак, ничто не отвергает предположения, что формы паднем, радпе могли еще с этим именно характером иметь значение настоящего, как польское سیاгне, biegnę.

Однако, допуская некоторое приближение такого глагола, как паду, к однократным, вряд ли следует думать, что оно вполне стало однократным. Если можно сблизить сяду, лягу со стану, то уместно ли

будет такое же сближение с однократными таких глаголов, как *благословлю*, *куплю*. Повидимому, эти последние, ставши совершенными, не перестают быть длительными, подобно предложным поведу, понесу.

В формах *сяду*, *лягу* следует предположить, до решительного их перехода к значению будущего, колебание между настоящим и будущим, как доныне в *женю* и т. п.

В основании этого явления лежит, вероятно, следующий взгляд: грамматическое время есть отношение действия и состояния ко мгновению речи и (так как мысль сознается мыслящими первоначально только в форме речи) сознательной мысли о них. Действие, занимающее одно неделное мгновение или и более продолжительное, но оконченное, не может быть современным акту сознания этого действия. Удар грома поразил мой слух, вошел в мою мысль, но, когда я даю себе отчет в этом, этого удара уже не слышно, и мне остается сказать: гром грянул или, если ожидается другой удар, — грянет. Я могу употребить настоящее время лишь в тех случаях, когда действие представляется настолько продолжительным, что, начавшись до минуты сознания, не прекращается и в течение самого акта речи и сознания: дождь идет (т. е. теперь, когда я думаю об этом). Сказанным объясняется, почему появление видов и, в частности, глаголов кратчайшего действия, повлекло за собою потерю значения настоящего в этих глаголах; что же касается причины, почему настоящее получило значение будущего, то она заключается в сознании сродства этих времен, более древнем, чем выделение славянского языка, так как будущее с основным окончанием *суа-ті* из *ос-уа-ті* (окончания настоящего времени), частью есть во всех индоевропейских языках, частью предполагается ими. Так, в готском и древне-верхненемецком настоящее служит вместе для выражения греческого и латинского будущего; в среднем и ново-верхненемецком тоже употребляется настоящее с наречием, означающим будущее в смысле будущего, а настоящее глагола *werden* уже в очень древнее время получило значение будущего и теперь служит для образования будущего описательного (Grimm, *Grammat.*, 4, 176, 7).

Настоящее без *ать*, *да* в значении повелительного: „Киръ ꙗ́ръ повелѣлъ да до^м бжій създаеца . . . расхѡ же ѿ домѡ црѣва дасться (в исправленном: да дасться). но ꙗ́ съсѡди . . . ꙗ́же Навходоносоръ взаль ѿ цркви въ Іеримѣ . . . въздаютсѧ ꙗ́ внесѡтсѧ (в исправленном: да отдадутся) в црковь“ (Эздры, 6, 5, XV в. — Буслаев, *Хрестом.*, 168); польский язык XVI—XVII вв.: „Ktoby czynił więcej niż przystoi nie chżeby od tego niżej opisany pobor dawał“; „Nie chasz nam będą dane dwa woły“ (Leop. 3 Reg., 18); „Nie chasz oni sobie obiorą jednego, a zrabawszy go, niechaj włożą na drwa“ (Linde).

Настоящее историческое. „Пришел убогий к брату своему. Просит убогий милостынку“ (Калеки, I, 43). Если за настоящим (как — говорит, просит, думает и т. п.), следующим за другим глаголом, следует изложение содержания речи, мысли, просьбы, то это настоящее может опускаться: „Вышел убогий за ворота, Взглянул убогий на небеса: «Сошли, господи, скорую смерть!»“ (ibid., 43).

Опущение глагола. „Е в мене батенько буде прохати, щоб добра доля“ (Метлинский, 145); „Бо я вдома обідала, аби братка одвідала (прийшла), не так, братка, діток твоїх, що не мала зроду своїх“ (ibid., 279—280); „Усе тії, що пити-гуляти, та нікому порадоньки дати; усе тії, що напитися, та нікому зажуритися“ (ibid., 154); „Горілки не вживав, так щоб через край“ (Кв.-Осн., I, 125); „Каб не было (замужем) нашей сястрицы-зневаги, Каб не было: где суседочка-маточка, где поветочка-хаточка“

(Могилевская губ., Сенн. у.) (Шейн, Материалы, II, 351); севернорусское: „Не откиньте-тко вдову вы бесприютную . . . Да вы грубым словечком не обидьте-тось, Да вы болным ударом не ударьте-тось. Как пойдут мои сиротныи к вам и детушки. По вашему крыльцу да по переному. Не заприте-тко новых сеней решетчатых . . .“ (Барсов, 7); „Не заходят к нам добры людюшки, Серой заюшко туды не проскакиват, Малая птичка не залетыват, Извошки к нам не заиживают, Перехожии калеки не прохаживают, От вас грамотки к нам не принашивали“ (ibid., 91); „Лучше день лежим (т. е. будем лежать), родитель, не едаютца [цы. А. П.], Да мы суточки, родитель, не пиваютца, Не пойдём мы рожоны твои детушки, Да мы по миру не йдем по крещеному“ (ibid., 157); „Каб (чтобы) красочка не родзилась, Каб дзевочки не сбирали, Каб вяночкоу не свивали (не вили), На галоуках не носили, Каб и замуж не ходили“ (Шейн, 238); „Не пиваючи“ (Рыбников, III, 108).

Разница — между „ты меня не обмани“ (этот раз) и „Не теряй-ко, девушка, своей красоты, Не расплетывай своей трубочатой косы, Не выплывай ты ленты алая“ (Архангельская губ.) (Тр. Этнограф. отд., V, 2, 52); „Носи, миленький, не уранивай, Люби девушек, не обманывай“ (ibid., 55).

§ 18. Будущее время

Что в славянских языках была особая форма для выражения будущего времени, это выводится с полной достоверностью:

а) из сохранившихся в старом списке перевода сочинений Григория Назиянзина (список XI в.) остатков бывшего причастия будущего времени: бышжштеж (τὸ μέλλον — futurum) и некоторых других, на основании коих предполагается будущее бышж, бышеши, бышетъ, бышева, бышета, бышемъ, бышете, бышжть (Miklosich, III, § 107). „Се запрещенкъмь своимь. йскажж море. и положю рѣкы пѣсты. й йсхнхътъ рыбый. не бышющи водѣ. и оумрѣтъ жажѣю“ (в исправленном тексте „не сущей“) (Исаии, 50, 2, Пророч. с' Упия Лихого — Буслаев, Хрестом., 175).

б) Из совпадения этих форм с живущими донныне в полной силе литовским будущим на *-siu* [по образцу *bú-siu* (= славянскому бы-ша), *búsi* (из *bu-sji*), *bús* (из *búsi*); двойственное 1-е л. *búsiva*, 2-е л. — *búsita*, множественное 1-е л. — *búsime*, 2-е л. — *búsité*], с санскритским будущим на *-sya-mi*, *sya-si* и пр. и соответствующими формами в зенде, греческом (будущее *-σω*), латинском (будущее на *-sco* и устаревшее на *-so*, как *facso* и др.) (см. Ворг, *Grammat.*, II, § 648 сл.).

Что касается до старославянских форм обрѣснж (*tondebo*, *corrumpam*, корень *бри-*), пла-с-нж (*ardebo*, корень *пла-*), въскопыснж (*calcitrabo*, корень *коп-*), тѣкыснж (*tapgam*, корень *тѣк-*), в коих *-с-* принимают за остаток суффикса будущего времени, то будущее значение этих форм, очевидно, зависит не от этого *-с-*, а от глагольного характера *-н-*; значение же суффикса, встречаемого и во многих других глаголах как русских, так и других славянских, подлежит исследованию. Также сомнительное значение суффикса в формах *из-ми-шж* (*tabescam*, предполагаемый корень *ми-*, что в *минжти*; значение будущего, зависимое от предлога, как и в других совершенных глаголах), и в *бѣгастж* (*sic!* а не *бѣга-шаж* — *curso*; см. Miklosich, loc. cit., и Ворг, *Grammat.*, II, § 658).

Потеряв простую форму будущего и тем отклонившись от ближайшего из родственных литовского языка, славянский язык стал выражать будущее формами настоящего глаголов беспредложных и предложных,

а также и описаниями, составленными из вспомогательного хощѣ, начьнѣ, и мамъ, бѣдѣ и неопределенным на -ти. На вопрос же: „имеет ли связь потеря особой формы будущего с появлением категории совершенности и несовершенности“, можно было бы ответить утвердительно лишь в том случае, если б замена особой будущей формы настоящего была признаком появления категории совершенности и несовершенности; но такая замена, как увидим, не есть доказательство существования совершенности в современном смысле. Следовательно, потеря будущего и появление совершенности могут находиться разве в отдаленной посредственной связи, коей необходимости мы не видим.

Современный язык находит сродство в значении формы настоящего и повелительного. Доказательством служит замена недостающих форм повелительного формами настоящего с союзом или без, именно: во всех славянских наречиях в 1-м л. ед. ч., в 3-м л. ед. ч. и в 3-м л. мн. ч. Сверх того, в русском и литовском потеряна повелительная форма 1-го л. мн. ч., сохраненная в украинском: будьмо, несім, летім, робім, поспішаймо, рятуймо.

Особенность старинного русского языка состоит в том, что он легко может в случаях упомянутой замены обходиться без союзов (аъ, да), т. е. формально может вовсе не различать категорий повелительности (resp. — желательности) от изъявительности. Так, например, в 3-м л., в часто повторяющейся формуле духовных грамот, дарственных записей и т. п.: „А кто сю грамоту порушить, судить (= пусть судит) ему богъ“ (1328 г., Собр. гос. грам., I, № 22); „а хто сю мою грамоту порушить, судить ему богъ, а не буди на немъ моего благословенья въ сий вѣкъ, ни въ будущи“ (1423 г., *ibid.*, № 41); „а хто сю грамоту порушить, судить ему богъ, а не буди на немъ... благословения“ (1356 г., *ibid.*, № 26); „а хто сію мою духовную рушить, судится со мною передь богомъ“ (1472 г., *ibid.*, № 96); „Судить ти богъ и святая Софія, яко подумаль еси на свою братію, и станеши съ нами передь богомъ и отвѣтъ дашь за кровь нашу“ (Новгор. I лет., 21, 34). Во всех этих случаях в современном русском следует ожидать оборота „суди ему, тебе бог“, откуда существительное „судибоги“. Так и во многих других случаях: „А отъиметь богъ которого сына исъ сыновъ моихъ, и жена его не пойдетъ за мужъ, а не будетъ у нее детей, и сноха моя сидитъ въ мужа своего удѣль до своего живота... а поминаетъ нашу душу; а дети мои до ее живота въ брата своего удѣль не вступаются“ (1410 г., Собр. гос. грам., № 40); „а мои снохи и мой внукъ темъ монастыремъ... печалуются, а не обидятъ... Язь техъ людей всѣхъ отпустила на слободу... а снохи мои и мой внукъ техъ людей, по моему животу, в холопи не ищутъ“ (1452 г., *ibid.*, № 82); „а оже то, рехъ; яницеъ толчете в зубы до обѣдни, аще и велиции? Еже малымъ, рече, то нѣту бѣды, причащаются“ (XIII в., Калайдович, Памятники, 185). Такие обороты встречаются и в устной словесности: „Спасѣтъ тебя бог, человеце, Что ты мне радости возвѣщаешь“ (Калеки, I, 105).

Как эти примеры, так и употребление в современном языке форм настоящего с союзом в значении повелительном и желательном могут быть объяснены тем состоянием языка, при котором, после потери особой формы будущего (оставшейся в литовском), настоящее, до различия категории совершенности и несовершенности, могло означать и будущее. Форма настоящего переходит к значению повелительному именно как будущая по значению, а не как настоящая в тесном смысле.

§ 19. Времена в древнерусском языке (преходящее и аорист), потерянные в современном языке

Образование преходящего.

а) Если есть разница в строении корня первой и второй темы, то в основании преходящего большею частью лежит корень первой темы, т. е. настоящего времени. Так, в II, 1, б: дад-ѡа-ше (в русских памятниках дад-я-шесть); в II, 1, а: при обрѣсти, обрѣштѣ — обрѣштахъ (Супрасл. рукоп. — Miklosich, III, § 133), с чем ср. в русских памятниках сядяше, ляжаше при сяду — сѣсти, лягу — лечи; в русских памятниках часто будяшетъ (буд-ѡа-ше), изидяшетъ (ид-ѡа-ше); в II, 1, г: пловѡахъ (хотя в сербско-славянском памятнике XV в. встретилось и плу-ахъ, Miklosich, III, § 165), полахъ (ibid., § 165); в II, 2, б: зовѡахъ, женѡахъ, при зѡваахъ (ibid., § 232); в III, 1, б: измеляшетъ — в Жит. Феод., XII в., как и в Супрасл. рукоп. — меляхъ (ibid., § 173); боряхуся (Лаврент. лет., 25, 3).

В глаголах II, 1, б (образецъ жьну, жати) носовые гласные не могли бы стоять перед характером преходящего (-ѡа-) даже и тогда, если образование этого времени от первой темы было непременно правилом. Поэтому жьнѡахъ — жняхъ само по себе не показывает, от какой именно темы оно образовано.

Формы как н а ч а ху (в значении переходящем = начинать; Лаврент. лет., 41, 15) следует считать позднейшими и неправильными; в русском они должны бы быть образованы по образцу начьяху(ть). ВЗ. „вѣдѣху“ (ibid., 25, 3).

б) Присутствие характера первой темы в преходящем видно: в IV, I, где в русских памятниках весьма обыкновенны такие формы, как въстаняше (при ста-ти), примерзняшета (3-е дв. ч.), исчезняху при аористе, примерзохъ и др.; в старославянских памятниках, по замечанию Миклошича (III, § 186), довольно редки формы, как останѡахѣ (Супрасл. рукоп.); но других, образованных от темы без характера -н-, подобно аористу, не бывает. Напротив, в глаголах III, 2, б (пишу, писати), III, 2, а (ковати, кую), VI, а ($\frac{-у-, -ю-}{-ова-, -ева-}$), образование преходящего от темы настоящего, например плютахъ (ibid., § 237), пишахъ (ibid., § 296), красуахъ (ibid., § 241), составляет исключение и встречается большею частью только в более новых памятниках. По правилу — плѡваахъ и пр. В русских памятниках — засыпашеть (при сыпю), глаголаше, помазаше, прислаше, выѡаше, бесѡдоваше, избесѡдоваше.

В старославянском горѡахъ и тому подобные глаголы $\frac{-и-}{-ѣ-}$ образованы от второй темы горѡѣ-; от первой было бы горѡахъ. При стяжении ѡа в ѡа, свойственном русским памятникам, выйдет горѡахъ в коем уже нельзя распознать, от какой темы оно образовано.

В преходящем глаголов $\frac{-и-}{-ѣ-}$ вѣд-ѡахъ, ид-ѡахъ видим гласный характер преходящего во всей своей чистоте, так как тема этих глаголов не заключает в себе никакой гласной приставки к корню.

Сравнивая с этим вѣдѡахъ — ста-нѡахъ, мы видим, что если эта форма образована и от первой темы, то тематическое -е = основному а не повлияло заметным образом на характер преходящего и как бы опущено. В печаахъ¹ точно так же -ѡа- непосредственно примыкает к конечной гортанной корня и, смягчая ее, само изменяется в а, как в мълчати, бѣжати, слышати. В битяхъ j, изменяющее ѣ в ѡа, как

¹ В Лаврент. лет. „жежаху“ (19, 9), „не можаше“ (25, 4).

в боятися, развилось бы и при образовании преходящего не от темы *би-к*, а от корня *би-*. В *люблѣахъ*, если рассматривать эту форму при помощи одного славянского языка, *ѣа* представляется происшедшим из *ѣа* под влиянием *j*, происшедшего из характера *-и-*, общего для обеих тем. В *желѣахъ* ($\begin{smallmatrix} -\bar{b}e- \\ -\bar{b}- \end{smallmatrix}$); *горѣахъ*, не вдаваясь в изыскания о происхождении и лишь сравнивая эти формы с аористом *желѣхъ*, *горѣхъ*, за гласную характеристику преходящего можем принять одно *а*. Так и в преходящих от глаголов с характером второй темы *-а-* или кончающимся на *а* в *зѣваахъ*, *писаахъ*, *дѣлаахъ*, *бесѣдоваахъ* — фактически характер преходящего представлен одним вторым *а*.

Бопп (Grammat., III, § 525, 532) разлагает рассматриваемые формы таким образом: *вез-ѣ-ахъ*, *жел-ѣ-ахъ*, *рыд-а-ахъ*, т. е. в *ѣа*, *аа*, видит два элемента: *а*, остающееся неизменным во всех спряжениях, он рассматривает совместно с следующим *-хъ* и пр. В этом *-ахъ* есть вышедшее из раздельного употребления в славянском, но сохраненное в наиболее первообразном виде в санскрите прошедшее 1-е (иначе аугментированное или imperfectum) от корня *as-* (= *кs-* в *ксмь*). Славянское *-ахъ*, *-аше*, *-ать*, *-ах-о-вѣ*, *-аста*, *-аста*, *ах-омъ*, *-асте*, *-ахъ*, = санскритскому единственному числу *âsam* (*â* здесь и в следующих лицах — из слияния аугмента *а* с начальным *а* корня *as-*), *âsî-s* (из *as-as*), *âsî* (из *âsat*); двойственному *âsva*, *âstam*, *âstâm*; множественному *âsma*, *âsta*, *âsan*. Быть может, замечает Бопп, вошло в славянскую форму начальное *а* корня *as-* „в своем слиянии с аугментом“. Гласную, предшествующую в преходящем этому *-а-* вспомогательного глагола, Бопп считает за характер санскритского X класса, думая, что те глаголы, которые сами по себе (т. е. в других формах) не принадлежат к этому классу, переходят в него в преходящем, так что *ѣ* в *вез-ѣ-ахъ* тождественно с *ѣ* не только в *гор-ѣ-ахъ*, но и в *гор-ѣ-хъ*. По этому взгляду в глаголах, соответствующих санскритским X класса, по гласной, соответствующей санскритскому характеру этого класса (во второй теме?), должно прибавляться в преходящем одно лишь *а* вспомогательного глагола, что и находим в *рыда-ахъ*, если считать первое *а* = санскритскому *ау* второй темы. Но так как характер *и* = санскритскому *ауа* и *ау*, то преходящее должно бы быть *люблѣахъ* (из *люблѣахъ*, как *люблѣахъ*, из *люблѣахъ*). В действительности находим *люблѣахъ*, *хвалѣахъ* с *ѣа*, что и заставило нас выше видеть здесь соседний характер *и* не с одним *а*, а с *ѣа*. Бопп же говорит: „отношение преходящего (imperfectum) *хвал-ѣа-ахъ* к аористу *хвал-ѣ-хъ* (ошибочно — вместо *хвал-и-хъ*) следует понимать так, что в преходящем санскритский характер *-ауа-* сохранил свой конечный слог, между тем как в аористе *ѣ* (т. е. *и*) заменяет санскритское *ау* общих форм“. Таким образом оказывается, что *ѣа* в *хвалѣахъ* есть полный санскритский характер *ауа*, или, по другой терминологии, заключает в себе связочную гласную в ее особенности. Если так, то и в *желѣахъ*, *рыдаахъ* тоже должна была заключаться конечная гласная характера *ауа*, но она слилась с *а* вспомогательного глагола. Почему же она не слилась с тем же *а* и в преходящем глаголах $\begin{smallmatrix} -и- \\ -и- \end{smallmatrix}$? Почему из *хвалѣахъ* или *хвалиѣахъ* вышли не *хвалиѣахъ*, *хвалихъ*, а *хвалѣахъ*? На это можно бы ответить, что в предполагаемых формах *-иѣахъ* или *-иѣахъ* *и* сократилось в *j* прежде слияния *ѣа* или *ѣа* в *а*, после чего и самое это слияние оказалось не нужным.

Чтобы удержать в силе предположение Боппа относительно *а* — *хвалѣахъ*, нужно принять, что в глаголах $\begin{smallmatrix} -и- \\ -и- \end{smallmatrix}$ преходящее образуется от пер-

вой темы, между тем в сродных с ними глаголах $\frac{-u}{-b}$ — от второй или общей, ибо, как выше сказано, от *гор-и* было бы преходящее (по образцу *хвалѣахъ*) не *горѣхъ*, как есть, а *горѣахъ*.

Миклошич (*Lautlehre*, § 55, 3, по ссылке в *Formenlehre*, 370 Шлейхера) подобно Боппу объясняет второй элемент гласного характера преходящего гласною вспомогательного глагола, с тою разницею, что этот глагол, по его мнению, вошел в преходящее в своей специально славянской форме *кѣ*, с эвфоническим *ј* в начале. Таким образом — *быва-ахъ* из *быва-кѣхъ*, причем *аа* из *аѣ*, как в *добраго* из *добракѣго*; при этом *-ѣа-* в *везѣахъ* и пр. остается необъясненным. Производя эту форму от второй темы, мы бы получили, согласно предположению, *нес-кѣхъ*, *нешеѣхъ*; производя от второй с глагольным характером в его славянской форме *-е-*, получим из *несе-кѣхъ* *несѣхъ* (как *нѣсмь* из *не-кѣсмь*) и, чтобы из этого последнего получить *несѣахъ*, принуждены будем прибегнуть к ни на чем не основанным предположениям, что *ѣ* растянулось в *ѣѣ*, которое потом диссимилировалось в *ѣа* (см. Шлейхер, loc. cit.). В грамматике (III, § 106) Миклошич держится, повидимому, другого мнения, о коем ниже.

Я позволю себе высказать еще одно предположение, быть может, уже известное до меня, и, сколько мне кажется, если не лучшее выше изложенных, то и не худшее.

Разделим ли мы таким образом: „ведѣ-ахъ“, или таким: „ведѣа-хъ“, во всяком случае эта форма заключает в себе третью тему при двух первых: теме настоящего и теме неопределенного. Латышско-литовский язык тоже образует третью тему для своего прошедшего, и рассмотрение характера этой темы, мне кажется, может объяснить происхождение гласных элементов третьей темы в славянском.

Приступая к сравнению славянского преходящего с латышско-литовским прошедшим, прежде всего устраним чѣрты, очевидно, несходные. *-х-* в *идѣахъ* и пр., однородное с *-х-* и *-с-* в *ид-о-хъ* и *обрѣсѣ*, по общепринятому мнению Боппа, ведет свое начало от *-s-* во вспомогательном глаголе *as = ѣс*. Личные окончания славянского преходящего и аориста, по крайней мере в единственном и 3 л. множественного, суть так называемые вторичные, составляющие видоизменение тех первичных, которые в наибольшей степени сохранились в настоящем. Таким образом славянское преходящее тройне отлично от настоящего: по гласному характеру, по *-с- = -х-* вспомогательного глагола и по личным окончаниям этого глагола. В латышско-литовском прошедшем нет вспомогательного глагола, и личные окончания его те же, что в настоящем, в пояснение чего привожу здесь настоящее и прошедшее от литовского *sùkti* крутить (относительно корня = *сучить*). Настоящее этого глагола имеет тот же характер, что *веду, несу*, но в его более древней форме *-а-*: ед. *sùkù [-a-m(u)]*, *sùki* (из *suk-a[s]ji*), *sùka* (из *suka[tid]*), *sùka-va*, *sùka-ta*, *sùka-me*, *sùka-te*. Прошедшее *sukaú* (из *sukaju*), *sukaí* (из *sukaji*), *sùko* (из *sukaja*), *sùkova* (из *sukaja-va*), *sùkota* (из *sukajata*), *sùkome* (из *sukaja-me*), *sùkote* (из *sukajate*) (*Schleicher, Grammat.*, § 101). Этим объяснением устраняется боппово сближение санскритского прошедшего с санскритским аористом 6-й формы = славянскому *двигъ, двиговѣ* (см. *Ворр, Grammat.*, II, § 575). NB! Сомнения Биленштейна в верности такого объяснения (*Sprache*, II, 134).

Поставленные в скобках предполагаемые основные формы лиц двойственного и множественного числа явственно показывают характер прошедшего *-aja-*, ныне сокращенный в *о* (из основного *ā*). В единственном числе *-aji* тоже разлагается на предполагаемое *aya-m-(i)*, *aji* — на

aya-(s)-i, -aja- — на *-aya-ti*. Таким образом в приведенном примере разница между настоящим и прошедшим состоит только в том, что в первом — характер *-a-* (общий характер темы специальных времен), а во втором — характер, имеющий основную форму *-aja-*.

Во многих случаях литовское прошедшее отличается от настоящего качеством коренной гласной [настоящее *lėku, (lėkti)*, прошедшее *lėkau*, неопределенное *lėkti* — (оставлять-лишать)], отсутствием носовой характерной согласной внутри корня (*rabundu*, прошедшее *rabudau, rabūsti* — провалиться), отсутствием наружной приставки *-t-* (*už-mirsz-t-u*), прошедшее *už-mirszau, už-mirszti* — забывать).

Отвлекаясь от этих, впрочем весьма важных, различий и обращая внимание только на наружный (вне корня стоящий) гласный характер глаголов и присутствие или отсутствие *-j-* (часто происходящей из *-i-*) перед этим характером, можно подвести разряды литовских глаголов, различаемые Шлейхером, под следующие образцы.

1. В первой теме характер *-a-*, или отсутствие характера, во второй (неопределенное наклонение) — отсутствие характера, в третьей (прошедшее) — основная форма характера *-aja-*: *ėdu* (= *ā-mi*) и *ėd-mi*, прошедшее *ėd-au* (*-ajā-mi*), *ėsti*, жрать (= ѣсть).

2. В первой и второй темах — то же, в третьей перед основной формой характера *-aja-* стоит *-j-*: *degū, degmi*, прошедшее *degiau*, неопределенное *dėgti* — гореть.

3. Вторая и третья темы — как в образце первом, а в первой основная форма характера *-ja-*: *lėidžu, lėidmi* (= *dju* = *djāmu*), *lėidau, lėisti* — оставлять.

4. Вторая и третья темы — как в образце втором, в первой характер *-ja-*: *klyk-iū, klykiaū, klykti* (hell schreien — кликать), третья тема сложена с *-j-* первой и *-aja-*.

5. В первой теме отсутствие характера, как в образце первом отсутствие характера, или характер *-ja-*, как в образце третьем, во второй теме *-ė-* (= *ĕ*), в третьей (прошедшее) соединение характера *-ė-* с характером прошедшим в образце втором и четвертом: *gėlbmi* или *gėlbu, gėlbtī, gėlbė-jau* — помогать (helfen); *džiaūgmī* или *giaūgmī* (1-е лицо множ. *giaūgiem* = *jame*), *giaūgėti, giaūgė-jau* — рыгать.

6. В первой теме характер *-i-*, того же происхождения, что в славянском гор-и-ти; вторая и третья темы — как в образце 5: *myliū* (1-е лицо множ. *mylime*) (*myl-ėti, myl-ė-jau*) (см. 9).

7. В первой теме основная форма характера *-aja-* (как в дѣла-ѣши); во второй видоизменение того же характера (быть может, без конечного *-a-*) в *-y-* (= славянскому *-и-* в хвалити); в третьей соединении этого *-y-*, сокращенного в *-j-*, с полным характером настоящего времени (как в похваляти): *láuž-au, láuž-y-ti, láuž-i-au*, ломать (см. 10).

8. В первой теме — основная форма характера *-aja-* (как в дѣлаеши); во второй видоизменение того же характера X класса = литовскому *o*, славянскому *a* в дѣл-а-ти; в третьей — соединении этого *o* с характером первой темы (настоящее время), что, кроме эвфонического *v*, равно славянскому (со-) дѣла-в-ѣши: *mėgmī v. mėgū, mėg-ójau, mėg-óti; jėszk-au, jėszk-ó-ti, jėszk-ó-jau* — искать; *neszi-ójū* (это *-oju-* отличается от *-au* в *jėszkau* долгою первого элемента, так как литовское *o* = *a*) *neszi-ó-ti, neszi-ó-jau*.

9. *Būbnyju, būbn-y-jau, b̃bnyti* (*bębnić*), что, переведенное обратно на русские звуки, было бы бубн-ию (с протянутым *-и-*, которое в горю является в виде *-j-*) (прошедшее бубни-яю, неопределенное бубнити).

10. Вторая и третья темы — как в образце шестом; в первой — как в славянском бълѣкъши: seilėju, seilėjau, seilėti — geifern (слюниться).

11. Литовская форма первой темы uja или a uja, второй ū или a u: balt-ŭji, balt-ŭti — бълѣтъся (ср. относительно характера и общего значения чърмьноватися драселуѣтъся небо), klykauju, klykauti (— pfeifen; ср. сербское кликовати), прошедшее в обоих случаях одинаково: balavau, klykavau, что переведенное на русские звуки оказалось бы соединением характера -ов- с -аѣ-: клик-ов-а-ю.

Из этого обзора видно, что характер литовского прошедшего (praeteritum, отличное от imperfectum, о коем ниже) есть 1) или характер, соответствующий санскритскому характеру X класса в тех литовских глаголах, кои ни в первой, ни во второй теме не имеют этого характера; 2) или соединение двух характеров, из коих каждый предполагает характер = санскритскому X класса; так в глаголах, имеющих во II классе в первой или второй теме характер = санскритскому X класса; 3) или соединение характера -ав- (= славянскому -ов-) с характером = санскритскому X класса (латышский язык отличается здесь от литовского лишь степенью стяжения звуков, стало быть, большею порчею и не большею первообразностью,¹ менее резким отличением их от характеров настоящего, но для сравнения со славянским особенного интереса не представляет).

Миклошич (III, § 106) замечает, что „имперфект (в славянском) тем отличается от аориста, образованного посредством х, что принимает между темою и характером х более полноесные гласные звуки *ѣа*, *аа*, *а*, повидимому, назначенные своею тяжестью указывать на длительность действия, подобно (усиленным) гласным в «плѣтати», «покланяти» из плести, клонити, ид-о-хъ (ivi), ид-ѣа-хъ (ibam), пви-хъ, пвалпа-хъ“. Разделение этих форм (ѣа-хъ) указывает, повидимому, что *а* уже не присоединяется к *х* и не объясняется вместе с ним из коренного *к* в *ке*, как выше, но что *ѣа* рассматривается вместе с ним как один элемент. Характер переходящего напоминает не столько усиленные гласные в более длительных глаголах, сколько соединение двух характеров в подобных же глаголах. Ср., например, писа-а-хъ с чешским *pisa-v-a-ti* (-в- эвфоническое), „болѣ-а-хъ“ с „болѣ-в-ати“. В переходящем это -а- с таким же правом может быть сближено с характером санскритского X класса, как и -а- второй темы глаголов $\frac{-аѣ-}{-а-}$.

Между -а- вторым элементом в литовском прошедшем *jėszkó-j-au* (при *jėszkó-ti*) и вторым -а- в иска-а-хъ есть именно та разница, какая между характером первой темы -аѣ- и второй -а-. Для объяснения -ѣ- в ид-ѣа-хъ, вез-ѣа-хъ можно бы прибегнуть к литовским глаголам, как *gelbmi*, *gėlbu*, *gėlbėjau*, *gėlbėti*. Конечно, литовский язык показывает нам -ѣ- = -ѣ- в прошедшем лишь там, где оно есть, и в неопределенном литовский характер -ѣjau- есть характер сложный. Таковы ли и славянские -ѣа- в идѣахъ?

Вполне сходны с приведенным литовским глаголом только вѣмь, вѣд-ѣ-а-хъ, вѣд-ѣ-ти. Однако тот же литовский язык показывает, что при отсутствии характера во второй теме (*ėd-ti*) простой характер X класса является в прошедшем (*ėd-au* из *aj-a-mi*).

Взявши за исходную точку один из более первообразных литовских глаголов, например *ėd-mi* v. *ėd-u*, *ėsti*, и объяснив в нем характер прошедшего (perfectum) *ėd-au* из санскритского характера X класса *aja*, мы

¹ В латышском литовские сочетания -аи, -аі на конце 1-го и 2-го л. ед. ч. прошедшего являются и в виде *и*, *і*, как и в других случаях. Поэтому часто латышское прошедшее вполне совпадает с настоящим.

уже не встречаем затруднений при объяснении характера прошедших в десяти других случаях, начиная с третьего. В четвертом (klūki-au) прошедшее, в отличие от других случаев, предполагает первую тему (klūkiū с характером *-ja-*) и сохраняет от ее характера одно *j*. В пп. 5—10 прошедшее образовано от второй темы через прибавление к ее характеру (X класс *ē, i, y, o*) того характера (тоже X класса), который мы видели, — *ēd-au* посредством эвфонического *j*: *gaudo-j-au*. Этого эвфонического *j* не нужно в образце 11: из *baltū(tis)*, предполагаемая основа *au(ti) + au*, выходит *av-au*. Только в образце втором не ясно происхождение *j* в *deg-iaū* при *degū, dēgti*.

В славянском тоже, мне кажется, следует стараться сначала объяснить характер переходящего в глаголах наиболее простого строения, как *лѣмь, гдѣ-ахъ*. Выше рассмотренное явление в литовском побуждает искать не только характера X класса в *вѣдѣахъ*, но и прибавки этого самого характера в глаголах, которые и без того в первой и второй теме имеют уже видоизменения того же характера. Действительно, хвалиахъ легче всего объяснимо из хвали-ѣахъ, т. е. из соединения готовой второй темы (а не первой, как думал Бопп) с готовым же характером *ѣа*. То же объяснение легко прилагается к глаголам $\frac{-u-}{-ѣ-}$, $\frac{-ѣe-}{-ѣ-}$, где *-ѣахъ = ѣ-ѣахъ*. В глаголах, имеющих на конце второй темы *a*, это *a* должно быть сохранено, судя по примеру *горѣахъ* (а не *гораахъ*) при *горѣ-ти* и *gaudo-jau* при *gaudo-ti*; от присоединения к нему *ѣа* должно было бы произойти стечение гласных, требовавшее разделения эвфонической согласной, или стяжения. В *дѣлаахъ* и пр. язык, вероятно, пошел этим последним путем, хотя вряд ли в оправдание этого найдется другой случай стяжения *аѣа* в *аа*.

Образование переходящего во многих случаях от темы настоящего времени сближает его с имперфектами древних языков. Однако есть разница.

От настоящего. „Измельшеть“ (мелю) (Бодянский, 9 об.); „лѣжа-шеть“ (ibid., 11); „будяшеть“ (часто) (ibid., 9); „въстанташе“ (ibid., 11); „дадяше“, „изидяше“, „сожьжаху“, „примерзняшета“ (3-е л. дв. ч.), „исчезняху“ (ibid.).

От второй темы „засыпашеть“ (сыплю); „глаголаше, помазаше, обли-захуться“; в русских памятниках: „выѣхаше, прислаше“...

О личных окончаниях переходящего: *-тѣ* в 3-м л. ед. и мн. ч. *-шетъ, -хжтѣ*, встречаемые в юсовых памятниках (см. Miklosich, III, 87), могут считаться редкостью в памятниках русских, где *-ше-ть, -ху-ть* столь обыкновенны, что приводить примеров не стоит. Изредка *-ше-ть* относится ко второму лицу: „помнишь ли... въ которыхъ портѣхъ пришелъ бѣшеть?“ (Ипат. лет., 114, 37); „ты бо иного молвяшеть, господине“ (ibid., 121, 6).

В той же Ипатьевской летописи встречается смешение аористов с переходящим: „сдумавъше мужи Галичкыи съ Володимеромъ, переступишеть (вм. *-и-ша*) хрестъное цѣлованіе“ (ibid., 136, 7); „сего не улюбишеть“ (вместо не улюби) (ibid., 138, 5).

Преходящее. „Купляху“ (Новгор. I лет., 5); „не съступяшеть“ (Ипат. лет., 18).

В $\frac{-u-}{-и-}$ есть глаголы, коих глагольное происхождение становится весьма вероятным из сравнения с литовским.

Рушити. Литовское *gausiú* и *rausaū, raūsti* — рыть (землю, как свиньи и кроты), *gausiaū; gausyti* (сюда и *gūsýs*) хлебная и картофельная яма. Латышское *rauszu* (= *gausiu*), *rausu, raust* — *schüren, wählen*.

Без сомнения, сродство этого глагола с рыть и рвать — во всей силе, но непосредственно от них он не может быть произведен. Здесь мы видим, что и при суффиксе *-с- = -х- = -ш-* был более первообразный глагол.

Курить. Kuriù, kúriau, kùrti (по Nesselman'y — kuru, kurau, kurti) — топить печь, разводите огонь. Латышское kuriu(-ru), kuru, kurt.

Значение преходящего. Шлейхер (Beiträge, V, 209) думает, что остаток этого времени сохранился в русской частице биш, бишь, которую вставляют в речь, припоминая забытое: „как бишь зовут; кто бишь это сказывал; в Твери или бишь во Ржеве“; в последнем случае, говорит он, видна глагольная природа этого слова. В звуковом отношении бишь, по его мнению, из 3-го л. ед. ч. бѣше, вм. бѣаше с и вместо бѣ, но бѣаше имеет в старорусском форму бѣше, бѣшетъ, а изменение я ударяемого в и не так легко.

Другие называют это время прошедшим несовершенным (imperfectum). Иоанн экзарх называет его „предыбывшее протяженое“ (Калайдович, 171).

При передаче этого времени прошедшим современным языка замечается та особенность, что нередко это последнее образуется не от того же глагола, от коего образовано соответствующее простое время старинного языка, а от глагола одного из следующих разрядов, более длительного по значению. В следующем при примерах из Нестора ставлю в скобках, кроме глагола, от коего образовано преходящее, и русского перевода, еще для сравнения и чешскую форму из перевода Эрбена: „Nestorův letopis ruský“, v Praze, 1867.

„Аще поѣхати будяше (от буду- откуда конкретное буду; если бывало вздумает поехать, если случилось ехать; když Obrňi mĕj pĕkam vujeti Обрину, не дадѣше (от первой темы *дэд-*; не давал; *pe dal*) въпрячи коня, ни вола, но велѣше (велѣти, велю; приказывалъ, а не велѣлъ; повелѣвалъ; *kazal*, но и в польском *rozkażywał*) въпрячи 3 ли, 4 ли, 5 ли женъ в телѣгу и повезти Обърѣна“ (Лаврент. лет., 5, 17); „[Феодосий] изидѣше¹ (выходил, *vycházel*) изъ монастыря, взяма мало коврижекъ; вшедъ въ печеру, и затворяше (от затвор-и-ти = затворял от затвор-я-ти; *zavíral*) двери печерѣ и засыпаше (засыпал, *zasypával*) перстью, и не глаголаше (не *mluvival*) никомуже, аще ли будяше (если было — в смысле случилось) нужное орудье, то оконцемъ малымъ бесѣдоваше (разговаривал, *mluvival*), въ субботу ли въ недѣлю“ (*ibid.*, 79, 30 сл.); „аще къ нему что речаше (если бывало, скажет), ли добро, ли зло, сбудяшется (Ипат. лет., «сбывашется» — сбывалось каждый раз) старче слово“ (*ibid.*, 81, 28) (в чешском с другим оттенком мысли: *když komu so řekl, splnilo se*, причем взято во внимание одно действие каждый раз вместо многих, о коих речь и действие это представлено совершенным; точнее было бы *řekával splnívalo se*); „аще кто умрѣше (от умерети, умру; умирал; чешское *když kdo umřel* — с другим оттенком, как выше; можно и по-русски: «умеръ ли кто — творили тризну»), творяху тризну (тризно) надъ нимъ, и посемя творяху кладу (= костер) велику, и възложашуть (и) на кладу (от възложити; возлагали; в *складывали*) мертвеца, сожъжашу (съжечи, жьгу; сожигали), а по семъ собравше кости, вложашу (вложити; влага-ли, вкладыва-ли) въ судину малу и поставляху (поставити; ср. поставляли, ставили, становили) на столпѣ на путехъ, еже творять Еятичи и нынѣ“ (Лаврент. лет. 6, 10). Обычность и многократность

¹ В евангелии 1307 г.: „Въ чно^ѣ идѣше (Остр. ев., 25, «хождаше», *chodzil*) Г^ѣ въ Галелѣю (Остр. ев., 25, «въ Галлилею») не хотѣше бо во юдѣи ходити“ (*bawić się*) (Иоанна, VII, 1 — Буслаев, Хрестом., 108).

этих действий может быть представлена таким образом, что вместо каждого их ряда будет взято по одному конкретному действию, выраженному глаголом совершенным, причем намек на обычность будет заключаться в том, что действия эти будут означены настоящей формой в значении будущего: украинское „як хто умре, то отце... положить... спалять, поставлять“; русское „умер ли кто, умрет ли кто, — положат“ и т. п. „Отсе було... положить“, русское „бывало положат“, в чем уже нет намека, что обычай есть и теперь. Чешский переводчик поступил иначе: большинство из конкретных действий, представляющих ряды действий, он изобразил прошедшим конкретным же совершенным, что в русском было бы невозможно, да и в чешском не имело бы требуемого смысла, если бы одно из действий не представлено было прошедшим глаголом несовершенного длительного и если бы в конце периода не стояло „еже творять и нынѣ“ — „když kdo umřel, dělali (в смысле dělávali, обыкновенно делали) tryznu, a potom udělali krabici, položili... tělo..., a spalili, vložili je v malou nádobu a postavili“.

„Ихъ же имяху (іати, иму; и м а ли, — сватывали, б р а л и) полоняники, овѣхъ посѣкаху, другыя же мучаху, иныя же разстрѣляху (от разстрѣл-ити, или разстрел-яти; расстреливали, а не расстреляли), а другыя въ море вметаша“ (вбросили, хотя следовало ожидать вметаху — вбрасывали) (ibid., 12, 23); „бысть съча велика, и одоляху (одолевали) Болъгаре; и рече Святославъ воемъ своимъ: «уже намъ сдѣ пасти»...“ (ibid., 29, 27).

„Предивно бысть Полотыскѣ (бысть: все следующее рассматривается как один момент): въ мечтѣ ны бываше въ нощи тутѣнь (нам казалось, что слышен топот), станяше по улици, яко чловѣци рищюще бѣси; аще кто вылѣзаше (вылезти, вылазал в смысле выходил) изъ хоромины, хотя видѣти, абые уязвенъ будяще (бывал) невидимо отъ бѣсовъ язвою, и съ того умираху, и не смяху излазити изъ хоромъ“ (ibid., 92, 6 сл.) (jest-li že kdo vyšel... ihned poraněn býval).

Преходящее. „И на семи Соборовъ Папезеве старого Рима, иже въ томъ чину бысть, любо самъ идяше, любо своя Пискупы при-слаше“ (Послание Никифора — Калайдович, Памятники, 157). „Не тако пси Лазоревы облизаху струпы, яко же си (приставници овчая купѣли) моя помилованія (= останѣци тряпезъ богобойныхъ людіи) пожирають“ (ibid., 46). „І҃гда... хоташе... въпрашати... привлазаше ѿ (ефуд) на рамьници... іспроствраше са на дланиж... аште боудаше... годѣ въпрось... свѣтомъ блискашеса. аште ли небѣаше годьно, прѣбывааше в своѣмъ чиноу. камыкъ... аште... на мечь прѣдати люди. боудаше крѣвавъ“ (Изборн. 1073 г., 120 об.).

„Егда же подѣпяхуться (пити; каждый раз «на підпитку») на чѣньяхуть (чі-ати; начинали) роптати на князь, глаголюще: «зло есть нашимъ головам! да намъ ясти деревянными лъжицами, а не серебряными»“ (Лаврент. лет., 54, 20) (ошибочно у Эрбена „jednou... když se podnřili, ročali reptati“); „... И не да дяху вылѣзти изъ города“ (Лаврент. лет., 55, 1) (не давали) (Эрбен — ne dali); „Бысть съча силна; яко по с в ѣ т я ше молонья (когда посвечивала, каждый раз как блеснет было), блещашеться оружье“ (Лаврент. лет., 64, 13) („a když zašvřtil blesk, blýskaly se zbraně“). Ср. „Камо туръ поскочяше (куда ни скочил) своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежать поганыя головы половецькыя“ (Слово о п. И.); „И побѣгоша Печенѣзи разно, и не вѣдяхуса камо бѣжати, тоняху (утопали) въ Сѣтомли, инѣ же въ инѣхъ рѣкахъ“ (Лаврент. лет., 65, 18) („tonuli“); „Аще братъ етеръ выидяше изъ монастыря (выходил), вся

братья и мяху о томъ печаль“ (ibid., 81, 10). „Аще кто коли принесяше (приносил) дѣтищу боленъ, кацѣмъ любо недугомъ одержимъ, принесяху въ монастырь, ли свершенъ человекъ, кацѣмъ любо недугомъ одержимъ, приходяше въ монастырь къ блаженому Феодосью: повелѣваше сему Дамьяну молитву створити болящему; и абѣ створяше молитву и масломъ помазаше (помазывали), и приимаху ицѣленье приходящій“ (ibid., 81, 15) („přinesl li... přišel li — poručil... pomodlil, pomazal, a bývali uzdraveni“); „[Бес] обиходя подлѣ братью, взимая изъ лона лѣпокъ (цветокъ—«иже глаголется лѣпокъ»), вержаше (вергнути; бросал) на кого любо: аще приляше (прилипал) кому цвѣтокъ въ поющихъ отъ братья... [тот] изидяше (выходил) изъ церкви, шедъ въ келью, и усняше (засыпал), и не възвратяшется (не возвращался) въ церковь до отпѣтья; аще ли вержаше (бросал) на другаго, и не приляше (не прилипал) къ нему цвѣтокъ, стояше крепокъ въ пѣньи, дондеже отпояху (отпевали) утреннюю, и тогда изидяше (уходил)“ (ibid., 82, 2 сл.) („házel... jestli... kvítek přilnul... vysěl... usnul... nevrátil se; pak li hodil na jiného... nepřilnul... až dozpívali jitřní a tehda vycházel“); „Онъ же Вятичь не съступяшетъ, но даяшетъ имъ 4 города“ (Ипат. лет., 18, 23); „Уже бо Половцы въздяху въ городъ, просѣкающе столпѣ“ (ibid., 20, 5); „Приходящя къ нему напиташи и напаяше“ (Лаврент. лет., 112); „И небрежаше въ церковь ходити, нужею привлечашуть (привлекали, притаскивали, přivláčeli) и къ церкви... посажашеть ѥ (sázel) кромѣ братья, положашу (klali, položili — сов.) предъ нимъ хлѣбъ, и не възмяше его (не брал, не бирал), но ли вложить въ рудѣ ему“ (ibid., 83, 25); „Егда же приспѣяше (приспевала, наставала) зима и мрази лютии, стояше (стаивал) въ прабошняхъ въ черевьяхъ въ протоптанныхъ, яко примерзнышета (примерзали) нозѣ его къ камени, и не движаше (двинути, не двигал) ногама, дондеже отпояху“ (отпевали) (ibid., 84, 5) („a když nastala zima... stával... tak že přimrzávali nohy... a nehnul nohama až odzpívali“); „И по заутрени идяше (шел) въ поварьницю, и приготоваше (приготовлял) огонь, воду, дрова, и придыху (приходили) прочіи повари отъ братьѣ“ (ibid., 84, 7) („šel... a připravoval, a přišli i ostatní kuchaře“); „Не припустяху (не припускали) его къ собѣ, но особъ думаху“ (ibid., 116, 26); „И ѣххомъ сквозѣ полкы Половчскіѣ не въ 100 дружинѣ, и съ дѣтми и съ женами; и облизахутся (облизывались, obližovali se) на насъ, акы волци стояще, и отъ перевоза и отъ горъ“ (ibid., 104, 3); ср. Остр. ев., 96, в, г: „псы приходяще облизаахъ (ἀλιελεύουσαν — облизывали) гнои ѣго“ (Луки, XVI, 21).

Таким образом от глаголов начати, изъити, усънути, прильнути, въкынутися и другихъ подобныхъ преходящее имеетъ значение современнаго прошедшаго от глаголовъ начинать, выходить, засыпать, прилипать и пр. С точки зрѣнія современнаго языка, въ коемъ только и есть, что прошедшее описательное из причастія на -л-, въ коемъ по совершенности и несовершенности, по степени длительности прошедшее не отличается от другихъ формъ, кажется непонятнымъ, какъ въ древнемъ языкѣ прошедшее от прильнути, именно прильняшетъ, можетъ значить прилипалъ?

Но современная точка зрѣнія здѣсь неуместна. Длительность такого прошедшаго зависитъ отъ его характера. Если глаголъ въ другихъ формахъ имеетъ значение совершеннаго, въ силу вліянія предлога, то въ прошедшемъ длительномъ предлогъ или сохраняетъ только свое пространственное значение или обозначаетъ оконченность отдельныхъ дѣйствій, составляющихъ рядъ, обозначаемый этимъ прошедшимъ (начынахуть, прильняшетъ). При глаголахъ беспредложныхъ, коихъ настоящее имеетъ значение будущаго, какъ буду, следуетъ имѣть въ виду, что такое значение свойственно именно настоящему, но, например, не образованному отъ той же темы причастию

настоящего буда; что и само настоящее, без сомнения, имело некогда значение настоящего и что оттенок совершенности легко стирается характером прошедшего длительного буда шеть, бывал, събудя шеться слово — сбывалось.

Древний язык обладает прошедшим простым от глаголов первых четырех разрядов для выражения большей длительности и обычности действия. Отсюда можно бы заключить, что он не имеет нужды в производных глаголах следующих классов, именно в тех, которые своим глагольным характером и усиленную коренною гласною специально выражают большую длительность и многократность. Если принесяхуть, отпояхуть значат сами по себе приносили, а не принесли, отпевали, а не отпели, то зачем после этого формы приношахуть, отпѣвахуть? Между тем в древнем русском языке обычны не только формы, подобные этим последним, но и прошедшие длительные от глаголов с характером *-ае-ши, -а-ши, -увати, -овати, -ываеши, -иваеши, -ывати, -ивати*: „възгарахуся голубьници“ (загорались) (Лаврент. лет., 25, 21); „изнемогаху же люде гладомъ и водою“ (изнемогали) (ibid., 28, 2); „тѣснячеса другъ друга пихаху (пихали) въ гроблю“ (ibid., 32, 6); „то бо пророци прорѣцаху“ (ibid., 37, 14); „раздаваху“ (ibid., 54, 16) (а не раздаяху) и др. „Брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвица“ (ibid., 6); ср. „схожахуся на игрища... и ту умыкаху жены собѣ“ (ibid., 6, 10; в обоих местах у Эрбена — *upáseli*); „опаки рущъ съвязывахуть“ (*svazovali*) (Лаврент. лет., 18, 32); ср. в Ипат. лет. „докучивахуть“ (19, 14); „понуживахуть“ (ibid., 44, 3); „подъмолвивашеть“ (ibid., 81, 8); „створиваше“ (ibid., 82, 10); „укаривахуть“ (ibid., 82, 40); „снашивахуться“ (ibid., 85, 10) и мн. др.

Итак, повторяю, какое же особенное значение имело прошедшее длительное умыкивахуть при умыкаху, а это последнее при возможном умкняху в значении умыкали? Очевидно, что значение прошедшего длительного не могло устранить стремления образовывать глаголы с более длительными характерами для выражения большей длительности, так как, например, умкнути значит не то, что умыкати, умыкывати. Как скоро такие глаголы появлялись не в прошедшем длительном, а в других формах, аналогии этих форм подчизялось и прошедшее длительное. При этом могло вовсе не чувствоваться разницы между двумя формами прошедшего длительного, как умыкиваху и умыкаху; летописец, действительно, употребил их одну близ другой без всякого видимого различия в значении. Язык вовсе не есть такое целое, в коем нет ничего лишнего. Происходящие в нем изменения, отбрасывание старых форм и создание новых, указывают противное. Так, мы видим, что современный литературный язык не нуждается во множестве глаголов на *-ывать, -ивать*, довольствуясь глаголами предшествующих классов; и эта воздержность вовсе не заслуживает осуждения, если признать, что русские былины и вообще русская речь вовсе не есть единственный источник нашего литературного языка и что как старославянский, так и украинский вовсе обходятся без глаголов на *-ывать*, оставаясь при глаголах *-ати, -овати*.

В дополнение к вышеприведенным примерам соответствия прошедшего длительного в других языках современному прошедшему одного из следующих разрядов следует прибавить: тожество глагольного характера в других прошедших длительных и в современном прошедшем имеет место в глаголах несовершенных. См. выше и следующее: „бяхе около града лѣсъ и боръ великъ“ (Лаврент. лет., 4, 19); „бяху (были, чешское *byli*) мужи мудри и смыслени, нарицахуся Поляне“ (ibid., 4, 20); „бяста (чешское *byli*) бо 2 брата въ Лясъхъ, Радимъ, а другий

Вятко“ (ibid., 5, 25); „живяху (živi byli) кождо въ своей части“ (ibid., 2, 25); „и мяху (měli) бо обычаи свои“ (ibid., 6, 1); „брачныи обычаи и мяху (měli): не хожаше (ne chodil) зять по невѣсту, но приводяху (přiváděli) вечеръ, а завѣтра приношаху (přinášeli — приносили, в литературном языке нет «принашивали») по ней, что владуче. А Древляне живяху (жили — přebýwali) звѣринскимъ образомъ, живуще скотски: убиваху (zabíjeli) другъ друга, ядяху (ели, jídali) вся нечисто, и брака у нихъ не бываше (ne bývalo), но умывихаху у воды дѣвница (unášeli)... Схожахуся (scházeli se) на игрища... и ту умываху (unášeli) жены собѣ, съ нею же кто съвѣщашеся (s kterouž kde se umluvil); и мяху же (mívali) по двѣ и по три жены“ (ibid., 6, 3 сл.). „Игореви възрастшю, и хожаше (chodil) по Олѣ и слушаше (poslouchal) его“ (ibid., 12, 14). „Ношаху (dotud posili) сли печати злати, а госте сребрени“ (ibid., 20, 23) и мн. др. „И бѣ межи ими смятеніе и не видяхуть которіи суть побѣдили, Изяславъ женяшетъ Галичаны, а братья его бѣжаша“ (Ипат. лет., 73, 38).

Преходящее в значении давно прошедшего. „Малъ ча порадовахса (ѿ васъ ча, видѣ вашу любовь ѿ послушаниѣ къ нашей худости ѿ мнѣхъ (думал было), іко оуже оутвердистеса“ etc. (XIV в., Буслаев, Хрестом., 496). Сербское „Прије мајке ђеца престављена, У рају су била постављена, А ѿ њихове мајке згријешише: У неђељу дворе метијаху, Преслицама много предијаху, И на стану много поткаваху...“ (Петрановић, 17) = русским глаголам предшествующего класса вместо последующего: „Куд се њена крвца проливаше, Онуда се земља проламаше“ (проламывалась) (ibid., 59); „Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь вълкомъ рыскаше (рыскал) исъ Кыева дорискаше (дорыскивал) до Куръ Тматороканя, великому Хрѣсови вълкомъ путь прерыскаше (перерыскивал)“.

Искусственное употребление прошедшего простого можно видеть лишь там, где, как, например, в середине, ближе к концу Ипатьевской летописи, в преходящем -ѣа-, -ѣа- вместо русского -я- и [где] неправильное употребление лиц: „потопилися бѣшетъ“ (Ипат. лет., 174, 1235 г.); „завѣрила бо ся бѣѣста“ (ibid., 175, 1); „бѣшетъ“ (ibid., 175).

Здесь следует различать два случая. Древний язык и современный литературный нередко формально не различают категорий непрерывной длительности, с одной, и обычности и многократности, с другой стороны, там, где чешский и отчасти народные русские говоры различают. Поэтому, где прошедшее длительное означает известное пространство времени, заполненное непрерывным действием или состоянием (не момент — как аорист), там и в чешском прошедшее от того же глагола („Черниговци затворишася въ градъ; Олегъ же и Борисъ не бѣста“) (в то время их не было, чешское не было, а не не бывало) (Лаврент. лет., 86, 12). Где обычность, там в чешском прошедшее одного из следующих разрядов: ядяху (ели, т. е., обыкновенно, чешское jídali).

Принесяхуть значит приносили; но из этого не следует, чтобы несяхуть значило носили и было равно по значению ношахуть: „егда же несяхуть (несли) ѿ къ гробу, предивно знамение бысть на небеси“ (Ипат. лет., 18, 1).

Прошедшее длительное = в современном следующим классам. „Царствующю сему Феостѣ нача(ша) ковати оружье, прежде бо того палицами и каменемъ бѣяхуся“ [вариант Х. Е. «бивахуся»] (Ипат. лет., 5, 13); „аще [жена] родяшетъ (= рожала) дѣтишь, который ей любь бываше, дашеть: се твое дѣтя“ (ibid., 5, 16); „не вѣдѣаше“ (не давал) (ibid., 11, 9); „амо же хотяхуть, тамо пойдяхуть“ (ibid., 59, 6)

(туда шли, направлялись); „Изяславъ же съ женою своею выручиста Святослава въ (у) Половецъ, и инѣхъ Руской дружины многихъ выручиста, и многимъ добро издѣваста (X. «сѣдѣяста»): аче кто у Половецъ утечашеть у городъ, а тѣхъ не выдавашеть“ (ibid., 76, 32). NB. Многократность, зависящая от глагольного характера, совместно с протяженностью, зависящею от времени: „И бяхуться крѣпко, выходячи изъ города, и много бываше язвенныхъ“ (ibid., 82, 10). „Крещеніе же его (Миндовга) льстиво бысть: жряше богомъ своимъ вътайнѣ... егда выѣхаше на поле и выбѣгнаше заяць на поле, въ лѣсъ рошенія не въхожаше вну (вону) и не смѣяше ни розгы уломити“ (ibid., 188, 6); „Воишелкъ... въ поганствѣ буда, и нача проливати крови много: у бивашеть бо на всякъ день по три по четьри; которого же дни не убьешеть кого, печаловашеть тогда, колиже убьешеть кого, тогда весель бьешеть“ (ibid., 201, 10 сл.). „Не престаяшеть злое творя Володимеру“ (ibid., 211, 28); „и не дадяхуть ни изъ города вылѣзти въ зажитье; кто выѣхашеть изъ города, овы избиваша, а друзи поимаша, а иныя излупивше пушаху нагы“ (ibid., 212, 24); ср.: „аще ли кто выѣхашеть, овы избиваша, а другія поимаша, а иныя лупяхуть и конѣ отнимяхуть“ (ibid., 212, 11). Идѣшеть — шел в тот период времени, когда нечто другое совершилось; ходѣшеть — ходил: „И еще же ему не вельми болну, но ходѣшеть и ѣздѣшеть на конѣ, и розда убогимъ имѣніе свое все“ (ibid., 219, 3).

В Сборнике житій до 1250 г. (Срезневский, Памятн., 227): „си глѣа начѣнѣше (=начинал) си бити, ꙗко съноу ѿбѣгнути ранюю тою (= от тех ударов) и станѣше (=становился) бѣдрѣ на мѣтвѣ“.

Кирилл Туровский по списку XIII в. (Калайдович, Памятники): „егда бо възмутяшеться вода, вси о богатыхъ пекущесе сдравѣа, сего (расслабленного) отрѣяху“ (ibid., 43). (NB. И „изрѣюще“ у того же писателя в смысле „изрѣвающе“ — выбрасывая); „не тако пси Лазоревы облизаху струпы, ꙗкоже си (приставници овъчая купѣли) моя помилованія (останѣи тряпезѣ богобойныхъ людій) пожирають“ (ibid., 46). „На семи соборовѣ Папезеве старого Рима, иже въ томѣ чину бысть, любо самъ идѣше, любо своя Пискупы при слаше“ (Послание Никифора к Владимиру Мономаху — Калайдович, Памятники, 157); „Мужа, ꙗго же грѣаше, ꙗго же ласкаѣше, ꙗго же обლობызаше, ꙗго же паче себе лубашти лицѣмѣроваше, ꙗго же вѣчера лубляше, дньсь прѣльштаѣше“ (Изборн. 1073 г. — Срезневский, Памятн., 141); „Володимеръ бо такъ бѣше любезнивъ: любовь имѣа къ митрополитомъ... приходѣщая къ нему напиташе и напояше... аще кого видѣаше ли шумна, ли въ коемъ зазорѣ, не осудѣаше, но вся на любовь прекладѣаше“ (Лаврент. лет., 112).

„Богохульная словеса, акы стрѣлы къ камени пушающе, съламахуся“ (Калайдович, 49).

20. Аорист, его значение и формы

Аорист в старославянском и русском Буслаев называет прошедшим или прошедшим совершенным в собственном смысле, так как он выражает совершение прошедшего действия, тогда как переходящее означает его продолжение (Граммат., §§ 84 и 186). Иоанн экзарх называет это время „прежебывъшее неопредѣльно“.

Вернее будет сказать, что аорист в древнем русском и других славянских наречіях изборажает прошедшее действие, как один момент, а переходящее или длительное — как продолжение, как ряд моментов. Правда, весьма часто в русском летописном языке аористы длительных соответствують теперешним прошедшим от глаголов совершенных (примеры

ниже); но это происходит не от того, что аорист сам по себе есть прошедшее совершенное, а от других причин, между прочим, от совершенности и несовершенности глаголов, так что и другие формы, кроме аориста, например настоящее время причастия, не изменяя формы, смотря по смыслу речи, переводятся соответствующими современными формами то совершенными, то несовершенными: бывъ может значить бывши и побывши; я си—ешь и съешь; мьстила—мстила и отомстила.

Примеры. Аорист переводится прошедшим глаголов совершенных в современном русском: „Иде (пошел) въ Варяги, и приде въ Римъ“ (Лаврент. лет., 4, 8); „сълъзъ съ горы сея, идѣже послѣже бысть (возник — совершенный) Кіевъ“ (ibid., 4, 6); „вѣрніи же насмѣхаются, глаголюще ему (волаху): «бѣсъ тобою играеть на пагубу тобѣ». Се же и бысть ему: въ едину бо нощь бысть безъ вѣсти“ (ibid., 75, 12); „пойдоша отголѣ на Углече поле, и оттуда идоста на устье Мологи“ (Ипат. лет., 40, 24). „Ольга... собра вон многи... и иде (пошла) на Дервьську землю“ (Лаврент. лет., 24, 33); „иде (пошла, отправилась) Ольга въ Греки и приде Царюгороду“ (ibid., 25, 35); „видѣвъ же и Половци стояща (винительный мн. ч.) назадѣ, и къ тѣмъ гна (поскакал), и много имѣ молвивъ и укрѣпляя на брань; и оттуду ѣхавъ (поехавши)... возма копье ѣха напередъ и съѣхася преже всѣхъ, и изломи копье свое. Тогда же бодоша (ранили — совершенный) конь подѣ нимъ въ ноздри... Изяслава же Мстиславича язвиша (ранили — совершенный) въ руку... Олговичи идоша (пошли) всвоеси... Давыдовичъ Изяславъ, возма брата на полчищѣ, и не се (от понес) и Чернигову“ (ibid., 143, 37; 144; ср. Ипат. лет., 63, 33 сл.); „ту сѣкоша ѣ въ руку и въ стегно, и бодоша и съ того летѣ съ коня“ (Ипат. лет., 63, 37); „Петръ же положи ему грамоты крестъныя, лѣзе (вышел) вонъ“ (ibid., 72, 14); „подѣ Ростиславомъ же на первѣмъ поскоцѣ летѣ подѣ нимъ конь“ (ibid., 76, 27); „И стави Олегъ вой“ (вариант—устави=остановил) (Лаврент. лет., 12, 28); „и ступися чело Сѣверъ съ Варягы и трудишася (утрудились, устали) Варязи сѣкуще Сѣверъ, и посемъ наступи Мьстиславъ со дружиною своею, и нача сѣчи Варяги“ (ibid., 64, 11); „Копахомъ до полуночья; трудихомся (устали) и не мугуче ся докопати, начахъ тужити, еда како на страну копаемъ“ (ibid., 90, 10); „ѣха“ (=поехал) (Ипат. лет., 22, 18) и во многих других местах. „Изяславъ же рече: «...язъ самъ пользу (=пойду) къ нему»... и лезѣ на сѣни къ Вячеславу“ (ibid., 50, 3); „слѣпиша (=ослепили) Руси много“ (Лаврент. лет., 67, 7); „исѣче, иже бѣша высѣкли Всеслава, числомъ 70 чади (изрубил тех, что освободили, вырубил) Всеслава из поруба-тюрьмы, а другыя слѣпиша“ (=ослепили) (ibid., 74, 31); „Томъ же лѣтъ рубоша (посадили в поруб) Новгородѣ за моремъ въ Дони“ (в Дании) (Новгор. I лет., 6, 30); „В то же лѣто рубоша Новгородѣ (им. п. мн. ч.) Варязи (ошибочно вм. Варягы), на Гѣтѣхъ Нѣмцѣ (вин. п. мн. ч.), въ Хоружьку и въ Новотържьцѣ; а на весну не пустиша изъ Новгорода своихъ ни одного мужъ за море, ни съла вѣдана Варягомъ, нѣ пустиша я безъ мира“ (ibid., 20, 2 сл.). [Примечание. Пыпин (Словарь, III, 102) ошибочно переводит в обоих местах рубоша через „вырѣзали“, вм. „посадили въ порубъ“. Рубоша—3-е л. мн. ч. аориста не от руб-и-ти, а от чистого корня руб-, как двигоша или ведоша.]

Аористы несовершенных, переводимые совершенным прошедшим же: „Пришедшимъ же стрѣльцемъ многи язвиша и многи умориша стрѣлами“ (Ипат. лет., 186, 8); „посла сына... на нь... а самъ ѣха проводить вой своихъ“ (ibid., 192, 10); „ѣха“ (вм. поѣха, ibid., 206, 37) и во многих других местах.

В Остр. ев. часто иде = пошел; видѣ = увидел; свати [*ἡγιασε* — освятил, посвятил, *roświęcił* (Иоанна, X, 36)]; „видѣвше же народи, чудиша сѧ (*ἐθαύμασαν* — дивились — удивились, в польском *dziwili się*) и прославиша бѧ“ (Матфея, IX, 8); „видѣв ма върова“ (*πεπίστευκας* — уверовал) (Иоанна, XX, 29).

Кирилл Туровский по списку XVI в.: „измышѧ бо храмъ его слезами, постлаша люботрудными молитвами, украсиша добродѣтелию, кадиша чистыми въздыханьми“ (Калайдович, Памятники, 125).

„Паремью писалъ азъ Олуферы... а концахъ, въ вторнѣй вербеныѧ нѣ“ (Паремейник 1271 г. — Срезневский, Памятн., 235).

„И пришедъ, до сихъ Варисата (идола) падаша въ знакъ“ (1350 г., Срезневский, Памятн., 248). „Сего дѣла варихъ бѣжати в тарсѣ“ (1047 г., Ионы, 4, 2, по копии со списка Устрялова — Буслаев, Хрестом., 143) (*tegom się rośpieszył*; в исправленном тексте: „сего ради предварихъ бѣжати“).

Стрѣлити. „Стрѣливше побѣгнуша предъ Угры“ (Лаврент. лет., 115). „Мстиславу же хотящу стрѣлити, внезапно ударенъ бысть подъ пазуху стрѣлою“ (*ibid.*). „Въ то же лѣто стрѣлиша (= подстрелили) князя милостынищи Всеволожи, нъ живъ бысть“ (Новгор. I лет., 7). (И доньше в русском местами „стрелить“ = выстрелить, застрелить.)

Новгор. I лет.: „И разумѣ Ярославъ, яко въ ночь велить сѣдися; и тѣмъ (потому) вечерѣ перевозися Ярославъ съ вои на другыи полъ Днѣпра... и той нощи поидоша на сѣцю“ (*ibid.*, 1). Ср. „освящена бысть церкы“ (*ibid.*, 1). „Володимиръ иде на Емь“ (*ibid.*, 2) и таким образом много раз — иде.

„Приде Всеславъ и възѧ Новгородъ... и колоколы съима у Свѣтыѧ Софѣ“ (*ibid.*, 2); „Изяславъ бѣжа въ Ляхы“ (*ibid.*, 2) и много раз. „Буря велика... стада скотины истопи въ Волховѣ, а другыѧ два переимаша живы“ (*ibid.*, 5); „въ се же лѣто вода бѣше велика въ Волховѣ, и хоромъ много сноси“ (*ibid.*).

Аористы, переводимые прошедшими несовершенными. „Ты ли єдинъ. пришельць єси въ иероусалимѣ. и не чоу (не слышал, не слыхал; греческий аорист *οὐκ ἔγνων*) бывшихъ въ нѣмъ“ (Остр. ев., 4 об., Луки, XXIV, 18).

Аорист беспредложного глагола передается в современном языке прошедшим глагола предложного совершенного: „вста на него (на Смена Михайловича) весь Новгородъ... поидоша на дворъ его и взяша весь домъ его съ шумомъ, а Сменъ прибѣжа къ владыцѣ и владыка провади [т. е. его] въ Святую Софію“ (Новгор. I лет., 65, 5) (= выпроводил, скрыл). Ср. „Пльсковичи выпроводиша [выпроводиша — Синодальный список] князя Олександра отъ себе“ (*ibid.*, 74, 29).

„Приведоша я [печенѣгы] къ кладязю, идѣже цѣжь, и почерпоша (= почерпнули) ведромъ, и лѣяша (полили) въ латки“ (вариант — „в котлы“) (Лаврент. лет., 55, 22); „бѣ... голодь... идоша по Волзѣ вси людѣ въ Болгары, и привезоша жито“ (*ibid.*, 64, 2); „и бывши нощи, бысть тма, молонья и громъ и дождъ“ (*ibid.*, 64, 9).

Бѣхъ и быхъ: „Кую вино вторую створилъ бѣхъ, не изганъ ли бѣхъ отъ ваю брату своею? не блудилъ ли бѣхъ по чужимъ землямъ, имѣнья лишень быхъ?“ (*ibid.*, 86, 6); „вземше ѧ братья, несоша въ келью и положиша на одрѣ“ (*ibid.*, 80, 22).

Так, литовские прошедшие, независимо от разницы окончаний, соответствуют русским аористам = современным прошедшим глаголов совершенных: *vėdė szókti* = веде = повел плясать; *szalip ėjo* = иде = отошел прочь, в сторону (= немецкое *führte, ging*). Заметить, что в таких случаях, как веде, иде, может заключаться значение глаголов совер-

шенных, но без тех пространственных оттенков, которые сообщаются теперешним совершенным глаголам предлогами. „Князи мнози... идоша на Половцы къ Лубну, и въ 6 часъ дне бродишася чрезъ Сулу“ (ibid., 120).

[Неправильность: „бѣ бо имена посламъ“:... (Ипат. лет., 187, 7).] „Ѹдва же ставиша (оставили, прекратили) матежъ“ (Supr., 22, 6). „Съвяза и печатьль оловомъ“ (ibid., 32, 29). „Нъ аште и фарисѣи се глаголюште къ Пилату ставяхъ юго писати истинны писмена, онъ къ Ѹмъ глаголаше. Ѹже писахъ, писахъ“ (ibid., 301, 6); „Ѹже написахъ, написахъ“ (ibid., 301, 9).

„[Володарь и Василько] взяста копьемъ градъ и зажгоста огнемъ и бѣгоша людье огня“ (Лаврент. лет., 113) („бѣжали“ и теперешнее, в значении совершенного); „въ 6 часъ дне бродишася чрезъ Сулу, и кликнуша на нихъ“ (на Половцы) (ibid., 120).

Аорист в значении совершенном (без предлога). „Держимы имъ (адам) свободы (=освободил) душа“ (Сказ. о Борисе и Глебе, 3); „И предаша Новотръжци, а Яропѣлка [Всеволод, осаждавший Новый Торг] в еде (=повел, увел) съ собою оковавъ... и городъ пожже“ (Новгор. I лет., 18, 13); „начя здати церковь маія мѣсяца въ 21... а коньцяша (=окончили) мѣсяца августа въ 25“ (ibid., 17, 15); „стояше (длительное) вся осенина дъждева, отъ Госпожина дни до Корочюна, тепло, дъжгъ; и бы (в один из моментов этого периода, настала) вода велика вельми въ Волховѣ и всюдъ, сѣно и дрѣва разнесе“ (ibid., 9); „[татары] князи (винительный мн. ч.) имъше издавиша (вариант — и задишиша), подѣкладъше подъ дѣски, а сами верху сѣдоша обѣдати, и тако животъ ихъ концяша“ (=окончили) (ibid., 41, 2); „Володиславъ... съ Ладожаны не ждя Новгородѣ, гонися (=погнался) въ лодяхъ по нихъ (по Еми) въ слѣдъ... и постиже я, и бися съ ними; и бысть (=настала) ношь, и отступиша въ островълецъ“ (ibid., 42); „озеро морози (заморозило — безлично) въ ношь, и растърза вѣтръ (т. е. поломал ветер лед), и вѣнесе въ Волхово, и поломи мость, 4 городиѣ отинудъ безъ знатбѣ (родительный ед. ч.) занесе“ (ibid., 9, 28); „Новгородци же поставиша острогъ около города, по обѣ странѣ, а товаръ вѣвозиша (поввозили) въ городъ“ (ibid., 62, 7); „поймаша весь товаръ Дмитреевъ и задроша и Ладоского, и везоша (отвезли, повезли) Ѹ въ Копорью, на Василіевъ день“ (ibid., 64, 13); „того же лѣта грабиша (о-, пограбили) коромолници торгъ, и заутра сѣтвориша вѣче Новгородци, свергоша два коромолника съ мосту“ (ibid., 65, 23).

Здесь выбраны примеры соответствия беспредложного аориста современному прошедшему глагола совершенного. Нет нужды приводить такие примеры, как рече — сказал, ста — стал, остановился, сѣде — сел, поѣха — поехал, в коих и в старинном и в новом языках одинаково, повидимому, стоит глагол совершенный. Но чтобы найти истинный смысл этой кажущейся совершенности значения аориста, следует приять во внимание два следующие обстоятельства.

Во-первых, в обоих аористах глагола быти и в других глаголах нередко вовсе нельзя заметить совершенного значения, например: „Поляномъ же жившимъ особѣ по горамъ симъ, бѣ путь изъ Варягъ въ Греки“ (Лаврент. лет., 3, 21) (был путь, но не исчез он и в позднейшее время); „[Рюрик] предасть княженъ свое Олгови... вѣдавъ ему сынъ свой на рудъ Игоря, бысть бо дѣтескъ вельми“ (ibid., 9, 25) (был — без оттенка совершенности или оконченности; в Ипат. лет. и в Хлебниковском списке — „бѣше молодъ“, т. е. в течение того времени, когда совершалась передача княженья); „Всеславъ же сѣдѣ (=сидел) Киевѣ мѣсяць 7“ (Лаврент. лет., 74, 18); „стояста 2 недѣли пълнѣ (целые 2 недели) яко искря жгуце, теплѣ вельми, переже жатвы; потомъ наиде дъжгъ,

яко не видѣхомъ (= не видали) ясна дни ни до зимы. и много бы уимѣ (родительный ед. ч. — ущерба, порчи) житѣ и сѣна не удѣлаша (плохо собрали, не собрали), а вода бы больши третьяго лѣта на ту осень; а на зиму не бысть снѣга велика, ни ясна дни, и до марта“ (Новгор. I лет., 10, 1 сл.).

Если видѣхъ в известных случаях передается совершенным увидел, узрел [и възрѣвъша, видѣша, (в греческом настоящее *θεωροῦσιν*, *pojrzawszy*, *wujrzały*, увидели) тако отъвалентъ бѣ камень, и вѣлѣзша въ гробъ видѣша (*εἶδον*, *ujrzały*) „жнш“ (Марка, XVI, 4—5; ср. Иоанна, XXI, 9), то в других случаях видѣхъ переводится на современный прошедшим несовершенным, независимо от того, стоит ли в греческом тексте *εἶδον*, *εἶδονα*, *εἰδῶσαντι*, например: „азъ таже видѣхъ (*εἶδονα*, видел, видал, а не увидел, *widziałem*, а не *ujrzałem*) у оца моего глѣж, и вы оубо таже видѣсте *εἰδῶκατε* у оца вашего творите“ (Иоанна, VII, 38); „Приступиша къ граду въ недѣлю... и съѣздишася по 3 дни (съезжались в течение 3 дней), въ четвертыи же день, въ среду, приступиша силою и бишася весь день“ (Новгор. I лет., 15, 7).

Другие подобные случаи см. под ѣздити.

Во-вторых, в древнем языке не один только аорист, но и другие формы беспредложных глаголов или хотя и предложных, но на первый взгляд длительных (повелительное наклонение, оба причастия прошедшего действительного, причастие прошедшего страдательного, неопределенное наклонение) во многих случаях переводятся формами глаголов совершенных предложных в современном языке.

Повелительное наклонение: „Покои... душа“ (Новг. I лет., 68, 2); „а покои... душу“ (*ibid.*, 19, 23; ср. *ibid.*, 47, 13; 49, 7).

Причастия. „Онѣрѣи же бывъ (= побыв) въ Римѣ, приде въ Синойю“ (Лаврент. лет., 4, 13); „князь же се слышавъ (= услышав) радъ бысть“ (*ibid.*, 53, 6); „горожане же рѣша шедше (= отправившись, пошедши) къ Печенѣгомъ: «поимѣте къ собѣ таль нашъ»“ (*ibid.*, 55, 15; см. ниже); „Печенѣзи же ради бывше (= обрадовавшись), мняще, яко предатися хотѣя, поаша у нихъ тали“ (*ibid.*, 55, 17); „и варивше (= сваривши кисель), яша (= стали есть) князи Печенѣзстѣи“ (*ibid.*, 55, 26); „на то же лѣто идоша даньници (сборщики дани) Новгородьстѣи вѣмалѣ и учювъ Гюрги оже вѣмалѣ шли (= вышли, пошли), и посла князя Берладьского с вой, и бивѣшеся (не в то время как бились, а «после небольшой битвы» = «побившись»), мало нѣгдѣ сташа Новгородьци на островѣ“ (Новгор. I лет., 11, 4 сл.); „Новгородьцемъ повелѣ ити на Лукы, идоша съ Ярославомъ, и сѣдѣвъше (= побыв) на Лукахъ воротишася домовъ“ (*ibid.*, 23, 23), „а кто бѣ не пошълъ по нихъ... а у тѣхъ конь поимаша, бивѣше (= побивши)“ (*ibid.*, 25, 24); „его же (брата своего) слѣпивъ (= ослепив), а самъ царемъ ста“ (*ibid.*, 26, 18); „слѣпивъ (= ослепив) мя царство мое възя“ (*ibid.*, 27, 24); „и бившимъся имъ, побѣдиша Всеволода (половцы), и воевавшие отъидоша“ (Лаврент. лет., 70, 26); „Изяславъ же се видѣвъ со Всеволодомъ побѣгоста съ двора“ (*ibid.*, 73, 36); „преставися... княживъ лѣтъ 15 Киевѣ“ (*ibid.*, 93, 8); „слышавше же се Половци, почаша воевати“ (*ibid.*, 93, 20); „Новгородьци же, сѣсѣдавше (поседавши, послезавши) съ конь, и порты сѣметавше, боси сапогы сѣметавше поскочиша“ (Новг. I лет., 34, 33 сл.); „придоша Емъ воевать... Новгородци же вѣсѣдавше (украинское *повсідавши*) въ насады, вѣгребоша въ Ладугу“ (*ibid.*, 42, 26); „Гюрги съ князи поиде съ Тържку, много имъ пакостивъ“ (вариант „много имъ пакости подѣя“) (*ibid.*, 41, 29); „Новгородьци же стоявъше (простоявши) въ Невѣ нѣколико днѣи, створиша вѣче“ (*ibid.*, 42, 32); „и разболѣся, лежавъ (пролежавши) 6 недѣль

и преставися“ (ibid., 47, 10); „много пустошивъ (= опустошивши совершенно) около (окрестности) Чернигова поиде опять“ (назад) (ibid., 50, 10); „и державъ (= продержавши) Новгородцевъ и Новоторжцевъ одну недѣлю, и одаривъ я отпусти проче“ (ibid., 50, 20); „князь великій Дмитрій... ѣхавши (= поехавши) обложи городъ камень Копорію“ (ibid., 63, 39); „... а самъ (князь) поиде на Низъ и тамо шедъ (= пришедши, а не шедши) съступися брату своему стола Дмитрію Новгорода“ (ibid., 64, 33); „[Немцы] внидоша Невою въ Ладоское озеро, ратію, ... Новгородци же... шедше (= пошедши) стаха на усть Невы, и дождавше избиша ихъ“ (ibid., 64, 36); см. ниже: „Ходиша молодци Новгородскіи... воевать на Емьскую землю, и воевавше (= повоевавши) придоша вси здрави“ (ibid., 65, 29); „поставиша Свѣа... городокъ въ Корѣль; Новгородци же шедше (= пошедше, пошла и...) городъ разгребоша“ (ibid., 66, 12); „преставися Довмонъ князь Пльсковскій много страдавъ (в Академическом списке; в Синодальном — пострадавъ) (в современном языке = „потрудившись“) за Святую Софью“ (Новгор. I лет., 67, 8); „стоявше (= простоявши) мѣсяць (под Выборгом) приступиша, и не взяша его“ (ibid., 72, 32). Во всех этих случаях, как видно из поставленного в скобках перевода, современный язык явственно обозначает, что действие, выраженное в старом языке причастием, совершилось уже, когда началось действие, обозначенное в старом языке аористом; старинный язык этого не обозначает. Теперь явственна разница между „шедши (в то время, как шел) разграбили“ и „пришедши (когда пришли) разграбили“; старый язык и для выражения второй из этих мыслей может употребить не только аорист (см. выше), но и причастия, в коих вовсе не обозначена совершенность их значения: шедше разгребоша; шедше грабиша, но из согласия летописей и современного языка относительно обозначения совершенности в глаголе видно, что такая возможность в XIV в. и раньше есть архаизм.

Причастие на -л. „Ради ся быхомъ яли по дань, но хощещи мьщати мужа своего“. Рече же имъ Ольга: «Яко азъ мьстила (= отомстила раз) уже обиду мужа своего, когда придоша Киеву, второе, и третье, когда творихъ трызну мужеву своему; а уже не хошю мьщати» (Лаврент. лет., 25, 6); „сего Дужа слѣпилъ (ослепил) Мануиль царь“ (Новгор. I лет., 29, 10); „чему еси слѣпилъ (= ослепил — oslepil) братъ свой?“ (Лаврент. лет., 111); „не язъ его слѣпилъ, но Давыдъ, и велъ (= отвел) и къ собѣ“ (ibid., 112); „Извѣта о семь не имѣй, яко Давыдъ есть слѣпилъ“ (ibid., 112). „Домы наша разграбили, а Ярослава безчѣствовали“ (обесчестили, обесчествовали) (Новгор. I лет., 62, 7); „владыка... и почальъ и кончалъ (= окончал, окончил) (мост) своими людьми“ (ibid., 78, 37); „сего ны даль Всеволодъ, а въскормили есмы собѣ князь; а ты еси шелъ (ушел) отъ насъ“ (Лаврент. лет., 117); „Аже кто поклажай кладеть оу кого-любо, то тоу пшслуша нетоуть; нъ ѡже начнетъ большимъ кльпати (обвинять в том, что положил больше, чем получает), томоу ити ротѣ, оу кого то лѣжалъ товаръ: а толко кси оу мене пожилъ, занеже кѣму болого дѣлъ и хорониль товаръ кго“ (Достопам. I, 39).

Причастие прошедшее страдательное. „Церкы... кончана (= окончена) бысть на третѣе лѣто“ (Лаврент. лет., 85, 15); „Володимеръ же слышавъ (услышав, když uslyšal) яко ятъ бытъ Василко и слѣпленъ“ (ослепен, oslepen) ужасеся“ (Лаврент. лет., 111, 21); „не въ Давыдовѣ городѣ ятъ, ни слѣпленъ, но въ твоємъ градѣ ятъ и слѣпленъ“ (ibid., 112, 6); „мънога же ина знаменія сътвори... ѡже не сѣтъ писана (γερραμιενα — napisane) въ кнѣигахъ сихъ, си же писана быша (γερραπιται — napisane) да вѣрѣ имете“ (Остр. ев., 11 в,

Иоанна, XX, 30, 31); „слѣплень бысть Василко“ (Новгор. I лет., 3); „въ то же время слѣплень бысть (=ослеплен) Мьстиславъ князь... отъ стрѣя своего Всеволода“ (ibid., 16, 33); „а собою (вариант — а со собою) поя... посадника Дѣмитра, стрѣлена (=подстреленного или устреленного, раненного стрѣльною раною) подѣ Проньскомѣ“ (ibid., 30, 23); „преставися митрополитъ всея Руси Кирилъ въ Переяславѣ, ...везено бысть (=отвезено, перевезено) тѣло его въ Кіевъ, къ святѣй Софіи“ (ibid., 64, 4). „Слышавъ же Гюрги... удалился и изъ Переяслава веденъ“ (выведен) (Ипат. лет., 65, 38); „Початы быша псати книги сиа... а кончаны быша мѣа ѡктября въ кв. днѣ“ (Послесловие к Апостолу 1220 г. — Буслаев, Материалы, 1220 г.). Итак, в древнем памятнике настоящее коньчати вместо современного кончить.

„Ведена дщи Володарева за царевичъ за Олексиничъ, Царюгороду, мѣсяца іулія въ 20. Томъ же лѣтъ ведена Передьслава, дщи Святополча, въ Угры за королевичъ, августа в 21 день“ (Лаврент. лет., 119); „без невѣстства дѣвица... заключенъ градъ, источникъ печатльнѣ, несѣта нива, несажена лоза“ (Supr., 177, 14).

В расходной памяти: „На праздникъ Семіона столпника лѣтоначатца несено столнику и воеводѣ князю Григорию Аѡнасъевичу Козловскому въ почестъ отъ выборныхъ приказныхъ людей денгами“ (Акты юридич., III, 99, 1666 г.); „несено... дано“ (ibid., 102, 1675 г.); „Ноября въ 21 день ходилъ на прїѣздъ къ новому воеводѣ князю Гаврилу Матвїевичу Мышескому на дворъ — несли хлѣбъ да колачъ: два алтына 4 де.; денежные почести несено 8 алтынъ 2 де.; дворецкому дано 10 де.“ (ibid., III, 199, 1665 г.); „Подьячему Осипу Филиппеву Суньтурьеву несено туша боранья; цѣна 2 гривны“ (ibid., 201); „Генваря въ 22 день ходилъ на дворъ къ подьячему къ Семену Протопопову для проѣзжіе памяти, чтобы память написаль — несли свѣжія рыбы на полполтины“ (ibid., 203); „В другой поемъ ходилъ къ воеводѣ на дворъ — неслъ колачъ; даль“ (ibid., 210, 1666 г.).

Неопределенное наклонение. „Повелѣ и слѣпити (ослепить)“ (Лаврент. лет., 97, 2); „царь же, не хотя его убити, повелѣ очи ему слѣпити (ослепить) стѣкломъ“ (Новгор. I лет., 29, 12); „мы вѣдаемъ, же не кончати (не кончатъ, нельзя покончить) добромъ съ тѣмъ племенемъ, ни вамъ, ни намъ, коли любо“ (Лаврент. лет., 137, 35); „А Игорева храбраго плъку не крѣсити“ (Слово о п. И. — bis); „уже мнѣ мужа своего не кресити“ (Лаврент. лет., 24); „сего (Володимира Давыдовича) нама уже не кресити“ (Ипат. лет., 64, 16); „Ярославъ пославъ къ Новгородцемъ рече: уже мнѣ сихъ (т. е. избитыхъ варягов) не крѣсити“ (Лаврент. лет., 61, 5).

В-третьихъ об употреблении в древнем языке формы настоящего, имеющей ныне значение настоящего в значении совершенном, т. е. в значении будущего, — речъ отдельно.

В-четвертыхъ. Положим, кажется не без оснований, что аорист и так называемое прошедшее несовершенное в древнем языке взаимно дополняют друг друга и построены относительно значения на одной и той же мысли языка, подобно тому как они представляют сходство по форме. Если так называемое *imperfectum* само по себе выражает не несовершенство прошедшего действия, а его длительность, то на основании упомянутой связи его с аористом, последний означает сам по себе, независимо от влияния предлогов, не совершенность, не оконченность действия, а то, что действие представляется как один момент, независимо от того, как продолжительно оно было на самом деле. В этом славянский аорист сходится с греческим, который обозначает, что мысль лишь скользит по прошедшему событию, не останавли-

васть, и противопоставляется прошедшему несовершенному (*imperfectum*), как времени изобразительному, описательному. Такого значения аориста не следует смешивать с однократностью глаголов на *-ну-ти*, более позднюю по происхождению, но находимую уже в древнем русском и старославянском языках рядом с моментальностью аористов. Глаголы однократные означают объективную мгновенность действия, которая может представляться в прошедшем или как один момент (аорист, например, „червье въкыдошася“ — пример выдуманный, на основании следующего, но, надеюсь, верный) или как ряд моментов [например „многожды и червье въкыняхуся“ (вкидались) (Лаврент. лет., 83, 20)].

Итак, древнерусский аорист есть не прошедшее совершенное, как готов назвать его проф. Буслаев, как действительно называет его Востоков и др. (например Weber, 95, — *perfectum historicum*), а то, что сказано выше. Понятно, почему в древнерусском аорист, сколько мне известно, не встречается в глаголах на *-ывати, -ивати, -овати, -евати*; его, так сказать, за неимением лучшего слова, субъективная моментальность не мирится с многократностью этих глаголов. Можно понять прошедшее длительное от однократных глаголов (выкыняхуться), но какой смысл будет иметь, например, связываша при действительном употреблении связывахуть, если самая тема *-ыва-* означает многократность?

Для определения значения этого времени не важно обстоятельство, замеченное Гриммом, что весьма часто исторические настоящие (*praesens in perfecto*) греческого текста нового завета передаются в Остромировом евангелии аористом, в готском и древне-верхненемецком переложениях — прошедшими: *φαινεται* в Остромировом евангелии — явился; *λεγει* — рече; *ερχεται, ερχονται* — приде, придоша и т. п. Употребление прошедшего у Ульфилы в этих случаях, говорит Гримм, служит ясным доказательством, что Ульфилла переводил не рабски, но умел отличать истинное настоящее, которому в готском переводе всегда соответствует тоже настоящее, от настоящего исторического. Очевидно, готский язык обнаруживает мало наклонности к употреблению сего последнего, чему не трудно найти достаточную причину. Так как готский язык весьма часто употребляет свое настоящее вместо греческого будущего и аориста сослагательного наклонения, то произошло бы замешательство, если бы то же настоящее употреблялось и для аориста изъявительного наклонения (Grimm, *Grammat.*, IV, 140). Что до славянского перевода, то в нем употребление формы настоящего в значении будущего не может объяснить многих случаев употребления аориста вместо греческого настоящего исторического. Какое же недоразумение могло бы произойти, если бы вместо *ερχεται, φαινεται* стояло не прииде, явися, а приходите, являйтесь? Скорее, быть может, переводчик чувствовал, что настоящее историческое, столь обыкновенное теперь („приходит он и говорит, ждет — пождет“), дало бы повествованию слишком простонародный, сказочный тон.

Делаю вывод из вышеприведенных примеров и объяснений.

Не только аорист, но и другие формы глаголов беспредложных или предложных, но несовершенных в древнем языке, переводятся теперешними глаголами совершенными. В других случаях эти древние формы имеют и значение теперешних несовершенных, так что „лежавъ“ значило не только то, что нынешнее пролежав, но и то, что теперешнее лежав (независимо от того, что в старом языке это лежавъ есть именительный ед. ч. причастия, а в современном — деепричастие); бывъ может значить: „бывши“ и „побывши“. Если бы не было известно, что

древнерусский язык, равно как и старославянский, имеет уже глаголы совершенные в силу влияния предлога, мы сказали бы, что обоюдность значения многих глаголов свидетельствует об отсутствии в языке категорий совершенности и несовершенности; теперь же скажем, что эта обоюдность есть остаток полного отсутствия этих категорий, и говорит лишь о том, что в древнем русском языке они еще не были так выработаны. Глаголы принти, поити могли быть уже совершенными, но и само ити могло означать совершенное действие и ставилось тогда, когда смысл не требовал оттенка значения предлогов *при*, *по*. Дальнейшие объяснения — там, где речь о влиянии предлогов.

От глаголов на *-ивати* нет, повидимому, аориста, но: „приходи Ярополкъ ко Всеволоду на Великъ день“ (Лаврент. лет., 88, 4) и пр.¹

Аорист в значении настоящего или будущего в сербском. Царь, собираясь итти в церковь, говорит: „Сад ја одох у бигелу цркву Да саслушам часну литурђију“ (Петрановић, 146). „Сам је паша свадбу одгодио: Ја отидох ка Новину граду, А ти Јањо покупај сватове“ (Чубро Чојковић, 168).

Я иду сейчас — я уже ушел. У нас в таком смысле изредка встречается прошедшее сложное из *-лѣ*: „Ой поїдьмо, брате, свічок куповати, Цѣоб перва горіла, як я заболіла (=заболію), а друга палала, як я умірала“ (=буду умирати) (Метлянский, 281); „А я пошел (он говорит только о своем намерении итти, но представляет его совершившимся) в иншую землю“ (Калеки, 1, 101).

Значение аориста не зависит от существования в языке совершенности и несовершенности глаголов (в том виде, как они развиты современными славянскими наречиями); аорист был же и в языках, не знавших славянской совершенности; но при этом аористы могут быть совмещены с полным развитием в языке совершенности и несовершенности глаголов. Почему бы форма видѣ не могла сохраниться в русском при строгом различении формального значения видѣти и увидѣти глаголов несовершенного и совершенного, если она сохраняется в сербском?

Различные формы аориста. Личные окончания — как в старославянском. Заметим: в глаголах 1 разряда (Miklosich, III, 161 сл.). „Умершю Рюрикови, предасть княжене свое Олгови“ (Лаврент. лет., 9, 25); „не дасть имъ Козаромъ дани платити“ (ibid., 10, 19); „И подаста руку межю собою, и вѣдасть Печенѣжскій князь Прѣтичю конь, саблю, стрѣлы; онъ же дасть ему бронѣ, щитъ, мечъ“ (ibid., 28, 20); „почто не яста“ (2 л. дв. ч.) (ibid., 38, 4); „и видѣ жена, яко добро древо въ ядь, и вземши снѣсть, и вдасть мужю своему, и яста, и отверзостася очи има, и разумѣста яко нага еста, и съшита листвиємъ смоковнымъ препоясанье“ (ibid., 38, 7 сл.); „яша“ (3-е л. мн. ч. яд, ясти) (ibid., 55, 26); „не дасть“ (аорист 3-е л. ед. ч.) (Новгор. I лет., 10, 26). Только один раз — дасть. В старославянском — ядохъ, ясть; ядоховѣ, яста, ядохомъ, ясте, ядоша; дахъ, дасть, даховѣ, даста, дахомъ, дасте, даша.

Быхъ имеет 3-е л. ед. ч. бысть [(ст.-слав. бысть 2-е и 3-е л. ед. ч.); „бысть бо дѣтескъ“ (Лаврент. лет., 9, 26); „и бысть ношь“ (Новгор. I лет., 42, 28)], а также — бы [„и бы вода велика вельми“ (ibid., 9, 27); „а вода бы болши третьяго лѣта“ (ibid., 10, 3)], другие лица: быховѣ, быста, бысте, быхомъ, бысте, быша.

Бѣхъ, бѣ, — как в старославянском.

¹ Ю. Крижанич называет аорист „проминьско кратко време“, а переходящее — „проминьско долго време“, имея в виду, кажется, одну форму.

Въ дѣ — 1-е л. ед. ч., принимаемое за остаток прошедшего совершенного в *atmanêpadam* (*medium*), санскритское *vidê* (Miklosich, III, § 252): „Княже! не въдѣ (Ипат. лет., Хлебн. — «въмъ»), могу ли си“ (в силах ли я) (Лаврент. лет., 53, 7); „Святополкъ... река «еда се право будеть или лжа» не въдѣ“ (не знаю) (*ibid.*, 109, 32; ср. *ibid.*, 112, 31; 119, 5). Везде — значение настоящего.

Образец: „как заплачет!“.

„[Нахвальщина попушал коня на Добрыню, а] Добрыня... возмóлит ся:... унеси, господи, от нахвальщика“ (Киреевский, I, 49); „Лежучи у Ильи втрое силы прибыло: махнёт нахвальщину в белы груди, вышибал выше дерева жáрового“ (*ibid.*, 51); „Согнет его корчагою, воздымал выше буйны головы своей, ударил его о горючь камень“ (*ibid.*, 76).

„А и сговорят ту воры-разбойники
Да и спрогворят ту подорожники:
«Как убьем ли мы, пограбим старого...»
А и сговорит тут стар таковы слова:
«Ой же вы еси, воры-разбойники...»“

(*Ibid.*, 87.)

„Догнал поленицу, женщину великую,
Ударил... палицей... в буйну голову:
Поленица назад не оглянется,
Добрыня на кони приужахнется“.

(*Ibid.*, II, 29.)

„Зачем сегодня потыкаешься?»
«Ах ты ей, удалая скоморошина!
Ты зачем идешь на княжнецкй двор?...»
Скоморошина к речам не приметъся
Скоморошина в речи не вчуетъся“.

(*Ibid.*, 34, 36.)

„Ухватил Алешку за желты кудри,
Выдернет Алешку чрез дубовый стол,
Бросил Алешку о кирпичен мост,
Повыдернет шалыгу поддорожную,
Учел шалыжищем ухаживать“.

(*Ibid.*, 39.)

„[Княгиня] позовет Добрынюшку Никитыча, посылает за каликами“ (*ibid.*, III, 95); „Воткнет копье во сыру землю, привязал он коня за остро копье“ (*ibid.*, IV, 54); „Вытягала лук за ухо, хлеснет по сыру дубу, изломала его в черенья ножевы“ (*ibid.*, IV, 64, 65); „Похватится (= спохватился) Владимир князь, послал по Ставра боярина“ (*ibid.*, IV, 66).

NB. Обозначение грамматических глагольных категорий, а равно и переводы различных степеней длительности в „Словаре“ Караджича сбивчивы и часто неверны. Так, например, обозначение совершенности или несовершенности глаголов (*perf.*, *imperf.*). Глагол, например, *отпáрати* — отпарывать назван перфективным и мн. др.; по *одоравати* = откопавати, отпущавати, пуштáвати, пуштавам.

Характер *-ова-* и *-ива-* — *ује*. Первое *-а-* в характере *-ива-* — долго и остается таким в обеих темах. Ср. *од-òрати* — *од-òрем* с *од-орáвати* — *од-òрáвам*. Так, повидимому, и в тех случаях, когда характер *-а-* присоединяется к характеру *-и-* (но не сокращая его, а посредством *-в-*) и *-ѣ-* (больше примеров: *одолиѣвати*, *одолиѣвам*). Но в характере *-ива-*,

-*ује*- только -*и*- долго, что согласно с его предполагаемою сложностью, а -*у*- коротко: одрезивати — одрёзуем. Если -*и*- остается и в первой теме, то оно и там долго: о-кѣвати, о́кѣвам (= оковывать).

Аорист с -*х*- правильный. Единственное число 1-го л. не представляет особенностей; 2-е — то же. 3-е лицо встречается с окончанием -*тъ* и -*ть* не только в глаголах II, 1, б (с корнем на носовую гласную без характера во второй теме — жати), II, 1, в (с корнем на *р*-, без характера во второй теме — мерети, мърти), III, 1, а (корень на *и*-, *ѣ*-, без характера во второй теме — бити), что свойственно и старославянским памятникам (Miklosich, III, стр. 86), но и в глаголах II, 1, а (вести).

а) „Пріять, въспріять“ (Лаврент. лет., 82, 23; Новгород. I лет., 10); „ятъ“ („единъ же Половчинъ ятъ конь подь нимъ за поводъ“) (Лаврент. лет., 143, 25); „распятъ ся“ (ibid., 87, 19); „зачатъ“ (ibid., 43, 28) и др.

б) „Во велицѣ чѣсти умереть“ (X., Е. — „умреть“) (Ипат. лет., 171, 11), „умреть“ (Минеи, I, 19).

в) „Испитъ“ (Минеи, I, 13). Ср. в Изборн. 1076 г. „въспѣтъ“ (Срезневский, Памятн., 142).

г) „Романъ же не бережетъ“ (вариант — „не береже“ = пренебрег) (Ипат. лет., 145, 29); „на утрѣя же переидеть (X., Е. — «переѣде», «переиде») рѣку“ (Ипат. лет., 172, 9); „остави... и отъидеть прочь“ (ibid., 194, 14); „ставъ передь городомъ... и не можеть (аорист) взяти его“ (ibid., 194, 19); „Изяславъ же, то видивъ, речеть дружинѣ“ (ibid., 51, 18). Двойственное ч. 3-го л.: „Стояста 2 недѣли пълнѣ яко искра жгуче, теплѣ велии“ (Новгор. I лет., 10, 1); „Романъ и Мьстиславъ пожьгоста Луку; а Луцяне устерегоста ся (ошибочно, вм. мн. ч.) и отступиша“ (ibid., 14, 12); „сѣгорѣста церкви 2“ (ibid., 18, 5); „2 человекъ быста мъртва“ (ibid., 19, 20), „быста очи ему яко не врежень“ (ibid., 29, 13); „сѣдоста“ (3-е л. дв. ч., Лаврент. лет., 5); „бѣста у него два мужа“ (ibid., 9); „начаста“ (ibid., и часто), „рѣста“ (ibid.); „быста“ (ibid., 11, 13).¹

Аорист в славянских языках по своему образованию принадлежит к дославянскому периоду, между тем как преходящее есть образование специально славянское. Что следует из этого для значения этих времен?

§ 21. Причастия и деепричастия настоящего времени вместо прошедшего

„Русский разговорный язык употребляет окончание деепричастия наст. времени *я* (и *а*) в глаголах совершенного и однократного [?] вида, вместо окончания деепричастия прошедшего времени. Такую замену окончаний встречаем как в древних памятниках, так и у позднейших образцовых писателей“. Следуют примеры — все, кроме одного, — из новых писателей („поставя“ вместо „поставлен“ и т. п.) и все — совершенные, а не однократные (Буслаев, Граммат., § 54, б). Прибавляю примеры из летописей.

„И помяну Олегъ конь свой, иже бѣ поставилъ кормити, не всѣда на нь“ (Лаврент. лет., 16, 16); „Михалко же ѣха въ Суждаль, и изъ Суждала Ростову, и створи людемъ весь нарядъ, утвердивъся крестнымъ цѣлованьемъ съ ними, и честь в озма у нихъ и дары многи у Ростовець“ (Лаврент. лет., 160); „А брату князю Костянтину молви: перемога насъ, тебѣ вся земля“ (Троицк. лет., 219); „Болеславъ же побѣже изъ Кыева, възма имѣнье и бояры Ярославлѣ“ (v z a v) (Лаврент. лет., 62, 16);

¹ „Дастъ“ (Ворр, Grammat., III, § 512, стр. 382, 383); „-хъ, -ховѣ“ и пр. (ibid., §§ 561—567); „да, бы“ (ibid., § 574); „двигъ, движе“ (ibid., § 576). Аорист с -*с*- без связочной гласной — „рѣста“ (Лаврент. лет., 9).

„пойди вборзѣ, пойма Берендичѣ“ (ibid., 141, 22); „Гюрги же съде Киевѣ, соньм а ся съ Володимеркомъ у святое Богородици въ Печерьстѣмъ монастыри“ (ibid., 141, 38); „Иде Гюрги... къ Володимерю... пойма зята своего“ (ibid., 148, 39); „мира не возма, поиде проче, не успѣвъ ничтоже, но болюю рану въспрѣимъ“ (Новгор. I лет., 71, 28), „пойди... поемъ съ собою 12 мужь... и иде... пойма съ собою попа“ (ibid., 21, 29; 41, 31; 33, 9); „пожга городъ Дмитровъ, възвратися опять въ Русь“ (Лаврент. лет., 164, 22); „внида въ волость ихъ, пойма города Вятскыѣ и землю ихъ пусту створи“ (ibid., 174, 14); „яко приближися къ рѣцѣ, сверга (причастие настоящего от вѣргу, вѣречи — вѣрчи; от вѣргну — вѣргна; в Ипат. лет. и Хлебн. — прошедшее „свергъ“) порты, сунуся въ Днѣпръ и побреде“ (Лаврент. лет., 28, 8); „всякому християнину, хотя бы и свои домъ поврѣга, а церкви постеречи“ (Новгор. I лет., 80, 6); „и ту поверга возы свои, а самъ гна съ дружиною своею къ Перемышлю“ (Ипат. лет., 52, 36); „не помяна злобы ихъ, цѣлова къ нимъ крестъ“ (Лаврент. лет., 184, 6); „въступи ногою на лобъ; и выникнучи змѣя и уклюну ѣ въ ногу“ (ibid., 16, 28); „Новгородци, не стерпяче безо князя съдѣти... и емлюще метахуть ѣ въ погребъ, а онѣмъ не стерпящемъ, шедше къ Гюргеви рекоша...“ (ibid., 134, 36; Ипат. лет., 17, 28); „посла Всеволодъ Святополка въ Новгородъ, шюрина своего, смолвися съ Новогородьци“ (Ипат. лет., 18, 9); „и не стерпяче стояти побѣгоша въ города своя“ (ibid., 18, 28); „не умедляче ни мало, поидоша“ (Новгор. I лет., 59, 38); „ту поклоняци ся ему, и ѣхаста въ своя полкы“ (Ипат. лет., 63, 30); „такъ оборотячяся полкы своиа и стаха противу имъ“ (ibid., 63, 23); „а тобѣ будетъ, ставяче своѣ пѣшыцѣ поѣхати же по немъ“ (ibid., 60, 2); „приде князь... на вѣрбницю, настануцю лѣту мртѣмъ мѣсяцемъ“ (Новгор. I лет., 24, 4) (впрочем, здесь может быть это причастие имеет значение настоящего); „посадыае его (вариант — „посадыа“) на престолѣ, поидете же къ Иерусалиму“ (ibid., 27, 1).

Замечательно, что нет примеров такого употребления причастия настоящего в смысле прошедшего от глаголов $\frac{-ae-}{-a-}$, $\frac{-ye-}{-ova-}$ $\frac{-ываae-}{-ываa-}$; однако в украинском: „позапаляючи люльки, пішли в поход“ (Котляревский, 165).

Рядом с этим в тех же глаголах причастие прошедшего времени, притом в большинстве случаев, стоит на своем месте: „не дошедъ (не дойда) города, ста“ (Новгор. I лет., 71, 28); „поемъ“ и т. д.

„Ту бо отецъ ему далъ столь, выведы ѣ изъ Смоленска“ (Ипат. лет., 4, 30); „и не стерпяче стояти побѣгоша въ города своя“ (ibid., 18, 28); „и не дойдуча пакы града, стага близъ“ (ibid., 26, 10); „и съвокупя (вариант — скупя) вси свои полкы... и поиде“ (ibid., 37, 11); „съвокупя силу свою, и посла...“ (ibid., 37, 10); „а самъ, дожда ночи, поѣха изъ Кіева“ (ibid., 51, 32); „Изяславъ... поминя городъ... ста“ (ibid., 54, 21); „а тобѣ будетъ оставяче своѣ пѣшыцѣ поѣхати же по немъ“ (ibid., 60, 2); „и тако не удумаша ити противу имъ полкомъ ити битъся, но припустяче ѣ къ собѣ ту же ся бити съ ними“ (ibid., 60, 29); „и тако поидоша другъ друга не остана вси“ (ibid., 62, 23); „поворотяче полкы своя, пойдоша“ (ibid., 63, 16); „оборотяче ся полкы своими и стаха противу имъ“ (ibid., 63, 23); „и ту поклоняци ся ему и ѣхаста въ своя полкы“ (ibid., 63, 30); „възмя (Хлебн. — „въземъ“) копье и ѣха на передъ“ (Ипат. лет., 63, 33); „вынза мечъ свой и нача ѣ сѣчи по шелому“ (ibid., 64, 7); „поѣха... възма брата“ (ibid., 64, 21); „и тако скупячяся вси, пойдоша къ королеви“

(*ibid.*, 66, 33); „пойде къ Ярославлю, помина ѿ, ста обѣду“ (*ibid.*, 67, 3); „Изяславъ же обѣдавъ ту, и тако исполча полкы своя и пойде“ (*ibid.*, 67, 4); „король ударя у бубны и тако исполча полкы своя, пойде“ (*ibid.*, 67, 8); „отступяче отъ града, идоша въ товары своя“ (*ibid.*, 71, 17); „не помяня злобы брата его, отда ему гнѣвъ“ (*ibid.*, 77, 14).

В русском: „ротъ разиня“ (Даль, 654); „пошла стряпня, рукава стряхня“ (*ibid.*, 528). В новгородской договорной грамоте 1307 г. (Собр. гос. грам., № 11): „Князь Великий Андрѣй, и весь Новгородъ дали Федору Михайловицю городъ стольный Пльсковъ, и онъ едь хлѣбъ; а како пошла рать, и онъ отъехалъ, городъ повѣргя“. У Котошихина: „покиня свое черное платье былъ... за челядника...“ (т. е. покинув стол) (Котошихин, 3); „царь учиня у гробовъ прощеніе, поидеть къ собѣ“ (*ibid.*, 6); „у крутя новобрачную покроють покровомъ“ (*ibid.*, 8); „конюшей ѣздить около той полаты на конѣ вымя мечь наголо“ (*ibid.*, 9) и мн. др.

В чешском и далматском (по рукописи начала XIV в.): „skoče na kon žen preč v skoře“ (Hanus, 1); „tehdy jmu Boleslav vice, potirhna... mecie“ (*ibid.*, 2). В XVI в.: „Kupci bohatij v ez u se kupie rozlične do Prahy synom svym, kteříž se v Praze učili a poručeli zbožie sve, aby jim to rozprodavali a jinego zbožie nakupiecie otcuom svym do jinych zemij posielali“ (*ibid.*, 10); „Поровнясь против помянутой деревушки, поднялись мы на гору“ (Болотов); „Иванко же възма тяжки рѣчи и иде къ князю Ростиславу“ (Ипат. лет., 85); „възма рядъ съ братьею и съ дружиною и съ Кіяны... и поиде“ (*ibid.*, 96); „А лѣпо ны было, братье, възряче на божію помочь... поискати отецъ своихъ и дѣдъ своихъ пути и своей чести“ (*ibid.*, 97); „Давыдъ же има вѣры, нача повѣдати“ (*ibid.*, 99); „Игорь же има съ собою Половцѣ... и дождася Святослава“ (*ibid.*, 124); „и тако прииде ко Осколу и жда два дни брата своего Всеволода“ (*ibid.*, 130); „Pothem Falek... przydącz skarszy pa Hermana“ [Księgi ust., 1449 (?)] (1503 = przysiedszy); „Kmyecz drvgego kmyecza z abyjącz zaplacziv trzy grziwny groszow od wini maszoboystwa praw bival“ [1449 (45)]; „Kthokolye przygodnye yako wthonącz alybo z drzewa spadnącz umrze“ [(XIV — XV вв. в переводе 1449 г.: „spathwszy, wtonąwszy“ (*ibid.*, 46)]; „Gydzik polozyl s skargą kako gdi na drodze bil vsnal, Falek nathydą wszal gemv tako spyączemv myecz y thobolą“ [1449 (52)]; „Palka gey (так как?) swyecz s gaszącz (порасивши) ranye dal przycziną w ranyeszmy vszadzyli bicz skazanego“ [1449 (53)]; „Acz pastyrza wynvya o nyekthore bidlą yszbi ge straczyl, do wszigo nyeprzyąndzącz, przyszącz ma, ysze do wszy przyąndzyl“ [1449 (53)]; „Przczywko themv sza dowynącz (провинившись), panv they wszil... zaplaczic ma“ [1449 (55)].

Причастие и деепричастие настоящего времени от глаголов ныне совершенных, где мы ожидаем прошедшего. „Zydowye o dlug gystny y o liphą kv sandv nyeprzyzowanacz do dwy lyathv przerzeczoną lyffą przyrosłą stranczyc mayą“ [1449 (56)]; „Kthokole o rzec (=orzac) a roszye yącz role czyge gwalthem naszyenya tychth rol poszbycz ma“ [1449 (61)]; „pany albo dzewicza pozowacz alybo pozwana bandacz przydze na rok gey zdani“ (*ibid.*, 19); „Pothem Falek, drvgi brath, przydącz skarzy“ (*ibid.*, 44); „Szescz a naamyey cztirzi ricerze przez naasz naznamyonanee przylanczancz, sandzaa alybo podsandek pospolv s przerzeczonymy ricerzymy... poznanyaa a osandzenya mocz ymyecz mayą“ [1449 (20, 21)]; „dzewka przez woley porodzyzelow drapyeszczy (похититель) przyswolącz, abo są wszacz przycynącz oth drapyeszcze... poszag straczyc ma“ (*ibid.*, 73);

„Chcemy dzirzano bycz... o dąbyech dąbownych za kasdego sz nych porąbyącz gy ruącz skoth zapłaczy“ (ibid., 74); „Skoda vczynuączy (учинивший? или чинящий?) panv gego pastwa popasł, dosycz vczynycz ma bycz przypądzon“ (ibid., 74); „popaszącz alybo szirzpem posznącz thrawą w syrpye abo w płasczv mayą bycz poczadzany“ [1449 (84)]; „przydadcz w lankan yego zlodzyeysky yedno brzemyan trawi vynyosl“ [1450 (140)].

„Почувствуя свободу, сначала конь прибавил только ходу“ (Крылов); „и у друга на лбу, подкарауля муху, что силы есть, хватя друга камнем в лоб“ (Крылов); „ти кроугомь ѡбиды, вѣто придеть“ (Шестоднев, 27, 3).

Глаголы с *-ова-*. „Стовають“ (Тр. Этнограф. отд., V, 2, 150); „жезл им давает“ (ibid., 151).

Глаголы с *-ыва-*, *-ива-*. „А осенесь, государь, тотъ Власко въ подпискѣ (подделке документов) былъ же поиманъ, а сидѣль у недѣлщика у Игната, у Лазарева и ножемъ ся самъ рѣзаль... и Царь... спросилъ Власка: въ подпискѣ еси поиманъ бываль лы и у недѣлщика еси сиживаль и ножемъ, сидячи у него, рѣзываль лы? И Власко сказалъ:... былъ... сидѣль... ся рѣзаль“ (Акты юридич., I, 125, 1547 г.); „За полъ села еси Граворонова... денги имываль лы и кабалу... выдаываль лы?... та, государь, купчая нарядная (поддельная), и денегъ есми... по кабалѣ не имываль и кабалы ему не выдаываль“ (ibid., 198).

Причастие. Biblia Zofii: „wspłodz szemya szelye czynyócz szemyó (siemię) a drzewo yablko noszócz czynyócz owocze“ (Gen., I, 7, 1); „у uszrzal proch gydócz wsgoró, yako dym“ (ibid., 22); „У wydzal gest we znye drab stoyócz na zemyó końcem nyeba, dosyógajócz, a angyoly boze s nyey wstópuyócz y stópuyócz po nyey a gospodzyna wzlegwszy na nyey a tak k nyemu rzekócz“ (ibid., 31; 28, 12, 13); „Pogrzebyona na szczyesce gydócz do Efratan“ (ibid., 40); „gdisz uznamyonal dzeyn szmyerczy przybyszayócz sze“ (ibid., 41).

Союз перед деепричастием. Biblia Zofii: „Poszegnal temu stworzenyu a rzkaç“ (ibid., 2); „У przikazal gemu a rzkócz“ (ibid., 3, 4, 7 и т. д.); „Powonyaw pap bog wonjej chótney y rzekl gest“ (10); „Wstaw Abraham z yutra a wzól chleba“ (ibid., 24); „otpowyedzal a rzkócz“ (ibid., 29); „a op poszylon y szyadl na loszu“ (ibid., 41).

Причастие и деепричастие. Настоящее вместо прошедшего. „Повьргна“.

„Як почне жінка вередувати, забажаючи або нового очіпка, або яловичини“ (Кв.-Осн.).

Причастие *-лъ*. „И ты, имъ выдавъ розбойника, потомъ, княжо, шоль еси у розбойникову клетъ, товаръ еси розбойниковъ взялъ... Еще княжо, мы тебе поведываемъ д-ю обиду, у чомъ то еси неправду дѣялъ... и онъ шоль (= пошел) с темъ человекомъ соли весить“ (Грамота рижан к кн. витебскому Михаилу Константиновичу около 1300 г. — Акты р.-лив., № 49); „уже Романъ шелъ къ Бѣлугороду“ (т. е. пошел, о чем извещают киевляне) (Ипат. лет., 119, 13); „въ то же время великий князь Всеволодичъ Святославъ шелъ бяшетъ (уже пошел) въ Корачевъ, и сбирашетъ... вои, хотя ити на Половци“ (ibid., 132, 3); „слыша... оже шли суть (пошли) на Половци, утаившеса его“ (ibid., 132, 6); „радъ быхъ тамъ давно ѣхаль, нижли въ насъ того лѣта прошлаго ажъ и до сихъ часовъ што и часъ сполыхи отъ Татаръ бывали“ (Акты Южн. и Зап. России, I, № 268); „Святославъ же Олговичъ бѣ тяжекъ тѣломъ, и трудилъся бѣ (утрудился, устал) бѣжа, и оттуду изъ Городьца посла Чернигову Святослава сынавца своего Всеволодича, а самъ

не може ъхати“ (Ипат. лет., 64, 27); „и что тяжкого товара всякого... не тягли бяхуть (не утягли, не были в состоянии) отъ множества всего того вывозити“ (ibid., 26, 32); „ударилъ еси пятою Новгородъ, и шелъ еси былъ на стрыя своего на Михалка“ (Лаврент. лет., 162); „тѣхъ всѣхъ 18 человекъ поймавъ и повязавъ мучи ихъ, съ собою на Москву велъ“ (Пск. I лет., 255); „[Мы] повзыщемъ светъ желанного мы дядюшку... Не шел (= пошел) ли то к спорядным он суседушкам“ (Барсов, 219); „Поосталась в хорѣмном я строеньце, Шла я — заперла воротичка дубовыи, Да я села... глядеть стала“ (ibid., 272); „Его в солдаты клали“ (=отдали, Олонецкой губ.); „клали в чин“ (= произвели, Олонецкой губ.) (Даль, Словарь, s. v.)

У Иоанника Голятовского (124—125): „законникъ... и шѣлъ (=шел) на море; Панамаръ ишовъ (sic!) до цркви и вложивъ ключъ до замка; Вениаминъ законникъ, будучи въ Купатичахъ, важилъсь образъ престои бци ножемъ скрѣбати, хотачи доведатися з якои есть материи оучыненный, потымъ ъхаль до Пинска и тамъ выкупилъ ѿ смѣрти одного человека“; „Ключилося же пойшли в недѣлю до костела“ (Игнат., 7).

Польский XIV—XV вв. Biblia Zofii: „Zatym David s z e d l (= wyszedł) odtód precz“ (Царств, I, 22, 1); „Tedi David s z e d l (новопольское poszedł) ottód do Masfath“ (ibid., I, 22, 3; I, 22, 5); „A poyòł dzessyòcz wyelblòdow s stada... y gdyzy nabraw sbosza s sobò y yachal gest. Y przygedze do... myasta Nachorowa“ (Gen., 24, 10; 27).

„A wilawszy wodò w slub (zlòb) y byeszala zasszyò ku studnyczi, y naczyrnòla wodi“ (ibid., 28, Gen., 24); „lòkl syò i podzywyl syò, rzekò“ (ibid., 31, Gen., 28, 17); „Censze pojòw dwa syny swa... y bral sze tam“ (ibid., Gen. 41, 1) (нов. jechał — поехал).

„N. N. ...we dwudziestu i... więcej osób... jechali do obozu tureckiego; przeciwko nim wyjechało dwieście Turków“ (Q wypr. choc., 31); чешское „Potom přišli do města, hde bul ten král“ (Šembera, 164); „ta druhá... poudá (povídá). «Nechót»... Hale vona šla přec“ (ibid., 165); „šla a třepla Dodlu po sukni“ (ibid.); „když takovy vece vidili, šli a poudali tomu králi“ (ibid., 165); „voni pusceli hlava a vzeli ji na rameno a nesli ji do zámku“ (ibid., 166); „tak voni, hdy už v díli ze jinač neší, řekli mu“ (ibid., 166).

Причастие прошедшее 2-е (деепричастие). „Шьдъ же иже ё талантъ взя, притворь ими, ти сътвори другую пять талантъ“ (Матфея, 25) (по пересказу Иоанна, экзарха болгарского, в Прологе к Богословию, по списку начала XII в). [То же шьдъ в целом ряде евангелий, слычаемых с этим местом Калайдовичем: в Остр. (1056—1057 гг.), Мстисл. (1125 г.), Галицк. (1144 г.) и пр. — до исправления текста включительно.] Только в переводе на современный литературный язык — пошелъ (см. Калайдович, 29 сл.). То же шедъ в тех же евангелиях и дальше в той же притче.

У Котошихина: „я царствова(въ) же той царъ преставися“ (Котошихин, 1, 3); „и ѣвши и пивъ царъ царевну отпустить къ сестрамъ своимъ“ (ibid., 6); „и ѣтчи и пивъ... за здоровья ихъ государскіе... розъѣдутца...“ (ibid., 10); „отоймутъ честь и помѣстья и вотчины, и бивъ кнутсмъ или батоги ссылають въ ссылку“ (ibid., 36); „чинять передъ тѣмъ образомъ прощение... и бываютъ послы или полковые воеводы въ то время у царя на отпускъ у руки; и прощався царъ, и патриархъ... пойдуть назадъ“ (ibid., 43); „царъ слушавъ ихъ посолского дѣла... будетъ въ выслугу, жалуетъ за выслугу честью“ (ibid., 44); „и споровався много садятца послы на царскіе лошади“ (ibid., 50); „и бы въ послы...“

у руки, велить царь сказати имъ свое жалованье, столъ, ѣству и питье; и послы, бивъ челомъ царю, поѣдутъ къ себе на дворъ“ (ibid., 54); „на кормъ тѣмъ птицамъ [соколам] и для ловли емлютъ они кречетники... голуби, во всемъ Московскомъ государствѣ, у когобъ ни были, и имавъ привозятъ къ Москвѣ“ (ibid., 71); „и Хованской говоря съ ними (поговорив) поѣхалъ къ царю“ (ibid., 84); „и иныхъ бивъ кнутемъ, и клали на лицѣ на правой сторонѣ признаки, розжегши желѣзо на красн... и чиня имъ наказанія, розослали всехъ въ дальніе города“ (ibid., 85); „и слушавъ царь тѣхъ челобитень, отсылаетъ въ тотъ [челобитный] Приказъ“ (ibid., 91); „и пытавъ его начнутъ пытать иныхъ потомужъ“ (ibid., 91); „а какъ та смотрилщица прїѣдетъ и ей честь воздавъ посадятъ за столъ подлѣ тоѣ невѣсты, и сидячи за столомъ за обѣдомъ та смотрилщица съ тою невѣстою переговариваетъ о всякихъ дѣлахъ... и бывъ малое или многое время поѣдетъ къ жениху“ (ibid., 124); „и бывъ у вѣнчанія поѣдутъ со всемъ поѣздомъ къ жениху на дворъ“ (ibid., 126); „ѣдчи и пивъ розѣдутца по домомъ“ (ibid., 127); „ночевавши в помянутомъ селе, отправились мы 3-го числа далее“ (Болотов).

„Володимеръ же цѣловавъ (попрошавшись) брата своего, и поиде Переяславу“ (Лаврент. лет., 118); „пѣвши пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пѣти слава“ (Слово о п. И.); „А яй пойду на ток молодици, А ѣн пойдзиць у корчомку пици. А я приду з тока молодци ѣши, А ѣн придзиць з корчомочки пиѣши“ (Шейн, 261); „здоров пивши“ — украинское. „Potem dzewka byeszawszy, u powiedzala doma swey maczyerzŷ wszystko czosz slizala“ (Biblia Zofii, 28, Gen., 24, 28; так и в новом — bieżała); „Sposzzye kamyeny! A ony to snoszyszyszy u uczynily sŷ s onegoto kamyenya stolecz“ (Biblia Zofii, 36, Gen.).

§ 22. Формы глаголов несовершенных в значении совершенных. Причастия (деепричастия) прошедшего времени

„Окончавъ же“ (= окончив) (Лаврент. лет., 11, 40); „и кончавъ молитву...“ (Ипат. лет., 220, 7); „и кончавъ оксапсалма... нача пѣти псалтырю“ (Лаврент. лет., 58, 1); „а се оурочи городнику: закладяче городня коуна взяти, а кончавше ногата“ (Достопам., I, 53).

Цѣловавъ. „цѣловавше (окончив целование, приветствие) мощи его [Бориса], вложиша ѣ въ раку камену“ (Лаврент. лет., 78, 15).

„Падъ ниць просяше прощенья“ (ibid., 78, 15).

„Слышавъ“ (в значении „услышав“) (Ипат. лет., 17, 11); „слышавше... князи (услышавши)“ (ibid., 25, 5).

Вообще видѣвъ, слышавъ вм. значения „увидѣвъ“, „услышавъ“ очень часто в памятниках древнего письма до XV в. и дальше.

„Гребъше“ (когда отгребли — kdu odrŷnęly ἐληθάροτες) (Остр. ев., 16, Иоанна, VI, 19).

„Трасца бо трасъши (потряси) пустить“ (XIV в., Буслаев, Хрестом., 532).

Пивъ. „Бѣжашю же ему, и вжада воды, пивъ (испивши, напившись) почюти рану на тѣлеси своемъ, во брани не позна ея крѣпости ради мужьства возраста своего“ (Ипат. лет., 164, 38).

Гнавъ. „Увѣдавша же Кончака бѣжавша, посласта по немъ Куньтудья, въ 6000, тотъ же гнавъ (погнавшись) самого не обрѣте“ (ibid., 129, 19).

Водивъ. „Изяславъ же водивъ Всеволодича Святослава хресту, и да ему Бужьскый и Межибожье“ (ibid., 25, 23).

„И даривъ дары многими и отпусти ѱ“ (ibid., 144, 14).

Обѣдавъ. „Обѣдавъ ту... пойдѣ“ (ibid., 67, 4); „и тако обѣдавшѣ, веселишася... и разѣдошася“ (ibid., 40, 8); „Святославъ позва ѱ къ собѣ на обѣдъ, и ту обѣдавшѣ разѣхашася“ (ibid., 42, 20); „Изяславъ же оттолѣ перешедъ за Тетеревъ, и ту съсѣде конемъ опочивати; обѣдавшѣ (вариант «обѣдавъ») же ту и конемъ опочивъ, пойдѣ къ Въздвигдени“ (ibid., 55, 14).

Каявся. „Да аще исповѣдалъ я (сѣгрѣшенія) будетъ отцу духовному, и каявся пакы ся не възвратилъ къ нимъ будетъ, то обрѣтають я заглажены“ (Слово, приписываемое Кириллу Туровскому или Авраамію Смоленскому, список XVI в. — Калайдович, Памятники, 97).

„А сего чему не промыслите, оже то начнетъ орати смердъ, и прѣхавъ Половчинъ ударить ѱ стрѣлою, а лошадь его поиметь, а въ село его ѣхавъ иметь жену его, и дѣти его, и все его имѣнье“ (Лаврент. лет., 118); „Въ се же лѣто преставися Янь, старецъ добрый, живъ лѣтъ 90, въ старости маститъ; живъ по закону божью, не худий бѣ первыхъ праведникъ“ (ibid., 120); „По семь же сборѣ Петръ Гугнивый со инѣми шедъ въ Римъ (šed do Rímu) и престолъ възсхвативъ, и разѣврати вѣру“ (ibid., 50); „И се внезапно испадоста ки златни колци, иже ношаше въ оушию свою, и кочъшися легоста оу раки святою“ (список XIV в., Сказ. о Борисе и Глебе, 37); „и скочъ (т. е. вскочив) нача повѣдати“ (ibid., 71).

„Князь же великий ходивъ по зимовищемъ ихъ [половцев]... възвратися“ (Лаврент. лет., 174); „и онъ двѣ недѣли бывъ, поѣхаль изю Пскова“ (Пск. I лет., 237); „и онъ пословъ Псковскихъ кормивъ и чтивъ и даривъ, и отвѣтъ далъ посломъ“ (ibid., 239); „И они стоявъ 5 дней шатромъ на поли, и безъ отвѣта ко Пскову прѣехали“ (ibid., 250); „оставленъ бы... ѱ ослабленый нъ въ оставленіе грѣховъ, рече бо съдравъ бывъ къ семоу не сѣгрѣшай“ (Изборн. 1073 г., 63); „Погоуби наша плодѣи, толико кра дъ (накравши) кудинъ“ (Supr., 30, 20); „И томъ же лѣтѣ обновиша мость черезъ Волково рушивъше“ (разрушив) (Новгор. I лет., 6); „Се бо надъ гробъмъ [Сарданапаловым] писано бѣаше. толико имама кѣлико же испихъ ѱ ѱизѣхъ съ похотижъ красноюж. примѣшоу же многата ѱ богата ѱ вса бѣсташа, не бо нъ азъ попелъ ксмы въ чѣсти велицѣ црѣствовавъ“ (Изборн. 1073 г., 57 об.); „Тожде же и второму рече, сугубльшуму двѣ талантѣ“ (Калайдович, 29); „посадницявъ“ (Новгор. I лет., 4); „Приде Борисъ посадницать въ Новъгородъ“ (ibid., 5); „Петрилу даша посадницать Новугороду“ (ibid., 6); „Вѣдаша посадницати Якуну Мирославицю“ (ibid., 7); „Въниде изъ Кыева Даниль посадницать Новугороду“ (ibid., 5).

„Преставися Дмитръ Завидиць... посадницявъ 7 мѣсяць одну“ (ibid., 4).

III. О НАКЛОНЕНИЯХ

§ 23. Есть ли наклонения в русском языке?

Некрасов (Некрасов, 58) здесь, как и при решении вопроса „Есть ли времена в русском языке?“, держится одной мерки.

„Выражения *пошел бы*, как форма синтаксическая, имеет значение *условия* в речи; но с этимологической точки зрения оно состоит из двух отдельных грамматических форм, из которых первая имеет значение

формы прилагательной, а другая — формы прошедшего времени; но ни одну из них не обозначается *условие*. Ясно, что этимологические формы не то же, что синтаксические; поэтому-то смешение их между собою по значению вносит в науку сбивчивость и затемняет самый предмет нашего изучения“ (ibid., 58). Дальше о неопределенном и достигаемом см. под этими графами. „Ни... *буду* и *быхъ*, *бы*, ни прилагательная форма на -лъ, с которою соединяются *быхъ* или *буду*, не имеют сами по себе значения условия. Одно только употребление в известных случаях могло сообщить описательным формам *далъ быхъ*, *далъ будеть* [?] значение условное, подобно тому, как формам *оуслыши* — *вонми призри*, употребительным в молитвах к богу, сообщено *молитвенное* значение, вследствие чего в славянских грамматиках существовало также наклонение *молительное*“ (ibid., 59).

„Суффикс *и* по своему этимологическому происхождению вовсе не выражает собою повеления. Шлейхер прямо говорит, что изъявительное и повелительное наклонения в языках индоевропейской отрасли в строгом смысле не могут считаться наклонениями, потому что изъявительное наклонение не обозначается никаким звуковым элементом, а повелительное отличается от изъявительного только вокализмом [прошу прислушаться! *А. П.*] личных окончаний“ (ibid., 59, 60). При этом ссыла на Schleicher, Compendium, § 288. Посмотрим, в чем точно неправ Шлейхер и что ему навязано Некрасовым.

Шлейхер в Compendium, § 288 (1-е изд. 1861 г.) говорит следующее: „В индогерманском показатель наклонения (der Moduselement, у Боппа — Modusexponent. Примеч. перев.), т. е. звуковое выражение отношений сослагательного и желательного (des Coniunctivus und des Optativs), помещается между глагольной темою (Verbalstamm) и личным местоимением. Повелительное и употребляемое в императивном значении (imperativisch) сослагательное наклонение в арийском имеют частично особые растянутые (удлиненные — gedehnte) формы личных окончаний. Это обусловлено в данном случае вокативной природой последних, и их не надо рассматривать как настоящий показатель наклонения (Moduselement)“.

„Изъявительное наклонение (der Indicativ) не имеет особого показателя наклонения (kein Moduselement); изъявительно (индикативно) в нем именно соединение глагольной темы с личными окончаниями, например в индогерманском языке настоящее время *as-ti*, *bhara-ti*, *tana-ti*; прошедшее совершенное *babhâr-ta*; аорист *a-vida-t* и т. п.“ [ср. Ворг, Grammat., § 428: наклонений в санскрите пять, если считать и изъявительное, в коем, собственно говоря, выражены не модальные, а лишь временные отношения (Tempus verhältniss). Его модальный характер и состоит в отсутствии других модальных оттенков значения („die Abwesenheit modaler Nebenbegriffe ist sein Moduscharakter“)].

„Точно так и повелительное наклонение не имеет показателя наклонения (Moduselement), ибо отличается от изъявительного только вокативною (звательною) функцией (vocativische Function) личных окончаний, и вообще вряд ли может быть причислено к наклонениям (собственно говоря и изъявительное наклонение не есть наклонение, так как не имеет показателя наклонений), например в *as-dhi* основа настоящего времени и корень *as*; в *kru-dhi* тема аориста и корень — *kru*“ (Schleicher, § 288).

Во-первых, есть ли здесь хотя слово о вокализме личных окончаний, коим отличается повелительное от изъявительного? Нет: *dhi* в предпологаемом 2-м л. ед. ч. повелительного отличается от *ti-asti* не одним только вокализмом. Некрасов принял „vocativische Natur“ за „vocalische Natur“.

Во-вторых, думал ли Шлейхер, что повелительное наклонение в славянском не имеет модального характера, т. е. особого звукового элемента, носящего модальное значение форм? Нет, он этого не думал, ибо знал очень хорошо, что повелительное в санскрите и предполагаемом индоевропейском языке то же, что повелительное в славянском, и что это последнее по происхождению тождественно с санскритом и предполагаемым индоевропейским желательным, которое имеет свой специальный модальный элемент. Некрасов мог бы это узнать, если бы понял в Compendium'e § 290, в коем ясно сказано, что в вѣждь модальный характер есть *-jā-* (основная форма *vad-jā-s, vaid-jā-t*), а в берѣмь — модальный характер *-i-* (основная форма — *bhara-i-tas*). Если же Некрасов понимает этот параграф, то как он не видит, что когда в § 288 Compendium'a говорится о желательном, как о полноправном, по мнению Шлейхера, наклонении, то здесь же разумеется и славянское повелительное? К чему Некрасов дважды повторяет, что по Шлейхеру повелительное наклонение в языке индоевропейском едва ли может считаться наклонением в строгом смысле? Ведь ему, так как он говорит о славянском повелительном, не должно бы быть никакого дела до санскритского повелительного, от которого в славянских языках не осталось ни малейшего следа.

Некрасов говорит: форма *-и* (вези) „по своему образованию соответствует *потенциальному* наклонению в санскритском, *сослагательному* — в латинском и германском и *желательному* в греческом языках. Поэтому, пока она имела определенное употребление в языке древнецерковно-славянском, до тех пор она могла считаться формою наклонения, хотя в сущности, как справедливо говорит Шлейхер, повелительное наклонение в языках индоевропейских едва может считаться наклонением в строгом смысле“ (стр. 61).

В-третьих, и в этом Некрасов неповинен, Шлейхер думает, что, строго говоря, там только и есть наклонение, где носителем его является особый звук между глагольной темою и личным окончанием, и что если называют наклонение изъявительным и (в санскрите и некоторых других) повелительным, то это делается лишь по некоторой ученой лиценции, коей строгие умы допускать не должны. Это — мнение ошибочное. Следуя ему, Шлейхер считает, например, звательный падеж не только не падежом (и не членом предложения, что в известной степени верно), но и не словом, а междометием (Compendium, § 243). Между тем звательный падеж хотя и не имеет своего суффикса, но тем не менее есть грамматическая форма, так как он относит известное реальное содержание к определенным грамматическим категориям не только в тех случаях, где слово в этом падеже имеет какие-либо другие суффиксы, но и там, где оно равно никаким суффиксов не имеет и где в звуковом отношении оно равно корню. И в таких случаях звательный не есть корень, а форма, притом форма, своим отличием от остальных падежей свидетельствующая о высоком формальном развитии языка. Как здесь, так и везде, присутствие в языке формы несомненно не только там, где посредством тире мы можем на письме выделить звуковой формальный элемент, но и там, где такого элемента вовсе нет.

Возвращаясь к сказанному во-вторых. Несмотря на то, что Некрасов не знает, что сказанное в § 288 Compendium'a Шлейхером о повелительном не относится к славянскому повелительному, он признает в этом последнем особый модальный суффикс *-i-*, причем обнаруживает значительную ученость: „в глаголах 1-го спряжения, оканчивающихся в теме [какой? А. П.] на согласный звук, суффикс *и* в древнем церковно-славянском языке, прикрываясь личными суффиксами двойственного и множе-

ственного чисел, усиливался в *ѣ*; например: *вез-ти*, двойств. ч. *вез-ѣ-вѣ*, *вез-ѣ-та*; множ. ч. *вез-ѣ-мъ*, *вез-ѣ-тѣ* (вместо *вез-и-вѣ*, *вез-и-та* и пр.). Древнее церковно-славянское *ѣ* в этом случае соответствует индороманскому и древне-верхненемецкому *ê*, готскому *ai* и греческому *oi*... Здесь *ѣ* есть усиление звука *i* (посредством *a*, *a+i*)“ (Некрасов, 60). Здесь заметим, что Некрасов думает, будто *вез-ѣ-мъ* образовано от одной темы с *вез-ти*, так как он говорит о теме, оканчивающейся на согласную. Поэтому он считает *-ѣ-* за усиление *-и-*: новое доказательство, что он не заглядывал в § 290 Compendium'a или не понял его. Здесь он узнал бы, между прочим, что *везѣ-мъ* образовано не от темы неопределенного наклонения, а от темы настоящего времени, оканчивающейся на *a*, что *ѣ* здесь произошло не от гуны, а от слияния глагольного характера *a* с модальным характером *i*, и что, стало быть, заряд учености (ср. с санскритским) попал в небо.

Наиболее явно первоначально тождество санскритского *potentials* и славянского повелительного в двойственном и множественном числах новых славянских глаголов, соответствующих по характеру, или только по последнему элементу характера, санскритским 1-го и 6-го классов, именно в глаголах II и IV разрядов (*-не-*); *-ѣ-* в славянском *везѣ-вѣ*, *везѣ-та*, *везѣ-мъ*, *везѣ-те* = санскритскому *-ê-* в *vahēva*, *vahētam*, *vahēma*, *vahēta*.

Впрочем, из этого равенства *-ê-* и *-ѣ-* здесь и в других случаях еще не следует, чтобы слияние основной доегласной *-ai-* в *-ê-*, *-ѣ-* произошло еще до отделения славяно-литовского языка от арийского. Напротив, в обеих отраслях уже по их разделении было, по всей вероятности, еще *-ai-*, происшедшее в рассматриваемом случае из соединения характера первой темы *-a-* с модальным характером *-i-*. В формах *везѣ-мъ* (и тому подобных глаголов II и IV разрядов) *-ѣ-* постоянно находится между двумя согласными твердыми.

Во 2-м и 3-м лицах ед. ч. потенциального в санскрите есть *vahēs*, *vahēt* (основа *vah-a-i-s*, *vah-a-i-t*). Отсюда, после потери конечных согласных *-s*, *-t*, требуемой общеславянским звуковым законом, должно бы выйти *вез-ѣ*. Вместо этого встречаем *вез-и*, а равно и в глаголах III, 1, 6 и 2, 6 — коли, пиши. Подобное ослабление *-ѣ-* (ставшего конечным после потери согласной в доисторическое, но уже славянское время) в *-и-* Шлейхер замечает в родительном ед. ч. именно темы *-и-*: *чръ-в-и*, *ношти*, санскритское *krmēs*, литовское *paktēs* [*ë = ie*], готское *anstais* (Schleicher, Formenlehre, 235). Что до отделения славянского от литовского, то здесь стояло в повелительном *-ѣ-*, в этом убеждает литовская *permissiv*'ная форма 3-го л. (первоначально имевшая значение только единственного), употребительная только с частицей *te* и в глаголах имеющая не более двух слогов и ударение на втором слоге, сохраняющаяся на конце *-ë = -ѣ-*: *te-vežë* [*ë = ie*] — пусть везет (Schleicher, Grammat. Lesebuch, § 104).

В глаголах III, 1, а и б, и III, 2, б, с основным характером первой темы *ja = ꙗ*, в двойственном и множественном числах повелительного *ѣ* в старославянском под влиянием предыдущего *j* изменяется в *ѣ*, после шипящих — *a*: *бѣгѣмъ*, *пишѣте*. Закон, по которому *jѣ = ꙗ*, есть общеславянский: и до сих пор в русском, — а с известными диалектическими изменениями и в других славянских — „бояться“ — по своему характеру *-я-* равносильно с „горѣти“; но в повелительном уже в древнейших старославянских памятниках закон этот часто нарушается двояким образом: а) или удерживается *ѣ* после *j*, например в Остромировом евангелии: *вѣнѣмѣте*, *покажѣте*, вместо *вѣнѣмѣте*; б) или ослабляется *jѣ* в *и*, после гласной в *j*; например в Остромировом евангелии: „плачите,

пийте“ (см. Miklosich, III, § 117). Это последнее сокращение составляет правило для глаголов III, 2, а, в, г.

В санскрите модальное *-i-*, соединяясь с последней гласной характера *-aja*, дает формы potentialis — *cōrāyēs, cōrāyēt, cōrāyēva, cōrāyētam, corāyētām, cōrāyēma, cōrāyēta*. В славянском с этим следует сравнивать не только глаголы $\frac{-be-}{-b-}$ и $\frac{-ae-}{-a-}$, но и глаголы III, 2, в, г, в коих характер *-к-*, но перед ним коренное *a*, или \acute{a} , так что в настоящем получаются сочетания *-ѣк-*, *-ак-*, а также и глаголы IV — *-укъ*. Во всех этих случаях предполагаемая основная форма двойственного и множественного чисел повелительного есть *бѣль-ѣѣ-мъ, дѣла-ѣѣ-мъ* и пр. Но *-ѣѣ-* здесь уже в древнейшее время ослабело в *i* (желѣивѣ, дѣлаивѣ), вероятно, не только потому, что ему предшествует гласная, но и потому, что на нем, по крайней мере в глаголах *-ак-* V и *-ѣк-* VI разряда, никогда не было ударения. Миклошич уже для старославянского выставляет образцами: желѣивѣ, желѣита, желѣимъ, желѣите, дѣлаивѣ и пр. везде с *й*, т. е. с *j*. Мне кажется, несправедливо предполагать здесь *j* уже в старославянском и других древних славянских наречиях; следует думать, что в такой форме, как *дѣлаимъ*, *i* еще на памяти истории составляло слог. Предание заставляет нас произносить пойм, т. е. пойм, и я не вижу причины, почему бы и поивѣ следовало писать поивѣ (Miklosich, III, § 169), ибо, полагаю, в старославянском, как и в древнерусском, даже и отсутствие ударения на *-i-*, защищенном следующим слогом, не влечет за собой сокращения этого *-i-* в *-j-*.

В глаголах $\frac{-u-, -u-}{-b-, -u-}$ для настоящего времени предполагается форма характера *-ик-*, посредствующая между основным *-aja-* и *-i-* в „гориши, любиши“. Для повелительного следует предположить, что соединение глагольного и модального характеров дает *-ijb-*, что *-jb-* после гласной, как и в глаголах *-ак-*, *-be-*, дает *-ji-*, и что затем *-iji-* сольется в *-i-*. Таким образом „любивѣ“ из предполагаемого 'любийѣвѣ' будет отличаться только тем от *дѣлаивѣ*, что в последнем удержалась самостоятельность *-i-* вследствие большого расстояния между *-a-* и *-i-*.

Характер санскритского potentialis во 2-м санскритском спряжении (по Боппу), к коему относятся и санскритский разряд 2-й (= славянскому вѣмъ) и 3-й (= славянскому дамъ), есть в действительном залоге *-yā-*, которое в среднем (ātmanēpadam) стягиваются в *-i-*: действительный 2-е л. ед. ч. — *vidyās, dadyās, vidyāt, dadyāt*; средний 2-го л. ед. ч. — *vidithās, dadithās*.

Мне кажется, что звука *-ъ-* здесь вовсе и не следует предполагать. Допустим, во-первых, изменение *-yā-* в *-yī-*, не представляющее ничего необыкновенного, а затем сокращение *-ī-* в *-i-* и изменение этого последнего в *-ь-*, и что (§ 247) переход *-д-* в *-жд-* перед *-ь-*, если оно еще из *-i-* (предполагает вѣди из вѣдѣ), — необъясним. Бопп (Grammat., § 677) и за ним Шлейхер объясняют славянские *ѣждь, вѣждь, даждь* формами санскритского 2-го и 3-го л. ед. ч. potentialis *parasmāi p.*, причем Шлейхер (Formenlehre, 367) за предшествующую форму принимает предполагаемое вѣдж-ъ, ѣдж-ъ дадж-ъ. Относительно *-b-* эта форма не равна санскритскому *vidyās*; славянский язык здесь, как и во всех лицах двойственного и множественного, в отличие от санскритского, имеет усиление гласной. На это Миклошич (Grammat., III, § 118) замечает, что затруднительно допустить переход долгого *-ā-* в *-jā-*, в \acute{a} .

Для объяснения старославянских форм двойственного и множественного чисел *вѣд-и-та, вѣд-и-те, ѣд-и-те, дад-имъ, дад-и-те* Шлейхер принимает (loc. cit. и Compendium, § 290) для славянского такое же стяжение *-jā-* в *-i-*, какое имеет место в санскритском potentialis *ātmanēpad*. При-

чина такого стяжения вовсе не явственна в славянском, как она явственна в санскрите, где она зависит от неударяемости глагольного характера. Как бы ни было, в дад-и-мъ -j-, если был, исчез бесследно. Иначе появилась бы форма, как дажд-имъ (основа *дад-ји-мъ), вѣждивѣ, откуда вѣждьвѣ, формы, которые чужды древнейшим старославянским памятникам, но которые соответствуют формам повелительного тех же глаголов, существующим в других славянских корнях (ср. украинское їжмо, їжте, польское jedzmy, jedzcie и пр.). В древнерусском уже находим „вѣжъте“ (Лаврент. лет., 80, 29); „повѣжъте“ (ibid., 29, 31) при повѣдите, проповѣдите (Бодянский, 1 об.).

В русском повелительном, сравнительно со старославянским, представляет следующие особенности.

Древнерусскому в той же мере свойственно 1-е л. мн. ч. повелительного, как и старославянскому. Встречая в старинных памятниках такие формы, как поймъ (пѣти), познаимъ, исповѣдаимъ, вѣруимъ, побѣсѣдимъ (Калайдович, Памятники, 22, 27, 43), порозумѣимъ, послушаймъ, поучаймъса (Изборник 1076 г.), възгнушаймъся (Бодянский), мы должны их считать столь же русскими, как и старославянскими. Они не заключают никаких русских особенностей, кроме, быть может, потери конечного ъ, и то не раньше XIII—XIV вв. Сокращение *i* в *j* явижу только в тех формах, которые вместо личного окончания -мъ или -и (с потерянным, хотя изображенным на письме ъ) имеют -мы, -ме (-мѣ — с ошибочно употребленным ѣ) и украинское -мо; например „Олговичи пусти (2-е л. повелительного) домови, а сами ся урядимъ, а крови хрестьянъски не пролеймы“ (= лѣймы) (Ипат. лет., 61, 25); „крѣви не проливаймъ“ (Новгор. I лет., 34, 30); „вѣдаимъ“ (Ипат. лет., 46, 23); „отрицаймо, покаймося, не помышляймо, убоймося, не послѣдуймо, работаймо, непослушаймо“ (Волинский список поучений Ефрема Сирина до 1288 г. — Срезневский, Сведения, 49, 50).

В современном литературном языке и в русских говорах 1-е лицо множественного повелительного заменяется тем же лицом будущего совершенного или несовершенного, смотря по совершенности или несовершенности глагола: пойдем, пойдем-те, будем (станем) ходить. Следы такой замены встречаются уже и в старинных памятниках, например поѣдемъ (в значении повелительном) (Ипат. лет., 54, 38, рядом с настоящим 1-го л. мн. ч. повелительного). Наоборот, ѣдимъ, ѣдите, дадимъ, дадите, имеющие теперь значение будущего, заимствованы, как это замечено и Миклошичем (Grammat., III, § 690—692), из повелительного. В старом языке заметны уже следы такого употребления, например: „можемъ головы свои за тя сложити, а не передадимъ города“ (Ипат. лет., 225, 27).

В украинском отличие 1-го л. мн. ч. повелительного от настоящего (resp. будущего), свойственное древнему языку, не только не стерто, но увеличено, именно в разрядах $\frac{-и-}{-ѣ-}$ и $\frac{-и-}{-и-}$, где древний язык вовсе не различал этих форм, или — только ударением. В украинском эти глаголы 1-го л. мн. ч. имеют, в отличие от древних языков, во множественном числе повелительного перед личным окончанием не *и*, которое в украинском должно бы измениться в *и* среднее, а *ѣ* = украинское *i*. При этом: а) если в 1-м л. настоящего (resp. будущего) ударение стоит на коренной гласной, то в повелительном оно или остается на том же слоге, причем характерное *i* сокращается в *j* (посі́димо, посі́дите, повелительное посі́дѣмо, посі́дѣте), или переходит на характер (ро́бимо, робі́мо). б) если в 1-м л. мн. ч. настоящего ударение на окончании, то в повелительном оно на характере: сиді́мо, сиді́те, сиді́мо, сиді́те; в) во 2-м

и 3-м лицах ед. ч. конечное *и* сохраняется в литературном и русском, диалектически изменяется в среднее *и* в украинском, если на нем стоит ударение (или если *и* без ударения, оно стоит после стечения согласных). В противном случае оно сокращается в *ј*, которое или остается самостоятельным (после гласной), или смягчает предыдущую согласную (прочь, стань), или исчезает бесследно, как в русском ляг из ляги, украинском ля ж из ля жи. Тому же закону подчинено *и* в повелительном, соответствующее старославянскому *ѣ*. Влияние отсутствия ударения на сокращение *а* в повелительном явственно уже в старинном русском, например: „поѣдь прочь“ (Ипат. лет., 199, 11); „поѣдьте“ (ibid., 57, 30); „возстани. . . видь брата твоего“ (ibid., 221, 32); „пожалътеси о Русской земли“ (ibid., 97, 33); „княже! не ѣздъ“ (ibid., 104, 5); но там же „ѣ д и т е“ (повелительное) (ibid., 142, 9); „приѣдте и видите“ (Новгор. I лет., 28, 2) и мн. др.

Ѣ в повелительном свойственно древнерусскому в тех же случаях, в коих оно стоит в церковнославянском. Не точно в „Грамматике“ Буслаева: „Церковнославянское повелительное наклонение отличается от русского употреблением двух примет: *и* и *ѣ*“; „первоначальный звук повелительного наклонения есть *и*, который потом, по законам усиления или подъема гласных, . . . переходит в *ѣ*“ (§ 84). И вообще в этой книге русский язык почти постоянно принимается в тесном значении современного литературного, но, кроме того, древнерусскому уже в очень древнее время стало чуждым изменение *јѣ* в *ѣ*, хотя изменение это было и в русском языке, судя по равенству стоять и горѣти. Вместо *ѣ* из *јѣ* в старославянском — „градѣте оубиѣмы и“ (1125—1132 гг., Буслаев, Хрестом., 37); в древнерусском следует предположить *-ѣ-* („възищѣмъ“ — Бодянский); но в этом *ѣ*, а равно и в том, которое на том же месте в старославянском, рано замечаются диалектические изменения.

В украинском это *ѣ* сохраняется в большинстве говоров в виде острого *і* и, как выше сказано, вновь появляется во множественном числе повелительных глаголов $\frac{-и-}{-ѣ-}$ и $\frac{-и-}{-и-}$.

В литературном языке и русских говорах вместо основного *ѣ* (будет ли оно в старославянском *ѣ* или *ѣ*) стоит *и*; в этом следует видеть не постепенное изменение *ѣ* в *и*, подобное украинскому, а уравнивание темы остальных лиц повелительного с темой 2-го и 3-го л. ед. ч. Другими словами: в украинском говорится ве д і те, потому что везде *ѣ* = *і*, а в русском ве д и те имеет своим оправданием только ве ди. Следы этого замечаются уже в старом языке. Так, при множестве таких форм, как „изидѣве“ (Лаврент. лет., 38, 16), „отгидѣта“ (ibid., 40, 29), „идѣте“ (ibid., 24, 7), „понесѣте“ (ibid., 24, 8), „рыѣте“ (ibid.), „въведѣте“ (ibid., 30, 12) и т. п., находим — „поѣдѣвъ“ (Ипат. лет., 30, 31), „лязите в лоды“ (Лаврент. лет., 24, 7), „придите“ (ibid., 24, 20).

В глаголах II, 1, а ($\frac{-е-}{-ѣ-}$ с корнем на гортанную) в старославянском и древнерусском согласная правильно изменяется перед *и*, *ѣ* в свистящую (ръци, лязи, рыѣте). В литературном гортанная здесь, как и в склонении, остается неизменяемой: пеки, пеките, моги и пр. С этим ср. в Новгор. I лет. „сѣките“ (79, 17). В украинском гортанная является здесь в виде шипящей: „печи“ и пр. Ср. „сѣжжи“ (Калайдович, Памятники, 113); „блюди и стережи“ (Ипат. лет., 144, 33).

И из глаголов $\frac{-и-}{-ѣ-}$ в старославянском „видѣти“ имеет повелительное „виждь“ (но „видите“). Согласно с этим в древнем при ви д и есть и ви ж ѣ (Лаврент. лет., 32, 11) (как в польском и др. — widz), а из современных говоров в Псковской, Тверской губ. — гляжь (см. Доп. к обл. слов.).

§ 24. Образование повелительного наклонения в славянских языках

См. Ворг, *Grammat.*, § 672 сл., особенно §§ 677, 678; Schleicher, *Formenlehre*, § 367; idem, *Compendium*, § 290; Miklosich, III, § 117.

Можно считать решенным, что в формах единственного числа 2-го и 3-го л. — неси, двойственного 1-го — несѣвъѣ, 2-го и 3-го — несѣта, множественного 1-го л. несѣмъ, 2-го — несѣте, и им соответствующих в других глаголах, а равно и литовских повелительных, о коих будет сказано отдельно, имеющих в старославянском основное значение повелительного наклонения настоящего времени, значение это в более древнее время было представлено другим наклонением, именно, по всей вероятности, — желательным. Такое мнение о производности значения повелительного наклонения в славянском и литовском повелительном основано на том, что в звуковом отношении это наклонение соответствует санскритскому *potentialis*,¹ греческому желательному (от темы настоящего времени) и тем из литовских (в 1-м и 2-м спряжениях) форм настоящего сослагательного и форм будущего 1-го (в 3-м и 4-м спряжениях), которые возводятся к одной форме с греческим желательным.

Вероятно, что потеря основного значения желательного, предполагаемого славянским повелительным, повлекла за собою потерю 1-го л. ед. ч. и 3-го л. мн. ч. От первого не осталось никаких следов. Единственный пример последнего, приводимый Миклошичем (loc. cit.), — бѣдѣх — ѣтѣсав (Ватик. ев., Луки, 12, 35 = Остр. ев. „да бѣдѣхъ“), в коем по Миклошичу ж из *ѣтѣ* кажется сомнительным, ибо отсутствие *-ть* в 3-м л. мн. ч. само по себе не свидетельствует о принадлежности этой формы к повелительному, а употребление изъявительного настоящего без союза *да*, *а* и пр. в значении повелительного и желательного не необыкновенно в славянских памятниках.

Древнеславянский и древнерусский языки, а из нынешних славянских языков — украинский, имеют три звуковые сочетания для повелительного наклонения. Для украинского, например, *веди*, *ведімо*, *ведіте* = основным *веди*, *ведѣмъ*, *ведѣте*.

Личные окончания форм *-мо* (*-мъ*) и *-те* (*-тъ*, *-тѣ*) — явственны. Обыкновенно, говоря о русском языке, совершенно упускают из виду украинский язык, теоризируют на основании двух форм: *веди*, *ведите*. „Повеление в личной форме может быть выражено только вторым лицом единственного или множественного числа, смотря по тому: к одному или ко многим лицам оно относится“ (Некрасов, О глаголе, 113).² Так: „Форма на *те*, очевидно [уже и очевидно! А. П.], образовалась в языке через приставку *те*, которая ясно обозначает собою второе лицо множественного числа, к той форме, которую мы [т. е. Некрасов. А. П.] назвали *общей* или *абсолютно-личной формой русского глагола*. Если это *те* есть само по себе 2-е лицо множественного числа (*вы*) и прибавляется к общей, неопределенной личной форме глагола с тем, чтоб указать на лицо, то можно ли спрашивать . . . почему эта форма не употребляется с другими лицами? Да потому, что ею ясно обозначается определенное второе лицо множественного числа“, между тем как формой на *и* „не обозначается . . . никакого определенного лица“ (Некрасов, О глаголе, 112).

Если бы Некрасов знал, что литературному *веди те* непосредственно предшествует *ведѣте*, которое и до сих пор сохраняется в диалекти-

¹ „Санскритское *potentialis*, при многих особенностях своего употребления, соединяет в себе значения греческого сослагательного и желательного“ (Ворг, *Grammat.*, III, 1).

² А „ходім“ и т. п.? А. П.

ческих изменениях в значительной части русского языка, тогда бы он, быть может, не принял формы ве ди за тему и не стал бы образовывать от нее ве дите. А впрочем, кто его знает? Верно, что ве ди не есть тема 1-го и 2-го л. мн. ч.; оно само заключает в себе тему этих лиц и, сверх того, стершиеся впоследствии личные окончания. Поэтому и все рассуждения о различии в употреблении ве ди и ве дите, основанные на мнении неопределенности первой формы, лишены основания.

Проф. Буслаев полагает, что повелительное наклонение (разумеется, за исключением 2-го л. мн. ч. и 1-го л. мн. ч., о коем он вовсе не говорит, потому что оно потеряно в русском), „означая своим окончанием не лицо, а только наклонение, ... может употребляться во всех лицах обоих чисел, без изменения своей флексии“ (Буслаев, Граммат., § 192, 1). Между двумя половинами этой мысли нет неизбежной связи. Известная форма может означать лицо, и тем не менее это лицо может служить для обозначения других лиц. Стало быть, ве ди не непременно потому употребляется во всех лицах, что само по себе не означает лица. Кроме того, первое утверждение, что ве ди и т. п. не означают лица, — неверно. Звуковая потеря сама по себе не влечет еще за собой потери формы как грамматической категории. Всеми славянскими наречиями предполагается такое состояние языка, когда одно и то же звуковое сочетание ра бѣ прикрывало собою три, первоначально различные, звуковые сочетания и три грамматические категории: именительный и винительный ед. ч. и родительный мн. ч. Можем ли на этом основании думать, что в древних славянских языках в таких именах, как ра бѣ, категории именительного ед. ч., винительного ед. ч. и родительного мн. ч. не различались? Нет, мы этого думать не можем. Так и в ве ди и т. п. личное окончание, без сомнения, стерлось, но из этого не следует, чтобы это сочетание вовсе не имело отношения к лицу, чтобы для современного языка было безразлично, какое именно личное окончание фонетически исчезло в ве ди.

По тому закону, по которому всякая конечная согласная¹ дославянского слова в древнеславянском языке² должна исчезнуть, форма ве ди одинаково могла возникнуть и из 2-го л. ед. ч. с окончанием -с и из 3-го с окончанием -т. В этом — основание мнения, что ве ди есть и 2-е и 3-е лица ед. ч. С другой стороны, можно заметить, что 3-е л. повелительного мн. ч. делает вероятным, что в ед. ч. 3-е лицо потеряно и что да жѣ — да жѣ есть, следовательно, не *dadyām*, а *dadyās*. В подтверждение можно сослаться на то, что во всех славянских наречиях ве ди в собственном значении само по себе понимается непременно как 2-е лицо ед. ч., а для того, чтобы обозначать 3-е л., нуждается в новом указании на это лицо, т. е. в именительном падеже имени или местоимении 3-го лица. Однако эти соображения не убедительны, ибо потеря 3-го л. мн. ч. не влечет за собою потери 3-го л. ед. ч., как нам показывает литовский язык, в коем утраченная форма 3-го л. дв. и мн. ч. заменяется формой 3-го л. ед. ч., формой, заметим, лишенной материального знака лица. Точно так же синтаксические различия 2-го и 3-го л. в ве ди не доказывают, что это ве ди вышло из одной формы, а не из двух. Не придаю никакого значения мнению Некрасова (О глаголе, 105 сл.), что ве ди есть *общая личная форма глагола* и только, т. е. не означает ни наклонения, ни лица и числа, а только отношение действия к лицу вообще. Мнение это, как почти все в этой книге, кроме несогласия с фактами (Некрасов хотя силится объяснить, почему ве ди

¹ Кроме *н, м*, которые с предыдущею гласною сливаются в гласную носовую.

² А. А. Потебня здесь и в других местах обозначает этим термином „праславянский язык“. *Ред.*

само по себе означает 2-е л. ед. ч., но объяснить своим мнением не может), выведено ложным путем, который состоит в том, что из известного числа определенных значений формы делается экстракт; это бледное отвлечение потом выставляется как сущность значения формы; из этой сущности обратно выводится что угодно. Конечно, если собрать значения ве ди и отбросить в них все несходное, то мы не получим ни наклонения, ни вида; но что нам в этом толчении воды?

Говоря об употреблении лиц повелительного наклонения и, в частности, 2-го л. мн. ч., следует различать это употребление: а) в повелительном в собственном значении (*imperativus jussivus*) и б) в значениях производных (*imperativus concessionis*, *imperativus indicativus*). Об этих производных значениях по отношению к наклонению будет сказано ниже; здесь же только замечу, что в названиях производного значения повелительного нет никакого *contradictio in adjecto*.

2-е лицо имеет особенное сродство с модальным значением повелительного, ибо в старославянском, древнерусском и древнеславянском в древнейшем периоде сохранилось во всех числах повелительное (веди, ведѣва, ведѣте), между тем как 1-е только в дв. и мн. числах и 3-е — только в ед. и дв. ч.; тем не менее употребление его не так широко, как можно думать, считая форму ве ди только за 2-е л., а не за 3-е.

При определении значения грамматической формы, и вообще слова, нам нужны не категории общего и частного, ибо общее может быть добыто только вышеупомянутым ложным путем, а только категории первообразные и производные, исторически предшествующие и последующие. Но предшествующим (на основании представления) мы имеем право называть ве ди повелительным, хотя бы оно было употреблено с другим значением.

В собственно повелительном 2-е л. ед. ч. = в повелении конкретному 2-му л., которое может быть обозначено или обозначалось звательным.

а) 2-е л. стоит само за себя в предложениях с общим значением необходимости в возможности, все равно, будет ли здесь повелительное в собственном значении или в значении условном: „того и жди... хоть шаром покати“; украинское „ніч... хоть в око стрель тобі“; „озиме ув осени через засуху не скодило... а яровини й не питай“ (Кв.-Осн.). „Кинь хлеб на лес, пойдешь — найдешь“.¹

Проф. Буслаев (Граммат., § 192, 3 и примеч. 3) видит здесь „как бы“ обращение к лицу слушающему. Зачем „как бы“? Прямо-таки к слушающему, но не к тому или другому известному, а ко всякому второму лицу. Значения: „должно ждать, можно шаром покаты“ стоят совсем вне языка. По отношению к лицу в русском языке здесь нет никакого идиотизма (примеры в литовском и немецком см. ниже) и ничего свойственного исключительно повелительному; ср. выше „пойдешь — найдешь“.

Павский (III, 169) думает объяснить обороты „читай я, сделай это мы, тронь они нас“, принимая, что читай состоит только из темы и модальной гласной -и-, и, не имея вовсе личного окончания, поэтому может соединяться со всеми лицами; я же скорее думаю, что читай (*legunt*) произошло из чит а ши, как читай (*lege*) из чит а и і, и что читай в „читай я, мы, они“ тождественно с 3-м л. ед. ч. повелительного, которое точно так же соединяется со всеми лицами, как 3-е л. ед. ч. бы заняло место всех остальных форм. Повелительное без личного или уже отброшенного личного окончания кажется мне случаем, не имеющим себе подобного и трудно допустимым (Miklosich, III, § 652).

¹ Некрасов приводит пример: „Не смейся чужой беде, своя на гряде“ и объясняет „здесь *гряда* от *гряду*, т. е. иду, т. е. своя на ходу“ (О глаголе, 108).

Museji (3-е мн. ч.), но musime. „Čert chytil hospodského, a pod's niš do pekla“ (ibid., 749) — прошедшее конкретное однократное. „Janek děkował bohu a pouy' do světa (= hajdy do světa) kol“. В украинском (горском): „И я собі шду надоети. Пішов, дбй, дбй, такий собі котѣв надоев, ще бôльшій як тот“ (Игнат., 68); „Вôн собі сунь ся, все ся краде, все ся краде... присунув... хопив того птаха, як черкне вткат“ (-ает) (ibid., 66); „Пўстили коруну (а та коруна літала), а коруна літай, літай, и на нього сіла“ (ibid., 53). „Виходить кôнь... и у тоту яблôнь розчяв ся чіхрати, а вôн долôв яблôнев сунь ся сунь на того коня, скочив на нього“ (ibid., 47); „Вôн ся полегоньки сунь, сунь. З той яблоні, сунь, сунь на того коня скочив“ (ibid., 46); „дивиться, там ся три панни купае, вôн ся сунь корчми, сунь корчми, зокрався, та украв середущôй сукні та крила“ (ibid., 20); „І, лихо! Хоч з дому тїкай бідному чоловікові“ (Полтавск. губ., Драгоманов, 60); „Мені таке, що хоч з мосту та в воду (кинуться?) плигни“ и пр.

б) 2-е л. ед. ч. в значении 2-го л. мн. ч. при явственном обозначении этого последнего: „А вы не отставай!“ (обращаясь к отряду); „Пади! берегись!“ (к толпе).

Во всех таких случаях множественное число рассматривается как собирательное, и это увеличивает силу повелительного. Повелительнее сказано: „стой, братцы!“, чем „стойте“. В степени употребительности 2-го л. ед. ч. повелительного вместо 2-го л. мн. ч. славянские наречия могут весьма различаться между собою подобно тому, как ближайшие между собою наречия. Русский и украинский несходны относительно перенесения форм единственного числа именительного падежа собирательных во множественное.

в) В русском употребительно повелительное единственного числа в пожеланиях, обращенных к самому себе, исполнение коих поставлено в зависимость от условия: „будь я проклят, если...“; „провались я, если...“ Украинское „не будь я песький син, коли...“ (Гулак); „От бублики, будь я бестия, коли такі й дома ів“ (Кв.-Осн., II, 239). Хотя примеров я не встречал, однако думаю, что в таком смысле форма эта может быть употреблена и в 1-м л. мн. ч.: „Будь мы прокляты!“; „Але говори я, — та не ладуј! — а тут староста, чути, вже й просить із-за стола“ (= Что ж я заговорился, а не заряжаю, между тем как пора стрелять при выходе из-за стола).

Если не ошибаюсь, в других славянских наречиях этот оборот не употребителен и заменяется описанием, обычным и в русском: пусть я буду, нехай буду, бодай здохну, чешское at с 1-м л. ед. ч. изъявительного водеј и пр. Относительно русского может быть сомнение, есть ли будущее в „будь я проклят“ первоначально 2-е лицо. Оно может быть и 3-м.

г) 3-е лицо единственного числа повелительного в собственном значении: а) во всех славянских наречиях стоит само за себя в случаях, когда 3-е л. ед. ч. означено именем или местоимением в именительном единственном (но не звательном) (Буслаев, Граммат., § 194, 1, примеч. 3). Ср. „будь он проклят“ (будет ли за этим стоять условие или нет, это — все равно); „Уж кат бери й шапку, аби б голову цілу до дому донести“ (Кв.-Осн.). б) В русском вместо 3-го л. мн. ч. примеров мало (Буслаев, Граммат., § 192, примеч. 1): „и они... чужими землями ж владѣй“. Аналогично с переходом 2-го л. ед. ч. к значению множественного числа и с тем же эффектом.

Отвлекаясь от того, что под одними и теми же звуками скрываются две формы повелительного 2-го и 3-го л. ед. ч., и принимая это за одну форму, можем сказать, что эта форма не есть ни общая для всех лиц повелительного наклонения, ни тем менее общая личная форма глагола

без наклонения. Для 1-го л. ед. и мн. чисел она служит только в ограниченном значении пожелания, а не прямого повеления, непременно с местоимением 1-го л., следующим за нею. Для 2-го и 3-го лиц множественного форма эта употребительна в русском и литературном, но так, что каждый раз заметно основное значение единственного числа. Форма эта в значении повелительного не заменяет собою и не вытесняет форм 1-го, 2-го лиц множественного числа (подобно тому как общий падеж романских языков заменяет собою и вытесняет различные окончания латинских падежей) и существует рядом с ними, обозначая то, чего они не обозначают. Нельзя сказать в украинском „ходи ми“ или „ми ходи“, „ходи ви“ или „ви ходи“, „вони ходи“ вместо „ходімо, ходіте, нехай ходять“ (идуть). Так и в русском нельзя в повелительном смысле сказать: „мы пойдн, вы, они пойдн“.

Другое дело — в значениях производных: условном и изъявительном. В первом [в условном. *Ред.*] в русском форма первоначально единственного числа стоит со следующим за нею сбозначением лица вместо всех лиц единственного и множественного: „сделай я, ты, он, мы, вы, они“ = „если б я и пр. сделал“. Но в украинском форма единственного числа стоит в значении 2-го л. ед. ч., редко в значении 3-го л. ед. ч., для других же лиц — описания или настоящие формы повелительного. Как поступил в этом случае чешский, см. ниже.

Во втором значении (изъявительном), как ниже показано, вовсе не заменяющем собою настоящего изъявительного, в русском и сербском и в более ограниченной мере и в украинском форма единственного числа ставится вместо всех лиц.

§ 25. Употребление повелительного наклонения

Рассматривая историю таких форм повелительного наклонен я, как ве ди, ве дѣмъ, ве дѣте и соответствующих, мы должны принять за исходную точку повелительное значение этих форм, хотя известно, что славяно-литовский язык предполагает время существования особого повелительного наклонения, причем функция форм, из коих вышло славяно-литовское повелительное, была сослагательнс-желательная.

До этого последнего, относительно древнейшего, периода нам здесь нет дела. Весь ряд значений, принимаемых в славянских наречиях такими формами, как ве ди и пр., выводится из их повелительности. Другие модальные значения рассматриваемых форм представляются (или изображаются) их повелительным значением. Таких производных значений в русском языке два: а) условное и б) изъявительное. Хотя каждое из этих значений представляет особенности в русском литературном языке и русских народных наречиях, однако особенности эти, как и во множестве других случаев, весьма тонки и отделить их сплеча, как топором, невозможно.

а) О повелительном в значении условия (например, будь то-то, не было бы другого) см. Буслаев, Граммат., § 192, 2, примеч. 2 и 8.

Хотя ниже указано сходство между повелением и условием, но употребление повелительного в предложениях условных не составляет его особенности: „не послухати її (не послухаю, нехай я не послухаю) так битиме“ (Кв.-Осн.); „Хоч всіх ти упирів з бери и знахарів, хоч покумайся ти с відьмами: ніхто не скаже нам, так як би ти хотів, що доля завтра зробить з нами“ (Гулак); „Отце коли прийшов з посудиною, щоб купити до хазяйства на скільки треба горілки, то хоть трохи за слухайсь або задивись, то й не долге повної міри та мерщій и всипае у твою посудину, и вже хоть спорь, хоть лайсь, а він тебе випроводить геть“ (Кв.-Осн.).

Некоторые называют такое повелительное *imperativus concessivus*, потому что в нем значение: „допустим (предположим), что было бы, или что есть то-то (если бы было то-то), и тогда случилось бы“, что в нем это предполагаемое условие другого явления изображается повелением: будь. Сродство между наклонениями условным и повелительным состоит в том, что оба они, в противоположность изъявительному, выражают не действительное событие, а идеальное, т. е. представляемое существующим только в мысли говорящего.

В [таких] выражениях нашего литературного языка, как „допустим, положим, предположим то-то, и будет то-то“, мы в этом „допустим“ не можем чувствовать никакого оттенка повелительности, потому что этот язык потерял 1-е лицо повелительного, но в славянских языках, сохранивших эту форму, в таких случаях можно ожидать не только будущего совершенного, но и повелительного, как в польском „*dajmy na to*“ — предположим. Но во всяком другом лице и в нашем литературном языке появится повелительное.

аа) В главном предложении стоит изъявительное наклонение. Так, в украинском „*прийди до його в нужді, проси голодний сухаря, і сухаря не дасть, і за руку виведе з хати*“, „*прийди до його з порадою об якому хочеш ділі, так вже добре навчить*“ (Кв.-Осн., I, 156); „*Ори і заливай лани, коли широкі перероги і грошики за баштани лупи, та все одкинеш ноги*“ (Гулак).

Такие обороты решительно не составляют особенности русского языка. В чешском — см. Zikmund, § 256, p. 625; в хорутанском — Japežić, § 466, p. 234.

На такое же употребление повелительного в сербском указывает частица *будь*, *буди*, равная по употреблению, но не по собственному значению и не по происхождению, русскому *буде*: „*буди ли идеш на војску, коме ме младу остављаш*“ (Караџић, Рјечник, s. v.).

В той же мере они свойственны литовскому и немецкому, например: „*ateik nevalgęs, iszėisi iszalkęs*“; „*komm ohne gegessen zu haben, du wirst hungrig weg gehen*“ (=приди-ка не евши, уйдешь голодный); „*iszeik bemylims, ateik belaukiems, tai gėrs būsi svėczes*“; „*geh, wenn man dich gerne hat, komm, wenn man deiner harrt, so wirst du ein guter Gast sein*“ (=уходи, пока мил, приходи когда ждут, то будешь добрый [милый] гость) (Schleicher, Grammat., 311). Шлейхер (loc. cit.) говорит, что в этих случаях повелительное есть как бы сокращение первого члена условного предложения (*komm* = *wenn du kommst*); это во всяком случае не точно, ибо повелительное здесь вовсе не предполагает условного наклонения, а только обозначает условие повелительным. Второй член обозначает явление, или одинаково зависимое от перечисленных в первом условии, или равно независимое. Первый член условного сочетания предложений может быть предложением разделительным с союзами разделительными или без них: „*жди—не жди, не дождешься; проси ли—не проси, не дам*“. При этом оба члена деления явственно обозначаются. Оборот этот в чешском и хорутанском употребителен не менее, чем в русском. О хорутанском см. Japežić, loc. cit. В чешском (см. Zikmund, loc. cit., § 221, 6, примеч. 4, и § 256, 4 а): „*Chťěj já, neb nechťěj: musím činiti tvou vůli; chťěj ty, neb nechťěj, budeť o pokoj rokováno; chťěj me neb nechťěj me, musíme umřít; Bída is pannami, chťějte neb nechťějte, musily se brániti; zavázáni jsme jiste k tomu abychem se modlívali, již pak chťěj se nám neb nechťěj*“ (3-е л. ед. ч., безлично); „*Bud'že — bud'že, bu d'to — aneb ne*“, как вышеупомянутое сербское *буди*, склоняется уже к значению союза: „*bu d'to že jíte nebo píte... všeccko k slavě boží činite*“. Здесь в русском неловко

было бы поставить повелительное: „ешьте вы или пейте“; лучше — „будете ли есть или пить, все делайте на славу божью“; „Bud'že mluvím, men zmeňšuje se bolesti mé, bud'že tak pečá mi neodchází ode mně“ (= говори я или нет; высказывай я свое страдание или нет); „а я то мужикові крути та не верти, не раз вже бачила таких дурних як ти“ (Гулак).

Ср. в польском „Сhciej nie chciej, musisz. В немецком при таком же обороте (sei es das... oder — будь то или) в известных случаях необходимо изъявительное (er mag... oder) или сослагательное (er möge... oder).

Замечательно, что сербский язык для таких разделительных предложений, в коих в русском почти необходимо повелительное наклонение в условном значении, выработал особый оборот с прошедшим на -л. „Змај... рекне своје коњу: «Шта ћемо сад? или ћемо јести и пити, или ћемо терати?» А коњ му одговори: «јео не јео, пио не пио, терао не терао, не ћеш га стићи»“ (Караџић, Припов. 1853, 32) = ъшь не ъшь, пей не пей, гони не гони, не догонишь; du magst...; „Клапило се, не клапило (пенься — не пенься мыло, купленное вместо сыру) јешћу те, платно сам те“ (Караџић, Пословице, 134). Такое употребление в сербском связано с тем его свойством, по которому прошедшее на -л, само по себе без союза или аориста вспомогательного бы хъ может иметь значение желательное или условное. Более близкий к сербскому перевод приведенных выражений был бы: ел ли бы ты или не ел... пенилось ли бы ты или нет.

Примечание. В приведенных примерах *chtěj ne chtěj* и пр. видна возможность перехода такого повелительного хотя в условное значение союза условного или уступительного. Для такого перехода нужно, чтобы хотя бывало предварительно не единственным сказуемым первого члена условного сочетания, а сказуемым главного предложения, при коем стоит предложение придаточное, как в „буди оставѣаш“, „bud' toze jite“. Этот переход действительно совершился по старинному русскому хотя, которого не следует смешивать с хотя. „А хотя которой братъ родной учинитца недругомъ сыну твоему Царевичу Ивану... и мнѣ съ тѣмъ его братомъ въ дружбѣ не быти“ (1554 г., Собр. гос. грам., I, № 168); „а хотя мя мать моя и не учнетъ наводити на лихо, а взвѣдаю, что мать моя сама захочетъ которое лихо учинити... и мнѣ то лихо... сказати сыну твоему“ (ibid.); „а дешево, хотя не надобе (= ъ), а в ту пору купи“ (Домострой, 72). В нынешнем хоть может скрываться и хотя и хотя.

Между представлениями воли и возможности есть известное сродство. Выше приведенное „хотя не надобѣ“ переведем немецким „mag es auch unnötig sein“ (NB. „диви-бы“ = уже пусть бы).

Сербское „немој, немојмо, немојте“ с неопределенным наклонением глагола со значением увещания или просьбы не делать. Стало быть, сходно с „не хтјеи“, „не изводи“; по всей вероятности, есть то же, что не моги.

Наоборот, русское областное (моск.) хотеть значит также быть в силах, в состоянии, мочь: „не хочу пойти“ (Обл. слов.).

Русские и украинские частицы буди, будь, будь си, будь сим (белорусские, см. Обл. слов.), буцим, будьто не имеют уступительного условного, идут не от того значения повелительного, которое в вышеприведенных сербских (буди) и чешских примерах (bud'to že). Они обозначают тоже предположение действительности (стало быть, его мнимость) явления, но не в смысле условия другого явления, а в смысле его образа, то поясняющего действительность, то скрывающего ее: русские (Архангельск. губ.) буди — как будто: „что ты

глаза вытаращил, *буди дикой*“ (Буслаев, Граммат., 192, примеч. 5; см. Обл. слов. и Даль, Словарь).

Украинское (галицийское) *будь*: „росла́, *будь* тополя“ (Зоря Галицкая). Украинское (восточное и западное) *буци́м*, при коем белорусское *будь* сим с тем же значением (НВ. Белорусское бытцом — Романов, 3).

Впрочем, украинская форма предполагает творительный падеж местоимения не симъ, а сѣмъ. Этот творительный первоначально и мог иметь значение творительного сравнения.

Примеры: „народу там зібралось, *буци́м* там місце (т. е. базар) началось“ (Гребінка); „збираються, *буци́м*-то прясти, та замість того пустують“ (Кв.-Осн.); „пійшов, *буци́м*-то в город“ (ibid.); „далі, *буци́м*-то не второпала, при кого вона розказує, тай каже“ (ibid.); „Маруся *буци́м*-то слухає, та все своє гадає“ (ibid.).

Белорусское *будь* - с и параллельно и равносильно русскому *будь-то*, так как с и есть винительный ед. ч. ср. р. от сѣ. О *будто* в литературном см. Буслаев, Граммат., § 192, примеч. 5, и § 273.

С рассмотренным типом предложений разделительных находится в родстве другой тип. В русском языке принадлежащие к нему предложения всегда имеют перед сказуемым местоимение относительное или наречие относительное (дополнения или обстоятельства) с частицей *ни*, украинское *не*. Эти предложения по отношению к предыдущим представляются более отвлеченными; они как бы вывод из выше рассмотренных разделительных: „проси, не проси, а...“ заключает в себе конкретно изображенные два противоположные и равносильные условия; „как ни проси, а...“ представляет условие, выбранное из ряда многих и наиболее благоприятное. Второй член всегда выражает явление, независимое от условия, выраженного в первом, или даже противное этому условию. Поэтому отношение второго члена к первому есть всегда противительное, и все сочетание может быть названо уступительно- или условно-противительным.

Как и в выше рассмотренном типе сочетаний, в первом члене может стоять и условное наклонение: „как бы ты ни просил, не дам“.

Первому члену с частицей *ни* и с повелительным обязано своим происхождением кто-, что-, какой- и пр. *ни* *будь* (*ни* *буди*). См. Буслаев, Граммат., § 192, 4, примеч. 5; например: „И въ томъ отводъ на правой сторонѣ тѣ двory всѣ къ Суцову и Митрополичи и розные чьи двory ни *буди*;... а которые будутъ двory Суцовскіе... гдѣ ни *буди*...“ (1504 г., Собр. гос. грам., I, 136).

Русские обороты — „сколько *ни* жди“, „як не мудрой, а вмерти треба“ и пр. — представляют следующие отличия от соответственных чешских, о коих см. Zikmund, § 256, 4, b, и § 223, 7, примеч. 1.

Во-первых, в чешском, в оборотах, наиболее близких к русским, после относительного местоимения (или наречия) не ставится частицы, соответствующей русскому *ни*. Такой частицы вовсе и нет в чешском, ибо по функции чешское *ani* совпадает не с *ни*, а с *ни-ни* и с *и* и *не*, и то только отчасти: „sož kolí mluv já (was ich auch immerhin sagen mag — «что я *ни* говори») *nic* пе dba“. Это различие, впрочем, лишь косвенно относится к употреблению повелительного. Так и в других русских оборотах — „что бы я *ни* говорил“ — присутствие *ни* в русском обороте указывает само по себе на то, что следствие не зависит от условия выражения повелительного или сослагательного с *ни*.

Во-вторых, чешскому, а в меньшей мере и польскому, свойственны обороты из двух одинаковых повелительных, связанных местоимениями относительными или наречиями относительными: „dělej ty z toho со

dělej, předece...“ [=как ты на это ни смотри (смотри как хочешь) все-таки (или однако...)]; bud' jak bud' (=как ни случись, что ни будь) robeta; так и в польском: „bądź co bądź, przenie (ale...)“.

Описательное повелительное в условном значении. „Нехай же коли мати хоть трохи зморщитця, що або трохи недужа, або що таке, — вже Оксани з хати й не виженеш... вже од матери ні на пядь“ (Кв.-Осн., I, 160); „Людей пита й, свій розум май“; „Як не мудруй, а вмerti треба“; „Повірити усьому, що їй стань розказувати“ (ibid., I, 183); „Не треба мені ні панства, ні багатства, будь хоть простий мужик, личман, я тебе все рівно любитиму“ (ibid.); „Нехай сонечко на мене не світить, нехай місяць для мене потускне, нехай зірочки від мене поховаються, квіточки передо мною завянуть, пташечки не щебечуть, річечка висохне, світ зміниться, — мені до сего всего нужди мало, аби б я бачила тебе по всяк час“ (ibid.); „Хоть йому кажи, хоть не кажи, він нічого не тямить“ (ibid., 240); „Віддай руками, то не виходиш і ногами“; „Ось нехай лишень увійде, то зараз на неї і напустятця“ (ibid., II, 161); „Туді поверні — там східці та двері, східці та двері; сюди пійти — східці та двері, східці та двері, більш нічого й нема“ (ibid., 243); „Kthori kole kmezc orze czalim plugem, kulye kolye theszs mye y volow albo kopuow, rowupuen dacz czthirzi kythi konopi“ (1449 г., Księgi ust., 12).

Формы Супрасльської рукописи можно бы считать потенциальными, если бы быть уверенным, что они не простые описки.

„Ты видиши... тько не имамъ сълѣсти съ камене сего... доньдеже оумърѣ, аште мене не оуслыши и ижденеши бѣса сего отъ чловѣка сего, и свободь сего сътвориши“ (Supr., 131, 5); „Аште ми са хошти извѣстити, принесѣ ти, кгоже вы глаголете кръста“ (ibid., 47, 25; ср. Miklosich, Lexicon — хотѣти).

В Супрасльської рукописи в 3-м л. настоящего опускается *-тъ* = *-ть*, причем получают формы, которые (Ludwig, Der Infinitiv, 137) считают за optativ: „доньдеже са образи“ (Supr., 102, 19). „Матере... подадѣштѣ съсь, да не надои дѣтишта, нѣ да отъ плача оуставить“ (ibid., 285, 11); „блюди мрътвьца, да не оубѣжи“ (ibid., 329, 18); „да не излази слово сврънаво“ (ibid., 390, 25).

В следующем покажи поставлено независимо от предшествующего *да*: „оустави себѣ законъ и правило, да въ мѣрѣ все твориши, и много съхрайениѣ покажи о мьнимыхъ не оудрѣжаныхъ“ (ibid., 381, 10).

Повелительное = условному: „зачепи ж її хто словом, зпитаю об чим-небудь, зараз зирк! з нід своїх війок, вже й догадалася, з якою думкою питають її... Коли честный поважный чоловік її пита об ділі, вона зараз уклонитця и скаже що треба... Нехай же з дурною думкою хто її зпита, так тут вона гляне на него мов та королівна, та не кажучи нічого тільки губоньку піднявши, їби усміхнетця — то той, що питав, и оставя, як опечений“ (Кв.-Осн., Щира любви).

б) Во втором члене сочетания (главном предложении) стоит условное наклонение. Это обстоятельство, повидимому, могло бы не иметь никакого влияния на употребление повелительного в первом члене. Действительно, в литературном языке обороты, как „будь то-то, не было бы того-то“, не представляют в первом члене отличия от рассмотренных. Однако в украинском здесь предпочтительнее употребление сослагательного (условного) и для выражения и условия: „як би було то... то булоб“:

„Як би мені ступка та журна!
Як би мені жінка моторна!
Я б її цілував — милував,
А до печі куховарочку наняв“⁴⁹

Употребление условного в обеих частях сочетания здесь удобнее потому, что в условном можно обозначить два времени („як би я знала“ и „як би я була знала свою нещасну долю, не йшла б була заміж“...), между тем, как при употреблении повелительного для обозначения условия различения этих оттенков, можно сказать только „знай я“, а не „знай я було“.

Повидимому, ради возможности обозначать в условном предложении временные оттенки — и, без сомнения, с таким результатом — сербский язык выражает условие не повелительным, а его описанием, т. е. любым временем изъявительного (кроме аориста?) с союзом *да*.

„Да је вина, и стрина би пала“ (Караџић, Пословице, 49) = будь вино — пусть будет вино... Это настоящий глагол *permissivus*. В нынешнем языке такой оборот может казаться собственным, не переносным выражением условия, ибо мысль говорящего уже не восходит при этом к средству, коим условие выражено: обычное описание повелительного есть настоящее время (и только настоящее) с *нека* (украинское нехай, пусть). Но тем не менее выражение условия посредством *да* не только с настоящим, но и с прошедшим получило начало при таком состоянии языка, когда условия выражались только повелительным описательным (настоящее время с *да*).

„Да није сиротиње, не би ни сунце гријало“ (*ibid.*, 53); „... бор хватим и он би се зелен осушио“ (*ibid.*); „Да су бољи гости, била би боља и част“ (*ibid.*, 55).

„Ти да имаш соколова крила,
Не би т' мяса уносило перје“.

(Чубро Чојковић, 156.)

„Закључа врата, говорехи: сам бог да дође, не ћу му отворити“ (Караџић, Припов. 1853 г., 171).

„Би л'се нашло доброга јунака?!
Да попије ову чашу вина,
Да попије, да ни не зафали?“

(Чубро Чојковић, 129.)

„... Да нађезе (проходи он мимо) друмом овудије
Би попио и он купу вина,
Би попио, неби зафалио“.

(*Ibid.*, 129.)

„Дас' оћаше тио наоблачит',
Је неимаше ће капља крунути!
Од доброга коња и јунака“.

(*Ibid.*, 142, 143.)

„... да ћаху извадит јој душу,
Она млада казат' не оћаше
Ће је била и што је виђела“.

(*Ibid.*, 130.)

„Да је мене царе запресио
Ја му Хајку не бих поклонио“.

(*Ibid.*, 156.)

„Да сам јуче умрo, не бих то данас чуо“ (Караџић, Пословице, 55); „Не бих ја ни дошла овамо, да ме није моја матерешина отерала“ (Караџић, Припов. 1853, 177); „Поједе све и још да је било“ (*ibid.*).

Случаи такого употребления изъявительного, получающего значение concessивности в силу *да*, весьма обычны в сербском. Они, как и подобное употребление повелительного в русском (да сам = будь я..., тогда и было бы то-то), новее, чем *ако с бих бил* (= еще бих был). Посредником между последним и первым, по Ягичу, служат обороты с *да бих бил* в первой половине условного сочетания; сначала: „ако би ови чловик злочинац не био, не бисмо га били предали теби“; позднее (пример XVII в.): „да би он не био злочинац“. [Но ошибочно, что Ягич смотрит как на непоследовательность на удержание донныне чистого (не concessивного) условного: „код он не би био злочинац...“ (Jagić, Primjetbe, 194).]

66) Повелительное в значении изъявительного (но не вместо изъявительного). В литературном русском языке — см. Буслаев, Граммат., § 192, 3в; МВ. Miklosich, IV, 794—797. В украинском: „а він (вони) давай його бити“.

Сюда же относится и украинское дей-ко, т. е. дай-ко (*ай* = *ей* в чешском — как правило, в украинском — как исключение в трех случаях: чей, дей-ко, дей же його кату, дей його честь; в последнем у Квитки-Основьяненки „дий його чести“) с опускаемым дополнением: „Чого ти там гарчиш? сказав наш Солопій, та й з серця дей-ко з хати“ (Гулак); „В ставочку пліточка дрібенька з нечевья зуздрила на удці червяка... Ну, дей-ко до його швиденько...“ (ibid.).

Оборот этот в той же, и даже большей, мере свойствен и сербскому: „дијете, спопадне (букву) па пѣвуци тамо, пѣвци амо, али не може да је ишчупа“ (Караџић, Припов. 1853, 2). „Онда се Брко залети (как разбежится), па хоп! преко воде на другу страну, па поћерај за Међедовићем“ (ibid., 6); „а ми с ко́на̂ своје вреће, па пуњи и мјери (давай наполнять и мерить), док напунимо вреће“ (ibid., 7); „Брже боље спреме се на пут, седну на коње па бежи“ (давай бежать) (ibid., 26); „кад змај руча (глагол совершенный) онда седне на коња па терај за њима“ (ibid., 27) и мн. др.

„Аж ось ізнов де ні візмись їздець“ (Кулиш, II, 40); „Сіла край віконця и давай би то шити... знай у віконце поглядає, чи високо сонечко“ (Кв.-Осн., II, 181); „Невістки знай у противну хату рип та рип“ (ibid., 180); „Писарь... знай кахикає“ (ibid., 208); „Вони знай підтакують“ (ibid., 209); „Отворила я дверь да тут дубовую, откуль возмись перелетна эта птиченька“ (Барсов, 211).

В обоих языках здесь употребительна только форма 2-го — 3-го л. ед. ч. о всех лицах в русском, не исключая 1-го л. ед. ч.: „а я и дога дайся...“ Употреблением этой формы, как уже замечено проф. Буслаевым (loc. cit.), достигается большая живость рассказа, изображение большой быстроты действия. Следует думать, что этот эффект вытекает из предположения, что за повелением немедленно следует исполнение.

Так употребленное повелительное не должно быть смешиваемо с такими усеченными глагольными формами, как *хвать, глядь*. Miklosich (III, § 642) думает, что хотя образование *глядь* из прошедшего *глядь* и не невозможно, однако, имея в виду употребление в сербском 2-го, вернее, 3-го л. повелительного в значении всех лиц аориста — „како удари (ударил) Турци на Малинско и на Струг, Сировчани не смједни (смједоше) им одмах у помоћ поћи“ etc., и русском — „тут вихр отколе ни возмись“ и т. п., следует за такую форму считать и *глядь*.

Последние вовсе не суть и не были никогда повелительными, хотя изредка действительно употребляются в повелительном значении; первые по происхождению суть повелительные, но повелительность в них только представление, средство изображения изъявительного. Сходство

есть только между „давай бить“ и „ну бить“; но это *ну*, равно как и *на*, мы уже выше отличали от хватъ, глядь и т. п. тем, что *ну*, *на* суть повелительные слова, принимающие личные окончания. Особенность усеченных глагольных форм (хватъ), как выше замечено, состоит в том, что они никогда не бывают предложными, кроме того случая, когда вторая из повторяемых частиц соединяется с *по* для окончания последования во времени: хватъ — похватъ, шасту — пошасту. Другими словами: пространственные отношения действия и зависящие от предлогов значения совершенности и несовершенности здесь никогда не обозначаются. Напротив, повелительное наклонение в значении изъявительного может, подобно всякой другой форме спряжения, быть простым или предложным; оно бывает большею частью, хотя не всегда, именно совершенным. Отсюда видно, что в экономии языка усеченные глагольные формы и повелительное в изъявительном значении играют различную роль. И по времени происхождения те и другие — различны. Первые не составляют особенности ни русского, ни вообще славянского языка; так, не менее сродни и литовский и немецкий; вторые не одинаково свойственны даже русским наречиям, из чего с вероятностью можно заключить, что они возникли позднее.

§ 26. Замена и описание форм повелительного наклонения

1. В русском вместо недостающей формы 1-го л. мн. ч. повелительного употребительно 1-е л. мн. ч. будущего совершенного (настоящего). Присоединение к этой форме личного окончания 2-го л. мн. ч. *-те* (*-те* в сербском и пр.; Miklosich, IV, 71), которое и в других случаях может присоединяться не к темам, а к словам [кроме *на-те*, *ну-те*; ср. еще областное (Смоленская губ.) „здорово-цѣ, мои роннѣю“ (Этнограф. сборн., I, 143)], дает новую форму („пойдем-те“), которая может иметь только повелительный оттенок. Собственный смысл ее есть „пойдем *мы* и *вы*“. Это — увещание, обращенное к другим, делать что-либо вместе с нами (у Федьковича): „А подивися-ко, де Василь дівся“; „А покажи-ко мені своего хресного“. В украинском, сохранившем особую форму 1-го л. мн. ч. повелительного, прибавка *-те* к этой форме была бы излишняя, хотя на востоке слышится *х о д і м-те*, но эта форма — не народна.

2. Когда сила речи падает на повелительную форму, тогда самостоятельное местоимение ставится после повелительного. Этот оборот соединяется со следующими.

3. Подобно тому как частица *-то*, а в некоторых областных русских говорах — член, выдвигает вперед имя, так частица *-ко*, а в диалектах измененная *-кѣ*, приставленная к повелительному, делает то же с повелительным, отчего последнее получает оттенок увещания, понуждения.

В восточном украинском эта частица при повелительном неизвестна, однако — дейко. Но в „Народных песнях Галицкой и Угорской Руси“ Головацкого нахожу следующие примеры: „Не кличмо нікого, підім-ко ми сами“ (Головацкий; I, 164); „піді-ко ти, моя доню“ (ibid., 260); „коли пішки не приходиш, хоць конем приїдь-ко“ (ibid., II, 383).

В русском она очень употребительна, в некоторых говорах только после личных окончаний, причем 1-му лицу изъявительного она сообщает, как и *-те*, исключительное значение повелительности (пойдем-ка, пойдём-те-ка, пойди-те-ка), а в других и перед личным окончанием 2-го л. мн. ч. Так, в некоторых северных русских говорах: „Ты пойдём да богодана с нами, матушка... На мою да ты родиму пойдём родинку“ (Барсов, 238).

2-е л. ед. ч. *-ко* присоединяется прямо к повелительному, а вслед за ним ставится самостоятельное ты (см. выше); например „стой-ко ты“; или *ты*, приставленное к повелительному, теряет гласную, становясь таким образом настоящим сложным окончанием, к нему приставляется *-ко*, а вслед затем нередко еще раз ставится уже самостоятельное *ты*: „ты спусти-тко... в монастырь“ (Онежская губ., Пам. и обр. нар. яз., 274); „возми-тко“ (ibid., 276); в Ситчине: „Выйдзи ты на цыстò полè, Падзй-тко ты своей грўдзью белою... Возмоцѣ-ткѣ ты сырў землò“ (Этнограф. сборн., I, 148) и др. Возвратное местоимение ставится здесь после *-ко*, между тем как в говорах, сильнее повлиявших на литературный язык, наоборот: „не подступайко-са ты ко мне“ (ibid., 155).

2-е л. мн. ч. повелительного там же при обыкновенном (стредайцѣ, становицѣ) может быть или со вставкою *-ко* перед *-цѣ* (*-те*) или так, что *-цѣ* приставляется к повелительному с *-т-ко*, причем эмфатическая форма повелительного 2-го ед. ч. принята за тему, после этого еще — *вы*: не повешуй-ко-цѣ; возьми-тко-цѣ; вы завей-ко-цѣ; принеси-тко-цѣ; „Уж не пòй-ко-цѣ вы песни веселыѣ, Уж не круши-тко-цѣ миня горюху горькую!“; „[Бацнюшко! матушка!] благослои-тко-цѣ миня — от цыстà сердца“; сажай-ко-цѣ; пòшуй-ко-цѣ вы и пр. (ibid., 145 сл.).

В Пошехонском уезде Ярославской губ. 1-е лицо мн. ч.: „поом-ко-те, робягушка“ (ibid., II, 4).

В сербском понудительные частицы *-де*, *-дер* ставятся после повелительного наклонения или повелительной частицы: „чуймо-дер“, „послушаем-ка“, „погледаймо-дер; ну-дер, де-дер“ (см. у Караџића, Рјечник); однако есть случаи, когда *-де* вставляется перед окончанием 2-го л. мн. ч.: „Дайте, ћецо, оне моје зубне чачкалице“ (Караџић, Припов. 1853, 7) — дайте-ка зубочистку.

Шлейхер, имея в виду только русское *-ка*, приставляемое к окончанию, а не предпосылаемое ему, сравнил такие русские формы, как сними-те-ка, с таким литовским повелительным, как 2-е л. ед. ч. *ves-kė, ves-ki, ves-k* (из *ved-k-ė*); дв. ч. 1-е л. — *veskiwa*, 2-е л. — *veskita*; мн. ч. 1-е л. *veskime*, 2-е л. — *veskite* (в старопечатных книгах *k-e-t: eiket* — идите, *mokinket* — учите). Еще убедительнее становится это сравнение, если взять во внимание вышеприведенные областные русские формы. Разница между *wes-k-ite* и *веди-ко-цѣ* та, что в литовском *-к-* стоит перед модальным характером, а в русском после него, и та, что в современном литовском приведенная форма повелительного есть единственная, ибо даже в древнейших памятниках литовского языка, старопечатных катехизисах и ритуалах XVI—XVII вв., сохранились лишь немногие формы повелительного = основному славянскому без *-к-* (*dodi, dūdi* — дай; *ne wedi, ne wed* — не введи; *atleid* — остави), между тем как в русском формы с *-к-* стоят при более древних и явственно отличаются от них оттенком значения. Но и в литовском, по предположению Шлейхера, *-к-* стояло первоначально на конце повелительной формы, а затем уже вошло внутрь слова, подобно тому как наречие *s z e n* — сюда, сократившись в *sz*, может ставиться перед личным окончанием повелительного: „*ei-k-sz-te*“, подите-ка сюда, из „*ei-kite szėp*“ (Schleicher, Grammat. Lesebuch, § 108).

Бопп (Grammat., §§ 679—682) тоже полагает, что *-i-* в литовском повелительном есть модальный характер, но принадлежащий не теме спрягаемого глагола, а вспомогательному корню *ai-*, образующему в санскрите *преката*, т. е. *potentialis* аориста. По его мнению, *k* в *dūki* одного происхождения с *x* в славянском *да хъ*, и литовское *dūkite* — дайте отличается от *dūsite* (дадите, будущее сложное со вспомогательным глаголом) только изменением *s* в *k*. Не вдаваясь в частности этого

неверного предположения, можно только заметить, что переход основного *с* в *к* в литовско-славянском кажется беспримерным, ибо соответствующие литовского *к* славянскому *х* (из *с*) имеет место только в словах, заимствованных из русского или польского, каково и приводимое Боппом литовское *juka*, *юха*, уха, санскритское *уѣѣа*, латинское *jūs*, *juris*.

Гораздо вероятнее мнение Шлейхера (loc. cit.), что *к* литовского повелительного есть эпитетическая частица, сродная санскритскому *-са*, латинскому *-се*, *-с* — *hicc* (*hic-se?*), *ho-se* (*hosse*), *hic*, *hos*, *sic*; что эта частица сохранилась и в литовском в виде *p* в *tei-p* — так, *kitai-p* — ина-к; *kaip* — как, *szeip* — сяк (от темы *ta-*, *kita-*, *ka-*, *szja-*), подобно тому как при старом *trejokas* — тройки есть в современном литовском *treiþras*; что в славянских *-ей* соответствует, кроме *-ка* в русском повелительном, еще энклитическое *-ка* в сербском: мени-ка, теби-ка, тебе-ка. Это последнее сравнение можно расширить. В областных русских говорах тоже: мнеко, мнека. Ср. „Ише чим мне-ка (= мне-то), Владимир князь, видь хвастати?“ (Онежский у., Пам. и обр. нар. яз., III, 273); „спусти-тко в монастырь... да спасти мне-ка спасти душа грешная“ (ibid., 274); „не хошь ты послужить мне-ка времени малого?“ (ibid., 277); „чем мне-ко будет Князя дарить“ (Др. росс. стих., 3). Та же частица приставляется и к наречиям: „Где-ко пиво пьем, тут и честь воздаем“ (ibid., 283); „тутотко“ (ibid., 128). О *-ча*, *-че*, *-чу* см. Буслаев, Граммат., § 75, 3, стр. 171, изд. 3-е.

Об употреблении во всех лицах 2-го л. ед. ч. повелительного. „Означая своим окончанием не лицо, а только наклонение, может употребляться оно [повелительное. Ред.] во всех лицах обоих чисел. Напр. в Юридич. акт.: «и они потомъ такъ и не *дуруй*, чужими землями насильствомъ не *владѣй*» (1612 г.); ... у Крыл.: «Я затяну, а вы не отставай!»“ (Буслаев, Граммат., § 192, 1). Тут же и примеры для 3-го л. ед. ч. в Др. росс. ст., 74: „*тот пей* и *ешь* готовое“. Миклошич (IV, 794, 6): „Der Grund dieser Erscheinung liegt im überwiegenden Gebrauche dieser Form“, т. е. явление должно объяснить само себя, будучи принято за причину.

Если предшествует 2-е л. мн. ч. повелительного, то в следующем повелительном можно ожидать знак личного окончания: сербское „хајте пшима на Кокоте горње, Нахију ми од Турака б р а н и“ (Караџић, Пјесме, V, 90) (идите, защищайте); „Здравствуйте, теткы, здравствуй, лебедки, здравствуй, шатуњи!“ (Даль, 318). То же имеет место, если предшествует *вы*: „Ай же, *вы*, дружина хоробрая! *Делай* дело повеленое, *Слушайте* большого атамана“ (Некрасов, 113; Miklosich, IV, 794).

NB. Если бы после „а вы не отставай“ следовало 2-е л. мн. ч. повелительного „пойте“, то объяснялось бы от этого значение „не отставай“. Другими словами, уничтожалась ли бы собирательность множественного числа в „вы не отставай“?

§ 27. Глагольные частицы и повелительное наклонение

Глагольные частицы [термин, принятый акад. Срезневским в так озаглавленной статье (Материалы, 334—336)] или усеченные глагольные формы [термин проф. Буслаева (Граммат., I, § 54)] например *хватя!* *глядя!* *бряк!* и т. п.

Частицы эти, по словам Срезневского, употребляются: 1) вместо неопределенного наклонения, 2) вместо всех форм изъявительного наклонения, 3) вместо повелительного наклонения, 4) как имена существительные (Материалы). Последнее утверждение связано с мнением, что в древнем языке глагольные частицы следует иметь, между

прочим, в именах, образованных от глагольных корней без всяких приставок (кроме -ѣ, -ѣ), как бѣгъ, махъ и пр. Но разве недостаточно -ѣ, -ѣ (= основным, a-s, ja-s, i-s), чтоб сделать корень, весьма часто уже явственно видоизмененный, настоящим существительным в именительном падеже единственного числа, способным склоняться: бега, бегу и т. д. И разве не в том причина названия таких слов, как бряк! и пр., частицами, что они не флектируются. Вся суть в том, что необходимо отличать глагольные частицы, как: „он хлоп его в рожу“, „он топ ногою“, от существительных подобнозвучных: „... свист и хлоп, людская молвь и конский топ“.

Какое отличие от междометия? Особенность — что глагол в этой форме сохраняет способность требовать дополнения, но всегда остается без определения, без обстоятельства образа действия. Отношение к подлежащему отлично от повелительного, употребляемого в повествовательном значении. Если можно какую-либо форму назвать адекватно-личною, то именно эту (К. Аксаков, Русская беседа, 1859, VI, 29—31. ВВ. Соч., т. II, 589).

Всякое слово без исключения, независимо от присутствия или отсутствия в нем флексии, может быть, как известно, существительным, если означает предмет: „Нехай (частица из повелительного наклонения) — недобрый чоловік“, или само представляется предметом („слово хватъ есть...“); но говорить об этом употреблении здесь не стоит, так как оно нисколько не отличает глагольных частиц от всех остальных слов.

Я не знаю также, какие примеры указывают на употребление глагольных частиц вместо неопределенного наклонения. Если те, где частицу можно перевести определенным наклонением, при коем опущен глагол вспомогательный, то здесь недоразумение, ибо частица в таких случаях стоит не на месте неопределенного как такого, а на месте всего сказуемого (стало быть, со включением и вспомогательного глагола, дающего неопределенному наклонению предикативную силу). Сколько мне известно, так названная глагольная частица есть (в ясных примерах): 1) сказуемое, но 2) сказуемое без определений времени, наклонения, числа и лица.

То обстоятельство, что рассматриваемые частицы, там, где мы их понимаем, суть сказуемые, дает основание отличать их от некоторых этимологически неясных слов, относимых сюда же, как, например, чур. Из употребления этого слова в украинском, например „дур-пек його ма“ [т. е. матери, как и в другом подобном выражении: „кат його ма“ (= матери), отличном от „чорт ма“, „кат ма“, „біг-ма“, где ма = має, как в нема]; „я бачив сам таких [людей] і може б показав, та цур йому (т. е. хай йому біс), розсержу комисара“ (Гребінка, 14); „дур тобі, пек тобі, оса на тобі, Марина!“ (т. е. марена = смерть), — я заключаю, что цур есть здесь такое ж несомненное существительное, как лихо, чорт и пр. в выражениях: „лихо її матері, яка пишна“, „дур їй (хай їй чур)“. Как здесь, так и в русском „чур меня“ я вижу столь же явственное ощущение глагола, как в сербском „бога-ми! бога-ти! богу-ти! бог-ма!“ Последнее, конечно, через поселенных сербов вошло в украинский, так [же] как -ме в украинском бігме (редко „бога-ме“ — поговорка одного украинского старосветского помещика сербского роду). Известно также, что чур в русском сохранилось в значении межи, границы, черты: „через чур — через край, через меру“.

Сюда же относится также украинское шкерéберть, потому что употребительно при глаголе в виде наречия: „хто рачки ліз, а хто простягся, хто був шкерéберть (вверх ногами), хто качався“ (Котляревский); „впивив такого макогона, що як Талес шкерéберть став“ (ibid.); „вхопивши за чуприну, шкерéберть Турка повернув“ (ibid.).

Никакой близости не нахожу между такими частицами, как стук! бряк! и наречиями, как чешское *hup*, соответствующее украинскому ген [„на небі чистому ген хмара бованіє“ (Гребінка); „іде ген собі казак по полю“ (ibid.)]; польское „*het idzie*“ и „геть геть-то на вишеньці їх (горобців), геть-то насадало“ (ibid.); „менший там не втне, де більший геть-то зможе“ (ibid.); как старославянское *воле* (наречие), *оле* (междометие), *цѣ* и (союз).

Впрочем, геть употребляется, как мы видели, и в смысле сказуемого в повелительном наклонении.

Употребленное все же выражение, что рассматриваемые глагольные частицы суть сказуемые без определения времени, наклонения, числа и лица, понимай не так, что эти частицы потеряли флексии, а так, что и не предполагают ни одного из этих определений и поэтому должны быть отличаемы от таких слов глагольного происхождения, в коих флексии стерлись, каковы, например, такие, как украинское *ба* [(из *бач*, *бачиш*): „он ба (*б а ч*, *б а ч и ш*), який“; не смешивать этого позднейшего искажения с междометием *ба!*], как украинское *ля* (= *глянь* в „*гля який*“), как чешское *hle*, как русское *чу!* „*Чу!* (= *чуешь*) снег хрустит“. Эти *ба* и *ля* однородны не с *стук*, *бряк*, а с такими частицами, происшедшими от полных и определенных глагольных форм, как *будь*, *буде*, *дѣ* (Буслаев, Граммат., I, § 77), старославянские *сать*, *сатъ*, в коих и после того, как они стали частицами, сохранились следы синтаксической определенности первоначального значения: *буд-и*, *буде-шь*, *дѣ-еши*, *дѣ-є-ть*, *са-ть* (3-е л. ед. ч. настоящего). Подобным образом русские *с*, *су* (*да-с* и пр.), украинские *бра* („*ходім*, *бра*, до дому“) суть звуковые искажения форм, снабженных грамматическими определениями (*сударь!* *брате!*).

Изучать язык — значит различать сходные явления, а не сваливать их в кучу. Согласно с этим мы отделяем рассматриваемые частицы от прочих: а) их лексическим значением, б) значением синтаксическим и в) происхождением.

а) Глагольные частицы означают мгновенные, неожиданные и потому не вполне покоренные сознанию явления — проявления времени, света, звука, механического движения. Есть сходство в их значении со значением однократных глаголов, но в последних явление представляется более сознательным и поэтому оформленным. Они относятся к словам реальным, а не формальным.

б) См. выше.

в) Не заключая в себе указания ни на какую определенную форму глагола, глагольные или предикативные частицы суть: 1) или членораздельные, нередко звукоподражательные междометия [„*куку!*“, „*кукарику!*“ — „От кияне *шущу-шущу*, и *радяця*“ (Куліш, I, 4)]; 2) или извлечены из глаголов таким образом, что уже при самом своем появлении не имели глагольных флексий, а не потеряли их с течением времени путем фонетического искажения.

Во многих глагольных частицах глагольное происхождение видно из строения корня: *сов!* (*совать*, *совнуть*), *кив!* (*ки-в-ать*, *кивнуть*), *мах!* *дмух!* *пах!*; частицы как: *толк!* *цап!* (*цапать*, *цапнуть*), *царап!* (*царапать*, *царапнуть* в значении *загребать* в когти, *хватать*), *морг!* *прыг!* *дриг!* — отглагольны по значению; по крайней мере, невозможно предположить, чтобы такие глаголы как *моргать*, *прыгать* произошли от *морг!* *прыг!*

Некоторые частицы, оканчивающиеся на *к*, заключают в себе тот самый именной суффикс, посредством коего образуются глаголы от звукоподражательных междометий на гласную или плавную, а также и от не междометных корней [*зирк!* (украинское), *зорк!*]. Частицы, в коих на конце опущено *к*, *т* после *с*, *з* после *г*, этим самым заставляют

думать, что они взяты из глаголов однократных, в коих *к*, *т* в группе *ск*, *ст*, *г* в *зг* должны опускаться по требованию древнего благозвучия. Иначе трудно объяснить, почему плюсь, блись, лясь, хлясь, брязь, лусь, трясь, а не плюск, блиск, ляск, пуск, хляст, хваст, брязг. В подобнозвучных именах существительных конечная согласная не опускается: ляск, тріск и пр.

Не думаю, чтобы в хвать, глядь, круть, верть, нырь, виль, кіть (= котъ) смягчение было остатком глагольного характера *-и-*, ибо такое смягчение находим во многих частицах, в коих объяснить его таким образом трудно или невозможно: тиць (= тикнуть, ткнуть; глагол *ти-ца-ти* в русском языке неизвестен), скиць (из *скоць*; не от *скочити*, а „скоцати“ — неизвестно), пуць (из „пуцати“ неизвестен в русском), плюсь, блись (удобнее всего от плюснути, блиснути, в коих смягчения нет) и т. п. Кажется более вероятным, что смягчение конечной *д*, *т*, *с*, *з*, *к*, *р*, *л* появляется не в силу влияния глагольного характера, а является в предикативных частицах уже после их выделения из глаголов, быть может, сообщая их значению оттенку уменьшительности: ср., например, *скок!* украинские *скік!* и *скиць!* с отношением суффиксов *-ух*, *-уха*, *к-уша*, украинское *-ушь* (Петрусь).

При большой последовательности этимологического правописанія при употреблении *ѣ* на конце только там, где оно исторически оправдано, следовало бы в таких словах, как *скок*, не ставить на конец *ѣ*.

При некоторых из глагольных частиц вовсе не находим глаголов или находим глагол, но можно считать его произведенным от самих же частиц: „ні чичирк“, постоянно встречаемое с *ні*: „ні до кого ні чичирк!“ (ни слова) (Кв.-Осн.); „усе, все до посліднього розказувала, тільки про Василя ні чичирк“ (Кв.-Осн.); „як зовуть, ні чичирк не визнаеш“ (Куліш, I, 317); *сусілы!* (никакого подобного глагола не встречалось). Оба слова, а уже, наверное, „чичирк“, заключают в себе удвоение, выражающее интенсивность значения. В *шубовсть* первый слог от удвоения происходит не может.

Проф. Буслаев полагает, что усеченными формами древний и народный язык богаче современного книжного (Граммат., § 54). Что в народном языке они чаще, чем в книжном, это так, и объясняется тем, что подобные слова, подобно множеству уменьшительных и увеличительных форм имен и глаголов, даже частиц, относятся к области мысли низшей и более субъективной, чем та, выражение коей составляет главную задачу книжного языка — органа науки. Иностранные языки образованных народов действуют в этом случае на наш книжный разве косвенно, увеличивая его отвлеченность и удаляя его в целом от простодушной субъективной прелести областных наречий. Что до древнего языка, то ничто не заставляет думать, чтобы от глагольные предикативные частицы были в нем обычнее, чем в современных наречиях русского языка. Напротив, их производность свидетельствует в пользу их относительной новизны. Сходство отглагольных частиц этих с междометиями никак не может служить доказательством их древности, потому что язык во всякое время может образовать слова междометного характера из готовых, уже преобразованных, даже иноземных стихий (ср. украинские: *пробі!* *караул!*).

Эти формы, чисто глагольного происхождения, стоят по употреблению в одном разряде с некоторыми междометиями, преимущественно с звуко-подражательными, обозначающими тоже мгновенность действия, каковы, например, *бух!* *бац!* (*ibid.*, § 54).

Употребление предикативных частиц в одушевленной изобразительной речи не есть исключительная особенность русского языка, так как они

употребляются и в других языках — славянских и неславянских.¹ Отметим их употребление, например, в польском, в котором укажем отсутствие смягчения конечной согласной в тех случаях, где оно имеет место в украинском: „Czemu się waść kręcisz jak na zawiasach? sz a st, sz a st! jaki mi Francuz!"; „jakejmy dobyli szabel, tú zaraz lup, cup po sobie, chlust, chlust!"; „bijemy się jak chlust tak chlust!"; „chlust na niego z okna pomyjami!"; „z domu do mnie wypada, łap za rękę: jak się masz?"; „Kot łap za myszkę"; „trask! klask! ryba w wodę ogonem plusk!"; „jedzą, piją i skaczą, a w punkcie [латинское puncto (мгновенно, вдруг)] skik (sic! *i* вместо *o*) do piekła! Widząc że to nie pozelewni, do domu smyk“ (= мык!); „smyk go faldę“ (украинское смик) и др. Так и в чешском: lup! lap! и пр. Так в немецком: ripps! rapps! klapps! schwipp! Ср. также следующие строки из литовской грамматики Шлейхера: „Особенно часты в литовском междометия отглагольные или, повидимому, примыкающие к глаголам, например, tįst — смык? (tįsterėti — смыкать), tĕsti — тянуть, растягивать, tą sýti — таскать, дергать, драть (например за уши); czùpt! — хватать (czùpterėti — быстро схватывать)...“ „Такие слова с соответствующими глаголами найдутся для всякого звука. Употребляются они охотно с tikt (только, только что; ср. употребление отглагольных междометий в украинском с тільки, аж, аж ось, аж тут, тут) и преимущественно без глагола [еще бы!], например: «liūtas, tik czùpt, tą ženklėlį skaitė» — лев только хват! прочел эту записку (собственно — заметку, знак); «óbuls tik bąpt ant žėmės» — яблоко только бух (nur bapp!) на землю; «jis tikt sù sykiu plūpt tą vandenį ant savo sunaūs, tās tikt strakt išz lóvos paszóko» — а он разом линул воду [ось вин плюсь (хлюсь) воды] на своего сына, а тот скок (тільки скіць), вскочил с кровати (з лави)?“ (Schleicher, Grammat. Lesebuch, § 159). „Czùpt vedęs, czùpt nevedęs“ — щуп женатый, щуп холостой (загадка, означающая дверь или, точнее, ручку двери, ошибочно понятая Нессельманом); smùkszt! — скользь; smunkù, smukaù, smukti — abgleiten (ср. шмыгать в значении ходить взад и вперед, шмыкать — носить взад и вперед).

Сравнение с литовским поучительно для нас в двух отношениях. Во-первых, характерное для литовского окончание рассматриваемых междометий на -ti служит, несомненно, признаком их производности, что подтверждает то, что и чистые корни такого значения в русском, несмотря на отсутствие внешних указаний, взяты из готовых глаголов. Во-вторых, в славянском эти междометия ближе всего подходят по значению к глаголам однократным; но ошибочно было бы думать, что без однократных глаголов они существовать не могут, потому что они есть в литовском, в коем вовсе нет глаголов однократных. В литовском эти междометия, как думает Шлейхер, извлекаются из глаголов на -teriu — ter-ė-ti, значения коих у Шлейхера недостаточно определено. Несомненно, что эти глаголы, по суффиксам перед глагольным характером сходные с русским на -терить — торить, не суть однократные в смысле славянских на -нуть. Кажется, они означают дробность моментов действия или уменьшительность действия (kiřsti — рубить; kiřs-terėti, по Нессельману, — ein wenig hauen, по Шлейхеру, — hin und her hauen). По значению ср. брязк-от-ити (брязк-от-ати), миг-т-ити (=мигать), дриготати, стукотеть — грюкотеть. „Dabàr àntrą sýk jis kumėlę vėl, szmikszt (хлись! У Нессельмана szviksterėti — ein wenig peitschen) vėnà užkerta“ (бьет, стегает) (Schleicher, Grammat. Lesebuch, 152); „tās tikt patėkszt, ávilį pù peczú“ (= он только тиск улей с плечей!) (ibid., 160); ср. tėsziù, tėszi — бросать, бросать на землю.

¹ В немецком — Paul, 189, 190.

Глагольные частицы. К примерам, собранным в заметке Срезневского, прибавлю несколько украинских. „Гріх по дорозі біг, та до нас плиг!“ (пословица); „плиг!“ (плигати, плигнути); „оком миг! (мига—мигн-), дриг ногою“ (дригати); „диб-диб на село, кив-морг на його“; „Турк зирк!“ (зир-к-ати, зир-к-нути) (Котляревский); „зирк! й вздрів Марусю“ (Кв.-Осн.); „аж зирк! і познала свого Василя“ (ibid.); „и сам не знав, куди слонявся, аж гульк! у город причвалав“ (Котляревский) (соотвествующего глагола не видно); „вийшла тай цмок (=цмокати) царицю в руку“; „Вулкана в губи зараз черк!“ (=цмок! Котляревский — черкнути); „смик!“ (смикнути, смикати); „приїхав в ночі... стук-гряк в віконечко: вийди, серце...“ (песня); „брик задом“ (=брикнув, як брикне); „тільки він штовх! мене“ (штовхнути); „торох! Рутильця в лівий бік“ (Котляревский — торохнути); „Тарах щастя в хату (несподіване лихо)!“ (Номис, 42); „Він мах рукою!“ (махнути); „дмух чарку горілки!“; „Й тільки к Тибру що добрався, то в воду стриб! (стрибнути) пустився вплав“ (Котляревский); „диб-диб на село (=подидав, почимчикував); за ним Послант, за ним вся сволочь стриб-стриб (=пострибали) с човнів Енею в поміч“; „Тюп-тюп по дорозі“ (тюпає=потюпав); „аж ось двери рип! (=рипули), і Василь у хату“ (Кв.-Осн.); „Ходить кізочка по крутій горі, ніжною як туп, так туп!“ (=тупає) (нар. песня); „тільки очима луп-луп!“ (=лупає); „не рад Лях, що по уху ляп, а він хоче вдруге“ (Номис, 19); „Сюди смик, туди смик мій починок як бик“ (ibid., 200, 2); „цмок у губи“; „Сюди—туди, верть, круть, нічого не подіє“. „Торк ногою, штовх у бік“; „Я тиць (=тикнулась) на поріг, а очі зараз і зустріли чога бажали“; „Троянці... на землю скіць! (=скокнули, повискокували), як там були“ (Котляревский). „Він тільки гоць-гоць“ (=вистрибує, садить гоцаки); „Лебідь плись на дно и випурнув як сніг“ (Гребінка); „Найкраще зерно у воду тільки плись! (=плиснуло), як раз пішло на дно“ (ibid.); „Вітер... із моці вибився, сердешний, на бік плись!“ (ibid.); „Тут плюсь (=плюснув) Еней, як будто з неба: «ось-ось, де я, коли вам треба»“ (Котляревский); „ось розгулялося й сонце з хмари блись!“ (=блиснуло) (Гребінка); „став місяць з хмари виглядати і звізди на небі блись-блись“ (Котляревский); „Вороння... у гору полетіло, Дай пудь на шию барану“ (Гребінка); „Аленка лягла, а Івашка бурхеть яє у печ“ (Пагар, Черниг. губ., Афанасев, 1); „Дзвінок дзелень-дзелень!“; „Тиць ему щось у руку!“ (денег); „Лізе рак. Ворона хап его, тай понесла“; „Кіть-кіть—покотилось“; „Жаба скік на поріг“; „Брязь!“ (брязнути), „лясь!“ (ляснути), „трись!“ (тріснути), „бризь!“ (бризькати); „Так в армії колись велось: коли влюбився, чи програвся, то пуншту хлись!—судьба поправся. Весельє в душу влилось“ (Котляревский); „Вхопив каміньчик, прицілився, зажмурило око, приложився і Ремулу по лобу хвись!“ (=свиснув) (ibid.); „Тут—хвись! шабельки засвистіли, цок-цок... і іскри полетіли,—один другого полосять“ (ibid.); „Тільки цап стрибне у панський сад, на шій дзвін дзень-дзень!“ (Гребінка); „сказавши се, дід в воду нирь!“ (=нирнув, пурнув) (Котляревский); „Ірися виль! скользнула з неба, до Турка в північ шусть в намет“ (ibid.); „аж тут хазяїн шасть у хлів“ (Гребінка); „аж ось лулусь щось під ногами!“ (ibid.); „те дитя, що ждали (із беременной могили) на божий світ сусіль як пить даю“ (ibid.); „хто ні сусіль, тому кабаки давав Паллант“ (Котляревский); „... А на гаку червяк все хвостиком киває. Червяк кива, аж ось зі дна Гульк шука! бовть! вона За удку хіп! а удка сіп! З води шубовств в острі“ (Гулак, 21); „Він різку впер в огонь, тай заховавсь в куток. Аж батько за чуб хіп! И не знайшовши різки, дрючком Хведька разів із шість оперезав!“ (ibid.); „[Рибалка] на поплавець глядить і примовля: ловітця,

рибоньки, великі і маленькі! Що рибка смик, то серце твоє х!" (ibid.); „Взяв на бакир писар шапку, пан грішми забрякав; аж гульк! — писар верть в собаку, і на всіх загавкав“ (ibid.); „Мекнув [цап], мов його родимець, почав мордувати, та й скік в комін; аж гульк (может быть = glotzen) — німець стоїть серед хати“ (ibid.); „[Немец] дриг ногою, круть ріжками. В пояс поклонився“ (ibid.); „Скік в стремена, давай драла“ (ibid.); „[Чорт] стриб по хаті, хап за клямку: Твердовський — по пиці и трісь по гирі! — розбив шклянку і горщик з полиці“ (ibid.); „іде улицею, луп! очима — стоїть салдат“ (Кв.-Осн.); „Салдат ні чи чирк (= мовчить) і усом не моргне“ (ibid.); „От як стала вона ходити до Оксани, як стала з нею шупу-шупу (sic!), аж гульк! наша Оксана стала потрошку оддыхати“ (ibid.); „Хоть гріх, хоть два жіңці мужа бити, а нехай бог простить! та з сим словом черк його в пику“ (ibid.); „Патя та й патя, та й распякались, неначе цілий вік їм укуші на сьому місті жити“ (ibid., II, 41); „Эхопив корінець та кусь! жує, сердега“ (ibid., 334); круть-верть!; шубовсть! (падение в воду); биркіць! (опрокидывай); бовть! хвата! глядь! „Він мене кеді чи не кеді обухом! а я його шасту та пошасту кашелём“ (лущував) (Номис, 16, 2). Польское *gad-u-gadu*. „Ой сів пугач на могилі та як пугу, та пугу“; „Тупу, тупу ногами!“

Приведенные глагольные частицы, по смыслу речи, переводятся изъявительными или повелительным наклонением и тем отличаются от следующих, употребительных исключительно в значении повелительного, и, сверх того, в некоторых наречиях, принимающих некоторые личные окончания:

а) *на* — еп *ti bi*; русское, украинское, сербское *на-те*,¹ польское 2-е л. ед. ч. *па*, *па-с* (из *па-сі*) и *па-сі* (из *па-т-те?*), или от формы с окончанием 2-го л. настоящего времени изъявительного *-sz*, *па-sz-ci* (ср. *masz tobie!* — вот тебе!), откуда *па-сі* как *ju-сі-с* (от *ju-сі-с-с*), *пасіе*; старопольское *пѣ-с*, *пѣ-ж* (вероятно, с носовым звуком, употреблявшимся так, как в характере *пѣ* из *на* или *ну*); чешское *па*, *pate*;

б) *ну* — аге, русские *ну*, *нута*, украинские *ну*, *ну-мо*, *-нум*, *нута*. Частица эта по употреблению шире предыдущей, так как ставится, по крайней мере в украинском, не только при повелительном на месте повелительного в собственном его значении, но и там, где в сходных выражениях может стоять в производном значении. Ср. „хто знає Оржицю? А нута обзивайтесь“ (Гребінка); „Ну бо, дядьку, скажи бо, що нам робити“ (Кв.-Осн.) и т. п. с выражением, как следующие: „по оглоблям *ну* малахаєм шмагати“ (Гребінка); „Потилицю, почухав і ну с підсудками про діло мізкувати“ (ibid.); „Утата... закахкають и ну степом кружляти“ (ibid.), где *ну* = давай в таких выражениях, как „давай вони його по своєму судить“ (Гребінка); „А як тільки нашого братчика хоть би... в кабаці обдурюють, так ну, ну, ну!“ (так держись); „*Dziewczę Tatarskie poszęło się pastwać (?) nad babą; puż pchać polyni do oczu, do posa; puż siadać na głowę; jezdzić na babie. Mać tatarska... naż w lament! Talovy (?)... dalej do jadła!*“ (Pol.); „а она (собачка)... dalej przez do naszego і пуż wус ро sienі!“ Выражения, как украинское „а *ну* ж як він знає“ (а що як він знає, что если...), польское „*pużby niebo upadło*“ (а что если бы) ср. с польским „*daj to, dajmy to, że ... dajmy na to*“ (пусть то, то-то; предположим, что; предположим что если).

в) Украинское *ке* (дай), *кете* (дайте): „а *ке*-лишень сюди люльку“. Иногда при другом повелительном для усиления его: „дочко, а ходи *ке*

¹ Не имеет ли с этим связи и *-те* после существительного: „На ногете Турци соколови“ (Чубро Чојковић, 88); „А и тутот-ко Владимир стольной Киевской Ну же он Посада стал подчивати“ (Др.-росс. стих., 128); „З сім (так у Кулиша) словом шасть із хати“ (Кв.-Осн., I, 182).

сюди на пораду“ (Кв.-Осн., I, 76). *Ке* можно бы сравнить с *кесь* (Владимирская, Московская, Рязанская, Саратовская, Пензенская, Тамбовская губ. = кажись, кажется, будто, как бы) и *кесть* (там же). Если *кесь* произошло из *кажись*, а не кажется, то и *ке* = *кажи*, через *каи*. В курском, по свидетельству областных словарей, *каё*, *дей* — форма, указывающая, повидимому, на *кае*.

г) Украинское *цить*, *цить-те* (= молчи, молчите), русские *цять*, *цыц* (ср. русское *чука* = молчи). Польское *сyt* и пр., при коих сербские глаголы *ћутјети*, *шутјети* — молчать.

д) Украинское *геть*, *геть-те* (= ступай, ступайте прочь).

Для объяснения способа, каким частица *ка* — сама по себе весьма неопределенная — сообщает повелительному понудительное и увещательное значения, посмотрим, как достигают подобного результата наречия, в коих эта частица малоупотребительна или вовсе неизвестна.

а) В восточном украинском при понудительных частицах и повелительном ставится энклитическая частица *лиш*, *лишень*: „Ей ти, *що* в золотій бурці, *ке-лиш* (= дай-лишень, русское дай-ка) огня на люльку“ (сказал попу чабан, когда соскучилось ему в церкви); „*ке-лишень* (= давай-ка) поцятаюсь („спитаю, чи чит, чи лишка“) і я он з тою дівчиною“ (Кв.-Осн., I, 11); „*на-лиш*, потягни люльки“ (Кв.-Осн., I, 15); „*нуте-лиш*, синки, за люльки, нехай паска постоїть“; „Ось слухай-лишень, жінко“ (Гребінка); „О, почекай же-лиш“ (ibid.).

б) Та же частица ставится, как и *ка*, и при других формах, как будущее совершенное и неопределенное с опускаемым вспомогательным в значении необходимости, для сообщения им понудительного оттенка: „А *пійду* лиш я до дому“ (= пойду-ка я); „а *пійти* лиш собі до дому!“

в) В вопросительных предложениях — при слове, на котором вопрос: „*чогó-лишень* (= почему это) вони (горобці) літати перестали“ (Гребінка); „*чи* не для *тóго-лишень* біди він (бог) нам посилає, *щоб...*“ (Кв.-Осн., II, 4); „*то-то* щось у тому кагалі почитує (поминає) Івана... *чи* не мене-лиш, *Чи* не Любка-лиш“ (Купала на Івана, 9).

Основное значение этой частицы видно из ее сродства с *лиш* и *ти* — оставить. От оставления исходят значения: с одной стороны, лишнего, превышающего меру, с другой — удаленного, уединенного. Это последнее переходит в частице в значение только, единственно: русское „*лихо* бы (= лишь бы, только бы) с рук, а с ног и собаки стащат“; „без ума торговать, *лише* (только), деньги терять“ (Пословицы XVII в. — Буслаев, Граммат., I, § 164). Получивши этот оттенок исключения, *лиш* становится *ein Hervorhebungs-particip* (ср. немецкое *пиг*: „*geh nur*“).

От 2-го л. повелительного происходит значительное число частиц, из коих некоторые, сочетаясь с настоящим временем, служат вместе с ним для описания повелительного. Таковы в литературном языке *пусть* („*пусть* придет“), в русском народном *пушай*, *не тронь* („*не тронь* придет“) (Буслаев, Граммат., § 167).

В старом языке — *не дѣй*.

В украинском *нехай* (синоним — *пусть*) от старого *ха* и *ти*, между прочим (в сербском), со значением обращать внимание. Ср. польское *пiеsч*, чешское *пешч*, сербское *нека*. „Казала *що* *пійдеш* за мене: *нехай* я пришлю людей, *поберімося* уже собі“ (Кв.-Осн., I, 179); „*Що* йому зі мною робити? *Покинути* мене *бідну*, *нехай* *пропадаю*“ (ibid., 192); „*Покрий* мене, *сира* земле, *нехай* *пропадаю*“ (ibid., 214); „*Подумала*: *нехай* же *спитаюся* у Василя, він мене навчить, як про се сказати“ (Кв.-Осн., I, 42); „*Иди* ж ти у божу путь, а я *пїду* в темний ліс, *нехай* мене *звір* *из'їсть*“ (Метлинский, 15). В выражениях, как „*хай* йому *трясця*“ (= лихо — всячина) отрицание опущено, но сила его остается.

Первоначально нехай, как и недѣй, требовало изъявительного наклонения с повелительною частицею, на что указывает старочешский: „Nech, at' mrtvi pochovávají mrtvé své“; „nechte to at' zlo řečí“ (Zikmund, 423). Так в чешском возможно и доныне, хотя неch есть уже и частица, но в русском нехай стало частицею по меньшей мере в XV в.: „и мы ему тое имѣнье подтврждаем симъ нашимъ листомъ; нехай онъ тое имѣнье держитъ“ (Акты Зап. России, I, № 59, 1456 г.); „и тое имѣнье и люди... со всимъ съ тымъ, какъ жо есть выписано въ семъ нашомъ листѣ, нехай онъ то держитъ, а намъ съ того службу... заступуетъ“ (Акты Южн. и Зап. России, I, № 33, 1500 г.).

Потурай (потурати): „лучшеб мати тобі не потурала, та заміж оддала; потурай тільки їм [бабам шептухам]: вони, пожалуй, раді, щоб тобі за все, про все шептати“ (Кв.-Осн., I, 26); „не потурай на те (=не сподівайся на те, не надійся — не полагайся, що дядьки положуть): допоможуть, та не тобі“ (ibid., I, 64). Отсюда частица потурай — от первого из приведенных значений — собственно почти то же, что нехай, пусть и по значению близка к пожалуй: „Мабуть ти його любиш, так тим и хвалиш. — Потурай що люблю! Пожалуй би любила, так на таких і не подивитця“ (ibid., I, 19); „Хиба ж усі хороші йдуть за паничів або за купців. Потурай буде хороша, як тая квітка, а таки йде за хлібороба“ (ibid., I, 166). Кулиш ставит: „потурай! буде...“, т. е. смотри на „потурай“ как на самостоятельное повелительное, а не как на частицу, что неверно. „Яко ж се можно? (ставитъ постой к вдове со взрослою дочкою)... Не давайте, пане голову, нас у обиду. — Потурай, Уласівно! ми отсе все (резони) казали йому (капитану), так нічого й не слухає“ (Кв.-Осн., I, 186); „Потурати йому! (какже! сделать согласно с его советами? — ирония) заклепотіли які заможні. Щоб то своє віддати на віщо и про віщо, а далі й ходи за своїм добром“ (Кв.-Осн., II, 12).

Бодай (ср. чешское, польское), т. е. бог дай от собственного значения дай бог (чтоб), которое еще чувствуется в разных пожеланиях [„бодай воли живі були, а плуг поламався, щоб мій милий із волами до дому пригнався“ (песня); „бодай він на путрю скис“ (шуточное ругательство); „бодай ему се та те“], переходящих к значению: 1) лучше бы, кабы [„як розібрав — бодай и не казати!“ (Гребінка)]; 2) с вопросительным чи¹ — частицею, показывающей сомнение в верности сообщенного: как бы (как будто), чуть ли не [хто? — бодай чи не він; тож лоні бодай, чи по за лоні; N. „выкопай берозовы пень. То зноў того ж бодай року выщявнуў велічезны сосновы верх“ (Гродненская губ., Белостокский у.) (Этнограф. сборн., III)].

Чей (из чай от „чаяти“). В украинском (юго-западном) нет никаких оснований считать это слово первоначально чем-либо другим, кроме повелительного наклонения, т. е. нет выражений, подобных русскому я-чай, хотя значение украинской частицы такое же: „та чей же промовит, чей же заговорит моє любое серце!“ (Головацкий, I, 212); „може чужіі люде будут мякші, та чей сіного чим запоможут“ (Зоря Галицкая).²

¹ Ср. „мабуть, чи“... „либонь, чи“...

² Следует отличать чей-би в значении як, ніби, неначе в галицком: „стоїт фігура, от чей би тута у нас на горбку“ (Зоря Галицкая). В этой сложной частице вовсе не обнаруживается глагольного происхождения, нет следов, что она когда-либо была предложением, как выше рассмотренная. Быть может, это ген-бы, гень-бы как будто в значении от-бы = вот бы, как будто.

Будь то. „Кудри русые... по плечам лежат... буди жар горят“ (Новгородск. губ., Колосов, 49).

Буди (или буде?). „Буди в час да младе ступится, Буди в лад да слово молвится, Буди даст да мне господи Мне семейошку да согласную, Милу ладушку да советную, — Я приду к вам, мои родители, На весельях и на радостях; А как не в час да младе ступится... Я приду... со слезами“ (Новгородская губ., Колосов, 57).

Відай=чей (галицький), „Ой болит мене головонька, та відай же я вмру!“ (Головацький, I, 103).

Знай (северно-русский) по значению соответствует знать и украинским *дєсь*, *либонь*, *мабуть*: „деж мої коровайночки недбайночки? Знай они запылися, о мні забулися!“ (Брестский у. Гродненск. губ., Сборн. Сев.-зап. кр., 207); „ой хороший коровай, хороший! Знаю: його хорошенькі робили. Ой удалий коровай, удалий! знай його удалий робили“ (ibid., 208, где, как я полагаю, стоит по ошибке не „знай“, как выше, а „знаю: його хорошенькі робили“).

Русское *небось*: „небось попросит“ — должно быть, т. е. первоначально: не бойся за действительность действия, обозначенного следующим глаголом; верно попросит.

Не дѣй — собственно „не тронь, пусти, оставь“ — в этом собственном значении довольно обыкновенно: „нынѣ же не дѣй мене (в исправленном „остави мя“). да въдрився гнѣвъ на нѣ (ошибочно стоит та) потребу іа“ (Исход, 32, 10, XV в. — Буслаев, Хрестом., 166); „не дѣй мене (=пусти меня, в польском переводе *pusć mię*) по два мѣсяца, да иду и въыду на гору, и плачюся дѣвства своего.“ (Минеи, I, 85, Судей, XI, 13); „и рече Самсонъ къ уноши, держащему его за руку: не дѣй мене, да осяжу столпы, да всклонюся на ню“ (=ня) (ibid., 93, Судей, XVI, 26); „не дѣйте кго ити“ (Иоанна, 11, 44, в Остр. ев. и в Галицк. ев. — Буслаев, Материалы, 15); в исправленном — „оставите“.

„... Про тожь, што бы ваша милость тамъ нашихъ Полочанъ пропускали доброволно: не займаи бы каждому волно ехати, кому до кого дѣло будетъ; а своимъ Рижаномъ, кому надобѣ до Полоцка ездити, какъ и прежь сего было, быхмо промежь себѣ куплю мѣли, не хай бы уже доброволно ездили“ (Акты р.-лив., 1465 г.).

Хотя в этих местах весьма удобно было бы поставить описательное повелительное или изъявительное с такими частицами, как *пусть*, *ср.* *нехай* и др. („не дѣй-те его пѣти“ = *пусть поет, нехай йде*), однако не дѣй есть здесь не повелительная частица, а настоящее повелительное, и на это указывает его сочетание не с изъявительным без частицы, как в современных описаниях повелительного („нехай я піду“), а с изъявительным с *да* („не дѣй мене *да* иду“) и с неопределенным дополнением („не дѣй ити“). Но, наконец, не дѣй стало настоящею повелительною частицею, совершенно равносильною с *пусть*, *нехай*; „не дѣй будеть (=пусть будет, нехай буде) такъ, какъ и было издавна“ (Акты Зап. Росии, I, № 64, 1460 г.).

Пожалуй. „Піймайте мені злодія; хто се у нас краде. Я його! я йому!.. — Пожалуй би ніймали, як би знали хто він є“ (Кв.-Осн., II, 282); „Дурний собі, та таки оженився, знайшов собі жінку. Пожалуй, багатенький бо був“ (ibid., 324); „Крычать тѣлѣгы полунощы рци лебеди роспущени“ (Слово о п. И.); „крычать тѣлѣгы полунощы рци лебеди роспужены“ (ibid.). Рци здесь обыкновенно принималось за повелительное наклонение (Буслаев, Граммат., § 282). Ср. украинское *мов* = *неначе, ніби, буцим*: „могила ж стогне, мов сопе, мов тяжко дише“ (Гребінка); „Ось нічка утекла, мов стало розсвітатъ, мов почало на світ благословлятьсѣ“ (ibid.). Отлично от этого по значению „мовляв“: „тут [у багні] певнее ніщо ні ходить, ні сидить. Одна черва, мов лѣв, кишить“ (ibid.); „Прийшлось сусидові, мов лѣв, хоть сядь да й плач“ (ibid.); „Лихий примчить якого паничка, мов лѣв, судового“ (ibid.); „Скинула на мене очима, немов питала, яка в мене думка“ (Вовчок).

„Пожалуйста, не забудь, не забудьте“. Теперь это сообщает лишь модальный оттенок (ср. латинские *sis, sivi*s). Еще недавно — вполне равносильное с другим повелительное „*пожалуй постарайся*“, „*пожа-*

луйте кушайте“ (Даль). У Квітки: „На-те лишень, пожалуйте“ (пожалуйста возьмите); „Нездивуйте, пожалуйте (что не вполне ладно), панна сотникова, пусть [панна сотникова] потрудится выйдет и поднесет нам“ (Кв.-Осн., II, Сотн.).¹

IV. ЗАЛОГИ

§ 28. О делении глаголов на залогов

В делении на залогов, принятом в грамматике Буслаева (Буслаев, Граммат., § 175), есть ошибки. Хотя они уже замечены другим (Некрасов, О глаголе), но я считаю нужным рассмотреть их потому, что некоторые выводят из них заключения о свойствах самого русского языка, которые тут не причём. Деление Буслаева состоит в следующем. „Залог означает действительность предмета, или переходящую на другой предмет, например «читаю книгу», «привыкаю к труду» [глаголы переходящие, требующие после себя дополнения], или не переходящую, например «стою» [глаголы непереходящие, не имеющие дополнения]... Как переходящие, так и непереходящие глаголы, по залогам, делятся на действительные, страдательные, средние и возвратные“ (Буслаев, Граммат., § 175). Спрашивается, в чем разница между основанием первого деления и основанием второго. „Действительный глагол означает действие предмета, переходящее на другой предмет, которого название ставится в винительном падеже... Средний глагол означает состояние или действие предмета, не переходящее на другой предмет“ (ibid.). Каким же образом действительный глагол, по сущности переходящий, может быть в то же время непереходящим, и, наоборот, средний, по сущности не переходящий, может быть в то же время переходящим? Противоречие это нисколько не устраняется тем, что „иногда и переходящий глагол употребляется в виде непереходящего, т. е. без дополнения“ (ibid.); например „он уже читает и пишет“. Допустим, что в этом случае глагол действительно стал непереходящим. Все же, согласно с утверждением Буслаева, и как непереходящий он может быть и действительным, т. е. переходящим, и средним, т. е. непереходящим.

Во втором делении нет единства основания. Члены его не исключают друг друга. „Возвратный глагол означает действие предмета, обращенное на самого действующего, и состоит из глагола действительного с местоимением возвратным ся, са, поставленным в винительном падеже“ (ibid.). Следовательно, это есть глагол переходя-

¹ Церковнославянское не чай — desperatio („от нечая своего спадены“) и имя личное русское Не чай (ср. Неждан), народное русское не-вз-на-чай (= начаться).

Ста в. Чешское — затвор пруда (как останавливающий); украинское, польское — пруд, чешское — состояние (сословие). Русское — рекостав — северный ветер, приносящий стужу (останавливающую реки), и пора, когда реки становятся.

Русское пусто-бай, пусто-мол, пусто-грай, пусто-плет и др. — nomen agentis; но пустовар, пустоварка — жидкая похлебка, каша, без приvara; пустовон — молва по-пусту.

Лай — nomen actionis; облай — насмешник — nomen actionis; хорутанское laja — лаиня — nomen actionis; русское путолайка — собачка.

Бай в польском, украинском — homo garrulus, но грай — concitatio и виноград, польское — z-graja — tigrba, при хорутанском graja — reprehensio, сербском — sermo.

Бой — nomen actionis, но зверобой.

Гной — из листвоной — листопад, октябрь, но сеноной — месяц (может быть, от гнои-ти).

Кошка пустомойка, портомой, портомоя, портомойка — nomen agentis, но пустомойка — стирка без щелоку, небольшая, пустая стирка белья.

В примерах исключить случаи, где при nomen agentis есть глагол с действительным значением (ледокол, мукомол, мухомор), тогда как кол, мор — далеки от глагола.

щий, действительный. Но „многие глаголы, оканчивающиеся на *ся*, имеют значение средних“ (ibid.). Следовательно, средние глаголы могут быть в то же время возвратными. В самом определении возвратного глагола есть противоречие, раскрываемое самим же Буслаевым, ибо есть средние глаголы на *ся*, произведенные не от действительных, а от средних же, например „белеться“, из чего видно, что о возвратном глаголе в том виде, как он понят Буслаевым, невозможно сказать, что он состоит из действительного с возвратным местоимением.

Логическая ошибочность деления никоим образом не может служить доказательством, что в действительности нет отдельных членов этого деления.

Во избежание¹ недоразумений мы должны уяснить себе некоторые элементарные грамматические понятия. Слово есть для нас совокупность членораздельных звуков, составляющих одно целое и одного значения, а не многих. Где два значения, там два слова, а не одно. В языках, имеющих грамматические формы, каков русский, единство значения слова состоит в той совокупности известного относительно-реального значения с одним или несколькими значениями формальными, которые непременно совмещаются в одном акте мысли. Единство значения слова „читаю“ не нарушается тем, что содержание этого слова мы относим к категориям глагола известного времени, известного числа, лица, залога. Невозможно только совмещение в одном акте мысли двух взаимно исключающих себя категорий, например, двух различных лиц. Согласно с этим, если мы имеем о залоге логически-правильное понятие, то двух залогов одному глаголу приписать не можем. Выражение „глагол такой-то переходит в такой-то залог“ мы должны понимать таким образом, что перед нами два различные, но однозвучные глагола, принадлежащие к двум различным залогам, и что глаголы эти находятся между собою в отношении исторического преемства. Понимаемый таким образом переход глагола из одного залога в другой не есть доказательство отсутствия залога в языках.

Самый дешевый способ отделяться от грамматических затруднений состоит в том, чтобы игнорировать их. Даль, порешив, что „вся грамматика глаголов наших прицеплена к языку насильственно, и потому не стоит выеденного яйца“ (Даль, Словарь, I, XXVII), сам строит свою грамматику, которая хуже прежней. У лучших своих представителей прежней — Востоков, Павский, Буслаев — находим деления, ошибочные во многом, но в целом добытые из наблюдения действительности и вызванные сознанием научных требований. Даль же и благоговейшие перед его теоретическими воззрениями нередко вовсе не понимают, чего ищет грамматика. „Есть один общий образ для русского глагола, не наполняемый ни одним, но могущий пополняться, по частям, всеми“ (ibid.). Что это за открытие? Разве стоит говорить о том, что общее понятие есть отвлечение входящих в него частных и не равно ни одному из этих частных? Правильно добыть общее понятие о русском глаголе можно только из постепенного обобщения частных понятий о нем. Такое общее понятие заключает в себе свое деление. „Всякий глагол способен принять все изменения, отвечающие разуму, смыслу, значению его; сумейте употребить его и вы удачным применением в новом смысле, мигом создали целый ряд новых для него переходов“ (ibid.). Новый смысл слова есть новое слово, и вышеприведенная фраза значит только: если вы создаете новые слова, руководясь верным чутьем своего языка, т. е. если ваше личное творчество подчиняется направлению, данному языком, то вы своею деятельностью делаете возможным такое же продолжение этой деятельности. Ваше новое слово может стать условием появления следующего слова; а, впрочем, невозможно, чтобы это одно слово было действительно в то же время созданием многих слов. Различные значения одного глагола суть различные глаголы одного звука и одного происхождения. Бude различия значений этих глаголов фор-

¹ Набранное петитом зачеркнуто у Потебни и восстановлено редакцией. Ред.

мальны, а не вещественны, то классификация этих различий есть дело грамматики. „Так называемые *залог* для него [русского глагола. *А. П.*] дело вовсе постороннее, случайное, переходчивое; они могут, хотя безо всякой пользы, применяться только к каждому частному случаю... Распределение глаголов на *залог* одно школярство, одно из тех пут, которые служат только для притупления памяти и понятий учеников; на каждый вопрос о *залоге* ученик должен отвечать: в каком *залоге* вам угодно будет его употребить, в таком он на сей раз и будет числиться“ (*ibid.*, XX). Если учитель не знает своего дела и дает себя сбивать ученикам, то он за это и ответчик. Он должен бы знать, что грамматический анализ и состоит в возведении частных случаев в общие понятия. Конкретное явление есть исходная точка всякого наблюдения; но слово, вырванное из своей естественной связи и снабженное многими значениями, есть не конкретное явление, не одно слово, а отвлечение, лексикографическая фикция. В таком мнимом слове бывает помногу грамматических определений, и дурно, если учитель, а тем паче если лексикограф этого не знает. Согласно с этим „переходчивости“ *залога* нет. Доказывать отсутствие, или, что то же, несущественность категорий *залога* в русском языке тем, что якобы один глагол якобы может иметь несколько или все *залог*, — это все равно, что доказывать, что мы не сознаем разницы между *scribe* и *pingere*. „Случайность“ *залога* в глаголе, как и всякая случайность, есть незнание причинной связи явления с другими. Навязывать же своего собственного непонимания изучаемому предмету не следует. Если отдельные глаголы могут быть относимы к определенному *залог*у, то польза этого будет условною пользою теоретического изучения языка вообще. „Окончание на *ть* и *чь* [*чь* в *печь* есть окончание? Или разложение этого „окончания“ на коренную согласную и окончание — тоже школярство? *А. П.*] общее, коренное, прямое; ему отвечают, в западных языках, глаголы переходящие или действительные, и непереходящие или средние; окончание на *ся*, т. е. привеска сокращенного [будто бы? *А. П.*] *себя*, образует возвратный или обратный глагол, не прямой, который может быть отнесен, если смысл речи позволяет, и ко всем прочим *залагам*“ (*ibid.*). Стоит ли говорить, что русским окончаниям неопределенного соответствуют в сродных неславянских языках окончания же формы, сходной с русскими по значению, а никак не *залога*; что *залог* в *sudare* (средний или действительный — потеть или испарять) столь же не зависит от *-ге*, как *залог* глагола *сидеть* (на стуле) и *сидеть смолу* не зависит от *-ть*. Глаголы без *ся* следует отличать от тех, к которым приставлено *ся*; но какое же это доказательство, что не нужно различать *заложного* значения тех и других и выражения именно этого различия? „Кличка эта [*залог. А. П.*] ни к чему не ведет: сущность дела — указать, какими падежами и при каком случае глагол правит“ (*ibid.*, XX). После этого можно сказать: кличка падежа ни к чему не ведет; сущность в том, чтобы не сказать „головою“ там, где нужно сказать „голова“. Согласно с этим Даль действительно ошибается в названии падежей: „и безличные глаголы: *меня тошнило, тебя вырвало*, правят винительным падежом, как даже и некоторые общие глаголы на *ся*: *я тебя не боюсь; он тебя хватился...*“ (*ibid.*, XX). Здесь *тебя* — родительный, а не винительный. Конечно, лексикографу следует выставлять грамматическое определение при словах только тогда, когда это сберегает труд и место, когда такое определение делает лишним пояснение примерами; но и там, где он приметил, дополняет и изменяет существующую теорию, выбор примеров условлен значением пробелов и ошибок теории и, стало быть, предполагает присутствие ее в мысли лексикографа.

Во всяком залоге, как настоящем слове, найдем только один залог. Мы одинаково говорим писать письмо (*litteras scribere*) и писать картину (*tabulam pingere*), но сознаем различие между первым писать и вторым и имеем в них два слова, а не одно.

Конечно, это не значит, что мы не различаем этих значений или что мы имеем для обоих только одно слово. Залог есть то же значение слова, только формальное. Такое формальное значение находится в связи с вещественным значением слова. Вместе с первым может в некоторых случаях изменяться и второе. Древнерусское льстити под кымь, льстити кого (обманывать) и современное льстить кому различны не только по залогу, но и по более частному значению. Залог есть формальное значение, находящееся в связи с вещественным. Поэтому средние глаголы свиснуть,¹ съездить, получив значение ударить, становятся действительными (см. Буслаев, Граммат., § 176, примеч. 2).

Залог есть необходимое в известном языке отношение глагола (в широком смысле, т. е. со включением причастных форм), прилагательного и существительного к объекту.

Подчеркнутые слова внесены в определение потому, что есть отношения глаголов к дополнению не предписываемые, а только допускаемые языком; изменения их не влекут за собой изменения залога. Буслаев (Граммат., § 175) говорит, что в выражении „он уже читает“ глагол переходящий употреблен в виде непереходящего. Никакое слово не может быть употреблено в виде другого иначе, как переставая быть самим собою. Понявши слова Буслаева так: „читает стало здесь непереходящим“, — нахожу такое мнение ошибочным. Не договаривая дополнения при объективном глаголе, мы не делаем этого глагола субъективным, потому что, нисколько не изменяя этим самого глагола, мы, так сказать, оставляем при нем пустое место для объекта: он уже читает — что бы ни было, но нечто такое, что, выраженное именем, стояло бы непременно в винительном падеже. Иное дело, когда тот самый объект, который мы, например, при действительном глаголе, ожидали в винительном, ставится в другом падеже и не оставляет места для винительного: бить, ударить, хватить чем обо что (сербское „коњ... бије седлом о јаворје“). Здесь обо что вполне вытесняет винительный. Глагол становится средним.

По необходимому присутствию или отсутствию объекта глаголы делятся на объективные (*transitiva*) и субъективные (*intransitiva*), в коих действие определено только своим исходным пунктом, т. е. субъектом.

Под объектом. разумеется: а) предмет страдательный по отношению к действию, во всех арийских языках выражаемый винительным (*obj. directum*); б) предмет менее страдательный или вовсе не страдательный обозначается другими косвенными падежами, с предлогом или без (*obj. indirectum*). Те из объективных глаголов, которые требуют прямого дополнения (винительного падежа), называются действительными; остальные соединяются в одну группу с субъективными и вместе с этим носят имя средних. В делении:

объективные — субъективные
действительные — средние

устранена логическая ошибка деления Буслаева. Члены, не перепутываясь, исключают друг друга. В этом делении не имеет места страдательный залог. Почему — об этом ниже. За основание принято здесь

¹ Так у Буслаева. Ред.

только значение, поэтому глаголы возвратные по форме подходят под это деление объективных или субъективных, в другом — как средние. [Miklosich: verba a) activa, b) passiva; v. activa: aa) subjectiva (по форме neutra et reflectiva), bb) objectiva-transitiva (с винительным) et intransitiva (Miklosich, IV, 263).]

В языках греческом, латинском, немецком, латышском и литовском различают внешний и внутренний объект (винительный падеж). Первый ставится только при глаголах действительных (переходящих), второй — и при непереходящих. Первый есть название предмета постоянного для глагола (дрова рубить и т. п.), т. е. такого, на лексическое содержание коего глагол не указывает; второй более или менее явственно мыслится вместе с глаголом, например литовское *miegoti* значит спать и вызывает в сознании существительное *miegas* сон (спанье), от коего произведен: *sarñuti* — сниться от *sãrnas* — сновидение; оба глагола суть средние, но говорится *miega miegoti, sãrna, sarñuti*. Такое сочетание глаголов с объектом, очевидно, есть полная тавтология; но внутренним объектом называют и дополнения, образующие с глаголом не полную тавтологию, т. е. по лексическому значению не заключенные в глаголе, а только сродные с ним, например латышское *saldu migu gulēt* — сладкий сон лежать (= спать). Дальнейшие расширения понятия о внутреннем объекте, например в греческом, оставляю в стороне.

Следует ли в русском языке и других славянских считать за средние глаголы, сочиненные с внутренним объектом, и как понимать внутренний объект в русском языке? Мне кажется более безопасным под таким объектом понимать только существительное, заключенное в глаголе („думу думать“), и за средние считать только средние глаголы в совершенно тавтологических выражениях, как веру верить, зиму зимовать, год годовать, день дневать, горе горевать, век вековать. К. Аксаков (Беседа, 1859, VI, 17) под внутренним объектом понимает и слова сродные по значению с глаголом, например плясать казачка (пляшу). [Ср. војевати војску, т. е. войну воевать (Чубро Чојковић, 126; Miklosich, IV, 385), ночь ночевать, день дневать, пир пировать, век вековать, горе горевать.]

Залог есть значение. Из того, что некоторые из intransitiva переходят в causativa (Miklosich, IV, 377, 7), следует не то, что нет причинных, а то, что категория причинности не приурочена к окончанию.

Залог = отношение субъекта к объекту. Сюда и отсутствие объекта. Оно возможно только через обнаружение субъекта. Такое обнаружение может быть заключено в самом названии субъекта или его атрибута (залог имени) или в предикативности объекта (залог глагола).

§ 29. Страдательный залог

Страдательный залог¹ со стороны значения во всех арийских языках предполагает существование глаголов переходящих в широком смысле этого слова, т. е. объективных действительных управляющих винительным и объективных средних, требующих дополнения в других падежах. Страдательный залог есть способ представления транзитивности глагола. Поэтому и значение глагола страдательного определяется его отношением к глаголу непереходящему, который при страдательном обороте остается в мысли на заднем плане, как фон. В страдательном глаголе объект транзитивного глагола представляется субъектом, т. е. страдательный объект есть такой, который лишает свой субъект той полноты энергии, которая свойственна субъекту оборота действительного. Это определение есть общее для всех арийских языков. Подлежащее переходящего глагола может быть обозначено дополнением страдательного, может вовсе не мыслиться („в эту ночь было чудо дивное и страха исполнено“ — Пск. I лет., 251) и не выражаться

¹ Набранное петитом зачеркнуто у Потепни и восстановлено редакцией. *Ред.*

(письмо написано) и от того страдательный оборот не перестает быть страдательным. Из того, что подлежащее страдательного глагола есть дополнение глагола переходящего, вытекает, что страдательным глаголом действие представляется не самодеятельно вытекающим из субъекта, а происходящим в нем вследствие действия другого. „Относительно субъекта деятельности глаголы делятся на действительные и страдательные: при первых субъект сам деятелен, при последних субъект является целью деятельности другого субъекта“ (Миклошич, IV, 263).

Примечание. Доказательство, что в русском языке нет страдательного глагола, в сущности направлено против существования страдательного залога во всех арийских языках, и заимствовано г. Некрасовым (О глаголе, 42—43) от мнимой неточности определения страдательного залога у Буслаева, совершенного отсутствия страдательного залога в русском языке как особенности русского языка.

Что до первого, то:

а) Если исчезли оба страдательные причастия, то для выражения страдательности осталась бы еще возвратная форма, о которой ниже.

б) Следует различать случаи: причастие страдательное (согласно стремлению, заметному уже в старинной русской письменности) может быть совершенно лишено страдательного значения. В таком случае о нем нечего говорить, как о страдательном.

Таковы причастия, образованные от глаголов средних: неугасаемый вместо неугасающий, подобаемый, следуемый („следующее жалование“). Подобные причастия, если они принадлежат исключительно книжному языку и не имеют за собою освящения древности, могли никогда и не быть страдательными.

Причастие страдательное и по форме и по значению может быть произведено от глагола не только действительного, но и среднего (объективного). В санскритском причастии на *-ta-* (*-na-*), образованное от глагола действительного, всегда имеет значение страдательного; но оно может быть образовано и от глагола среднего: *ga-tá-s* = *qui ivit*, *bhū-tá-s* = *бывший*. Формальное смещение залогов имело бы место только в том случае, если бы и от глаголов действительной формы на *-ta-* могли иметь и действительное и страдательное значения. Так в новоперсидском, где, например, *ber-de-b* (= санскритскому *bhar-tá-s*) значит и несенный и несший (Ворр, *Grammat.*, § 627).

Повидимому, не трудно понять возможность образования страдательной формы с таким же значением глагола объективного, хотя и не действительного: объект такого глагола, каким бы падежом он ни был выражен, может быть представлен субъективно, и действительные причастия в выражениях (Попов, III, 180): земля обитаема, человек заключен, услужен, угрожаем, помогаемый, желаемое, желанное благо, чем обладаемый, управляемый, начальствуемый (Буслаев, *Граммат.*, § 179; Miklosich, IV, 266) имеют субъекты, бывшие объектами соответствующих глаголов действительных, по форме средних, объективных по значению: обитать в такой-то земле..., заплатить, услужить, угрожать, помогать, вспомоществовать, покровительствовать, содействовать, льстить, потакать кому, желать, ожидать, искать (искомый, съискать), обладать, пренебрегать чем.

в) Жданный, чаянный, желанный, несподіваний, „каким-то демоном внушаем“ (Гребінка).

Для объяснения подобных страдательных форм вовсе не нужно предполагать, что глаголы, от каких они произведены, некогда управляли винительным. „Заплаканы победны твои очюшки“ (Барсов, 33; украинское — „карі очі зарюмала“). Они могли управлять, могли и никогда не управлять им без всякого вреда для страдательных форм. Русский литературный язык по способности образовывать страдательное причастие от глаголов объективных, средних, сходен с некоторыми дру-

тими языками и, прежде всего, со славянскими. Ср. польские „*cel chybiou, szczęście porządane, człowiek wzgardzony od...*“ с глаголами „*chybic celu, żądać czego, gardzić, pogordzać kim* (польско-латинское от *intransit.*), *czalo wortość dni wplynionych*“; чешское „*žádány od*“ — с „*žadal čeho*“. Ср. также в литовском *reĩkiamas* (причастие настоящего страдательное) — требуемый, нужный от *reikėti* — быть нужным, с родительным предмета, *láukiamas (id.)* — ожидаемый от *láukti* с родительным — ожидать чего; *pelieĩriamas* — тот, которому не приказывают, от *liėpti* с дательным — приказывать кому.

В древнегреческом образовании страдательного залога от глаголов, управляющих родительным и дательным, вполне обыкновенно; в латинском такое явление редко и считается подражанием греческому. При более подробном сравнении в рассматриваемом отношении языков славянских между собою, а равно и с латинским, греческим, мы можем ожидать между ними разницы в распространении страдательного оборота на большую или меньшую массу глаголов объективных, средних. Есть причастия страдательные и от глаголов субъективных; но они: а) или предполагают объективное употребление глаголов (бываемый — у Буслаева, Граммат., § 179); б) или лишены всякого оттенка страдательности (неугасаемый — *ibid.*); в) или, что обыкновеннее первых двух случаев (из коих первый очень редок), употребительны только в безличных предложениях, в коих причастия страдательные — как причастия глаголов объективных — теряют часть своего страдательного значения.

Причастие страдательное,¹ происшедшее от глаголов субъективных в русском языке употребляется почти исключительно в безличных предложениях, как „в девках сижено — горе мыкано“. В тех же оборотах и с теми же особенностями значения употребительны и причастия страдательные от глаголов объективных средних и действительных. С примерами русскими у Буслаева (Грамматика, § 200, 3) сравни следующие украинские: „пожороно та поборожено та коло моря кіними тож не кіними та поборожено: то журавочка з дїтьми“; „чи я вбрела, чи я впаила, чи мене підбито? Чи сам козак не став ходити, чи його одбито?“ (Метлинский, 7); „чересло й леміш ізнято“ (Куліш, I, 146); „Прийшли слухи до милої, що милого вбито. Ой убито, вбито, завезено в жито, зеленю оливою оченьки зайто, червоною китайкою рученьки покрито“; „гуполо истято і гілля забрато“ (Метлинский, 153); „Тобі рушник дано, що в Києві ткано, з Києва привезено, шовком помережено“ (*ibid.*, 190); „Про їх матюро говорено, що вона відьма“ (Куліш, II, 37); „Чому так рано засвічено?“ и т. п. В польском не только *bito*, *mówiono*, *srano*, *miniono*, но и от глаголов возвратных форм: *bano się, wstydzono się*. В чешском: „*Tu bylo mnoho, a věci potřebné rokovanpo; potom za třidceti dni ustavně bojováno bylo*“ (Zikmund, 14).

В Волянском акте 1596 г., которого (вышеупомянутого) человека незнаемо ани ведаемо откуль былъ и кто его забилъ, а боли тежъ но ведаемо, если его откуль инудь забитого не подвезено и тутъ покинено“; 1608 г.: „подрубону сосну бортную от осьми лѣтъ неподглядану... исъ тое сосны... медъ выбрано и сосну спалено“ (Беседа, 1857, III).

Чтобы определить особенности этих оборотов, начнем с причастий страдательных от глаголов действительных. Очевидно, что выражение *тополю истято* не имеют одного из существенных признаков страдательного залога: объект действительного залога и в них остается объектом и не становится подлежащим, что непременно бывает при употреблении причастия страдательного в его собственном значении. Но тем не менее страдательная форма причастия здесь уместна. Выражение *бито*, *граблено* (в значении безличном) вовсе не то, что *били*, *грабили*: для первых характеристично не только то, что действующее лицо действительного глагола представлено неопределенным оно (*es*), но и то, что неопределенное действующее лицо представлено подлежащим страдательного глагола, т. е. в виде объекта, ставшего субъектом. Рассматриваемые безличные предложения, видимому, образовались непосредственно из чисто страдательных оборотов с подлежащим среднего рода, например украинское „йому пороблено“ от значения: *es ist angetan worden* (причем подлежащее есть действительно бывшее прямое дополнение действительного глагола) переходит к значению *man hat ihm angetan*.

Сравни разницу между *засіяю поле* и *засіяне було*. В украинском подобные выражения имеют только безличное значение, так как язык для чисто страдательных,

¹ Набранное пегитом зачеркнуто у Потєбни и восстановлено редакцией. *Ред.*

уже в сравнительно позднее время, стал употреблять определенную форму причастия: засеяно поле = поле засеяли, но поле було засіяне = поле было засеяно.

Как скоро совершился переход к безличности в предложении с местоименным подлежащим среднего рода, т. е. как скоро подлежащее страдательного оборота получило значение неопределенного по значению подлежащего действительного глагола, то страдательное причастие получает возможность дополняться дополнением действительного. Сравни выражения как: взято його у некрути, повезено його у город и т. п.

Как скоро местоименное (заключенное в глаголе или явственное) подлежащее среднего рода при глаголе страдательном получило безличное значение и вместе с тем лишилось проглядывавшего в нем значения объекта, то получилось стремление при stavлять безличное. Но тем не менее страдательность причастия заметна в значении этих оборотов. Действующее лицо иначе представляется в безличном бито, граблено, чем в безличном же били, грабили. Кроме разницы в числе и роде в первых действующее лицо изображено подлежащим страдательного залога, т. е. в виде субъекта бывшего объектом действительного глагола; во вторых действующее лицо и изображено таким, т. е. не имеет так сказать никакой объективной подкладки. Форма подлежащего в безличных выражениях, как бито (man hat geschlagen = es wurde geschlagen), украинские йому пороблено (man hat ihm angetan), заставляет думать, что первообразом их были чисто страдательные личные выражения с подлежащим действительного происшедшим из объекта и со значением es [etwas] ist geschlagen worden, es (dieses) ist ihm angetan worden, что последнее чисто страдательное значение в этих выражениях непосредственно предшествует первому. Уж в сравнительно позднее время в украинском появляется формальное различие между обоими этими значениями: безличным и страдательным: для 1-го остается неопределенная форма причастия (засіяно поле = засеяно = засеяли), для 2-го определенное (поле засіяне — поле засеяно).

Безличное значение подлежащего при страдательном глаголе, родившись в оборотах с местоименным подлежащим среднего рода, заключенным в глаголе или явственным, стало применяться и к оборотам, в коих подлежащим (бывшим объектом) было имя. Переделывая выражения „тополя зрубано“ (зрубали?) в безличное страдательное, нельзя было опустить имени без вреда для мысли. Нельзя было иначе совместить безличность страдательного предложения с необходимостью поместить в нем подлежащее также личного предложения, как опять сделавши это подлежащее дополнением; „тополя истято“, „тополя истято“ противоречило бы требованию согласия между подлежащим и сказуемым в роде. Но ср. французское, где за безличным подлежащим может следовать определенно названное действующее лицо: il en sortait une fumée noire; il se trouve là un jeune homme.

В немецком при безличном местоименном подлежащем имя как подлежащее: Es kam mir ein Mann entgegen.

Возможностью ставить винительный объекта при безличном употребляемом причастии страдательного со вспомогательным глаголом русские наречия пользуются в разной мере. Не считая случайности того, что в числе приведенных Буславским примеров рассматриваемого оборота нет ни одного с винительным объекта: такие обороты редки, хотя и не невозможны в русском. В украинском же выражения как „ворано посіяно ниву, ізжато пшеницю, взято його, повезено його до приюму“ и пр. вполне обычны.

В тех случаях, где в безличном предложении со страдательным причастием требовалось обозначить и явственное действующее лицо действительного глагола, это лицо очевидно может быть выражено только дополнением: у молодца было послужено = послужил.

Такой способ обозначения не различает формальных значений *apud quem* и *a quo* [ср.: у меня (в комнате) не прибрано]. Выражение действующего лица творительным в безличных страдательных предложениях в литературном языке невозможно: „сказано мною“ есть часть страдательного предложения с определяемым по значению подлежащим. Но в выражении украинской песни „похожено та поброжено коло моря кіньми“ — *похожено поброжено* — безличны и творительный обозначает действующее лицо, а не орудие, которым действительно скрыто лицо.

Из вышесказанного видно, что для образования безличных предложений с причастием страдательным вовсе не нужен именной объект соответствующего действительного глагола: так как этот объект не становится подлежащим безличного предложения, а в качестве дополнения может быть опущен не изменяя характера предложения. Таким образом по отношению к явственному объекту глаголы объективные становятся здесь на одну доску с субъективными. Рассматриваемые страдательные обороты от глаголов субъективных стали, кажется, возможны только после образования соответственных оборотов от глаголов объективных. „Сижено“, „гуляно“, „идено“, „ухено за охотой“, „в девка сижено — плакано, замуж выдано — выто“ — образованы по образцу „взято“, когда подлежащее этих последних получило значение неопределенного действующего лица. Страдательная форма здесь не имеет вполне страдательного значения и возможна благодаря фикции, что у глагола субъективного есть какой-то неопределенный объект. Этот действующий объект нужен только затем, чтобы в его форме пред- ставить действующее лицо.

Как в русском и польском в безличных предложениях причастия страдательные от глаголов объективных теряют отчасти свое страдательное значение и как в этих предложениях появляются причастия страдательные от глаголов субъективных, так и в латинском. Ср. безличные предложения с причастием прошедшего страдательного *ventum est* (прийдено), *itum est* (идено), *moriendum est*, *addendum est*. Безлично употребляемые страдательные причастия необходимости от глаголов переходящих у доклассических латинских писателей (реже у классических) сохраняют способность действительных глаголов управлять винительным: *timendum est roepas*, *ingrediendum est viam*, *omnia audendum est*.

Способ образования безличности—средний род.

При помощи неопределенности субъекта страдательного оборота. Средний род есть переход к совершенному устранению этого субъекта, причем остается в мысли лишь отношение к объекту, означаемому производителем: от „*das (dieses) ist sichtbar*“ к „*es ist sichtbar*“—видно (Miklosich, IV, 366). „Телебуга же еха обзирать города Володимѣря, а друзии мољвятъ, оже бы и в городѣ былъ: но то не вѣдомо“ (Ипат. лет. 2, 588; см. выше влягомо); „По отшествии же Телебузинѣ и Ногаевѣ, Левъ князь сочте колко погибло во его землѣ людей: што поимано, избито, и што ихъ божиею волею изъмерло,—полѣтрѣтынадесять тысячѣ“ (Ипат. лет. 2, 589).

Тип „тополю стято“ (Miklosich, IV, 364, 365). Винительный дополнения при страдательном безличном—ново-церковно-славянский (примеры у Миклошича—новы).

Быто. „И потомѣ Москвичи побѣгоша, и пометали быта своя Москвичи и Псковичи, а Изборяне выскоча имали быто Псковское и Московское“ (1501 г., Пск. I лет., 273); „Изборяне... грабиша то быто Московское“ (ibid., 274); „И Псковичи первое ударишася на кошъ (лагерь немецкий. А. П.), и потомѣ Москвичи, и начаша межи себя драться о бытѣ Нѣмецкомѣ“ (ibid., 276).

Пожитокъ, прибытокъ, понитокъ.

Возможно, что в данном языке из многих синонимов, т. е. различных способов представления сходных содержаний, комплексов мыслей, нет ни одного с отвлеченным значением, т. е. такого, который обозначал бы лишь причины, общие всем этим комплексам. Таким образом, ввиду частности значения слова *лес*—*silva* в случаях, как „дали есмо... замокъ нашѣ Бѣлескѣ... зо всеми землями пашными и бортными, и боры и лѣсы, и дубровами, и гай“ (Акты Зап. России, II, 6, 1507 г.), можно сказать, что до сравнительно недавнего времени в русском языке не было слова для общего понятия „лес“, обнимающего лишь общие признаки понятий, связанных с такими словами, как *лес*, *бор*, *роща*, *дуброва*, *дубняк*, *липняк*, *осинник*, *березник*, *олешник*, *урема*, *тайга*, *тайбола* и пр.; украинское *ліс*, *бір*, *дібрава*, *гай*, *луг* и пр. В течение многих столетий представлялась возможность обобщения значения одного или нескольких из синонимов, и определить, когда такое обобщение появилось и перестало быть достоянием лишь личной мысли, бывает крайне трудно даже в том случае, если исследователю нет нужды выпутываться из своего и чужого национального хвастовства на голоса: „А что? у нас есть то и то, а у вас нет. Наша цивилизация выше: платите проигрыш“.

В таком смысле, как утверждение, что в данное время понятия *лес* в языке нет, можно сказать, что страдательного залога в русском и дру-

гих славянских и неславянских языках нет, но есть страдательные обороты: а) предикативные и б) атрибутивные.

а) В строгом смысле страдательность предикативного оборота не мыслима, как заключающая в себе противоречие: субъект есть название субстанции, как производителя действия; предикат — самое действие во время произведения его субъектом. Следовательно, под страдательностью предикативного оборота можно разуметь лишь то, что его субъекту приписано посредством сказуемого степень энергии меньшая, чем в обороте действительном. Этого рода страдательность представляется возвратностью действия:

„Не плач, мамко, не журися:
Не дуже я порубався:
Лем ручечки на стучечки,
Головицю на четверо“.

(Головацкий, III, 8.)

Сюда относится определение: „Schon seinem Begriffe nach ist auch das Passivum als Energie zu fassen; es ist indirect activ“ (Miklosich, IV, 264).

Язык ничего не выражает вполне; он всегда выставляет лишь один признак, важнейший или представляемый таким (Ворр, Grammat., § 531, 417, см. все примечание).

б) Страдательные обороты атрибутивные заключают в себе причастия страдательные настоящего и прошедшего времени. Здесь не существенно то, что эти причастия могут быть не только непосредственными атрибутами (определениями, приложениями, а субстантивировавшись, и подлежащими и дополнениями: „ранен — двоемыслен, а убит — уже спит“), но и входить в состав сказуемых. В последнем случае предикативность выражается только действительностью глагола вспомогательного, а страдательность зависит только от причастия как атрибута: „дело сделано“ значит „дело делается теперь так, что оно окончено“, т. е. признак, находящийся в субъекте, составляющий его состояние, представляется делом субъекта, совершаемым посредством объекта.

Сюда, а не к п. а может быть отнесено определение, принятое Буслаевым (Граммат., § 175, 2) и требующее некоторых изменений: „страдательный глагол означает состояние предмета, произведенное действием другого (предмета. А. П.)“.

а) Страдательных глаголов ни в смысле совокупности личных и причастных форм, связанных единством лексического и формального значений, ни в смысле совокупности личных форм нет в русском языке; но, кроме возвратности (см. выше), есть причастные страдательные обороты.

б) „Состояние предмета“ значит признак, данный в предмете.

в) Ошибочно думать (Некрасов, О глаголе, 42, 43), что, согласно с приведенным, состояние субъекта должно быть выражено одним словом, а действие объекта другим, чего, очевидно, нет в „любим“ (как атрибут, как собственное имя, как часть сказуемого). Можно согласиться лишь с тем, что приведенное определение недостаточно ясно устраняет повод к ошибочному толкованию. Имя существительное и прилагательное может тоже означать в речи состояние субъекта, зависимое от объекта, например „его милость, для ихъ великого впаду отъ поганства Татарь, отпустиль имь мыто“ (Акты Зап. России, II, 2, 1506 г.); но имя здесь не само по себе, т. е. не формально, а лексически, при помощи явственного дополнения, показывает зависимость признака от объекта, между тем как причастный страдательный оборот, чтобы быть страдательным, нуждается в дополнении.

Итак: „страдательный причастный оборот представляет формально состояние предмета произведением объекта, который может быть вовсе не назван, например „письмо написано“ (без мысли „кем“); „в ту ночь бысть чудо дивно и страха исполнено“ (Пск. I лет., 256). („Страха“ может быть предполагает подлежащее „страхъ исполни“, но в наличном значении устраняет собою возможность объекта, условияющего страдательность.)

§ 30. Глаголы с -ся

Глаголы с -ся, требующие ближайшего объекта в беспредложном (повидимому, некоторых в предложном) родительном.

Сколько известно, ни один из грамматиков, говоря о залоге, не делает из этих глаголов особого отдела. У Востокова они отнесены к общему залогу. Последний определен так: „имеет значение возвратного и подобно оному кончится на *ся*, но без приложения *ся* неупотребителен, потому, что означает действие внутреннего чувства, обращенное *только* на самого действующателя; напр. *Бояться, надеяться, стараться, смеяться, резвиться*».

К общему залогу причисляются также некоторые глаголы на *ся*, произведенные от действительных, которые и без приложения *ся* употребительны; но с сим приложением получают значение глаголов средних“ (Востоков, 98—99) (выражающих обнаруживание себя каким-либо действием или качеством), „напр. *Крапива жжется. Нитки рвутся*“ (ibid., 100). Отсюда видно, что здесь у него глаголы, как бояться чего, теряются в числе других глаголов с -ся, не требующих родительного. В другой раз он упоминает об этих глаголах, говоря о родительном количестве и движения мысленного; здесь а) „глаголы общие, сложные с предлогом *на*, и означающие насыщение себя чем-либо, принятие в себя чего-либо во множестве, вдоволь; напр. *Наглядеться диковин. Наслышаться хорошего. Начитать кни.* Также и с предлогом *за*... *Заслúшаться... музыки; зачитать кни*“. б) Глаголы общие: касаться, коснуться, требующие родительного качества, означающего предмет отвлеченный, „коего некоторая часть захвачена речью или делом, напр. *Коснуться важного предмета. Касательно сего предмета.* Когда *касаться* значит обращать речь на чье лицо, на предмет одушевленный, тогда требует родительного с предлогом *до*; напр. *это до вас касается*; когда же означает в собственном смысле дотрагиваться до чего, тогда управляет дательным падежом“ (ibid., § 126). Здесь родительный не отделен от случаев „наехало гостей“ (безлично), „принести воды“. в) В родительном движения мысленного (ibid., § 128) не отделены такие случаи, как доискаться чего, от случаев желать, считаться и даже лишать когò (винительный), чего (родительный) и родительный при глаголах с отрицанием.

У Миклошича, где он говорит о залоге (Miklosich, IV, 268), такие глаголы, как *натерпеться* чего, упомянуты вместе и безразлично с такими, которые не допускают объекта от „всьмердѣтиса“ (завоняться), *разболеться, выпасться*. Стало быть, он рассматривает здесь залог независимо от дополнения. Говоря о родительном удаления (*genetivus separationis*), он приводит рядом глаголы действительные со вторым объектом в родительном („простити кого греха“) и глаголы с *ся* с единственным объектом в родительном: „штобы государь вашъ техъ волостей поступился“ (Акты Зап. России, I, 285; Miklosich, IV, 451 сл.). Точно так же, говоря о родительном непрямого объекта, он имеет

в виду лишь тот последний, — будет ли он стоять при глаголе с -ся, как единственный ближайший объект (гитиса, държатиса чего), или при других глаголах рядом с винительным прямого объекта „мира ны съподобить, мѣлка вы напоить“ (Miklosich, IV, 504, 505).

Я попытаюсь здесь обособить со стороны залога глаголы с -ся, допускающие при себе ближайший объект лишь в родительном.

Важно то, что глаголы, требующие по своему значению объектов, из коих дальнейший есть родительный с аблативным значением (значением удаления), например лишить кого (винительный), чего (родительный), соединяясь с -ся, заменяют одним родительным оба объекта („лишиться чего и кого“). Стало быть, после того как -ся перестало чувствоваться как объект, глагол такого рода изменил залог.

Miklosich, IV, 267: коснѣти са — tangere; отложить (старость — заботу) и отложимъ са — греха; съвѣты отметати и отметати са благъ; прѣслушати и прѣслушати са — *paraohew* при obedire — слушать кого (винительный) и слушаться кого (родительный). „Отъчааша кого“ (Supr., 23, 1 — jemand aufgeben; reflexiv. „не отъчай себе“ — *ibid.*, 306, 2); „отчаяти са“ — *desperare*; украинское „здобутися ласки“.

Глаголы на -ся с родительным.

„Съступиися Твърдиславъ посадничьства“ (Новгор. I лет., 31, 19); „свѣлечеса грѣховная одежда“ (Лаврент. лет., 29) [ср. „съступи хреста Мьстиславъ къ Ярославу“ (Ипат. лет., 11); „Свободъ ти и сель съступи-тися“ (1305 г., Собр. гос. грам., № 9)]. „Отбися ихъ“ (= от них) (Новгор. I лет., 34, 10); украинское „оддуратися кого, чого“; „Круг стола сидят оны да круг дубового, Оны пьют сидят теперь да угощаються; Уж как я... Опришенна от любимой от семеюшки, Отряхнулась я от светлой новой светлицы, Отрешилась самоваров я шумячиих“ (Барсов, 40); „Того ся добьють, егда влѣзуть ли живы“ (Лаврент. лет., 4). В новом языке: добежаться, дошалеться, доходитья, доработаться до чего; додуматься, догадаться до чего; добраться, допитья до чортиков; дозваться кого; дослужиться чего; додрематься лиха; доробитися хлѣба (Miklosich, IV, 501—504); „Позастановила і наместо й дукати і добулась грошей“ (Кв.-Осн.); „Доити Києва“ и пр. (Miklosich., IV, 501 сл.; Буслаев, Граммат., § 254, примеч. 2); „А кого доидеть рука, църньця ли, церницъ ли, попь ли, попаде ли, а ты (винительный) ведоша въ поганья“ (Новгор. I лет., 26, 5); „Изыма дворяне Свято-славли и посадника оковаша, а товары ихъ кого рука доидеть“ (*ibid.*, 31, 9). [С винительным редко в старославянском: „сама преисподняна доити“ (Supr. 354, 18; Miklosich., IV, 378); „Доспѣша полатъ“ (Тихонравов, 239) значит не „attigerunt palatium“, как перевел Miklosich (*ibid.*), а „окончили“.]

Глаголы с приставкою *от-* и с родительным: „отвържеса архепископъ Іоаннъ Новагорода, и поставиша... Нифонта“ (Новгор. I лет., 6). Отчаяться чего. „Не отчаимъ мы себе, яко Іуда“ (Кирилл Туровский — Калай-дович, 146).

„Сдогодаюсь того“ (вспоминаю о том) (Барсов, 223, 4). Дождаться. „Я ни от кого... толку не доберусь“ (Гоголь). „Щоб сей та той мене, колиб я недоскочив собі що дня шматок м'ясяця“ (Гребінка) („шматок“ — винительный меры при родительном „м'ясяця“).

Наестъся. Миклошич говорит, что, например, возвратные глаголы (кроме русских) посредством лишения частицы -ся (*durch Abtrennung von са*) получают причинное значение: „да си коня назобажет“ (Миладиновци, 21); сербское „ви гладнога ни јесте најели“; „сву земљу расплакао“; чешское „*nás všesky vozesmál*“ (Miklosich, IV, 378). Быть может, наоборот: -ся присоединяется к глаголам на *аѣсти* потому, что в силу

предлога они получают действительное значение — насидеться, настояться, добежаться, договориться; наноситься, наесться, напиться чего; наглядеться, начитаться книг; насмотреться чудес (однако без субъекта: набегаться, наездиться, нагуляться, накататься). Ср. „наѣсти кога, чега“ — накормить; „наѣде га пива и јѣстава“; „Слави набірайся“ (Метлинский, 15); „Нагерпеться голоду“ (не переходит ли в родительный причины?); „Добры людюшки того (что выше сказано) да надивились“ (Барсов, 40); нагостилась, насиделась, „нарутілась горьких слез да на сыру землю“ (ibid., 186); натешилась, натопталась, „нагорелась свеча, догорает“. Ср. действительный глагол сложный с *на-* из средних.

Питаться чего. „А з вінчання вертались, свого роду питались: «Скажи мені, серденько, якого ти родоньку»“ (Мордовцев, 234); „Ой піду я до комори питатися зброї“ (Костомаров, Песни). Костомаров ошибочно думает, что это значит „у сбруи“, и ставит двоеточие перед вопросом, обращенным вовсе не к сбруе, а к себе: „а чи мені коня сидлати, чи пішки мандрувати“ (ibid., 249).

Оглядаюсь. „По воду пішла, оглядається Василя“ (Кв.-Осн., I, 47).

Глаголы без *-ся* с родительным.¹

Глаголы от действительных с *ся* и родительным. „Крытись чего“ (Miklosich, IV, 451); украинские: „поступитися, рішитися, хоронитися, берегтися, стерегтися“ (ibid., 453); чуждаться, дичиться, опасаться, удаляться; старинное остается.

Утаиться. „Утаившеса его“ (Ипат. лет., 132, 6); „утаивься Кыянь бѣжа изъ Бѣлагограда“ (Лаврент. лет., 74). Ка ятиса. „Почто зло створивъ и не каешиса его?“ (Лаврент. лет., 113).

„Ополонишася полона и поидоша восвояси“ (Ипат. лет., 133). Ср. „Обѣсиса синѣ мглѣ“.

В новом языке — обвеситься, оболокаться и пр. (чем?). „Ожегшись на молоке“.

Обожратся (чего?). Обловиться (чем?) (Даль, Словарь).

Объестся лакомств, облопаться, обтрескаться. „Опилася пташка студеной росы“.

„Останися высокоумья своего“ (Ипат. лет., 15). Ср. „дружина же его, они по немъ идоша, а друзи остаща его“ (ibid., 27). Субъективный: „Останися на святокъ. — Не могу остати, брате“ (Лаврент. лет., 110).

Пуститься (чего?). „Отгут то берега пустивсь“ (Котляревский); „Волсент и духу тут пустивсь“ (= испустил) (ibid., 212).

Держаться (чего?).

Ятиса (чего?). „Мокрого поліна вогонь неймецця“ (Номис, 100). Ср. „ятиса по дань“; взяться за что.

Хватиться (чего?) (= вспомнить); ср. „схватиться за что“. В сербском см. Даничић, 100, 101.

Слушаться (кого?).

Бояться, пугаться, страшиться, ужасаться, чуждаться, дичиться, беречься (чего?); стыдиться. Украинское: соромитись, страхатись, лякатись (чего?).

Таиться (кого?).

„Мне стыдно, страшно“ (кого, чего?) (Miklosich, IV, 458).

„Позбутися, збутися, збавити“, позбавити“ (чего?) (ibid., IV, 456).

Родительный удаления при глаголах независимо от влияния предлога и при именах (ibid., IV, 451).

¹ В рукописи только эта заметка. Ред.

„Грѣхъ (родительный мн. ч.) да простить“ (XIII в., Достопам., I, 107); „Прость грѣха“.

Лишити, лихъ. „Да боудеть штвержень и вся священничья служба лихъ и проклять“ (XIII в., *ibid.*, I, 109).

„В роди разума ты смѣнилася“ (Барсов, 146); „Огляделася, победна, устрашилася, Ума-разума победна изменилася“ (*ibid.*, 241; Miklosich, IV, 451).

Бѣгати (чего?). „Пищаньци вольчья хвоста бѣгають“ (Лаврент. лет., 36; Miklosich, IV, 451).

У ходить (чего?) (*ujść nieszcześcia*). „Ухожу своих сердечных малых детушек я на эту не спокойну малу ноченьку“ (Барсов).

Родительный при глаголах удаления, лишения. „Всѣхъ грѣхъ прощени будемъ“ (Лаврент. лет., 72, 26); „Останися высокоумья своего“ (*ibid.*, 133, 92); „Плотское украшение чуже есть Настоятеля“ (Калайдович, Памятники, 123); „Щасливої доріженьки, куди він бажає“ (Метлинский, 61); „Смердовъ жалуете и их коній“ (Ипат. лет., 1).

Цуратись (кого, чего?). „Ой не цурайсь мене, родинько“ (Метлинский, 243); „Мене стануть цуратись“ (Кв.-Осн., I, 44).

Чуждаться.

Имена с родительным. „Лихъ, нагъ, простъ, свобода, свободнь, сирь, странникъ, чистъ, штудъ“ (Miklosich, IV, 452, 453).

„Извини того [в том] сестрица, свет желанная, Што пеняла я при добрых тебе людюшках“ (Барсов, 139).

„Подивуют того добры людюшки: Видно, девушка она самовольная“ (*ibid.*, 132); „Хоть бы [чтобы] добры того люди дивовались, Што ведь матушка со дитятком спасается“ (*ibid.*, 134).

„Он не може примениться ума-разума, Со кручины он не знае куды броситься“ (*ibid.*, 205).

Жальть (чего?). Жаль чего, шкода чего, плакаться чего. Родительный причины — Miklosich, 463, 464. Нет ли разницы между непосредственным родительным при глаголе и посредственным?

Алкать, жажда, жадати, желать (бажать). хотеть и пр. (*ibid.*, 490, 491). Однако: „сожидаючи родитель тебя матушку“ (Барсов, 34).

Глаголы удаления без -ся с родительным. „Бѣжати чего“ (Miklosich, IV, 451). Грѣшити. Гонезнати. С предложениями *из, от, с, у* (*ibid.*, IV, 455).

Если глагол беспредложный — средний, то при нем единственный объект в родительном (избежати суда); если действительный, то родительный есть второй объект: отвести кого, чего.

Родительный после неопределенного = супину. „Посла... Дмитра Якуница... города ставить“ (Новгор. I лет., 31); „Иде... править товаровъ“ (*ibid.*, 41); ср. „исправивъ (вытребовавши) товары“ (*ibid.*, 41); „Идоша Новгородци въ Торжекъ города ставити“ (*ibid.*, 89, 36); „Посла... возводит Литвы“ (Ипат. лет., 210, 38); „ѣха обзирать города“ (*ibid.*, 212, 6); „Онъ же хотель у рать [в литовское войско, стоящее под Витебском] ити, дѣвки купити...“ „и онъ шол съ темъ челоукомъ, соли весить“ (Акты р.-лив., № 49, около 1300 г.); „Пошлетъ своихъ писцовъ Москвы писати и Московскихъ становъ“ (1472 г., Собр. гос. грам., I, № 95); „Своихъ людей съ неводы посылати, озеръ волочити“ (Акты Южн. и Зап. России, I, № 59, 1512 г.).

„Набѣдѣти чь со“ (= соблюдать) „праздникъ набѣдите...“ (Изборн. 1073 г., 195); „Да набѣдять соуботоу“ (*ibid.*).

„Рыдайте, обидимий. не себе. нѣ обидѣвшийхъ васъ. не бо васъ врѣдиша. нѣ сами са погоубиша“ (*ibid.*, 78); „Да тѣмъ плачѣмъ ихъ плачѣмъ“ (*ibid.*).

Глаголы на ся—от действительных.

„Перебродитися“.

„Разів з чотирі погребнувся“ (Котляревский); „З крючком весельцем погрібався“ (ibid.).

„Язь... и отъ коня спада яся“ (Лаврент. лет., 105); „Ширий козак ззаду непопадаєщя“ (Номис, 81); „На възведение падъшимъся въ ересь“ (Калайдович, Памятники, 84); „Только 'м ся впала в катовскі руки“ (Головацкий, I, 299); „Мати на ній й напалась: і де вона була, і чого так довго ходила“ (Кв.-Осн.); „Маруся нападається на Олену, що притьмом пора до дому йти“ (ibid.); „Не впадись въ тоску, великую кручинушку“ (Барсов, 251); „Въ брѣгъ гордостный не впадетьса“ (Изборн. 1076 г.—Буслаев, Хрестом., 292).

Пригнати ся. „Хто отъ насъ пригониться въ твою вотчину за холопомъ...“ (1368 г., Собр. гос. грам., I, № 28).

„Зволтєся, тьотушка, до себе постій прийати“ (Кв.-Осн.).

„Брала дівка лен, та забулась пов'язати“ (Метлинский, 60); „Обіцянки ж не забувайся“ (Котляревский). „Не стій, вербино, розкидайся, не сиди, Марусю, розмишляйся“ (Метлинский, 159). „Туть роздумуюсь обидна, красна девушка“ (о следующем) (Барсов, 221). „Умом, разумом, горюша, посмекаюся“ (ibid., 25).

Ятися по (винительный). „Имися по дань“ (Лаврент. лет., 30); „Сътворимъ миръ со царемъ, се бо ны ся по дань яли“ (ibid.); „И м емъ ся своимъ тольстинамъ, не даны суть Словѣномъ прѣ кропинныя“ (ibid., 13).

Мнѣтися, творитися. „Сдѣ же мняшеся океанный: яко сдѣ ми есть жилище“ (ibid., 35).

„Як задумався молод женитця, ходив же молод по всіх городах“ (Номис).

„Да уже помянися, колико еси зла створилъ“ (Лаврент. лет., 113).

„Съжалися о бывшемъ отъ Печенѣгъ“ (ibid., 28). Церковнославянское „жалити кого“ — *lugere, beschränkt auf das subject* — жалитися и жалити си; *ka jati* — *vituperare*; церковнославянское каятиса — *roenitare*; молити и молитиса.

Вѣдѣтися. „Уже и о світі незнавсь“ (Котляревский); „Знатця на чому, розумитця на чому“ (= знать толк в чем) (Номис, 126).

Совеститися. „Буду совестить родителя я батюшка“ (= усовещивать) (Барсов, 222).

„Суседи поразойдутся, сродчи—сродники у нас да поразѣдутся“ (ibid., 225); украинское: „розлилися води“. Расползлись муравьи; раскипелся котел; разыграться, распеться, расплеваться, разлились, расправиться, распылиться, рассохнуться, расплакаться, разреветься, разрюмиться.

Пробудитися, проснуться; украинское: прокинутися. „Ой спав—не спав прокинувся“; русское „от крепка сна безсчастлива, прохватися“ (ibid., 26).

„Не началась я победна не подіялась...“ (ibid., 90).

Случитися.

„Як побачила я тебе, світ мені не змилився“ (Кв.-Осн., Маруся).

Поститися; ср. постить пост?

„Гляди та й не прогледись, купи та й не прокупись“ (Номис, 113).

Пробратися куда. „Мне нельзя, бедной горюшице, пронятиса [за распутьем], на родимую сторонку передатися“ (Барсов, 91).

Прислушаться, приглядеться, присмотреться к чему.

С[т]латиса. „Послалась на лаві“ (Кв.-Осн.).

Кохатись у чому. „Я в парубках кохаюсь сих“ (Котляревский).

Проситься. „Сестра в брата прохаалася“.

Надеяться на что. „Надѣяся силѣ своей“ (Лаврент. лет., 134).

Понравиться кому. Украинское: сподобатись кому.

„Одчини мила двери. — Я не одчинюся, бо тебе боюся“ (Костомаров, Песни, 284).

Обноситься [ср. „Родимую матушку платичем обносила... братьичев цѣботам обносила“ (Бельский у.) (Этнограф. сборн., V)].

Сълатися. „Се прислалася ко мнѣ Словѣньска земля“ (Лаврент. лет., 11); „Кіяне слютя къ Володимеру“ (ibid., 33); „И послашася паки Кіяне къ Володимеру“ (Ипат. лет., 4); „А лучится царю кого послати къ царицѣ... и они пришедь обсылаютца черезъ бояронь, а сами не ходять безъ обсылки“ (Котошкин, 27); „Нача слатися къ Володимеричемъ... хотя мира съ ними“ (Ипат. лет., 16).

„Копая подѣ другомъ яму самъ ся въ ню вѣвалить“ (Новгор. I лет., 56).

Очутиться, опознаться. „Што мине-то... причюлось да прислышалось“ (Барсов, 76).

Пытаться. „Попытала было я сидеть... у постели“ (ibid.).

Кушаться. „Не кушай ся противу имѣ, яко мало имаша вои“ (Лаврент. лет., 93).

Разлучаться.

Ликоваться. „Душа с белым телом ликовалася“ (Барсов, 94).

„Промежь бы себя не кралися“ (друг у друга) (Домострой).

Ятися (схватиться с кем). „Нѣту ли такого мужа, иже бы ся яль съ Печенѣжиномъ“ (Лаврент. лет., 53).

„Ту вся благая сходяться“ (ibid., 28).

„С ким вірно люблюся, не наговорюся“ (Метлинский, 29).

Согласен с. „Была гордая ведь я да не поклонная, Я с суседями была да не сговорная“ (Барсов, 7).

Судиться; рядиться; разделаться; расплатиться; рассориться; разругаться, расцеловаться с...

Жаловаться. Без -ся и средний: „жаловали намѣ [мещане], што жѣ дей имѣ новина уведена“ (Акты Зап. России, II, 3, 1506 г.).

„Не треба ні злизовати, ні шептати: само минеться“ (Кв.-Осн.).

Взаимные. „Любилися, кохалися як голубів пара, а тепер розійшлися як чорная хмара“.

Между тем закохатися—средний. Змовлятися, збігтися до купи, з'їхатися.

Согласиться с кем (без дополнения); сговориться; целоваться; обниматься; ругаться; браниться; ссориться (лаяться, свариться); советоваться.

Спизнаться.

Связаться [радитися; возиться с чем; носиться с чем („як дурень з писаною торбою“)]; панькатися з ким.

Свариться. Ср. „единою бо ми й сварящю... преторже череви рукама“ (Лаврент. лет., 53).

Проститься с кем.

„Ярополкъ же съзвася съ братьею своею, и съ сыновци своими събрася“ (Ипат. лет., 14).

„Черезъ Лыбедь стрѣляхуса“ (ibid., 14).

„Болѣ не воюетеса (повелительное) съ Мьстиславичи“ (ibid., 19);

„Цѣлуй съ нами крестъ, како ти ся съ нами не воевати“ (ibid., 146); украинское „воюватись“; „Бѣ воюяся съ ними [печенегами]“ (Лаврент. лет., 52).

„Ратившемася полкома, побѣди Ярополкъ“ (ibid., 32).

Здороваться с кем [старинное „здоровати кому“: „Какъ отздороваютъ великому князю, и великій князь пойдетъ“ (Свадьба, 1526 г.— Сахаров, II, кн. 6)].

„Чи нам братицця, чи що дня трапицця“ (Номис, 80).

Возвратные глаголы. Оборотиться, оглянуться, осмотреться.

Воротиться; вернуться; питаться; житься; кормиться; прохаживаться; прогуливаться; веселиться; радоваться.

Называться; метаться, рваться, силиться („ну и рваться и метаться“); кидаться (отлично от „кидаться грязью“); бросаться на кого.

Обороняться; защищаться; запирается.

Наряжаться; рядиться; умываться; одеваться; снаряжаться.

Учиться.

Уходиться, уходить себя.

Умаяться; угощаться; обливаться; забавляться.

„Засвирипятся ветляны тут нештушки... Што торопишься за ужину вечернюю, Знать, спешисься на спокойну, темну ноченьку“ (Барсов, 41).

„Вся усадится любима тут семеюшка Как за стол да хлеба кушать“ (ibid., 41).

Кориться, клониться. „Я богатому суседу не корилася, У мало-мошняго я не доложила“ (ibid., 135).

„Бѣ же Θεодосій заповѣдалъ положити ся въ печерѣ“ (Лаврент. лет., 80). („Приказал положиться“ — значило бы другое.)

„Исполчившася“ (ibid., 98).

„Затворишася Болгаре въ градѣ“ (ibid., 29).

Ложиться; Спати кластись. „Ще дівчина спатоньки не клалась, козакові пшениченька зжалась, звозилась“.

Садиться.

Начаться (Метлинский, 28).

Хитатись. „Стоить верба над водою хитає собою“ (Головацкий, I, 214).

Явиться; приблизиться; придвинуться.

Обмануться (помилиться); послушаться; обчесться.

Переставиться (умереть); перемениться.

Собираться что делать (готовиться, снаряжаться); братись до чого; лагодитись до.

Придираться; привязываться к кому.

Применяться; прилаживаться.

Рассердиться, разгневаться, разъяриться.

Относиться к кому.

Страдательные глаголы. „Пострижеся Святоша князь“ (Новгор. I лет., 3); „Оженися Святославъ Олговицъ Новѣгородъ, и вѣнцяся своими попы у святого Николы; а Нифонтъ его не вѣнцья, ни попомъ на сватбу, ни церенцемъ дасть, глаголя: недостоить ея пояти“ (ibid., 7). „Аще тебе непослушаетъ, повѣжь мнѣ: оже не повѣси, съ нимъ осудиши ся“ (Калайдович, Памятники, 187); „Путь-дорожненька топерь да коротается“ (Барсов, 11); „Не позабыть сказать, что [церковь] началась строиться, но сгорела, а то, пожалуй, кто-нибудь, позабывшись, скажет, что она и не начиналась“ (Гоголь, Ревизор); „не гневались вы нашим угощением, Не гнушались вы ествамы сахарныма“ (Барсов, 237).

Сътжжати — affligere, сътжжати си — affligi dolere (Miklosich, IV, 267).

„Така мені доля судилася. Ті гроші тобі судились“ (Драгоманов, Предання, 88).

„Недуже я порубався: лем ручечки на стучечки“ (Головацкий, III, 8; Мункачев).

Видиться мені, бачиться; здається.

„Твій коровай удався, срібним обручем обнявся, золотими шишечками обклався“ (Бельский у.) (Чубинский, IV, 245).

Глаголы на -ся средние от страдательных:

Видится; кажется; мнится; чуется; слышится; украинское здається; годиться на что. Приведется, подруженьки; тряситься от хохоту; белье не отмывается; дверь не отпирается; замок отмыкается; часы заводятся; деньги не переводятся; платье изнашивается; кони изъезживаются.

„Ишлазилась мочь моя“ (говорит матрос).

„Воску ярово свещи да догоряются“ (Барсов, 67).

„Веди го сюда. — Не ведетця бо! — То держи го. — Не держитця бо! — То пусти го. — Не пускаецця бо“ (Номис, 85).

Діється. „Что ся дѣють по веремемь“ (Акты р.-лив., 1229 г.);

„Чи всім людям із кохання так ся діє“ (Метлинский, 28).

„Пшениця зжалась, звозилась“ (ibid., 28).

МЕСТОИМЕНИЕ

§ 1. *Къто, чьто* — как существительные атрибутивные

Атрибутивности существительных от качественных корней соответствует то свойство местоимений, что на месте нынешних атрибутивных (прилагательных) местоимений относительных *который, какой, украинское який* — ставятся местоимения относительные-существительные *къто, чьто*.

а) *Къто* — согласуемое с определяемым в числе. „А кто осподарь огрѣшится, ударить своего холопа или робу, а случится смерть, въ томъ намѣстници не судятъ“ (Акты археограф. экспед., I, 8, 1348 г.); „А кто холопъ, или роба, имется тягати съ осподаремъ... ино ихъ обвинити“ (ibid., 10, 1398 г.); „Кто учнетъ у тое ихъ церкве... пѣти попъ, и тому попу и всему причту церковному не надобѣ имъ платити мой подвѣздъ, ни иные мои некоторые пошлины“ (Акты историч., I, 207, 1543 г.; ibid., 217, 1549 г.); „А кто свою вотчину промѣнить неволчичю, а приметъ денегъ, и кто вотчичъ учнетъ ту вотчину выкупати: и тому та вотчина выкупити“ (Судебник 1550 г. — ibid., I, 246); „Кто боярской человекъ поймаеть на Москвѣ какого человекъ нибуди“ (ibid., 263); „Или кто иной игумень будетъ по немъ“ (ibid., I, 98, и часто, 1450 г.); „Пытати Савину... кто изъ Крыма у короля бывалъ ли гонецъ“ (Акты Зап. России, II, 322); „А кто такихъ людей отводит дьякъ, или подьячей (какой дьякъ или подьячий отводит такихъ людей), и тотъ бояринъ, къ которому отводятъ, дарить ихъ подарками немалыми“ (Котошихин, 36); „и кто холопъ кому бьетъ челомъ во дворъ, и его запишутъ въ книги“ (ibid., 93); „А будетъ отъ кого боярина и всякого чину человекъ люди воруютъ, и бѣгаютъ, и смуты чинятъ, и тѣмъ людемъ указъ въ томъ же Приказѣ“ (ibid., 93); „А кто будетъ судья возьметъ посуль и дѣло учнетъ дѣлать по посуломъ... и о такихъ судьяхъ...“ (ibid., 96, 97); „а будетъ который отвѣтчикъ учнетъ бити челомъ на кого судью, что тотъ судья ему недругъ“ (ibid., 97); „А кто рейтаръ, боярской служба или монастырской, побѣжитъ съ службы, и ихъ имая... высылати“ (ibid., 109).

б) *Кто*, как собирательное, согласуется со множественным числом существительного: „кто люди“ (=какие, которые люди), относясь ко всему объему понятия, выраженного множественным числом; между тем в сочетании с родительным — части, весьма обычном в светских русских памятниках, свойственном всем славянским наречиям (Miklosich, IV, 475), и потому ошибочно считаемом за подражание древнегреческому (Черный, Греческая грамматика, II, Синтаксис, § 42): „къто людій“, — кто не непременно собирательно и всегда относится к части объема „людій“. „У тѣхъ слобожанъ кто стануть гости на подворь съ иныхъ городовъ, и намѣстникомъ... не являются“ (Акты археограф. экспед., I, 79, 1477 г.); „И кто у него въ тѣхъ деревняхъ... имутъ люди жити,

и тѣмъ его людемъ ненадобѣ мыть ни тамга“ (*ibid.*, 85, 1484 г.); „Что ихъ дворъ на Угличѣ на посадѣ, и кто въ ихъ дворѣ учнутъ жить дворники, и намѣстницы мои... тѣхъ ихъ дворниковъ не судятъ“ (*ibid.*, 89, 1485 г.); „кто его тюремные сидѣльцы зарѣзали“ (1613 г., Буслаев, Граммат., § 265, примеч. 1). Значение „кто изъ сидящихъ въ тюрьмѣ“ вытекаетъ изъ предположения, что не все резали; но формально оно здесь также не выражено, какъ и въ „или кто по мнѣ въ томъ монастырѣ иныя строительницы и сестры будутъ“ (1679 г., *ibid.*).

„А берегли бы того накрѣпко, чтобы съ ними Смоленяне не говорилъ никто“ (Акты Зап. России, II, 267, 1538 г.); „А кого [игумен] призоветь къ собѣ люди (винительный, а не родительный — людей, людей) на то мѣсто... и тимъ людемъ...“ (Акты историч., I, 130, 1464—1501 гг.); „А кому будетъ Угличаномъ каково дѣло до монастырскихъ людей...“ (Акты археограф. экспед., I, 136, 1520 г.).

„На комъ чего кому будетъ искати на городцкихъ людѣхъ... и на моихъ селчанѣхъ... и язъ имъ дамъ пристава своего даного“ (Акты историч., I, 174, до 1527 г.); „А кому будетъ жалоба сиротамъ [крестьянам] на Волостели...“ (1389 г., Собр. гос. грам., I, № 34); „А кому за какие вины бояромъ, и околничимъ, и думнымъ и ближнимъ людемъ, и столникомъ, и инымъ чиномъ, о наказаніи [ихъ] бываетъ указъ: и о тѣхъ людехъ жены ихъ... бьютъ челомъ царю“ (Котошихин, 45).¹

в) *Что* первоначально согласуется съ единственнымъ числомъ среднего рода: „се предаю ти монастырь на сблюденье, еда будетъ что смятенье въ немъ“ (Лаврент. лет., 2, 182).

Затемъ — съ единственнымъ числомъ мужского и женского родовъ именъ не личныхъ:

„Да что въ томъ прибытокъ, что плѣнныхъ не отпустить, а своихъ не взяти“ (Акты Зап. России, II, 282, 1533 г.); „А возьметъ бояринъ или... недѣлащикъ на комъ что лишекъ, и на томъ взяти втрое“ (Судебникъ 1550 г. — Акты историч., I, 221); „А которой лихой человекъ... скажетъ что лишекъ, или что надобно не договорить“ (*ibid.*, 271).

„А про что, а кое вина?“ (Ипат. лет. 2, 370).

Сюда, повидимому, примыкаетъ что въ русскомъ.

„Что день, то перемена“; польское „co dzień, co rok“ (= со дня, со року).

Далее *что* становится относительнымъ, поставляемымъ, какъ въ старомъ языкѣ который, въ придаточномъ предложении препозитивномъ и еще сохраняетъ связь съ существительнымъ: „Что ихъ монастырь... на Клязьмѣ... и на тотъ монастырь не ѣздить некоторые мои воеводы, некоторые ѣздоки“ (Акты археограф. экспед., I, 17, 1428 г.).

Далее несогласованность въ числѣ:

„Что ихъ люди монастырскіе старожилцы разошлись жити по инымъ мѣстамъ... ино имъ... ненадобѣ моа дань“ (*ibid.*, I, 30, 1446 г.).

Наконецъ, *что* совершенно разрываетъ связь съ существительнымъ и становится союзомъ, связывающимъ придаточное определительное съ главнымъ, причѣмъ, какъ и при которой, придаточное сначала препозитивно.

„Не попал онъ въ сизыхъ голубей, что попал онъ въ окошечко косящатое“ (Др. рос. стих., 62); „Обе жены богатые... Промежу собой сидятъ, за прохладъ говорятъ, что въговоритъ тутъ Блудова жена «Гой еси ты, Авдотья, Чесовая жена» и т. д. (*ibid.*, 149); „Садился Калинъ на ременчатъ стулъ, Писалъ ярлыки скорочисчатые... Что выбралъ Татарина выше всехъ...“

¹ Такимъ же образомъ, хотя редко, кой: „Или у коего у тѣхъ не будетъ грамоты отпустной и ставленой... и вы его къ собѣ не примайте“ (Акты историч., I, 61, 1426 г.).

От мудрости слово написано: Что возьмет Калин Царь стольной Киев-град... Дает тому Татарину ярлыки скорописчаты“ (ibid., 243) (не о том писал, что выбрал, а писал [и] потом выбрал); „А и едет ко городу Киеву, Что ко ласкову князю Владимиру“ (ibid., 205).

Что = который (союз) = сербскому *ђе*: „види своју сестру, *ђе* сједи а змај јој метнуо главу на крило па спава“ (Караџић, Припов. 1853, 10); „Нађе лисицу где се ухватила у гвожђа“ (ibid., 26); „Нађе цариду, а она седи сама у двору и сузе рони“ (ibid., 27); „у један пут опази, где се нешто кроз помрчину у шуми беласа“ (ibid., 168); „Види лава (льва) где у собу уђе“ (ibid., 169).

В литературном языке мы ставим здесь местоимение относительное, но в сербском такое местоимение ставится только при именительном: „Била једна девојка, која је имала мађију“ (ibid., 167).

Однако: „каже брату своме, који је био млађи од не“ (ibid., 173); „Кад опазе за собом змаја где их тера, препадну се“ (ibid., 32); „Соломун му одговори, да се смије *ђе* цар цара хоће да погуби на женском узглављу“ (ibid., 197); „Сустигну једнога чоека *ђе* води два брава“ (ibid., 210); „Ево га [вот он] у кући где лежи мртав“ (ibid., 215); „Кад... виде... свећу где гори, рекну“ (ibid., 216); „ето лисице *ђе* води страшнога бумбашира“ (ibid., 222).

Сербское *те* = союзу что. „Бог... учини те оцу њезину дође у сну некакав чоек“ (=сделал, что...) (ibid., 166). Буквально: „бог сделал и пришел к нему во сне человек“; *те* = *и*.

Что в значении плеонастическом. „Стаяла святилица вокнами ды на улицу, што у той же святилицы молодыя молодзицы“ (Могилевский у. и Рогачевский у.) (Шейн, Материалы, II, 300).

Что = когда. „Тѣмъ раненымъ... жалованье дается на прожитокъ... въполы того жалованья какъ имъ раненымъ... давано что еще были здоровы“ (Котошихин, 114).

„Узнали меня, что глядел“ (Даль); „Что робеть, то хуже“ (Заго-скин).¹

Чом, чому = почему. „То лошади его [смерда] жалуешь, а самого чему не жалуешь?“ (Ипат. лет. 2, 183).

Что бы = если бы. „Шобим такі очі мала, як застіжка сина, то би м собі відмовила від сусіди свина“ (Головацкий, II, 328).

„Чи бог знає, бог відає, де мій милий дівся:
Ой шоби він у гаю був, то б гай зеленівся:

¹ В рукописи здесь помещены следующие материалы:

Местоимения. В галицкой грамоте 1401 г.: „по та знамена“ (Акты Южн. и Зап. России, I, № 8). В грамоте Свидригайла 1424 г. (ibid., № 15); „Есьмо ему дали... то-то-перво реченое село... А тое село перво реченое имъють [?] его дети] намъ давати... ты-то доходы, што-ть исполнин“; грамота 1393 г. (ibid., № 3); „всімъ добрымъ, што на то листъ узодръать“; 1398 г. (ibid., № 5); „на сесь листъ“; 1401 г. (ibid., № 8); „на сей листъ“; 1409 г. (ibid., № 11); „той листъ“. Так и в 1418 г., № 13; 1421 г. (ibid., № 14); „на сесь листъ“.

Украинское „хтось“ и пр. Ср. Акты Южн. и Зап. России, № 48, 1 508 г.: „передь симъ колько-сь лѣтъ“.

Акты Южн. и Зап. России, I, № 97, 1533 г. (писано в Риге): „которымъ кольве обычаемъ, чимъ кольве“; Акты Зап. России, I, 44, № 30: „право такъ нашло, аже то-ты листы умрътвенныи и умореныи на вѣкы“.

В Сборнике поучений до 1200 г. (Срезневский, Памятн., 203) „толицѣ“; у Котошихина: „въ тоѣ полату 7, еѣ мѣсто“ (родительный п., ibid.); „Митрофанушка. «Дверь? котора дверь?»“ (Фонвизин); „Вон у чулана шеста неделя дверь стоит еще ненавешена“ (ibid.); „Одинѣмъ храборствомъ“ (Пск. I лет., 183); „бывають сица знаменья“ (ibid., 71); „знаменья сиця“ (ibid.).

Местоимение притяжательное — Miklosich, IV, 72. Украинское — насыкый русское — нашинский — чевевич.

Ой шо би вѣн утопився, ріки би брєніли,
Шоби его вовки з'їли, дєсь би затрубили“.

(Ibid., 328.)

„Шо би гори розкопати, ліси прорубати,
Чей би видно до милого тай до его хати“.

(Ibid., 352.)

Псковские судные грамоты (до 1467 г.): „А кримскому татю, и коневому... тѣмъ живота не дати. Ч то бы и на посадѣ покрадется, ино двожды е[го] пожаловати, а изличивъ казнити по его винѣ; и въ третій рядѣ изличивъ, живота ему не дати, крамѣскому татю“ (Псковск. грам., 2); „А кто на комъ иметь чего искать по доскамъ, или по закладомъ, а смолве (= по смолвѣ, смолвѣся) у своего истца возметъ отъ много (= отъ многа) мало по суду, и ч то бы у креста (= хоть бы перед самым крестным целованием); ино въ тотъ пени нѣтъ, ч то бы и даромъ отпустилъ своего истца, безъ целованья“ (ibid., 11); „А гдѣ учинится головоши [=щи]на, а доличать коего головника; ино князю на головникохъ, взять рубль продажи; А ш то бы сынъ отца убилъ, или братъ брата, ино князю продажа“ (ibid., 15); „А которой человекъ при своемъ животѣ... а ч то дастъ своею рукою племяннику своему... ино тому тѣмъ даньемъ владѣть, ч то бы и рукописаніа не было“ (ibid., 15); „У которого человекъ имутся за конь, или за корову, или за иную скотину, ч то бы и за собаку, и тотъ молвить: то у мене свое рощенное; ино ему правда дати, как [=ч то] чисто [=действительно] рощенное“ (ibid., 17); „А толка [=о] корова кровью помачиватся иметь; ино тая корова назадъ воротити, ч то бы і денги заплачены были“ (ibid., 17) (см. Потєбня, Из записок, II, 397—398).

Ср. сербское *да* в значении *etiamsi, et si* (Карадић, Рјечник, s. v.) „Шо б я знала, шо б я відала, свою долю замужнюю, тоб я за муж дай по вік не пошла“ (Пинчуки, III).

Первообразные союзы, связанные с местоимением
кто, как бы плеонастически

„[Марина] обернула его добрым молодцом,
По старому, по прежнему,
Как бы сильным могучим богатырем“.

(Др. росс. стих., 70.)

„Есть ли в Киеве таков человек
Ктоб похвалился...
Из Киева бежать до Чернигова...“
Как бы меньшей за большого хоронится,
От меньшого ему тут князю ответу нету“.

(Ibid., 55.)

„А и только пожалуй одного мне молодца,
Как бы молода Екима Ивановича“.

(Ibid., 88.)

„Доносили они жалобу великую
Как бы той царице Азвяковне“.

(Ibid., 254.)

„Сняли с него платье царское цветное
И надевали на него платье опальное, будто тю-
ремное“ (= настоящее тюремное).
(Ibid., 261.)

„А и берет чернилицу золотую,
Как бы в ней перо лебединое“.
(Ibid., 276.)

Бы это вряд ли перешло через сослагательное и условное значение. Так как бысть имело и изъявительное значение, то здесь — как бы = как было.

§ 2. Он, ин и др.

Областное севернорусское оны; ён, ёна, ёно (псковск., тверск.) и др. Русское — он, она, оно, множественное они — мужеский, средний, местоимение 3-го лица, вытеснившее в современном языке в упомянутом падеже местоимение и, ѿ; остальные падежи — от и: его, ему и пр. При косвенных падежах от он в именительном единственного и множественного стоит сложная форма оный, оная, оное. При различении ближайшего и дальнейшего предмета он указывает на последний, между тем как той, тот и съ, сей — на первый. Ср. „то сей, то оный“ (= другой); в польском „па tem swiecie па опем“ (па tamtem — на другом); „z tad-zonad; tego-opiego“ = того-другого. Так и в чешском — open, opa, opo (указательное 3-го лица, отличающееся от личного on, jeho) — тот, дальнейший, между тем как tento = этот, ближайший. В летописном языке так противоплагаются друг другу наречия оттолъ, отъонолъ: „дошедшимъ имъ до Кіева, и оттолъ поиде съ ними Рюрикъ... а отъонолъ Ляхове поидоша на Володимеръ“ (Лаврент. лет., 180, 6 сл.); они-они = те, другие; онако-онако = так, иначе: „они бо ны онако учать, а они бо ны и онако“ (ibid., 11, 11).

Значение старого указательного онъ и производных нередко совпадает со значением ть и производными, но, кажется, никогда — с съ и производными: „отступиша они въ городъ [те, одни], а ини Пльскову“ (Новгор. I лет., 14, 13); „они розъидошася, а иное помърло голодомъ“ (ibid., 33, 37). Ср. „онъ поль, она сторона“ = та, другая = литовскому а п а - р у s, а п а - s c h a l = по ту сторону.

Сербское ончас — тотчас, сейчас; но онуда = туда, тудюю противоплагается как дальнейшее наречию туда.

„I скілько не коверзовали, то все було що не оне“ (Котляревский); „Хоть чоловик і не онеє, Та коли жінці, бачиш, теє, Так треба угодити їй“ (ibid., 93).

Онъ — наречие указательное в украинском: он хто, он що, он який, — як он де, он куди, он коли; русское von кто (вот кто, указание на более близкое) и пр.; курское: вонын (= вон он), вот он, воно как (пермское) вот как; вона, вон = украинскому он, т. е. там вдали (дальше, чем вот, украинское ось); вонойка, вонойчка (костромское); воношка (ярославское); вон, вона; вонде, вондека (пермское); воноди (ярославское, нижегородское) (вероятно, это — не именительный ед. ч. мужск. рода, а винительный средн. рода, на что и указывают такие формы, как воно); ср. старославянские онъде, онъдѣ; сербское онђе, онде. В старославянских памятниках онъсь; у Востокова онъси (онъ сей) такой-то; значение это не идет к Новгор. I лет., где ъ вм. ѣ по влиянию следующего мягкого си.

Русское областное *ано* (из а-оно, см. ниже чешское, польское апо). „Ано погоди я сам схожу“ (по Далю = или, либо; этимологически — а вот); „ан хватъ в карман, ан дыра в горсти“ (украинское аж, см. ино — п. е и чешское, польское апо); *анно*, откуда *ально* (см. *ильно* под ино — п. е) из анъ, ано, так что *оно* здесь 2 раза, *алны*, *ални*, *альна*, *альни* (с неясными *ы* и *и* на конце), *ажно* из *ажно оно* (все со значением = анъ, ино — п. е).

Ино и пр. „А дѣтей [обезьяны] родять много: да которой родится не въ отца, не въ мать, *ини* тѣхъ мечють по дорогамъ, ины Гондустанци тѣхъ имають“ (Афанасий Никитин — Летописи, VI, 335); „а въ воротѣхъ сѣдять по 100 сторожевѣ да по 100 писцевѣ кофаровѣ: кто поидеть, *ини* записывають, а кто выйдесть, *ини* записывають“ (ibid.); „А кто у нихъ умреть, *ини* тѣхъ жгутъ... А ясти же садятся, *ини* омывають руки да и ноги, да и ротъ пополаскываютъ... А у жены дитя родится, *ино* бабить мужъ“ (ibid., 337); „а книги есмь взяла съ собою съ Руси, *ино* коли мя пограбили, *ини* ихъ взяла“ (ibid.); „Били намъ чоломъ... и... листь брата нашего... передъ нами вказывали и били намъ чоломъ. — *Ино* (=и оно, и вот, без противительной силы) мы... дали имъ на то сесь нашъ листь, и подтверждаемъ имъ“ (Акты Зап. России, II, 2, 1506 г.; ср. ibid., 3, 4, 5, 7).

Рядом с этим *оно* как синоним ото и осе. „Аже... князь нашъ тако сдумалъ съ нашими крестопереступники, *оно* имъ..., а князь безъ грѣха“ (Новгор. I лет., 55, 36). Польское *опо*, *опоѣ* = *ото*, *он там*.

То же *оно* употреблялось в значении указания на время. „Какъ (как же) мя хотять яти? а *оно* (недавно) мнѣ цѣловавшѣ крестъ“ (Лаврент. лет., 110, 13; NB. ibid., 84, 9).

Западное украинское *оно* только переходит от основного указательного значения к значению противительного союза *но* (ср. *ино*), и здесь отличаясь от *то*, которое в чистом виде такого значения не имеет: „Вороз то щѣ й не вѣлми велики, *оно* вѣцѣр... як огнем смалитъ“ (Этнограф. сборн., III, 86); „Злой моцы медяная куля не озьме, *оно* срыбна“ (ibid.); „Почали мижи собою аж сперацисѣ, сварицисѣ, й *она што* (только что), соколе, за чубы не побралисѣ“ (ibid.); „Пиу бы буюг ведаѣ докуоне, коб *оно* (если только, лишь бы) было за што“ (ibid.).

В следующем галицком выражении *ано* вм. *оно* (=но): „Тогда не било неба, ні землі, Ано лем (лишь) било синое море“ (Головацкий, II, 5). Из двух примеров у Даля, в первом *оно*, повидимому, = вот, только („как оно подумаешь, так и не знаешь, что делать“; у Даля ошибочно — о сем, об этом, о том); во втором — может быть недавно, вот: „я *оно* говорил тебе“ (ошибочно; = говорил то, это).

К *вонъ*. Сербское „ево мени ето тебе, а *ено* ему *ано*“. „Бяше же Новгородцевѣ мало, *ано* [следует объяснение, почему мало] тамо изъимано вячьшіе мужи, а мньшее они розъидошася, а *иное* помърло голодомъ“ (Новгор. I лет., 33, 37); „Кто съ запасомъ живеть... ёства запасная же. *Ино* всегда гостя не-соромъ: хотя пирь, — нужново чево прикупить, *ано* [вариант — ажно]... всего дома много“ (Домострой, 80).

Русское *оно-гда* и *оно-гды*, *оно-гда-сь* и *оно[г]дысь*, *оногдашко*, *она-[г]дысь*; с изменением *г* в *л* в пермском, вятском *онолда-сь*, *онол-ды*, *онол-ды-сь* (как местами в севернорусском — *колда*, *ковда* из *когда*), все со значением недавно, напередни в силу сложения с *гда*. Польское *onegdaj* (с *j* эвфоническим, как *wczoraj*, *dzisiaj*) — старинное *onegdy*, чешское *onehda*, *onehdy*: а) вообще — напередни, недавно; б) в частности —

позавчера. Польское оп-гі (устаревшее) — прежде, во время оно, недавно (по образованию — не ясно). Ср. ино-гда, оногда, надысь.

Оно — только. „Ой пошла би я молоденькая з вами; оно боюся зрадоньки міжы вами“ (Сборн. Сев.-зап. кр., 149).

„Оно (только что) невіста под ворота [в ворота]. А свекорько судошає, з ручок сєрпика бере, а в ручки ведерце дає“ (ibid., 160).

Но. „Ци всім людям така біда. Чи но моя доля“ (ibid., 184); „вийди но(-ка) на двур“ (ibid., 185).

Оно — только. „Не споймалі долі, оно рыбу шуку“ (ibid., 194). „В хати тихо. Оно діти сопуть“ [(Драгоманов, 63) (Подольская губ.)]; „почекай но“ (ibid.); „тепер такої (костомахи, кінської голови) б і не найшов, бо де но яке стерво, геть його приберуть“ (ibid., 65); „Всячина говорить, ми но не розуміємо того, а все на світі язик свій має“ (ibid., 75); „їденно... сам-но (только)... сидів“ (ibid., 80); „Оно гремить по льоху, як замкі спадають та двери одчиняються“ (ibid., 83) (Бердичевский у.); „Сідай же но коло мене“ (Головацкий, II, 317); польское *siadaј-po-ka*.

А онъ = относительноному который (ср. чешское *ani* etc.). „Славяне въ dospѣсѣ подсѣли бяху и розгониша Зарѣчанъ, а они безъ dospѣха были“ (Новгор. I лет., 87, 7, 8).

А но = а то, а другое, остальное: „Пѣти и кланѣтї до ѣ. то ѣ не все за са, но гїаг чї за са. а но все за кртыяніи і за кнѣ“ (XIV в., Буслаев, Хрест., 484); „Или Русскыи гьсть свои тьварь дасть въ дьлгъ... Немчичю. а нъ дъ [анъ да?] дьлженъ боудеть инемъ. Роусьскомоу же гьстьи на передѣ възати“ (1230 г., Срезневский, Памятн., 223).

Анѣ. „а что ся учинить межи насъ Князей каково дѣло, ино съѣдутся Боярѣ наши на рубеже, да межи насъ поговорятъ: а не уговорятся, *ини* [sic! = и они] ѣдутъ на третий на Князя на Великого на Ольга; на кого помолвить, виноватый передѣ правымъ поклонится, а взятое отъдасть. А чьи судьи на третий не поѣдутъ, или на кого третий помолвить, *анѣ* взятого не отдасть; то правому отняти, а то ему не въ измѣну“ (1368 г., Собр. гос. грам., I, 48, № 28); „А о чемъ судьи наши вопчи сопрутся, *ини* ѣдутъ... на Князя Великого на Ольга“ [т. е. судъ] (ibid.); „а... что съ людей поймано... то ти все отъдати;... а не будетъ исправы, *ини* возмутъ по целованью“ (ibid., 47).

1388 г.: „послаши ми къ своимъ Намѣстникомъ, *ини* исправу учинятъ (ibid., 56)...; а тѣ хто возможетъ выкупити, *инѣ* выкупятъ; а не возмогутъ выкупити, *инѣ* потянутъ къ чернымъ людямъ; а хто не въсхочетъ тянути, *инѣ* ся землѣ съступятъ (ibid., 57)... А которая дѣла учинятся межи нами, и намъ отъслати своихъ Боярѣ, *инѣ* исправу учинятъ; а о чемъ сопрутся, *ини* ѣдутъ къ Митрополиту; а не будетъ Митрополита въ сей землѣ, *инѣ* на третей, кого себѣ изберуть“ (ibid., 57).

Но после относительных (1389 г.): „а что ся останетъ золото или серебро, или иное что но есть, то все моей Княгинѣ“ (ср. — то) (ibid., 61); 1406 г.: „а вѣдаеть тѣ села... дотолѣ Княгини моя, доколѣ... женится сынъ мой, а потомъ ина дасть тѣ села сына моего Княгинѣ, своей сносѣ“ (ibid., 72); 1410 г.: „а что ся учинить межи моихъ дѣтей, *ини* отошлютъ своихъ Боярѣ; а о чемъ сопрутся ихъ Бояре, *ини* идутъ передѣ мою Княгиню (ibid., 74); а тѣхъ борьтниковъ... (хто) не въсхочетъ жити на тѣхъ земляхъ, *инѣ* земли лишентъ (ibid., 74); 1433: А въсхочетъ сынъ Князь Семень ѣз себѣ забити на Волзѣ, *инѣ* себѣ ѣз затепеть ниже Городца...“ „...нам отослати... Боярѣ, *ини* съѣхався учинятъ исправу; а о чемъ ся сопрутъ и *они* ѣдутъ на третей“ (ibid.).

Русское ономедни, онамедни, намедни, намедни-сь, онамедь, ономесь, ономясь, то же, что оногдась. Прилагательное

на меднишний. Сербское ономадне (= на днях, недавно); откуда ономаднашни, ономадашни; хорутанское ономадне. Буслаев (Граммат., I, § 72, II) полагает, что ономедни — из оными дни. Нет сомнения, что здесь творительные падежи; однако, основываясь на сербском, можно предполагать не оными, а оными дни. Ср. творительный множественного с окончанием творительного двойственного числа в украинском: „з усіма“ (Мейлинский, 144), и не только двома, обома, но и трьома, чотирьма; в севернорусском — всекима, старыма и пр. В сербском во всех именах и местоимениях господствующая форма творительного множественного на -ма.

Быть может, вернее — Miklosich, IV, 162. Онамедни, nudius tertius; сербское онамадни — пурег, оновечери — nudius tertius vesperi — из местного ономя дњи, ономя вечери.

Местоимение онъ в древнем языке = литовскому anās — тот, другой. Из производных видно, что они, как и славянские, заключают в себе оттенок указания на дальнейшее. Andaī (= ондъ?) — недавно, намедни, позавчера, anādie n — недавно, anākart — тот раз, anārus, anāszal — по ту сторону, anāsyk — тогда, в тот раз. В санскритском от темы ana образуются три формы (творительного мужского и женского и родительного — местного двойственного числа), относимые к склонению местоимений idam — этот. Латинское ollus в olli, ollis в значении illi, illis, по Потту, уменьшительное с ll вместо nl, как belle — bene, asepus — asinus; с u- ul-s, ul-tra — по ту сторону (ср. выше славянские и литовские), ultimus (Ворр, Grammat., I, 33), а вероятно и ôlim (Pott, I, 299).

Инакий. Старославянское ин-акъ (из местоимения инъ и акъ; этимологически значащее: имеющий качество иного, иной по качеству); польское устаревшее inaki; живая сравнительная степень: inakszy; чешское jinaky, jinačši; хорутанское местное ipak, ipaka, ipako, ipači, ipačěši.

Наречие инако, иначе (ср. степень); старославянское инакъ, иначе; сербское инако, иначе.

Иногда. В силу -гда, образующего наречие времени, значит в иное время, т. е.: а) в прежнее, давнее время, некогда, olim; так и в старославянском; ср. польское старинное in-gi, on-gi; польское inegdy, inedy — в другое время; чешское jen-dy, jin-da — некогда, давно и в другое время; б) по временам с перемирками, иной раз; так, в литературном языке и областном русском иногда, инолды; в украинском іноді (из „инодъ“ — Ипат. лет., 115, 3; 183, 13); в) ярославское, вологодское — инолды, иновды = может быть (ср. дальше ино в п. б), а отсюда — если: „иногда он спросит тебя об этом, так скажи“ — может быть, так если... то. Переход от „иной раз“, „порою“ к значению „может быть“, „вероятно“, „возможно“ встречается и в других случаях; неопределенность времени совершения события служит представлением только возможности (а не действительности), сомнительности события: так в польском czasem = порою, иногда, а затем и быть может: „szy pięta tam czasem rapa N.“; в украинском — часом, как усиление може: „може часом нема, так я дам“.

От многократного бывает — бывать — наречие бывает (архангельское, вологодское, пермское). Бывать (новгородское) = может быть, вероятно, авось: „бывать он знает“, „бывать пойду“; в украинском — буває, бува усиляет значение може: „може, бува, не п'єте горілки?“ Таким образом, и вопрос относительно наречий времени егда, еда в старорусском и старославянском значит также быть может, если.

Ср. от неопределенности места к возможности события в украинском десь. „Пойдоша по Днѣпру, незлѣ бо бѣшеть индѣ ити, бѣ бо снѣгъ великъ“ (Ипат. лет., 134, 32).

Донде (до он-дѣ): „посадиша ѿ въ владычни дворѣ, донде увѣдають, кдѣ митрополитъ“ (Новгор. I лет., 67, 12).

Ин. Русское областное ин: ин год — иной год — архангельское. Обыкновенно иной обозначает не тот, другой; иной — иной; иной — другой; тот — иной; один — другой; инный — костромское; иннай — калужское; украинское и́нший в сравнительной степени (см. под словом отъ, п. в); так и в псковском инний, под влиянием великорусского.

Старославянское инъ — *alius, quidam* (о значении одинъ см. отдельно); сербское ино (+ ин), и ѿ; хорутанское *ini*, польское *inny*. *inszy*; чешское *jiný, jěný*.

Как связь значений инъ с онъ, так и существование прочных аналогий перехода основного *a* в *i* в славянском делает несомненным мнение Боппа (*Glossarium* — под апуа; *Worr, Grammat.* — в нескольких местах), что инъ родственно с санскритским апуа. Однако вряд ли верно, что в инъ опущено окончание санскритского апуа (*Worr, Grammat.*, II, 189); гораздо вероятнее, что в инъ этого суффикса никогда не было и что оно предполагает основную форму апа-*s*. Изменение *-a-* в *-i-* произошло через приставку эвфонического *-y-*, так что инъ из *уапа*, как местоимение из *уа-*s**. Санскритское апуа образуется посредством суффикса *-уа-*; в силу этого суффикса оно должно бы значить относящийся до того (апа), свойственный, принадлежащий тому; действительно значит иной, другой, посторонний. Апуа имеет сравнительную степень апуа-*тага* — один из двух, превосходную апуа-*тама* — один из многих, какой-нибудь; но и само по себе имеет значение сравнительной степени, и потому сочетается, как сравнительная степень, с *ablativus* — *tvad akya* (*praeter te alius*) *ἄλλος σοῦ* — другой, чем ты; иной, а не ты. На этом основании в греческом при *ἄλλος* — родительный, в латинском при *alius* сравнительные частицы *ac, quam* (*Pott, I, 43*).

Поэтому же в украинском и сербском сравнительная степень и́нший, и ки вытеснила положительную, а в чешском, польском стоит рядом с нею, как равнозначащая, причем в украинском следует, как вообще за сравнительной степенью *од* с родительным „и́нший *од* мене“ (см. *от*), а в польском, кажется, возможно то же и при положительной: „*inny ode mnie*“ и, наверное, уместна сравнительная частица: „*inny niż ja*“.

По Боппу (во многих местах *Grammat.*) с апуа тождественны равнозначащие: греческое *ἄλλος* (из *ἄλλος*, латинское *alius*, готское *alja*, древне-верхненемецкое слитное *ali*, например в *ali-landi* — иной страны, иностранный, откуда ново-верхненемецкое *elend-miser*. прежде — изгнанник (на чужбине — *gore*) (*Pott, I, 302*). (Ср. *Pott, loc. cit.*). Но по Курциусу и Шлейхеру (см. *Curtius, I, № 524*), слова с *-l-* относятся к другому корню *-ar- -al-* (*Worr, Grammat.*, I, 188, 189), ср. с апуа, инъ, кроме *ἄλλος*, еще более близкое по звучанию *ἕν-ιο-ς* — некоторый (*Curtius, I, № 426*) удерживает это сравнение, устраняя *ἄλλος*.

Инъ (местоимение, переходящее в союз). Относительно союза ино — (Буслаев, *Граммат.*, X, § 77), аналогичное с *aber* (*Worr, Grammat.*, III, стр. 483, и II, 143), греч. *ἀλλά* (*ibid.*, III, 483). Миклошич (*Lexicon*) инъ ошибочно прочел вм. ино. NB. Следует различать относительно первообразное инъ, *alius* от местоимений с союзом, переходящих в союз (инъ, ина, ино, ини, инѣ) из *и-онѣ, и она* и пр.

Верный признак перехода ино (=и оно) к чистому значению союза — сочетание его с местоимением *то*: „А что мои люди грабили Бояръ тво-

ихъ... ино то отъдати; а не отъдадутъ, ино тому судъ и исправа, опроче събъстного“ (1433 г.; Собр. гос. грам., I, 101, № 49).

В Догов. грам. XIV и XV вв. обычная формула: „А кто будетъ тебѣ другъ, то и намъ (мне) другъ, а кто будетъ тобѣ недругъ, то и намъ недругъ“. (И нигде *то* и не заменяется через *ино*.)

„Не иметь слово,— ино ударить“ (Домострой, 67); „все бы сама государыня умѣла; ино умѣть и слугъ научити... и все сама знаетъ“ (Буслаев, Хрестом., 830); „а коли хлѣбы пекутъ... тогда и платя моятъ; ино с одного сътрепня и дровамъ не убыточно“ (ibid.); „и вѣсти и пити съ благодареніемъ, ино сладко; а што впрокъ сдѣлано, ино мило“ (Буслаев, Хрестом., 824).

Ино — чтобы (Буслаев, Хрестом., 832, 22).

Ино — заключительное (ibid., 835).

Ино — русское (в украинском „ино нам“ частица сохранилась только в *иносе*; см. ниже).

а) Наречие (собственно винительный ед. ч. среднего рода): „и ну пору, и но й раз“; „не все в ус да в рыло, и но и мимо“; *иное* дело; „и но-б ты не знал, а то“; „иное дело, еслиб ты...“; „и но редь“ — как *и но й раз* (вологодское); „и но мест“ — как иногда (владимирское).

б) *Ино* — *ино*, собственно *иной раз то*, *иной раз иное*, получило значение союза или: „и но он придетъ, и но нет“ (курское); „чему тебя долго вечера нет, и но (следовательно) в тебя где привадушка есть“ (курское). Вернее, *ино* здесь *ино* = может быть (см. *и но лды*).

в) *Ино, ин, инось* — да, хорошо, ладно.

Ино в этом смысле ближайшим образом предполагает значение *иное*, не *то*, так что первоначально выражает согласие, как противоположение и замену предшествовавшего несогласия, как нечто другое сравнительно с этим несогласием; „и н возьми“ (а не *то* возьми, или возьми, пожалуй, возьми) предполагает, что перед этим думалось, или и сказалось: „не бери“; „и н так и быть“. Затем оттенок противоположения исчезает: „Пойдем ли? И но сь“ (курское — пожалуй). Украинское „и н о с е, дми собі, так сонечко сказало“ (к ветру, т. е., пожалуй, пусть так) (Гребінка). На увещания Эвриала: „Де общее добро в упадку, забудь отца, забудь і матку, лети повинность исправлять“ и пр. Низ отвечал: „и н о с е“ (пусть так, пусть будет по-твоему) (Котляревский, 202); „Прости, пан' оче! проступилась; я, далекі, дурна була. Нехай Еней сідла Рутульця... та тільки щоб латинське племя удержало на вічне время имения, мову, віру, вид“; „И н о с е. Сількись! Як мовляла Юноні Юпитер сказав“ (ibid., 279).

г) Указание первоначально определенное, получает значение неопределенности в слитном *то, съ*: кто-то, где-то; украинское *х то сь, д е с ь* и пр. Еще ближе переход к неопределенности в *ино* от значения не *то*, другое. *Ино* — союз, в случае недоумения: „как *ино* у тебя дочь-то зовут?“. Пермское „как бишь?“. Говорящий как бы устраняет приходящий на память ответ — ищет другого, и в этом отличие от сходных по значению выражений: как бишь? как там? украинское „те то як его?“ (после вопросительной частицы).

д) *Ино-бы, иноб* — союз, близкий к *бы*, обозначает желание, как *иное* сравнительно с тем, что имеется перед глазами или думается: „иноб ты спать лег! Иноб тя розорвало! Иноб не было худа“.

е) *Ино* в севернорусских грамматах XVII в. и в современных русских говорах в смысле украинского *аж* („дивлюсь, аж він вже спить“); литературное *а*: „прислали детишки мои на Мысь (имя деревни) и но клеткишко, в которой мы жили, заперта не по нашему“, „я искал тебя на рынке, а *ино* ты дома“ (Материалы, I, 137). Явственно значение *иного*, сравнительно с ожидаемым.

Русское *индо, инда, инды, инно, ильно* (ср. псковское, тверское, тульское „имянильник“) (последнее, вероятно, с диссимиляцией звука *ин*); *ильнак* (тамбовское) в значении так что, а ж-но (это же *но* в *инно*); трудно предположить, чтобы *инно* — из *индо*, так как известно только изменение *дн* в *нн* (Потебня, 91), но не *нд* в *нн*. Но в *ажно ин-но* может быть из оно, как в сербском *гдје-но*, как *о-но*, и как в сербском усиливает значение первой половины слова, не сообщая более определенного значения. Ср. чешское и польское *апо*. Частицы эти примыкают к *ино* в значении *п. е*, потому что подобно этому *ино*, в украинском заменяются через *аж*; „крикнул *инно* в ушах зазвенело“ (украинское „аж в ушах залящало“). Особенность значения *индо* и пр. сравнительно с *аж* состоит, кажется, в том, что он изображает действие, — переходящее известные пределы, — иным, противоположным тому, каково оно было до этого: в *аж* этой противоположности не видно. *НВ.* *индо*, быть может, не *да* как в *когда*, а предлог *до*, как в украинском *аж до* = *usque ad*. „Будеть... *ино*“ (Домострой; Буслаев, Хрестом., 833, 7—18); „как... а то“ (*ibid.*, 833, 26 сл.).

ж) *Ино*, начиная не позже, как с XIII в. и донныне, в русском есть союз заключительный. В старинном языке он отвечает условному *оже*, *аже*, *а иже*, в современном *если*, *буде* и стоит на месте союзов.

аа) *а, и, а то* — в старинном, *то* — в современном. „А иже ваша будеть вѣра лучши, и *но* азъ иду въ вашу вѣру“ (Новгор. I лет., 83, 32). Современное „сам приглядывай, *ино* скоро будет“. Буслаев (Граммат., II, 325) замечает, что союз этот собственно означает нечто другое, иной случай, оказавшийся вследствие предположенного условия. Тсчнее было бы сказать: *иное*, сравнительно с тем, что представляется условием, — собственно в *ино* вовсе не заключается мысли о следствии. В *оже-ино* прямо указывается на условие и следствие, как на явления друг подле друга. Поэтому в современном языке *ино* может стоять и перед условием: „а *ино* (= не равно, если) онъ придетъ?“ (Ипат. лет., 124, 20; 127, 14).

Союзам *оже-ино*, *оже-то* часто соответствует *а-и*, например в Грамоте 1423 г. (Собр. гос. грам., I, № 41): „а перемѣнить богъ Орду, и Княгини моя емлетъ себѣ ту дань“ (*ibid.*, 81) и в других местах. Часто плеонастично с точки зрения современного языка: „тѣ волости и села — княгинѣ моей, а по ее животѣ — *ино* сыну моему“.

бб) На месте союза противительного (отличного по происхождению) *но, но и*: „Не давай ты, боже, зимовьи службы... *ино* дай ты, боже, весновую службу“ (Песни, записанные Джемсом, 1619 — Пам. и обр. нар. яз., 9, 10); „хочетъ [Гришка Отрепьев] постритчи...; *ино* мне постритчися не хочеть“ (Буслаев, Хрестом., 1034).

з) *Ино* — союз, в начале речи, — с точки зрения книжного языка плеонастическое, но находящее соответствие в украинском песенном *та*, русском *да, и, а, и*. Союзы эти, хотя и начинают речь, могут рассматриваться как соединительные, связывающие речь с предыдущей мыслью, а, в частности, начальное *ино* — как связывающее посредством отличия, обозначения, что следует и *ное*: пример из песни, записанной Джемсом: „*Ино* что у насъ въ Москвѣ учинилося: съ полуночи у насъ въ колоколь звонили“ etc. (Буслаев, Хрестом., 1033). Иногда *ино* в середине речи = плеонастическому *да, и*: „Охте мнѣ молоды горѣвати, что ѣдетъ къ Москвѣ измѣнникъ *ино* Гриша Отрепьевъ рострига“ (*ibid.*, 134). Хорутанское *іно = и* (союз соединительный).

НВ. Польское и чешское *апо*, верно объясненное у Линде и Гатталы (Hattala, Slovňavaci, 84) из *а* и *апо*, и ошибочно у Юнгмана из *а* и противительного *но*, в некоторых значениях сходится с русским *ино*,

во только повидимому. В чешском апо — не только не изменяемая частица, но изменяется по родам и числам в им. пад. — апа, апо; мн. ч. апи, апу, апа и согласно с этимологиею почти во всех случаях своего употребления может быть передано через русское а он, а она и т. д.

Ср. польское „*wniemaby dobrze*“, апо (украинское ажно, русское ино) *zle bedzie*“; чешское „*to se zda, by bylo apo (a woно) nie peni*“, чешское апо = да, например „*videli ho?* — Апо“ (ср. ино, п. в). Разница здесь между ино и апо, как между онъ и инъ.

Резкая особенность апо — сравнительно с ино — та, что первое с личным глаголом стоит там, где могло бы употребляться местоимение относительное или союз что с личным глаголом, или же прямо причастие. См. русское ано, ан под он. Хорутанское апо — *schon lange, ja wirklich*; русское ано — утверждение, удивление.

Оно — указание на предыдущее = то. „Донеси ону чашу златну, Штоно сам је скоро куповао У бијелу Варадину граду“ (Караџић, II, 183). „Што не пијеш златну купу вина, Штоно ти је поклонио Лазо?“ (ibid., 184, 185).

И — местоимение, превращающееся в союз и наречие.

И же без согласования в роде и падеже:

1) = союз что (в смысле который, которая, которое). „Якоже молонья, иже на небесѣхъ“ (Лаврент., лет., 19, 8); „да часть его, сирѣчь и же (= что) его будетъ по закону, да возметъ ближній убьенаго“ (ibid., 14, 20); в следующем хотя и же, повидимому, согласуется с подлежащим во множественном числе, но в сущности = что: „и же бѣша жили черньци преже въ печерѣ, а отъ того, прозвася Печерский монастырь“ (Лаврент. лет., 68, 32); однако ср.: „конь, егоже любиси и ѣздиши на немъ, отъ того ти умрети“ (ibid., 16, 18).

2) = так что: „наполни до върха [скудельницу мертвыми трупами], иже бысть въ ней числомъ 3000 и 30“ (Новгор. I лет., 46, 25).

3) = ежели, есть ли (старинное аще, ащели, оже, еже): „А о головахъ, иже ся ключить проказа, урядимся сице“ (Лаврент. лет., 14, 15); „иже ли не поидеши съ нами, то мы собѣ будемъ, а ты собѣ“ (ibid., 100, 16); „а иже ваша будетъ вѣра лучши, ино азъ иду въ вашу вѣру“ (Новгор. I лет., 83, 30). К этой форме примыкает польское *іż = że* = что, так что; *іż by* = что бы.

Еже и оже. Оба случая рассматриваем вместе, потому что второй есть только русская форма переого, как осе = есе, одинъ = кдинъ и пр. Собственно именительный, винительный — ед. ч. среднего рода.

1) Союз = что в смысле относительного местоимения в различных родах, числах и падежах. „Идоша Угри мимо Кіевъ горою, еже ся зоветь нынѣ Угорское“ (Лаврент. лет., 10, 28); „погребоша и на горѣ, еже ся нынѣ зоветь Угорское“ (ibid., 10, 10); „возми дань, еже хочещи“ (ibid., 30, 20); „се не добро, еже малъ городъ [т. е. мало городов] около Кіева“ (ibid., 52, 17); „власть Казимиръ за вѣно людіи 8 соть, еже бѣ полонилъ Болеславъ“ (ibid., 67, 6); „А о сихъ, оже (в других списках и же), то приходять Черниі Болгаре... велимъ...“ (ibid., 22, 6); „а се вы повѣдаю, дѣти моя, трудъ свой, оже ся есмь тружалъ пути дѣя и ловы“ (ibid., 103, 4); „разгнѣвася на ты, оже то грабили Даньслава и Ноздсѣчю“ (Новгор. I лет., 4, 33); „Судилу, Нѣжату, Страшка, оже бѣху бѣжали изъ Новгорода“ (ibid., 9, 13); „а посла сынъ свои Ростиславъ, оже тои преже былъ“ (ibid., 9, 15); „учювь Гюрги, оже вѣмалъ шай, и посла...“ (ibid., 11, 4); „услышавъ оже идуть на нь, иде“ (ibid., 14, 9); „узрѣвъ... оже хотять“... (ibid., 38, 15); „то ми былъ богъ даль, оже ся есте сами зажгли“ (Ипат. лет., 16, 27); „тому есмь радъ, оже вины моеи нѣту“ (Новгор. I лет., 37, 14).

2) Союз = так что, как и само что = *що*, употребительно в смысле так, что: „лють бяше путь, о же купляху по ногатъ хлѣбъ“ (ibid., 5, 9); „бысть дорогъвъ, о же купляху по двѣ ногатъ хлѣбъ“ (ibid., 19, 34); „мъртвѣцы по улицамъ и по тѣргу, и по мосту по великому, отъ пьсь изъѣдаемы (-ми), о же не можаху погребати“ (ibid., 47, 22).

3) Союз = так как; потому что (ср. *що* = *птому* что: „не пускае мати, *що* я молода“): „лучше ны бяше въ Егуптѣ, е же ядыхомъ мяса, лукъ и хлѣбы до сыти“ (Лаврент. лет., 41, 4); „возропташа на Моисѣя и Арона, е же не бысть воды“ (ibid., 41, 8); „Недостойнѣ есть сталѣ [Климъ митрополитѣ], о же не благословенѣ есть отъ великого сбора, ни ставленѣ“ (Новгор. I лет., 10, 33); „по неволи есмъ хрестъ цѣловаль къ Изяславу, о же мя былѣ оступилъ въ городѣ, а отъ васъ ми помочи не было“ (Ипат. лет., 37, 7).

4) Союз = е сли (условие, причина идеальная, между тем как выше, п. 3, — действительное основание события): „о же намъ нѣту Исаковиця... да луче ны есть умрети“ (Новгор. I лет., 28, 5); „княже, о же нѣту вины его, ты (вариант — «а ты») къ намъ крестъ цѣловаль безъ вины мужа не лишити“ (ibid., 37, 16); „о же ти не угодно държати Новагорода сыномъ, а вѣда[-и] ны братъ“ (ibid., 38, 33); „о же, мы... симъ не поможемъ, тѣ [то] си имуть предатися къ нимъ“ (ibid., 40, 3); „о же ти, братъ, не досити волости, всю землю Рускую държачи, а хощеши сея волости, а убивъ мене, а тобѣ волость“ (Ипат. лет., 16, 17 = Лаврент. лет., 134, 16; ср. Ипат. лет., 53, 15; 55, 21, 22 и мн. др.; вообще весьма часто). В современном языке *что* = *що* в этом смысле не употребляется. „Оже богъ дастъ, то... пойдемъ“ (Ипат. лет., 62, 10); „но же“ (= но о же) (ibid., 120, 31).

В сочетании с *бы*: „о же бы пришь толико съ дѣтьми, то которая ему волость люба, ту же бы взялъ; но о же на мя Половци привель и ворогы моя Олговичѣ, то хочю ся бити“ (ibid., 43, 5).

Случайно не нахожу в этом смысле формы *еже*: но что она была очень употребительна, видно из современного *е же ли* (= старому *о же*). Буславец думает надвое *е-же-ли* — или „из *есть*, *же* и *ли*; или из местоимения *еже*“ (Граммат., I², стр. 166, § 77). Верно второе объяснение, так как имеется в том значении не только *еже* = *о же*, но и *и же*, *и же-ли* и так как в иначе составленном *есть-ли -ст-* не опускается. Так и в польском следует отличать *jeżeli, jeźli* от *jeśli*.

С *еже* ср. старопольское, старочешское и словацкое *ež* (где опущено *-е* конечное) и польское, чешское, словацкое *že*, лужицкое *žo, zo* = латинскому *quod* или *accusativus cum infinitivo*: *že pojedzał* = *eum profectum esse*. Это *že* следует отличать от общеславянской частицы *же*, не заключающей в себе местоимения; чешско-польское *že* (= что) есть местоимение относительное среднего рода, соответствующее указательному *to*: „*vim (to), že mi prejž*“ etc. и произошло из употребительного еще в древнейших чешских памятниках *je-že* или посредством перестановки *ež* (из *jež-e*) (так Hattala, Kratká, 44), или таким образом, что первая и существенная половина этого слова (*je*) поте ялась.

Же = *о же*, что несвойственно русскому языку; однако в Ипатьевской летописи: „вы бы есте мнѣ повѣдалъ дома, же дотолѣ ити“ (135, 6); встречается в галицких наречиях украинского языка: „Ой солодка, файна рибко, дорогій кристалю, кажуть люде, о ж тя люблю, то я ся не таю“ (Головацкий, II, 754); „Журилися сусідочки, журилися люде, о ж на мойй головочці віночок не буде“ (ibid., IV, 488); „Коли мь ходив до білявки, падав ем із лавки, Коли мь падав, таком гадав, о ж ем у білявчи“ (ibid., 492); „А я собі погадала, а ж (собака) бреше на вовка“ (ibid., 500).

А же (из а о же), как а но (из а оно).

1=о же в первом значении (=что): „не вѣдѣше бо, а же о немъ мысль злу свѣщаша самого яти“ (Новгор. I лет.); а жь=а что (Ипат. лет., 146, 27, 28, 30; 142, 27; 136, 37; 135, 3).

2=о же в четвертом значении (если), а же (и аще) кто помолиться... то услыши“ (Лаврент. лет., 53, 24); „а же ны не даси, а намъ о себѣ поискати“ (Ипат. лет., 18, 24; ср. *ibid.*, 50, 9; 55, 24; 56, 30 и мн. др.); „а же выбѣжать къ вамъ, а біите ихъ“ (Новгор. I лет., 40, 11); без соответствующего союза: „а же Онанья лишится посадничества, язъ вамъ гнѣва отдамъ“ (*ibid.*, 55, 38; 55, 36 и др.). Иногда в форме я же, где j—эвфоническое: „я же буду пороженъ, а самъ поиду“ (Ипат. лет., 45, 17).

В соединении со спрягаемым бы хъ + причастие на -лъ, а потом — с союзом бы: „а жъ (=а же) бы хомъ что тако оучинила: того бѣ не дай, а ж бы промъжу нами бои былъ“ (Договор Мстислава с Ригюю 1229 г.—Акты р.-лив., 422); „а же бы ты былъ, то была бы чага по ногатъ, а кошей по резанъ“ (Слово о п. И.); „а же бы лиха хотѣлъ, то что бы ми годно, то же бы створилъ“ (Ипат. лет., 16, 97).

Сюда примыкает русское областное (тамбовское, пензенское, тверское) а ж бы—если бы, хоть бы, и польское *a że by* (=a by, iż by)—что бы. Словацкое *až bich*=*ažbi sem*, *ažbesi*=*ažbis*, *ažbisme*, *ažbiste*. *ažbi*—чтобы; в чешском *ažbych*, *ažby* имеет значение а ж, п. 3 (=donec). В словацком само по себе *až*=а же, п. 2 (=si quodsi).

3. А ж украинское, чешское (старое *aže*), словацкое, польское. В русском общелитературном языке эта частица, к сожалению, не употребительна и лишь отчасти заменяется описаниями. Буслаев (Граммат., I², § 77, стр. 166) объясняет ее ошибочно, как союз (она может быть и наречием), сложенный из союзов а и же. На самом деле она этимологически равна а же в двух первых значениях, состоит из а + о же и удовлетворительно объясняется сращением с даже, до же, а но, а нь (см. эти слова: первые два—ниже а но под онъ).

1) а) Наречие, означающее: а) что предел действия в пространстве, выраженный предлогом с именем или наречием, есть крайний: „повіз аж у Липці; був аж у Києві, аж до Києва; аж під... аж за... аж від...“ В литературном языке здесь стоит даже перед предлогом или самый перед именем: даже до Києва, до самого Києва; но в украинском аж не делает лишним местоимения самый: „аж до самого попа; аж до самісінького Києва“. В латинском точно так же *usque* с винительным без предлога или при именах с предлогами *ad*, *a*, *ex* и пр. не заменяет ближайшего определения крайности предела: *usque ad extremum finem*=аж до самісінького кінця; аж ось де, аж он де, аж он куди, аж он відкіля переводятся: вот-где, вот-куда, с опущением важного оттенка мысли. б) То же самое в применении ко времени: аж до року, и пр. в соединении с наречиями: аж досі, аж поти, аж поки, например: „підправлятиму, аж поки до кінця доведу“—до самого того времени, когда, пока не доведу; есть украинское „поки не доведу“, причем аж не выражено; аж он коли. в) То же в применении к количеству: „пригнав аж п'ятеро скоту; було в мене аж трое; адже ти бачила, що й за шапку (т. е. выкупаю шапку на свадьбе) та выкинув аж гривеньника“ (Кв.-Осн.). В общелитературном языке этот оттенок выражается тоном речи, т. е. языком не выражается; даже здесь неловко.

2) А ж как союз: а) при сказуемом придаточного предложения, само по себе, или в соединении со що (що аж) значит, что действие или состояние, выраженное придаточным, есть крайний предел, последний результат действия или состояния, означенного в главном предложении.

Приблизительно соответствуют ему в литературном языке союзы: т а к . . . что; і та — у т, е о у с қ у е, у т; s o — d a s s. Вполне заменяется русскими областными а ж н о, а ль н о, а н д а. Первое из этих сродно и по происхождению, так как состоит из а ж е (= украинскому а ж) и о н о: „Плив, плив, плив, він, що а ж так долго . . . що обридло“ (Котляревский); „дув, дув, а ж потом весь облився“ (Гребінка), „висохла земля, що а ж пил иде“ (Кв.-Осн.); „гарна, а ж (що а ж) очі на себе бере; хочеться, а ж жилки дрижать, а ж слинки потікають, а ж страх“. б) К этому примыкает украинское а ж (и чешское и польское) в значении как в о т; чешское a h l e; е с с e, v e r o; s i e h e d a, причем часто перед глагольными междометиями и после них: „Еней по берегу попхався, и сам не знав куди, слонявся, а ж гульк! у город причвалав“ (Котляревский); „а ж зирк! и пізнала свого Василя“ (Кв.-Осн.); „а ж ось двери рип! и Василь у хату“ (Кв.-Осн.); „тїки — прїтїки, а ж ось и проводи“ (Кв.-Осн., I, 84); „а ж тут хазяїн шасть у хлїв!“ (Гребінка); „чоловік біля багаття грївся, той покинув його, а ж ось, не знаю я того, як сірий вовк тут опинився“ (Гребінка); „ой пішла вдова та пшениці глядіти, а ж там вивела перепеличенька діти“ (Метлинский, 358).

А ж может совсем не ставиться: „підїду я під віконце: мати куліш варить“. В русском простонародном = а н. А ж означает здесь неожиданный поворот мысли, произведенный новым восприятием, представляемый конечным явлением в ряду предшествующих (= глядь!): „розглядів хорошенько, а ж зовсім він“ (Кв.-Осн.).

Неожиданный поворот мысли может противопоставляться прежнему ее течению, и а ж получает значение союза противительного, как и русское а н: „буцїм то й правда, а ж воно зовсім брехня“. „Не бїйтесь—він [дуб] гукнув.—Того я і жахався, як з топорїщами сі (сокири) навїсні прїйдуть. А ж (= но) дерев'яний рїд жалїза одцурався“ (Гребінка). Ср. в старом русском: „а сказывали, что летописецъ Лѣсїцкой добри сполна, а ж о не сполна“ (Новгор. II лет., 169, 31). [В. Значения частицы а ж е и сравнение с а н о, а н ъ показывают, что местоимение в основном а о ж е имело значение указательное (а т o), а не относительное]; „вѣждаю на новый дворъ, а ж н о ж ъ выходїць ацець мой“ (Виленский сборн., I, 4). Сербское „изїђем на поље, а то мој коњ стоїї ђе сам га и сјао“ (Караџић, Припов. 1821, 27). А о н о см. Караџић, Рјечник. А ж е из а о ж е = а что: „вѣ тѣ поры молодець озирается: а что сняты с него драгіе порты“ (Буслаев, Хрестом., 1371). По этому и само о ж е обозначает то же: „[Псковская рать] поѣхаша на сумежье; и срѣтошася съ великою Нѣмецкою ратью на Мекузицкомъ поли, о ж е они ѣдутъ на стояніе къ Изборску“ (1341 г., Пск. II лет., 13, 3) [и а ж е: „послаша Псковичи ко князю . . . а ж е онъ стоить у городка у Опокы“ (ibid., 12, 8). Соболевский где-то говорит, что а ж е = а + ж е. „Остафей князь подїмїа Изборянь . . . поїдоша въ помощь Псковичемъ: о ж е Нѣмци стоять на Завеличїи“ (Пск. I лет., 184).

А ж ъ. „Прїѣхаша в дома своя, а ж е домове ихъ и земля ихъ вся плѣнена“ (1265 г., ibid., 181); „Малъ чѣ порадовахса ѿ васъ чѣ, видѣ вашу любовь и послушанїе къ нашей худости и мнѣхъ, іко оуже оутвердїстеса . . . а ѣ[е] (собственно а ж е) еше поганьскѣ ѿбычїа держїтѣ. волхвованїю вѣруѣ“ (Серапион, список XIV в. — Буслаев Хрестом., 496).

О ж е, а ж е = украинскому а ж. „Князи же вси сѣѣхавшеся сѣглядаша полковъ своихъ, о ж е . . . вси сдрави быша, развѣ бо изъ всїхъ полковъ два убъена быста“ (1170 г., Ипат. лет., 98); „да аще богъ не дасть въ обиду челоувѣка проста егда начьнуть его обидити, а ж е онъ своеѣ матери дому“ (1381 г., ibid., 104); „и текоша позоровати его, о ж е нѣтуть [а ж нема], идѣже его отошли убївше“ (ibid., 113).

Сербское *a to*. „Кад дођоше на воду Кусиду... А то (аж дивляться...) Турци ватру наложили“ (Караџић, Пјесме, IV, 29); „Усмотрел ли старыя казак да Илья Муромецъ, А то едут ли богатыри чистымъ полем, А то едут ведь да на добрыхъ коняхъ“ (Гильфердинг, 457).

О же = а жъ. „И преехавше Голомя [море], — о же муж в водѣ“; „И вынаше кость ис крови [в которую ее омочили], ѡ же кость бела, ѡкы была и первое“ (Палей, 1494 г. — Пам. стар. р. литер., III, 57). Старопольское *awo* (= *a ovo*) *gesm* (Biblia Zofii, 25); а жъ — если: „а жъ вамъ любо, ѣдите къ намъ“ (Ипат. лет., 142, 9); „а жъ вы годьно, а ѣдѣте къ намъ“ (ibid., 142, 10).

А же = а то? „поѣдъ прочь, а же будетъ ти каменемъ въ чело“ (ibid., 199, 11); „поѣди, княже, прочь; а же ли добудемъ сорома“ (ibid., 46, 35); „да аще богъ не дасть въ обиду челоуѣка проста, егда начьнуть его обидити, а же онъ [богъ] своеѣ матери дому?“ (ibid., 104, 33).

А жъ = когда (ср. польское, чешское): „а жъ срѣтоша ихъ, почашася съ ними стрѣляти“ (ibid., 140, 33).

А же (ср. украинское *аж*). „И тако стояху межи собою [так близко], яко а же (= что даже, що аж) Изяславимъ сторожемъ зрѣти бяшетъ на Галичьскій огнь, а Галичьскимъ сторожемъ зрѣти быше на Изяслави огни“ (ibid., 55, 9).

А че. „А че по ты и прислета братья, не ѣзди къ нима“ (ibid., 25, 9); „а че вы ся сътрудите (устанете), а я пакъ чѣлъ приду къ вамъ и стану около его, а вы домовъ пойдете“ (ibid., 26, 4); „а че самъ утечетъ мене, а жену и дѣти отъ него отъоиму“ (ibid., 27, 25); „аще быхъ вѣдалъ, о же сяко сему быти, то а че бы ми и далече того блюсти отслати, а моглъ быхъ Игоря съблюсти“ (ibid., 35); „Княже! ать же поидемъ, и всяка душа, а че и дьякъ, а гуменце ему прострижено, а не поставленъ будетъ, и ты пойдѣте (= пусть идет), а кто поставленъ, ать бога молитъ“ (ibid., 40); „Аче ти мя убити, сыну, на семь мѣстѣ, а убий, а язъ не ѣду“ (Ипат. лет., 49, 35); а че = если (ibid., 53, 14); а че (то же; ibid., 55, 4—7; 58, 2; 61, 14); „да а че“ (= если) (ibid., 76, 9); „да че“ (ibid., 56, 4).

А чи (*a чи*) = если (ibid., 57, 26; 58, 7; 92, 15).

Чи = как, если (Буслаев, Хрестом., 645, 16).

Яко. „И сдумаша яко изгонити князя своего Всеволода“ (Новгор. I лет., 7, 13); „и яко услышано бысть се, яко (= что) Всеволодъ Пльсковѣ... и мятежь бысть“ (ibid., 7, 32); „Высылаху къ нимъ Югра льстьбою, рекуше тако: яко (= что) копимъ сребро и соболи“... (ibid., 21, 26); „Олексу затвори въ стѣнахъ высокыхъ стражею, яко не вынидетъ“ (ibid., 26, 19).

Но ли. „И еще бе-скимы (без схимы) есмь, помышляя есмь въ себѣ; ноли къ старости тоже ся постригу ноли буду лучій тѣгда; нѣ худъ есмь и болень“ (Калайдович, Памятники, 174) „Всякомѣ дзорѣнииѣ тѣ имѣти чѣтъ и мѣтъ ѣ кнѣзи. но ли ему мыкатися. послѣдѣюче в скорбехъ, іако ѡколо тѣра с топорѣ, аки по бѣсе с клоубѣѣ, тѣ можѣ дѣро видети, никтѣ можѣ не ѡперѣ стрѣ право стрѣляти. ни лѣностию чѣти добыти“ (Моление, 116).

Же. Же как частица, усиливающая повеление. „Посадыче его на престоль пойдѣте же къ Іерусалиму“ (Новгор. I лет., 27, 1). В грамоте рижан к витебскому князю Михаилу Константиновичу около 1300 г. (Акты р.-лив., № 49) *ж о* = и: „высочивше ꙗ чернычи, ж о четвертыи челоуѣкъ ныи с ними, ту его емъшо били и рвали... поехалъ изъ Витебска у Смольнескъ, попустилъ ж о у розбойникове клетки волкы ж о овчины на ѣ серебра... не ведя его к тебе, княже, ж о к собе в ыстоуѣку“.

Же = также: „царь... подаетъ имъ кубками и ковшами питья, и потомъ и царица подаетъ же“ (Котошихин, 9); „За тѣ денги... сю поступную

отдадь, а что на тотъ островъ и пожню... есть старыхъ крѣпостей и купчихъ... и тѣ всѣ крѣпости отдадь же имъ" (Акты юридич., III, 5, 1673 г.).

Доже, даже.

Доже (старое из „до-оже“), *даже* (из до-аже) — то же самое, что украинское и пр. *аж до*, старорусское *аж до* — предполагают уже то знание частицы *оже, аже*, которое в украинском *аж*.

1) первая составная часть в *доже* есть не союз *да*, а предлог *до*; это вероятно из того, что в противном случае из *да оже* (а тем более из *да аже*) вышло бы *даже*, как из *а оже*, то здесь, наоборот, первая гласная уподобилась второй.

Наречие *доже* (= *даже*) и *до*, с повторенным предлогом *до*, = старорусскому *аж до*, украинскому *аж до*. „И отгудѣ до же и до Днѣпра“ (Лаврент. лет. 2, 13); „поплѣниша землю Фрачьску и Макидоньску до же и до Селуня“ (ibid., 11, 3). В старославянском *доже, дожи и до, дожи до*, — *usque ad*, по верному предположению Линде, из *доже* и *до*; сербское *дори до* (с *р* из *ж*); болгарское *дори*, сербо-хорватское *дери* = *ad*, *доже* в одном месте без *до*. „Варязи, Свеи... Веньдици, Фрягове и прочи; до же присѣдять отъ запада къ полуденю и съсѣдяться съ племянемъ хамовымъ“ (Лаврент. лет. 2, 20).

Дажь и до (из *даже*): „отъ Госпожина дни дажь и до Велика дни“ (Новгор. I лет., 85, 23); „отъ велика да жь и до убога“ (ibid., 87, 35). В современном русском *даже до* = украинскому *аж до; даже* (без *до*) = *инно, инда, ально*; украинское *аж*, польское *panew* (предел, крайность действия и качества), старославянское *даже* — *до* (= *usque ad*): *да же* отъидѣть когда — *až adeyda*; *да же* не приидеть пока не...

2) *Даже, дажь* — союз, сложенный из союза *да* и *оже* или *ожь* с значением союза если. „Да же еси, братъ, тако створиль, прости мене, а се твое царство“ (ibid., 27, 7); „даже буду виновать, да буду ту мертвъ“ (ibid., 37, 3); „да жь что зло съдумавъ... а побѣгль“ (ibid., 44, 23); „да жь будевѣ сеѣ весны вѣ порозна (= свободны), а вѣ будевѣ съ своими полкы тобѣ вѣ помочь“ (Ипат. лет., 58, 9); „да жь еси рекль: „молотьшему ся не поклоню“, да се язъ тебе старѣ есмь не маломъ, но многомъ“ (ibid., 61, 16); „да же ны богъ поможетъ, а ся ихъ отобъемъ, то ти не крилати суть; а перелетѣвше за Днѣпръ сядуть же“ (ibid., 60, 29 и др.).

„Да же бы была рать, билися быхомъ“ (ibid., 132, 34); „Да жь не могутъ ся хабить [лихвы], то рци имъ: будите милосерди“ (Калайдович, Памятники, 174). В современных русских наречиях потеряно.

3) *Дажь*, сложенное из союза *да* (= *ать*, современное *пусть, да*) и союза *же*. Предположить здесь сложение с *оже* или *аже*, как выше, было бы неуместно. Или же возможно такое значение из *да* и *оже* в смысле *что*. Значение = *да, ать*. „Поѣди, да жь изъмремъ чество за святую Софію“ (Новгор. I лет., 62, 14) (по Академич. списку; в Синод.: „поѣди, ать...“); „оже къ вамъ наши бѣжать, сѣките ихъ или вѣшайте, или ваши къ намъ, такоже имъ сѣтворимъ, да жь не польстятъ промежу нами“ (Новгор. I лет., 79, 17); „пошлѣте на сѣздъ свои философъ, азъ пошлю свои философъ, да жь поговорятъ про вѣру“ (ibid., 83, 29). В современных русских наречиях потеряно, в наречиях других славянских языков тоже не встречается.

Понк, понкже — старорусское.

Первое — из *по + к* (винительный ед. ч. среднего рода местоимения) с эвфоническим *-н-*; второе — из *по* и *кже*, собственное значение = *по что*: ср. сербское *пошто* (= *postea quam*).

а) *Поне, понеже* = *с тех пор, как; после того, как*. „А отъ перваго лѣта Олгова, поне же сѣде въ Киевѣ, до перваго лѣта Игорева лѣтъ 31“

(Лаврент. лет., 8, 5); „аще ускочить челядинъ отъ Руси, по не же придуть [Русь] въ страну царствія нашего, и отъ святаго Мамы, аще будетъ, да поимуть ѿ“ (ibid., 21, 14); „а се тружахъся ловы дѣя: по не же съдохъ въ Черниговѣ, а изъ Чернигова вышедъ, и до... лѣта по сту уганивалъ“ (ibid., 104, 32); „не подобашеть бо такому силу дому [монастырю Печерскому] по не [по смерти игумена] единъ часъ безъ пастуха быти“ (Ипат. лет., 126, 20); „да аче стрый придетъ на тя Дюрги, по не ты ся съ людьми утвердилъ будеши, годно ти ся съ нимъ умирити“ (ibid., 76, 9); „Ти будетъ время печально, якоже не бысть, понеже [с тех пор] языкъ [люди] на земли до рода того“ (Калайдович, 48).

б) *Поне, понеже* = так как, потому что. Как в *потому*, так и здесь *propter hoc* представляется как *post hoc*, с явственным психологическим основанием. „Аще бо князи правдивы бывають, то много отдается согрѣшенья земли той, поне то есть глава земли“ (Лаврент. лет., 161, 30); *по не же* = так как, *passim*; со значением условия: если; „никтоже васъ не можетъ вредитися и убити, понеже (=если) не будетъ отъ бога повелѣно“ (ibid., 105, 9).

В современном литературном языке устарело. В старославянском *понѣ* и *понѣже*, чаще в значении п. б. Старочешское *ponidž* — пока, *dim* — образовано из *понѣ* в значении п. а, приставки *д*, образующей наречия и предлоги (*ка-д*, *та-д*, *на-дѣ*, *по-дѣ*), и союза *же*; старочешское *poŋadž* — *quia* из *понѣ* в значении п. б, суффикса *-ad-* (*od-on-ad*) и союза *же*; чешское *poněvadž*, *poŋavadž* — *quia* — из *понѣ* в значении п. б с суффиксом *-vad-*, как наречия *od-ka-vad*, *do-sa-vad*, и союза *же* (Hattala, Srovňavací, § 370, 2). Польское *ponieważ* — *quia* — считается заимствованным из чешского (см. Linde, s. v.) и не без основания, так как в чешском явственно на конце *-d* = *-ž* из *-d* = *-že*; *-až* — в польском само по себе трудно объяснимо. Однако есть старосербская форма *поневаре* (Miklosich, Lexicon, *понѣ*) из *поневаже*, в коем *же* столь же трудно объяснимо из *д-же*, как и в польском, а между тем заимствование сомнительно.

Поне (см. у Миклошича) = *по крайней мере*: „аще не радуется преславному чудеси, поне не завидите данному мнѣ съдравію“ (Калайдович, Памятники, 49); „аще не съяеши съ Моисѣмъ чистотою, поне въздыханіемъ, яко гора, о грѣсѣхъ, курися“ (ibid., 107).

Занѣ, *занѣже* — *quia*; собственно за то, т. е. после того. „Полями же прозвашася занеже въ полѣ седяху“ (Лаврент. лет., 12, 8). В современном литературном языке — как архаизм.

Неже, невели — по Буслаеву (Граммат., I, 166, § 77, 4) — сложены из наречия с союзами (*же*, *ли*). (См. Miklosich, Lexicon, s. v.).

Оже = *аж*. „Володша... услыша, о же Нѣмци воюють село Псковское Ремду, и Володша съ дружиною поѣхаше на село на Ремду: о же Нѣмци села Псковская воюють“ (Пск. I лет., 187); „и приѣхаше [=ша] въ Изборскъ, о же Псковичи подъ Изборскомъ въ станахъ стоятъ“ (ibid., 189); „Псковичи поидоша... въ слѣдъ ихъ, и сугнавше ихъ за Камномъ на Лозоговицкомъ поли, о же Нѣмци станы стоятъ“ (ibid., 199); „Пригнаша Вороночане, о же наши побиты“ (ibid., 200).

§ 3. Повторение существительного при местоимениях (личных, указательных, относительных)

Как отвлеченное существительное есть ссылка на преждепознанное конкретное и как, при известном состоянии мысли, такая ссылка недостаточна, и отвлеченное, будучи сказано, влечет за собою перечисление частных, так и местоимение, при том же состоянии мысли, не заменяет

собою прежде сказанного существительного, но требует его повторения. Когда, таким образом, понятность речи (отношение местоимения к существительному) обеспечено, то нет надобности располагать слова в таком порядке, чтобы местоимение непосредственно следовало за существительным, к которому относится.¹

„... Стали дуки сребраники
Один до одного стиха словами промовляти:
Ей, шинкарко молода, Настя кабашна!
Нехай сей козак бідний летяга
Не мається в тебе сеї заставщини викупляти;
Нам, дукам сребраникам,
Нехай не зарекається воли поганяти,
А тобі, Насті кабашній, груб топити“.

(Метлинский, 379; 384.)

„Меньший брат говорит: «Ой, брати ж мої старшії, милиї... та рубайте тернове вітя шаблями... Та розкидайте меншому брату, пішому пішениці шляхами, — для козацької (= моєї) признаки» (Драгоманов, I, 129); „розкидали меншому братові... для козацької [его] признаки“ (ibid.); „Ал' говори Сењанине Иво: «Ал'јепа лица, моја сејо драга! Грјехота је да га туђин љуби Већ да ти га ја брат Иво љубим!»“ (Рајковић, 133); „Како си ми, брате, путовао? — Здрав сам, сестро, јунак путовао“ (ibid., 193); „Ей... Господару Волоський! Що тепер будеш думати й гадати... Чи города свої Волоські уступати?“ (Метлинский, 392); „Годі вам... по винницях горілок курити, Очей своїх молодецьких викуряти, своїми молодецькими плічми сажити витирати“ (ibid., 414); „Нехай він по походах піхотою не ходить, своїх молодецьких ніжок не вриває, мене, матери, старенької вдовы, не проклинає“ (ibid., 418); „Когда б мені біг дав на ноги козацькі встати“ (Драгоманов, I, 111);² „Тіло мое козацьке-молодецьке А в чистому полі поховайте“ (Драгоманов, I, 128); „Наше серце козацьке-молодецьке не осмілиться, і рука наша козацька-молодецька не vzdойме і наш ясен міч твоєї головоньки не йме“ (ibid., 128, 129); „Коли б я мог знати, чи моїх братів постреляно, чи їх порубано... Ей до пішов би я... Тіла козацького-молодецького шукати, Да тіло козацьке-молодецьке у чистім полі поховати“ (ibid., 131); „Підождіте, поки буде душа козацька-молодецька З білим тілом розтрявати“ (ibid., 131); „Чоботи татарські істягав, на свої козацькі ноги обував; одєжу істягар, на свої козацькі плечі надівав, Бархатний шлик іздиймає, на свою казацьку голову надіває“ (ibid., 171).

¹ NB. Сербский язык. Zima, 167, 169 — epianalepsis.

Пояснение конкретными словами-местоимениями местоименных наречий: чей, откуда, когда (Zima, 178).

² Сербское јуначки. Если неуместно: „Кад би небо паднуло на јунашку црну земљу“ (Богишић, I, 6, ср. ibid., 108), то это ошибочное заключение от случаев, где јуначки = свой и плеонастично при свой: „оседла[ј]те ви, јуначке, коње добре“ (ibid., 7); „кад се Милош видно без јуначке десне ноге“ (ibid., 8); „Када дођеш, кнеже Марко, к нашој мајци јуначкој“ (ibid., 18); „потрох моју сабљу јуначку“ (ibid., 19); „Сузе ти је проляла низ господски бијели образ... У Марка ти припукну то јуначко живо срце доброга јунака. Испод мантије потрже ту јуначку бритку сабљу“ (ibid., 24); „Сутра мене позива на јуначко бојно коње... Да ме, слуго, одм'јениш од мојега бојна коња“ (ibid., 47); „И бјеху се узвргли на јуначке коње своје“ (ibid., 47); „Него мени оседла јуначкога коња мога“ (ibid., 48). „Сузе га су полиле низ јуначко бјело лишће“ (ibid., 51); „Пак дон Карлу одсјекоше ту јуначку десну руку и јоште му откинуше та срамотна своја уста“ (ibid., 153).

Яз князь, меня князя... Как „Дунай-река, Дунай-река“, так: „Се язъ Князь Великій Василей Васильевичъ, да моя мать Великая Княгиня Софья, и по приказу мнѣ Великому Князю своего сестричича... Князя Семена Александровича, дали есми село“ (Акты историч., I, 71, 1440 г.); „Се язъ Князь Великій Иванъ Васильевичъ пожаловаль есми... коли мой подлѣщикъ поѣдетъ на меня на Великого Князя рыбы ловити... рыбы ихъ монастырскіе не переписываютъ кто нибуди мой писецъ Великого Князя... А кто ся сей моей грамоты ослушаетъ, быти отъ мене отъ Великого Князя въ казни“ (ibid., I, 126, после 1462 г.); „Се язъ Князь Великий Иванъ Васильевичъ пожаловаль есми... кто иметь у нихъ... лю дей жити, и тѣмъ лю дямъ ненадобѣ моя Великаго Князя дань... а кому будетъ чего искати на самомъ архимандритѣ и на братьѣ... ино ихъ сужу язъ самъ Князь Великій... также и гонцы мои Великого Князя подвождь... не емлютъ... А отсидятъ тѣ ихъ люди свои урочныя лѣта, и они потянутъ въ мою Великого Князя дань... А черезъ сю мою грамоту кто что на нихъ возметъ... быти отъ меня отъ Великого Князя въ казни“ (ibid., 133, 134, 1472 г.).

Что это явление не есть только преувеличенное требование точности в деловом слоге, видно из того, что оно столь же обычно в народной поэзии.

„Гой еси ты есми, царь Саул...
А кому меня, царицу, приказываешь...
Я остаюсь царица черѣвоста...
— А и гой еси, царица Азвяковна.
Никому я тебя, царицу, не приказываю...“
(Киреевский, III, 116.)

„Втапоры девица возмолилася:
„Гой еси ты, удалой-доброй молодец!
Не коли ты меня [девицу] до смерти:
Я у батюшки-сударя отпрошалася,—
Кто меня побьет во чистом поле,
За того мне девице за мужъ итти“.
(Ibid., 77.)

„И мужевал тут старой, разговаривал:
„Куда мне ише, старому, да с золотой казной?
Нету у меня, стара, да молодой жоны,
Нету, вить, у старого да малых детоцек...
...Куды мне ише, старому, да с молодой жоной“.
А и сговорит тут стар таковы слова:
«. -: Да на што вам бить миня, старого.
У меня да, вить, у старого,
Золотой казны да не луцѣлосе“.
(Ibid., I, 87.)

„Провещитса ему лебедь белая...
„Не стреляй ты меня, лебедь белую“.
(Ibid., IV, 53.)

„А и туто Дунай сын Ивановичь...
Думает себе разумом своим:
„Служил я, Дунай, во семи ордах...“
(Киреевский, III, 77; Гильфердинг, 303, 304.)

§ 4. Местоимения 3-го лица

„Бѣ у него [Владимира] воевода Вольчий Хвостъ, и посла ѿ...
передь собою, Вольчья Хвоста; сърѣте я [Радимичей] на рѣцѣ Пищанѣ,
и побѣди Радимичѣ Вольчий Хвостъ“ (Лаврент. лет. 2, 82);

„Видел я Тугарина Змеевича:
В вышину ли он Тугарин трех сажень“
(Др. росс. стих., 183.)

„Подавали [чару] Добрыне Никитичу.
Принимает он Добрыня единой рукой;
Выпивает молодец единым духом...
...И пошел он Добрыня Никитичъ млад
С Княжецецкого двора...“
(Ibid., 197.)

До какой степени старинный язык отличен в употреблении местоимений указательных (он, она, его и пр.) от нового, видно из того, что былинный язык вместо местоимений указательных предпочитает повторять уже упомянутое имя:

„Садился Татарин на добра коня...
...А и будет он Татарин в Киеве...
Сскакал Татарин с добра коня...
...Бросал ярлыки на круглый стол...
Отшел Татарин слово выговаривал“.
(Киреевский, I, 71.)

„Наперёд бежит собака лютой Скѣмен-зверь:
Что на Скѣмене шѣрсточка булатная,
Как у Скѣмена уши что востро копьѣ.
Прибежал вор-собака ко Непрѣ реке.
Становилась вор-собака на крутой берег,
Закричала вор-собака по-гусиному,
Зашипела вор-собака по-змеиному“...
(Ibid., II, 1; ср. ibid., 10, 11.)

„Скочил Добрыня со добра коня...
Матушка его старехонька:
Некому Добрынюшку встретить.
Походил Добрыня в светлу грядню,
Он спасову образу молится...“
(Киреевский, II, 21; ср. ibid., 45.)

„Из шатра выходил стар казак Илья Муромецъ,
Говорит стар ой да таковы слова:
«Видно, што окроме старика ехать некому»“.
(Ibid., I, 53.)

„Жил тут старик со старухою.
Даровал им бог на старость детище.
Сидит детище седунѣм тридцать лет.
Пришел под окно стар человек,
Просит стар человек милостыню благословенную“.
(Ibid., IV, 1.)

„Встарь было у князя у Владимира,
 Было коровище обжористо:
 Не могло коровище наедатися,
 Не могло коровище напиватися;
 Вышло коровище во чисто поле,
 Напало коровище на дробинище.
 Еще тут коровищу розорвало,
 Еще тут коровищу растреснуло,
 Еще тут коровище окопылилось“.
 (Ibid., IV, 29.)

Как фигура *antimeria* существительное вместо местоимения 1-го, 3-го л. см. *Ziša*, 212.

§ 5. Отсутствие местоимения указательного в украинском

„Гуляв козак бідний летяга... На козаку бідному летязі“ [трижды вм. „ему“]¹ (Метлинский, 377; NB, *ibid.*, 379); „До города Сороки прибував, Під городом Сорокою шанці копав. У шанцях куренем стояв“ (*ibid.*, 392); „То слушале три цареве слуге, Па одоше три цареве слуге До царева двора бијелога. Ал' говоре три цареве слуге“ (Рајкович, 147); „Рани мајка Ватиму девојку, Вати нема нег' петнаест лета, Вату проси од Мостара беже“ (Б. М., 18); „Игра коло лежи под неранцом Колу дође Андра Дрењанине, стаде коло у Андру гледати: Момци гледи под Андром коњица, А невесте Андри зарукавље, А девојке Андру Дрењанина, А дечица на кофу прапорце. Ал' говори Андра Дрењанине...“ (*ibid.*, 37).

Эпитет. Частное при общем постпозитивном (Буслаев, § 240, 1, примечание 2). „Ердан же рѣка течеть быстро... подобень ѿрѣдѣ косновѣ рѣци... болонѣ же имѣя ѿкъ ѿ коснова рѣка... вширѣ ерѣдѣ река ѿкъ на Ѹсть костнова река е“ (Хождение — Буслаев, Хрестом., 664); „А ѿ ѡхилѣ Ѹстрова до ефеса гра ѿ 3 верств“ (*ibid.*, 660) et passim; „Дали есми... село... на поминокъ... по Великомъ Князѣ Константиѣ и по его прачюрѣ, и по Князѣ Борисѣ, и по Князѣ по Иванѣ...“ (Акты историч., I, 71, 1440 г.); „... Ино то тобѣ нашей сестрѣ гораздо вѣдомо... И какъ ты пришла, сестра наша, за Александра короля, и онѣ... тебя нашу сестру учаль держати во всемѣ не потому“ (= не согласно с чем, неприлично) (Письмо кн. Василия Ивановича к Елене — Акты Зап. России, II, 24, 1507 г.); „И какъ столникъ и дьякъ пословѣ встрѣтятъ... и скажутъ, что присланы подъ нихъ пословѣ царскіе лошади...“ (Котошихин, 50; *ibid.*, 53, 54, 84, 85); „Кормъ и питье... ихъ посолскимъ дворяномъ... къ ихъ посолскому прѣзду все было готово“ (*ibid.*, 49); „Скоро він з свого сна розбужає, свого сна козацького не вгадає“ (Метлинский, 354); „Тоді-то козак... крей груби сідає, плечи свої козацькі пригриває“ (*ibid.*, 378); „Пива уточила, сьому козаку бідному летязі на похмільє живіт його козацький скріпила“ (*ibid.*, 379); „Оттогді-ж то козак бідний летяга, як став у собі хміль зачувати“ (*ibid.*, 379); „А пришедъ къ царю... и привели того Шоринова сына [малого, парня]... и они, по тѣмъ ево парневымъ словамъ, почали у царя просить для убійства боярь“ (Котошихин, 85).

„Коль іудберѣли отвечает: «ту атсипмикѣ: Кап аш бѣрас стовејау по карчемос лангеліу»“ (Фортунатов, 26).

¹ NB. О Горе Злочастия: „Я горе, у меня горя“ и пр.

§ 6. Плеонастичность местоимения, указывающая на паратактичность речи

а) Именительный (подлежащее) с придаточным или определительным за ним местоимением, указывающим на этот именительный, стоящее как дополнение в косвенном падеже, или в том же.

„Конь, кто же любиши... от того ти умрети“ (Потебня, Из записок, II, 200).

Именительный с определительным: „врази наши, ти изнемогаша“ (ibid., 201); „А и молодой Дунай Он догадлив был“ (ibid., II, 202).

б) Местоимение, следующее за подлежащим и сказуемым, помещено при неопределенном или дополнении (ibid., 202).

„Отправляется Добрыня свет Никитиничъ
Он ходить-гулять по городу по Киеву“.

(Гильфердинг, 25.)

„Он обернут у Маришки у Найдальчевной
Молодой Добрыня сын Никитиничъ,
А повернут он туром да златорогим“.

(Ibid., 27.)

Сюда также — сам: „принял Илья [ярлык], сам прочитывал“ (Др. росс. стих., 246); „стоит предо мною, сам хвастает (ibid., 249); „Воротился Илья он ко Калину Царю, Схватил он Калина во белы руки, Сам Калину приговаривает“ (ibid., 250).

в) Местоимение следует за косвенными падежами (Потебня, Из записок, II, 203—205 и сл.): „Того же лѣта Мѣстиславу князю вложи ему богъ во сердце мысль благу“ (Ипат. лет. 2, 616); „И кто... [в той земле] иметь жити крестіянъ и тѣмъ крестіянѣмъ ненадобѣ имъ моя дань“ (Акты археограф. экспед., I, 11, 1400 г.); „кого... перезовѣть въ ту деревню... и тѣмъ людемъ пришлымъ... ненадобѣтъ имъ моя дань“ (ibid., 15, 1421 г.); „а кто иметь жити людей старожилцовъ, и тѣмъ людемъ старожилцамъ ненадобѣ имъ ни мытъ, ни тамга“ (ibid., 29, 1443 г.); „и тѣмъ людемъ, купленнымъ и перезваннымъ, [запаята — издателей] ненадобѣ имъ... некоторая моя дань“ (Акты историч., I, 57, 1425 г.): „А посломъ и гостемъ на обѣ половины путь имъ чистъ, по Литовской землѣ и по Новгородской“ (Акты археограф. экспед., I, 64, 1471 г.); „Мои мѣста мнѣ Великому Князю и моимъ дѣтемъ, а брату моему и его дѣтемъ ихъ мѣста имъ“ (1405 г., Собр. гос. грам., I, № 38); „А которыхъ людей на Москвѣ и въ городѣхъ, воровъ, разбойниковъ и татей, и в-ыныхъ злыхъ дѣлахъ приводятъ и сажаютъ ихъ въ тюрьму, и тѣхъ людей, у кого есть отцы и матери... кормятъ ихъ сами, своимъ“ (Котошихин, 100);¹ „Поляковы же и Литву, которые были при томъ живомъ царѣ и въ городѣхъ, начали ихъ побивати“ (ibid., 3); „Такимъ же обычаемъ посланникомъ и гонцомъ, которые бывають во окрестныхъ государствехъ, и имъ за службу ихъ потомужъ бываеть честь“ (ibid., 44); „Сю розводную роспись писалъ столника Ивана Ивановича Рамейкова человекъ его Ѳомка Игнатъевъ“ (Акты юридич., III, 104, 1694 г.); „А отчины ти моее Москвы, и всего великого Княженія и удѣла моего, того ти подо мною блюсти, а не обидѣти“ (Акты археограф. экспед., I, 20, 1435 г.); „А архимандриту и монастырскимъ хлебомъ кормити крилошанъ и чернцевъ, а преставльшихся архи-

¹ Возможна анаколутия. „Малымъ дѣтемъ, и работнымъ, и по разсуженію мужа и жены, кормити ихъ“ [т. е. малых] (Домострой, 18).

мандритовъ память и хъ правити“ (ibid., 27, 1437—1461 гг.); „Молодого Россійскаго поросенка, который ездил по чужим землям для просвещения своего разума и который, объездив с пользою, возвратился уже совершенною свиньею; желающие смотреть могут его видеть без денежно по многим улицам сего города“ (Новиков, Трутень, 1769 г., л. VI, июня 2 дня).

„В нашего пана господарейка... Ей красне в нього і дворі його“ (Головацкий, II, 4); „Посту великого сім неділь його“ (ibid., II, 41); „Ой небом небом небом синеньким. А по нім ходить місяць ясеннькій“ (ibid., IV, 103).

Потебня, Из записок, II, 203—204, — наречия тут, там. Со случаями: „Рязань, она селом слыла“ и пр., сравни подобное же употребление 3-го л. в шведском (Grimm, Grammat., IV, 349). В средне-верхненемецком частью сходно с этим („Gotfrit ein degen lobesam des keisers baner er do nam“), частью обратно, так что прежде — местоимение и в конце имя, к коему оно относится: *niwas er komen... der grôze künec*“ (ibid., 349). Сюда же к первому случаю — обычное на всем протяжении верхненемецкого языка, после имени с членом определенным, повторение того же местоимения *ne* в значении относительном (*der* = который), а в значении указательном = русскому он. Древне-верхненемецкое „*ther geist ther blâsit stillo*“ (*spiritus lenę spirat*) (ibid., IV, 40); средне-верхненемецкое „*den stein den warf si verre*“ (ibid., 415, 416), нововверхненемецкое „*die sterne die begenrot man nicht; das heer es kommt gezogen*“ (ibid., 423, 424). Также у Гейне и др., что придает речи характер архаичности, противоречащий задушевности.

Потребность, чтобы каждый стих заключал по возможности полный смысл, при слабом влиянии преждеупомянутого, ведет к тому, что имя с эпитетом, стоящее в одном стихе, не заменяется местоимением указательным в следующем стихе, а повторяется целиком. Таким образом местоимение указательное онъ, той, тотъ некогда указывало или на внешнее, или на имя упомянутое без эпитета [„Стоїт соснойка серед дворойка... Ей в тій соснойці троякій хосен“ (Головацкий, II, 3)].

„По сходах ходить молода пані, молода пані ключами дзвонить“ [Головацкий, II, 1; ср. ibid., 2 (19 и сл.), 5 (№ 7), 43 (№ 8)].

§ 7. Местоимения *свой, чи, люб* и др.

„Пояша Ростислава Гюргевица, и посадиша Новгородѣци... Новѣ-городѣ на столѣ своего ему отца“ (Ипат. лет., 17).

Свой — принадлежащий себе и потому никому более не принадлежащий, особый. „По Оудѣ рѣцѣ... Мурома языкъ свой, и Черемиси свой языкъ, Морѣдва свой языкъ“ (Лаврент. лет., 5, 5); „Си суть свои языкъ имуще“ (ibid., 5, 10); „Изяславу же сѣдшу въ Киевѣ и освоившу Киевѣ... посла сына своего“ и пр. (ibid., 141, 15).

К ся — *sed, sine, za s* (Pott, 1, 52—54).

От старого и областного соб-ъ — о-соб-а (древнее — особѣ). „Полян-номъ же живущемъ особѣ“ (= отдельно, сами по себе) (Лаврент. лет., 5); *собить* (= готовить, делать что для себя), *пособить* (Буслаев, Граммат., I, 115); „Прочіи вои десятый приде каждо въсвоися“ (Новгор. I лет. 41, 6); „Надѣ гробомъ княгыниномъ Ярославлеѣ Володимирича, юже уби свои пасынокъ“ (ibid., 54, 16); „убиша князя велика Миндовга свои родици“ (ibid., 58, 10); „Мы быхомъ тобѣ радѣ помоглѣ, но обидить насъ стрый свои Межька“ (Ипат., лет., 146, 1); „и побѣди Межька Романа, и избиха въ полку его Руси много и Ляховъ своихъ“ (т. е. романовых, бывших в полку Романа) (ibid., 146, 10).

Свой — родной, милый.

Свояк, сербское свояк — *suscursus uxoris meae* (архангельское свояка — сестра жены). Сербское „он мње своје“ (*sic!*) — *verwandt, cognatus*; „узети дијете под своје“, т. е. „мјесто сина или кћери“. Својта — как ужика — от вязать, откуда и власть; так, освојити = одолеть (*cario, ossuro, vinco*). „Уби њему друга седмерицу, Док му б'јеле освојише руке, савезаше, па га поћераше“ (Караџић, Пјесме, III, 119).

Своя-си. „Гості роз'їхалися, каждый потяг у свое“ (Федькович). „Мов несамовитий“ (= обладание духом); „Ви щось від того храму як не свої стали?“ (= не принадлежит себе, „сам не свой“) (*ibid.*).

б) Архангельское свой чатый — ласковый, обходительный, разговорчивый.

Вологодское собаня — ласкательное слово: друг, дружок. Новгородское собенник — любимый в семье человек, по большей части дитя, баловень. Собина — одно из ласковых имен, то же, что дорогой, милый; архангельское собинка. „Ахъ ты моя собинка ненаглядная, безприданница“ (архангельское).

Присвоение есть отделение себя и своего от остального. Свой, о собой (по своему, свойство), особъ, особа (*Pott, I, 53, 54*).

Как *idios* — собственный, особый противопоставляется *idios*, так свой — слову общий, в польском: *obсу* — чужой.

Вологодское собенька — пестерка, кузовок.

Своя хата. Галицкое „Бодай і пес свою хату мав“ (Закревский, 144). Может быть: „Бодай ты пан біг мав — в чужій коморі“ (*ibid.*); „Бодай умерати, а в свій горщик зазерати“ (*ibid.*); „Дай бог и кошке свое лукошко!“ (Даль, 84).

Съмо. „Погорѣ конецъ Неревьскыи съмо до гребли, а съмо и за Борькову улицу“ (в одну сторону, в другую) (Новгор. I лет., 70, 3).

Как, по замечанию Пыпина (Пыпин, III, 88), в Новгородской I летописи часто один — другой не встречается, а ставится просто: „ту кашу чини, а въ Новгородѣ другую“ (52, 28; ср. 15, 1), так и съмо в упомянутом значении может ставиться только раз: „Погорѣ весь тѣргъ и двори до ручья, а съмо до Славна“ (*ibid.*, 11, 18); „[в Цареграде] погорѣ... и до моря, а съмо по царевъ затворѣ и до Суда погорѣ“ (*ibid.*, 27, 9). Таким образом съмо — съмо от наглядного указания переходит к отвлеченному *от — до*.

Чи. Чи — союз. В старорусском *чи* и уже *ци*, в современном русском *чи* калужское, донское; со средним и украинское; *ци* псковское и белорусское; *ти* псковское, смоленское не непосредственно из *чи* или *ки*, а из *ци* как в смоленском, ярославском *ноть*, *твет*, орловском псковском *тве*, так во владимирском, воронежском *твятю*; в галицком местами *ци* (среднее *и*).

Старославянское *чи*, болгарское *чи* — *quia* (Miklosich), хорутанское *či* = *сѣ*, если: „се *imaš daj*“ = чешскому *mašli dej*; ли: „*vprašaj če je tukaj*“ (= *je li tu*); польское *czy* = украинскому *czyli* или чешскому *či, čiž, čili*. Нет сомнения в родстве с местоименным корнем *ка* (так и Буслаев, Граммат., I, 164).

В санскритском ср. *kim*: 1) местоимение именительного, винительного п. ед. ч. средн. от *ka s* — что; 2) как, почему; 3) вопросительный союз = *чи, ли, разве*.

В современном языке эта частица имеет только вопросительное значение = *ли*, но ставится только перед тем словом, к которому относится; впрочем, может быть отделено от него другими словами — *разве, ли*. „А чи диво ся, братие, стару помолодити?“ (= а разве диво, диво ли?) (Слово о п. И.). В украинском *чи* и само по себе (*чи* = швидко) и в соеди-

нении с то: чи, то = или, или же, же. „А то коли к тобі не заверни у хату, ти з благородієм сидиш за панібрата“; „Чи то в село лихий примчить якого панича, та сарана живе на твійою добрі“ (Гребінка); „коли ни забредеш к мірошнику, бувало, у його є і хліб, і сіль, і сало, чи то в скоромний день — из маслом буханці . . . у п'ятницю — просіа“ (ibid.). Заметим — в украинском для обозначения краткости времени, ч у ть заметного действия глагол ставится два раза: в первый раз с чи, второй — с чи не. Так и в западной части Гродненской губ. В значении разв е более употребительно х и ба.

„Святополкъ про волость чи не уби Бориса и Гльба? а самъ чи долго поживе?“ (Ипат. лет., 16); „џи я се створил?“ (Лаврент. лет., 113, 22) (= разве).

Чи = ли. „Сдѣ ли хочемъ стояти? чи ли быхомъ . . . сеѣ noci поѣхали“ (Ипат. лет., 55, 19); „Заушенія ли, џи ли за ланиту ударенія“ (Калайдович, Памятники, 29).

Чи ли в Слове о полку Игореве: „чи ли въспѣти было“ (т. е. так-то, или же).

Кроме значения ли [„џи я (= разве я) се створилъ“ (Лаврент. лет., 113, 22)] в старом языке џи и одно, и с аще = если, хотя: „аще кто умереть не урядивъ своего имѣнья, џи (= если, хотя) и своихъ не имать, да възвратитъ [царь?] имѣнье къ малымъ ближикамъ въ Русь“ (Лаврент. лет., 15, 26); ср. „џи аще (Ипат. лет. — „или аще“) ключится проказа никака (вариант — „нѣкака“) отъ Грекъ . . . да не имать власти казнити я“ (Лаврент. лет., 22, 8; 22, 14 — аще ли). Так џи в старославянском и других наречиях значит и е с л и.

Чи = е с л и; „Аще кто умереть, не урядивъ своего имѣнья, џи и своихъ не имать, да възвратитъ [царь?] имѣнье къ малымъ ближикамъ въ Русь“ (ibid., 15, 26); „Онъ же убоаявсья Новгородъць: чи (= если, чего доброго) прельстившье мя имуть и бѣжа отаи въ ноць“ (Новгор. I лет., 9, 5); „братъе, џи како (= если) речеть князь: выдаите мои ворогы“ (ibid., 55, 24); „Тысячьского не даша никому же: џи будетъ Кондратъ живъ“ (он был тысяцким и был опасно ранен) (ibid., 61, 1); „Аще что слышиши Ѡ ꙗра. или видѣши в домѣ его. да съгниеть въ срци твоёмъ. и не извъстиши его человекомъ. аще ли исповѣси чи бѣдѣть ти згльбѣ горащи и послѣдовъ Ѡ жещиса. и тогда тѣло твоє с порокомъ бѣдѣ“ (Буслаев, Хрестом., 645); „џи аще (Ипат. лет. — „или аще“) ключится проказа никака (вместо нѣкака) отъ Грекъ . . . да не имать власти казнити я“ (Лаврент. лет., 22, 8); „џи аще удзритъ мечемъ, или копьемъ, или кащѣмъ любо оружемъ . . . да того дѣля грѣха заплатитъ сребра литръ 5“ (ibid., 22, 14).

Ча — частица слитная.

Нынѣ ча (старорусское — чя) в старославянских памятниках (например Supr.) и нынѣ чоу (Miklosich, Lexicon), современное русское нынѣ -че (е есть фонетическое ослабление, ср. то переча, курское скорейча. В Слове о п. И. (Тихонравов, 5): „что ми шумить, что ми звенить давеча рано предъ зорями“. Тихонравов, повидимому, без нужды читает „далече“. На основании старославянских давѣ и нынѣ -ча; следует: давѣ -чя.

Врѣд ли сюда -ка, -ко в русском ноничка, ноньчека; скорее это — именной уменьшительный суффикс, как в украинском те перечка, тутечка, теперенька.

Намедни -ча. „нѣтой зимы ще й разу не было такоho [морозу], як ниняка“ (Заблудовье, Этнограф. сборн., III, 85); „у нѣтых мѣсцѣх — были колисьцика вельки лесы“ (ibid., 89); „Кудысьцика“ (ibid., 90); „Може там дзелень у землѣ и лѣхи єсту -ка з скарбама“ (ibid., 91).

Люб. См. украинское либонь, або.

Любо = хотя. „Придоша Емь на Водь ратью *нѣ въ тысящи* (?) и услышавше Новгородъци любо (= хотя, несмотря на малочисленность) в 500 съ Водью идоша по нихъ“ (Новгор. I лет., 11, 9). Первоначально мысль, предшествуемая уступительным союзом, представляется здесь излюбленным (в смысле допущенного, выбранного; в *хотя* — тоже представляется) актом воли, встречающим противодействие в том, что предшествуется союзом противительным. Любо и здесь первоначально = *placet*; ср. латинский союз *licet* — хотя, собственно, позволяется.

На границе с таким значением (*хотя... но*) стоят: пусть, нехай, потурай, дарма *що*, даром что.

Что-либо = што (му) драго. „Нама напиток, а њима каков им драго житаке“ (говорят или думают сваты про молодых); чешское „*jak mile prŭde, rowim jemu*“.

Старорусское „на Ярославихъ любѣвницѣхъ (= приятель, друг) поимаша Новгородци купъ много“ (Новгор. I лет., 45, 1).

Любо — Ипат. лет., 145, 27; 211, 32.

Любити = захотеть — Ипат. лет., 134, 15; 150, 18.

Излюбити = захотеть — Ипаг. лет., 44, 4.

Любити = хотеть — Ипат. лет., 149, 31; 149, 34; 150, 5.

„Смоланнина на желъзо безъ его воле не лзѣ имати. оулюбить свою волею нести желъзо, тѣ тво его вола“ (Договор смол. кн. с Ригюю 1230 г.).

Любо-любо = воль-воль (Игнат.), „на томъ перевозі воль Марко буде, воль Марковъ зять“ (*ibid.*, 42); „Воль ми дай пожевлія (= *pożywenia*) якого воль пушу“ [говорит орел, несущий человека] (*ibid.*, 85).

Частица *лѣ* слитно. „Отъ толѣ, отъ онолѣ“ (Лаврент. лет., 180, 6, 7).

Еще. Ещѣ (= *ещо*) в различных русских местных *ешшб*, *ишшо*; *ищб* — калужское; *ища* — псковское; *иша* — нижегородское; *ешто* — донское, пензенское, тамбовское, вологодское; *иштб* — тамбовское, вологодское; *ощб* — восточное (владимирское). В южнорусском (местами) и в брянском *ящо*, — в украинском — *ще* через *й* *ще*.

1) Сверх того, к тому; польское *nadto*, еще лучше, еще больший — больше; украинское *ще краший*, *ще инший* (сверх того, который нам известен, еще иной); еще иной (= другой, тот, сам); например, приехал *ще* (сверх тех, какие были); „купил табаку? — и еще какого! знаешь? — И еще как!“ (мало того, что просто знаю, знаю еще очень хорошо); „достал того-то? — И еще сколько!...“; „что еще будет (сверх бывшего), то еще увидим!“ (сверх виданного); дать *еще?* (сверх уже данного); еще раз! (сверх первого разу). Стало быть, сверх того качества, количества, действия, состояния, которое обозначено в речи или только подразумевается. „Мамо, як мене хлопці люблять. — А як? В спину та *ще* кулаками“ (т. е. мало того, что в спину бьют, но сверх того еще не ладонями, например, а кулаками; вариант — „кулаками в спину лупать“).

2) До такого-то времени, причем время обозначено или непосредственно (например наречием и т. п.) или посредством — глаголом, т. е. действием, заполняющим время: еще вчера сделал то-то, еще сегодня, еще завтра, еще через год, успею сделать; он еще спал, когда... как; вовсе без определения времени, если разумеется настоящее: он еще спит (до сих пор). То же значение и при следующем отрицании при глаголе: еще не пришел; то еще не пьян, коли шапка на голове; „*ще-ж-тая* удівонька та до дому не дойшла. А вже ж теї удівоньки й пшениця ізойшла“ (= до того времени не дошла домой, в какое поспела пшеница) (Метлинский, 358).

Отсюда еще само по себе — еще нет: „уже встал? — Еще!“ У Линде интересный случай сочетания — *jesz z cze s niż*: „*Drzewiej niżli stanęły*

granice świata, piérwej, niżli wiały zebrania wiatrów, przedtym, niż huczały głosy gromów, j e s z c z e n i ż się oświecały jasności w łyskawic“ (Ezdr., 6, 1 — из перевода библии Яна Леополиты, 1561).

Старославянское ꙗште; сербское јште, јшт, још; хорутанское јошче, још, је; болгарское оште, ёште; польское јeszcze; чешское ještě, ёште, словацкое еше верхнелужицкое hišce, -er, -en; у Линде сербское јоштере, јоштера.

Линде — за ним Юнгман — сравнивали, между прочим, с латинским etiam, греческим *ἔτι* согласно с объяснениями этих последних слов (см. ниже). Миклошич прибавляет и санскритское atī. Санскритское atī: 1) наречие, употребляемое с именами отглагольными (причастиями), прилагательными, существительными, наречиями в значении через меру, в хорошем или дурном смысле, очень, слишком, крайне (atikṛṣa — слишком художавый и т. п.); 2) при глаголах движения = про, мимо; 3) предлог trans, super, ultra — положение над с винительным; über, oben, an — более чем — по отношению к пространству, времени, количеству, силе деятельности — с родительным.

По Боппу и Бетлингу atī заключает в себе указательное местоимение 3-го л. — a.

Греческое *ἔτι* представляет по значению полное сходство с еще: 1) сверх того, к тому, еще и, как это последнее, часто при сравнительной степени: *ἔτι μᾶλλον* — еще больше; 2) a d h u c: *ἔτι καὶ νῦν* — еще и теперь; 3) с тех пор: *οὐδ' ἔτι διήν ην* — und er lebte nicht lange mehr — и еще не долго пожил (но был).

Из значений латинского etiam сюда подходит: еще, и: dic, dic etiam (=еще) clavus; etiam pum (nunc) = еще и теперь, еще и до сих пор; etiam atque etiam — еще и еще — отношение непрерывности, непрерывности, как санскритское атуарта (atī + arta) — переходящий за конец — предел (стало быть, не имеющий конца, беспрерывный, постоянный); etiam — до сих пор; и еще (сверх сказанного), сверх того: non modo (solum)... sed etiam v. verum etiam; отсюда значение даже.

По мнению Pott'a etiam из eti + jam — уже. К atī он же относит латинское et — и с основным значением сверх того. Вopp, Grammat., II, 251; III, 488, и Pott, I², 253, — латинское at в at-avus — к atī. Вообще о санскритской, латинской и греческой частице см. Pott, I², 251—253; Curtius, I, № 209.

Происхождение второго значения греческого *ἔτι* (*ἔτι καὶ νῦν*) (еще и теперь) Pott (loc. cit.) выводит из первого таким образом, что и здесь имеется в виду переход за известный предел времени. То же объяснение прилагается и ко второму значению славянского еще. Итак, препятствием к отождествлению еще с atī, *ἔτι* могла бы служить только форма. Тожества точно здесь нет: и, лежащее в основании всех славянских различий этого слова, — из *st + j*; конечно, *e* может быть из *a* с следующей согласной, как, например, в именительном среднего рода на *e*; это *e* из *уат*, следовательно еще из *asty-a(m?)*. Какого происхождения это *уа(m?)* и может ли оно иметь [связь] с окончанием латинского etiam, решить не могу. Возможно, что в *asty-am j* только из конечного *и* в atī, а окончание есть *-am*, т. е. именительный, винительный ед. ч. среднего рода по образцу наречий от прилагательных (Вopp, Grammat., III, 476). St = основному t, как в суффиксе *-ость*. E = и = основному a, как в *ѣсть* = astī.

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

§ 1. Древнейшие значения числительных в русском языке

Числительные количественные 5—10, 100—1000 и заимствованное сорок суть первоначально существительные, т. е. названия вещей, а не признаков и отношений. По значению они близко подходят к таким, как тьма, копа, которые сами становятся числительными (10 000, 60), как идеальные вместилища (куча, стог, стадо, табун, полк, много, мало, как существительные) и даже вместилища реальные, отделимые от вмещаемого: воз, мех, ведро, куль; старинные: „пуз ржи“, „зобница овса“.¹

Что действительно числительное количественное представлялось как название вместилища, а по отношению к большему — и вмещаемого, видно из употребления с *в*, *о* (*об*). Для выражения числа — как вещи окружающей (подобно тому, как дружина, войско воеводу) — *в* с местным: „Вхахомъ сквозъ полкы Половчскыи не (=нѣ) въ 100 (=сѣтъ) дружинѣ, и съ дѣтми и съ женами“ (Лаврент. лет. 2, 240); „И одолѣ Святославъ въ трехъ тысячахъ, а Половецъ бѣ 12 тысячѣ“ (Лаврент. лет. 2, 167); „Осѣле (=осили) Стосѣла ржевкуу. городьць мѣстиславль. съ пѣлкъ въ [10] тысящъ. мѣстиславъ же съ володимиромъ съ пѣсковскымъ. поиде [в] бѣрзѣхъ въ ѣ [пяти] сѣтъ. толико бо всехъ вои башеть... а гароунъ баше затворилъ сѣ въ градѣ въ ѣ [сѣтъ]...“ (Новгор. лет., 166—167); „Поиде... Сьмьюнъ Еминъ въ 4-хъ стѣхъ на Тоимокары“ (Новгор. I лет., 37); „Тѣгда же Мѣстиславъ перебродяся Днѣпръ прѣиде въ 1000 вои на сторожи Татарьскыя“ (ibid., 40); „Двѣ... девяностѣ мужь отпровади съ полономъ, а во единомъ

¹ Субстанциональность числительных.

Числительное количественное — как вместилище: воз сена = стадо овец = мера муки, мало (существительное) муки = сотня (сто) овец (Попов, 122).

Формы сочетания числительных с названиями считаеваемых вещей.

а) Равносильность числительного и имени вещи по образцу „множество золото и серебро“, „со стадушком со дегинуою“. В славянских, повидимому, очень редко (?). Санскритское *vinṣatīh purāh* (= двадцать городов) (ibid., 126) — *decem urbes*.

б) Число — самостоятельно, предмет, считаемый в качестве определения в родительном падеже: пять овец. Склоняется только числительное.

в) Числительное, занимающее подчиненную роль, становится атрибутивным („шестьюстами рублями“) (Буслаев § 230, примеч. 4).

Пол. Ассимиляция по роду с мыслимым половина, или с родом существительного, означающего делимое на половины. „Продадъ еси половину двора своего, а стоитъ та моя полдвора на Варедкой улицы“ (Акты юридич., II, 386, 1612 г.); „А взялъ я Дружина у Ермолы за ту свою полприлавка денегъ четыре рубли Московская. А нѣтъ у меня Дружины того полприлавка ни въ кабазахъ ни въ записяхъ“ (ibid., 444, 1613 г.); „А взялъ я Игнатей... за ту свою поллавки... денегъ пять рублей Московского числа... той моей полулавки... на ту мою поллавки... въ той моей полулавки“ (ibid., 445, 1613 г.); „А кто въ то наше четверть лавочного мѣста мнѣ... то свое четверть лавочного мѣста... очищать;... по сей купчей, четверть лавочному мѣсту очистка и убытки“ (ibid., 446, 1684 г.); „велѣи... сбирати первого полумѣсяца недозвоной людокой и конской кормъ и вново на другую полмѣсяца“ (ibid., 607, 1612 г.).

девьяностъ самъ ся оста“ (Пск. I лет., 181); „А Псковичи пришли бяху [у] 50 [пятидесять] мужь снастныхъ“ (ibid., 203); „Въ семи сотъ погнаша въ слѣдъ Домонта“ (ibid., 181); „В двою сотъ (вариант — «сту») корабль Царьградъ оступиша“ (Лаврент. лет 2, 20). Сюда новое украинское „в двох, в трьох, у чотырьох, у п'ятьох, у шістьох“ (Манжура) и „у п'яти“; „Таку сокиру, щобъ п'яти не підняти, а у шести невідности“; польское „we dwudziestu tysięcy hidzi ku temu miejscu godzili“ (О wypr. choc., 22); „przyszedł we trzech tysięcy człowieka“ (ibid., 25); „we dwudziestu i lepiej osób“ (ibid., 30).

В русском таким же образом предлог *в* с местным числительных, принимаемых за существительные, двое и пр.: „в двоём, в троём, в четвером“; польское *wedwojy*. Это не есть *distributivum* двой, как думает Миклошич (IV, 661), а собирательное двое. „Въ мьнозѣ. Въ малѣ“. Въ с винительным: „а что закладниковъ . . . за тобою . . . кто купецъ. тотъ въ сто. а кто смердь. а тотъ потагнетъ въ свой погость“ (Новгор. грам. 1270 г. — Шахматов, 243); „А что закладниковъ въ тържку или инде. или за тобою. или за княгынею. или за моужи твоими. кто коупецъ. поидеть въ своѣ сто а смърдь поидеть въ свои погость. тако пошло в новѣгородѣ. ѿпоусти ихъ прочь“ (1304—1305 гг., ibid., 247).

Число, как обнимаемое большим целым, представляется:

а) в выражении как — „конь о четырех ногах“ и т. п. (Miklosich, 675, 676). Миклошич полагает, что связь этого оборота с другими значениями основана на значении „близъ“ (*nahe*) и сравнивает французское „*chandelier à branches*“. Я сходства исходных точек не вижу.

б) Подобно тому, как от значения „вокруг“ (значение приблизительное) в выражениях „о съ чинъ“ „о ть чинъ“ (Лаврент. лет., Ипат. лет. — *pass.*) — в эту пору, о сю пору, „о святках“. Польское „*o siódmej*“ (Miklosich, IV, 670, 671); так значение приблизительности числа в „паде головъ о стѣ [около ста] къметьства“ (Новгор. I лет., 19).

Сто — существительное среднего рода. „То сто мужъ“ (Новгор. I лет., 33); „другое сто рублевъ; въ третьемъ сту лѣтъ“ (XVII в., Буслаев, § 230, 1). Так и доньше. Тоже девьяностъ; „двѣ девьяностѣ мужь отпровади съ полономъ, а во единомъ девьяностѣ самъ ся оста“ (1265 г., Пск. I лет., 181); „одинымъ девьяностомъ 7 сотъ побѣди“ (ibid.).

Ступенью от определенно-субъектного „[та] пять шла“ к бес-субъектному „шло [их] [сколько?] пять“ служил переход числительного количественного женского рода (пять и пр.) в средний, наименее личный, род¹ согласно с образованием существительных собирательных (двое, трое и пр.) из прилагательного распределительного двой, -та, -та,²

¹ Русское „Я ждала Добрыню цело шесть годов . . . Я прожду Добрынюшку друго шесть годов“ (Рыбников, 1, 132); „давал друго сорок тысячей“ (ibid., 197). По аналогии с этим за одно существительное среднего рода принимается согласуемое числительное 2, 3 и 4 со своим определяемым: „проездили они цело три года“ (ibid., 303). В украинском „одно пять“ и пр. и по этому образцу: „не одно дванадцять їх [лисих] надічовала, щоб мороз лопнув“ (Кв.-Осн., II, 38). Сербские, польские примеры — Miklosich, VI, 56.

² В славянских числительных распределительных различимы две ступени: на первой это — прилагательное, на второй — существительное среднего рода.

1. Прилагательные распределительные употребляются:

а) Для означения количества сложных единиц: „оковаша и въ двои оковы“ (Лаврент. лет. 2, 250), „трои серги — двои яхонты“ (1503 г., Собр. гос. грам., I, № 131); „и совокупишася обои на Немизъ“ [с одной стороны Всеслав, с другой — три Ярославича с войсками] (Лаврент. лет. 2, 162); „Царьство Русское раздѣлися на два начала и двѣмъ царемъ и двои люди стали въ домѣхъ и во градѣхъ“ (1605 г., Пск. I лет., 322); „Во 113 [1606] году бысть передъ разореніемъ во Псковѣ градъ многа знаменія, предъ нашествіемъ невѣрныхъ многихъ странъ на Русь: родила корова теля о дву главахъ, о дву туловахъ, и двои ноги; родила жена отроча, тѣло едино, глава едина, хребты

и донаречных (предполагаемых наречием) существительных церковно-славянских; древнерусское: колико, клико (сколько, столько), много, мало и пр.¹ Эти слова среднего рода сначала разделяют все

вместо, руки двои и ноги двои; прояви въ Руси, что раздѣлится царство Руское надвое, и бысть два царя и двои люди несогласіемъ во всемъ царствѣ“ (ibid., 322). (Другие примеры — в славянских языках, литовском, латинском и др. см. Miklosich, IV, 59—62.)

б) Для обозначения различия качества хотя бы и несложных единиц (одиноч, двойки, литовское *vienopas, dvejoras* и пр.); украинское „гостейки трои (3 гостя) не єднані“ (Колядки); русское „дамъ тебѣ троє селье усыпающее, да селье бѣлое, а третье черное“ (Пам. древн. письм., I, 65); отсюда (из „трое селье“) украинское *трої-зілля* — в песне, и ныне в аптеках спрашивают, разумея смесь трех лекарственных растений (см. также Miklosich, IV, 63).

в) При существительных отвлеченных иногда замечается то же значение (двойки и пр.). „и бысть людемъ двоа радость“ (Ипат. лет. 2, 345); иногда южно украинское „мнѣ отдали двоє подымное на сеймѣ вальномѣ Варшавскомѣ, въ року шерачайшомѣ 1638 узвальное“ (Квитання писаря земли Киевской. Киевянин, 1841, 21); польское „*porobów ośm, szporowe dwoje*“ (XVII в., О *wypr. choc.*, 108, Miklosich, VI, 65—66).

г) Для означения собирательности: русское из-под Костромщины „шли четверы мужичины“ (Даль, 1092; см. Miklosich, IV, 62, 63). В новом русском прилагательное в этом значении (как в числительных пп. а и в) устарело в именительном и сходных („н а с е м е р ы с а н и, п о с е м е р ы в с а н и“ — на семеро саней, по семеро (по два, по пяти) (Даль, 1091). Но косвенные падежи от оба, обѣ заменились косвенными множественного числа от обои (обоих, обоим, обоими сыновьями; в женском новообразовании — обеих и пр.); в 2—4, 5 и пр. различается в родительном, дательном, местном (но не в творительном) раздельное счисление лиц (двух, трех, четырех, пяти и т. д. сыновей, двум, трем, четверем, пяти сыновьям, в двух, пяти сыновьях) от собирательного (двоих ... четырех, пятерых сыновей и пр.).

В украинском следы собирательных прилагательных — в склонении двоих, обох. „Двоих діток (т. е. двое діток) за собою водить“ (Метлинский, 267). Двох, трьох, чотирьох (как обох) в значении двух и двоих, двоє — двум и двоим, п'ятьох ... (при п'яти, десяти) не имеют связи с распределительными.

2. Существительные среднего рода числительные, когда считаемые предметы рассматриваются независимо от своего рода и собирательно. Предметы или известны из контекста, или безразличны, и в таком случае не поименовываются (например украинское „обоє рябює“). Сюда — вдвое и пр., надвое, русское в-двоем и пр. или обозначаются родительным; в украинском не только мн. ч., но и ед. ч. имен собирательных: „дев'ятеро скоту“ (ibid., 415); „одинадцятро скоту“ (ibid., 417); „з дванадцятро печеного хліба“ (Драгоманов, 65; Miklosich, IV, 66, 67, 63, 64); „Верхвое колесо трое дива видало“ (Зоря Галицкая, 511). Уменьшительные украинские двійко, трійко и пр., двоєчко и двійко („у двійці іти“ — Ogonowski, 137); польское *trojko*. Реже — согласование этих существительных числительных с именем считаемых предметов: „пришли двоє знатные бояре“ (Ломоносов; у Буслаева, § 232, 2). Украинское „як ми любилися двоєчко“ (Метлинский, 53) (ср. „ой ми любилися нас двоєчко в парці“ (ibid., 63); польское „*im dobrze wygodził trojgiem tylko strzelaniem, że jak zwycięsi... poszli*“ (О *wypr. choc.*, 100) [ср. „*na troje strzelanie z łuku*“ (ibid., 45)].

¹ Донаречные существительные, ср. колико и пр. Образец — „малъ городъ“ (= мало городов); коликъ путь; „колики люде“ см. выше. Здесь же разумеются случаи как „колико, клико, селико, толико ихъ“; „колику наємникъ; до колика дѣний; съ колицьмъ муж; по толицѣ лѣтъ“ (Miklosich, IV, 482, 483); „С пѣвкодикомъ дружины своєю“ (Лаврент. лет. 2, 322); „не только свѣту, что въ окнѣ“; скольким, стольком больше, по сколько, по столько чего. Церковнославянские; мало ихъ; мало чеди; магомъ вина; по малѣ чѣтениа; скѣдо воды; ваште братиѣ; дълго лѣтъ; прочею ношти (= остаток) (Miklosich, IV, 483); „Съ магомъ ... дружины возвратиса“ (Лаврент. лет. 2, 53); „видѣвъ же мало дружины своая, рече“ (ibid., 70); „Замаломъ не постигоша ихъ“ (Ипат. лет. 2, 385). Много чего. „... Топят много (много) бусы (= корабли), топят души напрасные“ (Киреевский, V, 45); „Хоть не долго — то пройдет да поры — времечка“ (Барсов, I, 83); „Отпущу я не надолго поры времечки ... на одну ... неделюшку“ (ibid., 148). Но уже как наречие: „Не знала ... што он был во тяжелой во постелюшке, Цело две зтыхъ уречныхъ неделюшки“ (Барсов, I, 137); „Нажила себе четочка многое вучачи“ (как выше — „много бусы“) (Тульская губ.) (Шейн, Песни, 253); „А прошло времени не малое“ (Рыбников, I, 117).

Как наречие „амочно было то дѣло учинить дни въ три ... и большое (= наибольшее) въ недѣлю“ (Акты юридич., I, 314, 1680 г.); „Багацько труп“ (Котляревский). Украинское „грошей гуто, пусто, мало, багато, скілько“. По-малу и т. п. Польское „*zniewielą osob*“ (О *wypr. choc.*, 132); сюда же и сравнительная степень *меньше* и пр.

свойства существительных, т. е., между прочим, являются вполне согласуемыми со сказуемым подлежащими и дают определенно-субъектные предложения, как „первое семь волов проходило... Тое семь волов проходило; второе семь волов проходило“ (Калеки, I, 165).

„Трое детей осталось“; украинское „трое діток зосталось“ — как „двійко нас осталось“.

Предложения „сколько (есть, было) того-то“ первоначально — субъектны. „И ты къ нему не пошелъ, и въ томъ (въ с местным как материал, из которого делается нечто, затем как совокупность условий, из коих вытекает нечто) коликое крови христіянскіе пролилося, и коликое множество христіянства въ полонъ въ поганство пошло, и коликое... церквей разрушилося и коликое черноризиць осквернено и дѣвиць растѣнено“ (список XVI в., Акты историч., I, 76, 1447 г.).

Русское „только и дела, что спать“. Украинское „тільки (= тільки) йому й діла, що їв та спав“ (Кв.-Осн.).

Что (= сколько). Церковнославянское „что ты прибытка бысть“; старорусское „что бяше боляръ осталось; што послать товара“ (Miklosich, IV, 475). Русское „Что толку? Что дива?“ (Крылов); „Что пользы от его труда“ (ibid.); „О чем у них и что бывало разговору, иль присказок, иль шуточек каких, и по сию не знаю пору“ (ibid.); „Что силы есть (= что было мочи) хватъ друга камнем в лоб“ (ibid.). Украинское „Крикнув, що є мочи“ (Кв.-Осн.); „Явдоха що є духу ускочила у хату“ (ibid.); что с родительным — „как должно... расспросить... что в волке доброго он знает, что худого“ (Крылов); украинское „що ми того женця зібрали“.

Много, мало. „Остася яго [солнца] мало, акы мѣсяць долу рогама“ (Лаврент. лет. 2, 275); „приѣха к нему мало Половецъ“ (ibid., 324); „у тебе дружини мало“ (ibid., 310).

Наречие русское много (есть, было, будет, прошло) чего. Украинское „багацько трупа там напилося“ (Котляревский), „мало, боюсь, чи мало є (було буде и пр.) чого“; „Победи я, а прокъ ихъ въбѣже... въ курганъ Половьчський“ (Новгор. I лет., 40).

§ 2. Деление числительных

Уже в древнейших памятниках славянских языков количественные распадаются на два отдела: прилагательные и существительные.

Два, оба в русском, не менее чем до XIII в. включительно, правильно согласуются с двойственным числом определяемого и сказуемого, т. е. обороты п. 1а (см. выше в примечании) были возможны разве как исключения. „Бяста... 2 брата в Лясъхъ“ (Лаврент. 2 лет., 11); „бьяста у него 2 мужа“ (ibid., 19); „Подъяста и два Варяга мечьми подъ пазусъ“ (ibid., 76); „Въстага два вольхъа“ (ibid., 170); „и бѣста 12 отрока съ нимъ“ (ibid., 171); „пойдоста 2 уноши к нему красна“ (ibid., 187); „тура мя два метала на розѣхъ“ (ibid., 242); „утопоста 2 попа“ (Новгор. I лет., 10); „съгорѣста церкви 2“ (ibid., 18); „бѣста бо 2 князя съ Мъстиславомъ“ (ibid., 40); „2 человекъа мъртва быста“ (ibid., 41); „2 князя Половъцкая Сутоевича Котянь и Сомогуръ, поткоста на пѣшьць, и убьена быста коня под[ъ] нима“ (Ипат. лет. 2, 481); „по 2 гривнѣ“ (Лаврент. лет. 2, 77).

Три, четыре согласуются со множественным числом: „Ярославичи же трие... идоша“ (ibid., 162); „Быша 3 братья“ (ibid., 18); „изъбращася 3 братья... пояша по собѣ всю Русь“ (ibid., 19); „была суть 3 братья... иже сдѣлаша градокошь“ (ibid., 20).

Ограниченное число примеров именительного восполняется примерами винительного: „дайте ми отъ двора по 3 голуби да по 3 воробьи“ (ibid., 57); „Василко убилъ на войнахъ 3 браты Тройденеви“ (1274 г., Ипат. лет. 2, 575).

То же сочетание с определяемым во множественном числе в русских памятниках XIV—XVI вв. „три жребии“ (Новгор. I лет., 106, 1); „3 мѣсяци“ (ibid., 109, 37); „дѣ обручи“ (1328 г., Собр. гос. грам., № 21); „четырь золотники“ (1472 г., ibid., № 96); „три годы“ (1503 г., ibid., 340, № 131).

Уравнение по числу два, оба с три, четыре идет неодинаково: в именительном и винительном — с одной, и в других косвенных падежах — с другой стороны. Сначала два, оба также правильно согласуются с прочими падежами, как с именительным, винительным. „О двою коноу“ (Лаврент. лет., 103); „отъ двою отцю“ (ibid., 33,30); „въ двою саду“ (1305 г., Собр. гос. грам., № 6); „а не будѣтъ двою послуху“ (Грамм. 1229 г.); „на дву тысячу“ (Новгор. I лет., 72); „межи обѣма полкома“ (Лаврент. лет., 53, 14); „межи двѣма озерома“ (ibid., 61, 23); „и двѣма сынома“ (ibid., 72, 15); „съ двѣма братома“ (ibid., 90, 24); „съ двѣма князьма“ (Новгор. I лет., 15); „двѣма сынома“ (Ипат. лет., 155, 26).

Затем, не позже XIV в., в косвенных падежах определяемое ставится во множественном числе. „Въ двою сотъ корабль Царьградъ оступиша“ (Лаврент. лет. 2, 20); „двою жеребьевъ“ (Духовная 1389 г. — Собр. гос. грам., I, № 34); „отъ дву дубовъ“ (1504 г., Собр. гос. грам., I, 361, 140); „дву кустовъ тѣхъ, дву старожилцовъ“ (XVI в.); „съ дву березъ“ (Акты, XVI в.); „от дву ямъ“ (1504 г., Собр. гос. грам., I, 139); „на дву мисахъ“ (1509 г., ibid., I, 408, № 147); „въ дву полахъ“ (1523 г., ibid., I, 416, № 150); „о двухъ верхахъ“ (XVII в.); „амбаръ на дву подклѣтяхъ“ (1378 г.); „по двѣма грамотамъ по жалованнымъ“ (1490 г.); „по двѣма кабаламъ“ (Акты, XVI в.); „къ двѣма ямамъ“ (1504 г., Собр. гос. грам., I, № 139); „имаеть служити намъ двѣма конь и“ (Акты Зап. России, № 36, 1438 г.); „двума стрѣльцема“ (ibid., № 45, 1445 г.).

Это влияет на склонение самих числительных. Из дву образуется русское дву-хъ; двѣма заменяется в дательном через двѣмъ [„къ двѣмъ дубомъ“ (375), „къ двѣмъ дубкомъ“ (363), „к двѣмъ селищимъ“ (1504 г., Собр. гос. грам., I, № 140)], позднее сходно с двухъ-двумъ; в творительном через двума, двумя; „съ своими двѣма сыны“ (Пск. I лет., 208).

Ср. „обѣюхъ земль“ (Акты Зап. России, I, № 50, 1449 г.); ср. „двою ихъ (дѣвоихъ) людей“ (Supr., 340, 7; Miklosich, IV, 60).

Наоборот, удаление от древнего склонения троик, четверо „трій поприць“ (Лаврент. лет., 71, 26); „безъ тріи мѣсяць“ (Новгор. I лет., 8); „преже треи лѣтъ“ (Ипат. лет., 105); „безъ треи кунъ“ (Русская правда, 46); „а которыхъ трее дворць“ (Акты р.-лив., № 16, 1257—1263 гг.); „трѣми недѣлями“ (Ипат. лет., 73, 16); „треми копы“ (ibid., 132, 30); „съ четырьми [сыны]“ (Лаврент. лет., 53, 4); „съ 4-ми мужи“ (ibid., 62, 9); „треими деньми“ (Ипат. лет., 211, 23).

Сказывается (кроме винительного вм. именительного три¹ и родительного трех) влияние двойственного числа: дательный „трема сыномъ моимъ“ (1434 г., Собр. гос. грам., I, № 51) (позднее только трем) и в господствующем ныне русском творительном трема, четырьмя (как севернорусское „има, тыма, всема, целыма“) (Рыбников, IV, 293, 299).

¹ Три в галицийском говоре: „пойшли всі триє (трыє) у ліс“ (Игнат., 13); „взяли та й идут триє“ (втроем) (ibid., 73).

В украинском и западном влияние двойственного числа распространяется и на числа с 5; в более древнем языке — в дательном и творительном, в новом — только в творительном. „Къ тымъ петмадесять копамъ“ (Акты Южн. и Зап. России, № 73, 1522 г.); „пятьма челоуѣкомъ“ (Miklosich, IV, 478); „Съ пятьмадесятьми тысячей людей“ (Акты Зап. России, II, 14, 1507 г.); „двадцатьма копами грошей“; „межи тими шестьма особами“ (Miklosich, IV, 478). В новом — „обомá руками, всіма сторонами, трьома, чотирьма городами“ (Метлинский, 18, 100); „з шістьма, з десятима головами“ (Кв.-Осн.); „З десятима чоловіками“ (Куліш, I, 254); „з дванадцятьма отаманами“ (ibid., 278). Но: двох, двом, у двох. „Нас десятиох“ (= „нас десяти“) (Метлинский, 453, 454).

В именительном, винительном взаимное влияние 2 и 3, 4 сказалось так, что определительное при 2 стало множественного числа (*mb* два), как при 3, 4. Определяемое при 2, 3, 4 в русском в именительном мужского рода ставится в форме на *a* (я). „Два, три алтына“ (1585 г., Библиотека, II, № 102), не сливаемое по смыслу с родительным ед. ч. и отличаемое ударением ст собирательных именительного, винительного мн. ч. на *a* [два (3, 4) стола, 2—4 коня, два (3, 4) глаза, берега, бруса при — глаза́, берега́, брусья́]. В среднем роде форма двойственного *-b* (сель) вытеснена мужской формой на *-и*, отличаемою ударением от именительного, винительного мн. ч. (два слова, моря — слова́, моря́. Флексия *-и* осталась: 2 пути, имени, клѣти).

В женском роде флексия *-b* заменена флексией мн. ч. (где возможно), принявшею ударение дв. ч. в отличие от флексии, означающей двойственное: две но́ги — но́ги. Так, в большинстве собственно-русских говоров, но в восточно-сибирских — „два ко́ни, три па́рни“ (Даль, Словарь, Предисловие, XVIII; ср. Буслаев, Граммат., § 231, примеч. 3; Лавровский, 50); „тому-де годы съ два“ (1639 г., Библиотека, II, 728). В украинском восточном в именительном мужского рода *-a* при „два—чотири“; исключение: „чотири во́лі і два ко́ника в ди́шлі“ (Метлинский, 2); с другим ударением (для рифмы): „кохала козаченька два годá, сама осталася молодá“ (ibid., 47). Правило множественного числа: „два сині“ (ibid., 243, 244); „три дубі; три терні, три браті, два байракі“ (ibid., 438); „три козаки“ (ibid., 105); „три шагі“ (ibid., 20); „два соколі“ (ibid., 127); „три поклони“ (Кв.-Осн.); „два кўпчикі“ (Метлинский, 98); „два друженьки“ (ibid., 188); „два голубоньки, два козаченьки“ (ibid., 13); „три годочки, три часочки“ (ibid., 69); „два Донці“ (ibid., 136); „три молодці, три місяці“. Правильно „два коні“ (Куліш, I, 167), но обычно — „два, три ко́ни“, с сохранением ударения двойственного числа как „два вóзи“ (ibid., I, 157) (при мн. ч. возі); „три ра́зи“ (ibid., 319); „усі разі, чотири годі“ (= года) (Метлинский); „чотири ро́ки; три грóші“ (Куліш, I, 145).

Гро́ші = деньги, гроші́ = шагі. (Белорусские говоры, смотря по близости к украинскому и русскому, колеблются между „два козака́“ и „два козаки́.“) В среднем роде в XVI в. — „две решете“ (Памятники Киевск., III, 57), „дві окне“ (ibid., 6). Ныне кроме общего — двісті — „дві, три літі“ (Метлинский, 47, 254, 426); в галицийском — „дві слові“ и некоторые другие (Miklosich, 342). По правилу же в восточном украинском, как в русском: „два (3, 4) слова́, по́ля, моря́, дере́ва“ (при мн. ч. „слова́... дерева́“); „два (3, 4), рядна́, ярма́, вікна́, весла́“ (мн. ч. рядна и пр.) и лишь при одинаковости ударения „два ставйша всі“. В женском роде старое двойственное „дві верстві; три серомязі“ (Метлинский, 377); „Мост, широкий, же у три ла́в іти могли вози“ (Лет. Самовидца, 149); „Чотири парі“ (Куліш, I, 144). Довольно часто в галицком: „три ягодоці“ (Головацкий, II, 92) и пр. (Miklosich, 342).

В русском различается двойственное „двѣ полы, щекѣ“ (с собирательным значением); „обе полы, щѣки“ (Буслаев, Граммат., § 90, 1). В украинском, повидимому, „дві и обі руки“ (?), но дв. ч., как мн. ч., „у дві полі“ (платье); „по три копій“ (Кв.-Осн.); „дві копи“ (Куліш, I, 144); „дві дівки, свашки, світїлки“, при мн. ч. „дівкі“.

Оборот „тѣми десятью копнами“. Собирательность и субстанциальность числительных в падежах, кроме именительного, винительного,¹ исчезли, послуживши ступенью к атрибутивности числительных 5 и пр. (NB. Miklosich, IV, 57—58; 479). Это доказывает, что субстанциальность в именительном, винительном, с одной, и в других падежах — с другой стороны, не одинакова.

Оборот „во шти рублехъ“ (1504 г., Собр. гос. грам., I, 341, № 132) может обнаружить атрибутивность числительного лишь сравнительно с ближайшею предшествующей формой: „с пяти десятков“; „в тех шести рублях“ не следует смешивать с архаичными: „въ тѣмъ шести рубляхъ“. Украинское „жебись мя глядала в пяти років“ (Игнат, 57).

„Тех пяти рублей, тем пяти рублям, теми пятью рублями, в тех пяти рублях“, 6, 7, 8, 9, 10 рублях. Сюда же сливаются в одно слово 11—19, 20—30. Выражение „с пятью-десятью сыновьями“ (и 60—80) понято как „с пятью десятками, сотнями, тысячами“ (Буслаев, § 230—234). В Псковской I летописи (182) „съ шестью десятью мужъ“ показывает, что склонение десятѣ вм. неизменного десятъ возникает независимо от атрибутивности всего числа.

Оборот „с шестью десятъми козаками“.

А. Примеры—Буслаев, § 230—234. Встречается редко в нынешнем литературном языке. Но в церковнославянском и других славянских наречиях пѣть после перехода в собирательность приняло склонение множественного числа: „съ петиимъ сестрами, съ шестъми епископы, пѣтѣмъ воиномъ“ (дательный), „двадесетѣмъ и осмиимъ лѣтомъ“ и пр. (Miklosich, IV, 477, 478).

Два, оба, три четыре; двух, обоих (обеих), трех, четырех; двум и пр.; двумя, тремя, четырьмя. Как редкое явление в русском — „къ ихъ же пѣтма варницамъ“ (1551 г., Буслаев, § 231, 3).

Б. Два, оба с окончаниями двойственного числа согласуются с числительным во множественном числе, но лишь в менее субстанциальных падежах. Отсюда — двух, дву-м, дву-мя; мн. ч. дво-х, дво-м, дво-ма. „Ludzie ze trzemi duszami“ (О wypr. choc., 57); „Z rotu N. dwoj pachali koni zabici“ (ibid.); „We dwudziestu tysięcy“ (ibid., 22); „Trzej Węgrzypów“ (ibid., 52); „Которыхъ молнія опалила, 4 человекѣ отволочили, а три человекѣ таки до смерти заразило“ (1470 г., Пск. I лет., 235); „На три праздники“ (XVI в., Достопам., I, 125).

Три, четыре от старого склонения. „По трехъ днехъ“ (Лаврент. лет., 28, 34); „по трехъ... лѣтѣхъ“ (ibid., 67, 4); „по трехъ днѣхъ“ (Новгор. I лет., 12, 20); „трьми недѣлями“ (Ипат. лет., 73, 16); „треми копы“ (ibid., 132, 30); „3 браты“ (винительный) (ibid., 205, 16); „а которыхъ трее дворцѣ въпросили ваша братья послѣ, а тѣхъ ся есмь отступили“ (Акты р.-лив., № 16, 1257—1263 гг.); „съ четырьми есмь вышель“ (Лаврент. лет., 53, 4); „съ 4-ми мужи“ (ibid., 62, 9); „въ кельци

¹ „По сѣхъ 8 колѣнь“ (Лаврент. лет., 100); „Дать, взять по пяти рублей“—архаично. Относительно падежа (дательного)— „по двѣма“, а не „по два“, которому бы = „по пять“ (по — distribut. с винительным — Miklosich, IV, 632, 633).

Пара как атрибут: „Управление X. полицмейстера разыскиваетъ владѣльцевъ к... найденнымъ вещам... паре меднымъ подсвѣчникам... тремъ парамъ белымъ лайковымъ дамскимъ перчаткамъ, тремъ парамъ шелковымъ туфлямъ...“ (Харьковские губ. вед., 1883, № 63); „Плѣннѣномъ десяти племень“ (Изборн. 1073 г.; Miklosich, IV, 55).

малъ, яко четыре лакоть“ (ibid., 82, 25); „треими деньми“ (Ипат. лет., 211, 23; ср. „двѣма“ — ibid., 155).

Три-четыре первоначально во всех падежах согласуются во мн. ч. и склоняются: „трѣй, трѣмъ, трѣми, трѣхъ“; затем в русском в более субстанциальных падежах — именительном и сходном с ним винительном — с видоизменением двойственного (два человека), а в менее субстанциальных — со мн. ч., но в творительном заимствуют окончания двойственного — „трема (дательный) сыномъ моимъ“ (1434 г., Собр. гос. грам., I, № 51), а в родительном — окончание местоименное.

В украинском это распространилось на пять; следовательно, как „обома руками“ (Кв.-Осн.); „двома и трема городами“ (Метлинский), так „з шістьма головами“, „з десятьма головами“ (Кв.-Осн.); „десятьма чоловіками“ (Кулиш, I, 254); „з дванадцятьма отаманами“ (ibid., 278). В старом: „къ тымъ петмадесять копамъ“ (Акты Южн. и Зап. России, I, № 73, 1522 г.); „двадцатьма копами грошей; между тыми шестма особами; пятьма чоловіком“ (Miklosich, IV, 478; Акты Зап. России, III, 47, 289, 295, 306); „нас десяти“ (Метлинский, 453); „нас десятиох“ (ibid., 454); „къ тымъ петма десять копамъ“ (Акты Южн. и Зап. России, I, № 73), хотя — „другую пять“ (ibid.); „съ пятмадесятьми тысячей людей“ (Акты Зап. России, II, 14, 1507 г.); „взяла палаш... гет усіх шістьох стяла“ (Игнат., 8); „в вечер як лігали, усіх дванайцять свічок зажог і усі дванайцять горцьми укрив“ (ibid., 79); „зажог дванайцять свічок, укрив дванайцять горцьми“ (ibid., 80).

15—50—родительный десять, винительный на десяти — неизменно. „Пришли бяху въ полушестадьсять шнекъ“ (Новгор. I лет., 13, 28); „Служивъшю ему... польпята дьсять лѣтъ“ (ibid., 19, 30); „польтретьнадесять тысячъ“ (Ипат. лет., 212); „полпятадесять, полтретьядцать“ (акты XV—XVI вв.); „двѣнадцать тысячи“ (1317 г., Собр. гос. грам., I, № 12); „польпятядесять рублевъ; семьдесять рублевъ безъ дву; одиьнатцять“ (1389 г., ibid., № 34); „въ пяти сотъ рублѣхъ“ (1440 г., ibid., 132, № 60); „Придали есьмо... сѣножати на дванадцати стоги“ (Акты Южн. и Зап. России, I, № 230, 1487 г.); украинское „пятьдесять“ (Гербинка, 29); „У тебя бытъ въ-вѣдомѣ десети чловѣкомъ изъ дворянъ и изъ дѣтей боярскихъ, да тысяча чловѣкъ дѣловцовъ“ (Акты, II, 533, 1697 г.); „Половинѣ [тысячи]... пятистамъ чловѣкомъ“ (ibid., 534); „надъ тѣми дѣловцами надъ тысячею чловѣки“ (ibid., 535); „А у иныхъ по 6, кто за сколько служить“ (Котошихин, 91); „по 30 рублевъ денегъ“ (ibid., 103). И постоянно в XVI—XVII вв.: „три рубля денегъ“ (как доньше в украинском „грошей“); „Час времени“; „три године дана“; „кад је било око по дне дана“ (Рајковић, 129). Киреевский, Песни, II, 5, 9. К случаям генетического обозначения числа может быть [отнесено *Ред.*] сербское до с винительным или именительным числительного „до — две, до три речи“; „у секе су до три мила сина“ (как бы считая про себя: „раз, два, три“ и включая последнее) (Рајковић, 167).

Раздельное представление частей сложного числа. Целному представлению сложного числа предшествует изображение его возникновения посредством умножения, деления или вычитания, сложения.

Деление. Счет половинами сверх единиц, десятков, тысяч.

Вычитание. Счет: безъ — undeviginti; девян-о-сто = 9 (десятков) от ста.

Сложение.

„Ты не жди домой соряду шесть лет,
А еще не жди соряду пять лет,

А еще не жди ровно круглый год.
Тому делу стало двенадцать лет,
На тринадцатом году домой приду“.

(Беседа, 1856, I, 45.)

Такая постановка родительного указывает итоги, как и в нынешнем языке („денег у меня всего 10 рублей“; „всей одежды две рогожи“ и пр.), и должна быть отличаема от порядка слов, принятого по образцу греческого: „Бѣше же тоу водонось камань шесть лежашь... вѣмѣсташь по двѣма ли по трѣмъ мѣрамъ“ (= ἦσαν ὑδροῖαι λιθῖναι ἕξ κείμεναι) (Остр. ев., Иоанна, 2, 6).

Так как по вышесказанному имя при меньшем числе опускается („всѣхъ путей 80 и 3“), то выражение получает такой вид, как будто родительный мн. ч. (путей) относится к 2, 3, 4, а не вообще ко всякому числу, обозначающему то, что берется из обозначенного родительным мн. ч. Так, в русском и украинском: „В этой комнате печей две [печи], окон три [окна]“ и т. п.

Украинское „бери три світилки, дві свашки, боярив п'ять (ср. «п'ять бояр») і старостів два, дружків два (два старости, дружки) і візнику (одного). А як нема чобіт і черевиків, так поїзду менше: світилок дві, свашка одна, боярив три“ (Метлинский, 165). Сюда же: „сини мої, вас чотири“ (т. е. сині).

Приблизительность числа грамматически, т. е. формально выражается инверсией, ибо съ винительного означает собственно равенство. Причина инверсии здесь та, что при неопределенности числа предметов говорящий прежде вспоминает известное, т. е. массу считааемых предметов, обозначаемаую родительным, а потом — число, требующее предварительного соображения: „было нас человек... пять“, нет необходимости подразумевать еще следующее числительное: „человек пять, шесть“ (как думает Буслаев, II, § 228, 9; Мз. Аксаков, II, 599, 600). Русский оборот: „было человека два, 3, 4“ (— версты две, 3, 4) для выражения приблизительности мог возникнуть лишь вместе с возникновением особой формы именительного, винительного для выражения числа 2—4 (несколько), остающейся неизменною и при точном и при приблизительном обозначении числительных 2—4: три десятка, десятка три. В украинском в этом случае употребляется форма родительного мн. ч. и при инверсии (приблизительность счета) и форма для „несколько“ (согласуется) (при точности счисления). „Я з'їм жуків десяток да гусені, червів десятків три в податок“ (Гребінка) (ср. „три десятки“); „часів три (= три часи) не бачились“ (Кв.-Осн.); „верстов з чотири“ (но „4 верстві“, „4 версти“); „аршин по чотири“ (= по чотири аршини) (Кв.-Осн.); „верстов за дві“. При 2—4 предлог *по* не производит видимой разницы: „кіп на дві, аршин по чотири“; но при 5 и пр. приблизительность требует винительного: „били сот по п'ять (= по пять сот) поклон“ (Котляревский); „раз по п'ять розказовала“ (Кв.-Осн., I, 42).

ПРЕДЛОГ

§ 1. Предлог *от* (*отъ*, *ото*)

Старорусское *отъ*, *ото*; украинское *від* (*од*); белорусское *ад* (*ад*); старославянское *отъ*; хорутанское *od*; сербское *од*, *ода* (старое *отъ*—*отъ*); польское *od*, *ode*; чешское *od*, *ode* (старое *ot*, *ote*); лужицкое *wot*, *wote*.

Конечное *ъ* в новых наречиях перешло в *о*, *а*, *е* — перед некоторыми стечениями согласных, часто *ad libitum*: *отъ* всего, *ото* всего.

а) Раздельное употребление

Во всех славянских наречиях предлог *от* употребляется только с родительным.

В русском: направление от крайней, ближайшей к говорящему, точки предмета, без оттенков поверхности, внутренности, выражаемых предлогами *с*, *из*; противоположно направлению *до*: *отъехать* от города. Так во всех наречиях. Пребывание на расстоянии, считаемом от известного (другого) предмета: в пяти верстах от города. Эти значения — основные в применении к пространству. Отсюда:

а) В применении ко времени: от такого-то до такого-то года, дня и пр. Русский литературный язык ставит здесь *от* большею частью при точных обозначениях границ периода времени, т. е. там, где противоположный конец данного времени обозначен посредством *до*; реже тогда, когда другой конец периода остается неопределенным: *от* века, немецкое *seit*. Там же, где в польском, чешском и книжном старославянском („отъсь — вечера“) *od* = немецкому *seit* — в русском *с*, *из* и выражения вовсе без предлога: чешское *od té chwile*, *od dětinství*, *od pунейčka*, *od včerejška* = русскому *с*; чешское *od starodavna* — *исстари*; чешское *ode čtyr let*, польское *od lat czterech*, *od godziny*, *od tygodnia nie był* (= уже 4 года, час, неделя, как...).

Еще к п. а: „час от часу, а к смерти ближе“ (от каждого часу); „день ото дня живем“.

Время. Слепой от рождения. Сербское: „будале су људи од старине (= с издавна), од ђетинства (= с), од малена“ (= сызмалу), *из малена*, „од три годинце“ (= с 3 лет), „доћи ћу ти од недеље“ (= с неделю), „от поноћи“ (Даничић, I, 220, 221).

б) В применении к удалению в переносном смысле: *избави* от лукавого, *средство* от лихорадки, *заговор* от зубной боли и т. п. *Защитить*, *спасти*, *уволить* и т. п. Так и во всех славянских наречиях: сербское „оди зла бранити“; польское „*raturu od ognia*, *lekarstwo od...*“.

В некоторых случаях *от* переводится здесь через *против* — *gegen*, но далеко с ним не тождественно по значению. Странно польское *stać od wiatra* = *wzwiatr* = *против*. Сербское „од грознице трава“ (Даничић, I, 264 сл.).

в) В применении к сравнению. В русском при сравнительной степени ставится только родительный сравнения без предлога или наречия и наречные выражения с чем, нежели (Буслаев, Граммат., II, 247). Употребление в этом случае беспредложного родительного есть древнейшее общеславянское и из новых наречий хорошо сохранилось в украинском: „завзятіший од всіх бурлак“ (Котляревский); „хучійший від супоні“ (ibid.); „за внуків славнійших дідів“ (ibid.); „терпіли гірше Прометей“ (ibid., 237); „кращий тебе, луччий мене, з старшим себе зострилась“. И как архаизм в польском (bielszy smiegu, droższy złota), чешском (редко; см. Юнгман под *od*), лужицком (см. Pful под *wot*), сербском (Babukić, 343). В украинском сверх этого — и родительный с *од* (ср. над, за): „єсть у мене сестра менша д мене зросла; краща Маруся від всіх нас; луччий од мене“ и пр. Такой оборот обычен в сербском („боли од мене“), польском, чешском, лужицком. Он относится к беспредложному родительному сравнения, как позднейший предложный падеж к местному без предлога, т. е. как пояснение, вынужденное забвением пространный значения падежа. Родительный и сам по себе означает направление *от* (из), именно родительный происхождения и принадлежности и родительный сравнения.

Что до родительного без предлога в смысле *от* с родительным в „далече страны своя“ (Лаврент. лет., 6, 24, 25; ср. ibid., 241), а также Miklosich, Lexicon под *далече*, то это перевод с греческого, где при *πόρρω, μακράν* — родительный без предлога.

И Даничић заметил, что предметы отступают друг от друга, когда различаются. Согласно с этим в сербском „разликовати се од кога“ (хоть и „различан, разлика“); „други од онога“; *дружчији и другојачни од...*, а затем и *од* с родительным предмета, от коего что отличается, при сравнительной степени (Даничић, I, 264, 265). Последнему соответствует родительный при сравнительной степени в греческом и *ablativus* в латинском и санскритском. Заметим, что как санскритское *апуа*, так и соответствующее *ἄλλος, alius* — иной имеют значение сравнительной степени и потому сочетаются с родительным; *pānyas tvad rathitara*: „никто не управляет колесницею (собственно не снабжен колесницею) лучше тебя“. В санскритском *ablativus* имеет специальное назначение — указывать направление *от*. Употребление этого падежа в санскритском и латинском при сравнительной степени Потт объяснил тем, что при сравнении преимущество а перед б (а лучше б) есть расстояние, отделяющее а *от* б. Таким образом с *ablativus comparationis* (а равно с соответствующим ему родительным сравнения) аналогичны слова для несходства с предметом, обозначающим направление *от*: *ab similis differre*; а для *diversus a*, отличный от *от*. Появление *от* при родительном сравнения аналогично употреблению *de* при сравнительной степени в средне-латинских выражениях, как *plus a tres pedes* вм. латинского *plus tribus pedibus* (Pott, I, 43).

См. ниже санскритское *atas* при сравнительной степени.

Отъ при сравнительной степени у Кирилла Туровского, по списку XIII в.: „Праздникъ отъ праздника чествнѣй приспѣлъ естъ“ (Калайдович, Памятники, 28).

г) Причина. аа) Действующее лицо при причастиях страдательных и глаголах возвратных в смысле страдательных чаще в старинном языке, чем в современном: „да то ся зваху отъ Грекъ Великая Скузь“ (Лаврент. лет., 5); „да держимъ будетъ створивый убійство отъ ближнихъ убьенаго“ (ibid., 22, 11); „единъ отъ дьякъ зараженъ бысть отъ грома“ (Новгор. I, лет., 4, 26); „благословенъ, посланъ, поставленъ отъ...“; в древнерусском *отъ*: „потерянь (погублен) отъ бояръ от Годуновыхъ“. Так

в сербском (Даничић, I, 226, 227). В современном литературном языке принят обыкновенно творительный действующего лица, представленного орудием: „убит кем“. То же в меньшей мере в чешском и сербском лишь в книжном языке (*ibid.*, I, 571); в польском творительного лица, как орудия или причины, вовсе нет.

бб) Лицо, как источник действия или состояния, но не как исполняющее действие или находящееся в состоянии, при глаголе действительном или среднем: „Погибоша Еюптяне отъ Моисѣя“ (Лаврент. лет., 7); „отъ князя (от имени, по приказанию) изымаша Василья Даниловича“ (Новгор. I лет., 88, 31); „поклонитесь от меня, скажу — пошли, передам от вас“. Лицо, служащее источником действия, может в то же время быть исполнителем его: „говорю от себя“ (*motu proprio*). Так и в сербском, чешском, польском, лужицком; в сербском см. Даничић, I, 228.

К пп. аа и бб относятся и такие выражения (общеславянские), как: беда, помощь, жалованье, благословение от кого (причиненные, данные кем).

вв) Предмет или обстоятельство как причина: от горя, от печали, от болезни, от раны умереть (ср. с горя) — от чего? = почему?

Основное значение — направление *от* — явственно и здесь. Причина представляется исходною точкою. Такой же переход к значению причины от значения удаления виден и в родительном без предлога, впрочем, кажется, только в одном случае, именно в украинском чего в значении почему. Русское — *чево ты плачешь?* „Ой од чого, дитя моє, впилася? — Ой упилася, моя матінко, од ножа“ (Метлинский, 286).

Родительный причины: „якої лихої години“ (например сидить); „якого гаспида“ (те и те робили) (Номис, 70) есть общеславянское, но каждое наречие имеет особенности, например польское: „*od niewoli sluga*“ по необходимости, за неимением лучшего; „*Zalesac kogo od skromposci zywota*“ (т. е. скромность, воздержность жизни — основание рекомендации).

Родительный цели. „*Dobry od czego, naprziklad od zwady, od rady*“ (т. е. до *zwady* = *rada*, *zwada*) на самом деле — цель, для которой, например, держат человека, не представляется исходною точкою, т. е. причиною держания; „*od czegoz ręce język*“ (к чему); так и в чешском. В сербском „од себе“ = сам по себе, сам собою (по себе — причина; собою — орудие); например „*ko je od себе*“ (= сам по себе, от природы) рђав, не можеш га бојем доћерати да буде бољи“; „то се разуме само од себе“ (= само собою) (Даничић, 241). В сербском же: „жити от чего“ (что возможно и в русском в смысле „чем жить“); „од мора“ (т. j. од путовања по мору); „Доспѣша тогда обѣ сторонѣ противу себѣ. Софінскаа сторона хотя мьстити безчестіе братіи своєї, а Славеньская отъ живота и отъ головъ“ (от = ради, защищая) (Новгор. I лет., 87, 9); „Што от шала сердча словечка не забашь“ (Барсов); „Я не знаю то, победная, не ведаю, — От толку сказать, победна, по хорошему“ (*ibid.*, 259); „Это он сделал от большого ума“ (иронически).

д) Происхождение. а) Откуда, т. е. из какого места. В современном языке почти не встречается [в Новгор. I лет.: „Марковъ отъ (= из) Рима, игуменъ отъ св. Спаса (= спасский)“ (Пыпин, II, 90)] и замещается посредством *изъ* с родительным или прилагательным относительным (однако: откуда, отколе; украинское *відкіля*). В сербском в этом случае *от* с родительным есть оборот господствующий: „риба од Охрида (= охридская); грожѣ од Леванта (= левантская); биѣ од планине (= горная); од Прилипа Марко, од Сибиња (= сибинский) Јавко“ (Даничић, I, 222—224). б) Из чего, т. е. из какого материала —

в прямом и переносном смысле. В русском здесь *от* с родительным очень редко. У Буслаева (Буслаев, Граммат., II, 276) два примера: „сѣдло *отъ* злата жъжена“ (Ипат. лет., 187, 12, 36); „цепь *от* злата“ (Кантемир).

От руки — *od rѣki*. *От* разу (происхождение от чего с творительным орудийным — разом).

Впрочем „от чего“ (= от какой причины) и „из чего“ (= из какого материала) смешиваются народом, и сюда же можно отнести некоторые вопросы и ответы в Голубиной книге. Это очевидно: „отъ земли тѣло, отъ моря кровь в человекѣ, отъ огня — жарь, от камени — кость“ (ср. Костомаров, 535). Здесь камень не причина или начало существования кости.

В сербском этот оборот преобладает над прочими. Если в сербском при *од* — существительное с эпитетом, то в русском (в русских песнях) — существительное с эпитетом в родительном без предлога (Буслаев, Граммат., II, 245: „чиста серебра“), соответственные прилагательные сложные (белодубовый, украинское широзлотний) или (что господствует в современном литературном языке) *из* с родительным. Если в сербском — одно существительное или местоимение с *од*, то в русском только *из* с родительным или прилагательное. Ср. „столови *од* биѣла сребра, купа (= кубок) *од* сухога злата, гусле *од* сувога јавора; лађа *од* ораха (= ореховая), кожух *од* међеда, црква *од* камена“ (= каменная, из камня) с такими выражениями, как „*од* ђеце људи бивају“, „*од* тог не ђе ништа бити“, „*од* шта вређа *од* тог и узица“; в русском только *из*, в украинском *з*, с с родительным (см. Даничић, I, 242—245).

е) Цена. По Далю, в Москве говорят: сукно от трех рублей (= трехрублевое); конь от ста рублей (= сторублевый); жених от рубля (= рублевый, т. е. гроб, по цене гроба у крестьян). Оборот этот отличен по значению от польского „*от trzech tysięcy go nie dał*“ — не уступил дешевле (далее по направлению к единице от 3000) трех тысяч, и совершенно совпадает с беспредложным родительным количества и меры в русском и с сербским *од* при несклоняемой форме (по виду именительный, винительный) числительного: „конь *од* сто дуката, лед *од* девет аршина, дијете *од* неколико година“. В сербском такой же оборот и для русских *о* с местным и *в* с винительным: „кула *од* девет тавана“ (= о девяти этажах); „камџија *од* три струке“ (тройная); „риба *од* шест крила“ (= о шести, шестоперая); „войска *од* неколико хиљада“ (= в несколько тысяч) (Даничић, I, 248, 249); „Учись, брате, трговати, Як сестру продавати. Не давай сестри от золотого, От таяра битого“ (Гродненская губ., Кобринский у., Сборн. Сев.-зап. кр., 211).

Неясно, Впрочем, в каком смысле направление *от* применено здесь к цене. Возможно, что оцениваемый или измеряемый предмет представляется принадлежащим мере — цене, и в этом смысле идущим от нее.

ж) Принадлежность. В русском редко (ключ от дверей = дверной). Выражение „генерал от кавалерии“ и пр. не народные; ср. латинское *a secretis* (= *secretarius*), *ab epistolis*.

В сербском обыкновенно рядом с родительным без предлога: „господар *од* куће, господар *од* Србије, глава *од* кнежине“ и многие другие (Даничић, 251—254), где в русском один родительный.

з) Часть. В русском — как архаизм: один от них = из них; оставаться от чего. В сербском обыкновенно: „сваки *од* вас; полу *од* сахата“ (*ibid.*, 254—258). Часть представляется идущею от целого.

В рассматриваемом предлоге конечное *т*, сохраненное в старославянском, русском, лужицком, старочешском, древнее чем *д*, как видно из сравнения с санскритским *á-tas*. *Á-tas* — из местоименной темы

3-го лица и суффикса *tas*, образующего от местоимений и существительных наречия, со значением удаления *om*, равносильные относительно падежу (ablativus): *kú-tas*, *tá-tas*, *yá-tas*, *svarga-tas*, латинское *coelitus*, *in-tus*, *sub-tus* (последние два в значении местного), греческие *ἐκ-τός* — вне, вдали от, *ἐν-τός* = *intus* (Bopp, *Grammat.*, II, 243, 244; III, 492, 493). Бопп (II, loc. cit.) предполагает здесь и формальную связь с суффиксом относительного падежа (ablativ) *-at-* или *-t-*. Согласно с этим *á-tas*, употребленное как наречие, значит: от того [лица], от этого места, отсюда, оттуда, от этого времени, впрядь, вслед за этим временем; оттого в смысле поэтому (причина).

В дополнение к сказанному выше о предлоге *om* с родительным при сравнительной степени и при други, друкчији заметим в санскритском *atas* при сравнительной и превосходной степенях и при *anyā* в положительной — того, польское *od tego* и т. п.; *ataḥ svalpīyasi dravyā*, — в вещи (предмете) ничтожнейшей, меньшей этого; *ataḥ kastataram* — хуже этого; *ato 'nyathā* (*anyathā*, наречие — иначе) — иначе чем (сербское иначе *om* того), *atō nyatama* (собственно инейший от... который-нибудь из... (Böhtlingk)).

Тождество *om* с *atas*, впрочем, очевидно, принято Миклошичем и другими, но не Поттом, который, ошибочно основываясь на форме *одъ*, сравнивает с санскритским *ádhi* — *super, ad* (Pott, I², 277). Миклошич (*Lexicon — омъ*) ссылается на Потта (Pott, I, 195, 256, 257), где говорится о литовско-латышском слитном предлоге *at*. И действительно (несмотря на затруднение от предполагаемой потери *as* в *at* сравнительно с санскритским *atas*, славянское *om* — потери, которой могло бы и не быть в литовском, сохраняющем конечное *as* во многих случаях) сравнение *om* с латинским *at* не лишено довольно прочных оснований. Относительно потери окончания в *at*, иногда перед согласными *ata*, ср. литовские *sukam'*, *suk-a-me* — сучим; санскритские *mas*, *suk-a-t'*, *sukate* — сучите; санскритское *tha* — от *tas*. О значениях литовско-латышского *at*, совпадающих с *om*, см. ниже, где идет речь о слитном употреблении *om*. Здесь заметим только заимствования из славянского, которые должны быть устранены из сравнения: литовские *atlakas*, *atlagas* = польскому *odlóg*, украинскому *одліг*; *atpuskas* — отпуск, в старопольском *odrust*, может быть *атрепсз*; напротив — из опять (назад, обратно), но не непосредственно, а через предполагаемое польское *orięć*, выведенное из опять, а может быть и незаимствованное; литовское *atolas* (удвоение у Нессельмана и др. *attolas* не имеет этимологического значения), латышское *atols* — отава, которые будто бы произошли из литовского *āt-žalas'* — отросток, побег (*želti* — зеленеть, расти), латышское *at-sals* (*at-zals*?) и которые якобы объясняют русское „отава“ (Pott, I, 256), на самом деле не имеют ничего общего с *āt-žalas*, не заключают в себе предлога *at* и заимствованы [сравни с русским отава, к коему относятся по звуку л так, как литовское *lastalka* (ластовка в рубаше) к русскому ластовка]. Литовское *atoluga* — ein Riemen, Schuhrriemen, ein Senkel (отвес — веревка); ср. от туга — обора у лыж. Литовское *atboti* вызывает некоторые сомнения. Оно принимается за сложное с *at* и значит „обращать на что внимание, заботиться о чем“, совершенно как украинское *д б а т и на що*, польское *dbać na co*, причем с тем же значением и с такою же конструкциею, как „д б а т и н а“ — стоит литовское *daboti ant* (*на*), которое Нессельман и Шлейхер считают сложным с очень редким в литовском слитным предлогом (так как плеонастическое *da* в жмудском, вероятно, сюда не относится, а соответствующие русские *да, та) da*). Таким образом эти ученые в обоих глаголах видят

boti, который и точно есть с тем же значением, как и сложные; у Доналейтиса: *pe bok* в смысле не-бось, не заботься об этом, „не дбай на то“. Но позволительны вопросы: не есть ли *daboti* прямо дбати по старинному выговору с ъ: дъбати? не есть ли *atboti*, в коем смысла предлога *at* не чувствуется, то же дбати с эвфоническими *a*, быть может, как говорят по-немецки „mit Anlehnung an die Präfix *at*“; наконец, не есть ли самое *boti*, *boja* неправильно сделанное отвлечение от *atboti*, осмысленного в *atboti* и *daboti*?

Требовалось бы фактов для доказательства туземности предлога *da* в литовском. См. дбати и литовское *dabinti*, польское *ozdobić* и пр. [в латышском *da* в *da-iiti* = дойти (*i* = *ia* с ударением на *i*), литовское *daeiti*; *dabuti* — добыть что, *dabúti* — добыть до известного времени, латышское *da-nākt* — *hinkommen*, кроме последнего, — могут быть заимствованы].

От слитно в наречиях.

На меже между раздельным и слитным употреблением стоит *от* в наречиях: отселе, откуле, откуль, откуда, откуду, откудова, откудъ; оттель, оттеле, отсюда, отсюду, отсюдова, оттеда, оттоль, оттуда, оттуль; отвнурь, отвне, отдали; оттого, отчего; сербские одакле, оданде, одатле, одасвуд, однекуд, одолен, одсвакле, одсвакуд, и пр.; одоздо, откале, отле, отоле, отуд; отпре, отпрво. В старославянском постоянно с ъ: отъждоу и пр. В сербском одвећ, одвише. „Лагодъ коні! Та коні вже від-коли готові! Лиш сидати“ (Федькович); „Доста я відногда (уже с тех пор, уже после этого) до його серце стратив, а тепер щоби його таки й не видіти“ (уже вперед бы и видеть) (*ibid.*). Від-так (от той поры, как) после этого, далее, затем: „Господь погрози́тця, а віттак і обернетця, і вже добрий“ (*ibid.*); „Клонюся вперед богу святому, віттак вам, честний брате“ (*ibid.*); „Музики пішли уперед, за ними повелі мої сестри стороньских дівок; віттак пішли другі музики, з за ними рушили парубки“ (*ibid.*).

б) Слитное употребление

а) Удаление *от* чего.

аа) В существительных значение отвлеченных имен видоизменяется направлением, обозначенным посредством предлога: отбег (отбеганье), отбеги, отход (отхождение — и место) отрасль (растущее *от* и выросшее *от*), отросток, отвес (висящее *от* чего вниз; ср. отвисать). Если первообразное конкретно, то сложное с предлогом получает значение предмета второстепенного, меньшего, чем тот, от коего отклоняется: отверхек реки — приток при вершине; о[т]врага — одна из ветвей, сходящихся в главный овраг; отрогъ — отсоха рога, побочный горный кряж; отвалина — отсоха вилы, кряж, ветвь; отгривок — ветвь гривы, т. е. невысокого горного хребта; открылок, отлапок — боковая лапа; отмель — собственно мель, идущая от другой, т. е. от берега, польское *odmiał* значит именно *odbrzeźna mialkość*; отного хребта, столба (подпора или пасынок); отного дерева — побег от корня; польское *odnoga* — корень, идущий от главного, рукав реки, залив морской; отнорок — боковая нора; отплесье, отплесок — боковой разлив плеса, а отплесье — подводная нога (идущая от плеса); отсошка; отзимье, отзимок — позимки, пазимки, последние морозы после теплых дней, польское *odzimie*, *der Nachwinter* — *rozimie* (то, что остается от зимы); отльѣкъ.

Отóса, отосъ собственно могло бы значить боковая ось, но значит „идущее от оси“, веревка от конца передней оси к концу оглобли;

польское *odosa* — *część od osi wychodna* (bywają *dębowe, brzozowe*); отпечаток, что идет (происходит) от печати в смысле печатанья.

Отрокъ: 1) отрокъ — мальчик (старше, чем дитя, младенец; старше, чем юноша); 2) в летописном языке — один из дружины (младший), с чем ср. постоянный эпитет в украинском „джура малий“ — слуга. Старославянское отрокъ — то же и раб; хорутанское *otrok* — дитя; чешское *otrok* — только раб, наемник; лужицкое *wotročk* — паробок, особенно *Grossknecht, Oberknecht*, но другие производные предполагают в *wotrok* значение раба. Польское *otrok* (старинное — мужчина в противоположность женщине; однако *otrocze* — отрока). Относительно связи представлений мальчика и раба ср. готское *thius* (тема *thiva-*) — раб (древнескандинавское *thion* — сравнивают с *tiunъ*; сюда же *dienen*); по Боппу от санскритского *tu* — расти, стало быть, первоначально — мальчик, как готское *shagus* — мальчик, древне-верхненемецкое *magad* (*at*), новое *magd* — *puella* от санскритского *shah* расти (Ворр, *Grammat.*, III, 372). Наоборот, уменьшительное от польского *chłor* — *chłорієц* — мальчик. Подобно этому — робл от робъ. В литовском *berpal* паробок (работник), потом — „мóлодеу“ в смысле украинского, польского „*chłорієц* — хлопец“ предполагают значение „мальчик“, сравнивая с скандинавским *barn* или считают заимствованным отсюда (Nesselman, *Wörterbuch*). Древне-верхненемецкое *chnecht* — *puer, servus, miles* относят к *gan* (санскритское *jan*) *generam*; ср. *кпарре*.

По Миклошичу (*Lexicon*) отрокъ из от — предлог и рок, собственно *niemowlę, infans, qui dari nequit*. Юнгман не принимает подобного этому мнения Добровского на том основании, что в старославянском после *от* нет *ъ* (в полабском имеется *wratrik* — раб, сын, между тем как предлог *отъ* предполагает форму *wit*). Что до первого, то во многих случаях *ъ* в *отъ* перед *р*, частью перед другими звуками, не пишется (см. Miklosich, *Lexicon*; у Востокова например: „отврѣсти“, „отврѣсти ся от рода“); что до второго — ср. украинские *од* и *від* в одном и том же говоре, между тем как изменение *о* в *і* в украинском, вероятно, превосходит правильностью подобное (только отчасти) явление в полабском.

К этим возражениям можно прибавить еще столь же слабое, что в чешском, польском, хорутанском *отрок*, а не *одрок*, как можно бы ожидать, судя по предлогу *од*: этот смысл слова мог быть потерян раньше ослабления *д* в *т*. Важнее то, что, хотя отрицание представляется удалением от предмета, согласно с чем после глагола с отрицанием ставится родительный предмета, от которого удаляется отрицаемое действие, но тем не менее не видно других примеров, в коих *отъ* имело бы значение отрицания, как предлог *у*.

Отрубъ — перхоть; отруби — *furfur*, старославянское *отрѣби*, польское *otręby*, старое *otrębinu, otrębunu*, чешское *otruby*, хорутанское *otruby*, верхнелужицкое *wotruby*, нижнелужицкое *wotrubi*. Объяснение: „отрубленное“ (Юнгман) более вероятно, чем сближение с „тереть — тереться — трѣбити“, причем отрубъ значило бы и этимологически то же, что потря, или *о-тереби*. Об отсутствии *ъ* в старославянском и *д* из *т* в других наречиях см. выше. Верхнелужицкие *wotrubanki* — трости, щепки — подтверждает предположение, что рубить, как рушать, имело некогда более широкое значение, чем теперь — именно: *толочь, драть, рвать*.

Отрядъ в нынешнем значении части войска (отдел, отряд), отряженной вперед или в сторону. Отряжать — в этом смысле (Ипат. лет., 127, 35).

бб) Глаголы действительные с *от* (*отъ*) — действовать по направлению от — удалить посредством действия, обозначенного беспредложным глаголом, причем *от* (*отъ*) противопоставляется предлогам *до, за, при*:

отгорнуть (горт), отогнуть, отодвинуть, отдалить, отклеить, отклонить, отвести, отнести, отнять, отомкнуть, отпрячь, отслонить, отбить (например бочонок), отобрать, отбросить, откинуть, отогнать, отправить [кого (направить от)], отборонить (защитить от чего), отгородить [что от чего (часть от целого)] — с последним сравни: отгрызть, откусить, отодрать (что от чего), отжечь (часть чего), отжать (например руку), отколупать, отломить, отжить (несколько), отлить, отбавить, отварить [собственно удалить посредством варения известную часть варимого (см. отвар, собственно отваренное, например от мяса)], отведать (чего — новгородское, также и украинское одвідати кого — навестить на неопределенное время), от[т]ворить (так пишет Даль согласно со старославянским от-творить, как украинское од-чинити, литовское at-waryti, немецкое auf tun, и, стало быть, отлично от сходного по значению odewrzeć, отъврѣти); противоположное — при-творить, за-творить.

Отгадать (противоположное за-гадать) как бы гаданьем — мыслью открыть. Отговорить кого от чего — словами удалить от намерения; болезнь удалить заговором. Отворотить кого от чего, отвратить.

Глаголы возвратные с *отъ* = удалиться или отделиться от чего посредством действия беспредложным глаголом: удалиться от кого, чего, отбожиться, отмолиться, окреститься, отбиться, отнекаться.

Глаголы средние: отлететь, отойти, отбежать, отстать (стать вдали от), отступить и отступиться, отгореть от, откоснуться от, отстоять (стоять вдали от), отбывать от работы, отбыть куда, отбыть что (на панцину в украинском; бытjem, житьем удалиться, отделаться от).

В современном русском после подобных глаголов ставится родительный предмета, от коего направлено действие или отстоит состояние, обыкновенно с предлогом *от*. Такое повторение предлога здесь, как и в других случаях, хотя и общеславянское, но позднее беспредложного родительного. Ср. старорусское „се... отхожу свѣта сего“ (Лаврент. лет., 69, 28); „Отпаденъ ангельского житья“ (ibid., 38, 13); „Якунъ ту отъбѣже луды златоѣ“ (ibid., 64, 14, 15); „отдати болѣзни (родительный), отдати гнѣва“ и пр. (Ипат. лет.); „отступитъ кого“ (ibid., 28, 32 и др.).

Украинское „чобіт одбігти“ (убежать, оставивши чоботы). Редко без предлога — „отречься чего“; „одвідаю роду“ (Метлинский, 244); „Одвідаю кохання свого“ (= свою милую) (Костомаров, Песни). В старорусском „того не отступаю“ (Новгор. I лет., 45, 20). В юридических актах XIV—XV вв. „отступалися Васильевы земли“; „ждать друга — отбыть плуга“ (пословицы XVII в.); „Добрыня того не отпирается“ (песня); „отчаялся жизни“ (XVIII в., Буслаев, Граммат., II, 289). В старом „отъчати ся живота“ и пр. Так, в старославянском отръгнѣти ся, отръяти, отъбыти, отъбѣгнѣти (отъбѣжати), отъвести злаго обычая; отъвести душу любве и мн. др. — без различия залога (см. Miklosich, Lexicon). Так, в сербском „одрећи ся, одметнути се бога, одбјећи кого, оджахати коња“ (слезть с) и др.; польское *obiec czego, odomrziec kogo* (умерши оставить) и др. То же сочетание остается и при именах отглагольных: „по отшествіи сего свѣта“ (Лаврент. лет., 63, 3).

В литовском *at* с таким же значением: *atdaryti* — отворить, *atdengti* — aufdecken, *adimiti* — отнять (*wegnehmen*), *atlankyti* (по предлогу = украинскому одвідати), *atplėszti* — оторвать, *aufreissen*. *At-si-drės-ti* собственно „дышать от“; т. е. отвне (набирать духу), или изнутри (выдыхать): 1) *Atem schöpfen, aufatmen*, польское *oddychać* = просто дышать; 2) отвести дух, перевести дух, отдохнуть; польское *odetchnąć, sich erholen; atstoti* — отстоять от, отстать, *atverti*; польское *odewrzeć, atstas* — отстоящий, в смысле далекий.

Отгрызка — выговор, обратно данный. Отгрыза — грубиян.

б) Предполагается говорящим, что уже раз совершилось движение по направлению к предмету, вследствие чего предлог *от* получает значение обратно, взаимно: „възвы волчьскы, и отвыся ему волкъ“; „Позва Всеволодъ Новгородьцѣ на Чьрниговѣ... и Новгородьци не отпърѣшася ему, идоша“ (Новгор. I лет., 23); „Оже есте мой Городецъ пожгли и божицю, то я ся тому отъожгу противу“ (Ипат. лет., 70, 3). Так и в современном языке: „отвыться“ — вытьем ответить на вытье; отверстать кому что в смысле отплатить; отомстить; отворотить кому долг — возвратить; ответить, украинское одказати, сербское одговорити, польское odpowiedzieć; отдать, отдарить, отслужить, отзываться, откликаться („отмалчиваться от“ — не сюда, а к пп. а, бб — отделяться молчанием). „[Она дала то-то,] брат їй знов відда-рувався крамськими чобітьми жовтими“ (Федькозич, 14).

Так как первоначальное значение предлога (например *отъ*) остается в этих глаголах назади, то при них уже не встречаем ни беспредложного, ни предложного родительного предмета, от которого направлено движение, но видим постоянно дательный лица или винительный с *на* — предмета, к которому направлено движение. Так и в других наречиях, например в польском odpowiedzieć, odrzeć komu со, пасо; в чешском odprovidati komu пасо v. k čemu, в сербском одвала: „гора је одвала (der Rückfall, recidiva) њего повала“ (Караџић, Рјечник, 441).

Литовское at-dūti — отдать, отдавать; at-raszūti — отписать, письменно ответить; at-liėpti — отвечать на приказание, откликаться, отдаваться (о звуке) и пр.

Вероятно, упомянутым выше преобладанием значения цели над основным значением исходной точки в таких глаголах, как отдать, может быть объяснено, что в литовском *at* имеет также и значение славянского *до*, *при*: atbėgti — прибежать; ateiti — прийти (сербское доћи); atlėkti — прилететь, сербское долėtjeti; atnėszti — принести, сербское донети, донajети; atvēsti при новосербском довести; в латинском *ad* слитно, в немецком *her*. NB. Следует отличать от этого значения русского и других *до* в „донести *до* чего“, где *до* = немецкому *bis an*. Латышское a-tīt (*i=ia*) — hergehen, at-braukt — herfahren (Bielenstein, 245).

Отрада — утешение, на чем душу отводят, не прямо радость, а скорее успокоение, перерыв в страдании: „только и отрады, как боль немного отпустит“ (Даль, Словарь). Украинское: „нема мені одрадоньки од мого нелюба. Нема мені одрадоньки ні д'отця, ні д'неньки; сушать мене, в'ялять мене мої вороженьки“ (Метлинский, 253). Скорее: „нет покою, не перестаю терпеть от...“, чем „нет радости“. Старославянское от (*v. отъ*) рада — relaxatio, solutio, venia — облегчение, прощение, вероятно, в смысле послабления. Отрадити, relaxare, облегчить, оставить (или отпустить, именно столько-то дней, дать срок, льготу), сострадать (с точки зрения следствия сострадания, т. е. послабления для страждущего). Радити, конечно, не в значении как русское „радеть“, или украинское радити, польское radzić — советовать, а в значении делать, так что отрадити, собственно от-чинить, как противоположное глаголу причинить боль, болезнь, горе. Ср. польское odczynić szary (сербское чини) — уничтожить, собственно действовать в направлении, противоположном тому, в каком чинены чары. Ср. также несколько отличное по значению reficere se, recreare.

в) Как опять — латинское *re*, немецкое *wieder* от значения обратно переходят к значению снова, вторично, так и славянское *отъ* слитное. Такое значение явственно, например, в польском odmłodzić,

чешском *odmladiti* — опять сделать молодым; польское *odbudować* — выстроить вновь; *czytać i odczytywać* — читать и читать вновь, читать и перечитывать; *odżyć* — ожить, стать вновь живым; *odroda, odrodzenie, odrodzić* — возрождение, возродить; *odrosnąć* — вырасти вновь. Столь же явственно это значение в литовском *at-gyti*, снова ожить, снова стать здоровым [хотя и беспредложное *gyti* — польское *goić się* — заживать (о ране), выздороавливать]; *atszilti* — отогреться, снова стать теплым, оттаять; *atkartoti* — повторять, вторично пахать (хотя по Нессельману и *kartoti*, собственно, „разовать“ от *kaĩtas* — крат, раз, значит пахать вторично); *atmalti* — молоть вторично, молоть так, как прошлый раз; *atminti* — вспоминать, вторично приводить на мысль (*minti*, этимологически = мнѣти, значит думать о чем, помнить). В русском такое значение предлога тоже заметно: от живок — ветка, выросшая на срубленном или высохшем дереве, от жив — выздоровление; отрасти — вырасти вновь (например о скошенной траве, о стриженных волосах).

Отвращивать (у Даля отмечено южным) — пахать и засеивать поле вторично, не покидая его под залежь.

Не ясно, есть ли мысль о вторичности в следующих:

Оттаять (не совсем растаять); откроветь — отмокнуть, отстать („корка каши откровела от стенок, река откровела“, т. е. лед по реке стал мокрым, покрылся водою); отмякнуть, стать мягким (опять?);¹ отсыреть, стать сырым (опять?); отжиденеть, отжидеть, стать жидким (вновь?); отстроить (вновь? или только прямо выстроить). Когда говорят, что спички отсырели, то не думают при этом, что они и прежде были сырые; например свежий табак — сырой — засох, потом отсырел. Отсюда видно, что представления вторичности может и не быть. Отволгнуть, отволожить — стать или сделать влажным, с чем сродно украинское *од'лига*, курское *отлыга* — оттепель, польские *odwilga, odwilż, odwilgnać*, чешское *odvlhnouti*, сербское *одвугнути*, хорутанское *odvolhnuti*, не непременно *wieder feucht werden*, а и просто *feucht werden*. Оттепель. Отвымнеть — о вымени: налиться, набухнуть; представляется ли, что вымя тогда только и есть вымя, когда полно, так что отвымнеть — снова стать выменем? Везде после глаголов п. в нет следующего *отъ* с родительным; очевидно, неуместен и дательный лица.

г) Удаление *от* известного действия или состояния может представляться его окончанием, прекращением, состоянием, противоположным тому, какое обозначено глаголом без предлога: отбагрить — окончить багренье; отбороноваться, — окончить бороньбу; отговориться; отгодился топор — уже не годится; отжить, перестать жить в собственном смысле (умереть) или переносном (перестать жить полною жизнью). Девуца, выходя замуж, говорит подругам: „отгуляла я с вами, отпрохладила“; „Отзвонил, да и с колокольни прочь“; „Отгуляли святки“; украинское „одгуляли святки“ и мн. др. Старославянское *отъалкати*. „Трясея земля... въ обѣдъ, а ини уже бяху отъобѣдали“ (Новгор. I лет., 45, 26). Хорутанское *odslužiti* — перестать служить; польское „*odmówić pacierz*“ — проговорить; *odechcieć się* — отхотеться, перехотеться, *odboleć*; чешское *odmluviti, odspívati* и пр.; латышское *atstāwēt* — zu Ende stehen, abdielen; прусское *et-wipūt* — извинить (Pott, I, 257), т. е. уже не винить более, или *отвинить, удалить от вины. Напрасно Даль считает неправым

¹ Сербское *одмекнути* = хорутанскому *odmeknoti*, 'русскому оттаять, польскому *odmieć*. Отмель.

употребление отмерзнуть, например о земле, в смысле оттаять, отойти. Собственно это значит перестать быть мерзлым. Так и в сербском одмрзнути, хорутанском odmerz pòti.

Старославянское отльѣкъ — остаток, собственно, что остается от чего, литовское *ât-liekas*, *-ai* (мн. ч.) — остаток чего.

Прекращение действия может представляться достижением известного результата. Откормить, отпоить значит не только перестать кормить, поить, но и выкормить, упитать; отъесть — окончить еду; отъесться — подобреть от еды.

Литовское *at-si-ĕsti* — нажраться до отвала (о животном); *at-si-gĕrti* — напиться вволю, до пьяна.

Само собою, что *от* при одном и том же слове может иметь многие из приведенных значений, например отписать и т. п.

§ 2. Предлог до

а) Раздельное употребление

Во всех наречиях склоняемое слово ставится при этом предлоге в родительном, и только в сербском и в именительном.

1. а) Направление к крайней, ближайшей к говорящему, точке предмета, доходящее до самой этой точки, но не захватывающее предмета; „дойти до города“ — до пределов, не переходя за них; это значение строже всего выдерживается в русском народном (за исключением говоров, находящихся под влиянием украинского) и в литературном.

В украинском *до* ставится в известных случаях и там, где в русском *в* с винительным, *к* с дательным: „Пійшла мати до (в) Києва“; „не ходи до сіней, а іди до хати“ (Метлинский, 2). Так, уже в Ипатьевской летописи: „Устремишася побѣгнути до дѣтиныца“ (Ипат. лет., 199); „Иде Воишелкъ до Галича къ Данилови князю“ (ibid., 201); „бѣжа до Гиньска и ту живяшеть“ (ibid., 201); „посла по брата свого... до Полотьска“ (ibid., 201); „До броваря дрова таскати“ (Котляревский, 121).

В Ипатьевской летописи часто: „Одва убѣжа Василко до города“ (Ипат. лет., 102, 4); „дщерь отда... до Холма“ (ibid., 101); „Со посла до Нальщанъ по свою свѣсть“ (ibid., 201, 25); „Не буду до суду, до віку“. До суду — до самого суда (причем суд исключается); до віку — пока век (век включается). Ср. польское *do szeŝny* и в грамотах XIV, XV вв. постоянно, например „быти намъ съ тобою за одинъ и до живота“ (т. е. до смерти); ср. польское *dożywocie* — по жизнь. Народное до долу, до дому (русское долой, домой — отлично от до дому до долу). „Приѣхали до (к) Марусі три козаки в гости; ідіт, хлопці, до мене (ко мне); ходім до (к) попа, нехай звяже руки“. В русском очень редко вм. *к*: „повезли его до князя Владиміра“ (Буслаев, Граммат.², II, 269); „Я пришел до (к) вашей милости“; „я до (к) тебя с просьбой“ (Даль, который напрасно приравнивает эти выражения к тем, где *до* — относительно, см. ниже). Такое распространение значения *до* (*usque ad*), повидимому, относительно ново; в старославянском ни Востоков, ни Миклошич не приводят ни одного примера, согласно с украинским; но в сербском, чешском, польском, лужицком — согласно с украинским, сербским „отићи до града, слати до кога“ (Даничић, I, 153, 154).

Западные наречия гораздо последовательнее украинского в замене *в* (*въ*), *к* (*къ*) через *до*: чешское *do koryta vlezti*, польское *do kąta* — в куток; *do lesa*, польское *do lasi, do łąga, do djabła* (украинское „вовка в плуг, а він — к чорту в луг“); польское *mówić do kogo*; лужицкое *do někoho гуёё* = украинскому говорити до кого (кому, к кому); по-лужицки *do*

boha věříc — старославянское „до святыхъ не вѣруешъ“ (*katá svyatýchъ; katá* — где в значении направления к цели, отношения к); „хоуливъшюмоу до сѣго доуха“ (*elc*); восточно-украинское — в бога, как в чешском, польском и пр. В польском согласно с этим и наречие *dokąd* — значит куда, а не то, что русское докуда, чешское *dokud, dokad* и пр.

б) В украинском после многих глаголов, сложных с *при*, стоит родительный с *до*: привязати коня до прикорня, до якорня, „до берестонька“ (Метлинский, 19); „прислхити до чого“ (привязать — в галицийском); „пригорнути до серця“. Так и в польском; здесь, впрочем, *до* вовсе не непременно условлено предыдущим *при*: „в'яже коня до ялини“ (*ibid.*, 91); „горне до себе“; „пристало серденько мое до твого“ (*ibid.*, 6); „до морозку ніжки приникають“. Так и в польском. В русском в обоих случаях *к*.

в) Пребывание в пространстве, простирающемся до известного предела, не отличается от движения, направляющегося до чего, потому что если не движется пространство, то движется по нем глаз и мысль. Таким образом выражения: „сверху до низу, от земли до неба“ одинаково могут означать и пределы движения и пределы пребывания. То же относится и к переносным значениям предлога *до*.

2. Время представляется пространством. Пределом действия и пребывания во времени может быть отвлеченное обозначение времени или конкретный предмет, действие, состояние: с трех до пяти часов, с утра до вечера, от зари до зари, до самого обеда, бить до крови, есть до-сыта, пить до-пьяна, испугаться до-смерти; украинское — з вечера до ранку и т. д.

а) Согласно с основным значением, *до* чего — о времени, значит раньше чего: до свету — когда еще не светает, относительно украинского *досвітки*, — пора до рассвета, сходки на работу до света, ср. чешское *do svasnů*, польское *do czasu* — временный, довременный, противоположное — вечный; верхнелужицкое *do czasu* — преждевременный; о счете: до десятка, не включая десятого счетом, стало больше — меньше десяти, не известно на сколько (около десяти — значит по сю и по ту сторону, следовательно, и больше десяти); до третьего разу, например, спустать — два раза, а за третьим — наказать.

Из этого общеславянского значения развивается сербское *до* — кроме (Даничић, I, 162, 163); в этом смысле *до* как наречие при именительном падеже (*ibid.*, 163).

б) Включая самый предел, до коего что простирается: „и поидоша ониполовици и до дѣтій“ (= тогобочные пошли всѣ, не исключая дѣтей) (Новгор. I лет., 37, 1); „изсѣкоша вся отъ мужьска полу и до женьска“ (*ibid.*, 52, 7). Старое и современное „от мала до велика“ со включением великих [кажется, сюда же русское областное „приходи до недели“ — через неделю (Даль, Словарь)]. Неясно: „хракнуть кровію чловѣкъ и до три дни бывъ да умереть“ (Новгор. I лет., 58, 24) три ли дня, или до третьего дня; а относительно отсутствия родительного падежа при предлоге ср. ниже сербские и русские выражения наречного значения, как *поконец* в значении местного]; „Всѣ до одного“ — со включением и его. Особенно развито это значение в сербском. „... Сви до једнога, све до новца“ (до последней копейки, со включением и этой); „свуче се до кошуље“, русское „до сорочки“ (т. е. оставивши сорочку на себе), „до нага“; также и при числительных, которые ставятся в форме именительного. Винительный (но, очевидно, по смыслу не в именительном): „до два, до три пута“ — два, три раза; „служи га до двије године“ — два года: „ова свадба — до петнаест дана“ (Даничић, I, 154, 155, 159).

В русском „до веку“ — пока тянется век, во всю жизнь (= во век, а не до начала веку, как в „до свету“); в украинском „до віку“ (в „до суду, до віку, — например, — не буду“, — где до суду в первом значении, т. е. до начала суда) соответствует значение предлога в сербском „до живота“ — по жизнь, в течение всей жизни; наречия: „до брзо“, „до скоро“ — вскоре и пр. (Даничић, 158, 159). Ср. польское „cztery posly do roku“ в год; чешское „jednou do roku, do tehodne“ — раз в год, в неделю. Сербское „до вечер“ — на вечер? или ввечеру. „Что тяжкого товара всякого, до железа и до мѣди, не тягли бяхуть отъ множества всего того вывозити“ (Ипат. лет., 26, 31).

3. Предлог *до* в значении *usque ad* (за исключением того, что цель служит пределом, но вплоть до него) употребляется в смысле назначения к чему. В русском здесь — к. „Это не до дела“ — не к делу, отмечено у Даля западным и южным. В украинском: „взяла невістку да й не до любові“ (которой любить не может) (Метлинский, 286); „любі милі до розмови“ (ibid., 10); „Немає такого. Нема до любові, нема й до розмови, й до серденька мого“ (ibid., 14); „Тільки ж мені до любові, що чорнії брови“ (ibid., 18); „одно дному до парі“ (= до пари); „Жупанина... пошита до діла“ (ibid., 38); „не до діла“ — не к делу, не хорошо.

Отношение кушанья к приправе, причем представляется, что кушанье для приправы, а не наоборот: каша до масла (к маслу, с маслом); курка до соку (с соком, кислою подливкою); до сахвору (род соуса, польское *sarog*, приправа, лакомство; с латинского — вкус); чай до прикуски (в прикуску); „Свинячу голову до хрїну“ (Котляревский, 11); „Був борщ до шпундрів з буряками... Потім до соку каплуни“ (ibid., 138); „Ягні и до сохворку кури“ (ibid., 178). Сюда: „Мені не до соли“ — не по себе, неприятно, как не соленая пища. Однако совсем другое объяснение этого „не до соли“ в следующем: „не до поросят, коли свинью смалять“ (Номис, 196, № 10075—10076; ibid. — ссылка на Южнорусск. словарь Шейковского, 34).

Сообразность с целью. Уже в вышеприведенном примере (Метлинский, 14): „Нема... до серденька мого“ *до* = не *к*, а *по* (сердцу). Согласно с таковым значение в следующем: „Хоч ти знайдеш в червонім намисті, та не знайдеш такої до мислі“ (ibid., 111); „до смаку“ — по вкусу, польское *ani do tańca, ani do rózafca — ni do czego*, украинское „ні до чого“ — ни к чему (гадкое); *filizanka do kawu, do gustu* — по вкусу, *to mi do twarzu* — к лицу; ср. украинское „люблю, мати, того Гриця, що на конику вихряться, бо він парень до лиця“ (Лавренко, 29). Чешское *člověk i do rady, i do zvady, do všeho*; украинское до всего. Лужицкое *sklanka do wodka, kop do woza*; „до боярь ласковъ“ (Лаврент. лет., 199, 28).

4. Относительно; касательно. „Діаволь... вложи князю грѣхъ въ сердци, гнѣвъ до Тврьдислава“ (Новгор. I лет., 38, 9); „не мыслиль есмь до Пльскович груба ничего же“ (ibid., 43, 8).

До с винительным — относительно. „До нас ты, сестрица, сжаловалася“ (и просила) (Барсов, 138); „Ты не спацьлива до брата была милаго, Не желанна до сердечных была племняток“ (ibid., 138); „Не ласкова, не упадчива до...“ (ibid., 71). Русское „каков кто до бога, таково тому и от бога“, „что кому до нас?“ — какое кому дело до нас (Буслаев, Граммат.², II, 269). Что до меня (касается), то — *quod ad me attinet*; украинское „він до мене добрий; звичайний до кого“ — вежлив относительно; „ти до сих бідних козаків-нетяг хоч злая, да-й обашна“ (Куліш, I, 203). Так и в сербском (Даничић, 161, 162), польском, чешском.

Сюда, кажется, можно отнести украинское „рівняти до чого, рівняй до чого“: „цвіт калину ломала, до личенька рівняла: чи буду я така, як калина.

жаркѣя“; „завивайличко білее та біленькеє, до паніру рівненькеє“ (Метлинский, 207); „Цирцея, люта чарівниця і дуже злая до людей“ (Котляревский, 120); „Обиды ти до него нѣгутъ“ (он тебя не обидит) (Ипат. лет., 120, 30); „Аже оучинить Роусинъ насилье въ Ризѣ или на Гѣтьскомъ бѣрѣзѣ надъ вольною женою, а дотолѣ не слышати бѣло до нее лихого, оурока за то Г гри сѣрѣбра“ (после 1240 г., Срезневский, Памяти., 224).

б) Слитное употребление

1. Отметим сначала слитное употребление предлога *до-* в наречиях.

а) С явственным родительным: доволи (откуда — довольный), до́вѣку, до́верху, до́низу, до́упли, до́зги, до́ сыть — польское *dosuś*, чешские *dost, dost', dosti*. Ср. в старом русском кроме собственного значения и в переносном. „Ту ихъ досыти паде“ (Новгор. I лет., 17, 11); „И не ту бы того досыти зла“ (*ibid.*, 50, 12); „и недосыти бы зла, нѣ еще болѣ того“ (*ibid.*, 44, 7); до-сыта, сербское доста, верхнелужицкое *dosyta* (только в собственном значении — „do syteja wole so najesć“); до-гла, до сѣд сонця (родительный мн. ч.), по обід, задобід.

б) До з дѣ, до к а лѣ, доколѣ, докуда, докуль, дондеже, донелѣ, досель, досуль, дотоль, дотуль, до этуль; украинские доки, доти, досі (см. у Миклошича и др.).

в) До ны нѣ, допрежь, доднесь. „До бела лица, голубко, принабилисья, До ала да ты румяны нарумянишься“ (Барсов, 200).

2. Укажем слитное употребление предлога *до-* в глаголах.

До- при глаголах сообщает им смысл достижения известного предела и тем самым окончания действия. Формально это последнее значение может быть представлено совершенным или несовершенным, конкретным или более-менее длительным. Предмет, служащий пределом действия, состояния, выражается или родительным без предлога или родительным с *до-*, или винительным.

Если кроме предмета, подлежащего действию, как непосредственного предела действия, обозначается и тот же предел (последствие действия), то первое дополнение ставится в винительном или родительном без предлога, второе — в родительном с *до-*: „допеть песню до конца, доглотаться снегу до болезни“.

Второй пример есть образец сложных с *до-* глаголов средних в форме возвратных; при них, само собою, может стоять только родительный с предлогом или без него.

а) Из сравнения с украинским и другими славянскими языками видно, что частое употребление винительного при глаголе с *до-* есть русская особенность. Ср. русское добить гвоздь по шляпку, добросать стожок, догрести сено, догрузить судно, договорить сказку, догрызть корку, дожать ниву, дожечь свечу, докидать стог, долить, досыпать бочку, докурить трубку, допеть песню, доестъ хлеб, доносить платье. В украинском „додержитъ Ляшок слова“ (Метлинский, 9); „наздожену молодости в калиновім мості“ (*ibid.*, 254); „долити чарки, слізми моря; доповняти, досипати миски“; „А вже ж мої руки да й дознали муки; А вже ж мої ноги зазнали дороги“ (Костомаров, Песни, 277); добити сторонки (в клуне), довершити стіжка, догребти сіна, доказати казки, дожати по-статі, ниви, докурити люльки, доспівати пісні, доносити сорочки, доїсти хліба и пр. „І, дослухаючись поради, цїшком все землю колупав“ (Котляревский, 51); „Щоб не дойти лихої долі“ (*ibid.*, 74).

Польское *dobrać miary, dna, budować domu, dochować majątku, wiary, dociągać łuku* (= лук), *dodać sznuru* (подать веревку, т. е. не часть, а всю), *dozierać słowa, doglądać dobytku, dognać zagopu* (об оранье),

dognać roli, dojeść konca soli, doklepać kosy (Метлинский „доклепать коси“), dokonać czego (совершить что), dolożyć pracy, wierchu, domierzyć kresu życia, domówić pacierza, dopalić drzew, dopędzić zagону (об оранье), doorzyć ostatku, dopieć kapłана, dosłuchać bajki, dosłyszeć wołania, dostroić skrzypków, dotrzymać słowa, donosić żywności, komu dokąd dowieść, dokonać, dokazać czego.

Сравнительно реже винительный: donosić plód od czasu, dojeść potrawę, dokarmić dziecko, dokoićcaż most (и родительный, например, zimy). В украинском и здесь родительный. В чешском: dopeci chleba, pasche; dodati chuti k jedlu; dodělati praci, dodržeti slova; dokazati, dovesti čem; doměřiti cile (достигнуть), donášeti vina, dopiti miry, ostatku, doslyšeti slova и мн. др. Однако, кажется, чаще, чем в польском и украинском — винительный: dočesti knihu (в украинском и польском — родительный), domalovati obraz (в польском — винительный и родительный), domlatiti žito, dopáliti vapno, dopsati list (в украинском — везде родительный), doslyšeti radu (в украинском и польском — родительный).

Винительный при этих глаголах в русском и отчасти в других указывает на то, что в родительном при тех же глаголах в украинском и других не следует искать значения количества или части. Это значение может быть или не быть; первоначально же родительный без предлога зависит от до-, сложенного с глаголом. Разница между русским „догрести сено“ и украинским „догребти сіна“ не та, что в первом [подразумевается] все сено, а во втором — часть сена, а та, что в первом сено представляется прямым объектом, а во втором — пределом действия; догребти сіна значит собственно грести до (конца) сена. Свойства действительного глагола при сочетании его с родительным предела вовсе не обнаруживаются, и такие выражения, как „догребти сіна“ совершенно уравниваются с такими, где винительный предмета не может стоять по самому значению глагола, например дожить веку, т. е. жить до (конца) веку. С исключительно русской точки зрения родительный добываемого предмета при глаголах добыть, достать [добыть денег, хлеба; „достали нот, баса, альта“ (Крылов)] представляется родительным части, количества, так как при тех же глаголах, если речь о целом, ставится винительный: доставать хлеб, оброк, добывать медь, золото. Однако в украинском не только „жупанів добувати, слави добути“, где можно предполагать значение части, но и „города добувати“. Старое русское „Переяславля добыти“ (Лаврент. лет., 141, 15); польское *dobyć miasta, zamku* (взять), *szabli* (обнажить), *chustki* (вынуть) — *kogo, czego* — освободить откуда. Подобным образом родительный и в чешском. Отсюда видно, что первоначально значение „бытьем приобрести“, предполагаемое вышеупомянутым польским, представлялось как „быть до“ (до приобретаемого предмета) и что первоначальный родительный в „добыть хлеба“ означал не часть, а предел.

б) В современном русском литературном и народном языке в глаголах средних с до предел движения в пространстве и предел времени уже редко обозначается беспредложным родительным: достигнуть хижины (Буслаев, Граммат., II, § 254) и до чего, досягнуть кого, чего и до кого, чего. Дожить веку; и до веку; но уже только с предлогом — дойти, доехать, докинуть, доползти, донести, дорости до чего. Чаще родительный без предлога в переносном значении предмета или результата, добываемого действием [„доступить день жарок“ (Даль)], особенно при глаголах средних в форме возвратной (добиться чего, доискаться чего, дозваться, докликаться кого, добудиться кого), при коих ставится и до с родительным для обозначения дальнейшего результата: добудиться кого (составляющего предмет буженья) до того, что он встанет. Ср. договориться

до последствий, доглотаться чего до тошноты; современный язык различает „добиться чего“ (т. е. получить что, родительный предмета получаемого, достигаемого) и „добиться до чего“ (т. е. до известного предела, результатов); „добиться толку, добра, добиться до берега, до усталости“; но в старинном языке подобные оттенки не различаются и одинаково представляются пределом движения. Ср. п. а о пространственном—временном пределе: „дошедшу же ему Черные рѣки“ (Лаврент. лет., 9, 14); „Илюрикъ, его же доходилъ апостоль Павелъ“ (ibid., 12, 3); „не могутъ долѣзти двора моего“ (ibid., 54, 14); „Мя сихъ днєвъ грѣшнаго допровади“ (ibid., 100, 10); в языке XVIII в. у Буслаева (II, § 254, примеч. 2): „по ниткѣ и клубка доходить“; „возмутъ на ся прутье младое, бьуть ся сами и того ся добыють, егда влѣзуть ли живи“ (по Ипатьевскому списку: „одва вылѣзуть ле живы“) (Лаврент. лет., 4, 10); „доискася дружиною злата и сребра“ (ibid., 54, 23); украинское „сїє, сїє, сїва не доходить“ (Метлинский, 28); „Щоб нам не дойти сорома“ (ibid., 181); „Меншая сестра літ не доросла“ (ibid., 32).

Польское *dorospąć rozumu kogo* (= сравняться с); *jeden drugiego dorzucił kamieniem; dosiąć konia; dostąpić urzędowi; dotrwać starości; dobieć kresu; dobrać miary; dojsć miejsca* (и до); *dosiać czego* (в переносном смысле дойти до чего умом); *doczekać pociechy; dojeżdżać obozu; dolecieć słońcu* (и до...); *doleść drzewa* (и до...); *dopaść dna* (до дна); *dopatrzyć czego; dokończyć zimy; dogadać się czego* (до последствий); *dopić się śmierci, choroby; dopatrzeć się czego.*

Так и в чешском *dopásti zeme* (о падающем); *doběhnuti cíle* (к цели); *dojít (dojdu) města; dojeti Říma* (до Říma); *dorůsti let; dosisti kopě; dobrati se koho, čeho; dobýti života spokojněho* и пр.

В словаре Миклошича см. добысти, дозрѣти чего, дойти, доплоути, достигнѣти, дострѣлити, досащити, досочити са и пр.

В русском „доконати се чега, доћи чега“ и т. п. (см. Даничић, I, 102—107).

в) В некоторых глаголах родительный предмета, до которого достигнет действие, заменился другими сочетаниями, кроме упомянутого родительного с до и винительного. Именно: современное „донести кому о чем“ ср. с следующим: „А о невѣдомыхъ духовныхъ вещахъ докладывати насъ Патріярха“ (1642 г., Буслаев, Граммат., II, § 254). Ср. „доложить кому“. Подобным образом если б в русском употреблялось довести в значении доказать, как употребительно довод — доказательство, мы бы вправе были ожидать такого же сочетания как и в доказать, именно — что кому; но вместо винительного падежа в польском, чешском — родительный: *dowieść czego, dovesti čeho* (не только совершить что, но и доказать что). Досадить, докучить кому („преда кого“ — родительный, а не винительный).

3. Приведем примеры слитного употребления предлога до в именах:

Достремливый, дошлый (ума), дохожалый (ср. с польским *dosieć czego*), докука, досада (ср. доехать кого, донять кого, дойти кого), достоин, досуг, dokonанный, докон; украинское долуга — недолуга. [Слова с не-до. В летописном языке недоумение — помрачение ума: „и тако... вложи недоумѣние въ насъ, и погыбе много безъ числа людий“ (Новгор. I лет., 41, 7); „Коиждо собѣ сталъ бѣ въ недоумѣнии и страсъ“ (ibid., 52, 6).]

IV. Частицы: до же, до жи у Миклошича; даже.

IV. Эксотерическое сходство. Уже Юнгман сравнивает с немецким *zu*. С этим согласен и Миклошич. Готское *du*, в коем предполагаемое основное *d*, уклоняясь от правила, не перешло в *t*; древне-верхненемецкое *ziu*; англосаксонское *to*, со значением = греческому *πρός* (с вини-

тельными) и *εις*. В греческом этому *ди* может соответствовать частица *δε* в *οἰκόνδε*, *οἰμαδε* — домой (до дому). *Τροίαν-δε* (=в) *Ἀθηναίε* (из *ασ-δε*) — в Афины (Pott, I, 730). Литовский слитный предлог *да* совершенно совпадает со славянским *до*, но, быть может, есть только заимствование (см. под *отъ*).

§ 3. Предлог *проти*

Проти (областное русское у Даля), *проти-в*, *противо* (как первый член сложных слов), *противу* (как самостоятельное слово, и в сложении) — наречие и предлог; в последнем случае в старинном русском — с родительным и дательным, в современном русском — преимущественно с родительным и редко с дательным.

1) Отношение противоположения в пространстве: „изиде противу (наsupротив) Любчю, онъ полъ Днѣпра“ (Лаврент. лет., 61, 17); „стояша мѣсяць 3 противу собѣ“ (ibid., 61, 19); „Поставиша пѣлкъ противу ихъ“ (Новгор. I лет., 2); „Сташа въ лице желѣзному полку, противу великой свиньи, и тако поидоша противу себѣ“ (=навстречу) (ibid., 2, 3). В современном русском у Даля: „выдти бы к ним проти“ (*и на конце*) (=навстречу); „иди ты зверю против“ (=тоже); украинское „против вітру“ (родительный) (Куліш). Отсюда, между прочим, — *противный* — противоположный, встречный, неприятный, делающий напротив, наперекор; *противень*, угол в избе, противоположный другому; *против-ня*, *противница* — горница или холодная комната (*contradictio in adjecto: saminata*) — против избы, т. е. жилой.

2) Отношение возмездия в обширном смысле, как действия противоположного по направлению тому действию, которым оно вызвано: „приняли гость Новгородский въ Юрьевѣ... а Новгородци противу прияли гость Нѣмецкій“ (Новгор. I лет., 89, 23) (ср. ibid., 26, 24); „Воеводы Новгородскіа... по князя великого земли воеваша много, противу того, что князь воевалъ Новгородскыа волости“ (ibid., 113, 22 сл.).

Отсюда значение: „сообразно с...“ „Въспримъ противу трудомъ своимъ възьмездье“ (Лаврент. лет., 91, 27). В украинском „звичайний був против (=вежлив относительно) Насті“ (Кв.-Осн., I, 49); „звичайний, ласковый до сродників“ — отношение одностороннее, как в польском *salonpość zyczliwa przeciw komu* — *gegen* — прямо, вытекающее из первого значения.

3) Отношение сравнения и сходства. Сравнение предполагает сближение, сопоставление и в то же время противопоставление в пространстве — что находится против чего, то в пространственном отношении, а затем и в других, представляется равным с ним: „когда господинъ со двора выѣдетъ и *противу ловчато и охотниковъ поровняется*“ (Буслаев, Граммат.², II, 280); „И подъезжал к нему Тугарин Змеевичъ млад, Сверстался (=поровнялся) Алѣша Поповичъ млад *Против* Тугарина Змеевича, Хлеснул его шелепугою по буйной голове“ (Киреевский, 2, 73); „попить, поплясать, против нас (сравнительно с нами, таких, как мы) не сыскать“; „против моего — лучше, хуже“; польское *to jeszcze nic przeciwko temu, co przymiś ma*. Отсюда *противень*, дружка, пара чему, другое соответствующее, затем снимок картины, рукописи; ср. французское *contrefaire* и ниже санскритские слова.

4) При обозначении времени противоположение двух мгновений получает оттенок их близости: „исполчивъ дружину свою, *противу свѣту* перевезеса“ (Лаврент. лет., 61, 24); „яко бысть заутра, всѣдше въ лодью *противу свѣту*“ (=незадолго перед светом) (ibid., 28, 14).

В современном языке „против пятницы, против такого-то числа“, в украинском „против ночи“. В юридических актах при обозначении лет: „тогда была она [лошадь] дву лѣтъ *противу* третье, а нынѣча трехъ лѣтъ *противу* четвертые; [конь] пяти лѣтъ *противъ* шестыя“ (Буслаев, Граммат., II, 280), причем непонятен женский род порядкового числительного.

Старославянские *проти*, *противъ*, *противъж*; сербское против: *спроћу* — сравнительно с...; *супрот* — против, откуда *супротиче* коме — противиться; *супроћ*; *напротив* — русское; хорутанское *proti* с дательным, противоположное по направлению с *sprot*, *paroti*, *parrot*; польское *przeciw*, *przeciwko* с дательным; чешское *proti*, *protiva* (= *wpo*), устаревшее *protiv*, -*vo*. Верхнелужицкое *prēcivo* = русскому *супротѣ*, курскому против в пп. 1-м и 3-м; *супротъ* псковское в 3-м значении, *супротив* в значении 1-м и 3-м. „Супротив деньги выходятъ“ (новгородское); т. е. столько, сколько получается. *Супротѣвку* и *сопротѣвку* наречия в 1-м значении. *Супротивный*: 1) относительно места — ветер; *супротивные* братья, сестры — дети двоюродных братьев или сестер (архангельское) (т. е. находящиеся на двух соответствующих одна другой точках нисходящих параллельных родовых линий); 2) *су(со)противное* молоко, масло свежее, недавнее — от 4-го значения против (временная близость к моменту речи) — тверское, ярославское; украинское „супротив *віконечка*“ (Метлинский, 20).

Старославянское *сѣпротивъ* и *сѣпротивъ*. „Нача гордѣти велми, и вознеся славою и гордостью великою, и не творяше противу себе никого же“ (Ипат. лет., 210, 9) (не считал никого себе равным); „вси гнѣвахуться на нь про то, оже не потвори ихъ людьми противу себе“ (ibid., 206, 8).

Санскритское *prati* с винительным и *ablativ'*ом, реже после этих падежей, чем перед ними: 1) против — в падеже 1-м по направлению к (*pratihāraṣ* — наречие, против ветру; *prativāṣa*, ср. противоядие); 2) в замену чего — против в падеже 2-м [„*pratidāna*“, ср. *das Zurückgeben*, *Gegen-gabe* (дар за дар), мена: *pratikāra* муж. *ersatz*; *pratikriyā* — *Wiederstattung*, *Vergeltung*; *prativac* — глагол окончательный]; 3) сравнительно с кем-нибудь, чем-нибудь — равно кому, чему-нибудь: *tvam sahasrāni prati* (винительный мн. ч. среднего рода) — *du bist tausenden gewachsen*; *Pradyumnaḥ Kṛṣṇāt prati* — *ist gleich Krischna, ist eben so mächtig wie er* — Прадьюмна будет против Кришны. Отсюда, например, *pratika* прилагательное — стоящий того-то, *pratikarṣa*, столь же, равно-твердый, *pratikṛti* — „противодействие“, но и „изображение, подобие (противень)“, *pratipuruṣa*, *Gegenmann*, ein ähnlicher Mann, также — кукла, как подобие человека, *pratima* — прилагательное — не имеющий себе равного; *pratibala* — равносильный; (от *mā* — приготовить, строить, делать) *pratishā* — глагол подражать, существительное женского рода — образ, подобие, прилагательное на конце сложного слова — похожий на...; *pratirūpa* — образ, подобие, прилагательное — подобный, равный образцу, соответственный, прил и чн ый; *prativastu* — ср. пара, т. е. дружка другой вещи, равносильная, соответствующая; 4) относительно чего, согласно с...; 5) „*bei*“, „*in*“ mit dem Nebenbegriff der stetigen Wiederholung; *varṣamprati* — каждый год; отсюда *pratidīpam* — наречие „каждый день“; *pratiniṣam* — наречие — каждую ночь.

В. Супротивное молоко — *pratiduh* — только что надоенное, еще теплое молоко (*duh* — муж. — доенье).

Samprati — теперь, в это время; пояснение Потта: „mit («Sam») der Gegenwart («prati» — als gegen) zusammen-fallend; *asamprati* — dem Augenblick, der Verhältnisse nicht entstehen“.

Латышское *pret* (по другим *preti*) с винительным, местами с родительным „*pret' vēju*“ — против ветру; „*pret' vakkarim*“ — к западу (собственно к вечеру); „*pret' jūru*“ — к морю; „*zeme pret' sauli ir maza*“ — земля против солнца (сравнительно с...) мала; „*pret' vakkaru*“ — против (не за долго до) вечера. *Prettim* — с дательным; ставится после, насупротив, против (*Bielenstein*, 305). Первое *ablativus* считаем сокращенным из второго, но, может быть, оно сокращено только из *preti*, как русское супроть из супроти.

Литовское *prīēsz* (Нессельман — *prēs*) во всех значениях = русскому против, между прочим. „*Tai tikt pēkaī prēs* *tai*“ — это (только) ничего против того-то; „*jis prēs manę meilingas*“ — он добр ко мне (украинское — „против мене“) (*Schleicher*, *Grammat. Lesebuch*, 284).

Греческое *proti* (гомеровская форма) и *pros* с разнообразным значением, частью совпадающим с вышеизложенными (сравнительно с, относительно чего), частью вытекающим из них. Сюда же некоторые относят *poti* с выпавшим *o*, как в зендском *raiti* — санскритское *prati*.

Bopp, *Glossarium*; *Bopp*, *Grammat.*, III, 500; *Pott*, I, 268 сл.; *Curtius*, I, № 381; *Miklosich*, *Lexicon*.

Противу, старославянский *protivъ* — винительный женского рода (ср. *meждъ*, *вынъ*, *вскъ*). Противъ можно принять за винительный ед. ч. мужского рода, а противь — женский или мужской от имени на -ь -въ в противъ. *Pott* (loc. cit., 270, 271) считает их или суффиксом, как в санскритском *pūgva*, *pr'vъ*, или же предлогом, сроднымъ с *въ*. Первое заслуживает предпочтения, так как в значении противъ предлогъ *въ* не обнаруживает своего присутствия.

В проти конечное *и* может быть = санскритскому *i*, как все *и* в -ти неопределенного наклонения = санскритскому *-ti* существительных; ср. *оби*; нет нужды для объяснения этого *и* в славянском прибегать к предположению, что *prati*, которое в санскритском удлиняет *i* (как и предлог *pari*) в сложении с некоторыми словами (*Bopp*, *Grammat.*, 78), например *pratikāra* — противодействие, возмездие, месть, употреблялось в этом виде (*prati*) и самостоятельно.

Ъ в польском *przeciw*, лужицком *prěciwko* находит соответствие в *ie* литовском *prīēsz*, латышском *pret*; *sz* в литовском *prīēsz* — неясно; *S* (*σ*) в греческом *pros* — из *ti* [*proti*] (*Bopp*, *Grammat.*, I, 315).

Самое *prati*, по общему мнению, заключает в себе предлог *pra*. По *Боппу* (*Grammat.*, III, 500) *-ti* в *prati* тождественно с *-ti* в *i-ti* = так, *so* и *á-ti* = *über*; *Pott* же (*Pott*, I, 268) полагает, что *prati* из *pra-ati* и значит, собственно, *nach vorn* (*pra*) *hlnwärts* (*ati*).

§ 4. Предлог про

„И ина многа видѣнья *провидѣ* (т. е. не предвидел, а видел перед собою) старецъ“ (*Лаврент. лет.*, 82, 18); „*ити* на Всеволода *про* (за Ярослава, выгнанного Всеволодом) Ярослава“ (*ibid.*, 130, 10).

Протори, проести, пропой, прочетье, прогоны, *prosum* (в пользу), сербское — пробити. Ср. пролистати, просерень, пролеска (лез-), проявлять.

а) Вперед, пред — провад (провесна, просань); „*проседь* наружу проявит“.

Сквозь.

Мимо.

б) *pro bóg*, *pro dēva*.

„А исходитъ того, пята... кромѣ того, что носятъ про царя и царицу... близко 100 ведеръ“ (*Котошихин*, 62); „Что про царской расходъ исходитъ, и того описати не мочно“ (*ibid.*, 62).

Пропасъ, просторожъ, просторожа, промахъ. „Конь кауръ иноходъ. Конь пѣгъ проиноходъ“ (1504 г., Собр. гос. грам., I, № 132).

С „провесна“ и сербское „прољеће“ ср. „и оутро пробрѣзгоу зѣло, въставъ изйде“ (Галицк. ев. 1144 г., Марка, I, 35 — Буслаев, Материалы, 15); „Просказали мне-ка добры эты людушки. Как у моего крылечка... моя... сестрица... горькими слезамы обливается“ (Барсов, 136); „Прозабудешъ всю великую кручинушку“ (ibid., 22); „прозабыла всю любимую скотинушку“ (ibid., 115).

Провесна, сербское прољеће, болгарское „мѣжка сѣ рѣжба добила (родилось дитя) и продумала (проговорила), продумала и проходила“ (Бессонов, Песни, I, 28); „Промолвить, воспроговорить: пррче и провидьче“ (Буслаев, Хрестом., 71); „Оже мя умиришь съ братомъ, то по Всеволожи животъ помогу ти про Кіевъ“ (Ипат. лет., 20).

§ 5. Предлог при

„Беручи рука не приберетъся, а даючи придаетъся (т. е. оскудеет)“ (Даль, 88); „сѣрдан же река... береги ймать круты, ѿбонь поль сѣрдана отмелъ пологы“ (Буслаев, Хрестом., 664);

Приметь. См. Ипат. лет., 190, 28—31. Отлично польское „przy-
miot“, ср. „прикладывати“ (Ипат. лет., 72, 22), przykład.

Прирокъ — прочь (ibid., 194, 31; 163, 17; 164, 32).

Притъча. См. тѣк.

Призоръ. „Гѣше яко бестѣлесныи призоръ (в Остр. ев. исправлено „призракъ“) късть“ (Матфея, 14, 26); „миѣша бестѣлесныи призоръ (исправлено, призракъ) быти“; евангелие 1409 г.: „миѣша передь ѿчима. ѿобразъ являющься“ (Марка, 6, 49 — Буслаев, Материалы, 15, 42).

§ 6. Предлог раз, роз

Разно. „Побѣгоша разно отъ града“ (Лаврент. лет., 28, 15); „Ой ви тучи громовіи, розйдітеся різно“ (Метлинскій, 51).

Развъ. „Бяше тако поstickнѣ и въздержникъ, яко развъ хлѣба и воды ясти ему до смерти своея“ (Лаврент. лет., 81, 14); „По сего смерти все имѣнье разсыпаса разно“ (ibid., 85, 20).

„Половци землю нашу несутъ розно“ (ibid., 109, 20); „Ростовъ же и Суждаль разъидеся розно“ (Новгор. I лет., 52, 1).

Разный, разнь — *diversus*, *diversus* (*distans*), несходство — удаление друг от друга, сходство — пространственная близость (ср. слик а — сходный; до в сложениях в значении сходства).

„Не хотяху иногю... развъ Святопѣлка“ (ibid., 9, 18); „нѣту вамъ князя иногю, развъ Святослава“ (ibid., 14, 16); с родительным — кромъ, ср. хыба, опрочъ, оприч [проче (пойти и т. п., ср. с розно)], кроме; „придоша въ Новъгородъ вси здрави, развъ 3 челоуѣкы убиша Новогородцевъ“ (1348 г., ibid., 84, 10).

Розмирие. Новгор. I лет., 79, 1: противоплагается съ миритися съ... Ср. rozbrat — разлад, раскол. См. в Областном словаре размирная; „роspутіе“ — в Новгор. I лет. = современному; предполагается, что путь есть хороший путь, как бути, жить, година; ср. бездорожье, беспутный, безлетье, безвременье; в Дополнении к Областному словарю: „нелюдь, непуть“ и др.; роскалье (Ипат. лет., 191, 33), но „Серед роздорожья, де три дороги сходятъся“ — (Драгоманов, 56); „пшов на роздорожъ“ (ibid.).

§ 7. Предлог с (съ)

Столько = съ только, т. е. количество, равное толикому. „А у которо князя (умершего без сыновей) живота его, съ приданое что за дочерью или за сестрою его дати и чѣмъ душа поминати, столько (= съ только) не будетъ, и государь... велить дати изъ своая казны“ (Акты историч., I, 268, 1550—1582 гг.). Где нетъ этого сравнения и где просто обозначается количество, там старинный языкъ ставитъ только безъ с: „тѣ вотчины въ закладъ имати въ толкъ, чего та вотчина стоить“ (ibid., 246); „А кто займетъ сколько (сумму = какому-либо количеству) денегъ въ ростъ, и тѣмъ (занявшим) людем у нихъ (заимодавцев) не служити“ (ibid., 244, 1550 г.).

„Бодай ти з лихо не знав“ (Номис, 72);¹ „Ростиславъ же, и Святославъ Изяславич, послаша мужи своя къ Изяславу Давыдовичю, рекуче: „цѣлуй къ нама хрестъ, ты въ отцинъ своей Черниговъ сѣди, а мы у Киевъ будемъ; мы же вси съ себе“ (Ипат. лет., 76); „Въздвиже дьяволь котору въ брати сей Ярославичихъ. Бывши распри межи ими, быста съ себе Святославъ со Всеволодомъ на Изяслава“ (Лаврент. лет., 78); „Kelych za polthory grzywni do cirekuye sprawicz mają, acz gych sztilye bandze, ostathek szobye umającz“ (XIV—XV вв., Księgi ust., 44; 45, — thyle).

С (съ) с винительнымъ: „Зайти... со левую... со правую сторонушку“ (Барсов, 74); „Дайте мистечка теперь мне не сомношечко... Единой пройти печальной мнѣ головушке, Со одну дайте дубовую моштиночку“ (ibid., 80).

С (съ) с родительнымъ: „Братец, сестрица сдвуродимый, сдвуродимая“ (= двоюродный) (ibid., 191, 192); „Mamy z potrzebę ludzi“ (О wypr. choc., 77); „Sama rzecz pokazuje że vas jest z nich“ (ibid.).

С (съ), су. „Тогда издвоишася люди кто добрыхъ тотъ по святой Софьи и по правои вѣрѣ, и створиша супоръ, вятши велять ся яти меншимъ по число“ (татарскую дань) (Новгор. I лет., 57, 6); „Сусѣдъ сусѣду не уломляше хлѣба“ (ibid., 47, 26); украинское „поплакала бы, так сумиралась“ (Вовчок); „Бхаша на село человѣкъ съ тридцать“ (Ипат. лет., 210, 20); „попустить ны землю идучи до насъ: поидемъ къ нимъ на сумежьѣ“ (Лаврент. лет., 170, 13).

Sumienie (su-mnienie), conscientia — совесть, съмьнетися: „брата! сомняся (не столько сомневаясь, сколько опасаясь друг друга) не можемъ на ся зряще рать держати“ (Ипат. лет., 38, 1); „И льви Данила въ тѣмъ оу со умъ нѣ шася“ (= убоялись) (Изборн. 1073 г. — Срезневский, Памятн. 140); „жена бо бестоудьна ничьсо же не соумнѣтса, ни пррка стыдѣтса, ни сѣтѣ срамлѣтса“ (ibid.). Такъ watrić — сомневаться, в украинскомъ вомпить, трусить: „тягли тут пінненьку троянці, не вомпили сициліянці, черпали добре на захват“ (Котляревский); „богѣтиса, со умъ нѣ ти и слоужити кмоу“ (Изборн. 1076 г. — Срезневский, Памятн. 145); ср. ibid., помънѣти — romnieć.

Сговор (согласие): „бранное словечко не сговорное“ (Барсов, 220). Pott, I, 584 сл.²

§ 8. Предлог у, ꙗ

Санскритское ава [(= у, ꙗ) как слитная часть: отъ (в сторону), вниз, как самостоятельное слово с отложительным] то же (а в начале опускается иногда), что и ва, которое ослабляется в и (va kṣ — расти,

¹ „Тороватого (или: тчивого) с богатым не распознаешь“ (Даль, 87).

² Пott нередко смешивает предлог въ и у, тогда как значение их весьма различно, несмотря на то, что многие наречия изменяют въ в у.

ukšant, ukšita; vač — желать, vačmi, vačti, učvas, učthas; vac — говорить, uvāsa, ucur. См. Бопп, *Kritisch. Grammat.*, §§ 414, 415). Подобным образом и в славянском из (а) va — y. Ср. латинское avus, литовское avūnas — дядя, славянское уй.

Значение этого предлога, употребляемого отдельно с родительным, могло образоваться из значения: вниз: „у реки, у берега“ — не то над рекою, над или на берегу; отъ: взять, спросить у кого (отъ); отсюда — пребывание в близости или во власти предмета: у меня есть.

Потт догадывается, что и значение у реки имело в основании значение от, как латинское a tergo, a lutino.

Слитное употребление y, ж:

а) Со значением вниз. Санскритское ava kēṣa — с висящими вниз волосами; ava śākhā — с опущенными вниз ветвями (о *figus religiosa*), avatāra — нисхождение (о воплощении богов); avarāta — ниспадение, полет вниз (упадать). Также, по Боппу и Потту, санскритское ṅ-stha (из предлога ava и глагола stha) — висящая вниз, верхняя губа. Ср. губа вообще (противоположно — adhara — прилагательное нижний, нижняя губа, губа вообще; ср. украинское уста — рот, старое устна — губы, русское областное уста — рот и губы). Avāpс — мужской именительный ед. ч. avāṅ (-пс, -ṅ — гортанное), женский avarā, — направленный вниз, нижний; ср. женский avarā — юг (ср. uttara — верхний, северный, потому что поверхность Индустана возвышается к северу), левый (потому что, молясь, обращаются лицом к востоку). Санскритское avās, — близкое к зендской форме avās — юг. Относительно к и г ср. луг и лука и переход санскритского л в б, а также ср. ṣrath- и grath-, granth- — кр ж - тить; млѣко, млъзь. Слово югъ из угъ. „Угъ вѣтръ“ (Новгор. I лет., 44, 14). Русское угорь — пригорок, небольшая гора, возвышенный берег реки; ўдни — полдень, по-олонецки ўдно-вать — отдыхать в сумерки зимой (когда день на склоне); уквасье — оловина, остаток хлеба по спуске пива или квасу. Сербское „ува ла као долина (или ждријело) између два брда“. Чешское anval = anvoli; русское областное увал — большая выбоина на дороге, ухаб (что подходит к сербскому и чешскому) и холмистая возвышенность (с чем ср. польское Wąwel, собственно имя горы, на которой стоит Краков). Томское увал — легкий скат, тянущийся на большое расстояние в одном и том же направлении (Этнограф. сборн., VI, 10).

В старославянском и польском рядом с y есть предлог ж (ю), а, который по значению подходит к y и есть, вероятно, позднейшее исключительно славянское видоизменение этого последнего. Wąwóz — anvoz, hluboká a uzká ústa. Со значением вниз: ждоль — долина, польское wādól, чешское andol, anvoli — то же; старославянское жложнь — вогнутый, низкий (о местности: логъ — русское само по себе значит ров, овраг, долина; ж усиливает это значение); польское wator, чешское antor, útor (нижний край сосуда, выходящий за дно; вырезка, в которую вставляется дно), сербское ўторе; жтль (perforatus), жтлина (zima), wātly, antly, утль; жбагоръ; жсинь; жгръмьнь.¹

Значение внизъ лежит в основании двух следующих: „Съвѣдинѣ [камень]... оучръмьнь кѣсть акы кровь“ (Изборник 1073 г. — Буслаев, Хрестом., 262).

¹ Востоков переводит: багровый, синий, красный, но вернее: синеватый, красноватый „ахатис (камень). акы жсинь кѣсть“; „оуакинеъ акы жчръмьнь кѣсть“ (Изборн. 1073 г. — Буслаев, Хрестом., 264); „Идсписъ. оузелень кѣсть“ (Ibid. 263), причем предлог ж, ж также ослабляет значение корня, как латинское слово sub в subalbidus, subflavus, sublividus (ср. греческое *ὄλοφλαβικός* — nescesius), subrubere, subrestus, subcarus, subamarus; ср. „сильно во мало, во тесно“ вместо маловато, тѣсновато (Даль, Словарь).

б) Движение, направленное вниз, дошедши донизу, прекращается. Отсюда слитное *у* сообщает слову значение совершения, окончания действия; сначала, вероятно, только в словах, выражающих механическое движение (упасть, ударить), потом и во всех других: старославянское „убудити“, чешское *ubuditi* — пробудить. Далее окончание действия в некоторых случаях превращается в последствия, в состояние, как результат действия. Предлог *у* сообщает глаголу значение: добыть или произвести что-нибудь посредством действия. „Гонися по них... но угони ихъ“ (Новгор. I лет., 39); „угонивъше Литву... избиша“ (*ibid.*, 31, 4); „аще кто можетъ... вътръ оугонити, то тогда и сну въру ими“ (Буслаев, Хрестом., 481).

Русское *ужить* — залечить, заживить, устроить, отделить (совершенное действие), истратить (живучи, например деньги); польское *użyć* — употребить (результат действия); чешское *uběhati*: а) набегать (т. е. много): „*on toho uběha gilu za dep*“ = *mnoho cest padila, běhaje to ho* — представляется результатом беганья; б) *behaním upaviti*; *uběhal si padešvy od střeviců*; в) *běhaním upavili* — усталость, как следствие беготни. Это последнее значение сообщается предлогом *у* многим русским глаголам с основным значением работы, хлопот. Русские областные *пешаться* — употреблять усилия, возиться около чего; *упешать* — измучить, уморить, убить до смерти; *упахаться* — устать, вспотеть от работы; *усовать*, *усоваться* — устать от сованья туда и сюда, устать; *уходить* — умяться; *убаюкать* — довести баюканьем до сна; *угомонить* — гономом утишить; чешское *uchoditi pěso* — *durchgehen, abnützen*; *uchoditi se* — *уходиться, устать*. В других подобных случаях сила падает не на то, что действие, оканчиваясь, производит что-нибудь, а на то, что оно прекращается: *уходиться* не только устать, но и перестать утомляться, кончиться: „Когда я прискакал в село, то уж пожар утомился“; „у Ивана с Егором утомилось дело“, т. е. кончилось, решено. Старославянское *умьгнѣти* — о зенице ока — *успокониться* (т. е. перестать мигать, как бы утомиться миганьем); *упыхнѣти* — перестать пылать: „упыхнеть ему гнев“ (ср. *утомиться*).

в) Значение внизу можно распознать и в отдельном предлоге *у*; см. выше. Слитно: русское *уберег* — край берега у воды; *увод* — место, близкое к воде; *удорога*, *удорожь* — место или жилье у дороги; *улесь* — окраина леса, место, близкое к лесу; *упечь* — скамейка около печи.

г) *У* — в сторону, от: *усторбнѣ* — глушь, отдаленное место; *abestrání* — *abseitiger Ort*; польское *ustronie, uchocz* — *miejsce па боку, ustronie*; галицко-польское *убоча* — низкий, поросший кустарником, холм; *uliti ně (čeho)* — отлить, затушить (огонь). Ср. *уклониться* (от) и польское *ukłonic się*, чешское *ukloniti se* — *поклониться*. *Ustěr* — *уступ*; русское *ухожи* — *лесные уголья вдали от жилья* (архангельское), *скрытые дороги, которыми черкесы пробирались для нападения на села или пост (донское)*; *усевок* — *посеянный вдали, сирота*; *убудень* — *человек, выбывший из семьи*; *убыль, убыть* — *умаленье, т. е. движение бытия от предмета; учет; удел; укрух*.

Сюда же некоторые слова с *ж*: *урод*, *юродивый*, старославянское *жродь, жродивъ, insipiens* — *собственно то же, что выродок, родившийся в сторону от рода, не в род*; *усолонь, усолонье* — *место, не освещаемое солнцем, тень* (т. е. место в сторону от солнца), в чешском *apsluně*.

Хотя синоним слова *убогий*, *бедный*, русское областное *калека*, *слепой*, есть *небогий*, украинское *небога*, чешское *nebohá* и т. д.,

но *у* и здесь собственно не есть отрицание, а имеет приблизительно то же значение, что в *у*солонь. Если бог (*бhаgа*) значит собственно доля, счастье, а богат — снабженный долею и богатый, то *убог* — как бы в стороне от доли.

Не ясно польское *wątek*, чешское *útek* — уток — нить, проводимая челноком поперек основы. Старославянское „жъ полы сьмрътны“ — полужертвы; жъ с о б и ц а — междуусобие.

Ава = *у*. Потт (Pott, I, 594) не уверен, что *wakaras* — вечер заключает в себе санскритское *ava* и *п*, равно, как и в тождестве славянского и литовского слова с *εσπερος*, *vesper*. Он не знает, есть ли здесь переход *к* в *р*.

Предлог *вы* по Потту = *ava*: „wie ja das Heraus pur eine Abart des Woher ist, pämllich ein Vop innen“ (Pott, I, 608).

Но если основательно сближение славянского именительного мн. ч. *мы*, винительного, дательного *ны* или винительного, дательного *вы* с санскритским винительным, дательным мн. ч. *pas* (которое не может равняться славянскому *на* съ по причине конечного *ъ* в последнем), то и славянский предлог *вы* = санскритскому (*avās*). Санскритское *avas* (из *ava*) есть наречие — внизу, вниз. Сюда (*hervärts*) предлог *подъ*.

Увечье. „Были у Васьки на честном пиру, Не упили мы, не уели, А в безвечье залезли у Васьки на веки“ (Киреевский, V, 9). Безвечье, увечье, псковское увечный — калека; увечить — наносить увечье, налагать на кого тяжесть сверх сил; увечиться — носить тяжести сверх сил.

Убыль — уйма: „много бы уимъ [вм. *ы*] жить [от ненастья] и сьна не удъла та“ (Новгор. I лет., 10, 2). (Ср. „уделаться“ — окончить дело.)

Уденье. „Загорься... въ середь утра... погорь до удьня все [вьсь] полъ“ (ibid., 35, 39); „бысть знаменіе въ солци августа в 3 день... въ уденье“ (ibid., 50, 24). Калужское удни, удней — полдень. Олонецкое *удновать* — отдыхать в сумерки зимою (первоначально в полдень). „Спань есть отъ бога присужено голудне, отъ чина бо почиваеть и звѣрь и птицы и человекъци“ (Лаврент. лет., 103, 3). Отлично псковское, тверское уднетъ — дожидаться утра, совершенно рассвети, или неудни — полный рассвет, полный, совершенный, настоящий день (Пыпин; ссылака на Буслаева в „Известиях“, 1852, 170).

Урокъ, уречи — назначить. „Дасть князи пити; дотиснувься пальцемъ въ чашу, бѣ бо имѣя подъ ногтемъ растворенье смертное, и вдасть князю, урекъ смерть до дне семаго“ (Лаврент. лет., 71, 31). Урокъ — *inconfatio* — собственно назначение словом того зла, которое должно приключиться человеку.

Унять кого. „Новгородьци же много моляхусь: не ходи, княже, — и не можахуть его уяти, и поклонивься поиде“ (Новгор. I лет., 36, 7).

Утль. „Яко разгорься печь, бѣ бо утла, и нача палати пламень утлизнами“ (= расщелинами) (Лаврент. лет., 84, 17).

Уразъ. „Бѣ уразъ (= урон) великъ въ полкахъ его“ (Ипат. лет., 172, 38; 190).¹

¹ Дальше в рукописи идут следующие замечания: Наречия и союзы: Въ зль, ещ е, чи, ино, оже, нынѣ, ну, -ча, развѣ.

Зась, засобъ.

Дъ: дондѣ, донде, донде-же (см. *онѣ*), сьдѣ...

Мо: амо, камо, тамо, сѣмо, овамo, инамo. Может быть, прямо = прѣмо.

Около, коньць, край, кромѣ, среди, окрестъ, вокругъ, вслѣдъ, просто, право, прямо.

Гда: оно-гда (под *онѣ*), иногда.

§ 9. Предлог о

Предлог о = вокруг, приблизительно, около, под начальством. „Вль-зоша Деревляне, начаша ся мыти; и запроша о нихъ истопьку“ (Лаврент. лет., 24, 21); „паде головъ о стѣ къметьства“ (Новгор. I лет., 19); „ходиша на Емь молодьци о Вышатѣ о Василевици“ (ibid., 19, 6); „Съступися море о Фараонѣ и о воихъ его“ (Лаврент. лет., 41, 1); „Мьстиславъ же, о свѣтъ заутра, видѣвъ лежачиѣ... рече“ (ibid., 64, 16); „Новгородци же сташа твърдо о князи Романѣ о Мьстиславлещи о Изяслави вьнуцѣ, и о посадницѣ о Якунѣ“ (Новгор. I лет., 15, 5); „хотѣша умрети за святую Софію о посадницѣ о Иванцѣ Дмитровици“ (ibid., 41, 26); „Оступиша градъ... и отыниша тыномъ весь“ (ibid., 51, 27); „Обишло бяшетъ озеро около“ (ibid., 200, 23); „Псковичи... поѣхаше въ лодьяхъ воевать, о Ильи о посадникѣ“ (Пск. I лет., 187); „поидоша воевать За-норовья 50 мужъ о калекѣ о Карпѣ о Даниловѣ“ (ibid., 187).

Сюда, может быть, церковнославянские о-имъ, оиминъ — miles и современное оймовать.

С точки зрения дружины: „Псковичи, ѣхавше, повоюеваша Лотыголу о князи Александрѣ Всеволодичи“ (Пск. II лет., 12); „Псковичи... поѣхаша воевати земля Нѣмецкыя о князи Иванѣ, и о князи Остафѣ, и о посадницѣ Володцѣ“ (ibid., 13). С точки зрения начальника: „А князь Юрьи... совокупивъ силу о себѣ велику и прииде“ (ibid., 28); „Новгородци... отрядиша воеводою Казимира, и Дмитрія, сына Марѣина и инѣхъ много бояръ, а около ихъ всей Новгородской силѣ 40 тысящъ“ (Пск. II лет., V, 36); „Поехаша Псковичи около князя Остафѣ къ Полотску“ (1355 г., Пск. I лет., 191).

„Остати ся отъ чего или чего“, повидимому, из отъ стати; „кто ся насъ осталъ живыхъ“ (Новгор. I лет., 51, 20); „кажетъ насъ, да быхомъ ся остали отъ злобъ своихъ“ (ibid., 65, 21, 67, 1); „остатися (= оставить) вѣры хрестьяньскыя и чернечьства“ (ibid., 58, 28). Быть может, о востаться и оставить в современном смысле тоже из отъ?

„О тѣ чинѣ, о съ чинѣ“ — в это время, пору (об эту пору) (Лаврент. лет., 90, 103). См. чинѣ.

О собѣ (см. свой). „Юрьи же самъ не поиде [на помочь], ни послуша князи Рязаньскыхъ молбы [о присылкѣ помози], но самъ хотѣ особѣ (акад. — „о себѣ“) брань створити“ (Новг. I лет., 51, 5); „князь же Мьстиславъ въ вѣче поча звати, они же не поидоша... Створивѣше вѣче о собѣ, почаша гадати“ (ibid., 32, 25); „князь Свѣискій того не вѣдаетъ, что учинилося розмиріе съ Новымъ городомъ, нѣ то подѣялъ Стень воевода о своемъ умѣ“ (ibid., 79, 2); „И рекоша ему дружина его: о собѣ еси, княже, замыслилъ; а не ѣдемъ по тобѣ, мы того не вѣдали“ (Ипат. лет., 97, 11).

О свѣнути.

„И съступишася трижды и омеркоша бьющеся“ (Летописи); „Wie-szorem tam obnosował“ (О wygr. choc., 37); „o rołodniu“ (ibid.); „Щей сонце не горазд обутриє, кожне йде в степ“ (под Десну) (Основа, 1862, VI, 58); „osłonał se obozie“ (О wygr. choc.); „pochów dodawano tak o m a l e, że“ (ibid.).

Объ.

1) объ. Болгарское besilo (vesilo) — виселица, bés é (vés é) — afhängen; blaže — лижу; сербское бискати; у Кирилла Туровского, по списку XIII в., „объстоимъ“; „Об[ъ][в]инутѣ“ — обвить; ср. niezawijąć...? „A gest cy o by w u o p płaszczem“ (XIV—XV вв., Maciejowski, 16).

2) Обиходъ. „То у ней на домашней обиходъ перекроено и перешиито; а будетъ слишкомъ за обиходомъ надѣлано полотень... ино и

продать“ (Домострой, 53); „и то бы [жена] знала же пивной, медовой и винной и бражной, квасной и уксусной, и кислаштяной, и всякой обиходъ как дѣлають, и поваренной и хлѣбной“ (ibid., 51); „въ домо-витомъ обиходѣ коли лучится какие платья кроити... и самъ государь-смотреть и смечаетъ“ (ibid., 54).

3) Оби-. „Обиходивъ“ (Лаврент. лет., 67, 28); „Митрополита ужастъ обиде“ (ibid., 78, 15); „видѣ обиходяща бѣса“ (ibid., 82, 1); „обиходя“ (ibid., 2); „обиступивъше“ (ibid., 118, 25); „обисѣдоша“ (ibid., 169, 22); „Потрясея земля... и людье мнози изумѣшася, и мняхуться тако, яко голова обишла (пошла кругом) коего ихъ“ (ibid., 193, 12).

4) Обинякъ, без обиняков. Остромирово евангелие: „не обинясл“ (jawne, *παρόσια* — не притчею); „Скажи не обиняком“ — прямо (Бублий).

§ 10. Предлог по

„Мьстислава пустиль передь собою... съ маломъ вой, а самъ хотя пойти по немъ съ всеми вой“ (Ипат. лет., 9). Помощь, однако, с дательным кому: „Вси людие по немъ плакахуся, якоже дѣти по отцю или по матери“ (ibid., 10) (собственно — идя *за*); „Тотъ бо не вдаеше Мьстиславу вьстати ратью по Ярославѣ“ (*за*, в пользу) (ibid., 11); „[Поступил] по рекшему: любите враги ваша“ (ibid., 14); „Пояша по собѣ всю Русь“ (Лаврент. лет., 8); „Не погубляй городъ, имемъся по дань, якоже хощеша“ (ibid., 12, 28); „[2 царя] миръ створиста съ Ольгомъ, имъшася по дань и ротъ заходивше межи собою“ (ibid., 13); „Концакъ поручися (=взял на поруки) по свата Игоря, зань бяшетъ раненъ“ (Ипат. лет., 131, 40); „Како жаль ми бяшетъ на Игоря, тако нынѣ жалую болши по Игорѣ братъ моему“ (ibid., 132, 11); „бишася по семь недѣль“ (ibid., 176, 34); „бишася по четыре дни, въ четвертый же день сбиша заборолъ съ города“ (ibid., 199, 19).

В договорах Новгорода с князьями повторяется: „а грамоти ти, княже, не посуживати“ (XIII—XIV вв., Собр. гос. грам., № 1).

В XIII—XIV вв. в договорных грамотах князей между собой: „А которые суды судиль еси... тѣхъ ми судовъ твоихъ не посужати“ (ibid., 104), или „а суженого не посужати“ (ibid., 98; XV в., ibid., 1, № 48—50) и др. В грамотах XIV и XV вв.: „а не будетъ по холопе лии по робѣ поруки, ино ихъ... выдати“ (например Собр. гос. грам., I, 212, № 88, 1462 г.).

По. „Буде Мамай безбожный будет побивать, по Мамаю пристанте: велел по правой силе приставать“ (Архангельская губ.) (Афанасьев, I, 314); „Не по нас птицы летят... не по нас звери бегут: пить нам от Мамаея... горькая чаша“ (ibid., 317); ср. областное: поволя, поволица (=свобода, потачка); „Погна по цари“ (=погнался *за*) (Новгор. I, 27, 10); „Тут отрѣкнется порода именитая, Не потужат по победной твоей бедности“ (Барсов, 23); „Письма грамотки к победным не доходят, С передачей по людях все неверных“ (ibid., 142); „Написать да скорописчатая грамотка... Мне послать бы по тебе, мило дитятко“ (ibid., 197); „Нет ли радости по вас да все известица? Нет ли грамотки?“ (ibid., 208); „Уж как речь стала у ей не постатейная (=неприличная)“ (ibid., 23); „Про тебя... кажись ествушка по разуму составлены, Цветно платье по уму было покуплено“ (ibid., 93); „Попусти да ты обиднушка жалкой голос. Хоть не умильное складное притчанище... Ты по светушке братце по родимом“ (ibid., 199). У Котошихина: „По молитвѣ“=после молитвы; „по объдѣ“. „Поповъ... кормятъ на царскомъ дворѣ не по одинъ день“ (ibid., 11); „И тако плакашеться по три дни... и повелѣ раздавати имѣние свсе монастыремъ“

и нищимъ; и тако даваша по всему Галичи по три дни“ (1442 г., Ипат. лет., 135).

Под (= по). „Повыбрал мне судьбинку божью [мужа], Не под лицѣ мне красной девушке, Не под плечо мне молодехоньке“ (= под стать) (Барсов, 78).

Подлѣ. „И прииде Изяславъ ко валови и ту ста полкы подлѣ валъ“ (Ипат. лет., 24).

Подлѣ и *всѣлѣ* и в XVI в. постоянно требуют винительного.

Предлог, входящий в состав слова, повторяется в дополнении: „Pohlédala ro sunečku“ (Mor. Nár. Písň, 425) (см. *па*).

Па (= по). В доль: пабережье, пабердо, пабирки, павилика, паволока, паветерь, паголенок, пазьмо.

Меньшая, низшая степень: паболдырь, паболока, пабедни, паболка, павечерье, паводь, павозить, паводить, паволна, паглинок, пагорок, пагроза, пагрязка, падворок, падочка, падчерица, падуб, пасерба, падым, паерок, пазобника, пазевни, пакисель, паклен, паклин, паколок, пакость, палист, паморок, панизка, панить, паоблако, паобѣдь, паорок, паоспа, парось, парусло, паскирдок, пасока, пасынок, патока, паужин, паузодк, паучень, пащенок, паясень; польские *pađól*, *pađówep*, *paclerie*, *pađów*.

Сверх: палуба (польское *pałub*), паперсь.

Подле: паночки, паозерь.

После: павоз, пагнетки, пагниль, памелки, память, пароботки, паскорня, пасмыка, пасмешки, пастриги, пасевки, пасека, паголока (польское, чешское), пачьсь, пашибок, паветвь, памать, паотец, паробок, папой, паросль.

Назад: паворот.

ВВ. Павесьмо, пагуба, падерня, падера и пр.; падымылье, падыасы. Паздоришь, пазур, паймо, пакая, палик, памха, паперть, паполза, пажить паскуда, пасмурен, пастен, патерба, патла, паля (?), папорочить, папяник, пауза, пафурка, пахва, падейка, пащелок, паюс, паязь (?), пахолк; польское *paściep*, *pałak*, *paaszczeka*, *paatyczek*, *paatyk*.

§ 11. Предлог без (безъ) (= не)

Предлог *без* (*безъ*) (= не). „Писаречика нанять бедна не смію, Бесспросясь я у законной у сдержавушки“ (Барсов, 197); „Бесповинный“ (*ibid.*) = неповинный.

В западной части Подольской губ. *без* с родительным — в общерусском значении („без шапки на головѣ“), с винительным = через. „Хилила ея березонька без пень до дубонька; Клнялась молода без стіа до батенька“.

§ 12. Предлог на

Наследник — тот, который на следу чьем. Настольник — тот, кто на столе. „Коцель князь постави Мефодья епископа (т. е. епископом) въ Па[но]ниі, на столь свята Ондроника апостола“ (Лаврент. лет., 11, 32); „епископу Мефодью, настольнику (X. „намѣстнику“) Андроникову“ (*ibid.*, 12, 1).

Пити на кого. „Яко упишася Деревляне, повелѣ [Ольга] отрокомъ своимъ пити на ня“ (*ibid.*, 24, 30); „единою же пьющю Ростиславу съ дружиною своею, рече Котопань: «Княже! хочю на тя пити»; оному же рекушо: «пій». Онъ же испивъ половину, а половину дасть князю пити“ (*ibid.*, 71, 33 сл.). И теперь на Руси обычай, что пьющий к кому (за здо-

ровье) только надпивает (см., между прочим, Желудкова). Сербское „напијати“ (см. Караџић, Рјечник). Белорусское „пью на цябе повным кубкам добрым здорывем, што мыслю сабе, то и табе“ (Шпилевский).

На — в смысле об. „На здоров'е спитать“ (Лубны, Чернигов, Метлинский, 144, 162); „На кого згадувати“. Ср. „И не бяше вѣсти черезъ всю зиму въ Новгородѣ на нѣ, ни на живы, ни на мъртвы“ (Новгор. I лет., 22, 2, 3); польское wspomnieć па со — па кого (и со, кого), rompiеć па; чешское „rompiti и заромепouti на пѣсо“; „и бы вѣсть у тѣхъ на (= про) Ярослава“ (ibid., 34, 16); „Село есмь купиль... а даль есмь на немь 50 гривень кунь“ (Ипат. лет., 215, 33); „Назирати“ (= смотреть на) (Лаврент. лет., 100, 24). Назирцем, назорице. На и м — во множественном числе, как в украинском „у найми“: „А на и мъ дѣля, рекше лихвы, тако веляше учить“ (Калайдович, Памятники, 174); „Аже кто коуны дають в рѣзь, или на ставъ на медь, или жито въ просоп...“ (Русск. правда — Достопам., 39); „Или корчемнымъ прикупомъ [вытяжеть], или лихвы (творительный мн. ч.)... или росты и насыпы (творительный) и мытá“ (именительный) (Домострой, 46); Новгородская договорная грамота 1307 г. (Собр. гос. грам., I, № 11): „На сельхъ (= за села) егѣ куны ему даемъ“; в грамоте рижан к витебскому князю около 1300 г. (Акты р.-лив., № 40): „И ты, княжо, давалъ еси на кони ꙗ изроевь, и они не взяли [за коня]“; в грамоте XIV—XV в.: „Искати [судом] на комъ, взять на комъ [с кого]“.

В Домострое: „[кто] на кривѣ послушествуетъ“ (45); „[кто] божится на кривѣ“ (ibid., 28).

Спасибо на чем. „Спасет бог да светушкá братца любимаго, На твоём да на великом на желаньице“ (= за любовь) (Барсов, 42); „благодарствуем в ам... На умильном отпеваньице, На учтивом причитаньице“ (ibid., 49).

„Вы на добрых дела их [детей] научите-ткось“ (ibid., 7); „На словах оны, купцы, да ведь ученые. На лицо оны ведь е да все ласковыи; Как на двух оны словах да приоббают. На учливых речах да прила скают; На сговоры тут горюша приокинуся, На молодых купцов как приобзарюся, Позабуду тут любимое гостибищо“ (ibid., 25).

„Нені наші... дуже обі навиділися“ (= любили друг друга) (Федькович).

Настойчивость — напор тяжестью своего тела: на-стояти: 1) insistere в значении стоять упорно в чем, налегать на известное дело, premere; 2) как instare от значения первого переходного к на-ставать, быть близким (по времени); так, на-стоять — imminere, откуда на-стоящий (дело, время) — praesens и, без сомнения, от этого значения — verus, echt.

Належати, nalegać: „...належаху Арону, дати им“ (Калайдович, 106).

Наречие. „Третьей проситель места, по наречию некоторых глупых дворян есть человек подлой: ибо он от добродетельных и честных родился мещан“ (Новиков, Трутень, 1769, в изд. Ефремова, 26—27).

На. „А ви се сі галярики на меду пропийте“ (Головацкий, III, 35); „Попоньки та дьяченьки на за плати (за = из-за платы за похороны) бьются“ (ibid., 48); „Прошла мати дочку на солодкім медочку. Було меду не пити та дівкою робити“ (ibid., III², 222); „на гласу јунаци“ (Miklosich, IV, 5).

На. „Потомъ у царя на властей и на бояръ и на всякихъ чиновъ людей были пиры“ (Котошихин).

Надеяться — собственно полагаться на, ср. полагаться — польское spolegać. „Непыныйд... набдить. а пыници... ненавидѣи и гнушаётъ ѣ“ (XIV в., Буслаев, Хрестом., 486); „Боротись на в переваги“ — хто кого переважить (Бублий); „шд діло навви ринки“ (ibid.); „на

всправжки сказати“; „на вколішки“; „прийшлося їй до крута небозі“ (ibid.); „дати кому нахилки“ (нахиливши за чуба).

На. „Можааше бо се мвро продано быти на мьнозѣ“ (Остр. ев., 153, Матфея, 26, 9); „Чьто бо дасть чѣкъ измѣнѣ на дѣши своки“ (ibid., 132, Марка, 8, 37); „Фала, пријо, на бесѣди такој“ (Караѣић, Пјесме, II, 526).

Над (надѣ). „Приде Ярополкъ, надѣ немъ (в прочих списках „надѣ онъ“) плакася“ (Лаврент. лет., 32, 11); „По над неї не найшлося богачої на всїй нашїй горї“ (Федькович).

§ 13. Предлог из (изъ)

„Нача гнѣватися Изяславъ на Антонья изъ (=из-за) Всеслава“ (Лаврент. лет., 83, 14). „Сей же Яковъ работа у уя своего изю дщери его изъ меньшеѣ лѣтъ 7... а изъ другоѣ рекль ему [Лаван] другую 7 лѣтъ. Онъ же работа другую 7 лѣтъ изъ Рахили“ (Лаврент. лет. 2, 91).

Из—вм. с, по виду сходно с украинским. „Много ся издѣя зла Пльсковичемъ“ (Новгор. I лет., 18, 24); „А иныхъ Половци побиша изъ коня, а иного изъ порта“ (ibid., 41, 6); „даяху отци и матери дѣти свое одьренъ, изъ хлѣба, гостьмъ“ (ibid., 47, 30); „избити“ (по ряду всех); „истригошася вси въ образъ чьрньческїи“ (ibid., 51, 28); „поганїи... издушиша вся“ (ibid., 51, 34); „поганїи... изсѣкоша вся (винительный мн. ч.)... а все изьобнажено и поругано“ (ibid., 52, 8).

Из—при гонити, ехати=нечаянно напасть. „Вьѣха посадникъ Ладожскыи съ Ладожаны въ воину, и по грѣхомъ нашимъ, изьѣхаша Нѣмци Ладогу и пожгоша“ (ibid., 70, 22; ср. ibid., 32, 4); „изьѣхаша в насадѣхъ, безъ вѣсти [нечаянно], Заволоцкую землю, и повоеваша волость“ (ibid., 106, 42); „Изгонити“ (город)—неожиданно сделать набег на, а не „ворваться в“, „напасть“, как переводит Пыпин места Новгородской летописи: 17, 11; 46, 36; 49, 23; 50, 38 (Материалы, III, 49). Согласно с этим: „много повоева волостїи Плесковьскыхъ, изгономъ, безъ вѣсти“ (Новгор. I лет., 102, 39). Так „изьѣхати“ и в Ипатьевской летописи (ср. польское *zejść*). „Ѣха изьѣздомъ на стрѣя своего“ (чтоб нечаянно захватить) (Ипат. лет., 79, 33; ср. ibid., 87, 7); „изьгнаша“ (ibid., 200, 10; 201, 35); „излѣз“ (ibid., 205, 21).

„Извѣстити ся кому“—удостоверить (ibid., 92, 21; Новгор. I лет., 26, 20—22).

Из уменїе (изумѣнїе) (недоумение, из ума вон, растерявшись, когда нет ума; без значения „удивление“) (Ипат. лет., 92, 27); „Недоумѣнїе“ (Новгор. I лет., 41, 7; 51, 7, 8; 52, 6); „Тѣхъ... людей не изьѣхаль, съ своими понятыми, ни одного; и язъ... того Микитку изшель... на Москвѣ“ (Акты, 48, 1541 г.).

„Ты скажи, родитель-батюшко, Мне изведай, красно солнышко, Уж ты куды да снаряжаешся“ (Барсов, 45).

§ 14. Предлог в (въ)

„Поиде... въ 4-хъ стѣхъ“ (Новгор. I лет., 37, 20); „Князь же Святославъ... рече: не могу быти съ Твьрдиславомъ, и отьймаю отъ него посадничьство. рекоше же Новгородѣди: е ли вина его? Он же рече: безъ вины. рече Твьрдиславъ: тому есмъ радъ, оже вины моеи нѣту; а вы, братье, в посадничьствѣ и в князѣхъ [вольны]“ (Новгор. I лет., 37, 15).

„Платежа в томъ (=за это) нѣтоуть“ (XIII в., Достопам., 1, 57); „аже въ Княжи штроцѣ [вира], или въ конюсѣ, или въ поварѣ, то м̄ гривенъ; а за Тиоунъ... то п̄ гривенъ“ (ibid., 31); „... а въ Ратшину тяжю платили

есмы (= заплатили) к гривень серебра за двѣ голове, а третью выдахомъ“ (Акты р.-лив., № 16, 1257—1263 гг.).

Гостити — в значении отправляться куда гостем (купцом) требует в (въ) с винительным. „Новгородъ гостити на Гощкыи берегъ бес пакости, а Нѣмцьмъ и Гѣтъмъ гостити в Новгородъ бес пакости“; „оже кто гостить в Корѣлу“ (ibid., № 16, 1257—1263 гг.).

Вскоре. „Вкруте с дитяткомъ бессчастны вы рассталися“ (Барсов, 193); „Приобижу когда белую лебедушку, ... Не в пронос да буде в добрыи во людюшки. Не в домѣк да вам желаннымъ родителямъ“ (ibid., 238); „Соломонъ почаль въ (= из) деревцѣ въсочки дѣлатъ“ (XVIII в., Тихонравов, Летописи, IV, 112); „возгради себѣ градъ въ древесѣхъ плетеныхъ вельмы мудро“ (ibid., 130); „Во лбѣ его [Святослава] сдѣлаша чашю, оковаваше лобъ его, и пяху изъ него“ (Лаврент. лет. 2, 72); „Не суть то бози ... но суть дѣлани руками въ деревѣ“ (Лаврент. лет. 2, 81).

Местный с въ — предмет тяжбы, вины (Достопам., I, 127, 128). „Цѣжь, в немъже варять кисель“ (ibid., 125).

Възъ. „Иде Вѣлховъ опять на възводѣ по 5 днѣи“ (Новгор. I лет.).

Польское „posiłać se chorągwie stały, wtecz perzrzyjacieluwi czyniąć i harze z nim zuwodząc“ (О wypr. choc.); „Uderzili na obóz, ale wstręć odnieśli z szkodą swą“ (ibid., 46).

§ 15. Предлог прок (прокъ)

Прочь и проче. „Поѣха проче“ (Новгор. I лет., 61, 13 et passim); „пойти прочь“ (Ипат. лет., 48, 19); „напрочь“ (ibid., 164, 22); „прочею“ (ibid., 91, 26).

„Прокъ“ (Новгор. I лет., 15, 10; 42, 9; 53, 9; Ипат. лет., 71, 1; 76, 4).

„Прочее“ (Новгор. I лет., 64, 36).

„Проче“ (опроче = кроме, без) (Ипат. лет., 67, 13; 213, 8).

„Опрочь“ с родительным — кроме (1328 г., Собр. гос. грам., I, 346, № 22).

„... опроче того“ (1406 г., ibid., № 736, № 39).

§ 16. Предлог за

Пребывание или движение за кого — под его защиту, причем состояние защищаемого („защищаемого перед судом и властью, клиента“) переходит в состояние зависимости и рабства. Сюда: „за мужь, замужемъ“. „Сбѣжалъ отъ меня Микифора кабалной мой человекъ... и въ бѣгахъ жилъ... за помѣснымъ казакомъ за Микифоромъ Ивановымъ сыномъ Коровинымъ“ (Акты юридич., III, 12, 1670 г.); „Тотъ мой... крѣпосной крестьянинъ Артюшка, пришедъ изъ бѣговъ, учнетъ жить за мною... и за женою моею и за дѣтми“ (ibid., 19, 1699 г.); „бѣжалъ изъ за него Трофима крѣпосной его крестьянинъ Сенка“ (ibid., 18, 1699 г.); „за мною помѣстья, дому и пр. столько-то“; „У мяня ёсь большия сады за твоё“ (мн. ч.) (Витебская губ., Лепельский у.) (Шейн, Материалы, II, 66); „Ой хорош хорош лепш за ўсих. Да склониу голоуку нижы всих“ (Минский у.) (ibid., 276).

Что за... „Я гляжу бедна горюша приодумалась, за како-ж да это место незнакомое“ (Барсов, 256); „онъ, Кондрашка, родился за князи Захарьемъ князь Ивановымъ сыномъ Шахавскимъ... и князь Захарей... тое деревню... продалъ думному дьяку Гарасиму Дохтурову, и изъ за думного де дьяка изъ за Гарасима Дохтурова бѣжалъ онъ Кондрашка

холость... а въ бѣгахъ жилъ за бояриномъ за князь Васильемъ Григорьевичемъ Ромодановскимъ“ (Акты юридич., I, 58, 1673 г.).

За. „За двѣ лѣтъ (=в течение двух лет) лежа сій“ (Лаврент. лет., 83, 22); „нѣмъ и глухъ лежа за два лѣта“ (ibid., 83, 23); „и небреже за недѣлю ясти“ (ibid., 83, 29).

Томское завѣдъ—перехват руки выше кисти (Этнограф. сборн., VI, 23). В Областном словаре „завитъ (=толщиною) в руку“; „стояща и до замороза“ (Новгор. I лет., 70, 31); „Заговѣние“ (ibid., 70, 33) и др. В смысле—начало: иначе—зажитіе. Польское *zabaczyć*—забыть, простить (ср. *przebaczyć*).

Задъ, задъница—наследство. (См. еще Ипат. лет., 23, 9.)

„Заутри день (вариант «завтра») приѣхоста“ (Ипат. лет., 29, 11); „наутри... день повелѣ“ (Ипат. лет., 29, 24); „Заложитися чѣмъ“ (например лесом). См. Словарь к Ипат. лет. Ср. залаго (защита), засада (гарнизон) (Ипат. лет., 84, 2, 3; Новгор. I лет., 49, 24; 64, 20); „Сѣдѣти за...“ (в чьей власти, под чьим покровительством) (Ипат. лет., 194, 38); „в обиду его стоялъ есмь за нимъ (=за него), како и за собою; абы ты также, мене дѣля, пріялъ и... подъ свою руку и стоялъ за нимъ во его зло“ (=когда ему приключится зло) (ibid., 216, 31).

Зависть, завидовать—(недоброжелательно) глядеть вслед за. В литовском *za*—предлогу *pa* (после), *už* (за) *rauwadas*—зависть.

За с винительным—в чью власть, собственность. Так понимать и „за мужъ“. „Аже кто многымъ долженъ боудеть, а пришедъ гость изъ иного города, или чужеземьць, а невѣдая запоуститъ зань товаръ“ (Русская правда—Достопам., I, 47); „аже убинить и (ответчика, взятого по речи холопа), ѣмлетъ на немъ свок; не ѡбинить ли ѣго, а платити ѣмоу гривною за моукоу, *за* (вариант—„зане“) по холопьи речи яль и“ (ibid., 53).

„За мной нет вины“; „Дом за мной“; „Аже [оумреть] въ боярѣхъ (сословие), или въ дружинѣ, то за Князя задница не идетъ“ (ibid., I, 43).

За-сь. В современном украинском—только в безличном предложении с подразумеваемой связью в 3-м л. ед. ч. и с дательным лица, в значении нет дела: „засъ тобі! Кому, кому, а кудому за-сь!“ (заська?). Так и в смежных русских говорах: курском, брянском: „Игумену дело, а братии засъ“. Даль очень ошибочно сравнил *заститъ* (застенять): „чтоб тебе *застило*“. В старом украинском—наречие в значении назад, обратно: „билъ намъ чоломъ Ігумень... обыхмо тую землю Гнилець за ся привернули къ тому... монастиру“ (Грамота киевского митрополита 1564 г.—Максимович, Киевлянин, 1841, 2, 41). Отсюда видно, что и современное *засъ* значит собственно за себя, т. е. назад. Польское *zasię*, *zasъ*; чешское *zase*, *zas*; верхнелужицкое *zaso*, *zasu*.

1) Наречие при знаменательном глаголе о пространстве: вспять, назад, обратно: польское *zasię wrócić*, *zasię wziąć* и пр. Так и в чешском и лужицком. Сюда же польское в значении прочь, назад: *z gniewem rzecze psu: a za się!* Лужицкое „*daj mi to za si*“—отдай мне, дай мне назад. Так как движение назад есть вторичное и обратное, противоположное первому, то отсюда:

Зась. „Иди за ма сотоно“ (Остр. ев., 262, Матфея, 4, 10) (в исправленном непонятно: „иди за мною“=*pojdi presz, szatanie*); „[половцы] бяхуть... вежѣ своѣ пустили за ся, а сами собравшеся отъ мала и до велика, стояхуть на оной сторонѣ рѣкы Сюрлія“ (Ипат. лет., 130).

Зася, предся. „А тую мѣну предся (на будущее время) такы маемъ межи себе держати на вѣки вѣчные неотмѣнно“ (Акты Южн. и Зап. России, I, № 97, 1533 г., в Вильно).

Заса = назад, опять, потом: как противительная частица; ср. пакъ.

2) Вторично, опять (см. это слово) и пакы — снова, еще раз. Польское „*idź teraz, przyjdź ze z a s*“ (= еще), „*żołnierz wprzód się zaprawuje pa krwi zwierzęcej, z a s*“ (= потом) *lud okrutuje, morduje*“. При таком значении частицы *z a s*, а равно опять, пакы опускается из виду, что собственно они значат обратно, по тому же пути, но в противоположную сторону, и оставляется только значение снова. Ср. латинское *re* и немецкое *wieder* (временное). Этим тождеством с местным *wieder* в *reminisci, recordari* (вторично привести на мысль содержание), *wiederholen* (Pott, I, 192) „*ein eigentliches Zurück ist bei der Zeit nicht denkbar*“, а только возобновление или повторение действия (*ibid.*, 193): „*shledáme se tu zejtra rapě*“ (= опять); „*muž boží z a s e a z a s e při kazuje*“ (= опять и опять, много раз, *iterum, iterumque*). Верхнелужицкое „*z a s o a přесо z a s o*“ (*ibid.*). В лужицком, под влиянием немецкого, в начале сложных слов в значении немецкого *wieder* — „*z a s o widzenje*“ — *wiedersehen*; „*zasokřcijer*“ — *Wiedertäufer*; „*wzasenarozem*“ — *in der Wiedergeburt*, как в старославянском пакы в начале сложных слов для передачи греческого *παλι* — пакы бытик; *παλιγγενεσία*, *regeneratio* — пакы рожденик; пакы теча, *παλιόβοια* — прилив и отлив, прибой и отбой волны, волнение.

3) Обратно, наоборот: чешское „*napiš mu zase*“ (ответь на его письмо); „*skrze potomu ějsi skatek zowiže i bywa pronějsi, a ce ne zase*“ (но не наоборот); польское „*gdy się zmiesza koń z oslicą, albo zasię*“ (или наоборот, т. е. осел с кобылою).

4) Отсюда в польском и чешском *z a s*, *z a s* в значении противительного союза — же, украинское *пак*, южнорусское *па, пак, ампак, паспет* (см. хорутанское под *aber, wieder*); польское „*ty bogaty, ja z a s, ubogi*“.

5) Неясно происхождение в польском *z a s* значения части вопросительной *z a s!* *jakto! czy sposób! jakto z a s?* (же).

За собь.

Старинное „тишинѣ суши, морю укротившюся, абе буря вѣста съ вѣтромъ, и волнамъ вельямъ вѣставшемъ з а с о б ъ, безбожныхъ Руси корабль (вариант — „корабля“) смяте“ (Лаврент. лет., 9, 20); У Востокова и Миклошича — *з а с о б ъ, з а с о б ъ, повидимому, „разъ по разъ“*: „дващи и *з а с о б ъ* бывшоу съшьствию, *з а с о б и т ъ*“ (один за другим следующий, частый). Сербские *з а с о б, з а с о б и ц е, з а с о п ц е* — раз по раз: „три пут *з а с о п ц е*“ — трижды один раз за другим. Хорутанское *zasebice*. Верхнелужицкое *z a s o b n u*, старославянское *з а с о б и т ъ* — это значение тождественно со вторым значением *z a s* и объясняется как это последнее. Какой падеж в *з а с о б ъ*? Это может быть не сокращение косвенного падежа — себе, собою, а существительное с винительным. Сравни существительное *с о б ъ* (русское) — собственность.

За собь (= за себя). В Юридических актах: „Отвѣчаю *засобь* в своей доли“ (1571 г., Буслаев, Граммат., II, 313).

§ 17. Предлоги перед (передъ) преди; прекъ (прѣкъ)

„Проповѣдаше предибудущая“ (Лаврент. лет., 81, 26); „Пре ди“ (Ипат. лет., 39, 4). *Прѣкъ* — поперекъ. „Пере-къ“ (Ипат. лет., 129, 30); „перекы“ (*ibid.*, 35, 35; 36, 2, 8, 9; 148, 1); „въ перекы“ (*ibid.*, 81, 5); „поперекъ“ (*ibid.*, 131, 156, 211, 23). Перечить (преко воѣ), прѣтити (вм. прѣчити); *з а - прѣш т а - т и*; „[Буслай] с Новым-городом жил, не перечил ся, Поперек словечка не говаривал“ (Др. росс. стих., 72).

§ 18. Предлог пере-

„Переяти“ взять в другой раз, считая за первый раз то, что уже предшественник взял, = на слѣд и ти: „посемъ же угри прогнаша Волъхи, и на слѣдиша землю“ (Лаврент. лет., 11, 1); „Володимеръ... заложи городъ на бродѣ томъ и нарече ѥ Переяславъ, зане перея (= получил, приобрел от другого) славу отрокъ отъ“ (ibid., 53, 17 сл.).

Объяснении слова „Переяславъ“ в летописи Буслаев замечает: „производство неверное и наивное, но свидетельствующее нам, что летописец видел в этом названии сложное слово“ (Граммат., I, § 81, примеч. 1). Почему же наивное? Город Переяслава, т. е. того, кто переял славу. „Реченіе *переславль*, как нарицательное доселе употребляется, в костр. наречии, в смысле переговора“ (ibid.), но это ведь не пере-я-славль? Ср. Из-я-слав.

„Поидоша ониполовици и до дѣтїй въ брѣняхъ, акы на рать, а Неревляне такоже, а Загородьци не вѣсташа ни по сихъ, ни по онихъ; но зряху перезора“ (Новгор. I лет., 37, 2); „выжидали, как пойдет дело“ (Пыпин, 61). Это очень далеко от этимологического смысла (см. выше).

Глаголу прѣдати (= передать) соответствует прѣяти (= перенять в смысле получить от другого). Приемник — синоним наследник. Презрѣть: „язъ паки своя дѣдины и отчины не могу презрѣти (оставить без вотчины): но любо голову свою сложю, паки ли отчину свою налѣзу и вашу всю жизнь“ (Ипат. лет., 54); „Клятвы не переступати ни Грецемъ ни Руси“ (Лаврент. лет., 16, 15); „[Ярополкъ, победивши Олега,] перея власть его“ (ibid., 32, 8). „По семъ же, перея власть его [Мьстислава] всю Ярославъ и быша самовластець Русьстѣй земли“ (ibid., 65, 9); „и изиде Святоша изъ града [Лучьска]... а Давыдъ перея Лучьскъ, и отуду приде Володимерю, посадикъ же Василь выбѣже, а Давыдъ перея Володимеръ“ (ibid., 116, 5, 6).

Старославянское прѣзрѣти: 1) *παρορᾶν* (через), *negligere*; 2) *ὕπερορᾶν* (сверх), *despicere*, *contempere*. Эти два значения сохраняются и в других наречиях. Сербское прѣзрети — *indulgere* (как бы не видеть, прощать) (*contempere* в п. 2 = старославянскому второму значению). Старочешское *přezrěti*, *přezřiti*: а) дозволить, допустить (часто у Гатталы — *ze štítu* — XIV в., и у др.), б) провидеть, прѣ = пра, про, вперед; 3) пересмотреть. Польское *przejrzeć*, *przejrzeć*: а) просмотреть сквозь, б) просмотреть — пересмотреть, в) в старопольском просмотреть = не обратитъ внимания (*przezrzyć* — *contempere*, *despicere* и в этом же смысле *przeглядnać*, *glądać*); 4) прощать — *przeглядnać*; 5) прозреть = начать видеть; 6) про-видеть — вперед. Сравни следующее: *przebaczyć*: а) через... = *przeoczyć*, *übersehen* — не обращать внимания; б) простить; в) пересмотреть все; г) предусмотреть.¹

¹ Дальше в рукописи идут следующие материалы: „Пересердіе“ (Ипат. лет., 39, 1). Ср. украинский. „Бяхуть перестрашени“ (ibid., 70, 21); „Мало перепочивше, опять възвратїтєся“ (ibid., 101, 36); „Ми смо наше добро изгубили, На Косову, не зеленило се... И наше се преузело царство С Неманића на Отмановића“ (Петрановић, Пјесме, 338); „Великий Константинъ... преложи Римьское Царство... въ Константинъ градъ... Потомъ же преяша старого Рима Нѣмци, и обладаша землею тою“ (Калайдович, Памятники, 157); „Прѣлюбъ“, т. е. любовь к чужой; юридическое „пересудъ брати“ (отлично от *przesąd* = *предрассудок*); „Перезва, перезов“ (Чубинский, IV, 465, 467 и пр.); „Кто званье, в свою очередь зовут к себе“; „Хмїль лугами, пшениця ланами“; „Наші перезвяне, наші любі гости, напийтєся з нами“. На это гости за молодых отвечают: „Хмїль не в'ється, А пшениця не жнєтєся: коли нас не просятъ, коли не голубятъ, то ѥ горїлка неп'ється“ (Stecki, 1, 88). Ред.

§ 19. Предлог *возле* (*възлѣ*)

„Бздя възлѣ берегъ“ (Лаврент. лет., 61, 20); „Шли бо бяхуть на ино мѣсто, възлѣ Хороль“ (Ипат. лет., 129, 11) (так и подлѣ); „[Бхать] возлѣ Сулу“ (ibid., 129, 30).

Възъ. „Иде Вълхово опять на възводъе, по 5 днѣи“ (Новгор. I лет., 16, 18); „Въ лѣто 6884 [1376]. Иде Волховъ на възводъ по 3 лѣта по 7-мь днѣи“ (в течение трех лет, в каждом по семи дней) (ibid., 90, 37);¹ „Воидоша въ Днѣпръ [с моря] и возведоша пороги, и стаха у рѣки Хорѣтицѣ на броду у протолчи“ (Ипат. лет., 164, 8); „възгнати“ (ibid., 190, 17); „възбѣчи“ (ibid., 191, 20); „възгнати“ (ibid., 193, 8); „възвернутися“ (ibid., 193, 10); „възвести“ (ibid., 210, 38; 211, 7, 30); „Възвъягль“ [городъ] (ibid., 194, 38; 195, 3) может быть *въ*, а не *възъ*, ср. „Въслонимъ, Вослонимъ“ (ibid., 206, 17, 18); „Посла ѿ Володимеръ съ тоземьци въ челнохъ возверхъ (вариант — въврѣхъ) рѣки Лосны“ (ibid., 206, 36); „Бѣ бо тогда вода текущи въздолѣ (в других списках — „возлѣ“) горы Кіевскія“ (Лаврент. лет., 23, 31); „Икону погребли бяху с мертвецемъ святаго Михаила, и не повелѣ възъгребати: Крестьянъ, рече, есть“ (Калайдович, Памятники, 184).

¹ Объяснение для этого места. Пыпин, III, 41, справедливо ссылается на известие под 6882 г.: „того же лѣта иде Волхово вспять, по седмь днѣи“ (Новгор. I лет., 90, 14), откуда видно, что „на възводъ“ = вспять. „Въ лѣто 6923 [1415 г.]. Иде вода на възводъ“ (ibid., 105, 38). Но Пыпин, хотя и с сомнением, относит эти слова к веду. Сравнить с севернорусским *взводень*; по Далю — большая разводная волна, зыбь. Вернее, „възъ воду“ — против воды: възводъе — от вода, как възголовье. Сербское „узглавье“ — от голова; если принять беспредложное възводъ за наречие (на прибавлено издателями), откуда уже пошло на възводъ, то ср. хорутанское наречие *wz g o g* — вверх, на гору, если, впрочем, здесь не възгоръ есть основная форма, а възгоръ. Впрочем, если възводъ есть существительное от вода, ср. формы, предполагаемые словами: пригорок, польское *wzgórek*, именно възгоръ, пригоръ. Быть может, самое възводень есть не вообще возведенная волна, а волна възъ воду, — против течения.

I. СЛОВОРАСПОЛОЖЕНИЕ В СОЧЕТАНИИ АППОЗИТИВНОМ

Правило нынешнего литературного языка видно в примере: „убили князя Романа Святославовича (сына Святославова), внука Ярославова“, т. е. приложения должны непосредственно примыкать к определяемому, так как эти члены предложения представляют для мысли единство: отечественное должно следовать за личным, тогда как фамильное может предшествовать личному с отечественным. В старинном языке обычно и такое же расположение, но обычно и другое.

А. Приложения, как относительно самостоятельные члены предложения, отделяются от определяемых сказуемыми, дополнениями и обстоятельствами.

а) „Судиславъ преставися, Ярославъ братъ“ (Лаврент. лет. 2, 159, 15); „бѣжа Ростиславъ Тмуророканю, сын Володимерь, внук Ярославъ“ (ibid.); „И убиша ѿ (Романа) Половци... Суть кости его и доселѣ лежаче тамо, сына Святослава, внука Ярослава“ (ibid., 198) и др.; „Володимерь иде на Емь съ Новгородѣци, сынъ Ярославъ“ (Новгор. I лет., 2); „пострижеса Святоша князь, сынъ Давыдовъ, Църниговъ, тесть Всеволожь“ (ibid., 3); „Иде Мьстиславъ Киеву... а сынъ посади Новѣгородѣ Всеволода на столѣ“ (ibid., 4); „Завидъ посадникъ Новгородскый умре Дьмитровиць“ (ibid., 5); „Ходи Ярославъ на Ятвягы, сын Святопльчъ“ (ibid., 4); „Прѣставися Мьстиславъ Киевѣ Володимериць... а Ярополкъ сѣде на столѣ, братъ Мьстиславъ“ (ibid., 6); „приде Изяславъ Новугороду, сынъ Мьстиславъ, изъ Києва“ (ibid., 10); „а Изяславъ избѣжа Давыдовецъ Църнигову“ (ibid., 11); „поя у Якуна дьчерь, у Мирославиця“ (ibid., 16); „сѣступися брату своему стола Дмитрію Новагорода“ (ibid., 64); „Преставися рабъ Божій Степанъ Твердиславичъ, внукъ Михайловъ, въ недѣлѣ [въ] 1 часу нощи, посадникъ Новгородцкой“ (Новгор. II лет., 21); „Той же зимы [1341 г.] приѣхаль Михаилъ, княжичъ Александровичъ, со Твери въ Новгородъ ко владыцѣ, сынъ крестный, грамотѣ учится“ (ibid., 30); „За того же дни проѣхали въ Новгородъ съ Москве воеводы Великого князя... а стоялъ Василей Ивановичъ Умной на Чюд[и]нцови улице во дворѣ князя Василя Шаханского, оприщной бояринъ [т. е. Умной], а земской Иванъ Петровичъ стоялъ на Никитине улице“ (ibid., 101); „Проводилъ архіепископъ Новгородцкой Серапионъ... княжа Дмитреева сына Ивановича Шкурлятева Новгородцкого намѣстника, и положиша его в церкви у святого Спаса въ Нередицкомѣ манастырѣ, на правой стороне, у праваго крилоса, князя Федора сына его меншова... а князь Федоръ былъ въ тѣ поры пяти лѣтъ“ (ibid., 83); „убило в тѣ поры в кѣльи громомъ 3 человекѣ, два живы, а третьего до смерти вкладщика Торася, а прозвище Смирной“ (ibid., 88).

б) Подобно этому, быть может, реже отделяются прилагательные аппозитивные: „зажьжена бысть церкви отъ грома Варязская“ (Новгор. I лет., 18); „мость снесе вода на Волховѣ великій“ (ibid., 55); „поставиша

церковь камену святого Николу в Порховѣ... а другую поставиша церковь на Веряжи у мосту святого Николу дѣревяную“ (1412 г., Новгород. I лет., 39); „бумага дорага была, листь полденги, писщя“ (ibid., 88).

Б. Родительный принадлежности, соответствующий приложению, или прилагательное относительное: „заложена бысть церкви, Новгородѣ, святого Николы“ (Новгор. I лет., 4) (ср. „церквы св. Микола“); „преставися игумень Кюрьякъ святого Георгія“ (ibid., 5); „Отъ (вариант У) Всеволода родися сынъ, нарече имя ему Володимеръ отъ царицѣ Гръкынѣ“ (Лаврент. лет. 2, 157).

В. Отечественное (или по мужу) предшествует личному. „Преставися Мьстиславля Хръстина“ (Новгор. I лет., 5), „бѣжа Игоревичъ Давыдъ съ Володаремъ Ростиславичемъ“ (1081 г., Лаврент. лет. 2, 198); украинское „Юсиповна Олена“ (Кв.-Осн.).

В одинаковых косвенных падежах с предлогами, требующих повторения предлога. „Собраша полки своя многое множество“ (Ипат. лет. 2, 193).

а) Повторение предлога перед дополнением слова, к коему относится предлог. „Или пошлю кого тамо на свою службу на Великому Князя“ (Акты археограф. экспед., I, 30, 1446 г.) (родительный равносителен с прилагательным относительным или притяжательным); „А искаль... на Васильевыхъ дѣтехъ на Степанова на Семенѣ да на Иванѣ“ (ibid., 74, 1471 г.); „а искаль... на Иванѣ на Есиповѣ сынѣ на Яковля, да на Семенѣ на Васильевѣ сынѣ на Степанова, да на Есипѣ на Федоровѣ внукѣ на Малово“ (ibid.).

„Ци сила дана во имѣя боже?“
 «Ей я не дала, лем пів повісма,
 Лем пів повісма, пів плоскінного»“.

(Головацкий, II, 44.)

„Той сів на нього [коня] и поїхав ним, Ой горі містом, горі Галичем“ (ibid., III², 46).

Сербское: „А на оној на равной Ресави“ (Караџић, III, 53); „А на лонной на Херцеговини“ (ibid., 55); „На Цетињи на води дебелой“ (ibid.); „С девет сына с девет Југовића“ (ibid., 53); „С девет браће с дезет војевода“ (ibid., 55); „О моемъ недрузѣ о Казимирѣ о королѣ... на вопчего нашего недруга на Казимира на короля на Полского... а съ Казимиромъ бы еси съ королеми съ полскимъ миру не ималь“.

Число. „И всего денежныхъ доходовъ... со всего государства... эъ десять сотъ съ триста съ одиннатцать тысець рублевъ“ (Котошихин, 101).

В церковнославянских памятниках повторение предлогов редко, но есть: „И распротрѣ по плещема. по небѣма ширины ты водны“ (Шестоднев, 34, 3).

В Лаврентьевской, Ипатьевской летописях таких случаев не много, может быть в силу большей литературности языка; в других, преимущественно русских, это почти правило до XVII в. включительно. „Иде Володимеръ на Болгары съ Добрынею, съ уемъ своимъ“ (Лаврент. лет. 2, 82); „Сей же Яковъ работа у уя своего изо дщери его изъ меньшеѣ лѣтъ 7“ (ibid., 91); „И ждаша дружинѣ своей двѣ нѣдѣль, и не дождавшя поѣхаша съ передними съ дружиною“ (Ипат. лет. 2, 385); „Посла ѿ (Мстислава) отецъ съ вои... съ Володимеромъ съ Андрѣвичемъ и с Берендѣи“ (1153 г., Лаврент. лет. 2, 322); „В то же лѣто приходи епископъ Черниговскій Перфурий ко Всеволоду Гюргевичу Володимеру, мира проса у него, абы умирити его с Рязанци съ Глѣбовичи“

(с рязанским князем Глебовичем) (1187 г., *ibid.*, 383); „Пойде съ братомъ с Михалькомъ“ (Ипат. лет. 2, 379); „а к Романови посла ко зятю своему мужи своя“ (*ibid.*, 461); „и к митрополиту сляся к Микифору, веда ему“ (*ibid.*, 462); „дщерь же отда за Шварна за Даниловича“ (1287 г., *ibid.*, 567); „А село есмь купилъ Березовичъ у [Ю]рьевича у Давыдовича Федорка“ (*ibid.*, 595); „И послашася новгородци къ Киеву. по стосла. по олговица“ (Новгор. лет., 40); „Володимеръ родися отъ ключницы отъ Ольгины отъ Малюши“ (Пск. I лет., 174); „Поуди борзо съ мужи съ Псковичи на поганую Литву“ (1265 г., Пск. I лет., 181); „Домонтъ... съ малою дружиною съ мужи съ Псковичи въхвавъ... побѣди“ (*ibid.*, 182); „у града у Вопоки“ (*ibid.*, 185); „В 14 день пиръ у Кузмы у Григорьевича“ (Новгор. II лет., 55); „у Луки у Федорова“ (*ibid.*, 54); „пиръ на Городищи у Настасии у Ивановой жены Григ[о]рьевича да у сына ей у Юрья“ (*ibid.*, 55); „родися у государя у великого князя Василия Ивановича сынъ“ (*ibid.*, 67); „загорѣлась... у Логвинови жены у Катерины въ клѣти“ (*ibid.*, 64); „у старца у [Е]фрѣма в кѣлье, в ларци“ (*ibid.*, 77); „да у [в]кладщика у Карпа у конюха“ (*ibid.*); „загорѣлось отъ дѣякона Авраамия отъ Килибаки“ (*ibid.*, 80); „в Онтонове манастире у игумена бурею у Варлама сѣни выдрало“ (*ibid.*, 85); „Купилъ есми... у архимарита [так!] у Геронтыя у Симоновского и у его старцова у Симоновскихъ у Мартирья у строителя, у Ондрѣя у злагого мастера, у Митрофана у иконника... у Гермона у Момаева, у келаря у Романа“ (Акты юридич., I, 166); „И князь Ондрѣй... съ Оеонасьемъ съ Корачовымъ... и съ дьякомъ съ Васильемъ с Рохманиновымъ... съ Иваномъ съ Мишковым... и съ дьякомъ съ Гущею просилъ съ ними поля“ (*ibid.*, 210, 1547 г.); „Быль кличъ въ Новѣгородѣ о Псковичехъ, о гостехъ, чтобъ всѣ они ѣхали вонъ“ (Новгор. II лет., 82); „У того человекъ у Архипка“ (Акты юридич., I, 57); „[жил холопъ] послѣ его (умершего боярина) за женою его за боярнею за вдовою княгинею Парасковьею Архиповною“ (*ibid.*, 57); „В церкви во святомо Иоанне Предотеча в темнищи“ (Новгор. II лет., 68); „Отъ святаго Георгія отъ церкви погорѣ все Застѣнье“ (Пск. I лет., 184); „загорѣлося въ ношь отъ Воронца отъ городца“ (Пск. II лет., 12); „за семь версть отъ города отъ Казани“ (Новгор. II лет., 80); „по рѣчкѣ по Ломенкѣ“ (Акты юридич., I, 50, 1682 г.).

б) Повторение предлога перед прилагательными обыкновенно (но не всегда) аппозитивными. „Иде Глѣбъ к Переяславскимъ Половцемъ на снемъ, а къ другимъ Половцемъ къ Русьскимъ посла, река им...“ (1172 г., Ипат. лет. 2, 379); „заяша стада многа Половецкая в лузѣ в Днѣпрескомъ“ (*ibid.*, 451); „не вѣсте ли, яко на мужи на ратныѣ наши есте, а не на жены?“ (*ibid.*, 546); „Води их (половцев) в роту в Половцьскую“ (Лаврент. лет. 2, 369); „Поставиша городъ Изборскъ, на горѣ на Жерави“ (Пск. I лет., 186); „К Новому городку къ Нѣмецкому... срѣтошася съ великою ратью съ Нѣмецкою“ (*ibid.*, 188); „Dziękujemy ро obiedzie ро добrem“ (Kolberg); „Не ће бити љепшого јунака... Од Максима од мојега сина“ (Караѣић, II, 525); „Од студене од воде“ (*ibid.*, 543); „Сей же Яковъ работа у своего из о дщери его изъ меньшеѣ лѣтъ 7“ (Лаврент. лет. 2, 91); „На мосту на великомъ“ (Новгор. II лет., 5, 8); „Иконы изъ церкви изъ теплыи выносили вси“ (*ibid.*, 77); „изъ церкви изъ большой“ (*ibid.*, 80); „сидѣлъ здѣсь въ заточ[е]н[и]и въ желѣзехъ, въ городи, въ Детинци, въ стѣны въ каменной подъ Водеными воротами; а преже того сидѣлъ въ тюрьмѣ въ деревяной“ (*ibid.*, 82); „А той борти отводъ... по великую дорогу по старую по Переяславскую по лѣсную, да по дорогу по Хомутовскую по Булаткинова“ (Акты юридич., I, 165, 1462 г.); „купчии... погорѣли в пожаръ в Суждальской“

(*ibid.*, 170); „отъ мору отъ великого“ (*ibid.*, 170); „за пополнокъ за шубу за кунью пять рублевъ денегъ“ (*ibid.*, 191); „съ Шуйскихъ съ кабаковъ на откупшикъхъ“ (*ibid.*, 262, 1646 г.).

в) Повторение предлога при двух прилагательных. „Весь згорѣль дворъ одинъ... своимъ со всѣмъ запасомъ“ (Новгор. лет.); „со всѣмъ с тѣмъ што к тому манастырку потягло“ (Акты юридич., 77, 1443 г.); „со всѣмъ съ тѣмъ, что къ тому селу... потягло, и съ доходомъ съ денежнымъ и съ хлѣбнымъ“ (*ibid.*, 82, 1555 г.).

То же явление в старосербском (примеры письма XVI—XVIII вв.) (Богишић, I, 20, 21; Jagić, 201—203). Основание этого явления не в метрических требованиях, не в поэтических вольностях (которые есть или личное искажение языка, или архаизм), а в свойствах мысли. „На убаву на пољу Косову“ (Караџић, Пјесме, II, 189, 324); „На Бога на јемца“ (*ibid.*, 96); „украј воде украј ћиотине“ (*ibid.*, 103); „Од Светиње од Јерусалима“ (*ibid.*, 295).

„Розливаласе Дунай, Да речька быстренькая.
Што со тихими с глубокими Со заводами...
Што со крутыми, со красными Со бережками...
Што по той ли Дунаи Речьки быстренькою...
Ище плавали две билые Две лебеди...
Што и серые, две малые Две утушки“.

(Колосов, 169.)

„Да повыиграно... И с того царя с Бухаря да с заморскаго Все царство, все имянство, все бухарское“ (Гильфердинг, 56).

Под фигурую *ὄφελον* — связь понимают сложение слов, при котором неизменность первого элемента едва ли необходимое условие принадлежности к фигуре. Сюда относятся и соединения прилагательного, иногда усеченного, с существительными [сербское: сив-зелен соколе; жут-бео; и обуче свилен-кошуљу, и пригну зелен — ћурка“ (Zima, 258)] (украинское „сив соколято, зелена дїбрѡва“).

„А ми у шинку пьем-гуляем,
Танці-музики наймаем“.

(Кулиш, I, 31.)

„Зимоваше у пећини-стјени“.

(Чубро Чойковић, 271.)

„Оно зачу сабља попе Раде“.

(Караџић, IV, 113.)

„Но се јунак титра с буздоханом
Уз буздохан гвожђе попијева“.

(*Ibid.*, III, 308.)

„Шаље ка Пећини-Стјени (*ibid.*, III, 149); „Дан по данак, док субота дође... Кад субота јутро освануло“ (*ibid.*, 150).

В монастырской расходной книге рядом с заглавиями: „покупка конская и животинная“; „покупка хлѣбная“ стоят „покупка икра и рыба“; „покупаль мед и хмель“; „покупка масла (скормного и постного) и яйца“ (1603—1604 гг, Библиотека, II, 80—82).

II. РАЗРЯДЫ ГЛАГОЛОВ ¹

I разряд. Окончания непосредственно примыкают к корню.

Образец а) — Первая тема тождественна со второй: ъм (ѣд-мь), ѣсть- (ѣд-ти); в санскрите II-й класс.

Образец б) — В первой теме корень удвоенный, во второй простой: дам (дад-мь), да-ть; в санскрите III-й класс.

II разряд. Основная характерная гласная первой темы — *a*; в санскрите I-й и VI-й классы.

1) Вторая тема без характера.

Образец а) — Корень чистый или сложный с суффиксом, предшествующим характеру глагола, оканчивается на согласный зубной, губной или гортанный: вед-е-т, вес-ти.

Образец б) — Чистый корень оканчивается на согласный носовой: жнет (жн-е-ть), жа-ть (жа-ти).

Образец в) — Корень оканчивается на основное *r*: тр-е-т (тър-е-ть), тере-ть (трѣ-ти, трѣ-ти из *тар-ти).

Образец г) — Корень на основной гласный *y* (=ы): пływ-е-т (плов-е-ть), плы-ть (плу-ти).

2) Вторая тема с характером *a*.

Образец а) — Корень с позднейшим глухим гласным или вовсе без гласного: рв-ет (рѣв-е-ть), рв-а-ть (рѣв-а-ти).

Образец б) — Корень к первой теме с чистым гласным, во второй с глухим или вовсе без гласного: бер-е-т, бр-а-ть (бър-а-ти).

III разряд. Характер первой темы основное *a*, которое в глаголе с корнем на гласный может соответствовать и санскритскому первому, шестому классам (причем *j* эвфонический, а истинный характер -*a*) и санскритскому четвертому, а в глаголе с характером на согласный соответствует санскритскому четвертому.

1) Вторая тема без характера.

Образец а) — Корень на гласные *a*, *i*, *y*, *ы*, *ѣ*; бьет (би-к-ть), би-ти.

Образец б) — Корень на основной *r*, *л*: колет (кол-к-ть), коло-ть (кла-ть из *къл-ти).

2) Вторая тема с характером *a* после согласного и *л*, *ва* после гласных корня.

Образец а) — Корень на *y*, *ю*: ку-е-т (ку-к-ть), ков-а-ти.

Образец б) — Корень на согласный: пишет (*пис-ѣ-ть), пис-а-ти.

Образец в) — Корень на *a*, *i*, *ѣ*: сѣ-ет (сѣ-к-ть), сѣ-я-ть.

Образец г) — Корень как в предыдущем на *a*, *ѣ*; вторая тема с характером *ва* (*v* эвфоническое): да-е-т (да-к-ть) да-ва-ти (см. сл. да-ѣ-ти).

IV разряд. Характер первой темы фактически *ne*, предполагается *na*.

1) Все или только некоторые формы второй темы без характера.

Образец а) — Ста-не-т, ста-ть.

Образец б) — Сох-не-т, сох (сѣх-лѣ), сох-ну-ти (сох-нѣ-ти).

2) Во второй теме характер *nu* (старославянское *ж* и *ny*).

¹ Незаконченный этюд из неопубликованной еще главы о морфологической структуре глагола. Так как в томе IV „Из записок по русской грамматике“ А. А. Потехина постоянно ссылается на данную классификацию глаголов по разрядам, упоминаемая еще V и VI разряды, редакция сочла необходимым опубликовать этот этюд. *Ред.*

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И СОКРАЩЕНИЙ

- Аксаков — К. С. Аксаков. Полное собрание сочинений, т. II. Сочинения филологические, ч. I. М., 1875.
- Акты — Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. Изданы Археографическою комиссиею. СПб., 1838.
- Акты археограф. экспед. — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографическою экспедициею Академии Наук, т. I (1294—1598 гг.). СПб., 1836; т. II (1598—1613 гг.). СПб., 1836; т. III (1613—1645 гг.). СПб., 1836.
- Акты Зап. России — Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т. I (1340—1506 гг.). СПб., 1846; т. II (1506—1544 гг.). СПб., 1848; т. III (1544—1587 гг.). СПб., 1848.
- Акты историч. — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т. I (1334—1598 гг.). СПб., 1841; т. II (1599—1612 гг.). СПб., 1841; т. III (1613—1645 гг.). СПб., 1841.
- Акты р.-лив. — Русско-ливонские акты, собранные К. Е. Напьерским. Изданы Археографическою комиссиею. СПб., 1868.
- Акты Южн. и Зап. России — Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т. I (1361—1598 гг.). СПб., 1863; т. II (1599—1637 гг.). СПб., 1865.
- Акты юридич. — Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Изданы Археографическою комиссиею, под редакцией члена комиссии Николая Калачова, т. I. (Выборы, выписи, грамоты, данные, доклады, допросы, досмотры, доезды, духовные, дела, дельные, записки, записи, изветы.) СПб., 1857; т. II. (Кабалы, книги, купчие, межевые, мировые, меновые, наемные, наказы, оброчные, отводные, откупная, отписи, отписки, отписные, отпускные, отсрочные, памяти, писания, письма, платежные, подорожные, подписи, подписки, подрядные, поручные.) СПб., 1864; т. III. (Поступные, посыльная, приговоры, приказы, промытная, протроп, проезжие, разбор, разводные, раздельные, разрубники, разъезды, расписки, росписи, распросные речи, рядные, сговорные, сделочные, сказки, сметы, списки, срочная, ссудные, ставка очная, ставленные, статейные списки, указы, ценовая, челобитные, явки.) СПб., 1884.
- Alexandreida — Zbytky rýmovaných Alexandreid staročeských. Vydali Martin Hattala a Adolf Patera. Díl I. Texty a transkripce. V Praze, 1881.
- Антонович и Драгоманов — Исторические песни малорусского народа с объяснениями Вл. Антоновича и М. Драгоманова, т. I. Киев, 1874; т. II, Киев, 1875.
- Archiv für slav. Philol. — Archiv für slavische Philologie.
- Афанасьев — Народные русские сказки, издал А. А. Афанасьев, вып. I. М., 1855; вып. VI. М., 1861.
- Афанасьев, Журналы — Русские сатирические журналы 1769—1774 годов. Эпизод из истории русской литературы прошлого века. Сочинение А. Афанасьева. М., 1859.
- Babukić — Ilirska slovnica. Sastavi Vêkoslav Babukić. U Zagrebu, 1854.
- Барсов — Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым. Часть I. Плачи похоронные, надгробные и надмогильные. Изданы при содействии Общества любителей российской словесности. М., 1872.

- Beiträge — Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung auf dem Gebiete der arischen, celtischen und slavischen Sprachen.
- Беседа — Русская беседа.
- Бессонов — Болгарские песни из сборников Ю. И. Венелина, Н. Д. Катранова и других болгар, издал Петр Бессонов. I. Песни юнашки: молодецкие, героические или эпические. II. Песни женски: мифические или баснословные, колядки, кралицкие, сватовские-свадебные, пастушеские, подорожные, хороводные, любовные и проч. Песни воинские или воинственные. Стихи и переводы болгар. Временник Московского общества истории и древностей российских. Книга 21 и 22. Москва, 1885.
- Бессонов, Песни — Белорусские песни с подробными объяснениями их творчества и языка, с очерками народного обряда, обычая и всего быта, издал Петр Бессонов. М., 1871.
- Böhtlingk — Sanskrit-Wörterbuch herausgegeben von der Akademie der Wissenschaften, bearbeitet von Otto Böhtlingk und Rudolf Roth, I—VII. St. Petersburg, 1855—1875.
- Biblia Zofii — Biblia królowej Zofii, żony Jagiełły. Z kodeksu szarospatackiego. Nakładem księcia Jerzego Henryka Lubomirskiego wydana przez Antoniego Małeckiego. We Lwowie, 1871.
- Библиотека — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею.
- Bielenstein — Handbuch der lettischen Sprache von A. Bielenstein. I. Grammatik. Mitau, 1863.
- Bielenstein, Sprache — Die lettische Sprache nach ihren Lauten und Formen erklärend und vergleichend dargestellt von A. Bielenstein. Erster Teil. Die Laute. Die Wortbildung. Berlin, 1863. Zweiter Teil. Die Wortbeugung. Berlin, 1864.
- Б. М. — Српске народне песме. Скупио их у Срему Б[ранко] М[ушички]. Панчево, 1875.
- Богишић — Народне пјесме из старијих, највише приморских записа. Скупио и на свијет издао В. Богишић. Књига прва са расправом о „бугаршицама“ и с рјечни ком. Биоград, 1878; Гласник српског ученог друштва. Друго одељење. Књига десета.
- Богословие — Богословие Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна, ексарха болгарского. По харатейному списку Московской синодальной библиотеки буква в букву и слово в слово. Чтения [см.], 1877, кн. IV, М., изд. 1878.
- Бодянский — Житиѣ Феодосиѣ, игоумѣна печерскаго, съписаниѣ Нестора. По харатейному списку XII-го века. [Издад] О. Бодянский. Чтения [см.], 1858, кн. III.
- Болдырев — Алексей Болдырев. Рассуждение о глаголах. Труды [см.], ч. II, М., 1812.
- Болотов — Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков. 1738—1745, тт. I—IV. СПб., 1870—1873.
- Bopp, Glossarium — Glossarium comparativum linguae sanscritae in quo omnes sanscritae radices et vocabula usitatissima explicantur et cum vocabulis graecis, latinis, germanicis, lituanicis, slavicus, celticis comparantur a Francisco Bopp. Edicio tertia, in qua vocabula sanscrita accentu notata sunt latinisque litteris transcripta. Adjecti sunt indices. Berolini, MDCCCLXVII.
- Bopp, Grammat. — Vergleichende Grammatik des Sanscrit, Zend, Armenischen, Griechischen, Lateinischen, Litauischen, Altslavischen, Gothischen und Deutschen von Franz Bopp. Zweite gänzlich umgearbeitete Ausgabe. Erster Band. Berlin, 1857; zweiter Band. Berlin, 1859; dritter Band. Berlin, 1861 (erste Hälfte. Berlin, 1860).
- Bopp, Kritisch. Grammat. — Kritische Grammatik der Sanscrita-Sprache in kürzerer Fassung von Franz Bopp. Vierte durchgesehene Ausgabe. Berlin, 1868.
- Бубляй — Веремія малороссийского гевала. Сповчена Иваном Бублеем. 1870 року. Полтава, 1871.
- Буслаев, Граммат. — Историческая грамматика русского языка, составленная Ф. Буслаевым. Изд. 2-е, переделанное. Ч. I и II. М., 1863; изд. 3-е, исправленное и дополненное: Этимология. М., 1868; Синтаксис. М., 1869.

- Буслаев, Материалы — Материалы для истории письмен восточных, греческих, римских и славянских. Изготовлены к столетнему юбилею Московского университета трудами профессоров и преподавателей Петрова, Клина, Менщикова и Буслаева. М., 1855.
- Буслаев, Очерки — Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Сочинение Ф. Буслаева, т. I, Русская народная поэзия. СПб., 1861.
- Буслаев, Хрестом. — Историческая хрестоматия церковно-славянского и древне-русского языков. Составлено... Ф. Буслаевым. М., 1861.
- Weber — Weber Adolf. Skladnja ilirskoga jezika. Beč., 1862.
- Westergaard — Radices linguae sanscritae ad decreta grammaticorum definivit atque copia exemplorum exquisitorum illustravit N. L. Westergaard. Bonae Rhenum, 1841.
- Вестник — Русский вестник, 1866, № 5—6.
- Виленский сборт. — Виленский сборник. Изд. В. Кулин. I. Вильна, 1869.
- Вовчок — Марко Вовчок.
- Востоков — Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной Грамматики полнее изложенная. СПб., 1831.
- Востоков, Словарь — Словарь церковно-славянского языка А. Х. Востокова. Известия [см.], т. V—X.
- Hanuš — Malý výbor ze staročeské literatury. Podle rukopisův knihovny vysokých škol pražských XIV—XVII století posud z větší části netištěných sestavený od I. J. Hanuše. V Praze, 1863.
- Hattala, Kratká — Hattala Martin. Kratká mluvnica slovenská. 1852.
- Hattala, Srovnávací — Srovnávací mluvnice jazyka českého a slovenského. Sepsal Martin Hattala. V Praze, 1856, 1857.
- Гильфердинг — Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. СПб., 1873.
- Гильфердинг, Об отношении — Об отношении языка славянского к языкам родственным. Исследование А. Гильфердинга. М., 1853.
- Головацкий — Я. Ф. Головацкий. Сборник галицких и угорских песен.
- Головацкий, I, II, III, III² — Народные песни Галицкой и Угорской Руси, собранные Я. Ф. Головацким, ч. I. Думы и думки. М., 1878; ч. II. Обрядные песни. М., 1878; ч. III. Разночтения и дополнения. Отделение I. Думы и думки. Отделение II. Обрядовые песни. М., 1878.
- Голятовский — Нбо новое. За старѣмъ Іваникіа Голятовскѣ. Рѣ. аѣа. Въ Львовѣ.
- Goszczyński — Goszczyński. Dziefa.
- Гребінка — Малороссийские приказки Е. Гребенки. СПб., 1834.
- Grimm — Geschichte der deutschen Sprache von Grimm Jacob.
- Grimm, Grammat. — Deutsche Grammatik, von Grimm Jacob. 1 Teil, 2 Ausgabe. Göttingen, 1822; 2 Teil. Göttingen, 1826; 3 Teil. Göttingen, 1831; 4 Teil. Göttingen, 1837.
- Гулак — Кобзарь П. П. Артемовського-Гулака. Киев, 1878.
- Humboldt¹ — Über die Kawi-Sprache auf der Insel Java, nebst einer Einleitung über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. Von Wilhelm von Humboldt. Erster Band. Berlin, 1836; zweiter Band. Berlin, 1838; dritter Band. Berlin, 1839.
- Humboldt — Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. Von Wilhelm von Humboldt. Berlin, 1876.
- Давыдов — [Давыдов.] Опыт общесравнительной грамматики русского языка, изданный Вторым отделением Академии Наук. Изд. 2-е. СПб., 1853.
- Даль — Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр. В. Даля. Издание Общества истории и древностей российских при Московском университете. М., 1862.
- Даль, Словарь — Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля М. 1863.
- Даничић — Србска синтакса. Написао Ђ. Даничић. Део први. У Београду, 1858.

- Даничић, Рјечник — Рјечник из књижевних старина српских. Написао Ђ. Даничић. Дио први А—К; дио други Л—П. У Биограду, 1863; дио трећи Р—Љ. У Биограду, 1864.
- Добровский — Грамматика языка славянского по древнему наречию, на коем Россияне, Сербы и другие Славяне Греческого исповедания, и Далматы Глаголиты Римского исповедания имеют церковные книги. Сочинение Иосифа Добровского, Философии Доктора, члена Чешского общества наук и других обществ. Ч. I. Перевел с Латинского М. Погодин. СПб., 1833; ч. II и III. Перевел с Латинского С. Шевырев. СПб., 1834.
- Домострой — Домострой благовещенского попа Сильвестра. Сообщено Дмитрием Павлов. Голохвастовым. Временник Московского общества истории и древностей российских. Кн. I. М., 1849.
- Donaleitis — Christian Donaleitis. Litauische Dichtungen. Erste vollständige Ausgabe mit Glossar. Von Aug. Schleicher. St. Petersburg, 1865.
- Доп. к обл. слов. — Дополнение к опыту областного великорусского словаря. Издание Второго отделения Академии Наук. СПб., 1858.
- Достопам. — Русские достопамятности, издаваемые Обществом истории и древностей российских, учрежденным при Московском университете. Часть I. М., 1815. Часть II. М., 1843.
- Драгоманов — Малорусские народные предания и рассказы. Свод Михаила Драгоманова. Киев, 1876.
- Др. рос. стих. — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым и вторично изданные с прибавлением 35 песен и сказок, доселе неизвестных, и нот для напева. М., 1818.
- Желудков — Иванов-Желудков. Русское село в Малой Азии. Русский вестник, 1866, № 6, стр. 413—451.
- ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения.
- Закревский — Старосветский бандуриста. Книга I. Избранные малороссийские и галицийские песни и думы. Собрал Николай Закревский. М., 1860.
- Zikmund — Skladba jazyka českého ad Václava Zikmunda. V Praze, 1863.
- Zima — Figure u našem narodnom pjesničtvu s njihovom teorijom. Napisao Luka Zima. Na sviet izdala Jugoslavenska Akademija Znanosti i Umjetnosti. U Zagrebu, 1880.
- Игнат. — Казки. Збравъ Игнатій зъ Никловичъ. Накладомъ Йлкова Савчиньского. Львѳв, 1861.
- Изборн. 1073 г. — Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года. Изданием члена-учредителя Общества любителей древней письменности Тимофея Саввича Морозова. Петербург, 1880.
- Известия — Известия Академии Наук по Отделению русского языка и словесности, тт. I—X, 1852—1861.
- Ипат. лет. — Ипатьевская летопись. Полное собрание русских летописей, изданное Археографическою комиссиею, т. II. СПб., 1843.
- Ипат. лет. 2 — Летопись по Ипатскому списку. Издание Археографической комиссии. СПб., 1871.
- Историч. песни — Исторические песни малорусского народа с объяснениями Вл. Антоновича и М. Драгоманова, т. I. Киев, 1874; т. II, вып. 1. Песни о борьбе с поляками при Богдане Хмельницком. Киев, 1875.
- Калайдович — Иоани, екскар болгарский. Исследование, объясняющее историю словенского языка и литературы IX и X столетий. Написано Константином Калайдовичем. М., 1824.
- Калайдович, Памятники — Памятники российской словесности XII века, изданные с объяснением, вариантами и образцами почерков К. Калайдовичем. М., 1821.
- Калеки — Калеки переходные. Сборник стихов и исследование П. Бессонова, вып. I. М., 1861.
- Караѳић — Српские народне пјесме из Херцеговине (женске). За штампу их приредило Вук Стеф. Караѳић. (Трошком народнијех прилога.) У Бечу, 1866.

- Жарадић, Пјесме — Српске народне пјесме, скупио их и на свијет издао Вук Стеф. Караџић. Књига прва, у којој су различне женске пјесме. У Бечу, 1841; књига друга, у којој су пјесме јуначке најстарије. У Бечу, 1845; књига трећа, у којој су пјесме јуначке средњих времена. У Бечу, 1846; књига четврта, у којој су пјесме јуначке новијих времена о војевању за слободу. У Бечу, 1862; књига пета, у којој су пјесме јуначке новијих времена о војевању Црногорода. У Бечу, 1865.
- Караџић, Пословице — Српске народне пословице и друге различне, као оне у обичај узете ријечи. Издао их Вук Стеф. Караџић. У Бечу, 1849.
- Караџић, Припов. 1821 — В. С. Караџић. Српске народне приповијетке. У Бечу, 1821.
- Караџић, Припов. 1853 — Српске народне приповијетке. Скупио их и на свијет издао Вук Стеф. Караџић. У Бечу, 1853.
- Караџић, Рјечник — Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем рјечима. Скупио га и на свијет издао Вук Стеф. Караџић. У Бечу, 1852. *Lexicon serbico-germanico-latinum. Edidit Vuk Steph. Karadschitsch. Vindobonae, 1852.*
- Кв.-Осн. — Повісті Григорія. Квітки-Оснoвъяненка. Тт. I, II. Издав П. А. Куліш. СПб., 1858.
- Киреевский — Песни, собранные П. В. Киреевским. Изданы Обществом любителей российской словесности, ч. I. Песни Былевые. Время Владимирова. Вып. I. Илья Муромец, богатырь-крестьянин. Изд. 2-е, без перемен. М., 1863; вып. II. а) Богатырь Добрыня Никитич, дружинник и родич великокняжеский. б) Богатырь Алеша Попович и братья Збродовичи (Збродовичи: Дородовичи). в) Богатырь Василий (Казимирович: Игнатъевич) долгополый, пьяница. Изд. 2-е, значительно исправленное и дополненное П. Бессоновым. М., 1875; вып. III. Богатыри: Иван Гостинный сын и Иван Гоудинович. Данило Ловчанин с женою. Данило Игнатъевич с сыном. Дунай Иванович. Женитьба князя Владимира. Сорок калик со каликою. Дюк Степанович. Суровец-Суздалец. Саур Ванидович или Саул Леванидович с сыном. Изд. 2-е, значительно исправленное и дополненное П. Бессоновым. М., 1878; вып. IV (дополнительный), 1-я половина. Богатыри: Илья Муромец, Никита Иванович, богатырь — Заолешанин, Михайло Иванович, богатырь — Поток, бродяга; Ставр Гоудинович, боярин; богатыри — горожане посадские, Городен или Хотен Блудович и Чурило Пленкович; Михайло Петрович, богатырь — Казарянин; Соловей Будимирович, богатырь-мореходец. С каких пор перевелись витязи на святой Руси. Аника Воин. Старшие богатыри: Святогор. Изд. 2-з, значительно исправленное и дополненное П. Бессоновым. М., 1879. Часть II, вып. V. Песни былевые: I. Новгородские. II. Княжеские. М., 1863.
- Književnik — Književnik. Časopis za jezik i poviest hrvatsku i srbsku i prirodne znanosti. Колосов — Заметки о языке и народной поэзии в области северно-великорусского наречия. М. А. Колосова первые два отчета Отделению русского языка и словесности. СПб., 1876.
- Kolberg — Mazowsze. Obraz etnograficzny. Skreślił Oskar Kolberg. T. I—V. Kraków, 1885—1890. — Lud. Jego zwyczaj, sposób życia, mowa, podania, przysłowia, obrzędy, gusła, zabawy, pieśni, muzyka i tańce. Przedstawił Oskar Kolberg. Serya I—XXIII. Warszawa—Krakow, 1865—1890.
- Костомаров — Н. И. Костомаров. Очерки домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI—XVII столетиях. Современник, 1860, X.
- Костомаров, Песни — Н. И. Костомаров. Народные песни, собранные в западной части Волынской губернии. Малорусский литературный сборник. Изд. Д. Мордовцев. Саратов, 1859.
- Котляревский — *Virgiliëva Eneida na ukraïnskiju movu pereličevana*. Сочинение И. П. Котляревского. Киев, 1873.
- Котошихин — О России в царствование Алексея Михайловича. Современное сочинение Григория Котошихина. Изд. 2-е. СПб., 1859.
- Krasicki — I. Krasicki. Dzieła.
- Kraszewski — J. Kraszewski. Dzieła.

- Крижанич — Граматично изказанје об руском језику по па Јсрка Крижаница, презванјем Сербљанина, междѣ Крѣпојѣ и Вѣсноју риками: во ѣјездех Бѣхца града, окол Дѣбовца, Озлабѣ и Рибника острогов, писано въ Сибири: лета 1780 год. Подготовил к изданію О. Бодянский. Читенія [см.], год IV, кн. I, М., 1848.
- Księgi ust. — Historyczne pomniki języka i uchwał polskich i mazowieckich z wieku XVgo i XVIgo. Tom I. Księgi ustaw polskich i mazowieckich na język polski w latach 1449, 1450, 1503, 1451 przekładane, po raz pierwszy, staraniem Joachima Lelewela, drukiem ogłoszone. Wilno, 1824.
- Кулиш — Записки о Южной Руси. Издал П. Кулиш, т. I. СПб., 1836; т. II. СПб., 1857.
- Curtius — Grundzüge der griechischen Etymologie von Georg Curtius. Vierte durch Vergleichenungen aus den keltischen Sprachen von Ernst Windisch erweiterte Auflage. Leipzig, 1873.
- Kurschat — Grammatik der litthauischen Sprache. Von Dr. Friedrich Kurschat. Halle, 1876.
- Kurschat, Wörterbuch — Wörterbuch der litthauischen Sprache von Friedrich Kurschat. Zweiter Teil. Litthauisch-deutsches Wörterbuch. Halle a. S., 1883.
- Лавренко — Пісні про кохання. Видав Д. Лавренко. Київ. 1864.
- Лаврент. лет. — Лаврентьевская летопись. Полное собрание Русских летописей, изданных Археографическою комиссіею, т. I. СПб., 1846.
- Лаврент. лет. (светопечатная) — Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Издание Археографической комиссії. СПб., 1872.
- Лаврент. лет. 2 — Летопись по Лаврентьевскому списку. Издание Археографической комиссії. СПб., 1872.
- Лавровский — О языке северно-русских летописей. Рассуждение, представленное в Историко-филологический факультет С. Петербургского университета на степень магистра славянской словесности Петром Лавровским. СПб., 1852.
- Lazarus — Lazarus. Über die Ideen in der Geschichte. Zeitschrift [см.], III, 1865, стр. 385—486.
- Лет. Самовидца — Летопись Самовидца по новооткрытым спискам с приложением трех малороссийских хроник: Хмельницкой, „Краткого описания Малороссии“ и „Собрания Исторического“. Издана Киевскою временною комиссіею для разбора древних актов. Киев, 1878.
- Летописи — Полное собрание русских летописей, изданное Археографическою комиссіею. СПб., 1845 сл.
- Linde — Słownik języka polskiego przez Samuela Bogumiła Linde. Tom I [A — F]. Lwów, 1854; tom II [G — L]. Lwów, 1856; tom III [M — O]. Lwów, 1857; tom IV [P]. Lwów, 1858; tom V [R — T]. Lwów, 1859; tom VI i ostatni [U — Z]. Lwów. 1860.
- Ломоносов — Российская грамматика Михайла Ломоносова. Грамматика русского языка академика М. В. Ломоносова, 1755 года. Издана Вторым отделением Академии Наук в воспоминание столетия русской грамматики. СПб., 1855.
- Максимович — Украинские народные песни, изданные Михаилом Максимовичем, ч. I. М., 1834.
- Максимович, Киевлянин — М[аксимович] М. [А.]. О монастыре Гнилецком. Киевлянин, 1841. II, стр. 27—47.
- Małecky, Grammat. większa — Grammatyka języka polskiego większa. Przez Antoniego Małeckiego. Lwów, 1863.
- Манжура — И. И. Манжура. Малорусские народные предания и рассказы. 1876.
- Martens — Martens Henrich. Die Verba perfecta in der Niebelungendichtung. Zeitschrift [см.], XII, S. 31—41.
- Материалы — Материалы для сравнительного и объяснительного словаря русского языка и других славянских наречий. Прибавление к Известиям Академии Наук по Отделению русского языка и словесности. СПб., 1852 сл.
- Maciejowski — Waclaw Alexandr Maciejowski. Piśmiennictwo polskie od czasów najdawniejszych aż do roku 1830. Tom II. Dodatki do piśmiennictwa polskiego. Warszawa, 1852.
- Метлинский — Народные южнорусские песни. Изд. Амвросия Метлинского. Киев, 1854.

- Миладиновци — Български народни песни собрани од братья Миладиновци Димитрия и Константина и издани од Константина. В Загребъ, 1861.
- Миней — Великие миней четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Сентябрь, дни 1—13. Издание Археографической комиссии. СПб., 1868.
- Mickiewicz — Mickiewicz. Poezje.
- Miklosich — Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, von Franz Miklosich, I Band, Lautlehre. Wien, 1879; II Band, Stammbildungslehre. Wien, 1875; III Band, Formenlehre. Wien, 1856; III² Band, Wortbildungslehre. Wien, 1876; IV Band, Syntax. Wien, 1883.
- Miklosich, Lautlehre — Lautlehre der altslovenischen Sprache von Fr. Miklosich. Wien, 1850.
- Miklosich, Lexicon — Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum emendatum auctum. Edidit Fr. Miklosich. Vindobonae, 1862—1865.
- Моление — Данила Заточеника. Моленіѣ к своему кнзю Ілрославѣ Всеволодовичю. Новая редакция (XIII века) Слова Даниила Заточеника. В. Ундольский.
- Мордовцев — Малорусский литературный сборник. Изд. Д. Мордовцев, Саратов, 1859.
- Mor. Nár. Písň — Moravské národní písň s nářevy do textu vřaděnými. Sebral a vydal František Sušil. V Brně.
- Некрасов — Н. Некрасов. Объяснения по некоторым вопросам русской грамматики. ЖМНП, 1869, IX, Наша учебная литература, стр. 1—77.
- Некрасов, О глаголе — О значении форм русского глагола. Соч. Н. Некрасова. СПб., 1865.
- Němcová — Boženy Němcové sebrané spisy.
- Nesselmann — Littauische Volkslieder, gesammelt, kritisch bearbeitet und metrisch übersetzt von G. H. F. Nesselmann. Berlin, 1853.
- Nesselmann, Wörterbuch — Wörterbuch der Littauischen Sprache von G. H. F. Nesselmann. Königsberg, 1851.
- Новгор. лет. — Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. [Светопечатное] издание Археографической комиссии. СПб., 1875.
- Новгор. I лет. — Новгородская первая летопись. Полное собрание русских летописей, изданное Археографическою комиссією, т. III. СПб., 1841.
- Новгор. II лет. — Новгородские летописи. (Так названные Новгородская вторая и Новгородская третья Летописи.) Издание Археографической комиссии. СПб., 1879.
- Новгор. IV лет. — Полное собрание русских летописей, изданное Археографическою комиссією, т. IV. СПб., 1848.
- Новиков, Трутень — „Трутень“ Н. И. Новикова. 1769—1770. Изд. 3-е, П. А. Ефремова. СПб., 1865.
- Номис — Українські приказки, прислів'я и таке инше. Збірники О. В. Марковича и других, спорудив М. Номис [М. Т. Симонов]. СПб., 1864.
- Обл. слов. — Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии Наук. СПб., 1852.
- O wypr. choc. — Pamiętniki o wyprawie chocimskiej r. 1621 Jana hrabi z Ostroroga, Prokopa Zbigniewskiego, Stanisława Lubomirskiego i Jakóba Sobieskiego. Z rękopismów współczesnych i druków mniej znanych zebrał Żegota Pauli. W Krakowie, 1853.
- Ogonowski — Studien auf dem Gebiete der rutenischen Sprache, von Dr. Emil Ogonowski. Lemberg, 1880.
- Остр. ев. — Остромирово евангелие 1056—1057 года. С приложением греческого текста евангелий и с грамматическими объяснениями, изданное А. Востоковым. СПб., 1843.
- Павский — Павский. Филологические наблюдения над составом русского языка. Третье рассуждение. О глаголе. СПб., 1842.
- Пам. древн. письм. — Памятники древней письменности.
- Пам. и обр. нар. яз. — Памятники и образцы народного языка и словесности. Известия [см.], тт. I—V.
- Памятники Киевск. — Памятники, изданные временною комиссією для разбора древних актов, учрежденною при киевском военном, подольском и волинском генерал-губернаторе, т. I. Киев, 1843; т. II. Киев, 1846; т. III. Киев, 1852; т. IV. Киев, 1850—

- Пам. рос. слов. — Памятники российской словесности.
- Пам. стар. р. литер. — Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Куселевым-Безбородко, под редакцией Н. Костомарова. Сказания, легенды, повести, сказки и притчи, вып. I и II. СПб., 1860; вып. III и IV. СПб., 1862.
- Памятники — Памятники великорусского наречия. СПб., 1855.
- Paul — Principien der Sprachgeschichte von Hermann Paul. Halle, 1880.
- Петрановић — Српске народне пјесме из Босне и Херцеговине. Епске пјесме старијег времена. Скупио Богољуб Петрановић. У Биограду, 1867.
- Петрановић, Пјесме — Српске народне пјесме из Босне. (Женске.) Скупио их и на свијет издао јеромонах Богољуб Петрановић, учитель. Књига прва. У Сарајеву, 1867.
- Пинчуки — Пинчуки. Этнографический сборник. Песни, загадки, пословицы, обряды, приметы, предрассудки, поверья, суеверья и местный словарь. Собрал в Пинском уезде Минской губернии Д. Г. Булгаковский. Записки Русского географического общества по отделению этнографии. Том XIII, выпуск 3. СПб., 1899.
- Pol — Pol Wincenty. Działa.
- Попов — Попов А. [В.]. Сравнительный синтаксис именительного, звательн. и винительного пад. в санскрите, зенде, греч., латин., немецк., литов., латыш. и слав. наречиях. Филологические записки, Воронеж, 1879, вып. IV—V, стр. 1—42, и вып. VI, стр. 43—76; 1880, вып. I, стр. 77—100, вып. II, стр. 101—146, вып. III, стр. 147—182, вып. IV—V, стр. 183—240, и вып. VI, стр. 241—266; 1881, вып. II, стр. 267—308; и отдельно: А. В. Попова. Синтаксические исследования. I. Воронеж, 1881.
- Потебня — А. А. Потебня. Два исследования о звуках русского языка. I. О полногласии. II. О звуковых особенностях русских наречий. Воронеж, 1866.
- Потебня, Из записок — Из записок по русской грамматике. I. Введение. Составил А. Потебня. (Перепечатано из „Филологических записок“.) Воронеж, 1874; II. Составные члены предложения и их замены в русском языке. Сочинение А. Потебни. (Оттиск из „Записок Харьковского университета“.) Харьков, 1874.
- Потебня, К истории — К истории звуков русского языка. А. Потебни. Воронеж, 1876.
- Pott — Etymologische Forschungen auf dem Gebiete der indo-germanischen Sprachen, unter Berücksichtigung ihrer Hauptformen, Sanskrit; Zend-Persisch; Griechisch-Lateinisch; Littauisch-Slawisch; Germanisch und Keltisch, von Aug.-Friedr. Pott, I—VI. Detmold, 1859—1876.
- Псковск. грам. — Псковская судная грамота, составленная на вече в 1467 году. Издана [Н. Мурзакевичем] по списку, хранящемуся в библиотеке князя Михаила Семеновича Воронцова. Одесса, 1847.
- Пск. I лет. — Псковская первая летопись. Полное собрание русских летописей, изданное Археографическою комиссиею, т. IV. СПб., 1843.
- Пск. II лет. — Псковская вторая летопись. Полное собрание русских летописей, изданное Археографическою комиссиею, т. V. СПб., 1851.
- Pfuhl — Lužicki serbski slovník. Spisal a pod sobuskutowanjom Seilerja a Hórnika wudał Professor Dr. Pfuhl w Dreždžanach. W Budyšinje, 1866. Lausitzisch-Wenedisches Wörterbuch. Verfaßt und unter Mitwirkung von Seiler und Hornig herausgegeben von Professor Dr. Pfuhl in Dresden. Budissin, 1866.
- Пыпин — Словарь к первой Новгородской летописи А. Н. Пыпина. Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики. Известия [см.], III, 1852.
- Рајковић — Рајковић. Српске народне песме (женске). Већином их у Славонији скупио Ђорђе Рајковић. У Новоме Саду. 1839.
- Реймское ев. — Сазаво-еммауское ѣтое блговѣствованіе, нынѣже Ремьское, нанеже прѣже присагаша при вѣнчальномъ муропомазаніи цри франьцоустии, съ прибавленіемъ съ бокою тогоже чтеніи латиньскими боуквами и сличеніемъ остромирова еуангеліи и острожьскихъ чтеніи. Трудомъ и иждивеніемъ Ващеслава Ганкы. Sazavo-emmauzskoje svjatoje blagovѣstvovanije, nupѣne Remeskoje, na пѣнѣ

grěhe prisjagaša pri věnřal'nom myropomazanii cari francustii. s pribavleniem s boku togoče ѡтепїя latinskyi bukvmi slīnēnīem ostromirova evāgelia i ostrouchskŭi čtenii. Въ Чешьской Празѣ, 1846.

- Романов — Е. Романов. Белорусский сборник. Т. I, Губерния Могилевская. Выпуск I и II. Песни, пословицы, загадки. Киев, 1875.
- Рыбников — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I, Народные былины, старины и побывальщины. М., 1861; ч. II, то же. М., 1862; ч. III, Народные былины, старины, побывальщины и песни. Петрозаводск, 1864; ч. IV, Народные былины, старины, побывальщины, песни, сказки, поверия, суеверия, заговоры и т. п. СПб., 1867.
- Саввина книга — Саввина книга. Древние славянские памятники юсового письма с описанием их и замечаниями об особенностях их правописания и языка. Труд И. И. Срезневского. СПб., 1868.
- Сахаров — Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым. Т. I. Книга 1-я, 2-я, 3-я, 4-я. Изд. 3-е. СПб., 1841; т. II. Книга 5-я, 6-я, 7-я, 8-я. СПб., 1849.
- Сб. ОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Академии Наук.
- Сборн. Сев.-зап. кр. — Сборник памятников народного творчества в Северо-западном крае, вып. I. Изд. ред. „Виленского вестника“. Вильна, 1866.
- Сказ. о Борисе и Глебе — Сказания о святых Борисе и Глебе. Сильвестровский список XIV века. По поручению и на иждивении Археологического общества издал И. И. Срезневский. СПб., 1860.
- Словарь к Ипат. лет. — Н. Г. Чернышевский. Опыт словаря из Ипатьевской летописи. Известия [см.], т. II, 1853, стр. 512—576.
- Слово о п. И. — Слово о полку Игореве. Издано для учащихся Николаем Тихонравовым. М., 1866.
- Собр. гос. грам. — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел, ч. I. М., 1813.
- Споменици — Сербские споменици или старе рисовуль, дипломе, повелѣ, и сношенїя босански, сербски, херцеговачки, далматински, и дубровачки краљѣва, царева, ба-нова, деспота, кнезова, войвода и властелина. Собрани трудом Павла Карано-Твртковића. Часть прва. У Бѣограду, 1840.
- Срезневский — И. И. Срезневский. Древние славянские памятники юсового письма с описанием их и с замечаниями об особенностях их правописания и языка. Труд И. И. Срезневского. СПб., 1868.
- Срезневский, Мысли — И. Срезневский. Мысли об истории русского языка. СПб., 1850.
- Срезневский, Памяти. — Древние памятники русского письма и языка (X—XIV веков). Общее повременное обозрение с палеографическими указаниями и выписками из подлинников и из древних списков. Труд И. Срезневского. СПб., 1863.
- Срезневский, Сведения — Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. И. Срезневского. СПб., 1874.
- Старина — Русская старина.
- Stecki — Wołyń pod względem statystycznym, historycznym i archeologicznym. Przez Tadeusza Jerzego Steckiego. Tom I. Lwów, 1864. Serya 2-ga. Lwów, 1871.
- Supr. — Monumenta linguae paleoslovenicae e codice Suprasliensi. Edidit F. Miklosich. Vindobonae, 1851.
- Тихонравов — Памятники отреченной русской литературы. Собраны и изданы Николаем Тихонравовым (Приложение к сочинению: „Отреченные книги древней России“), т. I. СПб., 1863.
- Тихонравов, Летописи — Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым, т. I. М., 1859; т. II. М., 1859; т. III. М., 1861.
- Троицк. лет. — Троицкая летопись. Полное собрание русских летописей, изданных Археологическою комиссїею, т. I. СПб., 1846.
- Труды — Труды Общества любителей российской словесности при Московском университете.

- Тр. Этнограф. отд. — Труды Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, кн. V, вып. 1. М., 1877; вып. 2. М., 1878.
- Уч. зап. АН — Ученые записки Второго отделения Академии Наук.
- Федькович — Повісті Осипа Федьковича. Киев, 1876.
- Феодосий — Поучение блаженного Феодосия, игумена Печерского, о казнях божиих. Уч. зап. АН [см.], кн. II, вып. II, стр. 193—224.
- Фортунатов — Литовские народные песни, собранные Ф. Фортунатовым и Всеv. Миллером. М., 1873. Московские университетские известия, 1872, № 1, Приложение, стр. 125—165 (I—XII песни); кн. 2 и 3, Приложение, стр. 323—401 (XIII—LIV песни); № 4, Приложение, стр. 430—531 (LV—С песни).
- Хождение — Путешествие игумена Даниила по Святой земле в начале XII века (1113—1115). Издано Археографическою комиссией под ред. А. С. Норова, с его критическими замечаниями, СПб., 1864.
- Хождение Афанасия — Хоженіе за три моря Афонася Микитина сына. Полное собрание русских летописей, изданное Археографическою комиссией, т. VI. СПб., 1833, стр. 330 сл.
- Cankof — Grammatik der bulgarischen Sprache, von A. und D. Kyriak Cankof. Wien, 1852. Zeitschrift — Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft.
- Zeitschrift Sprachforsch. — Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung.
- Черный, Греческая грамматика — Э. Черный. Греческая грамматика гимназического курса, ч. II. Синтаксис, изложенный сравнительно с русским и латинским. Изд. II. 1882; изд. III. 1885.
- Чтения — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.
- Чубинский — Труды Этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край, снаряженной Русским географическим обществом. Юго-западный отдел. Материалы и исследования, собранные д. ча. П. П. Чубинским, т. I—VII. СПб., 1872—1878.
- Чубро Чойковић — Пѣваннія черногорска и херцеговачка сабрана Чубромъ Чойковићемъ Черногорцемъ. Па и ѿмъ издана истимъ. У Лайпцигу, 1837.
- Шафранов — О видах русского глагола в синтаксическом отношении. Рассуждение, написанное для получения степени магистра кандидатом С. Шафрановым. М., 1852.
- Шахматов — А. Шахматов. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV вв. Исследования по русскому языку, т. I. Издание Отделения русского языка и словесности Академии Наук, СПб., 1885—1895.
- Шейн — Белорусские народные песни, с относящимися к ним обрядами, обычаями и суевериями, с приложением объяснительного словаря и грамматических примечаний. Сборник П. В. Шейна. СПб., 1874.
- Шейн, Материалы — Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-западного края, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном, т. I, ч. I. Бытовая и семейная жизнь белоруса в обрядах и песнях. СПб., 1887; ч. II. СПб., 1890.
- Шейн, Песни — П. В. Шейн. Русские народные песни, собранные П. В. Шейном, ч. I. Издание Общества истории и древностей российских при Московском университете. М., 1870.
- Шейковский, Словарь — Опыт южнорусского словаря. Труд А. Шейковского. Киев, 1861.
- Šembera — Základové dialektologie československé. Kterých sepsal Alois Vojtěch Šembera. S příklady všech řečí slovanských a různorečí českých, moravských a slovenských. Ve Vídni, 1864.
- Шестоднев — Шестоднев, составленный Иоанном ексархом болгарским. По харатейному списку Московской синодальной библиотеки 1263 года. Издание Общества истории и древностей российских при Московском университете. М., 1879.
- Schleicher — Schleicher A. Das futurum im Deutschen und Slavischen. Zeitschrift [см.], IV, 187—197.

- Schieicher, Belträge — Aug. Schieicher. Ein Rest des Imperfects in der russischen Umgangssprache. Beiträge [см.], V, 209.
- Schleicher, Grammat. Lesebuch — Handbuch der litanischen Sprache von August Schleicher. I, Grammatik. Prag, 1856. II, Lesebuch und Glossar. Prag, 1857.
- Schleicher, Formenlehre — Die Formenlehre der kirchenslavischen Sprache, erklärend und vergleichend dargestellt von Dr. Aug. Schleicher. Bonn, 1852.
- Schleicher, Compendium — Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Kurzer Abriss einer Lautlehre der indogermanischen Ursprache, des Altindischen (Sanscrit), Altiranischen (Altbaktrischen), Altgriechischen, Altitalischen (Lateinischen, Umbrischen, Oskischen), Altkeltischen (Altirischen), Altslawischen (Altbulgarischen), Litauischen und Altdeutschen (Gotischen). Von August Schleicher. Weimar, 1861.
- Шпилевский — Павел Шпилевский. Белоруссия в характеристических описаниях и фантастических ее сказках. Пантеон, 1853, V, Смесь, стр. 1—10; VI, Смесь, стр. 1—34.
- Steinthal — H. Steinthal. Über den Wandel der Laute und des Begriffs. Zeitschrift [см.], I, 416—432.
- Erben — Летопись Несторова. Nestorův letopis ruský. Přeložil Karel Jaromír Erben. V Praze, 1867.
- Erben, Písň — Prostonárodní české písň a říkadla, 1862—1864; 1886—1888.
- Erben, Písň¹ — Písň národní v Čechách, sebral Karel Jaromír Erben. S nápěvy swazek I. W Praze, 1842; swazek II. W Praze, 1843.
- Erben, Čítanka — Sto prostonárodních pohádek a pověsti slovanských v nářečích původních. Čítanka slovanská s vysvětlením slov, vydal Karel Jaromír Erben. V Praze, 1865. Сто славянских народных сказок и повестей в подлиннике. Книга для чтения с изъяснением слов. Издал Карл Яромир Эрбен. В Праге, 1865.
- Этнограф. сборн. — Этнографический сборник, издаваемый Русским географическим обществом, вып. I, 1853; вып. II, 1854; вып. III, 1858; вып. IV, 1858; вып. V, 1862; вып. VI, 1864.
- Jungman — Slovník česko-německý Josefa Jungmana. D díl I (A—J). W Praze, 1835; díl II (K—O). W Praze, 1836; díl III (P—R). W Praze, 1837; díl IV (S—U). W Praze, 1838; díl V (W—Ž). W Praze, 1839.
- Юшкевич — А. Юшкевич. Литовские свадебные народные песни, записанные Антоном Юшкевичем и изданные Иваном Юшкевичем. Lietuviškos svotbinių dainos, užrašytos par Antaną Juškėvičę ir išspaudintos par Joną Juškėvičę. СПб., 1883; Сб. ОРЯС, т. 35.
- Юшкевич, Песни — Литовские народные песни. С переводом на русский язык И. А. Юшкевича. Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Академии Наук. II, № 2, СПб., 1867.
- Juškevič — Lietuviškos dainos užrašytos par Antaną Juškevičę apigardoje Púšalačiu ir Velúnos iš žodžiu Lietuviu dainininku ir dainininkiu. Литовские народные песни, записанные Антоном Юшкевичем в окрестностях Пушолат и Велёны со слов литовских певцов и певиц (№№ 1—461). Казань, 1880; вып. III [так на титульном листе] (№№ 462—1023). Казань, 1880; т. III [так на титульном листе] (№№ 1024—1569). Казань, 1882.
- Jagić — Jagić V. Die südslawische Volksepik vor Jahrhunderten, Archiv für slavische Philologie, IV, S. 192—242.
- Jagić, Primjetbe — V. Jagić, Primjetbe k našoj sintaksi s gledišta sravnjujuće gramatike. Književnik [см.], Godina druga, 1865, S. 176—196.
- Janežić — Slovenska slovnica za domačo in šolsko rabo. Spisal Anton Janežić.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Авраамий Смоленский 167.
 Аксаков К. С. 63, 188, 201, 251, 291.
 Амвросий Московский 127, 133.
 Антонович Вл. 70, 295 1, 294.
 Артемовский-Гулак, см. Гулак.
 Афанасий Никитин 220, 300.
 Афанасьев А. А. 52, 87, 192, 277, 291.
 Babukič Vekoslav 80, 253, 291.
 Барсов Е. В. 28, 49, 64, 69, 90, 103, 129,
 138, 165, 184, 185, 202, 208, 210—214,
 245, 254, 265, 271, 272, 277—281, 291.
 Беккер 19.
 Бессонов Петр 87, 271, 292, 294, 295.
 Böhtling Otto 36, 61, 242, 256, 292.
 Bielenstein A. 36, 37, 39, 91, 135, 142, 260,
 270, 292.
 Б. М., см. Мушицки.
 Богишић В. 233, 289, 292.
 Бодянский О. 127, 128, 145, 172, 173,
 292.
 Болотов 163, 166, 292.
 Болдырев А 13, 17, 18, 20, 23, 292.
 Ворт Franz 62, 138, 141, 142, 145, 161, 168,
 171, 174, 186, 187, 202, 206, 222, 223,
 242, 243, 256, 258, 270, 273, 292.
 Бублей Иван 277, 279, 292.
 Булгаковский Д. Г. 298.
 Буслаев Ф. И. 48—51, 53—55, 59, 69, 75,
 80, 83—85, 88, 94, 98—100, 108, 111, 112,
 124, 125—130, 134, 135, 137, 138, 150, 151,
 153, 157, 158, 161, 166, 173, 175, 176—178,
 181, 184, 187, 189, 190, 194, 196—198, 200,
 202, 203, 204, 206, 208, 211, 221, 222—225,
 227—230, 232, 236, 238, 240, 243—245,
 248, 249, 251, 253, 255, 259, 262, 264,
 266—269, 271, 273—275, 279, 283, 284,
 292, 293.
 Василий Иванович 236.
 Weber Adolf 100, 108, 117, 123, 158,
 293.
 Венелин Ю. И. 292.
 Westergaard N. L. 61, 293.
 Windisch E. 296.
 Владимир Мономах 151.
 Вовчок Марко 196, 272, 293.
 Востоков А. X. 13, 14—16, 18, 20, 21, 25,
 158, 207, 219, 258, 262, 273, 283, 293, 297.
 Ганка В. 298.
 Hanuš I. J. 163, 293.
 Hattala Martin 60, 225, 227, 232, 284, 291,
 293.
 Heine Heinrich 120, 121, 238.
 Гербарг 73.
 Гильфердинг А. Ф. 34—36, 39, 63, 64, 230,
 234, 237, 289, 293.
 Гоголь Н. В. 208, 213.
 Головацкий Я. Ф. 29, 52, 53, 60, 130, 134,
 185, 195, 196, 206, 211, 213, 214, 217, 218,
 220, 221, 227, 238, 248, 279, 287, 293.
 Голохвастов Д. П. 294.
 Голятовский Иоанникий 165, 293.
 Goszczyński 105, 106, 293.
 Гребінка 62, 102, 107, 127, 181, 188, 189,
 192—196, 202, 208, 224, 229, 240, 250, 251,
 293.
 Григорий Назиянзин 138.
 Grimm Jacob 45, 55, 137, 158, 238, 293.
 Гулак (Артемовский) П. П. 177—180, 184,
 192, 193, 293.
 von Humboldt Wilhelm 34, 293.
 Давыдов И. И. 13, 18—23, 293.
 Даль В. И. 33, 34, 59, 60, 70, 163, 165, 181,
 187, 197, 198, 199, 209, 217, 220, 239, 245,
 248, 255, 259, 260, 261, 263, 264, 266, 268,
 271—273, 282, 285, 293.
 Данил Заточник 297.
 Даниил, игумен 300.
 Данилов Кирша, см. Кирша Данилов.
 Даничић Ђуро 209, 250, 252—255, 262, 263,
 264, 267, 293, 294.
 Державин Г. Р. 134.
 Джемс Ричард 109, 225.
 Дмитриев 135.
 Добровский Иосиф 119, 294.
 Donaleitis Christian 37, 38—43, 45, 257, 294.
 Драгоманов Михаил 70, 177, 214, 221, 233,
 245, 271, 291, 294.
 Елена 236.
 Епифаний Славинецкий, см. Славинецкий.
 Ефремов П. А. 279, 297.
 Ефрем Сирин 172.
 Желудков, см. Иванов-Желудков.
 Загоскин М. Н. 217.
 Закревский Николай 239, 294.
 Zbigniewski Prokop 297.
 Zikmund V. 179, 181, 195, 203, 294.
 Zima L. 233, 236, 289, 294.

- Иванов-Желудков 279, 294.
 Игнатий з Никлович 165, 177, 241, 247, 249, 250, 294.
 Иоанн Дамаскин 133, 292.
 Иоанн, экзарх болгарский 49, 88, 102, 127, 133, 146, 151, 165, 292, 300.
 Калайдович К. Ф. 49, 50, 52, 88, 122, 125, 126, 133—135, 139, 146, 147, 151, 153, 165, 167, 172, 273, 208, 210, 211, 213, 230—232, 240, 253, 279, 284—285, 294.
 Кантемир А. 255.
 Калачов Николай 291.
 Карано-Гвргковий Павел 299.
 Караян В. С. 48, 56, 63, 70, 99, 102, 107, 115, 117, 118, 120, 160, 179, 180, 183, 184, 186, 187, 217, 218, 226, 229, 230, 239, 260, 279, 280, 287, 288, 289, 294, 295.
 Катранов Н. Д. 292.
 Квитко-Основьяненко Григорий 59, 60, 84, 105—107, 112, 116, 137, 164, 176, 177—179, 182, 184, 192—197, 207, 208, 210—212, 228, 229, 244, 246, 248, 249—251, 268, 287, 295.
 Киреевский П. В. 59, 60, 65, 67—70, 74, 75, 85, 86, 110, 160, 234—236, 245, 250, 268, 275, 295.
 Кирилл 49.
 Кирил Туровский 151, 153, 167, 208, 253, 276.
 Кирша Данилов 294.
 Клин 293.
 Kolberg Oskar 288, 295.
 Колосов М. А. 105, 289, 295.
 Костомаров Н. И. 209, 212, 255, 259, 265, 295, 298.
 Котляревский И. П. 84, 85, 162, 188, 192, 209, 211, 212, 219, 224, 229, 245, 246, 251, 253, 262, 265, 272, 295.
 Котошихин Григорий 104, 163, 165, 212, 216, 217, 230, 236, 237, 250, 270, 277, 279, 287, 295.
 Kraszewski J. 61, 106, 295.
 Krasicki I. 105, 106, 295.
 Крижанич Юрий 13, 16—18, 20—23, 119, 296.
 Крылов И. А. 115, 164, 187, 246, 266.
 Куліш П. А. 51, 59, 60, 70, 71, 84, 87, 113, 130, 184, 189, 190, 193, 203, 248, 249, 250, 264, 268, 289, 296.
 Curtius Georg 223, 242, 270, 296.
 Kurschat Friedrich 44, 45, 26, 121, 296.
 Кушелев-Безбородко Григорий 298.
 Лавренко Д. 264, 296.
 Лавровский Петр 97, 248, 296.
 Lazarus 73, 296.
 Lelewel Joachim 296.
 Linde S. B. 106, 137, 225, 232, 241, 242—296.
 Ломоносов М. В. 13, 16, 29, 296.
 Lubomirski Stanislaw 297.
 Ludwig 182.
 Макарий 297.
 Максимович М. А. 282, 296.
 Małeckı Antoni 85, 292, 296.
 Манжура И. И. 244, 296.
 Martens Heinrich 63, 32, 296.
 Maciejowski W. A. 276, 296.
 Меншиков 293.
 Метлинский Амвросий 51, 53, 59, 60, 69, 71, 72, 85, 101, 103, 107, 113—116, 137, 159, 194, 203, 209, 210—214, 222, 229, 233, 236, 237, 242, 245, 248, 250, 251, 254, 259, 260, 262—267, 269, 271, 279, 296.
 Миклошич Франц (Miklosich Franz) 29, 44, 45, 49, 50, 51, 61, 64, 79, 83, 84, 85, 117, 134, 138, 140, 142, 145, 160, 161, 171, 172, 174, 176, 182, 184, 185, 187, 201, 202, 205, 206—210, 213, 215, 217, 222, 223, 232, 239, 240, 242, 244, 245, 248—250, 253, 256, 258, 259, 262, 265, 267, 270, 279, 283, 297, 299.
 Миладиновици братья 208, 297.
 Миллер Всеволод 46, 300.
 Михаил Константинович 164, 230.
 Mickiewicz Adam 105, 106, 297.
 Мордовцев Д. А. 209, 295, 297.
 Морозов Т. С. 294.
 Мстислав Давыдович, князь, 50, 125, 126, 228.
 Мурзакевич Н. 298.
 М(ушицки) Б(ранко) 236, 292.
 Напьерский К. Е. 291.
 Некрасов Н. П. 85, 93—95, 97, 99—101, 104, 105, 115, 116, 131, 167—170, 174—176, 187, 197, 202, 206, 297.
 Némcsova Vožena 58, 297.
 Nesselman G. H. F. 37, 38, 39, 65, 132, 191, 256, 258, 270, 297.
 Нестор 292.
 Никитин Афанасий, см. Афанасий Никитин.
 Никифор 147, 151.
 Новиков Н. И. 87, 238, 279, 297.
 Номис М., 53, 60, 192, 193, 209, 211, 213, 214, 254, 264, 272, 297.
 Норов А. С. 300.
 Ogonowski Emil 254, 297.
 Павский 13, 18, 21—27, 29, 30, 33, 39, 44, 48, 62, 76, 80, 81, 88, 89, 91—93, 176, 297.
 Patara Adolf 291.
 Paul Herman 191, 298.
 Pauli Żegota 297.
 Петроновић Богољуб 60, 61, 150, 159, 284, 298.
 Петров 293.
 Погодин М. 294.
 Pol Wincenty 105, 106, 193, 298.
 Попов А. В. 202, 243, 298.
 Потембин А. А. 64, 65, 198, 201, 203, 218, 225, 237, 238, 290, 298.
 Rott A. F. 61, 62, 74, 89, 222, 223, 239, 242, 253, 256, 261, 268, 269, 270, 272, 273, 275, 283, 298.
 Пушкин А. С. 104, 115, 116.
 Pfuhl 253, 298.
 Пыпин А. Н. 152, 239, 254, 275, 280, 284, 285, 298.
 Рајковић Ђорђе 233, 236, 250, 298.
 Романов Е. 181, 299.
 Roth Rudolf 292.
 Рыбников Н. П. 60, 65, 67, 90, 138, 244, 245, 247, 299.

- Сахаров И. 28, 213, 299.
Свидригайло 217.
Святослав Ярославич 294.
Серапион 299.
Сильвестр 294.
Симонов М. Г., см. Номис.
Славинецкий Епифаний 127, 133.
Sobieski Jakób 297.
Соболевский А. И. 229.
Срезневский И. И. 49, 97, 122, 128, 134, 151, 161, 172, 187, 192, 217, 221, 265, 272, 299.
Stecki T. J. 284, 299.
Sušil František 297.
- Тихонравов Н. С. 208, 240, 281, 299.
- Ульфила 55, 158.
Ундольский В. М. 29.
Упирь Лихой 88, 138.
- Федькович Осип 87, 185, 239, 257, 260, 279, 280, 300.
Фонвизин Д. И. 217.
Фортунатов Ф. Ф. 46, 237, 300.
- Sankof 63, 83, 300.
Черный Э. 215, 300.
Чернышевский Н. Г. 299.
- Чубинский П. П. 214, 284, 300.
Чубро Чойковић 15, 74, 117, 123, 159, 183, 193, 201, 289, 300.
Чулков 52.
- Шафранов С. 13, 16, 300.
Шахматов А. А. 244, 300.
Шевырев С. 294.
Шейковский А. 264, 300.
Шейн П. В. 51, 138, 166, 217, 245, 281, 300.
Sembera A. V. 165, 300.
Schleicher August 36—46, 75, 76, 131, 132, 135, 142, 143, 145, 168—170, 171, 174, 179, 186, 187, 191, 223, 256, 270, 294, 300, 301.
Шпилевский Павел 279, 301.
Steinthal H. 73, 96, 301.
- Erben K. J. 58, 119, 120—124, 128, 129, 146, 147, 149, 301.
- Jungman Jozef 56, 225, 242, 253, 258, 267, 301.
Юшкевич Антон 45, 301.
Юшкевич Иван 301.
- Ягич И. В. 184, 289, 301.
Ян Леополита 242.
Jan z Ostroroga 297.
Janežič Anton 179, 301.
-

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Анализ грамматический** — 199.
Аналогия — 88, 149, 223, 244.
Архаизм — 31, 51, 59, 83, 156, 232, 238, 253, 255, 289.
Ассимиляция — 243.
Атрибут — 201, 206, 249.
Атрибутивность — 215, 249.
Аугмент — 141.
Безличность — 204, 205.
Благозвучие — 190.
Будущность — 15, 47.
Быстрота мысли — 72.
Быстрота течения мысли — 74.
Вид — 13—27, 32, 34—36, 40, 46—49, 53—55, 59, 61—63, 74—77, 80, 81, 83, 85, 88, 91, 94, 98, 99, 108, 111, 116, 135—137, 161, 176.
 — беспредложный — 13.
 — более длительный — 61.
 — длительный — 19.
 — конкретно-длительный — 61.
 — многократный — 13, 14, 18, 19, 21, 36, 61, 81, 83.
 — начинательный — 14, 19.
 — неокончательный — 13, 14.
 — неопределенно-длительный — 21.
 — неопределенно-кратный — 19, 20, 21.
 — неопределенно-кратный длительный — 21.
 — неопределенно-начинательный — 21.
 — неопределенный — 13, 14, 18.
 — несовершенный — 32, 55, 94, 135.
 — однократный — 18, 19, 53, 61, 81, 99, 137, 161.
 — окончательный — 19, 21.
 — определенный — 13, 14.
 — продолженный — 53, 54, 80.
 — простой — 13.
 — собственно неопределенно-кратный — 19.
 — совершенный — 13, 14, 18, 21, 32, 53—55, 81, 94, 99, 116, 161.
Возвратность действия — 206.
Вокализм — 168.
Вопрос — 85, 194, 199, 209, 222, 255, 257.
Время — 13—17, 22—25, 28—30, 34—36, 37, 41, 45—59, 61, 63, 65, 74—81, 83—86, 87, 89, 91—100, 102—112, 114—121, 123, 125, 126, 130—133, 135—142, 144—146, 150—159, 161, 167, 168, 170, 172, 174, 177, 179, 180, 183, 185, 186, 188, 194, 198, 204, 205, 222, 228, 240—242, 252, 259, 263, 267, 268, 279.
Время глагола:
Аорист — 36, 74, 100, 119, 120, 126, 139, 141, 142, 144, 145, 150—152, 154—159, 157, 161, 168, 180, 183, 184, 186.
 — беспредложного глагола, передаваемый в современном языке прошедшим глагола предложного совершенного — 153.
 — беспредложный — 154.
 — беспредложный повелительный — 130.
 — в значении будущего в сербском — 159.
 — в значении настоящего в сербском — 159.
 — в значении совершенном — 154.
 — в славянских языках — 161.
 — греческий — 157.
 — древнерусский — 158.
 — изъявительного наклонения — 158.
 — переводимый прошедшим несовершенным — 153.
 — правильный — 161.
 — русский = современным прошедшим глаголов совершенных — 153.
 — санскритский 6-й формы — 142.
 — славянский — 142, 157.
 — сослагательного наклонения — 158.
 — с -с- без связочной гласной — 161.
 — с -х- правильной — 161.
Будущее — 15—17, 21, 36, 45—48, 51—56, 63, 76, 80, 94, 108, 110—112, 114—119, 121—126, 129—133, 135—139, 147, 148, 157, 159, 172, 177.
 — аористичное — 119.
 — безотносительное — 117.
 — глаголов несовершенных — 132.
 — — совершенных — 118.
 — греческое — 158.
 — для обычности — 102.
 — латинское — 137.
 — литовское — 138.
 — неопределенное — 16, 194.
 — несовершенное — 45, 99, 102, 121, 130, 131, 136, 172.
 — объективное — 95, 100, 116, 117, 119.
 — однократное — 16.
 — описательное — 117, 137.
 — относительное — 117.
 — простое — 35, 46, 138.
 — простое совершенное — 119.
 — санскритское — 138.
 — славянское — 46, 48.
 — сложное — 55, 117, 186, 119.

- Будущее совершенное — 16, 45, 50, 51, 63, 94, 98, 100—102, 104, 105, 107, 108, 110—112, 114, 115, 117, 118, 120, 121, 123, 130, 131, 136, 172, 179, 185, 194.
 — совершенное-настоящее — 94.
 — совершенное обычности — 100, 119.
 — совершенное простое — 116, 118.
 — — сложное — 118.
 — совершенное современное — 130.
 — совершенное с отрицанием — 100.
 — субъективное — 117, 119.
 — украинское с *иму* — 117.
- Давнопрошедшее — 63, 76, 119, 150.
 — — 1-е — 16.
 — — 2-е — 16.
 — — 3-е — 16.
- Длительное — 151.
 Изобразительное — 158.
 Имперфект — 63, 144, 145.
 Imperfectum — 30, 74, 76, 141, 144, 146, 157, 158.
- Настоящее — 16, 17, 21, 30, 36, 37, 41, 45—51, 53—56, 61, 63, 65, 75, 76, 80, 86, 92, 94, 96—100, 103, 104, 111—113, 115, 116, 119—124, 126, 129—133, 135—137, 139, 140, 142—145, 149, 152, 157, 158, 159—163, 168, 170—172, 174, 182, 183, 185, 193, 194, 203.
 — беспредложное — 55.
 — в значении будущего — 21, 100, 104, 117, 121, 122, 124, 129—131, 135, 136, 139, 147, 148, 157, 158.
 — в значении настоящего — 135, 149, 157.
 — — повелительного — 137.
 — — прошедшего — 104.
 — вместо прошедшего — 161, 164.
 — глаголов беспредложных — 138.
 — — еще несовершенных — 102.
 — — предложных — 138.
 — — совершенных, означающее настоящее время — 116, 131.
 — — длительное — 52.
 — истинное — 158.
 — историческое — 137, 158.
 — конкретное — 52, 56.
 — однократное — 98, 100, 108.
 — однократного глагола — 119.
 — оконченное — 46, 48.
 — от глаголов ныне совершенных, где мы ожидаем прошедшего — 163.
 — повелительное — 110.
 — продолженное — 98, 100, 108.
 — славянское — 46.
 — совершенное — 98, 100, 108.
 — с союзом — 139.
- Описательное — 158.
 Перфект — 63.
 Perfectivum — 76.
 Perfectum — 36, 76, 119, 144.
 — historicum — 158.
 Plusquamperfectum — 63, 76.
 Предибывшее протяженное — 146.
 Преждебывшее неопределенное — 151.
 Praesens — 56, 158.
 — historicum — 114, 117.
 — in perfecto — 158.
 Praeteritum — 144.
- Преходящее (переходящее) — 100, 119, 140—142, 144—148, 150, 151, 159, 161.
 — в значении давнопрошедшего — 150.
- Проминско кратко — 159.
 — долго — 159.
- Простое — 146.
- Прошедшее — 16, 30, 35—37, 56, 61, 63, 65, 69, 75, 76, 78, 79, 85, 99, 100, 103, 104, 108, 112, 113, 115, 119, 132, 135, 141—163, 168, 177, 180, 183, 184.
 — 1-е — 141.
 — аугментированное — 141.
 — глаголов совершенных — 152.
 — длительное — 148—150, 158.
 — конкретное однократное — 177.
 — многократное — 85.
 — на л — 30, 180.
 — неопределенное — 16.
 — несовершенное — 75, 146, 153, 155, 157, 158.
 — несовершенное длительное — 147.
 — однократное — 16.
 — описательное из причастия на л — 148.
 — от глаголов совершенных — 151.
 — продолженное — 85.
 — простое — 35, 150.
 — — длительное — 35.
 — сложное — 35, 159.
 — совершенное — 16, 35, 63, 65, 76, 112, 115, 132, 147, 151, 152, 158, 160, 168.
 — — глагола совершенного — 154.
 — — конкретное — 147.
 — — удвоенное — 35, 36.
 — современное — 149.
 — соответствующее виду — 108.
 — специальное — 61, 143.
- Futurum — 138.
- Выражение — 14—16, 37, 47, 52, 54, 58, 59, 63, 64, 70, 77, 79, 81, 98, 105, 113, 117, 167, 179, 180, 188, 189, 193—195, 198, 200—204, 220, 224, 244, 249, 251, 253—255, 262, 263, 266.
- Глагол — 13—66, 69—72, 74—94, 97—102, 104, 108—112, 117—124, 126, 130—132, 135—138, 140—150, 152—156, 158—164, 166, 169—174, 177, 180, 186, 188, 189, 190, 191, 194, 195, 197—214, 240, 241, 253, 254, 256, 258—261, 263, 265—267, 269, 274, 282, 284, 290.
 — actionis singularis — 80.
 — activum — 201, 206.
 — аористичный — 76.
 — безличный — 199, 205.
 — безразличный по отношению к виду — 136.
 — без -ся — 199, 209, 210, 212.
 — беспредложный — 14—17, 35, 40, 55, 63, 75, 82, 88, 89, 92, 130, 136, 138, 148, 153, 155, 158, 210, 258, 261.
 — более длительный — 20, 35, 37—41, 43, 46, 51, 53, 56, 69, 70, 71, 72, 80, 90, 144, 146.
 — более древний — 82.
 — более новый — 59.
 — более первообразный — 146.
 — более простой — 82.

Глагол *brevis movis* — 80.

- вещественного движения, сопряженного с переменой места — 64.
- взаимный — 212.
- вовсе не различающий степеней — 80, 89.
- возвратный — 42, 197, 198, 199, 201—203, 208, 212, 253, 259 (с *om*), 265, 266.
- вспомогательный — 13, 14, 20, 35, 86, 87, 98, 99, 129, 139, 141, 142, 180, 186, 188, 194, 204, 206.
- дальний — 22—25, 81, 91.
- — многократный — 62, 92.
- движения — 79, 88, 242.
- действительный — 197—204, 207—211, 254, 258, 266.
- *demonstrativum* — 29.
- длительный — 14, 27, 29, 31, 38, 39, 41, 45, 52—54, 56, 57, 65, 71—80, 82, 84, 91, 136, 151, 155 (см. глагол конкретно-длительный, отвлеченно-длительный).
- дополняемый — 15.
- *durativum* — 36, 37, 42, 79.
- единично-длительный — 78.
- желательный — 35.
- знаменательный — 282.
- именной — 89.
- *imperfectivum* — 45, 63, 79, 83.
- *imperfectum* — 75, 76, 160.
- *indirectum* — 206.
- интенсивный — 35, 36, 41.
- *intensivum* — 37.
- *intransitivum* — 200, 201, 203.
- *inchoativum durativum* — 79.
- итеративный — 45.
- *iterativum* — 79, 83.
- *causativum* — 39, 201.
- *compositum* — 44.
- конкретно-длительный — 37—39, 41—43, 46, 51—53, 76, 80, 89, 136.
- конкретный — 27, 40, 41, 43, 52, 56—58, 61, 64, 69, 72, 80, 84, 136, 146.
- коренной — 17.
- который не допускает объекта — 207.
- краткий — 80.
- кратчайшего действия — 137.
- латышский — 36, 40.
- латышско-литовский — 36.
- литовский — 36, 37, 39, 40, 41, 43, 45, 64, 143, 144.
- личный — 226.
- лишения — 310.
- мгновенный — 16, 22—25, 45, 62, 75, 76, 80, 81, 88, 89, 92.
- *medium* — 160.
- менее длительный — 20, 53, 56, 69, 70.
- многократный — 14—21, 23—25, 27, 37, 39, 52, 54, 56—58, 62, 79—81, 91—93, 222.
- множественный — 80.
- *momentanicum* — 80.
- на $\frac{2}{n}$ 140.
- на *-a* — 31, 82, 92, 93, 149.
- на *-a = u + $\frac{1}{n}a$* — 31, 76, 77, 82, 91.
- на *-avati* — 74.

Глагол на *-ae-* — 149.

- на *-ак-* — 171.
- на $\frac{-ae-}{-a}$ — 144, 162, 171.
- на *-ати* — 59, 149.
- на *-аю* — 136.
- на *-евати* — 158.
- на *-ѣ-* — 20, 23, 61.
- на *-ѣе-* — 23, 171.
- на $\frac{-ѣе-}{-ѣ-}$ — 23, 141, 145, 171.
- на *-erēti* — 45.
- на *-eriu* — 45.
- на *-и-* — 27, 28, 53.
- наиболее длительный — 27.
- наиболее простого строения — 145.
- на *-ива-* — 21, 31, 76, 158.
- на *-ивать* — 149.
- на $\frac{-и-}{-ѣ-}$ — 140, 142, 145, 171, 173.
- на $\frac{-и-}{-и-}$ — 141, 145, 171, 173.
- на *-н-* — 80, 88, 89, 91, 136.
- на *-нем* — 17.
- на *-ну-* — 61, 77, 158.
- на *-нуть* — 18, 21, 88, 191.
- на *-ова-* — 60, 61, 82.
- на *-ова-* — 60.
- на *-овати* — 59, 149, 158.
- на *-ся* — 198, 199, 207—209.
- на *-ся*, произведенный от действительного — 207, 211.
- на *-ся*, средний от страдательного — 214.
- *-ся* с родительным — 208, 209.
- на *-teriu, -teriti* — 191.
- на *-теруть, -торуть* — 191.
- на *-ыва-* —
- на $\frac{-уе-}{-ова-}$ — 162.
- на *-ую* — 59.
- на *-ыва-* — 21, 56, 76, 82.
- на $\frac{-ывае-}{-ыва-}$ — 162.
- на *-ывать* — 59, 82, 149, 158, 159.
- начинательно-длительный — 79.
- начинательный — 13—18, 20—23, 25, 61, 64, 82, 88, 89, 93.
- немецкий — 135.
- неокончательный — 14, 16, 20, 21, 25.
- неоконченный — 76.
- неопределенно-кратный — 19, 20, 21.
- неопределенно-многократный — 92.
- неопределенный — 14, 16—18, 20, 22—25, 27, 39, 62, 91.
- непереходящий — 197, 199—201.
- не принадлежащий к степеням — 24.
- непроизводный — 76.
- несложный с предлогом — 76.
- несовершенный — 14—16, 19, 20, 27—45, 47, 49—51, 62, 63, 69, 70, 72, 79, 89, 92, 93, 98, 102, 104, 105, 107, 110, 117, 119, 121, 123, 124, 126, 130—132, 135, 149, 152, 158, 159.

Глагол несовершенный в значении совершенного — 166.
 — **неупотребительный** без предлога — 26, 93.
 — **neutrum** — 201.
 — **обозначающий** оттенок начинательности — 14.
 — **образованный** от действительных с *-ся* и с родительным — 209.
 — **образованный** от глаголов, имеющих теперь значение совершенности с характером *-а-* — 93.
 — **образованный** посредством характера *-а-* — 91.
 — **образующий** настоящее посредством *-л-* — 76.
 — **обратный** — 199.
 — **обстойный** — 16—18, 20.
 — **общий** — 199, 207.
 — **объективный** — 200—205.
 — **objectivum intransitivum** — 201.
 — **objectivum transitivum** — 201.
 — **одновременный** — 80.
 — **однократный** — 14, 16—20, 22—24, 27, 40, 41, 45, 62, 64, 74, 76—78, 80—83, 88, 91, 92, 98, 100, 104, 119, 136, 158, 189—191.
 — **однообразный** — 22—26, 39, 93.
 — **окончательный** — 13—16, 20—24, 30, 76, 269.
 — **оконченный** — 76.
 — **определенный** — 14, 20, 25.
 — **отглагольный** — 37, 39, 60, 82, 90, 136.
 — **отвлеченно - длительный** — 52, 80, 84.
 — **отвлеченный** — 52, 53, 57, 77, 80.
 — **о трех живых темах** — 31.
 — **отыменной** — 26, 82, 90.
 — **passivum** — 201, 206.
 — **первого спряжения** — 169.
 — **первообразный** — 17, 24, 37, 46, 59, 60, 76, 82, 89—93, 144.
 — **переходящий** — 197, 199 — 202, 205.
 — **perfectivum** — 44, 45, 75.
 — **perfectum** — 63, 76, 119, 160.
 — **permissivus** — 117, 130, 170, 183.
 — **породы -б-** (несократимое) 23.
 — **-б-** отмечаемое — 23.
 — **предложный** — 15—17, 21, 24, 26, 27, 31, 34, 37, 44, 45, 47, 52, 53, 55, 56, 63, 64, 76, 92, 123, 130, 137, 138, 153, 155, 158, 207, 263, 210.
 — **прерывистый** — 22—25, 29.
 — **причинный** — 39, 41, 42, 62, 82, 201.
 — **продолженный** — 98, 100.
 — **продолжительный** **дальний** — 22—24, 81.
 — **продолжительный** **неопределенный** — 22—25.
 — — **прерывистый** — 22, 23, 29.
 — **произведенный** от частиц — 190.
 — **производный** — 24, 25, 59, 76, 91—93, 136, 149.
 — **происходящий** от имени прилагательного — 20.
 — **простой** — 77, 82.

Глагол проходящий через все 4 степени — 80.
 — **прямой** — 199.
 — **punctivum** — 45.
 — **разнообразный** — 22—28, 39, 81, 93.
 — **разноспрягаемый** — 30, 90.
 — **разряда I** — 81.
 — — **II** — 81.
 — — **III** — 82.
 — — **IV** — 82.
 — — **V** — 82.
 — — **VI** — 82.
 — **reflectivum** — 201.
 — **resultativum** — 44, 46.
 — **результативный** — 44, 45.
 — **решительно-мгновенный** — 89.
 — **решительно-совершенный** — 131, 132.
 — **решительный** — 22—24.
 — **русский** — 14, 18, 24, 41, 82, 91, 93, 94, 108, 138, 150, 174, 198, 199, 208, 274.
 — **самостоятельный** — 16, 17.
 — **санскритский** — 36, 160.
 — **с более сложным** характером — 57.
 — **сербский** — 120.
 — **с -и-** — 82.
 — **с -ива-** — 164.
 — **с корнем на гласный** — 290.
 — **славянский** — 16, 36, 37, 39—41, 44, 45, 64, 78, 135, 138, 170, 191.
 — **сложный** — 15, 17, 21, 44, 47, 64, 74, 80, 207, 209, 257, 263, 265.
 — **собирательный** — 78.
 — **с -ова-** — 164.
 — **совершенный** — 14—22, 24—34, 36, 40, 42, 44, 45, 48, 49, 51—54, 62—66, 69, 70, 72, 75—82, 88, 89, 91—94, 98, 100—102, 104, 105, 107—112, 116, 117, 119, 121—124, 130—132, 135—138, 146, 151—155, 157—159, 166, 184, 185.
 — **с отрицанием** — 207, 258.
 — **с приставкою от-** — 208, 258.
 — **средний** — 42, 134, 197—203, 207—210, 254, 259, 265, 266.
 — **степени 1-й** — 27, 30—32, 35, 76, 78, 82, 84, 92, 136 (см. степень).
 — **степени 2-й** — 26, 27, 29, 78, 79, 82, 84, 87, 89, 91, 92, 136 (см. степень).
 — **степени 2-й на -а-** без усиления коренной степени — 82.
 — **степени 3-й** — 21, 23, 25, 27, 32, 33, 78, 84, 87, 89, 91, 92 (см. степень).
 — **страдательный** — 197, 201—206, 213, 214, 253.
 — **субъективный** — 200, 201, 203—205, 209.
 — **subjectivum** — 201.
 — **с характером -а-** — 91—93.
 — **с характером** второй темы *-а-* — 141.
 — **с характером -н-** — 74, 75, 89, 91.
 — **с характером** на согласный — 290.
 — **с -ыва-** — 164.
 — **транзитивный** — 201.
 — **transitivum** — 42, 200, 201.
 — **увеличительный** — 36.

Глагол удаления — 210.
 — украинский — 15, 30, 59, 82.
 — уменьшительный — 29, 36, 39, 40.
 — управляющий винительным п. — 203.
 — — дательным п. — 203.
 — — родительным п. — 203, 208.
 — учащательный — 18, 36, 39.
 — facultativum — 39.
 — frequentativum — 37, 43, 79.

Гласная (гласный) — 24, 45, 47, 76, 82, 140—145, 149, 161, 171—173, 175, 176, 186, 189, 290 (см. звук).

Говор (говоры) — 38, 48, 107, 150, 172, 173, 175, 186, 187, 248, 258, 262, 282 (см. диалект, наречие).

Гортанный — 140, 173.

Грамматика — 17—19, 22, 76, 93, 94, 96, 99—101, 108, 116, 168, 198, 199.

Гуна — 170.

Густота мысли — 72.

Давность — 56, 57.

Движение — 13, 24, 28, 44, 78, 81, 112, 207, 260, 263, 266, 267, 274, 282.

Двоегласная — 170.

Двойственность деления — 19, 62.

— значения — 31, 32.

Деепричастие — 48, 50, 83, 97, 112, 119, 158, 161, 163—166.

Действие — 13, 14, 16, 17, 19, 21—24, 27—30, 34—36, 39, 41, 44—47, 49, 51, 54, 55, 57, 63—65, 72, 74, 75, 79—81, 85, 88, 94, 105, 111, 135, 137, 144, 147, 149, 151, 157, 158, 163, 175, 184, 185, 190, 191, 206, 207, 228, 231, 240, 241, 254, 259, 261—263, 265—267, 274, 283 (см. деятельность).

Действие без отношения к многократности и однократности — 17.

— более длительное — 61, 77, 265.

— будущее — 81, 119.

— бывшее — 112.

— в главном предложении как целый ряд прошедших событий — 119.

— в его совершенности — 19.

— во время самого его совершения — 78.

— внутреннего чувства, обращенное только на самого действующего — 207.

— выраженное придаточным — 228.

— выраженное в старом языке причастием — 156.

— вытекающее не самостоятельно из субъекта, а происходящее в нем вследствие деятельности другого — 202.

— главное — 112.

— длительное — 45, 48, 50, 62, 64, 69, 76.

— доступное чувствам — 13, 19, 21.

— единичное — 77.

— как продолжение, как ряд моментов — 151.

— конкретное — 47, 48, 50, 64, 77, 79, 105, 136, 147, 265.

— конкретное совершенное — 47.

— мгновенное — 45, 76, 77.

— менее длительное — 265.

Действие многократное — 19, 48, 62.

— моментальное — 47, 64, 151.

— начатое — 64.

— настоящее — 69, 119.

— начальное — 61, 74.

— неоконченное — 75, 79.

— не переходящее на другой предмет — 197.

— непосредственно выделяемое из чувственного восприятия — 77.

— непосредственно предшествующее — 114.

— непрерывное — 64, 150.

— несовершенное — 47, 54, 76, 265.

— обнимающее большое протяжение времени — 136.

— обозначенное в старом языке аористом — 156.

— обозначенное беспредложным глаголом — 258.

— — следующим глаголом — 196.

— объективно прошедшее — 108, 112.

— обычное — 17.

— обычное, изображенное в прошедшем посредством будущего — 106.

— обычное, рассматриваемое независимо от своего выражения — 102.

— ограниченное другим действием — 79.

— одинаково повторяющееся — 19.

— однократное — 17, 63, 64, 77.

— однородное — 69, 77.

— означенное в главном предложении — 228.

— оконченное — 47, 64.

— — в некоторое продолжение времени — 14.

— — в несколько приемов — 14.

— один раз и быстро — 19.

— — одним движением — 14.

— определенное своим исходным пунктом, т. е. субъектом — 200.

— отдельное, составляющее ряд — 148.

— отвлеченное — 63, 64, 163.

— отдельное — 148.

— относительно ближайшее к действию, непосредственно выделяемому из чувственного восприятия — 77.

— переходящее известные пределы — 225.

— — на другой предмет — 197.

— повторенное несколько раз — 17.

— повторяющееся одинаково — 19.

— последующее — 109, 111, 112.

— — по времени — 110.

— предмета, обращенное на действующего — 197.

— представленное совершенным — 146.

— представляемое оконченным — 78.

— представляемое определенно-совершающимся — 63.

— представляемое настолько продолжительным, что, начавшись до минуты сознания, не прекращается и в течение самого акта речи и сознания — 137.

— предшествующее — 110, 111.

— предшествующее по времени — 110.

— предыдущее — 111.

— продолжающееся — 45, 63, 64, 75, 79.

Действие, производимое вдруг — 17.
 — происходящее по одному направлению — 22.
 — — по разным направлениям — 22.
 — противоположное — 255.
 — протяженное — 77.
 — прошедшее — 65, 69, 81, 108, 151, 157.
 — разнообразное, не имеющее одного направления — 81.
 — — происходящее вдали на неопределенном пространстве — 22.
 — следующее одно за другим — 65.
 — собирательное — 77.
 — совершающееся еще — 69.
 — — в минуту рассказа — 65.
 — — в несколько крат — 79.
 — — в один прием — 22.
 — совершающееся в разные приемы — 22.
 — совершенное — 17, 45, 53, 55, 63, 65, 69, 75, 159, 265, 274.
 — современное — 81.

Действователь — 197, 207.
 Деление глаголов на 3 степени — 24.

— — неокончательных — 25.
 — — по видам — 17.
 — — по времени — 23, 26.
 — — — и пространству — 22, 23.
 — — по пространству — 23.
 — — по степени длительности — 26.
 — грамматических категорий — 13, 14, 20, 26, 62, 76, 81, 91, 179, 197, 198, 200, 201, 246.
 — двойственное — 14, 18, 19.
 — по степеням — 91, 93.
 — тройственное — 18.
 — длительность — 18, 19, 44, 47, 57, 73, 79, 197, 198, 202, 242 (см. действие).

Диалект — 185 (см. говор, наречие, язык).

Диалектический — 173—175.

Диссимляция — 225.

Distributivum — 244, 249.

Длительность — 18—21, 25, 28, 31, 32, 34—37, 39—41, 46—49, 56—59, 61—64, 74—80, 84, 92, 102, 136, 144, 148—150, 157, 160.

Долгота — 120, 143.

Дополнение (грамматическое) — 15, 16, 28, 46, 47, 181, 196, 200—207, 212, 237, 265, 278, 286, 287.

Единица звуковая — 96, 99.

Единичность — 41.

Единство основания деления — 13, 19, 197.

Желательность — 139.

Займствование — 232, 256, 258, 268.

Закон языка — 45, 92, 170, 173, 175.

Залог — 197, 201, 207, 208, 259.

— возвратный — 207.

— глагола — 201.

— действительный — 36, 49, 155, 199, 203.

— имени — 201.

— общий — 207.

— средний — 171, 199.

— страдательный — 155, 200—205.

Звук — 34, 35, 61, 94, 96—98, 100, 111, 120, 144, 169, 170, 171, 173, 177, 191, 193, 198, 225, 258 (см. гласный, согласный, звфонический звук).

Звучание — 223.

Значение грамматических категорий — 13, 15—18, 20—24, 26—27, 29—41, 43, 45—48, 50—52, 54—61, 63, 69, 74—78, 80—84, 87, 90, 91, 94—99, 103, 111, 114, 117, 119, 122, 130, 131, 137, 138, 144, 146, 149—151, 154, 156—159, 161, 166, 168, 176, 184, 187, 189—191, 195, 196, 198—205, 208, 216, 218—220, 222—225, 227—229, 232, 238—242, 244, 245, 252, 255—260, 264—266, 268, 269, 273—275, 279, 281, 283, 284 (см. категория грамматическая).

— безличное — 203, 204.

— более длительное — 38, 39, 48, 50.

— будущности, представляемой настоящим — 47.

— вещественное — 199, 200.

— возможности — 176.

— всеобщности — 84.

— действительное — 197, 202, 209.

— действия — 75.

— distributivum — 244, 249.

— длительное — 52, 53.

— древнее — 49.

— древнейшее, безразличное по отношению к виду — 136.

— заложное — 199.

— императивное — 168.

— исходной точки — 260.

— количества — 266.

— конкретного действия — 136.

— конкретно-длительное — 48, 52, 127, 136.

— конкретное — 50, 56, 59.

— лексическое — 181, 201, 206.

— менее длительное — 136.

— местное — 28, 263.

— многократное — 16, 17, 56, 77, 84.

— многократности — 84.

— модальное — 169, 176, 178.

— молитвенное — 168.

— наречное — 263.

— начальное — 20, 28, 57, 74, 89.

— необходимости — 136, 194.

— неоконченности — 136.

— неопределенного действующего лица — 204.

— неопределенное — 17, 111.

— неопределенной длительности — 53.

— неопределенности — 224.

— непереходное — 74.

— несовершенное — 21, 31, 48, 89.

— несовершенности, зависящей от предлогов — 185.

— обстойное — 17.

— обыкновения — 57.

— обычности — 103, 108.

— объективное — 110, 118.

— однократное — 16, 17, 82.

— однократности — 136.

— окончательное — 27, 28, 31, 33.

— окончательности — 15, 16, 28.

— оконченности — 136.

— optativum — 130.

Значение первой половины слова — 225.
— переносное — 28.
— переходное — 74, 279.
— *permissivi* — 130.
— плеонастическое — 217.
— повелительное — 178, 184.
— повелительности — 185.
— повествовательное — 188.
— пожелания — 178.
— постепенного возникновения состоя-
ния — 79.
— понудительное — 194.
— постоянства — 84.
— предмета, добываемого действием —
266.
— причинное — 42, 74, 208.
— причины — 254.
— пространственное — 28, 148, 253.
— прямого повеления — 178.
— реальное — 95, 96, 99.
— регулятивное — 44.
— результата, добываемого дей-
ствием — 266.
— русской формы *бы* с причастием
на *-ль* — 117.
— синтаксическое — 189.
— собирательное — 249.
— собственное — 175—177, 179, 193,
195, 196, 203, 231, 265.
— совершения действия — 47.
— сослагательное — 219.
— старого указательного *онъ* и произ-
водных — 219.
— *сь* и производных — 219.
— субъективно-будущее с оттенком
начинаемости — 118.
— *тъ* и производных — 219.
— увещания — 180.
— увещательное — 294.
— удаления — 208, 254, 256.
— указательное — 220, 229.
— уменьшительное — 29, 222.
— условия — 117, 167, 168, 232.
— условное — 99, 168, 176, 178, 180,
182, 219.
— условности — 117.
— формальное — 15, 23, 36, 39, 92, 95,
97, 99, 159, 198, 200, 204, 206.
— цели — 260.
— этимологическое — 62, 256.

Идиотизм — 176.
Изъявительность — 139.
Имя — 18, 62, 91, 96, 175, 177, 185,
188, 190, 200, 204, 206, 209, 210,
222, 228, 235, 238, 239, 242, 251, 267,
270.
— *agentis* — 197.
— *actionis* — 197.
— вещи — 243.
— личное — 197.
— нарицательное — 284.
— начальное — 111.
— наличное — 216.
— обстояно — 16.
— отглагольное — 242, 259.
— прилагательное — 168, 200, 206, 221,
242, 244, 245, 269, 273, 289.
— — аппозитивное — 286.

Имя прилагательное относительное —
254, 287, 288.
— — притяжательное — 288.
— — распространительное — 244, 245.
— — собирательное — 245.
— — сложное — 255.
— — усеченное — 289.
— собирательное — 11, 78, 244, 245, 248.
— собственное — 40, 206.
— *substantivum* — 16.
— существительное — 41, 187, 190, 193,
200, 201, 206, 215, 216, 232, 233, 236,
242—246, 255—257, 269, 270, 283, 285,
289.
— — атрибутивное — 215.
— — донаречное — 245.
— — единичное — 78.
— — отвлеченное — 232, 245, 257.
— — числительное — 246.
— — считаемых предметов — 245.
— — уменьшительное — 91, 245, 258.
— — числительное; см. числительное.

Инверсия — 251.
Интенсивность — 190.
Искажение языка — 189, 289.
Исключение из правил — 17, 49, 76, 81,
82, 108, 112, 140, 184, 194, 246, 248, 264.

Категория грамматическая — 13—16, 21,
32, 35—37, 45, 46, 51, 62—64, 75, 94,
95, 98—100, 103, 112, 121, 130—132, 136,
139, 150, 159, 160, 169, 175, 176, 198,
201 (см. значение грамматических кате-
горий, переход грамматических катего-
рий).

Качественность глагола — 39.
Качество — 23, 36, 63, 64, 141, 143, 207,
231, 245.
Класс (глагольный) — 46, 53, 56, 59, 61,
62, 75, 82, 83, 136, 149, 150 (см. разряд
глаголов).
— I — 170, 29.
— II — 144, 171, 290.
— III — 290.
— IV — 290.
— VI — 37, 170, 290.
— VII — 37.
— X — 62, 141, 143, 144, 145.
— XI — 37.

Количественность глагола — 39.
Количество — 14, 18, 36, 39, 64, 207, 228,
241, 242, 244, 255, 272.
— действия — 63.

Конечный звук — 172, 190, 252, 255, 256,
275.

Конкретность — 39, 41, 77, 79.
Контекст — 45, 79, 245.
Концессивность — 184.
Корень — 22, 28, 31, 33, 36, 48, 53, 61, 62,
81, 82, 90—92, 103, 138, 140, 141, 143,
152, 161, 168, 169, 172, 173, 186, 188,
189, 191, 215, 223, 239, 290.

Литературность языка — 287.
Лицо — 16, 30, 36, 99, 120, 138—143, 145,
150, 159—161, 168, 170, 179, 184—188,
193, 194, 198, 204, 219, 235, 236, 242, 245,
256, 282.
— — говорящее — 94, 100.

Лицо действующее — 203, 204, 253.
 — исполняющее действие — 254.
 — как источник действия или состоя-
 ния — 254.
 — конкретное — 176.
 — находящееся в состоянии — 254.
 — отдельное — 136.
 — слушающее — 94, 176.

Мгновенность — 37, 41, 62, 75, 80, 81, 88,
 89, 91, 158, 190.

Медленность движения мысли — 112.
 — течения мысли — 70, 72, 74.

Мездометие — 111, 169, 188—191, 229.

Местоимение — 177, 181, 215, 217, 218, 219,
 222, 224, 226, 228, 229, 231, 233, 236—239,
 242, 255, 256.

— атрибутивное — 215.
 — возвратное — 186, 197, 198.
 — и, ш, ж — 219.
 — личное — 168, 175, 178, 219, 222,
 232, 235.
 — относительное — 181, 215, 217, 221,
 226, 227, 232, 238.
 — — существительное — 215.
 — превращающееся в союз и наре-
 чие — 226.
 — прилагательное — 215.
 — притяжательное — 217.
 — самостоятельное — 185.
 — указательное — 219, 222, 227, 232,
 235, 236, 238, 242.

Многознаменательность — 96.

Множественность — 14, 17, 21, 33, 36, 39,
 40, 56, 57, 61, 62, 64, 75, 76, 79, 80, 81,
 83, 84, 146, 149—151, 158.

Многосторонность — 26.

Множественность — 78.

Моментальность — 158.

Мысль — 35, 45, 47, 61, 64, 69, 70, 72—74,
 77, 79, 94—96, 99, 100, 105, 108, 112,
 121, 136, 137, 146, 156, 157, 175, 179,
 183, 190, 198, 199, 201, 204, 205, 225,
 228, 229, 232, 241, 261, 263, 286, 289.

Наклонение — 35, 37, 117, 134, 158, 167,
 168, 173, 174—176, 178, 187, 188.

— достигательное — 168.
 — желательное — 168, 169, 174.
 — изъявительное — 97, 123, 168, 169,
 174, 177, 178, 179, 180, 183—185, 187,
 193, 195, 196, 219.
 — молитвенное — 168.
 — неопределенное — 13, 15, 30, 37, 38,
 47, 51, 59, 64, 87, 99, 117, 118, 132, 134,
 139, 143, 144, 155, 157, 168, 170, 180,
 187, 188, 196, 199, 210, 270.
 — optativus — 130, 168, 182.
 — повелительное — 30, 46, 48, 49, 72,
 86, 122, 139, 159, 168—172, 174—189,
 193—196, 212.
 — повелительное в значении аори-
 ста — 184.
 — — в значении изъявительного —
 185.
 — — в значении изъявительного, но
 не вместо изъявительного — 184.
 — — в значении повествователь-
 ном — 188.

Наклонение повелительное в значении соб-
 ственном — 193.

— — в значении условия — 178.
 — — описательное — 183, 196.
 — — в условном значении — 182.
 — — предложное — 185.
 — — простое — 185.
 — — равное условному — 182.
 — — совершенное — 185.
 — — потенциальное — 169, 170, 182.
 — — potentialis — 170, 171, 174, 186.
 — — сослагательное — 117, 123, 126, 158,
 168, 169, 174, 180—182.
 — — условное — 179—184.

Наречие (часть речи) — 22, 47, 58, 63,
 102, 137, 181, 186—189, 193, 219, 222,
 223, 226, 228, 232, 233, 241, 242, 245, 246,
 253, 256, 257, 263—265, 268, 269, 275, 285,
 (языка) — 36, 47, 83, 84, 131, 194,
 252, 254, 260, 262, 272, 284, 285 (см.
 говор, диалект, язык).
 — великорусское — 223.
 — галицийское — 181, 247, 248.
 — галицкое — 195, 196, 227, 239, 248.
 — древнеславянское — 35, 139, 171.
 — кайкваское — 116.
 — новое — 252, 253.
 — польское — 20.
 — русское — 20, 54, 56, 93, 185, 186,
 205, 220, 222, 223, 229, 231, 273, 274.
 — — архангельское — 180, 222, 223,
 239, 269, 274.
 — — брянское — 241, 282.
 — — владимирское — 194, 223, 239,
 241.
 — — вятское — 220.
 — — вологодское — 222, 223, 239, 241.
 — — воронежское — 239.
 — — восточное — 241.
 — — донское — 239, 241, 274.
 — — западное — 262, 264.
 — — калужское — 223, 239, 241, 275.
 — — костромское — 219, 223, 284.
 — — курское — 194, 219, 224, 261,
 269, 282.
 — — московское — 180, 194.
 — — нижегородское — 219, 241.
 — — новгородское — 222, 239, 259,
 269.
 — — областное (местное) — 52, 83,
 180, 185, 187, 190, 228, 238, 263, 268.
 — — олонекское — 273, 275.
 — — орловское — 239.
 — — пензенское — 194, 228, 241.
 — — пермское — 219, 220, 222, 224.
 — — псковское — 219, 223, 225, 239,
 241, 269, 275.
 — — рязанское — 194.
 — — саратовское — 194.
 — — северное — 138, 196, 219, 220,
 247.
 — — смоленское — 185, 239.
 — — современное — 55, 88, 131, 136,
 159, 190, 231.
 — — тамбовское — 194, 225, 228, 241.
 — — томское — 273, 222.
 — — тульское — 225.
 — — южное — 114, 241, 261, 264, 283.
 — — ярославское — 219, 222, 239, 269.

- Наречие славянское — 130, 215.
 — украинское восточное — 181.
 — — западное — 181.
 — штокавское — 117, 118.
- Наречия славянские — 36, 40, 53, 56, 63, 89, 91, 103, 116, 132, 151, 159, 175, 177, 178, 231, 240, 249, 252, 258.
- Начало действия — 13, 14, 19—21.
 — мгновенное — 61.
- Начинание — 18, 20, 21.
- Начинательность — 14—16, 18—21, 43, 61, 75, 89, 92, 93, 118.
- Неокончателность — 14.
- Неоконченность — 75.
- Неопределенность — 14, 175, 205, 222, 223, 251.
- Непереходность — 75.
- Несовершенство — 14, 27, 32, 34—36, 41, 43, 51, 61—64, 74, 75, 79—80, 90, 94, 98, 103, 122, 130—132, 135, 136, 139, 148, 152, 157, 159, 160, 172, 185.
- Несогласие — 136.
- Несогласование — 69.
- Несогласованность — 216.
- Неударяемость — 172.
- Objectum directum — 200.
 — indirectum — 200.
- Облицье (вид) — 16.
- Обнаружение субъекта — 201.
- Обозначение — 99, 112, 121, 156, 160, 178, 183, 204, 225, 245, 250, 251, 263.
- Оборот (речи) — 49, 104, 108, 111—116, 139, 176, 177, 179, 185, 201—204, 244, 246, 249, 251, 253—255.
 — действительный — 206.
 — причастный — 207.
 — страдательный — 203—207.
 — — атрибутивный — 206.
 — — предикативный — 206.
- Обращение — 176.
- Обстоятельство — 112, 181, 188, 254, 286.
- Объект — 200—208, 210, 266.
- Обычность — 59, 78, 79, 81, 101, 103, 105, 107, 117, 118, 146, 147, 149, 150.
- Однократность — 17, 20, 21, 27, 37, 62, 64, 75, 76, 80, 81, 89, 91, 92, 136, 158.
- Окончание (грамматическое) — 20, 120, 137, 142, 145, 153, 161, 175, 178, 186, 187, 191, 199, 201, 223, 243, 249, 250, 256, 290.
 — действия — 18, 21, 46, 48, 54, 161, 185, 261, 265, 274.
 — личное — 159, 168, 169, 172, 174, 176, 185—187, 193.
- Окончателность — 15, 16, 21, 27, 91.
- Оконченность — 45, 75, 135, 148, 154, 157.
- Омоним — 96.
- Омонимия — 96, 98.
- Описание — 132, 139, 177, 178, 183, 185, 194, 196, 228.
- Определение (грамматическое) — 188—199, 206, 243.
- Определенность — 14, 82.
- Определяемое — 215, 244, 246—248, 286.
- Основа — 145, 168.
- Отвлечение — 47, 77, 93, 176, 198, 199, 257.
- Отвлеченность — 47, 69, 77, 78, 81, 190.
- Отдаленность глаголов — 14, 23, 81.
- Отрицание — 85, 194, 207, 241, 258, 275.
- Падеж (надежи) — 16, 41, 69, 178, 199, 201, 202, 226, 250.
 — ablativus — 223, 253, 256, 269, 270.
 — — comparationis — 253.
 — accusativus cum infinitivo — 227.
 — винительный — 152, 154, 175, 181, 197, 199—202, 205, 207, 211, 215, 219, 224, 226, 228, 231, 239, 242, 244, 247—251, 255, 260, 262—270, 272, 275, 278, 280—283.
 — винительный меры — 208.
 — — объекта — 204.
 — — предмета — 266.
 — — прямого объекта — 208.
 — genetivus separationis — 207.
 — дательный — 203, 207, 245, 247—250, 262, 268—270, 275, 277.
 — — лица — 260, 261, 282.
 — звательный — 169, 176, 177.
 — именной — 95, 158, 175, 177, 188, 217, 219, 226, 237, 239, 242, 245, 547—251, 255, 262, 263, 273, 275, 279.
 — косвенный — 200, 219, 237, 245, 247, 283, 287.
 — местный — 222, 243—246, 253, 255, 256, 281.
 — общий — 178.
 — относительный — 256.
 — родительный — 253, 260.
 — родительный — 154, 155, 170, 175, 199, 203, 207, 208—210, 215, 217, 222, 223, 242, 243, 245—248, 250—255, 261—263, 265—268, 270—272, 278, 281.
 — — без предлога — 207, 253—255, 259, 260, 265, 266.
 — — движения мысленного — 207.
 — — добываемого предмета — 266, 267.
 — — качества — 207.
 — — количества — 207, 255, 266.
 — — меры — 208, 255.
 — — непосредственный — 210.
 — — непрямого объекта — 207.
 — — объекта — 204.
 — — первоначальный — 266.
 — — посредственный — 210.
 — — предела — 266, 267.
 — — предмета — 203, 253, 258—260.
 — — принадлежности — 253, 287.
 — — причины — 254, 209, 210.
 — — происхождения — 253.
 — — прямого объекта — 208.
 — — равносильный прилагательному относительному или притяжательному — 287.
 — — результата — 266.
 — — с до — 263, 265.
 — — с до для обозначения дальнейшего результата — 266, 267.
 — — с од — 253.
 — — с от при сравнительной степени — 256.
 — — с отрицанием — 207.
 — — с предлогом вообще — 266.
 — — сравнения — 253.
 — — удаления — 207—209.
 — — цели — 254.

- Падеж родительный части — 215, 266.
 — — субстанциальный — 249, 250.
 — — творительный — 222, 245, 247—251, 279.
 — — действующего лица — 204.
 — — — представленного орудием — 254.
 — — орудия — 204, 255.
 — — сравнения — 181.
- Первообразное — 257.
 Первообразность — 81, 144.
- Переход грамматических категорий — 14, 21, 23, 28, 92, 93, 136, 171, 177, 180, 186, 198, 204, 205, 223, 224, 244, 249, 254, 273, 275 (см. категория грамматическая).
- Переходность — 75.
 Переходчивость — 199.
- Период (грамматический) — 69, 147.
 — дославянский — 161.
 — славяно-литовский — 89.
- Письмо — 169.
- Племя индоевропейское — 35.
- Повеление — 168, 178, 179, 184, 230.
 Повелительность — 139, 178, 179, 184.
- Повествование — 112, 114, 118, 119.
- Поворот мысли — 229.
- Подлежащее — 112, 188, 201—204, 206, 207, 226, 236, 246.
- Подразделение грамматических категорий — 14, 16, 19—23, 25.
- Подъем гласных — 173.
- Показатель наклонения — 168.
- Правило грамматическо-стилистическое — 17, 49, 81, 131, 140, 171, 184, 267, 286, 287.
- Правописание фонетическое — 88.
 — этимологическое — 88, 190.
- Празык — 45, 168.
- Предикат — 206.
 Предикативность — 201, 206.
- Предлог — 13—17, 20, 25—36, 41, 45, 47, 48, 50, 51, 53—55, 61, 64, 75, 76, 80, 84, 85, 88—90, 92—94, 132, 148, 154, 157, 159, 185, 200, 209, 228, 232, 242, 250, 252—264, 266, 268, 270—274, 276, 278—282, 286—289.
 — без — 278.
 — в (въ) — 25, 30, 243, 244, 246, 255, 262, 270, 272, 281.
 — въ (възъ) — 25, 30, 281.
 — воз — 13, 14, 20, 30.
 — времени — 32.
 — временной — 30.
 — въ — 25, 28, 31, 33, 275.
 — до — 21, 25, 28, 32, 92, 207, 225, 250, 252, 258, 260, 262—268, 270.
 — достижения цели — 32.
 — га — 132.
 — з — 254.
 — за — 13, 14, 20, 21, 25, 28, 30, 92, 207, 258, 281—283.
 — из — 25, 28, 30, 210, 252.
 — к — 262—264.
 — конца — 32.
 — местный — 30.
 — на — 21, 25, 28, 30, 92, 207, 260, 278—280.
 — над — 25, 30, 242, 280.
- Предлог направления — 32.
 — начала — 32.
 — низ — 25, 30.
 — о — 243, 255, 276.
 — об — 25, 29, 30, 243, 276.
 — оби — 277.
 — од- — 30.
 — отрочь — 281.
 — от — 21, 29, 210, 223, 252—262, 273.
 — ото — 252.
 — оты- — 25.
 — па- — 278.
 — по — 13, 14, 20, 21, 25, 29, 30, 64, 75, 92, 159, 249, 251, 264, 277, 278.
 — под — 30, 275, 278.
 — поды- — 25.
 — пере- — 29, 284.
 — перед — 25, 283.
 — пи- — 92.
 — пре- — 25, 30.
 — пред — 25, 283.
 — преди — 283.
 — прек — 283.
 — при — 25, 29, 30, 92, 159, 258, 263, 271.
 — про — 21, 25, 29, 30, 270.
 — прок — 281.
 — пространственный — 33.
 — проти — 268—270.
 — против — 252.
 — проче — 281.
 — прочее — 281.
 — роз- — 21, 25, 30, 271.
 — раз- — 30, 271.
 — с — 25, 30, 64, 132, 210, 251, 252, 254, 272.
 — слитный — 256, 268.
 — сс — 21.
 — стремления — 32.
 — су- — 272.
 — у — 25, 30, 92, 210, 258, 272—275.
 — уз- — 30.
 — ж — 272, 273.
- Предложение — 112, 114—119, 169, 176, 178—183, 194, 195, 203—205, 216, 228, 246, 282, 286.
- Представление — 45, 63, 73, 94, 95, 96, 98, 100, 101, 103, 107, 176, 184, 186, 201, 205, 222, 250, 258, 261.
- Представляемое — 98.
- Прекатив — 186.
- Преобразование языка — 136.
- Приложение — 206, 286, 287.
 Приложение вспомогательного глагола — 13.
 — ся — 207.
- Природа вокативная — 168.
 — глагольная — 146.
- Приставка (граммат.) — 188, 208, 223, 232.
 — гласная — 140.
 — наружная — 143.
- Причастие — 42, 43, 83, 97, 112, 152, 158, 161, 164, 194, 200, 203, 204, 206, 226, 242.
 — будущего времени — 138.
 — в коем вовсе не обозначена совершенность его значения — 156.
 — действительное — 83, 202.
 — на -л — 35, 64, 106, 117, 123, 148, 156, 164, 168, 228.

Причастие настоящего времени — 49, 83, 97, 134, 148, 149, 152, 161—163, 203, 206.

— настоящее в смысле прошедшего — 162.

— на *ta* — 202.

— неопределенной формы — 204.

— определенной формы — 204.

— прошедшего времени — 83, 155, 162, 166, 205, 206.

— прошедшее 2-е — 165.

— — страдательное — 156.

— страдательное — 87, 202—206, 253.

— — от глаголов средних — 202.

Причастная форма — 130.

Причинность — 40, 116, 201.

Продолжительность — 18—21, 36.

Производность — 76, 77, 81, 174, 190, 191.

Происхождение грамматических категорий — 13, 35, 37, 74, 76, 77, 141, 142, 145, 158, 168, 179, 181, 184—186, 189, 190, 195, 225, 229, 254, 283.

Просторечие — 59, 83.

Пространство — 18, 22, 23, 25, 26, 28, 29, 48, 79, 81, 150, 228, 242, 252, 263, 266, 268, 282.

Протяженность — 151.

Разбор грамматический — 16.

Разряд глаголов — 15, 16, 18, 19, 23, 28, 32, 45, 53, 59, 60, 80, 82, 88, 89, 120, 132, 136, 140, 146, 149, 161, 170—172, 290.

— — I — 81, 159, 290.

— — I, a — 290.

— — I, б — 140, 290.

— — II — 80, 81, 170, 290.

— — II, 1, a — 140, 161, 173, 290.

— — II, 1, б — 140, 161, 170, 290.

— — II, 1, в — 161, 290.

— — II, 1, г — 140, 290.

— — II, 2, a — 290.

— — II, 2, б — 140, 290.

— — III — 80, 82, 290.

— — III, 1, a — 161, 170, 290.

— — III, 1, б — 140, 170, 290.

— — III, 2, a — 140, 171, 290.

— — III, 2, б — 82, 136, 140, 170, 290.

— — III, 2, в — 171, 290.

— — III, 2, г — 82, 136, 171, 290.

— — IV — 82, 136, 170, 171, 290.

— — IV, 1 — 140, 290.

— — IV, 1, a — 290.

— — IV, 1, б — 290.

— — IV, 2 — 290.

— — V — 171.

— — V, 1 — 80, 82.

— — V, 2 — 80, 82.

— — V, 3 — 82.

— — V, 4, a — 60, 82.

— — 4 -*ати* — 59, 136.

— — V, 4, б — 60.

— — VI — 136, 171.

— — VI (-*ова-*, -*ув-*) — 82.

— — VI (-*ава-*, -*ыва-*) — 82.

— — VI, a на -*ова-* — 59, 60, 140.

— — VI, б на -*ыва-* — 59.

— — литовских глаголов — 37, 143.

— — предлогов — 29.

Результат действия — 69, 70, 72, 183, 194, 228, 262, 266, 274.

Результативность — 46.

Речь — 35, 57, 64, 65, 72, 83, 84, 94, 95, 96, 97, 99, 108, 109, 115, 137, 146, 149, 152, 167, 185, 190, 193, 199, 207, 225, 233, 237, 241, 256.

Ричина — 17.

Род грамматический — 204, 226, 243.

— женский — 216, 222, 244, 245, 248, 269, 270.

— мужской — 95, 216, 219, 222, 248, 270, 273.

— средний — 181, 203—205, 216, 219, 223, 226, 227, 231, 239, 242, 244, 245, 248, 269.

— средний — наименее личный — 244.

Самостоятельность предложений — 112, 171,

Сгущение мысли — 72, 73.

Символ — 95, 101.

Синоним — 92, 205, 220, 274, 284.

Синтез — 69.

Система видов — 76, 83.

— грамматическая — 26.

Сказуемое — 64, 180, 181, 188, 189, 204, 206, 228, 237.

Склонение — 173, 222, 245, 247, 249.

Следствие — 116, 181, 225, 274.

Слово — 15, 16, 62, 64, 72, 73, 77—79, 84, 91, 94, 95, 96, 98, 99, 116, 118, 119, 130, 158, 169, 175, 185, 186, 188, 189—191, 194, 195, 198, 201, 205, 206, 223, 227, 233, 239, 242, 245, 249, 251, 253, 262, 267—270, 272, 274, 275, 278, 283—285, 287, 289.

Словорасположение — 286.

Слог — 28, 76, 91, 141, 170—172, 190.

Сложение — 76, 92, 220, 231, 250, 268, 270, 271, 289.

Сложность — 24, 78, 135, 161.

Смешение грамматических категорий — 53, 75, 145, 168, 202.

Смысл — 15, 30, 34, 44, 46, 47, 52, 54, 55, 64, 77, 78, 81, 95, 96, 98, 99, 115, 116, 118, 119, 121, 129, 131, 135—137, 139, 146, 147, 151, 152, 154, 158, 159, 162, 178, 180, 185, 191, 193, 198, 199, 201, 205, 206, 224, 226, 227, 231, 238, 248, 252, 253, 255—259, 263—265, 268, 276, 284 (см. значение).

Смягчение — 190, 191.

Собирательные грамматические категории мн. ч. — 78, 177, 215, 245.

Собирательность — 187, 245, 249.

Совершенство действия — 18, 19, 21, 64, 75, 78, 80, 81, 85, 151, 274.

Совершенство — 14, 15, 18, 21, 22, 27, 32, 35, 36, 41, 43, 45, 48, 51, 61—64, 74, 75, 77—80, 88, 89, 91—94, 98, 103, 111, 112, 122, 130—132, 135, 136, 139, 148, 149, 152, 154, 156, 157, 159, 160, 172, 185.

Согласная (согласный) — 91, 143, 145, 170, 173, 175, 189, 190, 191, 199, 242, 252, 256, 290 (см. звук).

Согласование (согласие) — 204, 226, 246.

Содержание — 64, 72, 73, 77, 78, 99—101, 114, 137, 169, 198, 201, 205.

- Соединение — 17, 95, 143—145, 168, 170, 171, 228, 289.
- Сознание — 73, 97, 99, 100, 136, 137, 189, 193, 201.
- Сокращение — 136, 171—173, 179.
- Соответствие — 15, 75, 108, 111, 132, 149, 154, 270.
- Сопоставление — 23, 108, 111, 268.
- Составные слова см. сложение, сложность.
- Состояние — 14, 17, 23, 35, 44, 50, 54, 56, 65, 75, 76, 84, 85, 117, 137, 139, 150, 175, 183, 197, 206, 207, 228, 232, 241, 254, 259, 261, 263, 265, 274.
- Сочетание — 32, 171, 174, 175, 179—184, 196, 201, 215, 223, 227, 241, 243, 247, 259, 266, 267.
- аппозитивное — 286.
- Союз — 99, 110, 111, 114, 116, 117, 123, 139, 164, 174, 179, 180, 183, 189, 216, 217, 218, 220, 223—229, 231, 232, 239, 241, 275, 283.
- Спряжение глагола — 16, 35, 50, 62, 94, 108, 141, 169, 171, 174, 185.
- Сравнение — 135, 145, 181, 186, 187, 191, 203, 223, 228, 229, 253, 255, 256, 268, 272.
- Среднее *и* — 172, 173, 239.
- Степень — 17, 19, 20—28, 31—35, 62, 69, 72, 74, 75, 82, 88, 91, 93, 278 (см. глагол степени 1-й, 2-й, 3-й).
- 1-я — 24, 26, 27, 62, 76, 78, 80—85, 89—92.
- 2-я — 24, 26, 62, 78, 80, 82—84, 90, 91—93.
- длительности — 40, 56, 58, 59, 61—64, 74, 75, 78—81, 82, 84, 88, 89, 90, 92, 94, 111, 136, 148, 160.
- конкретно-длительная — 80, 89.
- многократная — 80.
- многократности — 79.
- низшая — 278.
- однократная — 80.
- отвлеченно-длительная — 80.
- отвлеченности — 58.
- положительная — 256.
- превосходная — 223, 256.
- принятая за единицу — 80.
- продолженная — 76.
- продолжительности времени, заполняемого действием или состоянием — 75.
- сравнительная — 222, 223, 242, 245, 253, 256.
- средняя — 92, 93.
- Страдательность — 202—207.
- Строение грамматических категорий — 53, 97, 140, 145, 189.
- Строй мысли — 136.
- языков — 36, 98, 130, 136.
- Стяжение — 120, 140, 144, 145, 171, 172.
- Субстанциональность — 243, 249.
- Субстанция — 206.
- Субъект — 200—206, 209.
- Супин — 210.
- Суффикс — 36, 40, 41, 91, 99, 138, 139, 146, 168, 169, 189, 190, 191, 223, 232, 241, 242, 256, 270, 290.
- Счисление — 245, 251.
- Тавтология — 201.
- Тема — 185, 186, 222.
- 1-я — 46, 61, 93, 97, 140, 142—146, 170, 46, 290.
- 2-я — 97, 140—145, 161, 290.
- 3-я — 142—144
- аориста — 168.
- глагола — 30, 31, 45—48, 50, 61, 74, 82, 84, 89, 90, 92, 93, 97, 140—143, 148, 158, 160, 161, 168—170, 173—176, 186.
- местоименная — 255.
- неопределенного наклонения — 170.
- Термин — 44, 45, 73, 74, 77, 119, 187.
- Терминология — 16, 39, 91, 95, 108, 141.
- Тире — 169.
- Тожество — 149, 170, 242, 256, 275, 283.
- Тон речи — 228.
- Точка вспоминания совершившегося действия — 106.
- Точка зрения — 13, 17, 20, 40, 44, 65, 97, 102, 116, 121, 132, 135, 148, 266, 276.
- — настоящего — 102.
- — следствия — 260.
- — сострадания — 260.
- — этимологическая — 167.
- — исходная — 25, 34, 76, 77, 144, 178, 189, 244, 254, 260.
- ожидания будущего — 106.
- посторонняя — 97.
- предмета — 262.
- Транзитивность — 201.
- Тройственность 1-й и 2-й степени — 26.
- Увеличительность — 40.
- Увеличительная форма — 190.
- Удаление — 261.
- Ударение — 27, 28, 30, 31, 33, 120, 170—173, 248.
- Удвоение — 36, 190.
- Уменьшительность — 29, 40, 41, 190, 191.
- Уравнение по числу — 247.
- темы лиц повелительного наклонения — 173.
- Усиление — 62, 78, 82, 93, 170, 171, 173, 193.
- Условие — 94, 168, 177, 183, 198, 225, 227, 246.
- Усложнение — 47, 70, 74.
- Учащность — 40.
- Фонетика — 98.
- Фонетически — 175, 241.
- Форма — 13, 15—19, 25—27, 30—38, 41, 45—51, 53—59, 61—64, 69, 70, 72—74, 76, 77, 80—84, 86, 87—101, 104—108, 110, 111, 116, 117, 119—124, 129—132, 135—143, 146—149, 151, 152, 155, 157—159, 166—172, 174—180, 182, 184, 185, 187—190, 193, 194, 198—204, 206, 219, 222, 223, 226—228, 242, 243, 248, 249, 251, 255, 256, 263, 265, 266, 285, 290.
- Формула — 113, 139, 224.
- Фраза — 96, 198.
- Функция — 114, 168, 178, 181.

- Характер (глагольный)** — 14, 17, 20, 22—24, 26, 28, 29, 31, 32, 35, 36, 39—43, 46—48, 56, 60—62, 74—76, 79—83, 88—91, 93, 136, 138, 140—145, 148, 149, 151, 160, 161, 168—172, 186, 190, 191, 193, 290.
- Характеристика гласная** — 141.
- Hervorgebungsparticip** — 194.
- Цель** — 29, 44, 46, 202, 254, 264.
- Частица** — 22, 41, 48, 55, 85, 112, 119, 130, 146, 170, 179, 180, 181, 185—196, 208, 223—231, 239, 240, 242, 267, 268, 283.
- Часть от целого** — 255.
- Чередование** — 107.
- Числительное** — 243—247, 249—251, 255, 263.
- атрибутивное — 243.
 - бессубъектное — 244.
 - количественное — 243, 244, 245.
 - прилагательное — 246.
 - существительное — 246.
 - определено-субъективное — 244.
 - порядковое — 269.
 - распределительное — 244.
 - согласуемое — 244.
 - славянское — 244.
- Число** — 69, 244, 248—251, 287.
- Число (грамматическое)** — 16, 69, 76, 78, 95, 120, 138, 140—143, 152, 154, 155, 158—161, 169—178, 181, 184—188, 193, 198, 204, 210, 215, 216, 219, 222, 223, 226, 239, 242, 243, 246—250, 270, 273.
- Число сложное** — 250.
- Член** — 185, 238.
- деления — 18, 23, 197, 198, 200.
 - предложения — 169, 170, 179, 181, 286.
 - сложных слов — 268.
 - сочетания — 179—181, 182.
- Эвфонический звук** — 142—145, 220, 223, 231, 257, 290 (см. звук).
- Экономия языка** — 185.
- Энергия** — 29, 201, 206.
- Эпитет** — 236, 238, 255, 258.
- Этимология** — 98, 226.
- Язык** — 19, 23—26, 32, 35, 45, 47, 50, 54, 62, 70, 72, 76, 80—83, 89, 91, 94—97, 99, 100, 105, 108, 112, 115, 118, 130, 131, 136, 145, 149, 157, 159, 169, 184, 189, 198, 200, 202, 203, 205, 206, 228, 289 (см. говор, диалект, наречие).
- англо-саксонский — 267.
 - арийский — 130, 168, 170, 201, 202.
 - былин — 108.
 - белорусский — 180, 181, 239, 252, 279.
 - болгарский — 59, 61, 83, 87, 118, 119, 120, 122, 231, 239, 242, 271, 276.
 - Вед — 36.
 - верхнедужицкий — 242, 258, 263, 265, 269, 282, 283.
 - верхненемецкий — 238.
 - готский — 45, 132, 135, 137, 158, 170, 223, 258, 267.
 - греческий — 54, 123, 125, 126, 137, 138, 155, 158, 169, 170, 174, 201, 203, 223, 242, 251, 253, 256, 267, 268, 270, 283.
 - даматинский — 163.
 - древне-верхненемецкий — 132, 135—137, 158, 170, 223, 238, 258, 267.
 - древнегреческий — 203, 215.
 - древненемецкий — 135.
 - древнескандинавский — 258.
 - древнеславянский — 175.
 - древне-средне-верхненемецкий — 132.
 - древне-церковнославянский — 122, 169, 170, 174.
 - древний — 70, 145, 172.
 - жмудский — 38, 256.
 - зендский — 138, 270, 273.
 - индогерманский — 168.
 - иностранный — 190.
 - латинский — 39, 62, 114, 119, 137, 138, 169, 187, 191, 196, 201, 203, 205, 223, 227, 228, 241, 242, 245, 253, 255, 256, 260, 264, 273, 283.
 - латышский — 36, 40, 43, 91, 135, 144, 145, 201, 222, 256, 257, 260, 270.
 - латышско-литовский — 142.
 - литовский — 29, 34—41, 44—46, 55, 61, 62, 74, 75, 121, 132, 138, 139, 142—145, 170, 174—176, 179, 185—187, 190, 201, 203, 219, 222, 245, 256—262, 268, 270, 273, 275, 282.
 - литовско-латышский — 91, 256.
 - литовско-славянский — 187.
 - лужицкий — 227, 252—255, 258, 262, 264, 270, 282, 283.
 - немецкий — 27, 43—47, 55, 72, 78, 96.
 - нижнелужицкий — 258.
 - ново-верхненемецкий — 132, 137, 223, 238.
 - новоперсидский — 202.
 - новосербский — 260.
 - ново-церковнославянский — 205.
 - общеславянский — 17, 170, 253, 254, 259.
 - письменный — 83.
 - полабский — 258.
 - польский — 29, 32, 38, 49, 51—53, 56—61, 64, 78, 81, 88, 91, 93, 99, 100, 114, 117, 118, 123, 126, 129, 131, 136, 146, 153, 165, 172, 173, 179—182, 187, 189, 191, 193, 194, 197, 203, 205, 216, 219—223, 225—232, 239, 241, 242, 244, 245, 252—271, 273—275, 278, 279, 281—284.
 - польско-латинский — 203.
 - прусский — 261.
 - родной — 99.
 - русский — 15, 29, 31, 32, 44, 46, 47, 51, 52, 54, 56—60, 63, 70, 72, 78, 79, 82—85, 90, 92, 93, 96, 97, 99, 102, 108, 112, 114—116, 118, 119, 122, 131, 139, 140, 147, 151, 153, 159, 163, 167, 170, 172—181, 184—191, 193—199, 201—205, 211, 216, 217, 219—221, 224—227, 229, 238, 240, 243—256, 260—266, 268—270, 273, 274, 287.
 - древний (древнерусский) — 65, 83, 85, 89, 94, 97, 98, 111, 112, 114, 130, 131, 140, 148—151, 155, 157—159, 171—174, 176, 187, 190, 200, 222, 245.
 - летописный — 122, 151, 219, 258, 267.
 - литературный (книжный, письменный) — 31, 37, 51—54, 56, 57, 59,

- 70, 80, 82—85, 87, 89, 90, 97, 99, 107, 108, 114, 149, 150, 158, 165, 172—174, 178, 179, 181, 182, 184, 186, 190, 194, 202, 204, 217, 222, 224, 228, 229, 232, 252, 254, 255, 262, 266, 286.
- Язык русский народный — 30, 48, 54, 82, 116, 194, 197, 262, 266.
- — новый — 54, 98, 154, 208, 209, 235, 245.
- — прежний — 89.
- — простонародный — 114, 229.
- — позднейший — 70, 76, 104, 114.
- — разговорный — 70, 72, 161.
- — современный (теперешний) — 13, 48—52, 54, 60, 65, 66, 69, 72, 78, 80, 83, 89, 94, 98, 99, 100, 112, 121—124, 129—131, 135, 139, 140, 146, 150, 152, 153, 155—157, 158, 175, 200, 219, 225, 227, 231, 239, 240, 249, 251, 253, 254, 259, 260, 263, 267—269, 271, 286.
- — старинный (старый) — 48, 51, 54, 55, 83, 97, 111, 112, 124, 129—131, 139, 156, 158, 172, 173, 180, 194, 216, 225, 227, 229, 231, 238, 240, 253, 254, 262, 267, 268 (см. язык старорусский).
- санскрит — 34, 36, 39, 40, 43, 61, 62, 74, 95, 138, 141, 160, 168—172, 174, 186, 187, 202, 222, 223, 239, 242, 243, 253, 255, 256, 258, 268—270, 272, 273, 275, 290.
- севернорусский — 90, 222, 285.
- сербо-славянский — 140.
- сербо-хорватский — 231.
- сербский — 15, 29, 30, 32, 38, 40, 41, 44—46, 52, 54, 56, 59—61, 63, 82, 88, 91, 93, 95, 99, 100, 107, 108, 115—120, 122, 133, 136, 144, 150, 159, 178—180, 183—188, 193, 194, 197, 208, 209, 216, 218—220, 222—224, 229—231, 233, 242, 244, 250, 252—257, 259—265, 267, 168, 270, 271, 273, 276, 279, 283, 285, 287, 289.
- славено-литовский — 170, 178.
- славянский — 34—36, 40, 44, 45, 47, 48, 55, 59, 63—65, 75—77, 89, 98, 100, 125, 126, 131, 132, 135—138, 141, 142, 144, 145, 158, 169, 172, 174, 185—187, 191, 242, 256, 260, 268, 270, 273, 275.
- словацкий — 127, 228, 242.
- словинский — 79.
- средне-верхненемецкий — 132, 135, 137, 238.
- Язык среднелатинский — 253.
- старопольский — 193, 227, 230, 256, 284.
- Язык старорусский — 15, 83, 131, 146, 222, 231, 239, 241, 246, 252, 259, 265, 266 [см. язык русский старинный (старый)].
- старосербский — 232, 289.
- старославянский — 31, 50, 52, 54, 60, 61, 82, 122, 130—134, 136, 138, 140, 149, 151, 158, 159, 161, 170—172, 174, 176, 189, 208, 219, 222, 223, 231, 232, 239, 241, 252, 254, 256, 258—263, 268, 270, 273—275, 283—284, 290.
- старочешский — 255, 284.
- украинский — 15, 17, 21, 26—28, 30—33, 38, 43, 44, 46, 47, 51—53, 55, 57, 59—61, 65, 70, 72, 74, 79, 80, 82, 83—85, 88, 90—93, 99, 100, 101, 111, 113—117, 122, 126, 129, 131, 139, 147, 149, 162, 165, 172—174, 176—185, 188—197, 202—205, 208, 209, 211—213, 217, 218, 220, 222—224, 226—231, 236, 239—241, 244—246, 248—256, 258—270, 272—274, 280, 282—284, 289.
- формальный — 96.
- французский — 204, 244, 268.
- хорватский — 117.
- хоруганский — 179, 197, 222, 223, 225, 226, 239, 242, 252, 258, 261, 262, 269, 283, 285.
- церковнославянский — 51, 54, 83, 173, 197, 211, 245, 246, 249, 287.
- церковный — 59.
- чешский — 44, 52—54, 56—60, 64, 81, 82, 85, 89, 93, 99, 100, 131, 144, 146, 147, 150, 163, 165, 177, 178, 179, 180, 181, 184, 189, 191, 193—195, 197, 203, 208, 219—223, 225—230, 232, 239, 242, 252—254, 258, 260—267, 269, 273—275, 282—284.
- чужой — 97.
- южнорусский — 283.
- Языки германские — 45, 132, 169.
- древнеславянские — 175, 176.
- западные — 199.
- индоевропейские — 74, 76, 94, 137, 168, 169.
- индороманские — 170.
- неславянские — 191, 199, 206.
- романские — 178.
- скандинавские — 258.
- славянские — 34—36, 39, 74, 99, 114, 117, 121, 138, 161, 169, 170, 172, 174, 179, 187, 191, 201, 202, 206, 222, 223, 231, 243, 245, 246, 265.
- Языковедение — 13, 24, 77.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
От редакции	3
Предисловие	5

ГЛАГОЛ

I. Деление глаголов на виды

§ 1. Критический обзор литературы о видах (Востоков, Юрий Крижанич, Ломоносов, Шафранов, Болдырев, Давыдов, Павский)	13
§ 2. О влиянии предлогов на виды	25
§ 3. До какой степени так называемый вид составляет особенность славянских языков	34
§ 4. Виды и категория длительности в глаголах	46
§ 5. Совершенство и несовершенство глаголов	62
§ 6. Различение степеней длительности	74
§ 7. Значение глаголов 3-й степени	83
§ 8. К различению степеней	88

II. Времена

§ 9. Есть ли времена в русском языке?	93
§ 10. Настоящее глаголов совершенных в значении прошедшего времени	104
§ 11. Формы совершенные для означения конкретного действия из ряда многих обычных	105
§ 12. Причастие на -л- в значении совершенном (при остальных формах несовершенных)	106
§ 13. Будущее совершенное в повествовании о прошедшем, по отношению к временам прошедшим и настоящим	107
§ 14. Действие прошедшее	108
§ 15. Употребление будущего совершенного простого в сербском языке	116
§ 16. Настоящее в немецком языке	120
§ 17. Значение формы настоящего времени в старинном языке	121
§ 18. Будущее время	138
§ 19. Времена в древнерусском языке (преходящее и аорист), потерянные в современном языке	140
§ 20. Аорист, его значение и формы	151
§ 21. Причастия и деепричастия настоящего времени вместо прошедшего	161
§ 22. Формы глаголов несовершенных в значении совершенных. Причастия (деепричастия) прошедшего времени	166

III. О наклонениях

§ 23. Есть ли наклонения в русском языке?	167
§ 24. Образование повелительного наклонения в славянских языках	174
§ 25. Употребление повелительного наклонения	178
§ 26. Замена и описание форм повелительного наклонения	185
§ 27. Глагольные частицы и повелительное наклонение	187

IV. Залоги

§ 28. О делении глаголов на залоги	197
§ 29. Страдательный залог	201
§ 30. Глаголы с -ся	207

МЕСТОИМЕНИЕ

		Стр.
1.	<i>Кто, что</i> — как существительные атрибутивные	215
2.	<i>Он, ии</i> и др.	219
3.	Повторение существительного при местоимениях (личных, указательных, относительных)	232
4.	Местоимения 3-го лица	235
5.	Отсутствие местоимения указательного в украинском	236
6.	Плеонастичность местоимения, указывающая на паратактичность речи	237
7.	Местоимения <i>свой, чи, люб</i> и др.	238

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

1.	Древнейшие значения числительных в русском языке	243
2.	Деление числительных	246

ПРЕДЛОГ

1.	Предлог <i>от</i> (<i>отъ, ото</i>)	252
2.	Предлог <i>до</i>	262
3.	Предлог <i>проти</i>	268
4.	Предлог <i>про</i>	270
5.	Предлог <i>при</i>	271
6.	Предлог <i>раз, роз</i>	271
7.	Предлог <i>с</i> (<i>съ</i>)	272
8.	Предлог <i>у, х</i>	272
9.	Предлог <i>о</i>	276
10.	Предлог <i>по</i>	277
11.	Предлог <i>без</i> (<i>безъ</i>) (= <i>не</i>)	278
12.	Предлог <i>на</i>	278
13.	Предлог <i>из</i> (<i>изъ</i>)	280
14.	Предлог <i>в</i> (<i>въ</i>)	280
15.	Предлог <i>прок</i> (<i>прокъ</i>)	281
16.	Предлог <i>за</i>	281
17.	Предлоги <i>перед</i> (<i>передъ</i>), <i>преди</i> ; <i>прек</i> (<i>прѣкъ</i>)	283
18.	Предлог <i>пере-</i>	284
19.	Предлог <i>возле</i> (<i>възлѣ</i>)	285

ПРИЛОЖЕНИЕ

I.	Словорасположение в сочетании аппозитивном	286
II.	Разряды глаголов	290
	Список использованной литературы и сокращений	291
	Указатель имен	302
	Предметный указатель	305